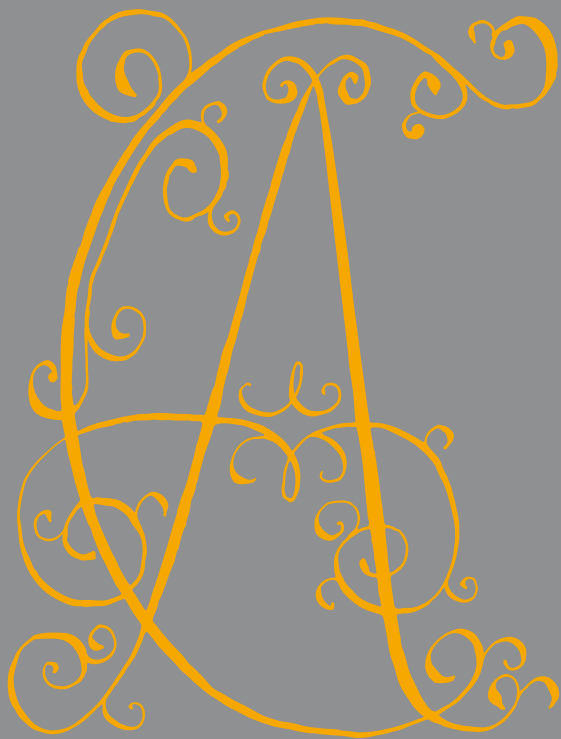

Славянский АЛЬМАНАХ

ISSN 2073-5731
e-ISSN 2782-4411

Slavic
ALMANAC

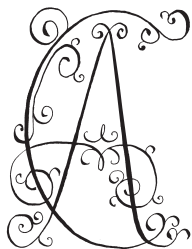
1-2·2026

Институт славяноведения РАН

Славянский АЛЬМАНАХ

1-2 · 2026

Slavic
ALMANAC

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2026

УДК 94(367)
ББК 63.3(4)
С 47

Славянский альманах 2026. – Вып. 1–2 /
глав. ред. К. В. Никифоров. – М.: Индрик, 2026. – 544 с.

ISSN 2073-5731
e-ISSN 2782-4411

DOI 10.31168/2073-5731.2026.1-2

Очередной выпуск «Славянского альманаха» (№ 1–2 за 2026 г.) отражает основные направления комплексных научных исследований в области славяноведения. Издание включает статьи и материалы по актуальным проблемам истории славянских народов, лингвистики, этнолингвистики, литературоведения, истории культуры и истории науки. Хронологический охват материалов – от Средневековья до современности. Издание рассчитано как на специалистов, так и на широкий круг читателей.

УЧРЕДИТЕЛЬ: Институт славяноведения РАН
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

Адрес: 119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А
Институт славяноведения РАН
Тел.: +7 (495) 938-17-80
Сайт: slavicalmanac.ru
E-mail: slav-almanakh@yandex.ru

Периодичность: 4 номера в год
Тираж: 500 экз.
Издается с 1997 г.

© Институт славяноведения РАН, 2026
© Коллектив авторов, 2026
© Издательство «Индрик», 2026

Slavic Almanac 2026. Issues 1–2 /

Nikiforov K. V., Editor-in-Chief. – Moscow: Indrik, 2026. – 544 p.

ISSN 2073-5731

DOI 10.31168/2073-5731.2026.1-2

e-ISSN 2782-4411

This issue of “Slavic Almanac” (1–2, 2026) reflects the main directions of complex academic Slavic studies. The edition includes articles and materials on the history of Slavic peoples, linguistics, ethnolinguistics, literary studies, history of culture and history of science. The chronological span of the publications is from the Middle Ages to date. The issue will interest both researchers and a wide range of readers.

FOUNDER: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
PUBLISHING HOUSE “INDRIK”

Address: 119334, Moscow, Leninsky Prospect, build. 32-A
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
Phone: +7 (495) 938-17-80
Website: slavicalmanac.ru
E-mail: slav-almanakh@yandex.ru

Frequency: 4 per year
Circulation: 500 copies
Published since 1997

© Insitute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 2026
© Authors, 2026
© Publishing house “Indrik”, 2026

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Никифоров К. В., главный редактор,
Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Бенич М., Институт хорватского языка, Загреб, Хорватия

Борисёнок Ю. А., Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва, РФ

Вендина Т. И., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Влашич-Анич А., Институт старославянского языка, Загреб, Хорватия

Дзиффер Д., Университет Удине, Удине, Италия

Димич Л., Сербская академия наук и искусств, Белград, Сербия

Женюх П., Университет им. Я. А. Коменского, Братислава, Словакия

Запольская Н. Н., Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва, РФ

Зуппан А., Австрийская академия наук, Вена, Австрия

Кляус В. Л., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Номати М., Славяно-евразийский исследовательский центр
Университета Хоккайдо, Саппоро, Япония

Плотникова А. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Радева В., Софийский университет, София, Болгария

Робинсон М. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Розман А., Университет Любляны, Любляна, Словения

Станков Н. Н., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Старикова Н. Н., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Узеньёва Е. С., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

РЕДАКЦИЯ

Дронов М. Ю., ответственный секретарь,
Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Кирилина Л. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Кочегаров К. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Кучко В. С., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Трефилова О. В., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Усачёва А. В., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Шатько Е. В., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

EDITORIAL BOARD

Nikiforov K. V., Editor-in-Chief, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Benić M., Institute of Croatian Language, Zagreb, Croatia

Borisyonok Yu. A., Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Dimić L., Serbian Academy of Sciences and Arts, Belgrade, Serbia

Klyaus V. L., Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russian Federation

Nomachi M., Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University, Sapporo, Japan

Plotnikova A. A., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Radeva V., University of Sofia, Sofia, Bulgaria

Robinson M. A., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Rozman A., Univeristy of Ljubljana, Ljubljana, Slovenia

Stankov N. N., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Starikova N. N., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Suppan A., Austrian Academy of Sciences, Vienna, Austria

Uzeneva E. S., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Vendina T. I., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Vlašić-Anić A., Old Church Slavonic Institute, Zagreb, Croatia

Zapolskaya N. N., Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Ziffer G., Univeristy of Udine, Udine, Italy

Žeňuch P., Comenius University, Slovak Academy of Sciences, Bratislava, Slovakia

EDITORIAL OFFICE

Dronov M. Yu., Executive Secretary, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Kirilina L. A., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Kochegarov K. A., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Kuchko V. S., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Shatko E. V., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Trefilova O. V., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Usacheva A. V., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Содержание

История

<i>Флоря Б. Н. (Москва)</i> . Лебединские черкасы на Слобожанщине и характер их отношений с соседями и властью	12
<i>Бабоша И. А. (Москва)</i> . Радикально-демократический лагерь польской эмиграции накануне Январского восстания 1863–1864 гг. (по донесениям российского заграничного агента Ю. Балашевича-Потоцкого)	49
<i>Фролова М. М. (Москва)</i> . Миссия полковника Э. Ариона и Сан-Стефанский мирный договор 19 февраля (3 марта) 1878 г.	68
<i>Кирилина Л. А. (Москва)</i> . Фронтовые письма словенских офицеров и солдат, участвовавших в оккупации Боснии и Герцеговины в 1878 г. .	98
<i>Парфирьев Д. С. (Москва)</i> . «Приходится переводить стрелки»: юлианский календарь и петроградское время в завоеванной Галиции (1914–1915 гг.)	120
<i>Родин Д. В. (Москва)</i> . «Вся эта история производит несерьезное впечатление»: проблема установления албано-советских отношений в 1924 г.	135
<i>Кобец О. В. (Смоленск)</i> . Завершение белорусизации в российско-белорусском приграничье в 1930-е гг.	159
<i>Баринов И. И. (Москва)</i> . Белорусская политическая эмиграция в Западной Германии в начале Холодной войны (1945–1960)	178
<i>Безрученко В. И. (Санкт-Петербург)</i> . Балканская региональная историография войны в Боснии и Герцеговине 1992–1995: опыт сравнительного анализа	194
<i>Янь Лэй (Шанцю, Москва)</i> . Война в Боснии (1992–1995 гг.) и реакция России: историография КНР от Дейтонских соглашений 1995 г. до наших дней	217

Лингвистика и этнолингвистика

<i>Чеснокова П., Чесноков И. И. (Волгоград)</i> . Деантропонимные апеллятивы в чешском нелитературном языке	250
---	-----

<i>Каприелова В. В. (Москва)</i> . Синкретизм в лексико-семантической системе сербского литературного языка	260
<i>Поветкина П. Б. (Москва)</i> . Колтун в польской народной культуре XIX – начала XX в.: анализ источников	277

К юбилею Т. И. Вендиной

<i>Шалаева Т. В. (Москва)</i> . Татьяна Ивановна Вендина	298
<i>Ананьева Н. Е. (Москва)</i> . О польской и русской диалектной эпонимике	302
<i>Якушкина Е. И. (Москва), Црняк Д. М. (Баня-Лука)</i> . Вариативность в сербском литературном языке: экавица и иекавица в свете оппозиции «свой – чужой» (на основе высказываний информантов)	316
<i>Варбот Ж. Ж. (Москва)</i> . К реконструкции и этимологии праслав. * <i>čerati</i> ‘идти, шагать’	334

Литературоведение

<i>Либина И. А. (Москва)</i> . Пространство живых и мертвых сквозь призму индивидуальной памяти в романе Веслава Мысливского «Трактат о лущении фасоли»	340
<i>Кожина С. А. (Москва)</i> . Текст против забвения: тема Смерти в творчестве Даниэлы Годровой	351
<i>Мальцев Л. А. (Калининград)</i> . Поэтика «силъвичности» и образ автора в «Дневнике, писавшемся ночью» Густава Герлинга-Грудзиньского	363
<i>Козьмина Е. Ю. (Екатеринбург)</i> . Нарративная структура романа Ежи Сосновского «Фафаруэй, или Апельсиновые пастилки»	375

История культуры

<i>Перетяцько А. Ю. (Ростов-на-Дону)</i> . Стихи донских поэтов-любителей, связанные с Ноябрьским польским восстанием 1830–1831 гг.: подмена реальности литературными клише	388
---	-----

История науки

- Мольнар Л. В. (Будапешт).* Пал Дьёндьёши, лейб-медик Екатерины II
(История карьеры венгерского врача) 410
- Дронов А. М. (Москва).* «Единая югославянская нация
не сформировалась»: хорваты и сербы Габсбургской монархии
в трудах ученых Института славяноведения РАН 423

Публикации

- Белова О. В. (Москва).* Обновления икон на Смоленщине в 1949–1950 гг.:
по материалам Государственного архива Смоленской области ... 457

Обзоры и рецензии

- Ганин А. В. (Москва).* Первая русскоязычная монография о генерале
Р. Д. Радко-Дмитриеве 475
- Стыкалин А. С. (Москва).* Эпоха войн и революций в новой работе
русского историка 486
- Сивенкова Н. В. (Санкт-Петербург).* О новом исследовании
проблем перевода русского субстандарта на болгарский язык ... 499
- Адельгейм И. Е. (Москва).* Инициация и литература 510
- Дронов М. Ю. (Москва).* Мирослав Даниш о Евгении Перфецком 516

Хроника

- Кожина С. А., Лунькова Н. А. (Москва).* Всероссийская научная
конференция с международным участием «V Хоревские чтения.
Автор – герой – нарратор в современных литературах
Центральной и Юго-Восточной Европы» 521
- Дронов М. Ю., Слоистов С. М. (Москва).* Международная научная
конференция «XVIII Чтения памяти митрополита Литовского
и Виленского Иосифа (Семашко)» 533
- Шалаева Т. В. (Москва).* XLII Всероссийское диалектологическое
совещание «Лексический атлас русских народных говоров – 2026» 539

Contents

History

<i>Florya B. N. (Moscow)</i> . The Lebedin Cherkasy in Slobozhanshchina: Their Relationship with Neighbors and the Authorities	12
<i>Babosha I. A. (Moscow)</i> . The Radical Democratic Camp of the Polish Emigration on the Eve of the January Uprising of 1863–1864 (Based on the Reports of the Russian Secret Agent J. Bałaszewicz-Potocki)	49
<i>Frolova M. M. (Moscow)</i> . The Mission of Colonel E. Arion and the San Stefano Peace Treaty, February 19 (March 3), 1878	68
<i>Kirilina L. A. (Moscow)</i> . Letters from the Front by Slovenian Officers and Soldiers Participating in the Occupation of Bosnia and Herzegovina in 1878	98
<i>Parfrev D. S. (Moscow)</i> . “Changing the Hands”: The Julian Calendar and Petrograd Time in Occupied Galicia (1914–1915)	120
<i>Rodin D. V. (Moscow)</i> . “The Whole Story Makes a Frivolous Impression”: the Problem of Establishing Soviet-Albanian Relations in 1924	135
<i>Kobets O. V. (Smolensk)</i> . The End of Belarusization in the Russian-Belarusian Borderlands in the 1930s	159
<i>Barinov I. I. (Moscow)</i> . Belarusian Political Emigration in West Germany at the Dawn of the Cold War (1945–1960)	178
<i>Bezruchenko V. I. (Saint Petersburg)</i> . Balkan Regional Historiographies of the 1992–1995 War in Bosnia and Hercegovina: A Comparative Analysis	194
<i>Yan Lei (Shangqiu, Moscow)</i> . The Bosnian War (1992–1995) and Russia’s Response: Chinese Historiography from the 1995 Dayton Accords to the Present	217

Linguistics and Ethnolinguistics

<i>Chesnokova P., Chesnokov I. I. (Volgograd)</i> . The Deantroponymic Appellatives in the Czech Non-Literary Language	250
--	-----

<i>Kaprielova V. V. (Moscow). Lexical Syncretism in the Lexical-Semantic System of the Serbian Literary Language</i>	260
<i>Povetkina P. B. (Moscow). Koltun in Polish Folk Culture of the 19th – Early 20th Centuries: Source Analysis</i>	277

To the Anniversary of T. I. Vendina

<i>Shalaeva T. V. (Moscow). Tatiana Ivanovna Vendina</i>	298
<i>Ananyeva N. Ye. (Moscow). On Polish and Russian Dialect Eponyms</i>	302
<i>Yakushkina E. I. (Moscow), Crnjak D. M. (Banja Luka). Variability in the Serbian Standard Language: Ekavian and Ijekavian in Light of the “Own – Other” Opposition (Based on Informants’ Statements)</i>	316
<i>Varbot Zh. Zh. (Moscow). On the Reconstruction and Etymology of Proto-Slavic *čepati ‘to go, to step’</i>	334

Studies of Literature

<i>Libina I. A. (Moscow). The Space of the Living and the Dead through the Prism of Individual Memory in <i>A Treatise on Shelling Beans</i> by Wiesław Myśliwski</i>	340
<i>Kozhina S. A. (Moscow). Text Against Oblivion: The Theme of Death in the Works of Daniela Hodrová</i>	351
<i>Maltsev L. A. (Kaliningrad). The Poetics of the “Silvic” and the Image of the Author in Gustaw Herling-Grudziński’s <i>Journal Written at Night</i></i>	363
<i>Kozmina E. Yu. (Ekaterinburg). Narrative Structure of Jerzy Sosnowski’s Novel <i>Fafarulai, or Orange Pastilles</i></i>	375

History of Culture

<i>Peretyatko A. Yu. (Rostov-on-Don). Poems by Don Amateur Poets Related to the November Uprising of 1830–1831: Substituting Reality with Literary Clichés</i>	388
--	-----

 History of Science

- Molnár L. V. (Budapest)*. Pál Gyöngyössi, Physician-in-Ordinary to Catherine II: The Career History of a Hungarian Doctor 410
- Dronov A. M. (Moscow)*. “The united Yugoslavian Nation has not been formed”: Croats and Serbs of the Habsburg Monarchy in the Works of Scientists of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences 423

Publications

- Belova O. V. (Moscow)*. Renewal of Icons in the Smolensk Region in 1949–1950: Based on Materials from the State Archive of the Smolensk Region 457

Reviews

- Ganin A. V. (Moscow)*. The First Russian-Language Monograph on General R. D. Radko-Dmitriev 475
- Stykalin A. S. (Moscow)*. The Era of Wars and Revolutions in the New Work of a Russian Historian 486
- Sivenkova N. V. (Saint Petersburg)*. On a New Study of the Challenges in Translating Russian Substandard Language into Bulgarian 499
- Adelgeim I. Ye. (Moscow)*. Initiation and Literature 510
- Dronov M. Yu. (Moscow)*. Miroslav Daniš on Evgeniy Perfetskiy 516

Chronicles

- Kozhina S. A., Lunkova N. A. (Moscow)*. All-Russian Scientific Conference with International Participation “The V Khorev’s Readings. Author-Hero-Narrator in Contemporary Literatures of Central and Southeastern Europe” 521
- Dronov M. Yu., Sloistov S. M. (Moscow)*. International Scientific Conference “XVIII Readings in Memory of Metropolitan Joseph of Lithuania and Vilna (Semashko)” 533
- Shalaeva T. V. (Moscow)*. XLII All-Russian Dialectological Meeting “Lexical Atlas of the Russian Folk Dialects – 2026” 539

Лебединские черкасы на Слобожанщине и характер их отношений с соседями и властью

Флоря Борис Николаевич
Доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, зав. отделом
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: sredveka_inslav@land.ru
ORCID: 0000-0003-0779-2488

Цитирование

Флоря Б. Н. Лебединские черкасы на Слобожанщине и характер их отношений с соседями и властью // Славянский альманах. 2026. № 1–2. С. 12–48. DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.01

Статья поступила в редакцию 17.03.2025.

Рецензирование завершено 19.06.2025.

Статья принята к публикации 17.03.2025.

Аннотация

В 1660-е гг. на южном пограничье русского государства возникла колония украинских переселенцев – черкас с центром в г. Лебедин. Она стала одним из многих поселений так называемой Слобожанщины – земель на юге России, заселявшихся выходцами с украинских земель, которые образовывали свою автономную административную организацию с делением на полки и сотни. Сохранившиеся архивные документы, ранее не вводившиеся в научный оборот, позволяют детально рассмотреть взаимоотношения сообщества лебединских черкас с местными и центральными властями, а также с соседями-землевладельцами в 1670-е – начале 1680-х гг. При этом в последнем случае ими выступали как русские помещики Путивльского уезда (г. Каменный), так и представитель казацкой старшины Левобережного гетманства – гадячский полковник Михаил Васильев, получивший на Слобожанщине земли по ходатайству дяди – гетмана Ивана Самойловича. Развивая свое хозяйство на Слобожанщине, полковник не искал опоры у местных черкас и не считался с их интересами. Указанные взаимоотношения развивались в первую очередь в рамках конфликта из-за земельных угодий, на которые претендовала

каждая из сторон. Сообщество лебединских черкас занимало в этом конфликте активную позицию, выступая как полноправная часть общества и получая поддержку властей Белгородского разряда в лице князя Г. Г. Ромодановского. Поиск компромисса с учетом интересов всех сторон требовал от центральных властей в Москве значительных усилий и продлился не один год.

Ключевые слова

Гетман Иван Самойлович, русско-украинские отношения, Левобережное гетманство, Слобожанщина, земельная колонизация, лебединские черкасы, гадяцкий полковник Михаил Васильев.

Уже в конце XVI в. на территории России появились поселения «черкас», сохранивших под русской властью свою особую организацию и порядки. Количество таких переселенцев заметно возросло после казачьих восстаний 30-х гг. XVII в., но наиболее массовым было переселение 1650–1660-х гг., когда на Слобожанщине такие переселенцы составляли большинство населения¹.

В результате происшедших перемен на территории Слобожанщины образовался целый ряд казачьих «полков», представлявших собой особые военно-административные округа, где главная власть принадлежала казачьим полковникам. Округа состояли из отдельных поселений-городов, в которых размещались казачьи «сотни» и мещане, имевшие свои особые организации².

Заинтересованное в притоке переселенцев правительство предоставляло им различные привилегии. Главной обязанностью переселенцев была сторожевая и станичная служба, а главной привилегией – право свободного винокурения: как отмечалось в современных текстах, черкасы «податей и никаких доходов не платят и торгуют вином безоброчно»³.

1 О соотношении русского и украинского населения см.: *Звездин З. К.* К вопросу о социальных отношениях на Слободской Украине в конце XVII – начале XVIII в. // Исторические записки. № 39. М., 1952. С. 182–183. Автор пишет о 10 тыс. русских и 100 тыс. украинцев.

2 *Багалея Д. И.* Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887. С. 391 и сл., 421 и сл.; *Слюсарский А. Г.* Социально-экономическое развитие Слобожанщины XVII–XVIII вв. Харьков, 1964. С. 113–114.

3 *Багалея Д. И.* Очерки... С. 449, 450, 456, 491; *Слюсарский А. Г.* Социально-экономическое развитие... С. 118.

Как отмечают исследователи, русские служилые люди таких прав не имели⁴.

Территория, расположенная на границах между Россией и Левобережным гетманством, имела свои особенности. На ней еще до прихода переселенцев отводили земли русским помещикам, и земли казацких «заимок» на переданной им территории соприкасались с русскими поместьями. С другой стороны, на этих землях стали появляться владения левобережных старшин, получивших их от русских властей. Так, гадяцкий полковник Михаил Васильев устроил здесь на полученной им территории слободы⁵.

Д. И. Багалея, а затем А. Г. Слюсарский отметили возникновение ряда конфликтов между черкасами и такими их соседями, но ограничились констатацией фактов⁶. Между тем рассмотрение материалов о таких конфликтах, улаживанием которых занимались органы власти, как местные, так и центральные, позволило бы сделать важные наблюдения не только для понимания отношений между разными социальными общностями на Слобожанщине, но и касательно политики органов власти разных уровней по отношению к территориям с разным составом населения и разной социальной организацией конфликтующих общностей.

С этой точки зрения большой интерес представляет комплекс материалов о конфликтах поселения черкас в Лебедине, городе на территории Сумского полка, с такими его соседями, как русские помещики и видный представитель старшины Левобережного гетманства – гадяцкий полковник Михаил Васильев.

Центром этого поселения был Лебедин, расположенный на территории современной Сумской области Украины, к югу от Сум недалеко от реки Псел, притока Днестра. Недалеко от другой стороны реки проходила граница Левобережного гетманства. Эта колония черкас образовалась в 1658 г., когда был основан г. Лебедин у границы с гетманством. Черкасы ушли на русские земли, не желая подчиняться порвавшему с Россией гетману И. Выговскому, и в дальнейшем образовали часть Сумского полка⁷. О составе общности

4 Багалея Д. И. Очерки... С. 445–447; Звездин З. К. К вопросу... С. 194.

5 Багалея Д. И. Очерки... С. 502.

6 Багалея Д. И. Очерки... С. 422, 459, 502; Слюсарский А. Г. Социально-экономическое развитие... С. 116–118.

7 См. об этом в челобитье лебединских черкас: Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 1. Д. 161. Л. 11.

лебединских черкас и ее верхушке позволяют судить списки жителей Лебедина, которые хотели бы получить царское «жалованье», и таких, кто были убиты или попали в плен. Такие списки поступили в Москву 1 апреля 1669 г.⁸

В составе этой общности как верхний слой выделяются «рядовые казаки» («черкасы служилые»), делившиеся на отдельные военные отряды во главе с сотниками, что указывает на существование у них особой военной организации, характерной для казачества. Наряду с сотниками, стоявшими во главе отдельных отрядов, в списках фигурируют сотники Лаврентий Савченко и Семен Шарбко, у которых нет сотен, и атаман Павел Яковлев⁹. Эти люди, очевидно, стояли во главе всей общности лебединских черкас¹⁰.

Наряду со списком «рядовых казаков» были поданы списки мещан, «которые служат в городе»¹¹. В этих списках неоднократно указываются ремесленные специальности включенных в них людей (особенно много было «швцов»). Наряду с такими людьми в списках убитых и плененных фигурируют «подсосудники» – наемные работники в хозяйствах более зажиточных казаков и мещан¹². Во главе отдельных собраний мещан также стояли сотники, очевидно, и у них имелись какие-то формы военной организации. Мещане составляли основную массу населения Лебедина. Их было гораздо больше, чем «рядовых казаков». Но казацких сотников было 4, а у мещан – только 3¹³. Вместе эти группы людей были «всем городом»¹⁴.

Эти списки можно сопоставить с данными справки о «разборе», проведенном в Лебедине сумским полковником Герасимом Кондратьевым в 1680 г.¹⁵, когда установилось, кто из жителей Лебедина будет исполнять какие обязанности. Жителей насчитывалось чуть более 2 тыс. чел. Их верхний слой делился на казаков «полковые службы»

8 Там же. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. Д. 1204. Л. 1–34.

9 Там же. Л. 2, 34.

10 Л. Савченко и П. Яковлев выступают в этой роли в начале челобитной, поданной царю «всем городом». См.: Там же. Л. 1. В другой челобитной в преамбуле с атаманом фигурируют вместе два сотника (Там же. Л. 34).

11 Там же. Л. 13 и след.

12 Там же. Л. 22–23.

13 Там же. Л. 34, 36, 37, 39, 41, 46, 53.

14 См. преамбулу к челобитной (Там же. Л. 1), где говорится, что ее подают «черкасы служилые», мещане и «все рядовые черкасы всем городом».

15 Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 161. Л. 6 и сл.

(403 чел.) и казаков «городовые службы» (553 чел.). Большую часть жителей составляли мещане (1089 чел.). О положении верхнего слоя населения Лебедина говорит справка о предоставленных этим людям земельных наделах. Атаманам и сотникам выделялось 12 четвертей «в поле, а в дву потому ж», есаулам и знаменщикам по 11 четвертей, всем «рядовым черкасам» по 10 четвертей¹⁶. Этими землями следовало владеть «всем вопче». Таким образом, социальные различия в этой общности были достаточно слабо выражены.

Такие особенности организации украинских поселенцев в Лебедине не представляли чего-либо специфического, и в этом отношении колония лебединских черкас, как представляется, ничем особенным среди других подобных слободских поселений не выделялась. Другие «города» также делились на казаков «полковой» и «городовой» службы и мещан. Особенностью существования этого поселения стал длительный конфликт лебединских черкас с их соседями – русскими помещиками. Связанная с этим конфликтом переписка позволяет судить о положении черкас в смешанном обществе Слобожанщины, об отношении к просьбам и действиям лебединцев местных и центральных органов власти.

После основания Лебедина в 1659 г. А. Иевлев произвел описание территории, переданной для использования черкасам – жителям Лебедина. Он составил описание выделенных им земель и провел ее отмежевание от соседних Сумского, Алешенского и Каменовского уездов.

Принятые при этом решения стали в дальнейшем источником длительного и ожесточенного конфликта между лебединскими черкасами и их соседями – русскими детьми боярскими из Каменного. Указанный конфликт стал предметом забот и местных органов власти Белгородского разряда, и центральных правительственных учреждений в Москве.

Среди переданных черкасам земель были земли «по той стороне реки Псла против Лебединской земли на две версты»¹⁷. Отмечалось, что черкасы будут «владеть тою землею и санными покосы и лесом хоронным и дровяным, и рыбными, и звериными ловлями, и всякими угоды во всем вопче»¹⁸. Это делало общность черкас единой в отстаивании прав на переданную ей территорию. Как позднее сообщали

16 Там же. Л. 8.

17 См. такое определение объекта спора в челобитье черкас (Там же. Д. 156. Л. 70).

18 Там же. Д. 163. Л. 8–9.

лебединцы, установления границ за Пслom при этом не проводилось, так как там «неприятельские люди были»¹⁹ – войска Выговского и татары. Так все земли за Пслom по «скасам лебединских знатных людей» были переданы черкасам без описания, поскольку там «дикое поле, деревень и селищ нет никаких и земли пахотные нет»²⁰. Это решение и стало затем источником конфликтов. Дело в том, что на соседней территории с центром в г. Каменном воевода Ф. Арсеньев в 1651 г. отвел русским помещикам – переселенцам из «розных городов» земли за р. Псел. В частности, в с. Присталове 23 чел. получили по 20 четвертей в поле, 10 чел. – по 10 четвертей, в Черленой Поляне – 32 чел. по 20 четвертей²¹. С приходом «неприятеля» эти поселения были, судя по всему, заброшены, и опустевшую землю получили черкасы.

По-видимому, в условиях войны с И. Выговским А. Иевлеву удалось избежать сопротивления при составлении его книг, но уже в 1660-е гг. начались споры о границах. Важный материал на эту тему содержит челобитье, которое подали лебединцы «всем городом» во главе с сотником Г. Волошенином и атаманом П. Коваленко²². В 1666 г. они просили о межевании «от Каменова». Для межевания были присланы дворяне из Белгорода и Путивля, Василий Гринев и Кузьма Литвинов. В. Гринев и сумской полковник Герасим Кондратьев «межи и границы чинили» по книге А. Иевлева. Когда состоялась их встреча с детьми боярскими из Каменного у р. Боровенки, то каменовцы «тое между оспорили», ссылаясь на книги, составленные «до строенья... города Лебедина». Подлинность этих книг лебединцы не отвергали, но они подчеркивали, что переданное каменовцам «дикое поле» лежало «в пуге и лишь когда эта земля была к Лебедину отведена», то его жители «тое землю распахали и сенные покосы расчистили»²³. В итоге «по той де меже каменовские старожилцы не поехали и граней не положили»²⁴. Но дело не ограничивалось спорами перед посланцами. В челобитной подчеркивалось, что к лебединцам от каменцев исходят «налоги и обыды, и грабеж, и убийственное дело», они лебединцев «бьют и грабят, кони и волы, и коровы, и всякую животину и маетность, зипуны и шубы, и шапки снимают,

19 Там же. Д. 161. Л. 7.

20 Там же. Л. 181–182.

21 См. выписи из книг Ф. Арсеньева (Там же. Л. 142–146).

22 См. преамбулу челобитной: Там же. Ф. 210. Оп. 12. Д. 595. Л. 108.

23 Там же. Л. 108–109.

24 Там же. Д. 611. Л. 135.

и нагих пушают»²⁵. Вряд ли можно сомневаться, что и лебединцы отвечали подобными же действиями. Таким образом, уже в середине 1660-х гг. дело дошло до своего рода «малой войны» между лебединскими черкасами и каменовскими помещиками на Слобожанщине у границы с Левобережным гетманством. Лебединцы просили прислать для установления границ «дворянина» из Москвы. Они прислали в Москву «выпись» из книг А. Иевлева (описание спорной земли), скрепленную его подписью и печатью²⁶.

Какую же позицию заняла по отношению к сложившейся ситуации центральная власть? Об этом дает представление текст грамоты, отправленной в Белгород князю Ю. Н. Бярятинскому 30 апреля 1667 г.²⁷ Предлагалось выслать для проведения межеванья дворян из Белгорода и Путивля. К воеводе был отправлен список «выписи», привезенной лебединцами «для отводу и межеванья». Очевидно, этим документом следовало руководствоваться. Предписывалось, чтобы соответствующие земли «отмежевали нынешние весны вскоре, не испустя пашенные поры... и не описываясь к нам». Принимались во внимание интересы лебединцев, распахавших эти земли. Очевидна готовность центральной власти пойти навстречу пожеланиям черкас. Об этом имеются и другие свидетельства. В грамоте воеводы М. Волынского из Путивля содержится пересказ царской грамоты, пришедшей в Путивль 17 июня 1667 г., с предложением выслать двух дворян вместе с дворянами из Белгорода и с представителями Каменного, Лебедина и Сум «меж городами Каменова и Лебедина земель досмотрить». Ему был также послан список с «выписи» с указанием «велети по той выписи между положить от Каменова к Лебедину»²⁸. Как сообщал М. Волынский, 19 июня он отправил в Каменное своих дворян, которые находились там до конца июля, но съезд так и не собрался, а тем временем лебединцы «на тех на спорных землях хлеб пожали и сена покосили»²⁹. Таким образом, лебединцы удержали спорные земли. Силы сторон были не равны. По справке 1666 г. в Каменном было дворян и детей боярских «конных с ружьем» 164 чел., «пеших» – 84 чел.³⁰

Положение на территориях, граничивших с Левобережьем, осложнилось с выступлением левобережного гетмана И. Брюховецкого

25 Там же. Д. 595. Л. 109.

26 Там же. Л. 110–115.

27 Там же. Л. 116–122.

28 Там же. Л. 156–157.

29 Там же. Л. 157–158.

30 Там же. Д. 611. Л. 15.

и казацкой старшины против русской власти. Конец 60-х гг. XVII в. был для колонии черкас в Лебедине трудным временем. О тяжелом положении, в котором оказались черкасы Лебедина, «до конца разоренные», говорилось в упомянутой выше челобитной, поданной на имя Алексея Михайловича 1 апреля 1669 г. В предшествующем году «с первой недели Великого поста» жители Лебедина сидели в осаде «от... государевых изменников черкас и от крымских татар». Город отстояли, но «животинные и конские стада отогнали», поэтому жители «весною... хлеба ярового не сеяли», а в октябре противники «забрали последнюю животину и лошади, разорили без остатку». Лебединцы просили о срочной выдаче царского «жалованья»³¹.

Есть основания полагать, что в тяжелом положении в этой ситуации оказались и обитатели Каменного. В этих условиях пограничные споры не могли выйти на первый план. Когда положение стабилизировалось, споры возобновились. Границы были проведены, но дети боярские из Каменного их не признавали. В 70-е гг. XVII в. по приказам командующего Белгородским разрядом Г. Г. Ромодановского посылались вслед за В. Гриневым целый ряд дворян (И. Сомов, М. Золотарев, П. Каменев, Я. Шишков) для «досмотру и розъезду»³². В условиях, когда власти и «разряда», и Москвы считали авторитетными книги А. Иевлева, дети боярские из Каменного ничего не могли добиться. Этим объясняется то, что Я. Шишкову представители помещиков Каменного подали «скаска... что им с лебединцами впредь по Обакумову отводу Иевлева в земле не спорить»³³.

Открытого спора, возможно, и не было, но практика каменовцев, как увидим далее, этим заявлениям не соответствовала. Возможно, сильно пострадавшие в конце 1660-х гг. лебединцы не сразу собрались дать отпор противникам. Г. Г. Ромодановскому, главе Белгородского разряда, 8 ноября 1677 г. в Курске в разрядной избе подали челобитную из Лебедина сотник Софрон Васильев, атаман, войт «и казаки, и пушкари, и мещане всем городом» с просьбой о подтверждении их прав на территорию, переданную им по книгам А. Иевлева, так как каменовские жители «владеют насильством в лебединских дачех»³⁴. Тогда на спорные земли в начале 1678 г. был отправлен из Курска майор Дмитрий Мокналов. Он «каменовцам, которые поселились за межою

31 Там же. Д. 1204. Л. 1.

32 Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 161. Л. 177.

33 Там же.

34 Там же. Л. 273–274.

в Лебединском уезде, тою землею... владети не велел». Сохранившаяся выпись из книг Д. Моконалова позволяет судить о некоторых существенных особенностях того, как происходило установление границ³⁵. О расположении границ глава лебединцев, сотник Софрон Васильев, «со всем городом» подали Д. Моконалову «скаску» «на меже». Одновременно «каменовские... старожильцы... на межу в то время не выезжали». Это обосновывалось обязательством каменовцев, данным Я. Шишкову, отказаться от спору «против... розъезду» А. Иевлева. После установления границ Д. Моконалов передал спорную землю сотнику Софрону, атаману Ефиму Григорьеву, войту Федору «и казакам всему городу». Майор, очевидно, следовал указаниям главы Белгородского разряда Г. Г. Ромодановского. 21 февраля он передал результаты своей работы командующему³⁶. Однако в феврале последовали новые челобитья лебединцев о том, что каменовцы «учинились непослушны на той их черкасской даче и ныне живут... владеют насильством»³⁷. В одной из челобитных указывалось, что помещики из Каменного их «изгоняют и бьют... грабят и мельницу раскопали». На занятой земле помещики селят «братью черкас за себя в работу»³⁸. Эти утверждения составителей челобитной можно подкрепить записанными позднее признаниями таких черкас-пришельцев, что каменовцы «призвали» их «себе во крестьянство»³⁹, и они обязывались «пашню пахать и сена косить, и оброк давать»⁴⁰. По-видимому, соседство с казацкой колонией в Лебедине привело к тому, что отношения помещиков и крестьян осложнились. Как указывалось в челобитной лебединцев, если кто-то хочет «пойти в Лебедин на житье», то «у них волы и коровы, и всякую животину грабят»⁴¹.

Получив такие челобитные, Г. Г. Ромодановский 27 февраля 1678 г. отправил на спорные земли стрелецкого голову Карпа Мезенцева. В грамоте Г. Г. Ромодановского царю четко были очерчены возложенные на стрелецкого голову задачи. Он должен был «детям боярским из Каменново от их Лебединской земли и от всяких угодий отказать» и их «сослать в Каменской уезд»⁴². Таким образом, в земельном споре помещиков

35 Там же. Л. 69–75.

36 Там же. Л. 267, 274.

37 Там же. Л. 267.

38 Там же. Л. 148.

39 Там же. Л. 45, 120, 158.

40 Там же. Л. 148.

41 Там же.

42 Там же. Л. 268.

и черкас Ромодановский решительно встал на сторону последних. 25 марта К. Мезенцев сообщил главе Белгородского разряда, что поставленные задачи выполнены, и подал составленные им книги⁴³.

Отписки каменовского головы Василия Люшина и челобитья каменовских детей боярских показывают, как указания Г. Г. Ромодановского исполнялись на практике. Помимо отряда стрельцов, К. Мезенцев опирался на поддержку пришедших вместе с ним на спорные земли лебединских черкас во главе с сотником Софроном Васильевым. Детей боярских «всех до одного... з дворов выгнали и в избах двери выломали... и животы и статки у них пограбили». Дети боярские «ныне стоят в поле», а когда пытаются вернуть имущество, «их бьют и куют, и в Лебедин отсылают». В. Люшин предлагал Ромодановскому «против челобитья каменовских жителей» «распросить» Карпа Мезенцева «про грабеж лебединских черкас и сыскать»⁴⁴.

Имеющиеся свидетельства раскрывают еще один важный аспект происходивших событий. На сторону лебединских черкас перешли черкасы – крестьяне помещиков. Проведенное позднее следствие зафиксировало признания крестьян, что они «слушали во всем» сотника Софона, а «помещиков своих не слушали, их ис того поместья изгоняли и розоряли»⁴⁵. Между этими двумя сторонами наступил полный разрыв отношений. Как жаловались дети боярские, эти черкасы не отдают им из их дворов «хлеба и всякой рухляди», а позднее и «сеяного хлеба те черкасы жать не дали»⁴⁶. Как сообщал Г. Г. Ромодановский в Москву, в описанных К. Мезенцевым селах «живут черкасы многие люди, человек с триста и болши», и в отличие от детей боярских К. Мезенцев разрешил им остаться на месте. Более того, в их положении произошли изменения. Как сообщал Ромодановский в Москву, по его указаниям голова из Лебедина Гаврила Малышев и сумской полковник Герасим Кондратьев из этих черкас – крестьян каменовских помещиков «написали в казаки» 83 чел., «в мещане» – 224 чел⁴⁷. Таким образом, по инициативе главы Белгородского разряда черкасы, пришедшие «во крестьянство» к русским помещикам, были освобождены от этой зависимости и превратились в полноценную часть военно-служилого казацкого сословия. Это сопровождалось

43 Там же. Л. 268–269.

44 Там же. Л. 118–118 об., 144.

45 Там же. Л. 120.

46 Там же. Л. 101, 144.

47 Там же. Л. 269–270.

образованием здесь обычных для казацкой организации структур. В проведенном позднее следствии упоминаются атаманы и войты в отдельных поселениях таких казаков на спорной земле⁴⁸.

Одновременно с действиями Г. Г. Ромодановского в Москве также пытались положить конец конфликту. В ответ на жалобы, представленные лебединским атаманом Гаврилой Тимофеевым, ему 24 февраля были вручены грамоты в Путивль, Лебедин, Сумы, Олешню и Каменное. В них предлагалось с участием «приказных людей» из этих городов провести на спорной земле межевание «по Обакумовым книгам Иевлева»⁴⁹. Речь шла, таким образом, как и ранее, о подтверждении существовавшего порядка: «межи и грани досмотреть по межевым Обакумовым книгам Иевлева»⁵⁰. При этом, однако, были сделаны указания получить ответы на ряд вопросов. Так, по-видимому, по инициативе лебединцев следовало выяснить, откуда пришли на спорные поселения черкасы и «по какому... указу». Но вместе с тем теперь следовало заняться и вопросом о том, как составлялись книги А. Иевлева «и в то ж время спор в той земли был ли, и чем хто спорил»⁵¹. Таким образом, не исключалась возможность и некоторого пересмотра порядков, установленных книгами А. Иевлева, с учетом интересов помещиков. Как представляется, эти обстоятельства повлияли на судьбу задуманного проекта. Если каменовцы проявили явный интерес к организации такого съезда⁵², то иной оказалась позиция лебединцев. Грамоты о созыве съезда были отправлены «с лебединскими черкасы с челобитчики»⁵³. Как утверждали позднее дети боярские из Каменного, грамоты эти в соответствующие города не были отправлены⁵⁴. Это было не совсем так – соответствующие грамоты 9 марта были отправлены⁵⁵. Но элемент истины в их утверждениях был. В созыве съезда, который мог бы поставить под сомнение книги А. Иевлева, в Лебедине, конечно, не были заинтересованы. К тому же к тому времени, когда посольство лебединцев вернулось из Москвы, благодаря действиям Г. Г. Ромодановского открылись возможности для достижения желанной цели, не прибегая к созыву съезда.

48 Там же. Л. 120, 126, 175.

49 Там же. Д. 163. Л. 265; Д. 161. Л. 53, 57.

50 Там же. Д. 161. Л. 242 об.

51 Там же. Л. 176, 178, 239.

52 Там же. Л. 65–66.

53 Там же. Л. 242.

54 Там же. Л. 53.

55 Там же. Л. 39.

Если в произошедших событиях Г. Г. Ромодановский последовательно поддерживал черкас, то иной оказалась позиция центральной власти. Очевидно, что на бояр произвели отрицательное впечатление жалобы каменовцев на тяжелое положение, в котором они оказались после действий К. Мезенцева и насилий черкас. Г. Г. Ромодановскому, следуя за предложениями В. Люшина, предлагалось «стрелецкого голову роспросить», после чего «про грабеж лебединских черкас» князь должен был «розыскать всякими сыски накрепко и разоренья» каменовцев «досмотреть». В Разряд следовало доставить «роспросные речи» головы и «сыск»⁵⁶. Любопытно, что перевод черкас – крестьян русских помещиков на казацкую службу при этом никак не затрагивался ни в данном документе, ни в последующих.

Так как в Москве не разделяли позиции Г. Г. Ромодановского, центральной власти приходилось искать собственное решение. 22 августа путивльский воевода Ф. Хрущов был поставлен в известность о том, что до принятия решения спорной землей должны владеть каменовцы. Лебединцам следует сообщить, что для решения спора будет устроен розыск, когда воеводы возвратятся из похода⁵⁷. Затем последовало распоряжение воеводе до «указа» передать спорную землю каменовцам, а лебединцам ею «не владеть». А посеянный хлеб следует собрать каменовцам, так как лебединцы на занятой ими земле «хлеб сеяли самовольством, не дождався указу»⁵⁸. Вместе с тем 4 ноября отмечалось, что не следует отдавать «лишние земли», которая должна быть передана черкасам⁵⁹. Так рассчитывали, видимо, уладить конфликт.

Тем временем 5 ноября из Курска в Москву были присланы межвые книги Д. Маконалова и К. Мезенцева⁶⁰. Тогда же Г. Г. Ромодановский сообщил, что он установил границы и следует «тою землею владети лебединским черкасом сотнику Софрону Васильеву да отаману Ефиму Григорьеву да войту Федорову и казакам, и всему городу Лебедину». Но на намерения центральной власти эти шаги не повлияли. 28 ноября 1678 г. было принято решение думных дьяков, устанавливавшее условие сосуществования сторон до указа⁶¹. Каменовцам,

56 Там же. Л. 60.

57 Там же. Л. 16.

58 См. об этом в отписке Ф. Хрущова (Там же. Л. 163). Если лебединцы распахивали здесь «дикое поле», они должны были отдать каменовцам половину урожая (Там же. Л. 409).

59 Там же. Л. 301 и след.; л. 36.

60 Там же. Л. 80.

61 Там же. Л. 1–3.

«которые в тех слободах поселились», предоставлялось право там «жители им по прежнему до указу» и «посеяной хлеб жатьи им». Леса за Пслем стороны могли пользоваться совместно. Так, по существу, подтверждались решения, принятые уже в августе. В дальнейшем «о всем по розыску учинено будет», когда воеводы «ис полков будут». В Лебедин Г. Малышеву была отправлена грамота с сообщением о принятых решениях⁶². Таким образом, в центре ориентацию Г. Г. Ромодановского на поддержку черкас г. Лебедина не поддержали. Было принято решение взять под защиту пострадавших помещиков. Вместе с тем о каких-то карательных мерах по отношению к лебединцам и их главе, сотнику Софрону Васильеву, на основании жалоб каменовцев речи не было. По-видимому, в Москве склонялись к тому, чтобы погасить конфликт благодаря разделу спорной территории между каменовцами и лебединцами.

С осуществлением задуманного плана возникли серьезные трудности, о чем в Москве узнали из отписки Ф. Хрущова, полученной 7 декабря. В ней воевода сообщал, что отправил на спорную землю стрелецкого голову Сергея Чубарова. Он должен был «до указу» «выслать» лебединских черкас, передать каменовцам спорную землю и дать им возможность сжать на ней хлеб⁶³.

В поездке с С. Чубаровым был отряд стрельцов, приказный человек из Каменного В. Люшин и помещики-каменовцы. Как сообщал Ф. Хрущов, С. Чубаров пытался добиться поставленных целей. Он объявил, что спорная земля передается каменовцам, как и хлеб на их наделах, а хлеб, собранный лебединцами на «диком поле», следует поделить между каменовцами и лебединцами. Но он сразу столкнулся с сопротивлением. Хлеб был уже собран, но черкасы «для переписки всякого хлеба на гумна с ним не пошли» и отказывались сообщить, «кто что и где посеял»⁶⁴.

19 октября голова В. Люшин из Каменного писал в Лебедин местному голове Г. Малышеву, сообщая, что на спорной земле «велено жить каменовцом» и он должен черкас «унять». В тот же день С. Чубаров поехал в спорные села, чтобы черкас «выслать»⁶⁵. Сохранился целый ряд сообщений, что С. Чубаров столкнулся с вооруженным сопротивлением. Черкасы Чубарова и стрельцов в села «не пустили...

62 Там же. Л. 3а, 5.

63 Там же. Л. 163, 179.

64 Там же. Л. 166–168.

65 Там же. Д. 163. Л. 103–104.

били цепами и ослопьем и гоняли за ними с ружьем и з бердыши»⁶⁶. При этом приехавших с С. Чубаровым помещиков «били смертным боем и грабили»⁶⁷. В итоге С. Чубаров и стрельцы «отошли от них, боронясь, до Каменного»⁶⁸. Помещиков черкасы захватили и доставили в Лебедин, откуда они «биты и сечены» возвратились в конце октября в Каменное⁶⁹.

Ряд свидетельств говорит об активном участии в событиях не только приезжих лебединцев во главе с Софроном Васильевым, но и черкас – жителей сел, бывших крестьян русских помещиков.

Главное столкновение С. Чубарова и его спутников с черкасами состоялось у с. Присталова. Как отмечено в одном из свидетельств, «били де его, Сергея, и присыльных людей... села Пристайлова все жители»⁷⁰. Согласно имеющейся справке, в Присталове было 17 дворов помещиков и 174 двора черкас, которые поселились «на их поместных землях»⁷¹. Ряд подробностей происходившего можно узнать из челобитий, подававшихся позднее каменовцами прибывшему представителю центральной власти – князю И. Н. Белосельскому. Так, выясняется, что эти черкасы дворы помещиков, у которых они жили, «пожгли без остатку»⁷². В челобитье помещиков из Присталова на черкас – «бывших своих повольных крестьян» говорилось, что те «помещиков... бив и связав, отвезли в Лебедин»⁷³. Помещики обвиняли бывших крестьян и в грабеже их «животов» во время волнений после приезда С. Чубарова⁷⁴. Помещики обвиняли «черкас, которые живут с ними в тех деревнях, в бою и в грабеже, и в поругательстве и разоренье»⁷⁵. Как видно из отписок каменского головы В. Люшина, поездка из Путивля на спорные земли вызвала отрицательную реакцию князя Г. Г. Ромодановского. Он предписал и В. Люшину, и С. Чубарову «лебединских черкас не высылать, и хлеба у них не переписывать», а Чубарову вернуться в Путивль⁷⁶. Одновременно боярин писал в Лебедин Г. Малышеву,

66 Там же. См. также: Там же. Д. 161. Л. 81, 180; Д. 163. Л. 146.

67 Там же. Д. 163. Л. 99.

68 Там же. Л. 111.

69 Там же. Л. 116.

70 Там же. Л. 249.

71 Там же. Л. 406.

72 Там же. Л. 13.

73 Там же. Л. 160.

74 Там же. Л. 207 и след., 247–248.

75 Там же. Л. 252.

76 Там же. Л. 100, 106, 272.

чтобы тот «лебединских черкас государскою милостью обнадежил», и сообщил, что командующий «их высылать не велел»⁷⁷. Одновременно Г. Малышев предложил В. Люшину прекратить действовать вместе с Чубаровым, иначе он обратится в Курск⁷⁸. Очевидно, он рассчитывал на поддержку главы Белгородского разряда.

После неудачи С. Чубарова последовали новые попытки выполнить царский «указ». В 1680 г. с этой целью из Путивля воевода Ф. Нарбеков «посылал межевать» спорные земли черниговца Василия Вишневого. По сохранившимся сведениям, Софрон Васильев его «с тое земли взял силно и свез в Белгород, а тое земли межевать не дал». Помещиков, которые приехали на «межеванье», снова «били смертным боем»⁷⁹. Была предпринята еще одна попытка. 24 июня 1680 г. находившемуся на Украине князю В. В. Голицыну было предложено послать кого-либо «из московских чинов» на спорную землю и произвести там «межевание», опираясь на книги Ф. Арсеньева, а книги А. Ивлева следует «отставить», так как он «сам на той земле не был и межей и граней за рекою Пслою не положил». На этой земле следовало выделить «дачи» детям боярским Каменовского уезда, а остальную землю передать лебединским черкасам⁸⁰.

Текст грамоты еще раз ясно показывает, что в Москве, в отличие от Г. Г. Ромодановского, не встали на сторону черкас. Очевидно, оказывали воздействие челобитные детей боярских Каменовского уезда об их тяжелом положении (см. об этом выше), да и возражения против книг А. Ивлева представлялись обоснованными. По-видимому, в Москве рассчитывали положить конец конфликту благодаря разделу земель за Пслою между враждующими сторонами.

На спорную землю были отправлены дворянин В. Изъединов и подьячий С. Сызновский. Их донесение позволяет судить о том, что затем произошло⁸¹. Они отправились на спорную землю 30 июля, получив нужные материалы из Каменного. Но лебединские черкасы «мерять и межевать не дали», а для наделения детей боярских из Каменного указывают «дикое поле по между Абакума Ивлева, а не пахотную землю». В гораздо более острых тонах ситуация характеризуется в фрагменте их другого донесения. Они сообщали,

77 Там же. Л. 116.

78 Там же. Л. 111.

79 Там же. Л. 15, 74, 164.

80 Там же. Д. 161. Л. 93–94.

81 Там же. Л. 262–264.

что «дач отмежевать» помещикам по книгам им «не дали... и з земли... сослали с шумом и невежеством и с подвод нас побрали... на спорную землю не поехали и нас не пустили»⁸². Сообщение об этом не удалось передать князю В. В. Голицыну, так как он был «отпущон к Москве»⁸³.

О каких-то санкциях, наложенных на лебединцев за их неоднократное «непослушание», сведений нет. Несомненно дети боярские из Каменного продолжали жаловаться (вероятно, при поддержке отдельных воевод) на свое тяжелое положение. Имел значение, вероятно, и уход Г. Г. Ромодановского с поста командующего Белгородским разрядом, и в Москве было принято решение отправить для урегулирования отношений одного из воевод Путивля, князя Ивана Никифоровича Большого Белосельского.

К сожалению, от этой важной миссии сохранились лишь отдельные, не связанные между собой фрагменты. Особенно плохо отсутствие наказа, в котором подробно определялись и цели деятельности посланца, и методы их достижения. Сохранилось лишь его краткое изложение в грамоте посланца И. Н. Белосельского. 12 апреля 1681 г. он получил из Разряда грамоту с предписанием ехать по челобитью детей боярских из Каменного на «спорную землю». Он должен был восстановить их «дачи» по старым книгам, «отставить» книги А. Ивлева. Оставшуюся после этого землю следовало передать лебединским черкасам, чтобы в дальнейшем не было «жалоб»⁸⁴. Пересказывается также грамота от 21 марта, в которой князю предлагалось, чтобы он «вражду промеж тех городов жителей унял». С некоторым удивлением он констатировал, что хотя черкасы «учинились непослушны», «о наказанье черкасам и никому об очных ставках и ни о каком розыску ему, князю Ивану, в государеве грамоте не написано»⁸⁵. Таким образом, о каких-либо санкциях по отношению к «непослушным» черкасам не говорилось, и главное состояло в том, чтобы он постарался положить конец конфликту, учитывая интересы каменовцев. Но в этом плане выбор оказался неудачным. В отличие от главных властей Белгородского разряда, воеводы в Путивле поддерживали связи с детьми боярскими и властями Каменного. Уже 1 июня в Путивльской приказной избе была подана челобитная помещиков

82 Там же. Д. 163. Л. 135–136.

83 Там же. Д. 161. Л. 101.

84 Там же. Л. 11–12.

85 Там же. Л. 67.

спорных земель на черкас «в своих обидах»⁸⁶. К сожалению, о том, как протекала миссия И. Н. Белосельского, сохранились также отрывочные сведения.

Князь И. Н. Белосельский приехал на спорные земли в с. Приста-лово в начале мая 1681 г. Как сообщал позднее воевода в Москву, в это время к нему приехал Софрон Васильев, «а с ним пятьсот человек», он живущих в селах «научал и сам хотел ево, князь Ивана, и ратных людей, которые с ним были, бить, и межевать той земли не дал»⁸⁷. Совсем иную характеристику положения дел дает челобитная лебединцев. По их словам, когда они приехали к воеводе, он им «указа никакова не сказал и от себя отослал в Лебедин»⁸⁸. Судя по тому, что И. Н. Белосельский остался на спорной земле и предпринял ее описание, именно утверждение челобитной соответствует фактам. И. Н. Белосельский, воевода и стольник, был гораздо выше рангом, чем предшествовавшие межевщики, и лебединцы не решились препятствовать его деятельности.

При отсутствии черкас И. Н. Белосельский мог произвести описание территории и выделить поместные дачи детям боярским из Каменного. В Москве рассчитывали, что часть спорной земли после описания будет передана черкасам, но эти расчеты не оправдались. И. Н. Белосельский сообщал, что после выделения «дач» помещикам осталось только 100 четвертей земли в одном поле, «а на той остаточной земле... сеножатей и воды, и никаких угодей нет»⁸⁹. 17 июня в Москву поступило составленное И. Н. Белосельским описание и «чертеж»⁹⁰.

Этим, однако, деятельность воеводы не ограничивалась. Как сообщал в Москву воевода, ему пришлось заняться вопросом об отношениях вернувшихся в спорные села помещиков и находившихся там черкас, которых некогда помещики там поселили «во крестьянстве». Помещики требовали «очной ставки» с ними, и воевода пошел им навстречу⁹¹. Как сообщал И. Н. Белосельский в Москву, дети боярские обвиняли этих «новоприхожих черкас» в том, что те их «били и надругательство всякое чинили и из дворов их выбивали и животы их... и всякую скотину отымали по повелению лебединского сотника Софрона Васильева»⁹². Был

86 Там же. Л. 161.

87 Там же. Л. 195.

88 Там же. Д. 163. Л. 11.

89 Там же. Л. 17.

90 Там же. Д. 161. Л. 203.

91 Там же. Д. 163. Л. 16.

92 Там же. Л. 13.

подан и список отобранного у них имущества, оцененного в 320 руб.⁹³ Как представляется, речь шла при этом не только о возмещении ущерба. Когда эти черкасы были зачислены в «казаки», возникла опасность, что они смогут вместе с лебединцами претендовать на получение спорной земли. Поэтому важно было зафиксировать, что они пришли к помещикам «во крестьянство» и, следовательно, выступив против них, утратили всякие права на землю⁹⁴.

Сохранился ряд записей об обвинениях, которые выдвигались на «очных ставках» против атаманов и войтов во главе поселений черкас в спорных селах⁹⁵. На «очных ставках» были зафиксированы их признания, что дети боярские их приняли «за себя жить во крестьянстве» и они «во всем их слушали», но позднее они «слушали во всем» Софрона Васильева, а помещиков «не слушали... ис того их поместья изгоняли и розаряли, и в той де их вине великий государь волен»⁹⁶. Наказание за это должна была установить верховная власть.

Иначе обстояло дело, когда речь шла об обвинениях помещиками конкретных лиц, которых обвиняли в захвате и присвоении чужого имущества. Тогда воевода мог назначить и назначал наказания. Так, группе «черкас» «за их воровство и грабеж учинено им наказание и биты»⁹⁷. Действия И. Н. Белосельского, открыто поддерживавшего детей боярских из Каменного и по их ходатайствам налагавшего кары на черкас – жителей спорных сел, побудили черкас Лебедина к коллективному обращению к царю. В обращении указывалось, что 7 мая черкасы, узнав о приезде И. Н. Белосельского, «к нему ездили», но он их отослал. А теперь он и терновский сотник Андрей в спорных селах стоят и живущих в них черкас «бьют и грабят, и повязав, многих людей возят за собою», «от казаков ружье и ружьяды пограбили и обиды большие чинят». Пусть царь не допустит живущих в тех селах «до конца разорить и бить, и вязать, и грабить»⁹⁸. Челобитная существенно дополняет сохранившиеся фрагменты документов о деятельности И. Н. Белосельского. По-видимому, эту челобитную привезли в Москву посланцы лебединских черкас «Микита Карпов с товарищи»⁹⁹.

93 Там же. Л. 252.

94 «Те черкасы сперва жили за ними во крестьянстве, а ныне землю у них отнимают» (Там же. Д. 161. Л. 225 об.).

95 Там же. Д. 163. Л. 45–46, 120, 158, 175.

96 Там же. Л. 120.

97 Там же. Л. 53. См. также: Там же. Д. 161. Л. 271.

98 Там же. Д. 161. Л. 431–432.

99 Там же. Л. 300.

Как И. Н. Белосельский докладывал в Москву, он отвел детям боярским поместья дачи на спорных землях. Но всех вопросов это не решало. В сохранившейся справке отмечено, что из помещиков, получивших земли у главного из спорных поселений – с. Присталова, только двое решились в нем поселиться, а остальные 16 «живут в Каменном за насильством от черкас за своими бедностями»¹⁰⁰. Дети боярские из Каменного не желали мириться с таким положением. В отписке, доставленной 17 июня вместе с другими материалами, И. Н. Белосельский сообщал, что после его отъезда двory помещиков в Присталове «пожгли без остатку»¹⁰¹. Сохранившиеся материалы рисуют иную картину. 17 мая 1681 г. в Лебедине к воеводе Г. И. Шустову обратились атаман и войт казаков из с. Присталова с сообщением, что каменовский голова М. Лихинин выгнал из села казаков и мещан – 240 чел., а их 42 двора «выжгли»¹⁰².

Эти действия вызвали новое обращение лебединских черкас в Москву, доставленное туда 9 июня, еще до получения отчетов И. Н. Белосельского¹⁰³. Челобитная исходила не только от сотников, атаманов и войта и от «мещанских сотников», но и от атаманов и войтов спорных сел¹⁰⁴. Как и в более раннем обращении, здесь отмечалось, что приезжих из Лебедина князь отослал, а жителей спорных сел «многих велел бить, грабить и вязать». Отмечалось, что людей «за то ковали, чтоб мы написали скаску, что будто мы пришли в те села к каменевцам во крестьянство» и священники и войты, «убоявшись великого страху, приложили к скаске руку»¹⁰⁵. Таким образом поднимался вопрос не только о необоснованных репрессиях, но и о защите прав части казацкой общности, уже прочно вошедшей в состав общности лебединцев.

Теперь, отмечалось в челобитной, Микита Лихинин с каменевцами черкас из Присталова выгнали, «стоим на поле з женами и детьми», «помираем голодною смертью». Подчеркивалось, что в таком положении оказались сотни людей¹⁰⁶. Лебединцы просили, чтобы царь не разрешал их «с твоей... земли згонять»¹⁰⁷. Очевидно, к этому доку-

100 Там же. Д. 41. Л. 424.

101 Там же. Д. 163. Л. 13.

102 Там же. Д. 161. Л. 157.

103 Там же. Л. 10 об.

104 Там же. Л. 10.

105 Там же. Л. 12.

106 Там же. Л. 12–13.

107 Там же. Л. 13.

менту были приложены сведения о насилиях, которым подверглись отдельные черкасы, в их числе атаманы и войты. Под заголовком «по приказу стольника и воеводы каменовской приказной человек Микита Лихинин с каменовцы и с путивльцы грабежом взяли» помещены перечни отобранного имущества, включая церковные ризы и образа¹⁰⁸. На челобитные последовала быстрая реакция. 13 июня царь указал «челобитчком лебединцом» с И. Н. Белосельским и М. Лихининым «в обидах и в налогах дать очные ставки про то про все в Путивле и в Лебедине, и в Каменом». Это должен был сделать новый царский посланец князь М. Ф. Жировой-Засекин¹⁰⁹.

Как же в целом реагировали в Москве на создавшуюся ситуацию? Разумеется, здесь должны были с сожалением констатировать, что И. Н. Белосельский своими действиями вызвал новый конфликт, хотя был послан, чтобы его предотвратить. Однако этим дело не ограничивалось. Зимой 1681 г. поступили челобитные лебединцев, констатировавших, что из-за недостатка земель и угодий, «из-за тесноты и разоренья» они не в состоянии нести службу¹¹⁰. Есть основания полагать, что лебединские черкасы представляли гораздо более важную военную силу, чем дети боярские Каменовского уезда. Сохранить ее в исправном состоянии становилось важной задачей.

Об этом говорит содержание инструкций отправленному из Москвы на Слобожанщину новому посланцу кн. М. Ф. Жировому-Засекину. К сожалению, от его наказа, датированного 27 июня 1681 г.¹¹¹ сохранились лишь отдельные фрагменты, разбросанные беспорядочно по архивному делу. Все же они позволяют составить определенное представление о целях его миссии и о том, как их достижения следовало добиваться.

Правда, общее решение оставалось таким же, как и раньше, – детям боярским следовало вернуть их «дачи» по книгам Ф. Арсеньева 1651 г. – «по тридцати чети человеку», а «что по мере останетца», передать черкасам¹¹². Однако при этом указывалось, что после описания должна прекратиться «тех городов промеж жителей всякая вражда». Поэтому следовало «каменовцам по дачам земля отмежевать, а черкас землею не потеснить»¹¹³. В этой связи М. Ф. Жировому

108 Там же. Л. 271 и след.

109 Там же. Д. 41. Л. 423.

110 Там же. Д. 151. Л. 72.

111 Там же. Д. 163. Л. 253.

112 См.: Там же. Л. 134.

113 Там же. Л. 277.

Засекину предписывалось «дачи» каменевцам «перемерить вновь накрепко»¹¹⁴ – очевидно, чтобы получить землю, которую можно было бы передать черкасам. В этой связи подвергались критике действия И. Н. Белосельского, после раздачи которого осталось только 100 четвертей земли, которые он «отмежевал к безводному и безлесному месту», а такую землю следовало «примежевать к воде и к лесу, и к угодному месту, чтобы на той земле можно было поселитца лебединским черкасом»¹¹⁵.

В Москве, по-видимому, понимали, что «лишней» земли может и не хватить. Посланец должен был черкас, живущих на спорной территории, «пересмотреть» и выяснить, «в тех селех мочно ль их землями устроить». Может быть, придется «ис тех сел... черкас перевести в ыные места, куды пригож»¹¹⁶. Таким образом, посланец должен был серьезно заняться вопросом об обеспечении земель лебединских черкас после возвращения «дач» детям боярским Каменовского уезда.

Однако одним «межеванием» деятельность посланца не должна была ограничиваться. Прекращению конфликтов должен был способствовать разбор многочисленных жалоб, которые обе стороны подавали друг на друга. Предписывалось «с обеих сторон» «челобитчиков всех роспросить про все статьи подлинно»¹¹⁷. Вместе с тем следовало людям «в обидах и налогах и во взятках, и во всяких неправдах дать очные ставки»¹¹⁸. Речь должна была идти не о волнениях, а о злоупотреблениях. Для проведения такого следствия М. Ф. Жировой-Засекин получил особые полномочия. В наказе предписывалось предводителей враждебных сторон М. Лихинина из Каменного и Софрона Васильева из Лебедина «во время сыску выслать в ыные города, а у сыску быть им не велеть»¹¹⁹. Ивана Белосельского следовало «из Путивля выслать в Рыльск, а Путивль ведать ему, князь Михаилу»¹²⁰. Отсутствие этих людей, очевидно, должно было обеспечить объективное рассмотрение дел. Позднее, по-видимому, такое решение пришлось изменить, так как М. Ф. Жировому-Засекину пришлось столкнуться с обвинениями по адресу этих руководящих лиц, которые нельзя было рассматривать в их отсутствие.

114 Там же. Л. 52.

115 Там же. Л. 141.

116 Там же. Л. 52, 139, 246.

117 Там же. Л. 279.

118 Там же. Л. 232.

119 Там же. Л. 281.

120 Там же. Л. 232, 299.

Пришлось направить предписание М. Ф. Жировому-Засекину на князя Ивана Белосельского «лебединским черкасам по их челобитью в обидах... дать очные ставки»¹²¹. М. Лихинин был также извещен: «по челобитью лебединских черкас велено тебя распросить... с челобитчики дать очные ставки»¹²². Нельзя не увидеть в этом реакцию на челобитные лебединских черкас. Никаких карательных действий посланцу не поручалось. Напротив, в наказе М. Ф. Жировому-Засекину содержится отрицательная оценка следствий, проведенных И. Н. Белосельским. Ему предписывалось опросить князя, «по какому указу... у каменовцев на лебединских черкас принимал челобитные и скаски, и давал им очные ставки, и черкас кнутом бил, и розыск чинил», хотя «того всего в государеве грамоте не написано»¹²³. Разумеется, заслуживает внимания запрет воеводе без «указа» принимать у каменовцев челобитные на черкас. Из сохранившихся фрагментов деятельности И. Н. Белосельского ясно, что воевода устраивал очные ставки детям боярским с теми черкасами, которые ранее жили за ними «во крестьянстве», и именно лиц из этой среды подвергал наказаниям. Как представляется, воевода имел право наказывать крестьян, проявивших неповиновение помещику, тем более что они сами признались в этом, но дело было в том, что, как отмечено выше, эти люди затем были взяты властями Белгородского разряда в «казаки» и «мещане» и воевода уже не мог по отношению к ним предпринимать каких-либо действий, не имея на этот счет особых полномочий. Его действия были нарушением особого статуса этой общности людей. Решения И. Н. Белосельского, вероятно, следовало отменить.

К сожалению, на этом известные нам комплексы документов обрываются, и неизвестно, каковы были результаты поездки М. Ф. Жирового-Засекина.

Продланное исследование позволяет сделать ряд важных наблюдений. Сообщество черкас в Лебедине выступает как важная сила, способная осуществлять и осуществляющая важные самостоятельные действия. Разумеется, в Лебедине был назначенный из Москвы воевода, и черкасы, кроме этого, подчинялись сумскому полковнику. Сумской полковник осуществлял их «разбор» и руководил военной службой. Но в сообщениях о действиях содружества черкас против помещиков ни тот, ни другой никак не упоминаются и на них

121 Там же. Л. 242.

122 Там же. Л. 283.

123 Там же. Л. 238.

не влияют. Сумской полковник, впрочем, неоднократно упоминается при обсуждении вопроса об отношениях содружества черкас с гадяцким полковником, и эти сведения будут рассматриваться в соответствующем месте. Важным представляется и отсутствие сведений о конфликтах между содружеством черкас с воеводой и полковником, которые, очевидно, не пытались ограничивать их права. Черкасы Лебедина явно не выступают как подчиненная, неравноправная часть общества. В имевших место конфликтах они выступают как равноправные противники русских помещиков. Очевидно внимательное отношение к пожеланиям черкас командующего Белгородским разрядом Г. Г. Ромодановского. Более того, налицо готовность давать казачий статус приходящим из гетманства крестьянам, чтобы увеличить военную силу даже за счет интересов помещиков.

Серьезного внимания заслуживает материал о характере контактов лебединских черкас с центральной властью. Это содружество неоднократно прямо обращается в Москву, минуя промежуточные инстанции. В отличие от властей Белгородского разряда, в Москве ряд пожеланий черкас не удовлетворили. Важно, однако, отметить, что право лебединцев обращаться со своими пожеланиями к власти не ставилось под сомнение. Очевидно и внимательное отношение к челобитным, где речь шла о несправедливых и тем более карательных действиях по отношению к лебединцам. В Москве требовали расследования таких поступков, в том числе и таких, которые осуществлялись представителями властей, посланными из Москвы. Обращает на себя внимание отсутствие в имеющейся переписке каких-либо упоминаний о карательных санкциях на лебединцев во главе с Софроном Васильевым за неоднократное «неповиновение» действиям представителей власти. Софрон Васильев за организацию таких выступлений не подвергся наказаниям и сохранил свой пост сотника. В Москве, очевидно, в существующей обстановке османской экспансии и польских притязаний на Левобережье были заинтересованы в лояльности черкас и готовы были для этого на важные отступления от принятой в Русском государстве практики. Это, как представляется, оказывало влияние и на отношения черкас к планам включения их в состав Гетманства.

* * *

В начале 80-х гг. XVIII в. поселения казаков в Западной части Слобожанщины стали привлекать к себе внимание казацкой верхушки Левобережного гетманства. В 70-х гг. XVII в. здесь серьезно рассчитывали, опираясь на поддержку России, включить в состав

гетманства земли Правобережной Украины, но к началу 1681 г. стало ясно, что осуществить такие планы не удастся и на землях Правобережья установится власть османов. В этих условиях, как известно, у казацкой верхушки гетманства появились планы расширения и укрепления гетманства за счет включения в его состав земли на Слобожанщине с многочисленными здесь поселениями украинских казаков – «черкас» на землях Сумского и Ахтырского полков. Послы гетмана И. Самойловича – И. Мазепа и гетманский племянник, гадацкий полковник Михаил Васильев – весной 1681 г. в Москве постарались добиться этого¹²⁴. Однако попытки укрепления позиций казацкой старшины в этом районе предпринимались и в более ранние годы. И. Самойлович приложил усилия, чтобы здесь появились владения одного из близких к гетману людей, его племянника, гадацкого полковника Михаила Васильева. Полк, которым он командовал, был соседом Сумского полка Белгородского разряда, на границе которого с гетманством располагалась колония черкас в Лебедине. В грамоте гетмана царю Федору Алексеевичу говорится, что он обратился к командующему Белгородского разряда князю Г. Г. Ромодановскому, чтобы его племяннику пожаловали «меж слобочкими украинскими городами часть некоторую земли на поместье». Эта просьба дополнительно обосновывалась тем, что «его отец и мать в слободском городе Лебедине имеют свое житие». Просьба была удовлетворена, и Ромодановский велел «на поместье земли отмереть»¹²⁵. В результате во владение полковнику в 1675 г. были переданы земли на территории за рекой Псел, граничившей с Гадацким полком. Соответствующие земли по указанию Ромодановского выделил курчанин Самсон Агеев сын Денисов¹²⁶. Как представляется, такое удовлетворение просьбы гетмана следует рассматривать как определенный знак внимания со стороны центральной власти по отношению к И. Самойловичу и его советникам, понятный в условиях, когда становилась весьма важной борьба с османской экспансией на юге Восточной Европы, в которой успешное сотрудничество с гетманством было весьма полезным.

124 *Костомаров Н. И.* Собрание сочинений. Исторические монографии и исследования. Кн. 6. Т. XV: Руина. Гетманства Бруховецкого, Многогрешного и Самойловича. СПб., 1905. С. 322.

125 См. об этом в грамоте гетмана царю Федору: РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. Д. 156. Л. 48–49.

126 См. об этом в грамоте И. Самойловича (Там же. Л. 49), в челобитной Михаила Васильева (Там же. Л. 78), в челобитной лебединцев (Там же. Л. 71). См. также выпись из книг Самсона Денисова (Там же. Л. 89 и след.).

Не исключено, что при этом стороны могли преследовать разные цели. И. Самойлович, возможно, уже тогда хотел приобрести определенные позиции на Слобожанщине, которую он хотел бы включить в состав гетманства, а центральная власть могла рассчитывать, что гадяцкий полковник, получив земли на территории Белгородского разряда, будет поддерживать политику русской власти по отношению к гетманству.

Особенность пожалования состояла в том, что Михаилу Васильеву передавалась незаселенная, не занятая никем земля – «дикое поле, ни за кем в даче не бывало»¹²⁷. Передаваемая территория была достаточно значительной по размерам. Располагалась она «за рекою Псло» на территории, граничившей с гетманством с центром в «урочище Бесишеве». Самсон Денисов эту землю «от новопостроенного города Междуречья отделил»¹²⁸. Переданная территория, как сообщали гетман и его племянник, доходила до р. Грунки, северного притока Псла, и «за нее». На этой территории полковнику передавались леса «по озерам и по затонам, рыбные ловли и всякие угодыя». Лишь находившийся там «большой дровяной лес» должен был находиться в общем владении полковника и лебединских черкас¹²⁹. Так полковник стал их соседом на Слобожанщине. Стоит еще раз отметить, что в грамоте И. Самойловича царю выделение племяннику земель в Лебединском уезде обосновывалось тем, что «его отец и мать в слободском городе Лебедине имеют свое житие»¹³⁰. Так, видимо, обосновывалось право полковника на приобретение здесь земель и некое сосуществование полковника и сообщества лебединских черкас.

Это сообщество рассматривало земли на север от Псла как общий земельный фонд, где они в одних местах «сенные покосы расчистили», а в других «кашивали все вопче». А теперь полковник получил эти земли, их «ложно называючи пустою гулящею землею», хотя ранее Самсон Денисов на этих землях «пушкарем и иным черкасом многим крепости за своею рукою подавал». Теперь были установлены новые границы, и эти крепости были, очевидно, аннулированы¹³¹. Но резкого выступления лебединцев против полковника не произошло. По-видимому,

127 Там же. Л. 78. Челобитная Михаила Васильева.

128 Там же. Л. 89. Выпись из отдельных книг от февраля 1676 г.

129 См. характеристику пожалования в челобитной Михаила Васильева: Там же. Л. 78–79.

130 Там же. Л. 49. В выписи из книг Самсона Денисова отмечена передача земель «по челобитью лебединского жителя Михаила Васильева» (Там же. Л. 89).

131 См. текст челобитной лебединцев: Там же. Л. 70–71.

на этот раз он действительно получил главным образом неосвоенные земли. Его земли соседствовали с землей, выделенной русским пушкарям г. Лебедина, а также с владениями одного из главных руководителей лебединских черкас, сотника Софрона Васильева – упоминаются его «лука», «сеножати», «пасека»¹³². Полковник стал осваивать полученную им землю, поселяя на ней «людей новоприхожих из-за Днепра» – черкас. Центром этих владений стало село Михайловское¹³³. Первоначально, видимо, какое-то время владения полковника и лебединских черкас на север от Псла сосуществовали, а затем начались конфликты.

Одним из соседей земель полковника стала «сеножатная» земля «в длину на версту, а поперег на пол-версты», выделенная русским пушкарям г. Лебедина. Подобно полковнику, пушкари стали селить на полученной земле переселенцев-«черкас». Дело быстро дошло до пограничных столкновений. Полковник жаловался, что эти переселенцы «дровой... лес секли», «землю пахали» на его «дачах», но Михаил Васильев им «лесу сечь и поля пахать не дал»¹³⁴. К сожалению, «челобитья» пушкарей, которые описывали бы положение со своей точки зрения, по-видимому, не сохранились. Но, имея более полные знания о других аналогичных ситуациях, можно с основанием полагать, что аналогичные действия предпринимались и жителями новых владений полковника. Полковник, однако, нашел возможность разрешить возникший конфликт в свою пользу. Используя, вероятно, разные способы воздействия, он к 1680 г. добился того, что «новоприхожие люди», поселившиеся на «пушкарской» земле, высказали новому командующему Белгородского разряда князю П. И. Хованскому пожелание «жить за» полковником, «а не за пушкарями»¹³⁵.

В отличие от «русских» пушкарей Лебедина, «прихожие люди» были украинцами, но было бы неосторожно, опираясь на утверждение Михаила Васильева, делать вывод, что эти люди хотели бы находиться под властью украинского администратора. Пушкарей в Лебедине было всего 16 человек¹³⁶, и они, конечно же, не могли защитить поселенцев от воздействия на них слуг полковника. Иначе сложилась ситуация, когда полковник столкнулся с достаточно многочисленным

132 См. выпись из отдельных книг 1676 г.: Там же. Л. 90–91.

133 См. челобитную Михаила Васильева: Там же. Л. 78.

134 Там же. Л. 78–79.

135 Там же.

136 Там же. Л. 73.

и консолидированным сообществом лебединских черкас, способных выступить против него «всем городом».

Конфликт возник, как отмечено в челобитной Михаила Васильева, между его подданными и людьми из соседних владений сотника Софрона Васильева. Возникали столкновения из-за использования леса, лугов, ловли рыбы. Победить в происходивших столкновениях полковник, судя по всему, не смог, и в начале февраля 1681 г., приехав в Москву, жаловался царю Федору, что от людей Софрона «людишкам моим убийства и грабежи, и озорничества чинятца большие»¹³⁷. Полковник рассчитывал добиться своего с помощью властей Белгородского разряда, заинтересованных в сотрудничестве с гетманством в условиях продолжавшейся войны с османами. Как писал Михаил Васильев в челобитной, в суде (очевидно, в центре Белгородского разряда – в Курске) Софрон Васильев был признан виновным «в убойстве и озорничестве, и в грабежах», и, так как Лебедин был частью Сумского полка, сумскому полковнику Герасиму Кондратьеву было «веле-но... за то ему учинить наказанье»¹³⁸. Разумеется, в том, что Михаил Васильев объективно описывал происходившие события, совсем нельзя быть уверенным. Его сообщение закономерно вызывает ряд вопросов. Обвиненный в серьезных преступлениях Софрон Васильев не был отстранен от должности и арестован, а его «наказанье» поручено почему-то сумскому полковнику. К тому же о каких-либо вознаграждениях на такое решение ничего не говорится в челобитной лебединцев. Как представляется, Софрон Васильев был действительно обвинен в подобных действиях, но разбирательство, вероятно, показало, что они были ответом на аналогичные действия со стороны людей гадяцкого полковника. Сумской полковник, вероятно, должен был постараться погасить конфликт, сделав Софрону внушение. Так, вероятно, объясняется недовольство Михаила Васильева тем, что сумской полковник Софрону «наказанья не учинил». Идя навстречу пожеланиям гетмана и его советников, власти Белгородского разряда одновременно, вероятно, хотели избежать конфликта с большой, хорошо организованной колонией черкас на своей территории.

В 1680 г. Михаил Васильев предпринял попытку с помощью властей Белгородского разряда закрепить за собой спорные территории. Он «бил челом» князю П. И. Хованскому о «прибавке земли», так как ему «притесно было жить». Этого удалось добиться, когда Самсон

137 Там же. Л. 82.

138 Там же. Л. 82.

Денисов летом 1680 г. провел писцовые описания, выделив ему новые земли и установив новые границы. Полковнику была передана «пушкарская сеножатная земля» «меж речки Камышенки и Озакова колодезя» вместе с дворами черкас, поселившихся на этой земле¹³⁹. Но этим дело не ограничилось. Полковнику были переданы земли «от Азакского городища до Азацкого озера», рыбная ловля на озере тоже передавалась Михаилу Васильеву. Речь шла о земле, которая «никому не отдана и не владеет ею никто». Речь шла о весьма обширной территории «на 5 верст, а поперег до Гадяцкого уезду на пять ж верст» 1250 четвертей в поле, «а в дву потому ж». Территория эта граничила с селом Капустенским Гадяцкого полка. Судя по упоминаниям названий с корнем «Азак», есть основания подозревать, что полковник получил часть территорий, являвшихся объектом борьбы между жителями Лебедина и Каменного: земли у деревни Азак. Наконец, полковник получил разрешение поставить на реке Псел мельницу «против ево полковника села»¹⁴⁰.

Оформление передачи земель полковнику совершалось обычным порядком. Описание земель закончилось 1 июля 1680 г.¹⁴¹ 19 августа командующему Белгородского разряда князю П. И. Хованскому последовал «указ» выдать «выпись» полковнику на его новые владения¹⁴², и 18 октября соответствующий документ был выдан¹⁴³. Предпринимались дополнительные усилия по закреплению этих земель за Михаилом Васильевым. Сам полковник, посетивший Москву вместе с И. Мазепой, в поданной в Разряд 26 февраля челобитной просил на полученные им земли на Слобожанщине «вотчинную жалованную грамоту», чтобы его жене и детям «мочно было вечно владети»¹⁴⁴. Гетман И. Самойлович в грамоте от 15 февраля 1681 г. поддержал просьбу своего племянника¹⁴⁵.

Для предпринятых хлопот была важная причина. Предпринятые властями Белгородского разряда и полковником действия по образованию его новых владений вызвали острое недовольство содружества

139 Там же. Д. 163. Л. 18–22. Выпись из книг Самсона Денисова гадяцкому полковнику «на порозжую землю дикого поля». См. также: Там же. Л. 93 (другая выпись).

140 См. выписи из книг С. Денисова: Там же. Л. 94–95, 100–102.

141 Там же. Д. 156. Л. 94 об.

142 Там же. Д. 161. Л. 348.

143 Там же. Д. 156. Л. 100 и след.

144 Там же. Д. 163. Л. 81.

145 Там же. Л. 56.

лебединских черкас, солидарно выступивших против предпринятых действий, доказывая их незаконность.

Само содержание одной из «выписей» из описания Самсона Денисова опровергает утверждение о передаче полковнику пустой, не заселенной земли. Так, в ней идет речь о пасеке, поставленной Софроном Васильевым «подле Вишневой поляны». Чтобы отобрать у Софрона пасеку, был использован конфликт между Лебединым и Каменным. На основании показаний старожилов из Каменного было установлено, что поляна «от Каменского уезду написана в порозжих землях», то есть поставлена им «в Каменской даче». Поэтому Софрону было предложено «пчелы свои перенести в старую свою пасеку», а сама территория должна была быть передана Михаилу Васильеву¹⁴⁶. Решение это, как увидим далее, было принято без всякого участия представителей лебединских черкас.

Челобитная лебединских черкас была передана в Москве их посланцами 30 января 1681 г.¹⁴⁷ В Москву обращались сотники Софрон Васильев и Иван Бирков, атаман Якуша Емцов «с товарищи всем городом и уездом»¹⁴⁸. На обороте оригинала челобитной помещены подписи двух городских священников, записавших «челобитье»: «от всего города по их веленью»¹⁴⁹. Таким образом, несмотря на различия в положении его отдельных слоев, содружество лебединских черкас в конфликте с гадяцким полковником выступало как единое целое. Стоит отметить, что в челобитной ни в каком контексте не фигурирует воевода Лебедина. Благодаря этому челобитью можно представить ситуацию с описанием 1680 г. в восприятии оппонентов Михаила Васильева.

Полковник и в 1680 г. пытался привлечь Софрона Васильева к ответственности. По его настояниям «для розыску приехали» подполковник Борис Головин и Самсон Денисов. Софрон был снова «обвинен», и сумской полковник снова ему «никакова наказания не учинил», а затем выяснилось, что сумской полковник «составлявал» челобитные на гадяцкого полковника вместе с Софроном¹⁵⁰. Таким образом, отмеченные выше разногласия между властями Белгородского разряда имели устойчивый характер. Сумской полковник, вероятно, должен был серьезно считаться с интересами черкас своего полка.

146 Там же. Л. 102.

147 Там же. Л. 70.

148 Там же.

149 Там же. Л. 25 об., 26 об.

150 Там же. Д. 156. Л. 83–84.

В челобитной указывалось, что от царя Алексея Михайловича лебединские черкасы получили земли «по той стороне реки Псла против лебединской земли на две версты». Они там в одних местах «сенные покосы расчистили», а в других «кашивали все вопче»¹⁵¹. Но с проведением описания 1680 г. их права были нарушены. При проведении новых границ как показания старожилов использовались сообщения жителей села Капустенец, расположенного на территории Гадяцкого полка. «А мы... в Лебедине про то не знали»¹⁵². В итоге земли «черкас» оказались переданы полковнику. И теперь он их «с той земли изгоняет и бьет, и сена наши, что мы накосили... все в свое село забрал себе», и «лес хоромной и дровяной... с наших прежних дач велит рубить». К этому было добавлено, что, поставив мельницу на реке, полковник «наши старые мельницы подтопил»¹⁵³. Черкасы обратились к князю П. И. Хованскому. Он прислал дворянина, но тот «указу никоторого не учинил».

В заключительной части «челобитья» подчеркивалось, что из-за действий полковника лебединцы приходят в «разоренье» и теряют возможность выполнять свою службу. К этому было неслучайно добавлено, что в поселении («городе»), основанном Михаилом Васильевым, проживает свыше 800 чел., которые «на него, полковника, делают всякие работы», а никакой «службы» в пользу государства не несут¹⁵⁴. Содержание «челобитья», как представляется, было действительно составлено после консультаций с сумским полковником Г. Кондратьевым, поскольку в нем употребляются именно такие аргументы, которые могли привлечь внимание властей к положению черкас. Челобитчики просили, чтобы царь «их землю Михаилу Васильевичу владети не велел»¹⁵⁵.

На такой шаг в Москве не пошли. 5 марта 1681 г. последовал указ о выдаче Михаилу Васильеву жалованной грамоты по просьбе гетмана «на пожиток его в Лебединском уезде»¹⁵⁶.

Грамота у лебединских посланцев все же была принята, и никаким выговорам в этой связи они не подверглись. Правда, ответа из Москвы на это обращение лебединцев найти не удалось, но конфликт привлек к себе внимание. В одной из записей о конфликте

151 Там же. Л. 70.

152 Там же. Л. 71.

153 Там же. Л. 71.

154 Там же. Л. 72.

155 Там же. Д. 161. Л. 88.

156 Там же. Д. 163. Л. 29.

лебединцев с гадяцким полковником отмечалось, что, делая пожалования полковнику, царь у черкас «земель и всяких угодей отнимать не велел», и предлагалось выяснить, какую компенсацию за потери «черкасом и пушкарям помочные земли дано»¹⁵⁷.

Если на челобитную лебединцев не последовало ответа из Москвы, это не значит, что она не привлекла к себе внимания. Наличие в сохранившихся архивных делах целого ряда списков этого документа говорит об обратном. К тому же выступление лебединцев было не единственным. На переданную полковнику территорию претендовали и дети боярские из Каменного. Князь И. Н. Белосельский весной 1681 г. сообщал, что каменовцы подали ему «скаску», в которой жаловались, что соответствующая земля была передана Михаилу Васильеву по присылке из Белгорода «до твоей, великого государя, грамоты и до моего межевания»¹⁵⁸.

23 февраля царь «указал» по поводу пожалований гадяцкому полковнику выяснить у него, «нет ли с кем какова спору и челобитья»¹⁵⁹. 2 марта был отправлен «указ» князю П. И. Хованскому о присылке описания владений полковника¹⁶⁰. После выдачи грамоты 5 марта обсуждение вопроса не прекратилось. Последовало указание прислать в Москву списки «лебединских со всех строельных книг и дач», а владениям Михаила Васильева «чертеж начертить». Затем в апреле в Лебедин был отправлен ротмистр Кондратий Богданов «для досмотра и описи лебединских земель» и владений полковника¹⁶¹. Документов о поездке К. Богданова не сохранилось¹⁶², но все эти данные говорят о том, что утверждения лебединцев об ущербе, который нанесли им пожалования полковнику, привлекли внимание.

В делах Малороссийского приказа сохранился перечень вопросов, касавшихся положения соседей полковника (не только лебединцев) и положения самих этих владений¹⁶³. В одном из них затрагивалась, как в приведенном выше запросе, тема возмещения лебединцам за ущерб, нанесенный им царскими пожалованиями полковнику, — «кому именно и по сколько чети отмежевано будет». Интересовало

157 Там же. Д. 161. Л. 354.

158 Там же. Д. 163. Л. 14.

159 Там же. Л. 35–36.

160 Там же. Д. 161. Л. 85.

161 Там же. Л. 89–90; Там же. Д. 163. Л. 69.

162 «Осмотр» был им подан в июне. См.: Там же. Д. 163. Л. 1.

163 Там же. Л. 37–42. Не было ли связано составление перечня с поездкой ротмистра К. Богданова?

и то, что принадлежит лебединцам «в опчем боровом лесу», которым они должны были пользоваться совместно с Михаилом Васильевым: «заимки, кто имьянно позаимали». Составителей вопросов интересовало и то, не попала ли под власть полковника «дорога из Лебедина в Межиречь». Обеспокоило составителей вопросов и известие о том, что на этой территории полковник купил «дровяной» лес. В этой связи полагалось выяснить, «за лебединскими жители какое займище их и дровяной лес по реке Пслу». Следовало выяснить, где этот лес находится, но этим дело не ограничилось. Необходимо было узнать, есть ли у полковника в Лебедине двор и не приобретает ли он к нему иные «дворовые места и мельницы, и пашенные земли». В этой связи предписывалось выяснить в Белгородском разряде, «малороссийских городов жителем» дворов и земли «продавать и покупать велено ль». Из разряда отвечали, что царского указа с таким разрешением нет, и если Михаил Васильев приобрел к своему двору в Лебедине какое-либо имущество, то таких примеров «в разряде не сыскано» и «наперед сего не бывало»¹⁶⁴. Так фактически стало намечаться общее противодействие русских властей и местных черкас в борьбе с попытками старшины из гетманства приобрести позиции на Слобожанщине. Правда, земли, переданные гадяцкому полковнику, судя по всему, остались все же за ним, но, по-видимому, был установлен контроль за его действиями, а указанные территории не стали, несмотря на ходатайство за племянника гетмана Самойловича, его вотчиной.

Некоторые результаты размышлений нашли отражение в инструкциях князю М. Ф. Жировому-Засекину, поехавшему через Белгород и Путивль в Лебедин вместе с посланцами лебединских черкас¹⁶⁵. В его наказе, как уже отмечалось, предписывалось, «чтоб против того челобитья (челобитья черкас. – *Б. Ф.*) про все статьи было розыскано подлинно»¹⁶⁶. Это касалось и челобитья относительно Михаила Васильева. Посланцу следовало иметь в виду, что царь гадяцкому полковнику у черкас «земли их и сенных покосов отнимать у них не велел»¹⁶⁷.

Полковник был обеспокоен челобитьем лебединских черкас, приславших в Москву «ябедщиков и составщиков». Он уверял,

164 Там же. Л. 220.

165 Об их отъезде вместе с М. Ф. Жировым-Засекиным см.: Там же. Л. 44–44 об.

166 Там же. Л. 48.

167 Там же. Л. 48.

что лебединцам Софрон «руки велел прикладывать неволею». Такие его действия показывают, что полковник серьезно опасался последствий от выступления лебединских черкас. Из его челобитья выясняется, что лебединские черкасы подали на него еще одну челобитную, обвиняя его в вымогательстве взятки с лебединцев – «всякого набытку на тысячу рублей»¹⁶⁸. Все эти дела, о чем уже говорилось выше, должен был рассмотреть князь М. Ф. Жировой-Засекин, получивший для этого особые полномочия. К сожалению, и в этом случае неизвестно, как царский посланец выполнил свое важное поручение.

Рассмотренные материалы позволяют сделать ряд наблюдений о характере отношений между разными политическими силами и кругами населения на пограничных землях Слобожанщины и гетманства. Колония «черкас» в Лебедине выступает и здесь как консолидированная общность со своими особыми порядками, способная на серьезные самостоятельные действия, в том числе обращения к центральной власти. Характерно, что в их сообщениях и известиях об их деятельности, в том числе в связи с конфликтом с гадяцким полковником, не упоминаются воеводы Лебедина. Они, конечно, там существовали, но по власти и влиянию, видимо, не могли сравниться с сотниками, стоявшими во главе этой общности и способными влиять на ее действия. Это, по-видимому, было возможно для администраторов более высокого ранга – сумских полковников, выступавших против Михаила Васильева вместе с черкасами. Все рассмотренные факты также говорят о достаточно терпимом отношении к особенностям организации и поведения этих переселенцев на территорию Русского государства, готовности в определенной мере учивать их интересы и пожелания, что содействовало укреплению их пророссийской ориентации.

Обращаясь к украинской стороне, следует отметить настойчивые попытки гетмана И. Самойловича и его племянника, гадяцкого полковника, приобрести владения на землях Слобожанщины, пограничных с гетманством. Вероятно, неслучайно весной 1681 г., когда Михаил Васильев вместе с И. Мазепой были посланниками гетмана в Москве, он одновременно поднимал вопрос и о закреплении за ним полученных владений на вотчинном праве и о включении заселенных украинскими переселенцами земель Слобожанщины в состав гетманства. Очевидна, при отрицательном отношении к общему проекту,

168 Там же. Д. 156. Л. 83–84.

готовность, проявленная неоднократно и центральной властью, и властями Белгородского разряда, пойти навстречу конкретным пожеланиям гетмана и гадяцкого полковника.

Это, как представляется, следует рассматривать как определенные знаки внимания по отношению к ведущим представителям политической элиты гетманства, важного партнера Москвы в тяжелой войне с османами и противостоянии с Речью Посполитой.

Вместе с тем важно отметить, что гадяцкий полковник, которого гетман постоянно поддерживал, приобретая земли на Слобожанщине, не проявил никаких стремлений считаться с правами, особым статусом тех общностей «черкас», которые соседствовали с его владениями, старался лишить их земель и угодий, силой подавлял их сопротивление. Такие действия закономерно вызвали вооруженный отпор. Эти факты достаточно ярко показывают, что казацкая верхушка гетманства в своих притязаниях на земли Слобожанщины не старалась опираться на проживающее здесь украинское население и считаться с его интересами. Сам стиль поведения гадяцкого полковника на землях, где он не обладал военно-административной властью, заставляет задуматься о том, каков был стиль поведения полковника там, где он такой властью обладал.

Судя по всему, отрицательную реакцию вызвали действия полковника не только у черкас, но и у военачальников не самого высокого ранга, как сумские полковники. Не посвященные в секреты высокой политики, они видели, как отрицательно влияют действия полковника на боеспособность их подчиненных.

Полковник Михаил Васильев был не единственным представителем казацкой старшины, старавшимся приобрести земли на Слобожанщине. В ноябре 1684 г. воевода Белгородского разряда Алексей Семенович Шеин сообщал в Москву, что гетман просил оформить передачу Г. Гамалее земель и сенных покосов в Недрыгайловском уезде «по записям, как ему дали и на всякие угодыя» местные дети боярские¹⁶⁹. Очевидно, что и в этом случае старшина стремилась укрепиться на Слобожанщине, и такие действия Гамалеи гетман поддерживал, несомненно рассчитывая, что в дальнейшем эти земли войдут в состав гетманства.

Сохранился фрагмент документа, отражающий реакцию местных казаков и мещан на происшедшее. Они сообщали в челобитной, посланной в Москву, что местные дети боярские «неведомо по какому

169 Там же. Д. 163. Л. 65.

указу» заняли «порозжую землю» в верховьях р. Сулы, а затем «без указу великих государей» передали ее Гамалею. Очевидна отрицательная реакция на происшедшее, и содержание челобитной позволяет понять ее причины. Составители челобитной отмечали, что казаков и мещан в уезде стало много, «и им ныне земли и сенных покосов, и лесу... мало», а теперь новый владелец, Г. Гамалея, «им обиды чинит и бьет смертным боем, и лесом, и всякими угоды владеть не дает»¹⁷⁰. Очевидно, Г. Гамалея действовал по отношению к соседям на русской территории как гадяцкий полковник. Сопоставление свидетельств о действиях Михаила Васильева и Г. Гамалеи позволяет сделать вывод, что, стремясь укрепиться на Слобожанщине, казацкие старшины не стремились искать поддержки местного украинского населения и учитывать его интересы.

Источники и литература

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Багалея Д. И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М.: Университетская типография, 1887. XVI + 614 с.

Звездин З. К. К вопросу о социальных отношениях на Слободской Украине в конце XVII – начале XVIII в. // Исторические записки. № 39. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 181–203.

Костомаров Н. И. Собрание сочинений. Исторические монографии и исследования. Кн. 6. Т. XV: Руина. Гетманства Бруховецкого, Многогрешного и Самойловича; Т. XVI: Мазепа и мазепинцы. СПб.: Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым («Литературный Фонд»), 1905. XV + 815 с.

Слюсарский А. Г. Социально-экономическое развитие Слобожанщины XVII–XVIII вв. Харьков: Харьковское кн. изд-во, 1964. 460 с.

References

Sliusarskii, A. G. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Slobozhanshchiny XVII–XVIII vv.* Khar'kov: Khar'kovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1964, 460 p.

Zvezdin, Z. K. "K voprosu o sotsial'nykh otnosheniiakh na Slobodskoi Ukraine v kontse XVII – nachale XVIII v." *Istoricheskie zapiski*, vol. 39. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1952, pp. 181–203.

¹⁷⁰ Там же. Л. 68.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.01

B. N. Florya

**The Lebedin Cherkasy in Slobozhanshchina:
Their Relationship with Neighbors and the Authorities**

Boris N. Florya

Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, head of department

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: sredveka_inslav@land.ru

ORCID: 0000-0003-0779-2488

Citation

Florya B. N. The Lebedin Cherkasy in Slobozhanshchina: Their Relationship with Neighbors and the Authorities // *Slavic Almanac*. 2026. No 1–2. P. 12–48 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.01

Received: 17.03.2025.

Revised: 19.06.2025.

Accepted: 17.03.2026.

Abstract

A colony of Ukrainian migrants (Cherkasy), including the town of Lebedin, was founded on the southern borderlands of the Russian state in the 1660s. Lebedin was one of many settlements in the region known as Slobozhanshchina — the southern lands of Russia colonized by Ukrainian migrants from the Cossack Hetmanate. These settlers established a semi-autonomous administration consisting of regiments and hundreds (*sotni*). Archival documents, previously almost unknown, provide extensive details on the relationships between the Lebedin Cherkasy community, local and central authorities, and neighboring landowners during the 1670s and early 1680s. The neighbors of the Cherkasy included Russian landlords from the Putivl district (*uezd*) and Mikhail Vasilyev, the colonel of Gadiach and nephew of the Ukrainian Hetman Ivan Samojlovich. Due to the Hetman's patronage, the Russian government granted Mikhail Vasilyev unsettled lands near Lebedin. While developing these lands, Vasilyev did not seek the support of the local Cherkasy community and ignored their interests. Consequently, relations between the Lebedin Cherkasy, the Russian landlords, and Vasilyev were hostile due to disputes over territories that each side claimed as its own. The Lebedin Cherkasy community took a proactive stance,

receiving support from the authorities of the Belgorod Military District (*razriad*) and Prince Grigory Romodanovsky, who headed it. The Russian government made significant efforts to resolve this conflict, which persisted for many years.

Keywords

Ivan Samojlovich, Russo-Ukrainian relations, the Left-Bank Cossack Hetmanate, Slobozhanshchina, land colonization, Cherkasy of Lebedin, Mikhail Vasilyev.

**Радикально-демократический лагерь польской эмиграции
накануне Январского восстания 1863–1864 гг.
(по донесениям российского заграничного агента
Ю. Балашевича-Потоцкого)**

Бабоша Иван Александрович
Кандидат исторических наук, научный сотрудник
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119192, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Российская
Федерация
E-mail: ivanbabosha@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2502-3906

Цитирование

Бабоша И. А. Радикально-демократический лагерь польской эмиграции накануне Январского восстания 1863–1864 гг. (по донесениям российского заграничного агента Ю. Балашевича-Потоцкого // Славянский альманах. 2026. № 1–2. С. 49–67. DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.02

Статья поступила в редакцию 04.11.2025.

Рецензирование завершено 06.02.2026.

Статья принята к публикации 17.03.2026.

Аннотация

В статье рассматривается деятельность российской заграничной агентуры в среде радикально-демократического лагеря польской эмиграции, который тесно сотрудничал с повстанческой фракцией «красных», готовившей вооруженное восстание на территориях бывшей Речи Посполитой в составе Российской империи. Особенное внимание уделено уточнению некоторых аспектов агентурных операций Юлиана Балашевича-Потоцкого, одного из ведущих сотрудников российского политического сыска 1860–1870-х гг., который стремился посеять рознь между различными группировками польских радикалов и их российскими союзниками. Выдвигается предположение, что известный конфликт одного из лидеров радикально-демократического лагеря польской эмиграции Л. Мерославского и российского революционера М. А. Бакунина мог являться не только следствием единичной агентурной провокации или несовпадения

политических взглядов двух деятелей, но и результатом целого комплекса долговременных психологических операций Балашевича-Потоцкого. Уточняется, что арест французской полицией закупавших оружие для будущего восстания эмисаров фракции «красных» в декабре 1862 г. мог представлять собой совместную операцию Балашевича-Потоцкого и агентуры российского посольства в Париже. Делается вывод, что в рассматриваемый период российская политическая полиция была неплохо осведомлена о соотношении сил внутри радикально-демократического лагеря польской эмиграции и на основе полученных данных сумела отчасти усложнить кооперацию между противниками самодержавия накануне Январского восстания.

Ключевые слова

Польская эмиграция, польское восстание 1863–1864, Третье отделение, политическая полиция, Ю. Балашевич-Потоцкий, Л. Мерославский, М. А. Бакунин.

Активность польской эмиграции 1830–1870-х гг. как важной составляющей боровшегося с Российской империей польского национального движения широко освещена в историографии. Особенное внимание получил период начала 1860-х гг., когда польские повстанцы из лагеря «красных» при поддержке радикально-демократического лагеря эмиграции готовили почву для будущего Январского восстания 1863–1864 гг.¹ Стремление к скорейшему началу повстанческого выступления отличало их от другой фракции – «белых», которые, как и союзный им консервативный лагерь эмиграции, полагали, что общество еще не готово к вооруженному восстанию. В связи с этим именно «красные» и их радикально-демократические союзники по эмиграции представляли первостепенную угрозу безопасности польским владениям монархии Романовых, и именно поэтому российский политический сыск держал их на особом счету.

Одним из важнейших заграничных агентов российской тайной полиции в тот период являлся Юлиан Балашевич, который с 1861 по 1875 г. работал в среде польской эмиграции под псевдонимом графа Альберта Потоцкого. Историография уже обращалась к некоторым

¹ Наиболее полную на данный момент библиографию по данному периоду см.: *Фалькович С. М.* Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы 30–60-х годов XIX века. М.; СПб., 2017. С. 243–274.

эпизодам его деятельности², однако в литературе до сих пор отсутствуют однозначная оценка эффективности заграничной царской агентуры и комплексное понимание того, как самодержавие оценивало угрозы со стороны польской эмиграции накануне одного из крупнейших польских восстаний против России в XIX в. В этой связи данная статья посвящена двум целям. Во-первых, проанализировать точку зрения III отделения Собственной его императорского величества канцелярии – центрального органа российской политической полиции – на активность радикально-демократического лагеря польской эмиграции накануне Январского восстания. Во-вторых, внести уточнения в некоторые эпизоды агентурной деятельности Ю. Балашевича-Потоцкого: роль в организации конфликтов внутри радикально-демократического лагеря польской эмиграции, его провокацию по срыву переговоров между частью польских эмигрантов и российских революционеров, а также осуществленную им операцию по пресечению отправки груза заграничного оружия в Царство Польское в конце 1862 г.

Не случайно, что старт заграничной деятельности Балашевича был дан именно в 1861 г. Как известно, в начале 1860-х гг. в польских владениях России возросла активность польских конспиративных организаций, начались массовые публичные манифестации против российских властей. Руководство сыска к тому моменту пришло к заключению, что активизация национального движения в польских землях была теснейшим образом связана с работой польской же эмиграции и, кроме того, вдохновлялась пробуждением итальянского и венгерского национальных движений. В ежегодном обозрении III отделения за 1861 г. указывалось: «Революционный дух перешел в Польшу из Италии и Венгрии и встретил в легкомыслии и воспалительности поляков плодотворную почву *при несомненном подстрекательстве со стороны польской эмиграции и ее политических покровителей* (курсив мой. – И. Б.)»³. «Во влиянии эмиграции убеждают, – сообщалось в том же отчете, – печатаемые в ее журналах наставления и распространяемые между народом прокламации

2 Библиографию о деятельности Ю. Балашевича см.: *Борисёнок Ю. А., Бабоша И. А.* Деятельность польской эмигрантской организации «Республиканский Польский Центр» в донесениях российских заграничных агентов Ю. Балашевича и А. Стемповского (1867–1870 гг.) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2023. № 5. С. 35–48.

3 Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827–1869. Сборник документов / сост. М. В. Сидорова и Е. И. Щербакова. М., 2006. С. 542–543.

Мирославского»⁴. Речь в отчете однозначно шла о «красном генерале» Людвике Мерославском (1814–1878) – известном польском революционере и военачальнике, одном из ведущих лидеров радикально-демократического лагеря польской эмиграции, в феврале-марте 1863 г. – диктаторе восстания 1863–1864 гг.

Примечательно, что Балашевич, предложив свои услуги руководству III отделения в мае 1861 г., в качестве подтверждения своей компетентности раздобыл и преподнес будущему начальству воззвания именно Мерославского⁵. Сведения о существовании тесных связей между радикально-демократическим лагерем польской эмиграции и конспирацией в Царстве Польском, по всей видимости, и стали отправной точкой агентурной миссии Балашевича. Ему и его команде информаторов предстояло, во-первых, выяснить планы заграничных заговорщиков, а во-вторых – с помощью агентурных провокаций нейтрализовать их влияние в польских землях, не позволив им выступить единым фронтом в борьбе против самодержавия.

Необходимо подчеркнуть, что Балашевич не создавал конфликты на ровном месте, а лишь выискивал уже существующие противоречия между различными группировками и раздувал их до полноценного скандала. Важно отметить, что «Польское демократическое общество» (ПДО), ведущая радикально-демократическая группировка польской эмиграции, переживала раскол после прихода к власти во Франции в 1848 г. президента Луи-Наполеона (с 1852 г. – императора Наполеона III). Ответвление ПДО во главе с Мерославским выступало за сотрудничество с режимом Второй империи и пользовалось особым покровительством «красного принца» Наполеона Жозефа (Плон-Плона), двоюродного брата Наполеона III. Выступавшие против бонапартизма деятели ПДО переместили свою деятельность в Лондон. Там они сблизились с Дж. Мадзини, В. Гюго, А. И. Герценом и другими известными европейскими революционерами, организовав «Центральный комитет европейской демократии»⁶.

4 Там же. С. 543.

5 *Бабоша И. А.* Польская эмиграция 1830–1870-х гг. в донесениях российской заграничной агентуры. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2025. С. 180. Следует подчеркнуть, что в 1862–1863 гг. Балашевич перешел в подчинение наместника Царства Польского вел. кн. Константина Николаевича, а с 1864 г. снова стал сотрудником III отделения.

6 *Żychowski M.* Generał kłęski: Ludwik Mierosławski. Warszawa, 1965. S. 416–418; *Ziółek J.* Emigracja polska po 1848 roku. Działalność polityczna // *Roczniki*

Знавший об этом Балашевич решил подлить масла в огонь конфликта обоих ответвлений ПДО. В отчете 5 ноября 1861 г. агент сообщил, что газета «Demokrata Polski» (главный печатный орган лондонской секции ПДО) опубликовала его статью, обвинявшую Мерославского «в узурпации власти» в демократическом лагере. Это, в свою очередь, вызвало протест со стороны лояльной «красному генералу» прессы⁷. Мерославский и вправду так и не примирился с лондонским ответвлением ПДО, однако часть его сторонников из Франции все же решилась пойти на соглашение с британской секцией, образовав 28 июля 1862 г. «Главный комитет польской эмиграции». Его члены были солидарны в том, что восстание нельзя откладывать на неопределенный срок и что демократические преобразования являются «вернейшей гарантией» «возрождения и будущей мощи» Польши. Тем не менее между «радикальным» (лондонской секцией) и «умеренным» (бывшими сторонниками Мерославского во Франции) крыльями этого комитета сохранялись разногласия. «Радикалы» считали, что перед восстанием крестьянам Царства Польского необходимо дать гарантии, что они получают землю в собственность. Они также призывали эмиграцию подчиниться повстанческим органам власти на территории польских земель – Центральному национальному комитету в Варшаве (ЦНК), образованному лагерем «красных» в июне 1862 г., и, кроме того, сотрудничать с российскими революционерами и предоставить право на самоопределение национальным меньшинствам в возрожденной Речи Посполитой. «Умеренные», наоборот, полагали, что надо сначала обеспечить национальное единство польского общества и только потом приступать к преобразованиям. Они подчеркивали, что именно эмиграция должна координировать действия повстанцев на польских землях, а также более скептически относились к союзу с российскими революционерами А. И. Герценом и М. А. Бакуниным и обеспечению прав меньшинств, выступая за Польшу «в границах 1772 г.»⁸.

Л. Мерославский, несмотря на конфликт и с «умеренными», все равно сохранял сторонников как среди эмиграции, так и внутри упомянутого выше варшавского ЦНК⁹. Его запас прочности был весь-

humanistyczne. Lublin, 1996. Т. XLIV. Z. 2. S. 187–193; *Фалькович С. М.* Польская политическая эмиграция... С. 141–145.

⁷ *Potocki A.* Raporty szpiega. Т. 1 / wybór, opracowanie i studium wstępne R. Gerber. Warszawa, 1973. S. 141–142.

⁸ *Фалькович С. М.* Польская политическая эмиграция... С. 211–216. См. также: *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. Warszawa, 1972. 268–269.

⁹ *Фалькович С. М.* Польская политическая эмиграция... С. 268.

ма велик, несмотря на, казалось бы, непрекращающуюся череду его собственных неудач и старания «Потоцкого». III отделение из донесения Балашевича от 12 марта 1862 г. знало, что противники Мерославского сумели сместить его с поста руководителя военной школы в Генуе¹⁰ и вынудить отчитаться о потраченных им средствах. Однако ему удалось сохранить часть денежной суммы за собой. Как сообщалось в ежегодном отчете III отделения, «тем не менее Мерославский не унывал, продолжая действовать на молодое поколение издаваемых им под его руководством демократическими журналами...»¹¹.

Неудивительно, что в отчете III отделения за 1862 г. одним из центральных вопросов было соотношение между Главным комитетом польской эмиграции (в тексте он назван «Центральным народным комитетом в Париже») и варшавским ЦНК: «Между тем, учрежденный в Париже “Центральный народный комитет польской эмиграции” постепенно более подчинялся влиянию революционной власти, управляющей внутренним польским движением и издающей свои приказания от имени “Центрального народного комитета в Варшаве”»¹². В III отделении обратили внимание и на разногласия между двумя «центральными народными комитетами». Варшавская организация стремилась вступить в союз с «русской революционной пропагандой», разделяя мнение последней насчет предоставления Литве, Белоруссии и Малороссии «выбора между присоединением к Польше или России». В свою очередь, Мерославский на страницах польских и французских журналов протестовал против «родившегося предположения насчет тождества обоих центральных комитетов» и назвал «изменою мысль об уступке хотя одной из областей, принадлежавших к Польскому королевству»¹³, выступая за восстановление границ 1772 г.

Таким образом, на рубеже 1861–1862 гг. III отделение узнало, что польские заговорщики пытались договориться не только между собой, но и с зарождающимся российским революционным движением. В связи с этим у Балашевича появилась новая задача – поссорить польских и русских радикалов. В этом самодержавию помог

10 Военная школа, созданная с разрешения итальянского правительства для подготовки будущих польских повстанцев. Итальянским властям в итоге пришлось ее закрыть 24 июня 1862 г. под давлением России и Пруссии в качестве платы за признание этими великими державами объединенной Италии. См.: *Фалькович С. М.* Польская политическая эмиграция... С. 241.

11 *Potocki A.* Raporty szpiega. T. 1. S. 176; Россия под надзором. С. 571–572.

12 Россия под надзором. С. 574.

13 Там же. С. 575.

тактический союз с режимом Второй империи, который враждовал с лондонской секцией ПДО и в связи с этим был готов сотрудничать с Россией в борьбе конкретно с этой группировкой эмиграции, поддерживавшей тесные связи с российскими революционерами и варшавским ЦНК. С конца октября 1862 г. Балашевич благодаря содействию префекта парижской полиции С. Буателя стал перехватывать корреспонденцию между варшавским ЦНК и Герценом с Бакуниным¹⁴. В донесении от 24 октября «Потоцкий» рапортовал, что агент ЦНК Юзеф Цверцякевич сообщил в письме Герцену о том, что восстание в Царстве Польском непременно начнется в январе¹⁵. Так и произошло в действительности – повстанческое выступление, положившее начало восстанию 1863–1864 гг. в Царстве Польском и Западном крае, разразилось в ночь с 22 на 23 января 1863 г.

Осенью 1862 г. Ю. Балашевич серьезно оценивал риски объединения эмигрантских группировок и их возможного соглашения с русскими революционерами. В обозрении событий от 15 сентября до 20 ноября 1862 г., подготовленном специально для Александра II, он указал, что все эмигранты выражали стремление слиться в единый организм и открыто выступить против России и что, более того, Бакунин и Герцен якобы заключили союз с Мерославским. Балашевич вновь подчеркнул, что с целью нейтрализации их объединительных планов он настраивал одну партию против другой. Так, например, с помощью агента, входящего в состав варшавского ЦНК, он разместил в «Колоколе» Герцена статью, содержащую призыв позволить жителям Литвы и Малороссии самим решать вопрос о своем присоединении к Польше или России. Мерославский, будучи сторонником единой и неделимой Польши, из-за этого обиделся, и, разорвав все связи с Герценом и Бакуниным, обещал отомстить. Для подкрепления успеха Балашевич послал Мерославскому копию нелицеприятного по отношению к «красному генералу» письма Бакунина, а Бакунину – его не менее нелицеприятную характеристику со стороны Мерославского¹⁶.

В своих дальнейших донесениях Ю. Балашевич-Потоцкий неоднократно рапортовал, что все последующее расколы в демократическом лагере являлись делом его рук. 25 ноября 1862 г. он доложил, что убедил

14 Подробнее о русско-французском сближении в 1856–1862 гг. в контексте польского фактора и сотрудничества полицейских органов обоих государств см.: *Бабоша И. А.* Польская эмиграция... С. 192, 205–206, 209–211.

15 *Potocki A.* Raporty szpiega. Т. 1. S. 206.

16 *Ibid.* S. 241–242. В этом обзоре не приведено конкретных дат данных провокаций. В предыдущих донесениях о них не говорилось.

Северина Эльжановского («умеренного» демократа) разместить в газете «Przegląd Rzeczy Polskich» «язвительную» статью против «Герцена, Бакунина и компании»¹⁷. Под «компанией» явно подразумевался варшавский ЦНК и его союзники из лондонской секции ПДО.

Результат подрывных операций не заставил себя долго ждать. В донесении 3 декабря Балашевич докладывал о потасовке между деятелем британской ячейки ПДО Людвиком Булевским (1824–1883) и сторонниками Мерославского на торжестве в честь годовщины Ноябрьского восстания в Лондоне, организованном агентом «Отеля Лямбер» (консервативного лагеря эмиграции) Наполеоном Жабой¹⁸. Резюме этого сообщения попало в отчет III отделения за 1862 г.: «Празднество кончилось спором и дракою по поводу вышеупомянутого выходца Булевского, члена “Варшавского центрального народного комитета”, который требовал, увлекаясь при этом произнесением угроз, чтобы вся польская эмиграция в Англии и во Франции подчинилась исключительно варшавскому комитету»¹⁹.

Крупным достижением «Потоцкого» стала провокация, приведшая к аресту парижской полицией трех влиятельных членов варшавского ЦНК, занимавшихся закупкой оружия для будущего восстания, – Юзефа Цверцякевича, Чапиньского и Францишека Годлевского. Балашевич свел с этими поляками итальянского революционера Джузеппе Мадзини, которого местная полиция подозревала в подготовке покушения на Наполеона III. Контакты с итальянским революционером и стали поводом для их ареста²⁰. Любопытно отметить, что под фамилией «Чапиньского» в действительности – о чем на тот момент не знал Балашевич – скрывался не кто иной, как Игнаций Хмельньский (1837–1871), сбежавший за границу сообщник Людвика Ярошиньского, покушавшегося на жизнь великого князя Константина Николаевича в июне 1862 г. О том, что «Чапиньский» на самом деле был Хмельньским, Балашевич узнал от своего агента вечером 6 января 1863 г. – в тот же день он отправил послание с этими данными²¹.

Тем временем оказалось, что за троих задержанных вступился «красный принц» Наполеон Жозеф, «из-за своего слабого характера

17 Ibid. S. 250.

18 Ibid. S. 260–261.

19 Россия под надзором. С. 576.

20 *Potocki A. Raporty szpiega*. Т. 1. S. 269–270.

21 Ibid. S. 279.

дающий себя использовать как орудие польской эмиграции». Согласно донесению Балашевича от 8 января, агентов варшавского ЦНК благодаря заступничеству кузена Наполеона III велено было освободить, но с условием покинуть пределы Франции в течение 24 часов²². Балашевичу, однако, удалось на некоторое время продлить арест Хмельнского – агент донес в префектуру полиции, что тот был соучастником покушения на Константина Николаевича²³. В секретной депеше русского посла во Франции Андрея Федоровича Будберга от 30 декабря (11 января) содержалась похожая информация, но о роли Балашевича там ничего не сказано – вероятно, для сохранения конспирации. Виновником освобождения эмиссаров указан не принц Наполеон, а некие «высокопоставленные адвокаты». Кроме того, «Чапиньского» задержали на больший, чем Цверцякевича и Годлевского, срок не по наводке тайного агента, а под предлогом «установления личности», и назвал тот свою настоящую фамилию (Хмельнский) уже после короткого допроса в префектуре полиции²⁴.

Российский историк-франковед П. П. Черкасов в Архиве внешней политики Российской политики (АВПРИ) работал с оригиналом упомянутой выше депеши Будберга, направленной главе российского МИД А. М. Горчакову²⁵. Исследователь привел и более ранние депеши от 6 и 24 декабря, сообщавшие, что адрес проживания эмиссаров ЦНК указал агент русского посольства, некий Леруа, и что именно Будберг потребовал у префекта парижской полиции арестовать заговорщиков²⁶. Таким образом, вероятно, что «граф Потоцкий» подготовил почву для провокации, а Леруа указал точные координаты Цверцякевича, Годлевского и «Чапиньского» (Хмельнского). Оба агента, возможно, и не знали о существовании друг друга. Балашевич ничего не писал о местонахождении этих конспираторов и не упоминал о том, чтобы кто-либо выдавал их адрес. В любом случае, поляки весьма болезненно воспринимали последствия агентурной операции самозваного графа и русского посольства. Известный журналист и мемуарист Владислав Мицкевич (сын поэта Адама Мицкевича),

22 Ibid. S. 280.

23 Ibid. S. 281.

24 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 109. Оп. 2а. Д. 395. Л. 1–4.

25 В процитированном нами выше архивном деле ГА РФ приведена копия этого донесения, предназначавшаяся для III отделения.

26 *Черкасов П. П.* Российско-французские отношения и польское восстание 1863 г. // Новая и новейшая история. 2015. № 1. С. 94–112.

ссылаясь на сведения Зыгмунта Сераковского²⁷, полагал, что часть найденных у арестованных эмиссаров бумаг французская полиция могла передать Будбергу, благодаря которым Россия «получила сведения о путях, по которым оружие, купленное за границей, должно было добираться до Польши». По мнению Мицкевича, из-за этого в самом начале Январского восстания польские повстанцы вынуждены были вступать в бой «с обыкновенными охотничьими ружьями» (а не с полноценными боевыми винтовками, закупкой которых занимались эмиссары. – *И. Б.*)²⁸.

Деятельность Ю. Балашевича по перехвату переписки А. И. Герцена и М. А. Бакунина с польскими эмигрантами нашла отражение в отчете III отделения 1862 г. Среди корреспондентов русских революционеров обнаружили, с одной стороны, члены «Варшавского центрального народного комитета» – Цверцякевич (упомянут выше среди арестованных французской полицией), Анборский, Сохновский, Новицкий, а с другой стороны, их противник Мерославский, названный в отчете главой «польской партии движения». Особое внимание было уделено отношениям последнего с Бакуниным. Подчеркивалось, что, несмотря на разногласия, они не исключали возможности договориться между собой: «Из перехваченного же письма Мирославского к Бакунину видно было, что, хотя они разошлись во мнениях насчет пределов будущего Королевства Польского (очевидно, что Мерославский выступал за Польшу в границах 1772 г., а Бакунин настаивал на необходимости самоопределения белорусских и украинских земель. – *И. Б.*), но что они сохраняли еще свои связи, стремясь вместе прежде всего к революции». Как варшавский ЦНК, так и «красный генерал» не оставляли попыток перетянуть русского революционера на свою сторону: «Мирославский старался уверить Бакунина, что “Варшавского центрального комитета” вовсе не существует, что это лишь обман, но что главная революционная сила заключается в партии его, Мирославского». Однако русский революционер явно

27 З. Сераковский (1827–1863) – член конспиративной организации «Кружок польских офицеров в Санкт-Петербурге» и будущий участник Январского восстания. На момент разговора с Мицкевичем в декабре 1862 г. являлся капитаном русского Генерального штаба, по заданию правительства пребывавшим в заграничной командировке.

28 *Mickiewicz W. Pamiętniki. T. 2: 1862–1870. Warszawa, 1927. S. 250.* Согласно В. Мицкевичу, эти сведения Сераковскому якобы сообщил лично Будберг. В тексте мемуаров не уточняется, откуда Мицкевич получил данную информацию – от самого Сераковского или из других источников.

сделал выбор в пользу варшавской организации, поскольку «в конце года письма Бакунина обнаружили уже явный его с Мирославским разрыв, который произошел *отчасти под влиянием одного ловкого анонимного подстрекательства* (курсив мой. – И. Б.)»²⁹.

Этим «подстрекательством» являлась известная провокация «Потоцкого» против Бакунина в конце декабря 1862 г. Ю. Балашевич под псевдонимом «Абракадабра» вступил в переписку с русским революционером, выдавая себя за польского повстанца-доброжелателя, который в целях конспирации не мог выдавать своего имени. «Абракадабра» предупреждал Бакунина об интригах Мерославского, и в своем ответном письме 18 декабря 1862 г. Михаил Александрович поблагодарил анонима за «полезные предостережения»³⁰. Польский историк Ян Кухажевский посчитал ответ революционера наивным: «Кажется удивительным, что Бакунин не прервал переписки после этого письма анонима, неумело написанного, местами нелепого. Немногое нужно было, чтобы обмануть его»³¹. Однако на тот момент предостережение «Абракадабры» не представляло собой откровения для будущего классика анархической мысли. В том же письме 18 декабря он отметил: «Еще прежде, чем получил Ваше письмо, я решился отвечать на его (Мерославского. – И. Б.) клевету, прочитав же ваше письмо, еще более убедился в необходимости этого шага» (отрывок с этой фразой Кухажевский разместил у себя же в монографии!)³². Конкретно в этом случае о наивности Бакунина говорить не приходится – он уже и так был настроен против «красного генерала». В следующем послании «Абракадабра» пошел еще дальше и обвинил Мерославского в доносе на трех указанных выше членов варшавского ЦНК, которых парижская полиция благодаря провокации «Потоцкого» и по наводке российского агента Леруа арестовала по подозрению в связях с Мадзини. Однако Бакунин, отметив свою неприязнь к «красному генералу», усомнился, что Мерославский мог пойти на такую низость, и попросил «Абракадабру» привести весомые доказательства его измены³³.

Итак, к концу декабря 1862 г. отношения Бакунина и Мерославского уже были крайне напряженными, поэтому и в III отделении

29 Россия под надзором. С. 587.

30 *Potocki A. Raporty szpiega*. Т. 1. S. 85–86.

31 *Кухажевский Я.* От белого до красного царизма. Т. 3. Годы перелома. Романов, Пугачев или Пестель: Ч. 2. III отделение. М., 2018. С. 293.

32 Цит. по: *Кухажевский Я.* От белого до красного царизма. Т. 3. Ч. 2. С. 292; *Potocki A. Raporty szpiega*. Т. 1. S. 86.

33 *Potocki A. Raporty szpiega*. Т. 1. S. 89–90.

вполне справедливо подытожили, что «анонимное подстрекательство» Балашевича повлияло на разрыв двух революционеров лишь «отчасти». Советский и российский историк революционного движения Н. М. Пирумова полагала, что «разрыв с Мерославским был вполне естествен» и без влияния царских провокаторов, поскольку «националистическая программа польского генерала делала невозможным союз между ним и Бакуниным»³⁴. С. М. Фалькович, во многом придерживавшаяся традиций советской историографии, в монографии 2017 г. высказала схожую оценку, заключив, что «борьба русских революционных эмигрантов» с Мерославским «носила глубоко принципиальный характер как борьба подлинной революционности против революционной демагогии и авантюризма, подлинного интернационализма революционеров-демократов против шляхетского сословного национализма»³⁵. Современный польский бакуниновед Антоний А. Каминьский во втором томе своей биографии «великого бунтаря» (2013 г.) и вовсе обошел проблему участия тайной полиции в этом конфликте. Проанализировав полемику между революционерами, исследователь пришел к схожим с Н. М. Пирумовой и С. М. Фалькович выводам. По его мнению, причинами ссоры являлись непримиримая националистическая позиция Мерославского, а также то, что были задеты политические амбиции «красного генерала», которого варшавский ЦНК решил не включать в переговоры с русскими революционерами³⁶.

Бакунину действительно не нравилась бескомпромиссная приверженность повстанческого предводителя идее Польши «в границах 1772 г.», однако он долго не оставлял попыток договориться с «красным генералом». Известно, что переговоры между революционерами начались с момента их знакомства в августе 1862 г. и продолжались как минимум до октября того же года. В письме от 1 октября 1862 г. Бакунин в весьма дипломатичном тоне просил Мерославского переговорить с русскими революционерами, в то же время вежливо настаивая, что они не могли пойти на разрыв отношений с варшавским ЦНК, которым руководили соперники генерала³⁷. В связи с этим не случайно, что в приведенном выше фрагменте из отчета III отделения указывалось,

34 *Пирумова Н. М.* Михаил Бакунин. М., 1970. С. 194.

35 *Фалькович С. М.* Польская политическая эмиграция... С. 274.

36 *Kamiński A.* Michał Bakunin. Życie i myśl. T. 2. Podpalacz Europy. Wrocław, 2013. S. 260–267.

37 *Żychowski M.* Generał klęski. S. 533–534.

что Мерославский и Бакунин, невзирая на разногласия, «сохраняли еще свои связи, стремясь вместе, прежде всего к революции».

Бакунин неоднократно выказывал готовность идти на компромисс и заключать тактические союзы даже с принципиальными идеологическими оппонентами ради достижения общей цели – борьбы с самодержавием. Накануне Январского восстания он и Герцен активно сотрудничали с консервативным «Отеlem Лямбер», несмотря на всю разницу взглядов между ними³⁸. Важно подчеркнуть, что «великий бунтарь» был лично знаком с князем Адамом Чарторыйским еще с 1845 г.³⁹ А уже после начала восстания, весной 1863 г., он присоединился к неудачной экспедиции польских эмигрантов, отправлявшихся на британском пароходе «Ward Jackson» с грузом оружия на помощь повстанцам на территории Литвы. Русскому революционеру не помешало, что в качестве военного руководителя похода был выбран полковник Теофиль Лапильский (1827–1886), которого сам же Бакунин охарактеризовал как «патриота в смысле непримиримой и непобедимой ненависти к русским»⁴⁰.

Примечательно, что склонность Бакунина к компромиссам позднее отмечал даже сам Мерославский, который обычно высказывался крайне нелицеприятно о большинстве своих оппонентов. В своих мемуарах он указал, что изначально «великий бунтарь» пообещал после начала восстания обратиться с манифестом к русским войскам с призывом отступить к Смоленску и Днепру (т. е. косвенно подтвердить восстановление Речи Посполитой в границах 1772 г.). Надежды польского радикала на соглашение с русским революционером перечеркнула лишь вышедшая позднее в том же 1862 г. знаменитая бакунинская брошюра «Народное дело. Романов, Пугачев или Пестель?», в которой признавалось право народов бывшей Речи Посполитой на самоопределение. В этой брошюре, по мнению Мерославского, Бакунин отрекся от якобы данного ранее обещания признать границы 1772 г. Тем не менее «красный генерал» подчеркнул, что «при более основательном общении с нашим трезвым патриотизмом» Бакунин мог бы согласиться с его позицией⁴¹.

38 Об этом сотрудничестве в 1861–1862 гг. см. подробнее: *Wereszycki H.* Stosunki Hotelu Lambert z Hercenem i Bakuninem w przededniu powstania styczniowego // *Przegląd Historyczny.* 1957. № 2. S. 234–269.

39 *Борисёнок Ю. А.* Михаил Бакунин и «польская интрига»: 1840-е годы. М., 2001. С. 156.

40 *Пирумова Н. М.* Михаил Бакунин. С. 206.

41 *Mierosławski L.* Pamiętnik Mierosławskiego (1861–1863). Warszawa, 1924. S. 70–71.

Не стоит забывать и о том, что провокации Балашевича против Бакунина не сводились только к «ловкому анонимному подстрекательству» в последних числах декабря 1862 г. и начались еще осенью того же года. Выше уже приводился обзор агента за период от 15 сентября до 20 ноября, из которого следовало, что Балашевич пересылал письма с неллицеприятными характеристиками Бакунина Мерославским и Мерославского Бакуниным и тому, и другому (в какие именно дни это произошло, агент не указал). Отсюда вытекает, что ни «великий бунтарь», ни «красный генерал» в тот период не собирались окончательно «сжигать мосты» и осмеливались откровенно высказываться друг о друге только в переписке с третьими лицами. В более раннем и точно датированном донесении Балашевича за 25 октября 1862 г. текущий статус отношений двух революционеров описан краткой и категоричной ремаркой: «При посредничестве [Руфина]⁴² Пиотровского⁴³ мы окончательно поссорили Мерославского с Бакуниным, которые прервали переписку»⁴⁴.

Исходя из указанных выше отчетов, а также процитированного выше доброжелательного по тону послания Бакунина Мерославскому от 1 октября того же года можно предположить, что провокация Балашевича и вызванные ею ссора и прекращение переписки могли иметь место не ранее первой половины – середины октября и не позднее ноября. Таким образом, когда Бакунин переписывался с «Абракадаброй» в конце декабря, его «знание» об «интригах» Мерославского изначально могло быть навеяно уже настоящими интригами царского агента. Поэтому целью писем Балашевича под личиной «Абракадабры», вероятно, являлось не провоцирование конфликта (ибо он уже существовал), а стремление окончательно убедить русского революционера отказаться от каких-либо попыток примирения с Мерославским.

Очевидно, что Балашевич явно преувеличивал степень своего влияния и что серьезные противоречия между Бакуниным и Мерославским возникли не на пустом месте. Долговременный союз между

42 Дополнение составителя польской публикации отчетов Р. Гербера.

43 Руфин Пиотровский (1806–1872) – польский эмигрант, участник Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. Подробнее о нем см.: *Śliwowska W. Rufin Piotrowski w świetle nieznanych materiałów policyjnych // Wrocławskie Studia Wschodnie. Wrocław, 1997. S. 11–31.* В донесениях Балашевича есть лишь отдельные упоминания о Пиотровском, поэтому неизвестно, какие отношения их связывали. По-видимому, Пиотровский состоял в переписке с Мерославским и Бакуниным, поэтому и стал невольным «посредником» провокации «Потоцкого».

44 *Potocki A. Raporty szpiega. T. 1. S. 211.*

ними и вправду был маловероятен. Однако возможности заключения временного и тактического альянса хотя бы на время восстания исключать не следует, учитывая указанную выше способность Бакунина договариваться с совершенно разными политическими силами. Провокация «Потоцкого» вывела коммуникацию революционеров за рамки конструктивного диалога и свела ее к потоку взаимных оскорблений.

Хорошо известно, что российская революционная организация «Земля и воля», от имени которой выступали Герцен с Бакуниным, не обладала реальными силами, чтобы помочь польскому восстанию⁴⁵. Тем не менее оба революционера обладали широким кругом контактов в среде польской эмиграции. Поэтому провокации против них, как следует из всего вышесказанного, затрагивали и эмиграционных предводителей, усиливая и так обычно негативный эмоциональный фон в среде деятелей польского национального движения.

Подводя итоги, отметим, во-первых, что накануне Январского восстания III отделение было неплохо осведомлено о соотношении сил между радикально-демократическими группировками польской эмиграции и их немногочисленными российскими союзниками. Агентура тайной полиции в лице Ю. Балашевича-Потоцкого сумела отчасти воспрепятствовать координации усилий между различными противниками самодержавия и четко знала, что в период надвигающегося восстания они не смогут выступить единым фронтом.

Во-вторых, по всей видимости, в аресте трех влиятельных эмиссаров варшавского ЦНК конце декабря 1862 г., которые занимались закупкой винтовок для будущего восстания, были замешаны и Балашевич, и собственная агентура российского посольства во Франции. Это демонстрирует, что в данный период заграничные операции российского политического сыска могли являться результатом скоординированной работы разных ведомств (в данном случае российского МИД и тайной полиции Царства Польского, на службе которой Балашевич состоял в 1862–1863 гг.). Сама же провокация показывает, что ставка российского правительства на активизацию деятельности зарубежной агентуры накануне Январского восстания 1863–1864 гг. оказалась весьма оправданной, так как именно она позволила нанести серьезный удар по каналу поставок оружия в земли бывшей Речи Посполитой.

⁴⁵ Подробнее о контактах «Земли и воли» с польским национальным движением см.: *Kieniewicz S. Powstanie styczniowe. S. 333–338.*

Наконец, конфликт крупного деятеля радикально-демократического лагеря польской эмиграции Л. Мерославского и русского революционера М. А. Бакунина мог быть вызван не только единичной провокацией в декабре 1862 г. (по мнению Я. Кухажевского) или несовпадением их политических программ (согласно точкам зрения Н. М. Пирумовой, С. М. Фалькович и А. Каминьского). Вполне вероятно, что эта ссора являлась в том числе и следствием целого комплекса долговременных психологических операций Балашевича, стремившегося усилить и так характерную для среды политических эмигрантов и революционеров атмосферу подозрения и недоверия.

Источники и литература

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).

Бабоша И. А. Польская эмиграция 1830–1870-х гг. в донесениях российской заграничной агентуры. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2025. 311 с.

Борисёнок Ю. А., Бабоша И. А. Деятельность польской эмигрантской организации «Республиканский Польский Центр» в донесениях российских заграничных агентов Ю. Балашевича и А. Стемпковского (1867–1870 гг.) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2023. № 5. С. 35–48. DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-5-35-48.

Борисёнок Ю. А. Михаил Бакунин и «польская интрига»: 1840-е годы. М.: РОССПЭН, 2001. 304 с.

Кухажевский Я. От белого до красного царизма. Т. 3. Годы перелома. Романов, Пугачев или Пестель: Ч. 2. III отделение. М.: Издатель Степаненко, 2018. 408 с.

Пирумова Н. М. Михаил Бакунин. М.: Молодая гвардия, 1970. 400 с.

Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827–1869. Сборник документов / сост. М. В. Сидорова и Е. И. Щербакова. М.: Рос. фонд культуры; Российский Архив, 2006. 706 с.

Фалькович С. М. Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы 30–60-х годов XIX века. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 320 с.

Черкасов П. П. Российско-французские отношения и польское восстание 1863 г. // Новая и новейшая история. 2015. № 1. С. 94–112.

Kamiński A. Michał Bakunin. Życie i myśl. Т. 2. Podpalacz Europy. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Ekonomicznego we Wrocławiu, 2013. 542 s.

Kieniewicz S. Powstanie styczniowe. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1972. 801 s.

Mickiewicz W. Pamiętniki. T. 2: 1862–1870. Warszawa: Gebethner i Wolff, 1927. 441 s.

Mierosławski L. Pamiętnik Mierosławskiego (1861–1863). Warszawa: Instytut Wydawniczy “Biblioteka Polska”, 1924. 215 s.

Potocki A. (Julian Aleksander Bałaszewicz). Raporty szpiega. T. 1 / wybór, opracowanie i studium wstępne R. Gerber. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1973. 422 s.

Śliwowska W. Rufin Piotrowski w świetle nieznanych materiałów policyjnych // Wrocławskie Studia Wschodnie. Wrocław, 1997. T. 1. S. 11–31.

Wereszycki H. Stosunki Hotelu Lambert z Hercenem i Bakuninem w przededniu powstania styczniowego // Przegląd Historyczny. 1957. № 2. S. 234–269.

Ziółek J. Emigracja polska po 1848 roku. Działalność polityczna // Roczniki humanistyczne. Lublin, 1996. T. XLIV. Z. 2. S. 175–197.

Żychowski M. Generał kłęski: Ludwik Mierosławski. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1965. 706 s.

References

Babosha, I. A. *Pol'skaia emigratsiia 1830–1870-kh gg. v doneseniakh rossiiskoi zagranichnoi agentury. Dis. na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk*. Moscow, 2025, 311 p.

Borisyonok, Yu. A. *Mikhail Bakunin i «pol'skaia intriga»: 1840-e gody*. Moscow: ROSSPEN, 2001, 304 p.

Borisyonok, Yu. A., Babosha, I. A. “Deiatel'nost' pol'skoi emigrantskoi organizatsii «Respublikanskii Pol'skii Tsent» v doneseniakh rossiiskikh zagranichnykh agentov Iu. Balashevicha i A. Stempkovskogo (1867–1870 gg.)” *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 8. Istoriiia*, 2023, No 5, pp. 35–48. DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-5-35-48

Cherkasov, P. P. “Rossiisko-frantsuzskie otnosheniia i pol'skoe vosstanie 1863 gg.” *Novaia i noveishaia istoriia*, 2015, No 1, pp. 94–112.

Cherkasov, P. P. “Tretii chelovek v III otdelenii. Adam Sagtynskii – pervyi shef rossiiskoi vneshnei razvedki.” *Rodina*, 2007, No 9, pp. 56–62.

Fal'kovich, S. M. *Pol'skaia politicheskaia emigratsiia v obshchestvenno-politicheskoi zhizni Evropy 30–60-kh godov XIX veka*. Moscow, St Petersburg: Nestor-Istoriia, 2017, 320 p.

Kamiński, A. *Michail Bakunin. Życie i myśl*, vol. 2: Podpalacz Europy. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Ekonomicznego we Wrocławiu, 2013, 542 p.

Kieniewicz, S. *Powstanie styczniowe*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1972, 801 p.

- Kukhazhevskii, Ia. *Ot belogo do krasnogo tsarizma. Vol. 3. Gody pereloma. Romanov, Pugachev ili Pestel', part 2, section III*. Moscow: Izdatel' Stepanenko, 2018, 500 p.
- Mickiewicz, W. *Pamiętniki*, vol. 2: 1862–1870. Warszawa: Gebethner i Wolff, 1927, 441 p.
- Mierosławski, L. *Pamiętnik Mierosławskiego (1861–1863)*. Warszawa: Instytut Wydawniczy „Biblioteka Polska“, 1924, 215 p.
- Pirumova, N. M. *Mikhail Bakunin*. Moscow: Molodaia gvardiia, 1970. 400 p.
- Potocki, A. (Julian Aleksander Bałaszewicz). *Raporty szpiega*, vol. 1 / ed. by R. Gerber. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1973, 422 p.
- Rossiiia pod nadzorem. Otchety III otdeleniia 1827–1869*. Sbornik dokumentov, ed. by M. V. Sidorova and E. I. Shcherbakova. Moscow: Ros. fond kul'tury: Rossiiskii Arkhiv, 2006, 706 p.
- Śliwowska, W. “Rufin Piotrowski w świetle nieznanych materiałów policyjnych.” *Wrocławskie Studia Wschodnie*. Wrocław, 1997, vol. 1, pp. 11–31.
- Wereszycki, H. “Stosunki Hotelu Lambert z Hercenem i Bakuninem w przededniu powstania styczniowego.” *Przegląd Historyczny*, 1957, No 2, pp. 234–269.
- Ziółek, J. “Emigracja polska po 1848 roku. Działalność polityczna.” *Roczniki humanistyczne*. Lublin, 1996, vol. XLIV, z. 2, pp. 175–197.
- Żychowski, M. *General kłęski: Ludwik Mierosławski*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1965, 706 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.02

I. A. Babosha

The Radical Democratic Camp of the Polish Emigration on the Eve of the January Uprising of 1863–1864 (Based on the Reports of the Russian Secret Agent J. Bałaszewicz-Potocki)

Ivan. A. Babosha

Candidate of History, research fellow

Lomonosov Moscow State University

119192, Lomonosovsky Prospect 27-4, Moscow, Russian Federation

E-mail: ivanbabosha@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2502-3906

Citation

Babosha I. A. The Radical Democratic Camp of the Polish Emigration on the Eve of the January Uprising of 1863–1864 (Based on the Reports of the Russian Secret Agent J. Bałaszewicz-Potocki) // Slavica Almanac. 2026. No 1–2. P. 49–67 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.02

Received: 04.11.2025.

Revised: 06.02.2026.

Accepted: 17.03.2026.

Abstract

The article examines the activities of the Russian intelligence network within the radical democratic camp of Polish émigrés. These circles worked closely with the “Red” faction of insurgents who were preparing an armed uprising in the territories of the former Polish-Lithuanian Commonwealth then under the rule of the Russian Empire. A primary focus of this study is the elucidation of specific intelligence operations executed under the auspices of Julian Bałaszewicz-Potocki, a prominent agent of the Russian political police in the 1860s and 1870s. Bałaszewicz-Potocki’s primary objective was to incite discord among various factions of Polish radicals and their Russian allies. It is argued that the well-known conflict between Ludwik Mierosławski, a leader of the Polish radical democratic emigration, and the Russian revolutionary Mikhail Bakunin may have resulted not only from a single deception or political disagreement but from a complex series of long-term psychological operations conducted by Bałaszewicz-Potocki. The study further suggests that the arrest of “Red” faction emissaries by the French police in December 1862—while they were procuring weapons for the forthcoming rebellion—may have been a collaborative effort between Bałaszewicz-Potocki and Russian embassy agents in Paris. It is concluded that during this period, the Russian political police possessed a comprehensive understanding of the power dynamics within the radical democratic camp of the Polish emigration. Utilizing this intelligence, the Russian authorities were able to partially disrupt cooperation between the opponents of Russian autocracy on the eve of the January Uprising.

Keywords

Polish emigration, January Uprising of 1863–1864, The Third Section, political police, J. Bałaszewicz-Potocki, L. Mierosławski, M. Bakunin.

Миссия полковника Э. Ариона и Сан-Стефанский мирный договор 19 февраля (3 марта) 1878 г.

Фролова Марина Михайловна
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: marinafrolova59@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4068-5193

Цитирование

Фролова М. М. Миссия полковника Э. Ариона и Сан-Стефанский мирный договор 19 февраля (3 марта) 1878 г. // Славянский альманах. 2026. № 1–2. С. 68–97. DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.03

Статья поступила в редакцию 05.05.2025.

Рецензирование завершено 02.09.2025.

Статья принята к публикации 16.09.2025.

Аннотация

В статье на основе архивных и опубликованных источников сообщается о миссии румынского полковника Э. Ариона, посланного князем Карлом в Главную квартиру главнокомандующего русской армией великого князя Николая Николаевича (Старшего), и рассматриваются причины недопущения румынского представителя к переговорам о заключении перемирия с Турцией. Подробно освещены переговоры генерал-адъютанта графа Н. П. Игнатьева в Бухаресте с князем Карлом, премьер-министром И. Брэтиану и министром иностранных дел М. Когэлничану 19–22 января 1878 г., а также с турецкими уполномоченными в Сан-Стефано в феврале 1878 г. по статьям мирного договора, касавшимся судьбы Румынии. Игнатьев был вынужден откорректировать текст мирного договора, одобренного в Петербурге, в сторону увеличения территории, обмениваемой на три южнобессарабских уезда. Благодаря переговорам с графом Игнатьевым румынское правительство узнало планируемые Россией статьи будущего мирного договора, поэтому и отозвало своего представителя из Адрианополя. Но акция с посылкой полковника Ариона в Главную квартиру Дунайской армии позволяла Бухаресту заявлять о своих поправках в правах

и несправедливости со стороны России по отношению к союзнику по оружию, чтобы в дальнейшем иметь дополнительный аргумент и использовать данный факт в своих интересах.

Ключевые слова

Русско-турецкая война 1877–1878 гг., Александр II, князь Карл, А. М. Горчаков, И. Брэтиану, М. Когэлничану, А. И. Нелидов, Н. П. Игнатьев, Э. Арион.

12 апреля¹ 1877 г. Россия объявила войну Османской империи. Согласно плану русского командования, одобренному Александром II, армии предстояло форсировать Дунай у румынского города Зимница и достичь Константинополя, чтобы заставить турецкое правительство заключить мир. Проход русской армии через территорию Румынии, вассального Турции княжества, определялся подписанной 4 (16) апреля 1877 г. русско-румынской конвенцией. Два неудачных сражения под Плевной (совр. Плевен) заставили Дунайскую армию перейти от наступления к обороне. В ожидании подхода на Балканы гвардейского и гренадерского корпусов русское командование обратилось к румынскому князю Карлу с предложением принять участие в военных действиях против турок.

Назначение князя Карла командующим союзной группировкой войск под Плевной (Западным отрядом, впоследствии преобразованным в Отряд обложения), а также участие румынской армии в сражении под Плевной (у Гривицких редутов) 30 августа 1877 г., в блокаде этого города и разгроме турецкого войска Осман-паши привели князя к мысли о необходимости непосредственного участия наравне с Россией как ее союзника и в переговорном процессе с турками по заключению мирного договора, чтобы обеспечить исполнение всех своих требований как победителя. Изучение архивных и опубликованных источников показывает, что в отечественной и зарубежной историографии недостаточно освещены миссия румынского полковника Э. Ариона²,

¹ Даты даются по юлианскому календарю, принятому в Российской империи.

² Эракль (Эракле, Эраклие) Арион (1838–1903) окончил офицерскую школу в 1857 г., учился в Политехнической школе в Париже и Артиллерийско-инженерной школе в Меце (1857–1861 гг.), участвовал в русско-турецкой войне в звании полковника (с 1875 г.); с 1883 по 1892 г. в звании бригадного генерала – генерал-инспектор артиллерии, военный губернатор Бухареста (1895–1903 гг.), дивизионный генерал (1902 г.).

переговоры бывшего русского посла в Константинополе генерал-адъютанта графа Н. П. Игнатьева в Бухаресте и в Сан-Стефано по статьям мирного договора, касавшимся судьбы Румынии, не прослежена и взаимосвязь этих событий. Данные сюжеты будут рассмотрены в настоящей статье.

На последнем военном совете, который состоялся 30 ноября в болгарском селении Порадим (совр. Пордим), Александр II заверил князя Карла в том, что не забудет важность и масштабность тех жертв, которые принесла Румыния и которые он ценит. Румынский монарх выразил надежду, что его страна будет призвана принять участие в мирных переговорах. Но царь уклонился от прямых высказываний по этому поводу и обещал подумать о государственно-правовом обеспечении интересов Румынии, что, несомненно, будет признано Европой. Однако у князя создалось впечатление, что «в данном ему ответе нет никаких твердых обещаний, кроме уклончивой доброжелательности»³. Хотя румынское правительство провозгласило Княжество суверенным государством 9 мая 1877 г., Александр II придерживался мнения, что данный вопрос может быть урегулирован только общим соглашением западноевропейских держав, о чем министр иностранных дел России канцлер князь А. М. Горчаков уведомлял чрезвычайного и полномочного посла в Великобритании П. А. Шувалова в письме от 18 мая 1877 г.⁴

Князь Карл телеграфировал главнокомандующему Дунайской армии великому князю Николаю Николаевичу (Старшему) и просил, чтобы Румыния приняла участие в переговорах о перемирии и условиях мира. Не дожидаясь ответа⁵, румынский монарх направил полковника Э. Ариона в русскую Главную квартиру с инструкцией, в которой содержались требования Княжества: 1) оккупация дунайских крепостей румынскими войсками до заключения мира; 2) признание независимости Румынии; 3) разрушение турецких крепостей на Дунае; 4) передача Румынии всех устьев Дуная; 5) военная контрибуция в размере 100 000 000 франков и оккупация Никополя, Рахова, Лом-Паланки и Видина до полной выплаты. «В случае если румынский полномочный представитель не примет участия в переговорах,

3 Цит. по: *Damé F. Histoire de la Roumanie contemporaine depuis l'avènement des princes indigènes jusqu'à nos jours (1822–1900)*. Paris, 1900. P. 294.

4 Освобождение Болгарии от турецкого ига / под ред. С. А. Никитина [и др.]. Т. 2. М., 1964. С. 91.

5 *Damé F. Histoire de la Roumanie...* P. 292.

то ему было поручено протестовать против каждого пункта договора, касающегося Румынии, который был согласован в его отсутствие, и объявить его недействительным»⁶.

Полковник Э. Арион прибыл в Казанлык вечером 8 января 1878 г., а утром следующего дня явился к главнокомандующему с письмами князя Карла. «Прием был самым лестным для меня и армии, которую я представлял»⁷, – докладывал полковник в Бухарест 10 (22) января. Затем он встретился с начальником дипломатической канцелярии А. И. Нелидовым и заявил, что его миссия состояла в том, чтобы принять участие в обсуждении условий мира, и что он «намерен представлять и защищать права страны, вытекающие из результатов борьбы, в которой мы принимали такое активное участие». Нелидов ответил, что великий князь не намерен заниматься обсуждением деталей мирного договора, что даже в этих предварительных условиях (речь шла о перемирии с Турцией) Румыния не будет забыта, что вопросы основ мирного договора должны были быть урегулированы еще ранее либо непосредственно в Бухаресте между министром иностранных дел канцлером А. М. Горчаковым, генерал-адъютантом Н. П. Игнатьевым и румынскими министрами, либо в Петербурге, что, наконец, уже сейчас великий князь написал князю Карлу в том же смысле⁸ и что великий князь не желал, чтобы какая-либо другая сторона вмешивалась в переговоры по предварительным условиям мира, что это дело только двух сторон, Турции и России⁹. Разговор был прерван, поскольку Нелидова срочно вызвали на секретное совещание, в котором принимали участие главнокомандующий, начальник штаба генерал-адъютант А. А. Непокойчицкий и уполномоченные Порты министр иностранных

6 *Reminiscences of the King of Roumania*, edited from the original with an introduction by Sidney Whitman. New York and London, 1899. P. 302.

7 Профессор Аризонского университета Фр. Келлог также обратил внимание на то, что Ариона в Главной квартире приняли «с большой помпой» (*Kellogg Fr. The road to Romanian Independence*. West Lafayette, 1995. P. 183).

8 Великий князь Николай Николаевич писал князю Карлу: «Я благодарю тебя за два твоих письма, доверенных полковнику Ариону; я предлагаю туркам только ключевые основы мира, которые были присланы мне из Петербурга и в которых не были забыты все румынские интересы. В случае если мы придем к заключению перемирия, я тотчас сообщу тебе о его положениях, а также о населенных пунктах, которые твои войска должны занять. Что касается деталей условий мира и будущих переговоров, обращайся в Петербург. Я их не знаю. Николай» (*Correspondance diplomatique roumaine sous le roi Charles 1-er (1866–1880)*. Deuxième édition. Bucarest, 1938. P. 305).

9 *Correspondance...* P. 302–304.

дел Сервер-паша и высокопоставленный сановник Империи министр двора султана Намык-паша. Турецкие представители со свитой прибыли в Казанлык 7 января и на следующий день «с полным почетом»¹⁰ были приняты великим князем. Однако турки сочли предложенные условия мира неприемлемыми для своей страны: «Мы имеем весьма широкие полномочия, но то, что вы требуете, — почти уничтожение Турецкой империи»¹¹. Война продолжилась.

Полковник Арион уже знал о результатах переговоров с турецкими представителями, когда 10 января вновь встретился с Нелидовым. Русский дипломат заявил, что не может быть и речи о румынском представителе на переговорах по мирному договору, условия которого были присланы из Петербурга. Он был очень удивлен претензией Ариона, так как считал, что вопрос уже решен на военном совете в Порадимае, что, наконец, румынскому правительству необходимо обратиться в Петербург, откуда присланы условия мира. При этом он сослался на прецедент 1871 г., когда Пруссия заключила мирный договор с Францией от имени своих союзников¹². Нелидов заверил Ариона, что интересы Румынии находятся в надежных руках и что из бесчисленных предыдущих бесед достаточно хорошо известно, каковы их требования. Румынский полковник заявил ему, что, «как бы ни заботилось российское правительство о наших интересах, и я выразил ему свою благодарность за это, мы не хотим, чтобы нас кто-то буксировал, и мы вполне способны ориентироваться самостоятельно». Русский дипломат повторил, чтобы Арион писал в Бухарест и чтобы оттуда обратились в Петербург, «потому что здесь ничего нельзя сделать»¹³. Главнокомандующий, в свою очередь, также указывал Ариону, что «основания нашего перемирия выработаны в Петербурге» и переданы ему по приказанию императора¹⁴.

9 (21) января 1878 г. министр иностранных дел Румынии М. Когэлничану предписал румынскому дипломатическому агенту

10 Нелидов А. И. К двадцатипятилетию освобождения Болгарии. Заключение перемирия в Адрианополе 19 января 1878 г. // Исторический вестник. 1903. Т. 91. № 1. С. 73.

11 Газенкампф М. А. Мой дневник 1877–1878 гг. СПб., 1908. С. 346.

12 В состав коалиции германских государств во главе с Пруссией входили Северо-Германский союз 1867–1870 гг.; Южная Германия (Бавария, Вюртемберг, Баден, Гессен-Дармштадт).

13 Correspondance... P. 305.

14 Архив внешней политики Российской империи (далее – АВП РИ). Ф. 322. Оп. 181/1. Д. 1. Л. 371 и об.

в Петербурге генералу князю И. Г. Гике декларировать право Румынии участвовать в переговорах, так же как она участвовала в боевых действиях¹⁵. 12 (24) января Когэлничану потребовал от Ариона немедленного отчета о результатах его действий. И далее он подчеркивал, что из послания главнокомандующего князю Карлу следует, что «как в отношении перемирия, так и в отношении основ мира нам хотят представить только свершившиеся факты. Мне хотелось бы верить, что это не входит в намерения великого князя и что фраза в соответствующей депеше была воспроизведена неправильно»¹⁶.

14 (26) января генерал Гика телеграммой предупредил Бухарест, что полковника Ариона не допустят к переговорам. Император и канцлер Горчаков откровенно заявили Гике о невозможности участия Румынии в переговорах на равных по той причине, что «ее независимость не подтверждена Европой и что лишь после того, как новое положение Румынии будет признано европейским концертом, она сможет принять участие в международных актах, требующих внешнего суверенитета, а пока на долю России выпадает задача защиты интересов румын и признание их конгрессом, на который Княжество может послать консультативную делегацию»¹⁷. Российский историк В. Н. Виноградов подчеркивал, что аргументация царя и канцлера вполне соответствовала положению международного права той эпохи¹⁸. Надо отметить, что и представители Сербии и Черногории не принимали участия в переговорах.

19 января 1878 г. в Адрианополе было заключено перемирие. 20 января полковник Арион докладывал в Бухарест о том, что переговоры и подписание условий прошли без его участия, что после праздничного приема у главнокомандующего Нелидов сообщил условия перемирия и что размер компенсаций будет обсуждаться на последующих переговорах, которые будет вести граф Н. П. Игнатьев. Его ожидали в Адрианополе со дня на день. Арион подчеркивал, что необходимо назначить вместо него другого дипломата, поскольку у него было очень мало возможностей для такой работы, он мог бы оказаться

15 Correspondance... P. 302.

16 Ibid. P. 307.

17 Документы // Виноградов В. Н., Ерещенко М. Д., Семенова Л. Е., Покивайлова Т. А. Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии: Документы и материалы. М., 1996. С. 151.

18 Виноградов В. Н. Утрата и возвращение Южной Бессарабии // Виноградов В. Н., Ерещенко М. Д., Семенова Л. Е., Покивайлова Т. А. Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии: Документы и материалы. М., 1996. С. 127.

только на втором месте. «Этот преемник должен быть человеком личной значимости и связей», – указывал он¹⁹.

В телеграмме от 23 января (4 февраля) 1878 г. на имя главнокомандующего после поздравлений с заключением Адрианопольского перемирия с турками 19 января 1878 г. князь Карл подчеркнул, что недопущение румынского уполномоченного к участию в заключении перемирия ставило его правительство в весьма затруднительное положение перед страной. «Принимая в соображение это незаслуженное устранение, я прикажу приготовиться к занятию Видина и Белоградчика и удержу эти крепости и прочие города дунайского побережья в виде залога, впредь до уплаты военных издержек и вознаграждения, которое Турция должна уплатить Румынии»²⁰.

Полковник Генерального штаба М. А. Газенкампф прокомментировал телеграмму князя Карла: «Турки смотрят на румын (и совершенно правильно) как на возмущившихся вассалов, а румыны возомнили себя равноправною нам воюющей державой. Не только желают наравне с нами участвовать в мирных переговорах, но еще убеждены в своем праве требовать от Турции уплаты денежных издержек на свое восстание против ее верховной власти. Какое самонимение! Они даже забыли, что независимость Румынии еще должна быть оформлена мирным договором и признана всеми державами. Сомнения нет, что турецкие уполномоченные наотрез отказались бы вести мирные переговоры с румынами»²¹. Современные российские историки вполне разделили суждения Газенкампфа. Анализируя ситуацию, В. Н. Виноградов писал, что «психологически Высокой Порте было легче сдать свои позиции, в том числе по ключевому вопросу о признании независимости Румынии, не сталкиваясь лоб в лоб с этим персонажем, вооруженным требованиями, которые она считала для себя оскорбительными»²². В. Я. Гросул, принимая во внимание отношение Турции к Румынии, подчеркивал и другое весьма серьезное обстоятельство, что именно Турция «категорически была против того, чтобы на равных вести переговоры со своим вассалом. Независимость Румынии, провозглашенную годом раньше, она не признавала, не рассматривала она Румынию

19 Correspondance... P. 310.

20 Газенкампф М. А. Мой дневник... С. 416.

21 Там же. С. 417.

22 Виноградов В. Н. Румыния в войне за независимость // История Балкан: Судьбоносное двадцатилетие (1856–1878 гг.) / отв. ред. В. Н. Виноградов. М., 2012. С. 294.

и как воюющую сторону». Поэтому и Осман-паша отказался сдаваться румынам и сдался только русским²³.

Следует сказать, что многие румынские историки, не объясняя причин отказа русской стороны от допущения полковника Ариона к участию в переговорах с турками, какие, например, были официально представлены Александром II и его министром иностранных дел генералу Гике, лишь указывают, что данный факт глубоко разочаровал князя Карла, вызвал большое недовольство общественного мнения и обеспокоенность Бухареста. Они также обвиняют Россию в том, что она полностью игнорировала интересы союзных государств и постаралась приспособить их к своим собственным планам²⁴.

Впрочем, румынский историк Н. Йорга взглянул на ситуацию с другого ракурса. Он констатировал, что ни Брэтиану, ни Когэлничану, зная «о проигранной партии», не отправились сами отстаивать права Румынии, их защита была поручена полковнику, который вскоре очень пожалел, что взялся за это дело, не имея никакой профессиональной подготовки²⁵. На наш взгляд, князь Карл и его министры, будучи заранее поставлены в известность Александром II, прекрасно понимали, что румынского представителя не допустят до переговоров. В Главную квартиру великого князя поэтому был послан не влиятельный чиновник, а неизвестный полковник, и ожидаемый отказ не должен был отразиться на его репутации и достоинстве. С другой стороны, статус румынского уполномоченного явно не соответствовал уровню дипломатических переговоров: Порта прислала именитых сановников – министра иностранных дел Сервер-пашу и министра двора султана Намык-пашу, Россия была представлена главнокомандующим Дунайской армией великим князем Николаем Николаевичем, начальником штаба генералом от инфантерии генерал-адъютантом А. А. Непокойчицким и высокопоставленным чиновником МИД Российской империи, начальником дипломатической канцелярии главнокомандующего действительным статским советником А. И. Нелидовым. Переговоры

23 Гросул В. Я. Бессарабия в международных отношениях Нового времени. Кишинев, 2018. С. 401.

24 Румыния в войне за независимость, 1877–1878. Бухарест, 1983. С. 324; Scafeș C. I., Șerbănescu H. Vl., Andonie C. M., Scafeș I. I. Armata română în războiul de independență 1877–1878. București, 2002. P. 131; Damean S. L. România și Congresul de Pace de la Berlin (1878). București, 2005. P. 49–50.

25 Iorga N. Introduction. Politique extérieure du roi Charles I-er, d'après les sources étrangères // Correspondance... P. XXXVIII.

о мире с полковником румынской армии являлись диссонансом и явным оскорблением для турок.

14 (26) января генерал Гика сообщил телеграммой в Бухарест еще об одном чрезвычайно важном предмете беседы с Александром II и Горчаковым: «Император и канцлер формально известили меня о своем намерении вернуть часть Бессарабии до Килии²⁶. Как возмещение Румыния получит дельту Дуная и Добруджу до Кюстенджи. В качестве аргумента указывалось, что эта территория была уступлена Молдавии, а не Румынии, что она была оторвана от России по договору (Парижскому 1856 г. – М. Ф.), от которого уже ничего не осталось, что несправедливо было бы одной лишь России уважать его к ущербу для себя. Это требование является для нее вопросом чести и национального достоинства»²⁷. Гика попытался возражать, доказывая, что Бессарабия была частью румынского государства, его владением *ab antiquo* (исстари), но тщетно²⁸.

Из Петербурга в Адрианополь через Бухарест спешил генерал-адъютант граф Н. П. Игнатъев²⁹ с полномочием совместно с А. И. Нелидовым заключить мирный договор с турками. В письме от 11 января (которое вез Игнатъев) Александр II, информируя Карла о миссии графа, выражал твердую надежду на личную поддержку князя³⁰. В столице Румынии Игнатъев сделал кратковременную остановку (19–22 января), во время которой дважды встречался с князем Карлом и имел несколько бесед с министрами Когэлничану и Брэтиану. В своих записках Игнатъев не только подробно рассказал о переговорах с румынским монархом и его министрами, но и привел инструкцию канцлера Горчакова, тексты своих телеграмм в Петербург, а также подробный доклад Горчакову, отправленный из Адрианополя 3 (15) февраля 1878 г. Важно,

26 Согласно статьям XX и XXI Парижского мирного договора 1856 г. три южных уезда Бессарабии (Измаильский, Кагульский и Болградский) отторгались от России и присоединялись к «Княжеству Молдавскому под верховной властью Блистательной Порты» (Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 29). И одна из основных целей русско-турецкой войны 1877–1878 гг. заключалась в возвращении утраченной территории, что было зафиксировано уже в Рейхштадском соглашении 26 июня 1876 г.

27 Документы. С. 149.

28 Correspondance... P. 312–313.

29 В письме от 30 декабря 1877 г. (11 января 1878 г.) Горчаков извещал Когэлничану о приезде в Бухарест генерал-адъютанта Игнатъева, который должен был изложить взгляды императорского кабинета, чтобы в отношении вопросов будущего мира не существовало ни малейшего недопонимания (Документы. С. 150).

30 АВП РИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 101. Л. 7 и об.

что оригиналы этих документов, нередко с пометами Александра II, сохранились в Архиве внешней политики Российской империи (Ф. 133. Оп. 470. Д. 67). К сожалению, в историографии сведения Игнатьева о его дискуссиях и о предложениях румынской стороны даны достаточно кратко, неполно и подчас весьма избирательно. Поэтому необходимо более подробно осветить переговоры Игнатьева в Бухаресте.

Прибыв в Бухарест, генерал-адъютант сразу стал собирать сведения о положении дел в Румынии, причем не только от русского генерального консула барона Д. Ф. Стюарта, но и от других официальных представителей России, например, генерал-лейтенанта А. Р. Дрентельна, начальника военных сообщений действующей армии и командующего войсками, в тылу армии находящимися, а также лиц, лично знакомых графу по Константинополю. Из полученной информации, свидетельствовавшей о напряженности во взаимоотношениях между русскими тыловыми службами и румынами, Игнатьев заключил, что худшей и менее благоприятной минуты для переговоров с румынским правительством, в особенности об уступке Бессарабии, нельзя было и избрать.

Премьер-министр Брэтиану и министр иностранных дел Когэлничану посетили Игнатьева, не дожидаясь его визита, и тотчас же сами заговорили о невозможности отдать Бессарабию, поскольку, заявляли они, общественное мнение никогда не свыкнется с мыслью, что в награду за пролитие крови под стенами Плевны и союз с Россией Румыния вместо ожидаемого территориального увеличения должна лишиться частицы родной земли. По словам Игнатьева, министры при этом «притворились пораженными неожиданным якобы для них» этим требованием. Они ссылались на конституцию, которая будет нарушена, а князь Карл рискует быть изгнанным из страны, возникнут беспорядки, воцарится анархия, а их лично отдадут под суд и обвинят, вероятно, в государственной измене.

Со своей стороны, граф напомнил Брэтиану разговор в Ливадии осенью 1876 г. о неизбежности возвращения России отторгнутой в 1856 г. части ее прежних владений, о признании тогда самим румынским министром этой неизбежности и необходимости соединиться с Россией тесными узами для обеспечения будущности румын³¹.

31 В Ливадии Александр II лично беседовал с Брэтиану и сообщил ему о «своем священном долге по отношению к своему отцу вернуть России Николая I то, что она потеряла по Парижскому договору» (*Jelavich B. Russia and the Reacquisition of Southern Bessarabia, 1875–1878 // Südost Forschungen. München, 1969. Band 28. S. 208–209*). Брэтиану в разговоре со Стюартом признавал, что поездка в Ливадию совершенно убедила его в том, что «Бессарабия впредь

Игнатъев выразил поэтому удивление, что у Брэтиану произошла такая значительная перемена в воззрениях. Он также указал на то, что всякий раз, когда имел случай беседовать с министрами, упоминал о неоспоримых правах России на эту часть Бессарабии. На это они отвечали, что всегда предполагали, что это было личное мнение Игнатъева, так как Александр II ни разу не заговорил о том с князем Карлом, а канцлер Горчаков в продолжение всего пребывания в Бухаресте в 1877 г. не затронул данного вопроса в беседах с министрами. Безуспешно истощив все доводы (политические, исторические и этнографические, доказывающие основательность требований России), Игнатъев твердо и категорично заявил о бесповоротном решении своего императора возвратить Южную Бессарабию³². Граф дал понять министрам, что «если они станут сопротивляться, то найдутся другие министры, которые, взглянув на этот вопрос с высшей точки зрения, как подобает истинным государственным людям, сумеют уладить это дело»³³. А относительно общественного мнения Игнатъев заметил, что они имели достаточно времени и обладали подобающим влиянием, опытною и ловкостю в общественных делах, чтобы надлежащим

потеряна для Румынии и что Россия не упустит случая при первой же возможности вернуть себе этот маленький участок земли, столь ей необходимый». Затем он заверил русского дипломата, что «все сколько-нибудь здравомыслящие румыны хорошо понимают неминуемую необходимость ликвидации аномалий, созданных Парижским миром, но им трудно примириться с безвозмездной утратой территории, которую они считали принадлежащей им по праву». В депеше от 2 (14) марта 1877 г. Стюарт счел своим долгом сообщить князю Горчакову о содержании вышеприведенной беседы с премьер-министром, доказывавшей, что «правительство Румынии, будучи подготовлено к идее отказа от Бессарабии, втайне вынашивает надежду получить от великодушия России компенсацию в случае, если будет вынуждено расстаться с частью своей территории в пользу своего могущественного соседа» (Документы. С. 146–147).

32 Авторы труда «Румыния в войне за независимость...» классифицировали такую позицию Игнатъева как «ультимативный тон» или «ультимативные требования», чего, согласно инструкции Горчакова, граф должен был избегать. В упомянутом труде подчеркивалось, что в утверждениях Игнатъева о том, что Румыния обязана своим существованием России, игнорируется тысячелетняя борьба румынского народа, которая «была и продолжала оставаться решающим фактором в определении своей собственной судьбы». Надо сказать, что авторы правы в одном: Игнатъев действительно ничего не знал о тысячелетней борьбе румынского народа (Румыния в войне... С. 325–326).

33 *Игнатъев Н. П.* Сан-Стефано: Записки гр. Н. П. Игнатъева / с примеч. А. А. Башмакова и К. А. Губастова; [предисл.: А. Башмаков]. Пг., 1916. С. 53.

образом его подготовить и постараться объяснить стране³⁴, что «они сумели извлечь наибольшую пользу из опасного положения, заключив с Россией [...] выгодный для Румынии земельный обмен»³⁵. Чтобы унять заносчивость Когэлничану, Игнатъев упомянул о том, что ему хорошо известны денежные сделки министра, человека корыстолюбивого, и с предпринимателем-миллионером С. С. Поляковым, построившим Бендеро-Галацкую железную дорогу, и с разными поставщиками русской армии и т. д.

Брэтиану предвидел полное разочарование румынского населения к России, взаимоотношения с которой представлялись ему в самом мрачном виде. Когэлничану же принялся торговаться с русским дипломатом по поводу Добруджи в качестве вознаграждения Румынии, стремясь расширить ее территорию и заполучить Мангалию на побережье Черного моря и Силистрию на Дунае, а также присоединить Видин с окружающей местностью. Игнатъев категорически заявил, что Видин будет отдан болгарам. На следующий день Когэлничану отказался от притязаний на этот город с окрестностями.

34 22 ноября 1877 г., будучи проездом в Бухаресте при возвращении после болезни к Плевне, генерал-адъютант Игнатъев встречался с премьер-министром И. Брэтиану и министром иностранных дел М. Когэлничану и дал им понять, что бессарабский вопрос – решенный. Игнатъев посоветовал Брэтиану, умному и ловкому политику, подготовить почву и общественное мнение своей страны, заблаговременно запастись, с одной стороны, донесениями своих префектов о бесплодности, малопродуктивности и бесполезности для Румынии этого участка Бессарабии, «а равно и об отчуждении от бухарестского правительства населения, сочувствие которого к России пробудилось с новою силою со времени вступления наших войск в этот край и постройки Бендеро-Галацкой железной дороги. С другой стороны, припасти статистические сведения о Добрудже, посредством которых весьма легко доказать, что одни доходы Сулина и Кюстенджи, а равно железных дорог превышают все источники богатств возвращающейся к нам местности. С приобретением Дунайских гирл и двух даровых портов черноморских значение – политическое и финансовое – Румынии возвысится в Европе и т. д.» (*Игнатъев Н. П. Походные письма 1877 года. Письма к Е. Л. Игнатъевой с балканского театра военных действий*. М., 1999. С. 276–277). Генеральный консул Австро-Венгрии в Бухаресте Ю. Цвидинек, знавший об этом заявлении Игнатъева, указывал, что тогда же Игнатъев говорил румынским министрам о плебисците, который облегчил бы княжескому правительству эту уступку и тем самым избавил бы его от ответственности (*Documente privind istoria românilor: colecția Eudoxiu Hurmuzaki: seria a 3-a. Vol. VII. Rapoarte consulare și diplomatice austro-ungare din România (1877–1881) / coordonatori: V. Spinei, I. Cădea. București; Brăila, 2022. P. 229*).

35 *Игнатъев Н. П.* Сан-Стефано. С. 53.

Министры объявили Игнатьеву требования румынской стороны, т. е. что они желали получить в результате войны. Игнатьев заверил, что постарается принять их во внимание при переговорах с турецкими уполномоченными. Что касается первого пункта румынских требований, т. е. занятия ее армией турецких крепостей Никополя, Рахова, Лом-Паланки, Видина и всего дунайского побережья между этими пунктами, Игнатьев подчеркнул, что этот вопрос подлежит всецело решению главнокомандующего великого князя Николая Николаевича по его военным соображениям.

Румынские министры и князь Карл высказали пожелание, чтобы денежное вознаграждение Румынии, которое они желали получить от Турции, было включено в общую сумму военной контрибуции, которую Россия потребует от Порты, и чтобы оно выплачивалось Княжеству не Портой, а Россией, т. е. чтобы Россия гарантировала Румынии турецкий платеж и чтобы Румыния «не впутывалась в денежный риск с плохим плательщиком». Игнатьев им объяснил, что данное пожелание не может быть осуществлено, потому что Порта не имеет денег и, вероятно, решит заменить выплату денежных сумм земельными уступками или финансовыми долгосрочными обязательствами³⁶.

На аудиенции, данной Игнатьеву 19 января, князь Карл по прочтении письма Александра II заявил о неожиданности для него требования возврата Южной Бессарабии и о том, что он надеялся переходом румынских войск через Дунай в союзе с русскими и «совместным пролитием крови под Плевной» оградить себя и Румынию от подобного требования. И далее он повторил доводы своих министров, очевидно, как полагал Игнатьев, ими подсказанные. Затем князь предложил, чтобы император подарил этот участок румынскому народу в награду за содействие, оказанное русским войскам, или же допустил общий пересмотр и исправление всей русско-румынской границы с включением в Румынию некоторых пограничных участков на левом берегу верхнего Прута, где проживали молдаване. Игнатьев заявил Карлу, что «не имеет права об этом трактовать без особого уполномочия, а что лично не может допустить мысли о какой-либо уступке клочка русской территории кому бы то ни было»³⁷. Князь Карл постоянно возвращался к теме унижения, которому он подвергнется, поэтому Игнатьев не мог не заметить, что в сделке, предлагаемой Александром II, «нет никакого ровно унижения, а лишь земельный обмен»,

36 Там же. С. 61.

37 Там же. С. 43, 57.

причем очень выгодный: Добруджа с Дунайской дельтой была вдвое больше, чем Измаильский уезд, и сверх того обладала портом, которого Румыния была лишена.

По некоторым выражениям и намекам князя графу Игнатьеву показалось, что румынский монарх желал быть избранным и в Болгарии, когда она будет преобразована в самостоятельное княжество. Брэггиану затем подтвердил данное предположение русского дипломата, который заметил, что румынский премьер-министр поощрял до некоторой степени эти мечтания. Игнатьев допускал, что либеральные министры, способствуя осуществлению затаенной мысли князя Карла, может быть, желали удалить его совсем из Румынии, опасаясь личного значения, приобретенного им участием в войне в качестве командующего союзными войсками под Плевной. Игнатьев не исключал и другой вариант – что министры стремились установить личную унию между Болгарией и Румынией, чтобы эксплуатировать первую в свою пользу. В ответ на намеки и на запросы о претенденте на болгарский престол граф ответил, что у императора еще нет кандидата для Болгарии, что выбор князя будет зависеть от свободного волеизъявления самих болгар и что если князь Карл желает обратить на себя внимание болгарского населения, то «надо жалеть для успеха его предположения о поведении румынских войск в Болгарии, возбудивших всеобщие жалобы на их вымогательство и даже на совершенные разбои»³⁸. Беседы во время частной аудиенции у княгини Елизаветы и обеда вместе с князем Карлом и его супругой вполне подтвердили предположение Игнатьева, что «оба они желали бы быть призванными болгарами на княжение в Софию»³⁹.

Разумеется, двух с половиной дней было слишком мало, чтобы разрешить все вопросы и урегулировать обстановку во взаимоотношениях между русскими и румынами. Отчитываясь перед канцлером Горчаковым о «продолжительных, трудных и неприятных» разговорах с румынскими министрами и князем Карлом, Игнатьев полагал, что необходимо откорректировать некоторые положения проекта мирного договора с турками, рассмотренного в Петербурге, например, увеличить размер территории Добруджи, обмениваемой на Южную Бессарабию. Встречи с румынами заставили Игнатьева предвидеть большие затруднения во взаимоотношениях с ними в будущем, и он предлагал принять некоторые меры, которые облегчат, по его мнению,

38 Там же. С. 59–60.

39 Там же. С. 64.

отход Южной Бессарабии к России. Когэлничану владел там именем и желал, чтобы русское правительство купило его у него, правда по очень завышенной цене. Игнатъев, сообщив об этом Горчакову, советовал воспользоваться этим обстоятельством, чтобы приобрести содействие румынского министра иностранных дел⁴⁰. Игнатъев, указывая на желание князя Карла быть избранным князем Болгарии, предложил: «Может быть полезным не разочаровывать совершенно и преждевременно князя Карла до окончания разрешения вопроса о Бессарабии». В тексте телеграммы от 21 января (2 февраля) 1878 г. это предложение очерчено карандашом и рядом стоит помета царя «oui» (да)⁴¹. Чтобы избежать будущих недоразумений, Игнатъев считал необходимым упомянуть в мирном договоре с турками о том, что Княжеству предоставляется право предъявить непосредственно свои требования на денежное вознаграждение за потери и убытки и что размеры этого вознаграждения будут определены по взаимному соглашению между Румынией и Портой. Россия же может принять участие в решении этого вопроса только в качестве посредника или третейского судьи, если спорящие не придут к соглашению⁴².

Игнатъев встречался также с лидерами оппозиции, партией консерваторов, убеждал их не противоречить в бессарабском вопросе и идти заодно с Россией, которая будет обязана их поддерживать впредь согласно «всегдашнему сочувствию к людям порядка в стране»⁴³. Впрочем, Игнатъев не питал особых иллюзий на этот счет и очень сожалел, что Горчаков не захотел отправить в Румынию особого посланника, снабженного достаточными полномочиями и способного уладить возникшие недоразумения, воздействовать на партии и на их образ действий, а также повлиять на общественное мнение в такую важную историческую минуту. После продолжительного пребывания в Бухаресте канцлера Горчакова генеральный консул барон Стюарт, при всех своих личных качествах, не мог уже занять то положение, на которое «следовало поставить русского политического представителя для противодействия сосредоточенным иностранным интригам, подстрекавшим шаткие и легкомысленные умы румынских политических деятелей против России»⁴⁴. Тогда канцлер заявил, что отправка особого лица в Буха-

40 Там же. С. 44, 54.

41 АВП РИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 67. Л. 96 об.

42 *Игнатъев Н.П.* Сан-Стефано. С. 61.

43 Там же. С. 62.

44 Там же. С. 66.

рест представляла много неудобств и влекла напрасную трату денег. Он настоял на том, чтобы Игнатъев ехал через Бухарест, утверждая при этом, что никаких затруднений в переговорах о Бессарабии с румынами не встретится и никакой задержки в пути не будет, что «приличие» требует, чтобы именно уполномоченный для мирных переговоров с Портой предварительно переговорил с князем Карлом⁴⁵. Хотя уже в своей инструкции Горчаков признавал: «Несмотря на свою незначительность, эта страна легко может стать орудием в руках наших противников в тот момент, когда будет действовать европейская дипломатия. Ее враждебность могла бы создать нам серьезные затруднения». Игнатъев, прочитав эту инструкцию, недоумевал, почему все эти «щекотливые» вопросы не были разъяснены и улажены с румынами во время полугодового пребывания в Бухаресте князя Горчакова⁴⁶ и барона Жомини, когда румыны еще нуждались в русских, но были поручены Игнатъеву, который не имел возможности посвятить им более двух-трех дней⁴⁷.

В целом Игнатъев полагал, что его демарш увенчался успехом. Однако барон Стюарт отметил некоторые признаки, которые заставляли усомниться в этом, а также в «искренности столь быстрой и стремительной перемены румынских министров и Карла». Так, князь воздержался от посещения генерала Игнатъева, хотя «его визит был объявлен в гостинице, в которой граф остановился, и об этом упоминалось в газетах». В день отъезда никто из членов правительства и даже префект полиции не явились на вокзал, чтобы пожелать Игнатъеву доброго пути, сообщал Стюарт Горчакову в депеше от 23 января⁴⁸.

45 Там же. С. 30.

46 Князь Горчаков, прибыв 25 мая 1877 г. в Румынию вместе с Александром II, не последовал за ним на Балканский театр военных действий за Дунай из-за проблем со здоровьем, а поселился в Бухаресте, который покинул в начале декабря, отправившись вслед за императором в Петербург.

47 *Игнатъев Н. П.* Сан-Стефано. С. 8, 38.

48 Документы. С. 151–154. Российский историк В. М. Хевролина не располагала донесением барона Стюарта и поэтому считала, что Игнатъеву, выдержавшему жаркие баталии с румынскими министрами, удалось преодолеть их сопротивление, пригрозив, что могут быть найдены более покладистые министры (*Хевролина В. М.* Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатъев. М., 2004. С. 264; *Хевролина В. М.* Восточный кризис 70-х годов XIX века // История внешней политики России: В 5 т. Т. 4. Вторая половина XIX века (От Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М., 2018. С. 209). В. Я. Гросул также полагал, что Игнатъев договорился с румынскими правительственными деятелями о соответствующей компенсации (*Гросул В. Я.* Бессарабия... С. 399).

22 января князь Карл отправил в Петербург письмо, в котором весьма дипломатично указывал, что генерал Игнатьев вручил ему письмо императора, но что «вопросы, связанные с исправлением границ, всегда являются наиболее сложными, поскольку они тесно связаны с национальными особенностями и, следовательно, заслуживают особого внимания», что его долг состоит в том, чтобы не скрывать от Александра II «те трудности, с которыми столкнется в Румынии предложение о внесении определенных изменений», и он надеялся, что «императорское правительство найдет решение, которое не умалит достоинства Румынии и защитит ее интересы». В Петербурге нашли ответ румынского князя «очень разумным»⁴⁹.

Барон Стюарт телеграфировал канцлеру Горчакову и графу Игнатьеву о том, что в секретном заседании обеих палат 24 января (3 февраля) 1878 г. «сенатор Константин Градишка требовал отправления в Бессарабию войск (в тексте секретной телеграммы император карандашом подчеркнул и поставил «!!!»). – М. Ф.). Брэтиану доказывал невозможность сопротивления воле государя. Никакого решения не принято. Возбуждение большое. Надеются на сильное заступничество Австрии»⁵⁰. 26 января Палата депутатов после бурных дебатов постановила во что бы то ни стало сохранить территориальную целостность Румынии. Подобная же резолюция была принята Сенатом⁵¹. На секретном заседании Палаты депутатов была избрана комиссия «для составления протеста иностранным державам, объявляющая, что неприкосновенность территории Румынии гарантирована Парижским трактатом и конвенцией⁵² и что она не согласна ни на какое вознаграждение за Бессарабию и не уступит ее ни под каким видом», – сообщалось в телеграмме Стюарта. На этом документе стоит помета царя: «Если это состоится, надобно будет объявить румынскому правительству, что мы не будем более хлопотать об уступке ему Добруджи и Силистрии»⁵³.

49 АВП РИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 101. Л. 17–18.

50 Там же. Д. 15. Л. 131; *Игнатьев Н. П.* Сан-Стефано. С. 83–84.

51 Документы. С. 155.

52 Политическая часть русско-румынской конвенции от 4 (16) апреля 1877 г. действительно содержала положение о том, что Россия обязывалась поддерживать и защищать целостность территории Румынии. Такая формулировка была принята по настоятельному требованию румынской стороны из-за чрезвычайных обстоятельств ввиду планируемого Александром II объявления войны Турции для того, чтобы устранить затруднения при утверждении конвенции законодательными собраниями Румынии. Русским войскам был необходим свободный проход через Княжество к Дунаю.

53 Документы. С. 155.

Брэтиану говорил и действовал как партийный деятель, подчеркивал историк и современник событий Ф. Даме. Премьер-министр прибегнул к методу, который использовался им на протяжении всей его политической карьеры: взбудоражил общественное мнение, которое преданная ему пресса убедила в том, что Россия, подписав конвенцию 4 (16) апреля, торжественно обязалась не возвращать Бессарабию. Брэтиану заявлял, что румынское правительство не уступит ни клочка румынской земли, даже если бы это было против самого выгодного обмена⁵⁴. «Румынское министерство обратилось ко всем державам с протестующими заявлениями, а сам князь Карл просил заступничества у германского императора как главы Гогенцоллернского дома»⁵⁵. «Было ясно, что румынские руководители решили, с одной стороны, воздействовать, а с другой – использовать общественное мнение, чтобы оправдать себя и показать, что дело Южной Бессарабии им пришлось решать только под давлением более сильной России. С другой стороны, они хотели выговорить для себя как можно большую компенсацию», – писал В. Я. Гросул⁵⁶.

Начав переговоры с графом Игнатьевым, М. Когэлничану счел нужным информировать (20 января) о них полковника Ариона, находившегося в Адрианополе, и указал тому продолжать придерживаться прежней позиции до сообщения из Бухареста о результатах этих переговоров⁵⁷. Н. Йорга опубликовал еще две телеграммы Когэлничану Ариону от 30 и 31 января. В первой министр иностранных дел настоятельно советовал полковнику добиться встречи с Игнатьевым и напомнить ему о контрибуции, которую должна получить Румыния, и о том, что на мирных конференциях Румыния должна быть представлена в качестве воюющей стороны. Во второй телеграмме перед Арионом ставилась задача получить официальный текст статьи перемирия, касавшейся эвакуации Видина, и его телеграфировать Когэлничану. После чего полковнику предписывалось незамедлительно выезжать в Бухарест, чтобы дать разъяснения по различным вопросам⁵⁸.

По приезде графа Игнатьева в Адрианополь 27 января, полковник Арион, в отличие от представителей Черногории и Сербии, которые предоставляли России «устроить их судьбу», немедленно предъявил

54 *Damé F.* Histoire de la Roumanie... P. 301–302.

55 Описание русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1913. Т. 9. Ч. 2. С. 220.

56 *Гросул В. Я.* Бессарабия... С. 398–399.

57 *Correspondance*... P. 311.

58 *Ibid.* P. 316, 318.

требования своей страны и попытался добиться права вести самостоятельные переговоры с турками о вознаграждении. «Убедившись в громадности и беззастенчивости румынских притязаний», граф сообщил полковнику, что «располагаем сделать для Княжества при заключении мира», и показал редакцию проектированной статьи о Румынии⁵⁹. Дипломат отметил, что статья «удовлетворяла тщеславному желанию Румынии выказать свою самостоятельность, и ее представитель выразил свое полное одобрение и удовольствие, пренебрегая, таким образом, существенными выгодами Княжества для мнимого внешнего блеска»⁶⁰.

2 февраля Арион телеграфировал в Бухарест о том, что Игнатъев сказал ему, что «компенсация в соответствии с предварительными условиями мира представляет собой окончательную сумму, которая должна быть урегулирована непосредственно между Турцией и нами; это является для нас неопровержимым доказательством того, что мы можем предъявить все наши требования именно на конференции»⁶¹. Полковник Арион, следуя предписанию Когэлничану, покинул Адрианополь. По свидетельству Игнатъева, румынский представитель демонстрировал, что он оскорблен отстранением от мирных переговоров с турками, почему и оставляет Главную квартиру⁶².

Не дожидаясь результатов переговоров России и Турции, 3 февраля министерство иностранных дел Румынии направило ноту в Константинополь. В ней, в частности, говорилось, что Румыния «лелеет желание вновь установить с Османской империей отношение прочной

59 Игнатъев Н. П. Сан-Стефано. С. 61–62.

60 Там же. С. 106–107.

61 Correspondance... P. 319.

62 Игнатъев Н. П. Сан-Стефано. С. 62. Когда в 1883 г. бригадный генерал Э. Арион был включен в список представителей короля Кароля I для участия в церемониях в связи с коронацией Александра III, русский посланник в Бухаресте Л. П. Урусов отнесся к этому назначению сдержанно, так как обладал информацией о том, что генерал вел себя некорректно в 1878 г., когда являлся румынским представителем в Главной квартире главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. Урусов обратился к А. И. Нелидову, русскому послу в Стамбуле, который ответил, что Арион тогда действовал «с тактом», учитывая тогдашнюю напряженность в русско-румынских отношениях. Представители бухарестской элиты также отозвались о генерале положительно, считая его одним из самых образованных офицеров румынской армии (Чеобану А.-Б. Румынские делегации на коронациях Александра III и Николая II // Славяноведение. 2013. № 5. С. 62). Похоже, что в 1883 г. румынский монарх вознаграждал Ариона за его миссию в 1878 г., которая заранее считалась «провальной».

дружбы» и хочет, чтобы Высокая Порта первой «признала эффективную независимость румынского государства»⁶³. Игнатъев считал, что это требование к султану за подписью М. Когэлничану было вызвано как желанием Румынии «придать себе вид самостоятельной державы, ведущей переговоры с Турцией независимо от России», так и происками англичан и австрийцев, воспользовавшихся не устраненными вовремя недоразумениями во взаимоотношениях союзников и старавшихся «увеличить разлад, ими подмеченный, между Россией и отпрыском латинского племени на Дунае»⁶⁴.

В это же время в Адрианополе, а с 12 февраля в Сан-Стефано, куда переместился главнокомандующий, Игнатъев вместе с Нелидовым, не обращая внимания на обвинения румын, что русские уполномоченные якобы забыли о них, вели сложные переговоры с турецкими делегатами – министром иностранных дел Савфет-пашой и послом в Германии Садуллах-беем, – в первую очередь о значительной военной контрибуции, которую румыны «хотели сполна получить через наше посредство прежде выхода войск из крепостей: Видина, Рахова, Никополя и Лом-Паланки, где они были оставлены главнокомандующим при нашем наступлении за Балканы». «Турки стояли на том, что Румыния не войну объявила, а взбунтовалась против султана и потому не имеет никакого права требовать военного вознаграждения от своего верховного главы»⁶⁵. Праву Румынии на компенсацию ее убытков турки противопоставили право Порты требовать вознаграждение за захваченные Княжеством так называемые преклоненные монастырские имения⁶⁶.

63 Румыния в войне... С. 338–339.

64 Игнатъев Н. П. Сан-Стефано. С. 205–206.

65 Там же. С. 206.

66 В XVII–XVIII вв. господа Молдавии и Валахии, являвшиеся представителями знатных греческих семей Константинополя, фанариотов, а также члены знатных родов делали вклады в греческие монастыри Афона, Синая и Патмоса, Эпира и др. Для их материального обеспечения они передали в собственность («преклонили») обширные земельные угодья, которые составляли около ¼ территории Молдавии и Валахии. Со временем эти поместья (метохи) стали приносить восточным владельцам основные доходы. Преклоненные имения не облагались налогами. В первой половине XIX в. господа Молдавии и Валахии предпринимали неоднократные попытки конфисковать их имущество, но каждый раз неуспешно, поскольку Россия исходила из принципа покровительства православным учреждениям и потому защищала интересы греческих патриархов. После Парижского мира 1856 г. она утратила свой решающий голос на Балканах (право покровительства христианам Востока). Пользуясь противоречиями

Николай Павлович Игнатъев отмечал, что в Сан-Стефано этот вопрос вспомнил «не без лукавства» Савфет-паша, отлично знавший его «исторический ход» как министр иностранных дел Османской империи, чтобы, как полагал Игнатъев, «поставить русских уполномоченных в противоречие с их прежней политикой, с греческим духовенством и румынами»⁶⁷. Русским уполномоченным стоило немало труда, чтобы устранить включение в договор такой статьи. Но после его подписания турецкие уполномоченные прислали Игнатъеву официальную ноту, «содержащую оговорку для сохранения за православными общинами в Турции прав на преклоненные к Святым местам имущества. Эти права Порты намерена предъявить при рассмотрении притязаний румынского правительства к Турции»⁶⁸. В свою очередь, русские уполномоченные официально ответили нотой, которая предоставляла Порте вести переговоры непосредственно с Румынией по монастырскому

западноевропейских держав и явным покровительством Франции, 24 декабря 1863 г. князь А. И. Куза утвердил постановление румынской законодательной палаты о секуляризации земель преклоненных монастырей, которое стало законом. Конференция великих держав, созванная 27 апреля (9 мая) 1864 г., сформированная ею международная комиссия по поводу спорных монастырских имуществ оказались безрезультатными. Дореволюционный историк церкви Ф. А. Курганов считал, что всё дело свелось к тому, чтобы признать свершившийся факт как он есть: изменить его могла одна только внешняя сила, к которой ни одна из гарантирующих держав прибегать не могла и не желала (*Курганов Ф. А.* Наброски и очерки по истории Румынской церкви. Казань, 1899. С. 273).

В феврале 1869 г. Игнатъев представил записку, в которой русскому правительству предлагалось вновь возбудить вопрос о преклоненных монастырских имуществах и давались два варианта его урегулирования. Современный историк Л. А. Герд назвала эту записку русского посла «лебединой песней» в обсуждении вопроса (*Герд Л. А.* Секуляризация имений Восточных монастырей и церквей в Валахии и Молдавии в начале 1860-х гг. и Россия // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви.* 2014. Вып. 6 (61). С. 30–31). В историографии указывается, что попытка его ренимировать была сделана на Берлинском конгрессе в 1878 г., но без особого успеха (*Курганов Ф. А.* Наброски... С. 274–277; *Герд Л. А.* Секуляризация... С. 31; *Ерундов Н. А.* Секуляризация монастырской собственности в Объединенном княжестве Валахии и Молдавии при князе Александре Кузе (1859–1866) // *Христианское чтение.* 2014. № 2–3. С. 81). Однако, как оказалось, на переговорах в Сан-Стефано в очередной раз был поднят этот вопрос, «щекотливый» для России, бывшей энергичной защитницей, как раз в лице Игнатъева (в то время русского посланника в Константинополе), прав греческих монастырей.

⁶⁷ *Игнатъев Н. П.* Сан-Стефано. С. 206.

⁶⁸ Там же. С. 265.

вопросу, «не входившему в программу переговоров». Русские дипломаты не высказывались «против вознаграждения греческого духовенства, чтобы его не раздражать, но напомнили лишь о всегдашнем мнении по этому вопросу русского правительства». Игнатъев подчеркивал, что «обмен нот по этому предмету между уполномоченными оставлял лишь за Россией право при случае впоследствии по соглашению с Портой изыскать миролюбивый и благоразумный способ окончательного разрешения спора между греческим духовенством и Румынией, выгодный для обеих сторон»⁶⁹.

В последнюю минуту оттоманские уполномоченные предложили дать Румынии статус нейтральной страны, как полагал Игнатъев, «вследствие иностранных внушений». Еще на переговорах в Бухаресте Николай Павлович обсуждал данную тему с румынскими министрами, которые желали заменить свое прежнее международное положение, т. е. европейские гарантии Румынии, обеспеченные Парижским договором 1856 г., признанием нейтралитета Румынии наподобие Бельгии. Игнатъев подчеркивал, что Восточный вопрос не был окончательно разрешен этой русско-турецкой войной и что России может потребоваться проход к Балканскому полуострову, а статус нейтральности закрывал этот доступ русским войскам. Русский дипломат предложил Брэтиану заключить оборонительный союз с Россией как «действительный способ ограждения Румынии в будущем от Австро-Венгрии и Турции». А поскольку премьер-министр согласился с этим мнением, то Игнатъев писал князю Горчакову о том, что необходимо заключить «подобную искреннюю конвенцию» с Румынией прежде заключения окончательного мира с Турцией⁷⁰, что, впрочем, не было сделано.

В Сан-Стефано Игнатъев и Нелидов сумели объяснить туркам, что Румыния, Сербия и Черногория имеют одинаковые позиции и, признавая за первой нейтралитет, необходимо распространить его и на другие княжества. Объявление княжества нейтральным не помещает ему, как воображала Порта, содержать войска и развивать свой военный потенциал «в видах оборонительных», примером чему являлась та же Бельгия. В принципе Порта стремилась покончить с коллективной гарантией держав, которой пользовались княжества по Парижскому договору, и рассчитывала, что, «оставшись с ними в обычных соседских отношениях, она будет в состоянии воспользоваться их

69 Там же. С. 207.

70 Там же. С. 27, 58.

взаимной завистью и даже свести с ними старые счета, не имея надобности добиваться, как прежде, предварительного соглашения с гарантирующими державами». Игнатъев был уверен, что Россия, если сочтет нужным, всегда будет иметь возможность выступить в защиту православных государств, созданных Сан-Стефанским договором. И эта мысль «должна быть в виду при окончательном установлении политического положения княжества»⁷¹.

Румыния так и не прислала другого представителя в Сан-Стефано, и после подписания договора 19 февраля (3 марта) 1878 г. граф Игнатъев в особой записке сообщил барону Стюарту о его условиях, касавшихся Княжества, чтобы дать барону «возможность предупредить появление в Бухаресте ложных сведений», о чем поставил в известность канцлера Горчакова в донесении от 25 февраля (9 марта)⁷². В объяснительной записке для МИД Игнатъев писал:

71 Там же. С. 275–276.

72 Освобождение Болгарии... С. 562. Современный румынский историк С. Л. Дамеан весьма неточно излагает некоторые факты в своем исследовании. Так, он указывает, что румынский делегат не был допущен к заключению русско-турецкого перемирия в Казанлыке (19/31 января 1878 г.). Перемирие, как известно, было подписано в Адрианополе. Дамеан пишет, что Сан-Стефанский мирный договор был заключен без участия румынского делегата и без знания им условий этого договора. Арион, как показывают документы, был отозван в Бухарест задолго до подписания Сан-Стефанского договора, но граф Игнатъев познакомил его с основными статьями будущего договора. Дамеан отмечает, что только 9 марта княжеское правительство узнало об условиях мира, и не из уведомления российской дипломатии, но через «*Journal de St.-Petersbourg*» (Журнал Санкт-Петербурга), официальный орган МИД Российской империи, присланный генералом Гикой из столицы России, что стало «неприятным сюрпризом» как для правящих кругов, так и для общественного мнения в стране (*Damean S. L. România...* Р. 54, 56–57). Необходимо принимать во внимание, что только 24 февраля и 4 марта султан и император соответственно ратифицировали Сан-Стефанский договор (граф Игнатъев, 26 февраля выехав на пароходе «Владимир», 2 марта доставил документ в Петербург), 5 марта состоялся размен ратификациями. 7 марта из Петербурга выехали курьеры, чтобы доставить договор российским послам при всех великих державах с приказанием его сообщить (*Газеткампф М. А. Мой дневник...* С. 509). 9 (21) марта в газетах «Правительственный вестник» (№ 54. С. 1–3) (на русском языке) и в «*Journal de St.-Petersbourg*» (№ 64. С. 1–2) (на французском языке) был опубликован текст мирного договора. Утверждение Дамеана, что князь Карл и его министры не знали содержание статей, касавшихся Румынии, ранее данной публикации неверно, и это подтверждает донесение Игнатъева. Но широкой публике, без сомнения, этот документ не был известен.

«Предав забвению недружелюбное положение, принятое Румынией в бессарабском вопросе, и те справедливые и многочисленные упреки, которые мы имели основание им предъявить, мы вытребовали от Порты признание независимости княжества, преимущества в пользу румынских подданных в Турции⁷³, срытие всех дунайских крепостей и запрещение турецким военным судам появляться в водах Румынии (Статья XII). (Перед войной эти именно требования выставлялись румынами как выражение желаний их и как условия обеспечения безопасности Княжества на будущее время.) Вместе с тем мы обязали Порту непосредственно вести переговоры с Княжеством для заключения договора и для разрешения вопроса о военнопленных. Наконец, мы выговорили Румынии право требовать денежное вознаграждение, размер и условия которого должны быть определены соглашением между двумя сторонами. Это преимущество как раз соответствовало тому, что было требовано румынами в вознаграждение содействия, оказанного нам во время войны. Способы уплаты и размер контрибуции не могли быть установлены нами, раз что мы предоставили, согласно желанию Румынии, разрешение этого вопроса непосредственному соглашению между нею и Портой»⁷⁴.

Из-за неблагоприятного расположения Румынии к России, в чем Игнатьев воочию убедился во время своих переговоров в Бухаресте, русские уполномоченные признали нужным уклониться от инструкций Горчакова – прямо уступить Румынии взамен бессарабского участка низовья Дуная (Дельты) с некоторыми островами, городом и портом Сулина, но сочли необходимым присоединить к России в счет денежного вознаграждения российскому императору в 1410 млн рублей, следуемого от Блистательной Порты, не только эту местность, но и весь Тульчинский санджак, чтобы затем его обменять на Южную Бессарабию⁷⁵. Такое увеличение территории было введено, чтобы удовлетворить Румынию⁷⁶. В. Я. Гросул отмечал, что по Сан-

73 Статья V: «Блистательная Порта признает независимость Румынии, которая предъявит свои права на вознаграждение, имеющее быть определенным обеими сторонами. До заключения непосредственного договора между Турцией и Румынией румынские подданные будут пользоваться в Турции всеми правами, которые обеспечены за подданными других европейских держав» (Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 163).

74 Игнатьев Н. П. Сан-Стефано. С. 274–275.

75 Там же. С. 22, 276.

76 Согласно статье XIX Сан-Стефанского договора: «Принимая во внимание финансовые затруднения Турции и сообразуясь с желанием е. в. султана,

Стефанскому договору румынское правительство практически получало всё то, что требовали от Игнатьева в Бухаресте в январе 1878 г., и, тем не менее, оно громогласно выражало свое недовольство⁷⁷.

Таким образом, переговоры графа Н. П. Игнатьева в Бухаресте оказали немалое влияние на дальнейший ход событий. С одной стороны, Игнатьев был вынужден откорректировать текст мирного договора, одобренного в Петербурге, в сторону увеличения территории, обмениваемой на три южнобессарабских уезда. С другой стороны, румынские министры и князь Карл, выяснив, как намерена Россия вознаградить Княжество за участие в войне в качестве союзника и за возврат Южной Бессарабии, отозвали полковника Ариона, вполне выполнившего свою миссию, и не откликнулись на его предложение направить в Главную квартиру более значимую фигуру, чем он.

Воспоминания Игнатьева позволяют проследить за сложной дипломатической борьбой русских и турецких уполномоченных за столом переговоров. Возникает вопрос, смог бы полковник-артиллерист Э. Арион, не будучи профессионалом и оказавшись один на один с турками, справиться с поставленной задачей и отстоять немалые требования Румынии? На наш взгляд, ему это не удалось бы. Но предпринимая такую акцию – посылку своим представителем полковника Э. Ариона, Бухарест мог во всеуслышание

император всероссийский соглашается заменить уплату большей части исчисленных в предыдущем параграфе сумм следующими территориальными уступками: а) Тульчинский санджак, то есть уезды (казы): Килии, Сулины, Махмудие, Исакчи, Тульчи, Мачина, Бабадага, Гирсова, Кюстендже и Меджидие, а равно острова Дельты и Змеиный остров. Не желая присоединять себе означенной территории и островов Дельты, Россия предоставляет себе променять их на отчужденную от нее трактатом 1856 года часть Бессарабии, граничащую с юга руслом Килийского рукава и устьем Старого Стамбула» (Сборник договоров... С. 169–170). По Берлинскому трактату 1878 г. (статья XLV) идея территориального обмена между Румынией и Россией была устранена, и в результате вышло, что Княжество «уступает обратно е. в. императору всероссийскому часть Бессарабской территории». А в статье XLVI просто констатируется факт получения Румынией территорий, прежде входивших в состав Османской империи: «Острова, составляющие дельту Дуная, а также остров Змеиный, Тульчинский санджак, вмещающий округа (казы) Килию, Сулину, Махмудие, Исакчу, Тульчу, Мачин, Бабадаг, Гирсово, Кюстендже, Меджидие, присоединяются к Румынии. Княжество, кроме того, получает территорию, лежащую на юг от Добруджи до черты, начинающейся к востоку от Силистрии и оканчивающейся у Черного моря, к югу от Мангалии» (Сборник договоров... С. 201).

⁷⁷ Гросул В. Я. Бессарабия... С. 402.

заявлять о своих погранных правах и несправедливости со стороны России по отношению к союзнику по оружию, чтобы в дальнейшем иметь дополнительный аргумент и использовать данный факт в своих интересах. Недаром телеграмма полковника Ариона от 16 января из Адрианополя была помещена в приложении к «Меморандуму», представленному на Берлинском конгрессе, в качестве одного из доказательств нарушения прав Румынии как союзницы России: «Я уже сообщил вам телеграммой и письмом о том, что мне категорически отказано здесь в участии обсуждения перемирия и предварительных условий мира. Его высочество сказал мне, что это решение огорчает его, но что именно в Санкт-Петербурге нужно начинать наши переговоры. Сам великий князь получил условия, согласованные в Санкт-Петербурге»⁷⁸.

Нельзя не согласиться с В. Я. Гросулом в том, что все демарши румынского правительства были предназначены для введения в заблуждение общественного мнения и получения как можно бóльшей компенсации⁷⁹.

Источники и литература

Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ).

Виноградов В. Н. Румыния в войне за независимость // История Балкан: Судьбоносное двадцатилетие (1856–1878 гг.) / отв. ред. В. Н. Виноградов. М.: КРАСАНД, 2012. С. 288–298.

Виноградов В. Н., Ерещенко М. Д., Семенова Л. Е., Покивайлова Т. А. Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии: Документы и материалы. М.: Индрик, 1996. С. 119–136.

Виноградов В. Н., Ерещенко М. Д., Семенова Л. Е., Покивайлова Т. А. Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии: Документы и материалы. М.: Индрик, 1996. 360 с.

Газенкамф М. А. Мой дневник 1877–1878 гг. СПб.: В. Березовский, 1908. 624 с.

Герд Л. А. Секуляризация имений Восточных монастырей и церквей в Валахии и Молдавии в начале 1860-х гг. и Россия // Вестник Православ-

⁷⁸ АВП РИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 96. Л. 96.

⁷⁹ Гросул В. Я. Бессарабия... С. 400.

ного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 6 (61). С. 7–34.

Гросул В. Я. Бессарабия в международных отношениях Нового времени. Кишинев: [б. и.], 2018. 475 с.

Ерундов Н. А. Секуляризация монастырской собственности в Объединенном княжестве Валахии и Молдавии при князе Александре Кузе (1859–1866) // Христианское чтение. 2014. № 2–3. С. 62–83.

Игнатъев Н. П. Походные письма 1877 года. Письма к Е. Л. Игнатъевой с балканского театра военных действий. М.: РОССПЭН, 1999. 336 с.

Игнатъев Н. П. Сан-Стефано: Записки гр. Н. П. Игнатъева / с примеч. А. А. Башмакова и К. А. Губастова; [предисл.: А. Башмаков]. Пг.: тип. т-ва А. С. Суворина «Новое время», 1916. 359 с.

Курганов Ф. А. Наброски и очерки по истории Румынской Церкви. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1899. 1048 с.

Нелидов А. И. К двадцатипятилетию освобождения Болгарии. Заключение перемирия в Адрианополе 19 января 1878 г. // Исторический вестник. 1903. Т. 91. № 1. С. 66–81.

Описание русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб.: Воен.-истор. комиссия Гл. штаба, 1913. Т. 9. Ч. 2. 555 с.

Освобождение Болгарии от турецкого ига / под ред. С. А. Никитина [и др.]. Т. 2. М.: Наука, 1964. 646 с.

Румыния в войне за независимость, 1877–1878 / И. Коман, ген.-полк. д-р К. Олтяну, акад. Ш. Паску [и др.]; ред. комис.: И. Коман [и др.]; Акад. наук СРР и др. Бухарест: Военное издательство, 1983. 365 с.

Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1952. 462 с.

Хевролина В. М. Восточный кризис 70-х годов XIX века // История внешней политики России: В 5 т. Т. 4. Вторая половина XIX века (От Парижского мира 1856 г. до русско-французского союза). М.: Академический проект; Парадигма, 2018. С. 180–221.

Хевролина В. М. Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатъев. М.: Институт российской истории РАН, 2004. 334 с.

Чеобану А.-Б. Румынские делегации на коронациях Александра III и Николая II // Славяноведение. 2013. № 5. С. 61–68.

Correspondance diplomatique roumaine sous le roi Charles 1-er (1866–1880). Deuxième édition. Bucarest: au siège de l'Institut pour l'étude de l'histoire universelle sous la direction de N. Iorga, 1938. 360 p.

Damé F. Histoire de la Roumanie contemporaine depuis l'avènement des princes indigènes jusqu'à nos jours (1822–1900). Paris: Félix Alcan, éditeur, 1900. 451 p.

Damean S.L. România și Congresul de Pace de la Berlin (1878). București: Mica Valahie, 2005. 389 p.

Documente privind istoria românilor: colecția Eudoxiu Hurmuzaki: seria a 3-a. Vol. VII. Rapoarte consulare și diplomatice austro-ungare din România (1877–1881) / Coordonatori: V. Spinei, I. Câdea. București; Brăila: Editura Academiei Române; Editura Istros a Muzeului Brăilei “Carol I”, 2022. 700 p.

Iorga N. Introduction. Politique extérieure du roi Charles I-er, d’après les sources étrangères // Correspondance diplomatique romaine sous le roi Charles I-er (1866–1880). Deuxième édition. Bucarest: au siège de l’Institut pour l’étude de l’histoire universelle sous la direction de N. Iorga. 1938. P. III–XXXIX.

Jelavich B. Russia and the Reacquisition of Southern Bessarabia, 1875–1878 // Südost Forschungen. München, 1969. Band 28. S. 199–237.

Kellogg Fr. The road to Romanian Independence. West Lafayette, Ind.: Purdue University Press, 1995. 265 p.

Reminiscences of the King of Roumania, edited from the original with an introduction by Sidney Whitman. New York and London: Harper & Brothers, 1899. 367 p.

Scafeș C. I., Șerbănescu H. Vl., Andonie C. M., Scafeș I. I. Armata română în războiul de independență 1877–1878. București: Editura Sigma, 2002. 439 p.

References

Correspondance diplomatique roumaine sous le roi Charles I-er (1866–1880). Deuxième édition. Bucarest: au siège de l’Institut pour l’étude de l’histoire universelle sous la direction de N. Iorga, 1938, 360 p.

Cheobanu, A.-B. “Rumynskie delegatsii na koronatsiiakh Aleksandra III i Nikolaia II.” *Slavianovedenie*, 2013, No 5, pp. 61–68.

Damean, S. L. *România și Congresul de Pace de la Berlin (1878)*. București: Mica Valahie, 2005, 389 p.

Documente privind istoria românilor: colecția Eudoxiu Hurmuzaki: seria a 3-a. Vol. VII. Rapoarte consulare și diplomatice austro-ungare din România (1877–1881), coordonatori: V. Spinei, I. Câdea. București – Brăila: Editura Academiei Române; Editura Istros a Muzeului Brăilei “Carol I”, 2022, 700 p.

Brundov, N. A. “Sekuliarizatsiia monastyrskoj sobstvennosti v Ob’edinennom kniazhestve Valakhii i Moldavii pri kniaze Aleksandre Kuze (1859–1866).” *Khristianskoe chtenie*, 2014, No 2–3, pp. 62–83.

Gerd, L. A. “Sekuliarizatsiia imenii Vostochnykh monastyrei i tserkvei v Valakhii i Moldavii v nachale 1860-kh gg. i Rossiia.” *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya II. Istoriia. Istoriia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*, 2014, No 6 (61), pp. 7–34.

Grosul, V. Ia. *Bessarabiia v mezhdunarodnykh otnosheniakh Novogo vremeni*. Kishiniov: [s.n.], 2018, 475 p.

Ignat'ev, N. P. *Pokhodnye pis'ma 1877 goda. Pis'ma k E. L. Ignat'evoi s balkanskogo teatra voennykh deistvii*. Moscow: ROSSPEN, 1999, 336 p.

Iorga, N. "Introduction. Politique extérieure du roi Charles I-er, d'après les sources étrangères." *Correspondance diplomatique romaine sous le roi Charles I-er (1866–1880)*. Deuxième édition. Bucarest: au siège de l'Institut pour l'étude de l'histoire universelle sous la direction de N. Iorga, 1938, pp. III–XXXIX.

Jelavich, B. "Russia and the Reacquisition of Southern Bessarabia, 1875–1878." *Südost Forschungen*, band 28. München, 1969, pp. 199–237.

Kellogg, Fr. *The road to Romanian Independence*. West Lafayette, Ind.: Purdue University Press, 1995, 265 p.

Khevrolina, V. M. *Rossiiskii diplomat graf Nikolai Pavlovich Ignat'ev*. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN, 2004, 334 p.

Khevrolina, V. M. "Vostochnyi krizis 70-kh godov XIX veka." *Istoriia vneshnei politiki Rossii*: in 5 Vols. Vol. 4. *Vtoraiia polovina XIX veka (Ot Parizhskogo mira 1856 g. do russko-frantsuzskogo soiuz)*. Moscow: Akademicheskii projekt; Paradigma, 2018, pp. 180–221.

Osvobozhdenie Bolgarii ot turetskogo iga, ed. by S. A. Nikitin et al. Vol. 2. Moscow: Nauka, 1964, 646 p.

Rumyniia v voine za nezavisimost', 1877–1878, ed. by I. Koman et al. Bukharest: Voennoje izdatel'stvo, 1983, 365 p.

Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami. 1856–1917. Moscow: Gos. izd-vo politicheskoi literatury, 1952, 462 p.

Scafeș, C. I., Șerbănescu, H. VI., Andonie, C. M., Scafeș, I. I. *Armata română în războiul de independență 1877–1878*. București: Editura Sigma, 2002, 439 p.

Vinogradov, V. N. "Utrata i vozvrashchenie Iuzhnoi Bessarabii." Vinogradov, V. N., Ereshchenko, M. D., Semenova, L. E., Pokivailova, T. A. *Bessarabiia na perekrestke evropeiskoi diplomatii: Dokumenty i materialy*. Moscow: Indrik, 1996, pp. 119–136.

Vinogradov, V. N. "Rumyniia v voine za nezavisimost'." *Istoriia Balkan. Sud'bonosnoe dvadtsatiletije. (1856–1878 gg.)*, ed. by V. N. Vinogradov. Moscow: KRASAND, 2012, pp. 288–298.

Vinogradov, V. N., Ereshchenko, M. D., Semenova, L. E., Pokivailova, T. A. *Bessarabiia na perekrestke evropeiskoi diplomatii: Dokumenty i materialy*. Moscow: Indrik, 1996, 360 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.03

M. M. Frolova

The Mission of Colonel E. Arion and the San Stefano Peace Treaty, February 19 (March 3), 1878

Marina M. Frolova

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: marinafrolova59@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4068-5193

Citation

Frolova M. M. The Mission of Colonel E. Arion and the San Stefano Peace Treaty, February 19 (March 3), 1878 // *Slavic Almanac*. 2026. No 1–2. P. 68–97 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.03

Received: 05.05.2025.

Revised: 02.09.2025.

Accepted: 16.09.2025.

Abstract

This article, based on archival and published sources, reports on the mission of Romanian Colonel E. Arion, sent by Prince Carol to the Headquarters of the Commander-in-Chief of the Russian Army, Grand Duke Nikolai Nikolaevich. It examines the reasons for the Romanian representative's exclusion from the armistice negotiations with Turkey. The article provides detailed coverage of the negotiations conducted by Adjutant General Count N. P. Ignatiev in Bucharest on January 19–22, 1878, as well as talks with Turkish plenipotentiaries regarding the clauses of the peace treaty concerning the fate of Romania. Ignatiev was compelled to adjust the text of the peace treaty, as approved in St. Petersburg, to increase the territory exchanged for the three southern Bessarabian districts. Thanks to the negotiations with Count Ignatiev, the Romanian government learned of the articles of the future peace treaty planned by Russia, which is why it recalled its representative from Adrianople. However, sending colonel Arion to the headquarters of the Army of the Danube allowed Bucharest to declare that its rights were violated and the injustice on the part of Russia towards its ally in arms, in order to have an additional point to press in the future.

Keywords

Russo-Turkish War 1877–1878, Alexander II, Prince Charles, A. M. Gorchakov, I. Bratianu, M. Kogalniceanu, A. I. Nelidov, N. P. Ignatiev, E. Arion.

**Фронтовые письма словенских офицеров и солдат,
участвовавших в оккупации Боснии и Герцеговины в 1878 г.**

Кирилина Любовь Алексеевна
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: kirilina.ljuba@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-5272-8077

Цитирование

Кирилина Л. А. Фронтовые письма словенских офицеров и солдат, участвовавших в оккупации Боснии и Герцеговины в 1878 г. // Славянский альманах. 2026. № 1–2. С. 98–119.
DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.04

Статья поступила в редакцию 20.01.2026.

Рецензирование завершено 10.02.2026.

Статья принята к публикации 17.03.2026.

Аннотация

В статье рассматриваются еще малоизученные аспекты отношения словенцев к оккупации Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в 1878 г., а именно, анализируется содержание писем с фронта словенских офицеров и солдат. В центре внимания находятся главным образом письма, публиковавшиеся в августе – сентябре 1878 г. в органе словенских либералов газете «Словенски народ» («Slovenski narod»), также используется ряд других источников. В письмах словенцев с фронта поднимался широкий круг проблем: австро-венгерская политика того периода, ход оккупационной кампании, отношение словенских воинов австро-венгерских войск к христианскому (католическому и православному) населению Боснии и Герцеговины и к туркам, их бытовые тяготы и настроения, общие впечатления об оккупируемых областях и т. д. На основе этих писем автор выявляет некоторые особенности «европейского менталитета» словенцев, выразившиеся в их оценке происходящего, неприятии турецких традиций ведения войн и глубинной убежденности в непреодолимой пропасти между христианами и мусульманами. В письмах нет точного и полного описания событий, отсутствует их

серьезный анализ, однако по их содержанию можно судить о надеждах и стремлениях патриотически настроенных словенцев конца 1870-х гг., а также о специфике восприятия оккупации словенскими воинами австро-венгерской армии.

Ключевые слова

Австро-Венгрия, оккупация Боснии и Герцеговины в 1878 г., австро-венгерская армия, словенские офицеры и солдаты, словенская либеральная газета «Словенски народ», католики, православные, мусульмане.

Отношение словенцев к оккупации Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины – тема, довольно подробно исследованная словенскими историками – В. Меликом и П. Луковичем в 1970–1980-е гг.¹, в начале 2000-х она нашла отражение в монографии Р. Стергара². Однако остается еще ряд ее аспектов, требующих более детального освещения и анализа. К ним можно отнести и письма с фронта словенских офицеров и солдат, публиковавшиеся в августе – сентябре 1878 г. в органе либералов и единственной в то время ежедневной словенской газете «Словенски народ» («Slovenski narod»), которые будут более подробно охарактеризованы в данной статье. Эти свидетельства словенских воинов непосредственно с места событий мы сочли возможным дополнить некоторыми соответствующими содержанию писем материалами из труда Ернея Андрейки «Словенские парни в Боснии и Герцеговине в 1878 г.»³, изданной в Клагенфурте / Целовце в 1904 г., незадолго до аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией. Эта книга, основанная на дневниковых записях Андрейки, воспоминаниях словенцев – участников военной кампании, на официальных источниках и немецкоязычной литературе, и по сей день остается наиболее полным исследованием участия словенцев в оккупации. Также в работе используются отрывки из писем родственникам триестского

1 *Melik V. Spremembe na Slovenskem in v Cislitvaniji v zvezi z dogodki na Balkanu // Melik V. Slovenci 1848–1918: razprave in članke. Maribor, 2002. S. 494–512; Melik V. Odmev dogodkov ob okupaciji Bosne in Hercegovine 1878 na Slovenskem // Ibid. S. 513–520; Luković P. Stališče slovencev do vstaje v Hercegovini in Bosni in do bosansko-hercegovinskega vprašanja v letih 1875–1878. Ljubljana, 1977.*

2 *Stergar R. Slovenci in vojska, 1867–1914: slovenski odnos do vojaških vprašanj od uvedbe dualizma do začetka 1. svetovne vojne. Ljubljana, 2004.*

3 *Andrejka J. Slovenski fantje v Bosni in Hercegovini 1878. Ob petindvajsetletnici bosenske zasedbe. Celovec, 1904–1905. 2 zv. 384 s.*

словенца Ивана Манкоча, служившего в 22 пехотном полку, опубликованных И. Вогричем в 2016 г. в переводе с итальянского на словенский язык⁴.

Восстание в Боснии и Герцеговине в 1875 г. национально ориентированные словенцы восприняли с воодушевлением, полагая: «их свобода станет нашей», принесет пользу всем югославянам. Когда в империи стали появляться «христианские беженцы» из этих областей, в Загребе был основан благотворительный комитет, в работе которого участвовали хорваты, сербы и словенцы. Он «собирал пожертвования в деньгах, одежде, еде, а также поддерживал отряды восставших». Позже аналогичные комитеты появились в Любляне и в Триесте. Один из лидеров либералов и инициаторов благотворительной акции Й. Вошняк вспоминал, как помогал переправляться в Боснию словенским добровольцам, а дважды ему даже удалось тайно передать в Загреб мешки пороха для повстанцев⁵. На сторону повстанцев встал и либеральный «Словенски народ», за что немецкая газета «Laibacher Tagblatt», выступавшая за сохранение Османской империи «для стабильности и равновесия в Европе», даже назвала его «местным органом отрубания голов и носов»⁶.

Возглавлявшие правительство немецкие либералы выступали против расширения империи на Восток, опасаясь усиления в ней славянского элемента, который будет представлять угрозу дуализму, и выказывали симпатии к туркам. Люблянские немцы также считали, что «раздел Турции – неоправданная ошибка». Если он осуществится, то «вся сила славянства обрушится на Австрию»⁷. Император и поддерживавшие его консерваторы еще до начала восстания подумывали об усилении монархии путем присоединения Боснии и Герцеговины⁸. Предполагали возможность оккупации этих областей и некоторые словенские национальные деятели. Впрочем, ряд либералов в 1875–1876 гг. склонялся к мысли, что монархия не должна расширяться на Балканы, Босния пусть достанется Сербии, а Герцеговина – Черногории. Однако поражение сербских княжеств в войне с турками и русско-австрийское Рейхштадское соглашение 1876 г. о разделе сферы интересов на Балканах показали бесперспективность этих планов. Согласно решению Берлинского конгресса

4 *Vogrič I.* Zasedba Bosne in Hercegovine leta 1878 v luči pisma Ivana Mankoča // *Zgodovinski časopis*. 2016. Letn. 70. Št. 3–4. S. 314–336.

5 *Vošnjak J.* Spomini. Ljubljana, 1982. S. 509–511.

6 *Matič D.* Nemci v Ljubljani 1861–1918. Ljubljana, 2002. S. 153.

7 *Ibid.* S. 154.

8 *Melik V.* Spremembe na Slovenskem in v Cislitvaniji... S. 494–495.

1878 г., Австро-Венгрия получила право на неопределенный срок занять территорию Боснии и Герцеговины.

К этому времени большинство словенских патриотов уже поддерживали будущую оккупацию Боснии и Герцеговины в убеждении, что она позволит увеличить численность славян в империи, повысить их влияние и тем самым приведет к краху системы дуализма⁹. Император, видя верность австрийских славян, пойдет навстречу их пожеланиям, и государство наконец будет реформировано в соответствии с принципами национального равноправия. Немалую роль сыграла и вера в то, что, присоединив эти территории, монархия выполнит свою миссию на Востоке, благое дело освобождения славянских братьев из-под ярма турок-иноверцев. Помимо этого, имелись и чисто практические соображения: новые земли открывали дополнительные экономические преимущества и возможности для трудоустройства словенских чиновников, учителей, ремесленников и крестьян. И, как справедливо подчеркивает словенский исследователь Р. Стергар, не следует забывать и об искреннем австрийском патриотизме словенцев, ярко проявившемся в ходе военной кампании¹⁰.

По словам американского историка И. Деака, армия Габсбургов «была гарантом мира между национальностями» и, помимо этого, «самим своим существованием замедляла процесс ассимиляции или смены национальности»¹¹. Другой американский исследователь, Д. Уновски, определяет ее роль как «школы патриотизма и династической лояльности»¹². Этому способствовала продуманная политика имперских властей. Согласно военной реформе 1868 г., хотя языком командования в австро-венгерской армии оставался немецкий (традиционно считавшийся показателем ее национальной нейтральности и наднациональности¹³) и каждый рекрут был обязан выучить на нем 80 основных команд и понятий, полки организовывались по языковому принципу, если в их личном составе преобладала какая-либо

9 *Luković P.* Stališče slovencev do vstaje v Hercegovini in Bosni... S. 348.

10 *Stergar R.* Slovenci in vojska... S. 136.

11 *Deak I.* Assimilation and Nationalism in East Central Europe during the last Century of Habsburg Rule // *The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies*. 1983. Paper No 202. S. 5.

12 *Unowsky D. L.* The pomp and politics of patriotism: imperial celebrations in Habsburg Austria, 1848–1916. West Lafayette, Indiana, 2005. P. 3.

13 *Stergar R.* Slovenci in vojska... S. 79. Подробнее о языковой политике в австро-венгерской армии см.: *Scheer T.* Die Sprachenvielfalt in der österreichisch-ungarischen Armee (1867–1918). Wien, 2022.

национальность, язык которой входил в перечень десяти официально признанных. Так был организован и пехотный полк № 17 (Крайнский полк, полк крайних Янезов) в составе Второй горной бригады 7-й пехотной дивизии, большинство в котором составляли словенцы из Краины (в 1914 г. их было 86 %). В Каринтийском полку (7-й пехотный), где более 20 % личного состава было словенского происхождения, военное министерство в 1873 г. признало словенский язык вторым полковым языком и обязало немецких офицеров его выучить¹⁴. Аналогичное постановление было принято и для 47-го полка.

Политика властей была направлена на сосуществование династической лояльности и национальной идентичности¹⁵. Это видно и на примере словенских солдат, чей имперский патриотизм вполне успешно сочетался со словенским. Служивший в Крайном полку Е. Андрейка, в 1878 г. заместитель сотника, привел в своей книге любопытный пример умной политики немецкого командования, направленной на укрепление австрийского патриотизма словенцев накануне похода в Боснию и Герцеговину. По словам Андрейки, перед отходом полка из Триеста, где он в то время размещался, нужно было придумать его новый гимн. Немецкий полковник Мирослав Пригер попросил Андрейку спеть ему несколько народных словенских песен. Тот спел их, и полковнику понравилась «Песня путника», она и стала полковым маршем. «Введением такого «марша» Пригер не только облегчил солдатам учебу, но и пробудил в них гордость и воодушевление, – писал Андрейка. – [...] Мелодия песенки, которую они выучили в детстве от матери и в школе и которую и позже часто напевали, сопровождала их на полях сражений»¹⁶. Полковые марши других словенских полков также основывались на словенских песнях¹⁷. И военную присягу солдаты давали на словенском языке¹⁸.

В военной кампании участвовало около 20 тыс. словенских воинов¹⁹, большинство из них входили в состав Крайнского полка Второй горной бригады 7-й пехотной дивизии. Служили словенцы и в 7-м Каринтийском пехотном полку в составе 6-й пехотной дивизии, участвовавшем во взятии Маглая и Сараева, в 22-м (полк Барон

14 *Stergar R.* Slovenci in vojska... S. 106.

15 *Unowsky D. L.* The pomp and politics of patriotism... S. 9, 181.

16 *Andrejka J.* Slovenski fantje v Bosni in Hercegovini 1878... S. 17–18.

17 *Stergar R.* Slovenci in vojska... S. 137.

18 *Andrejka J.* Slovenski fantje v Bosni in Hercegovini 1878... S. 22.

19 *Melik V.* Odmev dogodkov ob okupaciji Bosne in Hercegovine 1878 na Slovenskem... S. 516.

Вебер), 27-м Штирийском и 47-м (полк Хартунг) пехотных полках, а также в 7-м, 10-м, 19-м и 33-м егерских батальонах.

На войну словенцы провожали соотечественников с воодушевлением, в Триесте и Любляне им устроили торжественные проводы. Вагоны, перевозившие солдат, были окрашены в национальные цвета, солдаты пели словенские песни. Словенские патриоты организовали благотворительные мероприятия в помощь семьям мобилизованных²⁰.

Оккупационная кампания началась 29 июля и длилась до 20 октября 1878 г. Австро-венгерская армия вошла в страну двумя основными потоками: с севера в Боснию вторгся XIII-й корпус главнокомандующего армией Йосипа Филиповича, в котором находились Крайнский полк, 7-й и 47-й резервные пехотные полки. Эти войска форсировали реку Сава у Брода, Костайницы и Градишки. Различные подразделения, в их числе и Крайнский полк, собрались в Баня-Луке и двинулись по дороге на левый берег реки Врбас. 7 августа под Яйце произошло генеральное сражение, в котором австро-венгерская пехота потеряла 600 человек. Город был захвачен. После занятия Травника Крайнский полк остался в этом городе, 7-й и 47-й полки двинулись дальше вместе с Филиповичем в направлении Брод – Дервент – Сараево. Они участвовали в битвах за Маглай, Жепче, во взятии Сараева. Вторая оккупационная сила, 18-я дивизия численностью 9000 человек под командованием генерала Стефана Йовановича, продвигалась из австрийской Далмации вдоль Неретвы. 5 августа она захватила Мостар, столицу Герцеговины. После падения Сараева 19 августа повстанцы отошли в гористую местность за городом и еще несколько недель оказывали там сопротивление. С юга из австрийской Далмации в Герцеговину продвигалась 18-я дивизия под командованием генерала Йовановича, в ее составе были и 7-й, 19-й, 33-й егерские батальоны. 5 августа она захватила столицу Герцеговины Мостар.

Тогда же, в начале августа, в словенской либеральной прессе – в основном в «Словенском народе», иногда и в либеральной газете триестских словенцев «Эдиност» («Edinost») – начали публиковать письма словенцев с фронта. Кто посылал корреспонденции в «Словенски народ»? В большинстве своем это были хорошо образованные и национально ориентированные офицеры, унтер-офицеры, врачи и фельдшеры, писем солдат было мало. Среди них были кадровые офицеры, рекруты, призванные в армию резервисты из рядов интеллигенции: юристы, врачи и представители других мирных профессий.

20 Ibid.

Многие описывали свою радость при случайной встрече на войне со знакомыми, с которыми вместе учились в Венском университете, передавали приветы оставшимся дома патриотам, некоторые были в приятельских отношениях с редактором «Словенского народа», писателем и журналистом Йосипом Юрчичем (1844–1881) и адресовали письма лично ему. Как, например, друг Юрчича сотник Крайнского полка Божидар Дреник (1831–?), один из наиболее активных корреспондентов «Словенского народа»²¹. Некоторые из воспоминаний подполковника Дреника через 25 лет привел в своей книге Е. Андрейка, и ряд эпизодов, кратко упомянутых Дреником в письмах с фронта, были освещены там подробнее.

В газете появился раздел «Из Боснии и Герцеговины», в котором помимо официальных сообщений часто печатались и письма словенцев с фронта. Естественно, все они проходили цензуру, публиковались не полностью, а с купюрами, иногда в пересказе редакторов. Большинство их авторов остались анонимными, но фамилии некоторых известны благодаря карандашным пометкам на страницах газеты (эти экземпляры газеты находятся в Национальной и университетской библиотеке Любляны). Судя по всему, разбором корреспонденций с фронта занимался педагог, историк литературы и редактор Фран Левец (1846–1916). Так, относительно обширного сообщения, опубликованного в «Словенском народе» 27–29 августа, сделана пометка: «Левец по письму Дреника»²², письмо словенского воина из Сараева отмечено как «Левец по письму Мунда»²³, письмо старшего врача-резервиста – как «д-р Унтерлеггарер»²⁴. Бывало, что автор письма не был известен и редакции газеты (см., например, пометку карандашом: «Левец по письму неизвестного» в номере от 30 августа²⁵). Иногда «Словенски народ» перепечатывал письма воинов, ранее опубликованные в «Эдиности»²⁶ или «Grazer Tagespost»²⁷.

О чем писали словенцы с фронта? Они освещали достаточно широкий круг проблем, связанных с проведением военной операции. Первое, что хотелось бы отметить, это их убежденность в справедливости оккупации и ее пользе для славянского дела. Словенцы

21 Slovenski narod. 28.08.1878. S. 2.

22 Ibid. 27.08.1878. S. 1.

23 Ibid. 01.09.1878. S. 1.

24 Ibid. 03.09.1878. S. 1.

25 Ibid. 30.08.1878. S. 1.

26 Ibid. 29.09.1878. S. 1.

27 Ibid. 20.08. 1878. S. 1.

верили в освободительную миссию австрийских славян по отношению к братьям, страдавшим под игом турок-мусульман. Подчеркивали они и роль славянского элемента в армии: «Из Крайны, словенской Штирии, Приморья, Далмации и Хорватии больше всего воинов. И почти все они славяне. Мы не ожидаем, что они займут область ради венгров или сторонников немцев, чего некоторые все еще опасаются»²⁸. Радовало словенцев и то, что командующие армиями Стефан Йованович (1828–1885) и Йозеф Филипович (1818–1889) были славянского происхождения и знали сербохорватский язык. Филипович, как писали в «Словенском народе», владел им «в совершенстве»²⁹. Когда главнокомандующего Филиповича отозвали из Боснии и Герцеговины в Вену, словенские патриоты были расстроены. «Словенски народ» с тревогой прокомментировал известие, что его отправляют в Прагу, а вместо него останется немецкий генерал: «Если это произойдет, славяне в Австрии увидят, что мы ошиблись в одной нашей большой надежде. Такой поворот в Боснии стал бы судьбоносным, открыл бы многим глаза, лишил последнего оптимизма»³⁰.

Как отмечал один из словенских офицеров, сначала «казалось, что наша армия почти не встретит сопротивления и что захват Боснии пройдет легко, но мы ошибались»³¹. Вскоре начались тяжелые бои. Е. Андрейка вспоминал: в начале операции «туркам еще не было запрещено носить оружие, а нам строго запретили входить в турецкие дома, пока турки будут вести себя мирно». Пленных в битве при Яйце турок освободили, и многие из них затем бежали в Сараево, чтобы продолжить сопротивление³². Сначала, до того как австро-венгерская армия столкнулась с ожесточенным сопротивлением турецких повстанцев, политика властей по отношению к туркам была достаточно гуманной. Военное положение генерал Филипович ввел 3 августа, после того как отряд гусар попал в засаду возле Магляя на реке Босна. Чрезмерно лояльное, на взгляд словенцев, отношение начальства к противникам вызвало у них множество нареканий. Так, один офицер писал из Травника: «Большой ошибкой мне кажется, что повсюду, куда мы приходили, в первые дни мы разрешали турецким воинам уйти с оружием; и они в благодарность за нашу

28 Ibid. 16.07.1878. S. 1. Передовица.

29 *Andrejka J. Slovenski fantje v Bosni in Hercegovini 1878...* S. 183.

30 *Slovenski narod*. 20.10.1878. S. 1.

31 Ibid. 15.08.1878. S. 1. Сообщение из Яйце.

32 *Andrejka J. Slovenski fantje v Bosni in Hercegovini 1878...* S. 30, 68.

любезность позже объединились с повстанцами и отправили на тот свет много наших. Эту ошибку наши уже осознали, но поздно, когда пролилось уже столько крови»³³.

Особое недовольство вызывали действия министра иностранных дел Австро-Венгрии Дьюлы Андраши, которого обвиняли в заигрывании с турками. Словенцы считали, что он стремился «найти в турках новых союзников против славян»³⁴. «Это изначальное кокетство с мусульманами и это явное намерение наших политиков опираться на турецкий элемент как партию землевладельцев казалось всем славянским воинам гнуснейшим», – отмечал автор одного из писем³⁵. Обер-лейтенант Крайнского полка в сообщении из Яйце возмущался тем, что правительство (по настоянию венгров!) «милостиво обращалось» с турками, «охраняло права турецких бегов»³⁶, позволяя им занимать административные посты, «а райю»³⁷ и далее держало в рабстве»³⁸. Другой словенский офицер в конце сентября писал из оккупированного Травника: «Политическая ситуация нам совершенно не нравится. Всюду учреждения оставляют туркам, и многие остаются при старом хозяйстве. Турки ведут себя бесстыдно и отвечают на мирное поведение насмешками»³⁹.

Словенцы считали, что австрийская администрация в Боснии и Герцеговине должна быть славянской, это путь к сердцу боснийцев⁴⁰. Венгров они обвиняли в проведении не только туркофильской, но и провенгерской политики в оккупированных областях. «Большинство чиновников, которых собирались тут постоянно оставить, венгры, все, напечатанное на телеграфе и почте, на венгерском языке. Босния и венгерский официальный язык!» – возмущался в конце сентября один из авторов. Впрочем, ситуация, по его мнению, улучшалась: оказывая ожесточенное сопротивление оккупационным войскам, мусульмане

33 Slovenski narod. 28.08.1878. S. 2. «Сообщения друзей из Боснии». Продолжение. Ч. 4. Из Травника, 18.08.1878.

34 Ibid. 21.09.1878. S. 2. Из Травника.

35 Ibid. 27.08.1878. S. 2. В Травнике, 13.08.1878. Ч. 3.

36 Бег (бей) – крупный землевладелец, правитель округа.

37 Райя – в Османской империи так называлось податное сословие: крестьяне, ремесленники, торговцы.

38 Slovenski narod. 20.08.1878. S. 1. Письмо обер-лейтенанта полка Куна о походе в Яйце первоначально было опубликовано в газете «Grazer Tagespost».

39 Ibid. 19.09.1878. S. 1.

40 Melik V. Odmev dogodkov ob okupaciji Bosne in Hercegovine 1878 na Slovenskem... S. 516.

себя дискредитировали, и теперь их лишат власти, и феодальная система будет уничтожена. «Каждый австриец ужасается проклятой турецкой банде, какой бы он ни был национальности», даже венгры больше «не выказывают симпатий к туркам, как раньше»⁴¹.

В письмах с фронта словенцы нередко подробно рассказывали о сражениях, в которых принимали участие (о битвах при Варцар Вакуфе, Яйце, Сараеве, Жепче, Маглае, Црнице и Груде⁴²). При этом они всегда подчеркивали храбрость словенских воинов, значимость их подвига для достижения общей победы. Так, в сообщении из Яйце о битве с турками у села Езеро 7 августа на пути к Вакуфу офицер Крайнского полка писал: «Только благодаря редкой храбрости и упорству наших воинов противник был блистательно побежден». «Наши замечательные крайнские парни вели себя как настоящие герои и больше всего помогли славной победе». Отметил он и то, что храбро сражались также [...] хорваты»⁴³. Описывая битву под Яйце, неизвестный автор также упомянул о «достойной восхищения непоколебимости и храбрости нашего полка»⁴⁴. Во многих письмах словенцы сообщали соотечественникам о подвигах того или иного словенского воина, приводили сведения о павших и раненых бойцах⁴⁵.

Такие письма, прошедшие цензуру и опубликованные в «Словенском народе», содержали определенный национальный посыл и соответствующую мотивацию. В личной переписке люди высказывались откровеннее. Для некоторых молодых рекрутов боевые столкновения стали шокирующим опытом. Так, например, в письме к родным И. Манкоч рассказал о своем «крещении огнем», когда в середине августа его полку пришлось отражать нападение турецких повстанцев на занятую австро-венгерскими войсками Баня-Луку, а потом в городе начался пожар, с которым четыре дня не могли справиться. После боя «я [...] видел только пепел, мертвых коней и турок. [...] Так как у меня чувствительный желудок, я не мог смотреть на все эти ужасы, резню

41 Slovenski narod. 21.09.1878. S. 2. Из Травника.

42 См.: Ibid. 11.08.1878. S. 1; 15.08.1878. S. 1; 20.08.1878. S. 1; 27.08.1878. S. 1–2; 28.08.1878. S. 2; 01.09.1878. S. 1–2; 07.09.1878. S. 1; 12.09.1878. S. 2–3; 05.09.1878. S. 2; 26.09.1878. S. 2.

43 Ibid. 15.08.1878. S. 1.

44 Ibid. 27.08.1878. S. 2. Острог у Яйце, 09.08.1878. Ч. 2.

45 См., напр.: Ibid. 20.08.1878. S. 1. Письмо обер-лейтенанта полка Куна о походе в Яйце; 27.08.1878. S. 1. «Сообщения друзей из Боснии». Карандашная пометка: «Левец по письму Дреника». Острог у Варцара, 06.08.1878. Ч. 1. О бое у Рогеля 05.08.1878. Близ Варцар Вакуфа.

и пр. Проходя мимо, я закрыл руками глаза»⁴⁶. А 5 сентября, сообщая о грядущем сражении за г. Ключ, он писал: «Завтра нас посылают в пекло. Это страшно, я не пожелаю такого никому на свете. Надеюсь, мы выкрутимся»⁴⁷. Манкоч не пытался храбриться и выставять себя перед родственниками в лучшем свете, он описал свои реальные чувства: война вызывала у него страх и отвращение.

Некоторые авторы писем выражали недовольство сообщениями об оккупационной кампании в немецкой прессе. По их мнению, далеко не все из них были правдивы: «особенно пренебрегают нами, словенцами, или лишь кратко упоминают» в описаниях битв. Например, они считали, что именно словенские (и славянские) полки сыграли основную роль в победах при Жепче и Маглае. «А немецкие полки в большинстве подошли уже после нас, когда все уже было сделано»⁴⁸. Словенский офицер в письме из Травника высказался еще резче: «Нас злит, что немецкие газеты сообщают о наших битвах так поверхностно и лживо». И выразил сожаление, что словенские патриоты не имеют своего корреспондента в Вене⁴⁹. Убежденность в том, что словенские подразделения сыграли существенную роль в победах армии, разделяли многие. И через 25 лет Андрейка приписывал главную заслугу в победе при Яйце 17-му и 53-му пехотным полкам⁵⁰.

В письмах, опубликованных в «Словенском народе», содержатся сведения и о том, как относились словенские воины австро-венгерской оккупационной армии к населению Боснии и Герцеговины. Согласно традиции, возникшей еще в XV–XVII вв., в период боев с турками, и укрепившейся во время австрийско-турецких войн XVIII в., мусульман словенцы воспринимали как представителей враждебного христианам турецкого господства, а к поработанным ими католикам и православным испытывали симпатию. Как отмечает В. Мелик, они в целом придерживались политической линии, проводившейся Австро-Венгрией: сопротивление оккупации может быть лишь со стороны турок, Сербия, Черногория, славяне Боснии и Герцеговины не возражают против нее⁵¹.

46 *Vogrič I. Zasedba Bosne in Hercegovine leta 1878 v luči pisem Ivana Mankoča...* S. 322. Письмо из Баня-Луки, 22.08.1878.

47 *Ibid.* S. 325.

48 *Slovenski narod*. 12.09.1878. Письмо из Сараева, 03.09.1878. Сообщение из достоверного источника. S. 3.

49 *Ibid.* 28.08.1878. S. 1. Продолжение. Из Травника, 18.08.1878. Ч. 4.

50 *Andrejka J. Slovenski fantje v Bosni in Hercegovini 1878...* S. 58.

51 *Melik V. Odmev dogodkov ob okupaciji Bosne in Hercegovine 1878 na Slovenskem...* S. 518.

Во многих корреспонденциях встречаются описания того, как радовалось христианское население приходу австро-венгерских войск, воспринимая его как освобождение от гнета иноверцев. Автор письма о захвате г. Мостара сообщал: «Когда мы маршировали в Мостар, нас везде торжественно и радостно приветствовали» и кричали «Да здравствует император Франц Иосиф!»⁵². Другой словенский воин (подписавшийся «F...s»), участвовавший во взятии Сараева, отмечал: «Христиане нам очень обрадовались, начали звонить в колокола»⁵³. Воин, чья часть была расположена в лагере у Столаца в Герцеговине, отметил, что жители Столаца «на вид очень приветливы, добровольно давали солдатам воду и вино, точно так же было и во всех тех деревнях, через которые проходила армия»⁵⁴. Один из офицеров также вспоминал, что в Горни-Вакуфе «христиане радовались приходу австрийских воинов», а крестьяне из окрестных деревень принесли в лагерь «много фруктов, молока и яиц. Солдаты ели целый день». Упомянул он и об одном любопытном факте, свидетельствующем о том, что местные крестьяне связывали с приходом австрийских войск надежды на улучшение своего экономического положения. Так, старейшины нескольких деревень вручили ему написанный на смеси кириллицы и латиницы адрес императору, в котором выражали благодарность за оккупацию и просили облегчить им жизнь⁵⁵.

При этом в ряде писем прослеживается разное отношение авторов к местным католикам и православным. Словенцы, как католический народ, прежде всего отдавали предпочтение католикам, православных жителей Боснии и Герцеговины они воспринимали с некоторой настороженностью, а подчас и пренебрежением. «Многие жители пришли к нам в казарму и отдали нам оружие, конечно, все они католики», — отметил офицер в письме из Сараева⁵⁶. В письме офицера из Травника подчеркивалось, что приходу оккупационных войск «особенно радовались католики; православные часто никчемные, которые стреляют

52 Slovenski narod. 15.08.1878. S. 2. Из Мостара. Сообщение из частного письма от 07.08.1878.

53 Ibid. 01.09.1878. S. 2. Письмо словенского воина из Сараева от 21.08.1878. Карандашная пометка: «Левец по письму Мунда».

54 Ibid. 10.09.1878. S. 3. Лагерь у Столаца в Герцеговине, 23.08.1878. Сообщение из достоверного источника.

55 Ibid. 26.09.1878. S. 2. Письмо словенского офицера из Бугойно близ Травника от 12.09.1878.

56 Ibid. 02.09.1878. S. 3. Письмо из Сараева, 03.09.1878. Сообщение из достоверного источника.

в нас вместе с турками»⁵⁷. Последняя тема – об участии в сопротивлении славян – время от времени все же проскальзывала в корреспонденциях словенцев. Как и переживания по поводу того, что многие славяне являются магометанами⁵⁸. Вместе с тем авторы писем находили смягчающие их вину обстоятельства: «христиан заставляют сражаться против нас турецкие главары и повстанцы»⁵⁹. Словенский офицер сообщал из Травника: «Печально, что и некоторые славяне, которых мы пришли освобождать, воюют против нас. Но их мало и надеемся, что станет еще меньше. Некоторые из них слепы и не понимают, что делают, другим турки угрожали смертной казнью, если они не хотели вступить в ряды турецких повстанцев»⁶⁰. Вывод одного из авторов (по-видимому, Дреника) относительно населения оккупированных областей был довольно пессимистичен: «Боснийские беги и их приверженцы – злобные, фанатичные отбросы. Но и христиане из-за долгого рабства под турецким ярмом мало просвещены»⁶¹.

Но если поведению поработанных турками славян словенцы находили оправдания, то менталитет турок и их традиционные способы ведения военных действий, противоречившие сложившейся у европейцев системе ценностей, чем дальше, тем больше вызывали у них ненависть и отвращение. Возмущение вызывало у словенцев лицемерие турок, не оценивших первоначально гуманное отношение к ним оккупантов. По рассказам сотника Дреника, приведенным в книге Е. Андрейки, австрийским солдатам турки «без возражений продавали дрова, сено и другие нужные вещи, только о сдаче оружия ничего не хотели слышать», ссылаясь на то, что все его забрали повстанцы. Дреник вспоминает, что не поверил в это. Но его попытки прояснить ситуацию с оружием долго оставались безуспешными, пока 15-летний парнишка не сказал ему тайком, что турки оружия не отдадут, поскольку собираются сражаться против австро-венгерских войск. Он указал на дом бега, который, предположительно, мог хранить оружие. Командир батальона разрешил провести обыск, оружие нашли,

57 Ibid. 27.08.1878. S. 2. «Сообщения друзей из Боснии». В Травнике, 13.08.1878. Ч. 3.

58 *Melik V. Odmev dogodkov ob okupaciji Bosne in Hercegovine 1878 na Slovenskem...* S. 519.

59 Slovenski narod. 01.09.1878. S. 1–2. Письмо словенского воина из Сараева от 21.08.1878. Карандашная пометка: «Левец по письму Мунда». Подпись «F...s».

60 Ibid. 28.08.1878. S. 2. Продолжение. Из Травника, 18.08.1878. Ч. 4.

61 Ibid. 27.08.1878. S. 1. «Сообщения друзей из Боснии». Острог у Варцара, 06.08.1878. Ч. 1. Карандашная пометка: «Левец по письму Дреника».

бега арестовали. «Уже в тот же день турки начали добровольно сдавать оружие». За несколько дней набралось 8 возов. В Травнике бега судили, приговорили к заключению в тюрьме на 3 года, но позже помиловали⁶². Аналогичный эпизод привел в письме из Бугойно, опубликованном в «Словенском народе», один из словенских офицеров: «Турки утверждали, что у них нет оружия, повстанцы его уже отобрали. [...] Но мне тайно рассказал один крестьянин-католик, что то, что они говорят, неправда, и указал на некоторых турок, которые якобы скрыли оружие». Офицер обыскал их дома, нашел там много оружия, арестовал богатого турка и объявил, что его расстреляют. Турки испугались и на следующее утро сдали все оружие⁶³.

Но это были примеры пассивного сопротивления османцев. Уже в августе стало появляться все больше сообщений о зверствах мусульман. Капрал, лежавший раненый в больнице Баня-Луки, в письме родным, опубликованном в «Словенском народе», так выразил свое возмущение происходившим: «Турки страшно мучают наших раненых и взятых в плен солдат; связывают их, отрезают носы, уши. Это не люди, а звери. Их надо полностью истребить»⁶⁴. Солдат ужасала перспектива попасть в руки турок. Манкоч в письме родным о битве за Ключ упомянул: «Наши, раненные во время боя, просили своих товарищей убить их, поскольку боялись, что иначе их зарежут турки»⁶⁵.

В письме из Мостара словенский артиллерист привел более жесткий пример турецкого «коварства». Он рассказал историю о якобы безобидном старике, которого их начальник подразделения отпустил на свободу, а тот оказался одним из повстанцев, сообщил своим о расположении отряда и помог организовать на него нападение. «Зверские турецкие кровопийцы виной тому, что наши воины более не сдерживают свой гнев»⁶⁶, – считал он. Негодование артиллериста «подлостью» турок разделялось многими словенцами. «Если подумать, как хорошо мы сначала обращались с турками и как они сейчас на это отвечают, можно понять злость и раздражение наших парней», – писал один из словенских офицеров. Примечательно, что, когда

62 *Andrejka J.* Slovenski fantje v Bosni in Hercegovini 1878... S. 105–107.

63 Slovenski narod. 26.09.1878. S. 2. Письмо словенского офицера. Бугойно близ Травника, 12.09.1878.

64 *Ibid.* 28.08.1878. S. 2. Письмо капрала семье из Баня-Луки, 22.08.1878.

65 *Vogrič I.* Zasedba Bosne in Hercegovine leta 1878 v luči pisem Ivana Mankoča... S. 330. Письмо из Ключа, 16.09.1878.

66 Slovenski narod. 13.09.1878. S. 2. Письмо словенского артиллериста. Мостар, 04.09.1878.

он упрекнул солдата из Верхней Крайны в чрезмерно жестокой расправе над пленными турками, тот возразил ему: «И что? Разве турки поступали иначе, когда приходили в Крайну грабить и жечь?»⁶⁷ Очевидно, многими словенскими солдатами нынешняя борьба австрийцев с турками воспринималась как традиционное продолжение их многовекового противостояния.

Все большее ожесточение охватывало словенских воинов. Один из офицеров в своем сообщении о битве за Сараево подчеркнул, что сражениям не будет конца, «пока мы не перебьем всех турецких собак»: «Каждый день мы имеем честь убивать пленных турок, которые в нас стреляли, для некоторых виселицы, для других свинец!» И методично перечислил, кого из турок расстреляли, кого повесили⁶⁸. Унтер-офицер санитарной службы, описывая бои при Црниче и Груде, упомянул: «Деревни в этом краю вплоть до Столаца мы все сожгли»⁶⁹. Как с грустью отмечал в письме из Добоя врач-резервист д-р Унтерлеггарер, на войне «происходят ужасные вещи, и человек тут [...] теряет всю гуманность и человеколюбие»⁷⁰.

«Мусульманские собаки страшно расчлениют наших воинов, а мы должны хорошо обращаться с этими кровожадными азиатами?»⁷¹ Этот вопрос задавали себе многие словенцы. Словенская пресса в период проведения оккупации вообще очень много писала о жестокости турок, из-за чего и на словенских землях случались эпизоды проявления враждебности к пленным туркам со стороны местного населения⁷². Так, в «Словенском народе» была опубликована заметка о конфликте, произошедшем в начале сентября на железнодорожной станции Зидани Мост, где была запланирована остановка поезда, перевозившего пленных турок. На станции в то время оказались 300 солдат Крайнского полка, направлявшихся из Любляны в Боснию. Когда поезд прибыл, словенские солдаты стали выкрикивать угрозы

67 Ibid. 30.08.1878. S. 2.

68 Ibid. 12.09.1878. S. 2. Письмо из Сараева, 03.09.1878. Сообщение из достоверного источника.

69 Ibid. 05.09.1878. S. 2. Из Мостара, 28.08.1878. Частное письмо унтер-офицера санитарной службы.

70 Ibid. 03.09.1878. S. 1. Частное письмо резервного старшего врача в батальоне. Карандашная пометка: «д-р Унтерлеггарер». Отделение Сцапари. Добой, 20.08.1878.

71 Ibid. 13.09.1878. S. 2. Письмо словенского артиллериста. Мостар, 04.09.1878.

72 *Melik V. Odmev dogodkov ob okupaciji Bosne in Hercegovine 1878 na Slovenskem...* S. 517.

туркам. Во избежание эксцессов турок не стали выпускать из вагонов, поезд отъехал от станции. И лишь когда словенские воины уехали, пленных вновь привезли на станцию и накормили. Автор заметки постарался настроить словенскую общественность на мирный лад. Упомянув, что многие считают, что турки не заслуживают, чтобы их кормили, «да еще и так хорошо», он пояснил: «Они военнопленные, и с ними как таковыми мы не должны жестоко обращаться»⁷³.

В письмах словенских офицеров и солдат немалое место занимают описания тягот армейского быта и походов, недостатков снабжения армии. Не все они были разрешены к печати цензурой, но в целом авторы могли достаточно открыто писать о многих проблемах, с которыми столкнулась австро-венгерская армия при проведении военной операции. Что прежде всего беспокоило солдат? В большинстве писем они жаловались на голод и жажду: «У нас совсем нет еды, так как провиант из-за плохих дорог не успевает за нами. Питаемся печеной кукурузой и луком»⁷⁴; «уже 48 часов я не ел, 4 дня не пил ни капли вина»⁷⁵. С резкой критикой работы интендантской службы выступил словенский офицер из полка Хартунг бригады Мюллера. Он пишет, что при переправе полков через Саву из-за страшной жары и изнурительного марша «сегли по дороге 1500 чел. из полка Мароевича, 600–700 Бельгийцев, от нашего полка 150; 30 умерли. Виною тому – то, что мы пришли в Дервент голодные и испытывающие жажду, но и тут мы ничего не получили, поскольку провиант из-за сильной бури отстал. Промокшие до костей, голодные, мы легли в лужи; о наших желудках позаботились только на следующий день пополудни!»⁷⁶

Неблагоприятные погодные условия (то жара, то дожди, то буря и ночной холод), гористая местность и отсутствие дорог также сильно усложняли поход. Словенский артиллерист писал, что путь на Мостар стал для словенцев «наихудшим маршем. Турецкая дорога в таком плохом состоянии, что возы с мундиром падали с дороги вниз по горе, и если бы мы дважды вовремя не перерезали вожжи, увлекли бы за собой коней и людей»⁷⁷. «То, как мы тут страдаем, страшно; мы уже едва

73 Slovenski narod. 13.09.1878. S. 3–4. Сообщение о событиях на Зиданом Мосте 07.09.1878.

74 Ibid. 27.08.1878. S. 1. «Сообщения друзей из Боснии». Острог у Варцара, 06.08.1878. Ч. 1.

75 Ibid. 20.08.1878. S. 1. Письмо обер-лейтенанта полка Куна.

76 Ibid. 07.09.1878. S. 1–2. Письмо словенского офицера из Сараева, 29.08.1878.

77 Ibid. 23.08.1878. S. 3. Из Мостара. Выдержка из письма артиллериста от 14.07.1878.

похожи на людей. Каждый день дождь, и на дорогах болото по колено. Мы обычно маршируем с 5 утра до 3 или 5 вечера, иногда и по три часа вечером»⁷⁸, – жаловался один из офицеров. О походе на Сараево офицер из полка Хартунг отзывался как об очень утомительном. Солдаты были целый день голодные, готовили ночью на привале еду, если ее удавалось достать, а через пару часов подъем. «Я и другие мои товарищи так изменились, что никто бы нас не узнал; мы черны как мулаты, одни кости. Хлеба мы, хартунговцы, не видели уже неделю»⁷⁹. Сражения, тяжелые условия жизни, в том числе ночевки на голой земле, вызывали различные болезни. «Обычные болезни солдат – лихорадка и понос, врачи говорят, что от воды», отмечал в письме «F...s»⁸⁰. Унтер-офицер санитарной службы писал из Мостара, что мечтает об отдыхе, «мы уже так изнурены, что сейчас не способны ни к какой операции»⁸¹. Усталость накапливалась, воины мечтали поскорее вернуться домой. И. Манкоч писал родным в середине октября 1878 г. из г. Ключ, что солдаты ждали отъезда на родину, но начальство отпустило только резервистов. Оставшиеся солдаты даже старались заболеть и попасть в больницу, надеясь, что тогда их быстрее отправят домой⁸².

Угнетало воинов и то, что известия с родины они получали редко и нерегулярно. Почтовая служба в Боснии и Герцеговине была организована слабо. Словенский офицер в сообщении из Сараева жаловался, что письма идут долго, около месяца, и приходят нерегулярно: «если бы у нас не было военной почты, мы не получали бы вестей с дорогой нашей родины»⁸³. «Что происходит в Герцеговине, Травнике и Сараеве, мы не знаем, – писал из Добоя врач-резервист Унтерлеггарер. – Газет я не видел с тех пор, как отбыл из Любляны». Он косвенно отмечал и необходимость тщательно продумывать содержание писем во избежание проблем с цензурой: хотел бы написать много чего,

78 Ibid. 27.08.1878. S. 1. «Сообщения друзей из Боснии». Острог у Варцара, 06.08.1878. Ч. 1.

79 Ibid. 01.09.1878. S. 1. Письмо словенского воина из Сараева от 21.08.1878. Карандашная пометка: «Левец по письму Мунда».

80 Ibid. 13.09.1878. S. 2. Окончание письма из Сараева, 03.09.1878. (Начало см. в: Ibid. 12.09.1878. S. 2–3. Письмо из Сараева, 03.09.1878. Сообщение из достоверного источника.)

81 Ibid. 05.09.1878. S. 2. Из Мостара, 28.08.1878. Частное письмо унтер-офицера санитарной службы.

82 *Vogrič I. Zasedba Bosne in Hercegovine leta 1878 v luči pisem Ivana Mankoča...* S. 331.

83 *Slovenski narod*. 12.09.1878. S. 2. Письмо из Сараева, 03.09.1878. Сообщение из достоверного источника.

но «вынужден рассказывать только поверхностно», если хочет, чтобы адресат получил его письмо⁸⁴. Некоторые резервисты волновались, примут ли их на прежнюю службу по возвращении домой. «Я не получаю свою прежнюю оплату как чиновник, приходится жить от того, что приносит военная служба», – писал офицер из Добоя⁸⁵.

В нескольких сообщениях рассказывалось о быте и службе солдат Крайнского полка в оккупированном Травнике. В письме от 1 сентября анонимный автор кратко перечислил их занятия: разоружали турок в окрестностях, сжигали деревни, питались хлебом и водой, если их удавалось достать⁸⁶. Чуть более подробные сведения представил через несколько дней другой словенец. Около 6000 солдат были расквартированы в казармах и частных домах. Боевых столкновений не происходило, поэтому они занимались патрулированием и охраной, регулярно проводились рекогносцировки и военные учения. Рубили дрова, ремонтировали дороги, рыли окопы⁸⁷.

Какими же были общие впечатления словенцев о Боснии и Герцеговине? В своих письмах они затрагивали эту тему не часто и весьма поверхностно. «Красивую область мы для вас завоюем, и хороших людей!» – писал соотечественникам словенский воин из Сараева⁸⁸. В некоторых письмах упоминалось, что хотя области эти красивы и плодородны, но хозяйство в них ведется плохо из-за порабощенности райя и гнета мусульман: «Босния красивая и плодородная земля, но народ страшно бедствует»⁸⁹. О городах отзывались по-разному. Например, Травник словенец из Крайнского полка характеризует так: «Город Травник довольно большой, а население совсем турецкое, поэтому все захудалое и грязное. За исключением четырех или пяти домов, все остальные деревянные. [...] Вообще этот город производит на австрийца странное впечатление, так как на улицах одна грязь, и не видно никаких женщин, кроме старой сербки». Он жаловался, что в Травнике нет ни одной корчмы, в лавках мало продуктов, вина и пива нет, водки мало, привозят ее

84 Ibid. 03.09.1878. S. 1. Частное письмо резервного старшего врача в батальоне. Карандашная пометка: «д-р Унтерлегарер». Отделение Сцапари.

85 Ibid. 08.09.1878. S. 1. «Из Боснии и Герцеговины». Письмо знакомого из Добоя от 02.09.1878.

86 Ibid. 10.09.1878. S. 2–3. «Из Боснии и Герцеговины».

87 Ibid. 21.09.1878. S. 1. Сообщение из достоверного источника. Травник, 06.09.1878.

88 Ibid. 01.09.1878. S. 2. Письмо от 21.08.1878. Карандашная пометка: «Левец по письму Мунда».

89 Ibid. 15.08.1878. S. 2. Сообщение из Яйце.

из Триеста⁹⁰. На грязь и дороговизну продуктов в Бая-Луке жаловался И. Манкоч (письмо от 11 августа)⁹¹. Более благоприятные отклики были о Сараеве и его жителях. Город показался словенцам красивым, и одним из лучших его зданий был правительственный дворец, где устроил себе резиденцию главнокомандующий Филипович⁹². Отмечали, что в Сараеве «много мечетей и две сербские церкви, [...] жители, что касается сербов и боснийцев, в основном цивилизованны и хорошо одеты. [...] Дома низкие, улицы узкие, между домами фруктовые сады»⁹³. Однако, как и Травник, Сараево оставляло ощущение неухоженности. «Когда же зайдешь в дом, измажешься в грязи», улицы грязные, на них множество истощенных собак и кошек⁹⁴. Словенский артиллерист в письме из Мостара подытожил общие впечатления об оккупированных землях: «Босния и Герцеговина действительно убогие области, и потребуются благоприятное воздействие долговременного мира, чтобы они вновь ожили»⁹⁵. На восприятие словенскими воинами Боснии и Герцеговины влияло и то, что для многих они ассоциировались с кровопролитными боями с повстанцами и трудностями военного похода. Так, Иван Манкоч 16 сентября написал в письме родственникам из города Ключ, незадолго до этого занятого 22 полком после трехдневной битвы: «Край очень романтичен для путешественника, но для меня и для всех нас очень неприятен»⁹⁶.

Подводя итог, можно сказать, что в письмах с фронта словенских солдат и офицеров затрагивался достаточно широкий спектр проблем – от австро-венгерской политики и хода оккупационной кампании до бытовых тягот солдат во время войны и их настроений. В них ярко проявился как общеавстрийский, так и национальный патриотизм словенских воинов, а также их неприятие политики венгров и стремление к усилению славянского элемента в монархии. Довольно выпукло проявились и некоторые особенности «европейского менталитета» словенцев, выразившиеся прежде всего в их оценках происходящих событий, неприятии распространенных у турок традиций ведения войн и глубинной убежденности в непреодолимой пропасти

90 Ibid. 08.09.1878. S. 1. «Из Боснии и Герцеговины». Письмо знакомого из Добоя от 02.09.1878.

91 *Vogrič I. Zasedba Bosne in Hercegovine leta 1878 v luči pisem Ivana Mankoča...* S. 320.

92 Slovenski narod. 13.09.1878. S. 2. Окончание письма из Сараева, 03.09.1878.

93 Ibid. 01.09.1878. S. 2. Письмо словенского воина из Сараева, 21.08.1878.

94 Ibid. 13.09.1878. S. 2. Окончание письма из Сараева, 03.09.1878.

95 Ibid. Письмо словенского артиллериста. Мостар, 04.09.1878.

96 *Vogrič I. Zasedba Bosne in Hercegovine leta 1878 v luči pisem Ivana Mankoča...* S. 330.

между христианами и мусульманами, а также в характеристиках османских областей с точки зрения людей, воспитанных на основе других цивилизационных ценностей. Естественно, никаких более-менее полных описаний происходивших событий, а тем более их глубокого анализа в этих письмах, как, впрочем, и во всей словенской печати того времени, не содержится. Однако они ценны тем, что дают представление о надеждах и чаяниях патриотически настроенных словенцев конца 1870-х гг., о некоторых особенностях их мировосприятия. Они представляют собой некий срез, показывающий специфику восприятия оккупации определенным слоем общества – словенскими представителями австро-венгерской армии – в один из судьбоносных для империи исторических моментов.

Источники и литература

Andrejka J. Slovenski fantje v Bosni in Hercegovini 1878. Ob petindvajsetletnici bosenske zasedbe. Celovec: Tiskarna Družbe sv. Mohorja, 1904–1905. 2 zv. 384 s.

Deak I. Assimilation and Nationalism in East Central Europe During the Last Century of Habsburg Rule // The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. 1983. Paper No. 202. P. 1–18.

Luković P. Stališče slovencev do vstaje v Hercegovini in Bosni in do bosansko-hercegovinskega vprašanja v letih 1875–1878. Ljubljana: SAZU, Zgodovinski inštitut Milka Kosa, 1977. 416 s.

Matič D. Nemci v Ljubljani 1861–1918. Ljubljana: Oddelek za zgodovino Filozofske fakultete, 2002. 466 s.

Melik V. Spremembe na Slovenskem in v Cislitvaniji v zvezi z dogodki na Balkanu // Melik V. Slovenci 1848–1918: razprave in članke. Maribor: Založba Litera, 2002. S. 494–512.

Melik V. Odmev dogodkov ob okupaciji Bosne in Hercegovine 1878 na Slovenskem // Melik V. Slovenci 1848–1918: razprave in članke. Maribor: Založba Litera, 2002. S. 513–520.

Slovenski narod. 1878.

Scheer T. Die Sprachenvielfalt in der österreichisch-ungarischen Armee (1867–1918). Wien: Heeresgeschichtliches Museum, 2022. 432 s.

Stergar R. Slovenci in vojska, 1867–1914: slovenski odnos do vojaških vprašanj od uvedbe dualizma do začetka 1. svetovne vojne. Ljubljana: Oddelek za zgodovino Filozofske fakultet v Ljubljani, 2004. 281 s.

Unowsky D. L. The pomp and politics of patriotism: imperial celebrations in Habsburg Austria, 1848–1916. West Lafayette, Indiana: Purdue University Press, 2005. 263 p.

Vogrič I. Zasedba Bosne in Hercegovine leta 1878 v luči pisem Ivana Mankoča // *Zgodovinski časopis*. Ljubljana, 2016. Letn. 70. Št. 3–4. S. 314–336.
Vošnjak J. *Spomini*. Ljubljana: Slovenska matica, 1982. 701 s.

References

Deak, I. "Assimilation and Nationalism in East Central Europe During the Last Century of Habsburg Rule." *The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies*, 1983, no 202, pp. 1–18.

Luković, P. *Stališče slovencev do vstaje v Hercegovini in Bosni in do bosansko-hercegovinskega vprašanja v letih 1875–1878*. Ljubljana: SAZU, Zgodovinski inštitut Milka Kosa, 1977, 416 p.

Matić, D. *Nemci v Ljubljani 1861–1918*. Ljubljana: Oddelek za zgodovino Filozofske fakultete, 2002, 466 p.

Melik, V. "Spremembe na Slovenskem in v Cislitvaniji v zvezi z dogodki na Balkanu." Melik, V. *Slovenci 1848–1918: razprave in članke*. Maribor: Založba Litera, 2002, pp. 494–512.

Melik, V. "Odmev dogodkov ob okupaciji Bosne in Hercegovine 1878 na Slovenskem." Melik, V. *Slovenci 1848–1918: razprave in članke*. Maribor: Založba Litera, 2002, pp. 513–520.

Scheer, T. *Die Sprachenvielfalt in der österreichisch-ungarischen Armee (1867–1918)*. Wien: Heeresgeschichtliches Museum, 2022, 432 p.

Stergar, R. *Slovenci in vojska, 1867–1914: slovenski odnos do vojaških vprašanj od uvedbe dualizma do začetka I. svetovne vojne*. Ljubljana: Oddelek za zgodovino Filozofske fakultet v Ljubljani, 2004, 281 p.

Unowsky, D. L. *The pomp and politics of patriotism: imperial celebrations in Habsburg Austria, 1848–1916*. West Lafayette, Indiana: Purdue University Press, 2005, 263 p.

Vogrič, I. "Zasedba Bosne in Hercegovine leta 1878 v luči pisem Ivana Mankoča." *Zgodovinski časopis*, Ljubljana, 2016, no 3–4, pp. 314–336.

Vošnjak, J. *Spomini*. Ljubljana: Slovenska matica, 1982, 701 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.04

L. A. Kirilina

Letters from the Front by Slovenian Officers and Soldiers Participating in the Occupation of Bosnia and Herzegovina in 1878

Liubov A. Kirilina

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: kirilina.ljuba@rambler.ru

ORCID: 0000-0001-5272-8077

Citation

Kirilina L. A. Letters from the Front by Slovenian Officers and Soldiers Participating in the Occupation of Bosnia and Herzegovina in 1878 // *Slavic Almanac*. 2026. No 1–2. P. 98–119 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.04

Received: 20.01.2026.

Revised: 10.02.2026.

Accepted: 17.03.2026.

Abstract

This article examines under-researched aspects of Slovene attitudes toward the Austro-Hungarian occupation of Bosnia and Herzegovina in 1878, specifically analyzing the contents of letters from the front written by Slovene officers and soldiers. The focus is primarily on letters published in August–September 1878 in the Slovene liberal newspaper *Slovenski narod*, but a number of other sources are also used. Letters from Slovenes at the front raised a wide range of issues: Austro-Hungarian policy of the period, the progress of the occupation campaign, the attitudes of Slovene soldiers in the Austro-Hungarian army toward the Christian (Catholic and Orthodox) population of Bosnia and Herzegovina and the Turks, their everyday hardships and sentiments, their general impressions of the occupied territories, and so on. Based on these letters, the author identifies certain characteristics of the “European mentality” of Slovenes, expressed in their assessment of events, their rejection of Turkish traditions of warfare, and their deep-seated conviction in the unbridgeable gulf between Christians and Muslims. The letters do not provide a precise and complete description of the events, nor do they offer a serious analysis. However, their content allows us to judge the hopes and aspirations of patriotic Slovenes in the late 1870s, as well as the specific perceptions of the occupation by Slovene soldiers of the Austro-Hungarian army.

Keywords

Austria-Hungary, occupation of Bosnia and Herzegovina (1878), Austro-Hungarian army, Slovene officers and soldiers, Slovenski narod newspaper, Catholics, Orthodox, Muslims.

**«Приходится переводить стрелки»:
юлианский календарь и петроградское время
в завоеванной Галиции (1914–1915 гг.)**

Парфирьев Дмитрий Станиславович
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: parfiryeff@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4042-6324

Цитирование

Парфирьев Д. С. «Приходится переводить стрелки»: юлианский календарь и петроградское время в завоеванной Галиции (1914–1915 гг.) // Славянский альманах. 2026. № 1–2. С. 120–134.
DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.05

Статья поступила в редакцию 20.05.2025.

Рецензирование завершено 08.02.2026.

Статья принята к публикации 17.03.2026.

Аннотация

В статье на материалах широкого круга источников, в том числе архивных, рассматриваются меры русских властей по внедрению на территории оккупированной во время Первой мировой войны Галиции юлианского календаря и петроградского времени, а также реакция местного населения на эти нововведения. И то и другое показано в основном на примере Львова, где перемены были особенно чувствительны. Игнорировать перевод часов было невозможно, по крайней мере в столице Галиции, поскольку это обстоятельство приходилось учитывать в соблюдении комендантского часа, графика трамвайного движения, работы городских предприятий и учреждений. Новый календарь приживался с трудом: польские газеты ограничивались формальным указанием «юлианской» даты в заголовке, а многие учреждения и частные лица по старой памяти предпочитали новый стиль даже в официальной переписке с русской администрацией. Григорианский календарь во время оккупации предпочитали даже русины – грекокатолики (униаты), для которых юлианский календарь издавна был важным элементом

обособленности от поляков. Примечательно, что ни фрондирование прессы, ни уклонение местных жителей от старого стиля в письменных обращениях к русским чиновникам не каралось администрацией Галиции – понимая невозможность быстрой адаптации населения к переменам, русские власти закрывали на это глаза.

Ключевые слова

Юлианский календарь, григорианский календарь, петербургское время, Галиция, Львов, Первая мировая война.

К началу сентября 1914 года русские войска заняли почти всю австро-венгерскую Восточную Галицию с центром во Львове и с тех пор контролировали большую часть региона до июня 1915 года. С расчетом на то, что после войны эти территории войдут в состав России, местная администрация проводила ряд мероприятий по их инкорпорации в состав империи. К этим мерам, среди прочего, относились введение принятого в России юлианского календаря («старого стиля») и петроградского времени. Авторы многих работ по истории военной оккупации Галиции перечисляют эти нововведения в комплексе мер по «русификации» региона, но, как правило, ограничиваются констатацией их наличия¹. Цель настоящей статьи – понять, насколько новые календарь и времяисчисление прижились в Галиции и соблюдались ее населением в повседневности и во взаимодействии с русской администрацией.

Григорианский календарь к началу Первой мировой войны использовали все европейские государства, кроме православных России, Болгарии, Румынии, Сербии и Греции, а также мусульманской Турции². В России в XIX в. неоднократно поднимался вопрос об отказе от юлианского календаря, но всякий раз власти признавали это несвоевременным шагом. Последняя заметная попытка предложить смену календаря была предпринята комиссией Русского астрономического общества в 1899 г. и поддержана известным ученым Д. И. Менделеевым, но Императорская академия наук отвергла идею, и впоследствии григорианский календарь в России ввели уже большевики

1 *Kramarz H.* Samorząd Lwowa w czasie pierwszej wojny światowej i jego rola w życiu miasta. Kraków, 1994. S. 41; *Mick C.* Lemberg, Lwów, L'viv, 1914–1947: Violence and Ethnicity in a Contested City. West Lafayette, 2016. P. 29.

2 *Селешников С. И.* История календаря и хронология. М., 1970. С. 211.

в 1918 г.³ Исключением было Великое княжество Финляндское – там использовался григорианский календарь, и только православное население отмечало свои праздники по старому стилю⁴.

На территории Галиции, которая большей частью входила в состав империи Габсбургов с конца XVIII в., григорианский календарь появился еще на излете XVI в., во времена Речи Посполитой. Юлианский календарь в регионе использовала только грекокатолическая (униатская) церковь. Для русинов-униатов это было важным дополнительным отличием от соседей-поляков: одни и те же церковные праздники поляки и русины праздновали по разным календарям. Как следствие, постепенно календарь приобрел «национальный» характер и стал неотъемлемой частью самосознания русинского населения, хотя в быту оно ориентировалось на григорианский календарь⁵. Уже после событий, о которых идет речь в этой статье, в 1916 г., униатский епископ станиславовский Григорий Хомышин попытался ввести на территории своей епархии григорианский календарь, мотивируя это тем, что во время войны грекокатоликам необходима более тесная связь с Римом, но его инициатива вызвала шквал возмущения среди духовенства и верующих и не была поддержана в других епархиях⁶.

Ситуация с времяисчислением обстояла сложнее. В России долгота Гринвича признавалась в качестве всеобщего нулевого меридиана, но время не приводилось в соответствие со всеобщими часовыми поясами, и петербургское время опережало гринвичское на два часа и одну минуту, а не ровно на два часа. 24-часовая система исчисления суток и 11 часовых поясов в России появились, как и григорианский календарь, лишь при большевиках⁷. Галиция же с 1906 г. жила по центральноевропейскому времени, которое опережало гринвичское на час⁸.

3 Там же. С. 160–161.

4 Шевченко Т. И. К вопросу о юрисдикции Финляндской Православной Церкви // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2008. Вып. II: 1. С. 52.

5 Кісь Н. Пам'ять та ідентичність українських греко-католиків. Про джерела історичної політики УГКЦ. Львів, 2018. С. 39, 63–64.

6 Там же. С. 39–40.

7 Шенк Ф. Б. Универсальное время versus локальные времена: железные дороги и споры о времяисчислении в России (1870–1910-е годы) // Изобретение века. Проблемы и модели времени в России и Европе XIX столетия. М., 2013. С. 140–141, 144.

8 Zmiana czasu we Lwowie // Gazeta Wieczorna (далее – GW). 15 (28) września 1914. № 2080. S. 2.

Таким образом, разница во времени между Петербургом (впоследствии Петроградом) и Львовом составляла один час и одну минуту.

5–6 августа⁹ 1914 г. русские войска пересекли границу с Австро-Венгрией, а 21 августа – вступили в столицу Галиции, город Львов. Почти три недели никаких указаний по поводу смены календаря и времени не следовало: до конца августа на подступах ко Львову шли бои, и не было ясно, сохранит ли русская армия контроль над городом. 4 сентября во Львов окончательно перебрался временный военный генерал-губернатор Галиции Г. А. Бобринский. Последующие четыре дня объявления и распоряжения львовского губернатора С. В. Шереметева публиковались польскими газетами (тогда в городе издавалась только польская пресса), с указанием двух дат¹⁰, а иногда только по новому стилю¹¹. Орган галицийских русофилов¹² «Прикарпатская Русь», первые два номера которого вышли 10 и 17 августа в Киеве, а третий – 26 августа уже в галицийских Бродах, приводил только «юлианские» даты, но в этом была своя логика, поскольку выпускаться газета начала еще на территории России.

С 9 сентября, следуя указаниям военной администрации, все львовские газеты впервые продублировали дату в заголовке в соответствии с юлианским календарем. Инициатором этого нововведения был И. И. Завадовский, местный русофильский деятель, который с 4 сентября фактически исполнял обязанности военного цензора во Львове¹³. Обязательное условие касалось только заголовка: комментируя новшество, газета «Słowo Polskie» сразу пообещала своей аудитории, что приведение в газете дат по старому стилю будет отмечаться особо¹⁴. «Kuryer Lwowski» 12 сентября подробно объяснил

9 Здесь и далее используются даты по юлианскому календарю, кроме особо оговоренных случаев.

10 Obwieszczenie // Kuryer Lwowski (далее – KL). 13 września 1914. № 386. S. 1–2; Zarządzenia władz // KL. 8 września 1914. № 381. S. 2; Obwieszczenie // Słowo Polskie (далее – SP). 11 września 1914. № 405. S. 1.

11 Obwieszczenie // KL. 16 września 1914. № 389. S. 4.

12 Под русофилами здесь и далее подразумеваются представители политического течения среди галицийских русинов, которые считали себя и своих соплеменников частью русского народа и выступали за сотрудничество с Россией.

13 *Białynia Choledecki J.* Lwów w czasie okupacji rosyjskiej (3 września 1914 – 22 czerwca 1915) z własnych przeżyć i spostrzeżeń. Lwów, 1930. S. 90; Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 13216. Оп. 6. Д. 5. Л. 15.

14 Dwie daty kalendarzowe // SP. 9 (22) września 1914. № 423 (wyd. pop.). S. 3.

читателям, в чем состоит разница между двумя календарями¹⁵. Любопытно, что длительное время «юлианская» дата ставилась первой по порядку, но при этом заключалась в скобки. В январе все польские газеты стали печатать «юлианскую» дату без скобок, а следующую за ней «григорианскую» – заключать в скобки. Сотрудник издания «Kuryer Lwowski» позднее вспоминал: «Почти всех в городе оскорбило, когда однажды в заголовках ежедневных газет заметили рядом с датой привычного календаря также и русскую дату, а потом нашу дату в скобках, а русскую без»¹⁶. Так продолжалось до конца оккупации Львова.

После 9 сентября все официальные объявления и распоряжения представителей военной администрации – чаще всего генерал-губернатора и львовского градоначальника – публиковались или вовсе без датировки, или только по старому стилю, или с указанием «григорианского» числа в скобках. Любопытно, что один и тот же документ все львовские польские газеты датировали однообразно – это прослеживается на примере изданий «Kuryer Lwowski», «Słowo Polskie» и «Gazeta Wieczorna». Так, объявление генерал-губернатора от 14 сентября по поводу стрельбы из окон во Львове все три газеты привели с указанием только «юлианской» даты¹⁷; объявление градоначальника для владельцев магазинов от 3 октября – с указанием обоих вариантов с дублированием «григорианского» в скобках¹⁸; а приказ генерал-губернатора о продлении моратория на оплату долгов от 17 сентября – через дефис или дробь¹⁹. Последний пример показывает, что это не были просто совпадения: в других случаях дата по новому стилю никогда не разделялась дробью или дефисом. Следовательно, выбор оформления датировки указов и объявлений не определялся сотрудниками газет: в таком виде и с такой пунктуацией оригинальный текст передавался в редакции, которые лишь воспроизводили его. В пользу этого говорит и то обстоятельство, что объявления должностных лиц газетам переводились на польский язык в военно-цензурном

15 S. S. Stary i nowy styl // KL. 12 (25) września 1914. № 398. S. 4.

16 Janusz B. 293 dni rządów rosyjskich we Lwowie. Lwów, 1915. S. 139.

17 KL. 15 (28) września 1914. № 401. S. 1; SP. 15 (28) września 1914. No 433 (wyd. por.). S. 1; GW. 15 (28) września 1914. № 2080. S. 1.

18 Ogłoszenie // KL. 4 (17) października 1914. № 420. S. 1; Ogłoszenie // SP. 4 (17) października 1914. № 465 (wyd. por.). S. 1; GW. 4 (17) października 1914. № 2099. S. 1.

19 Rozkaz obowiązujący // KL. 18 września (1 października) 1914. № 404. S. 1; Rozkaz obowiązujący // SP. 18 września 1914 (1 października) 1914. № 437 (wyd. por.). S. 1; Rozkaz obowiązujący // GW. 18 września 1914 (1 października) 1914. № 2083. S. 1.

отделении, а не силами редакций²⁰. Отсюда закономерны случаи, когда два официальных распоряжения публиковались в газете по соседству одно с двумя датами, а другое – только по старому стилю²¹. Такая «разноголосица» с дублированием «григорианской» даты в разных официальных указах и объявлениях не была издержкой только лишь первых недель оккупации и просматривалась в польских газетах и позднее²².

Русскоязычных газет во Львове в разное время выходило шесть: «Прикарпатская Русь», «Львовское военное слово», «Львовский вестник», «Новый край», «Червонная Русь», а также «Голос народа», который был рассчитан на русинских крестьян и печатался на «местных наречиях и говорах». Единственным из этих изданий, которое дублировало «григорианскую» дату в заголовке, долгое время была «Прикарпатская Русь», но с апреля 1915 г. и она помещала только число по старому стилю. При этом вряд ли можно считать указание даты по григорианскому календарю «непатриотичным» проявлением: из популярных российских газет это делало, например, петроградское «Новое время», дружественное той же «Прикарпатской Руси» и пользовавшееся большой популярностью в завоеванной Галиции.

В собственных статьях и заметках польских газет на протяжении всей оккупации Львова даты указывались по новому стилю – даже тогда, когда это были перепечатки из русских изданий. Так, например, 18 марта в хронике «Нового края» появилась заметка о «странном способе поимки вора», в которой сообщалось о том, как в ночь на 18 марта полицейские, пытаясь выманить спрятавшегося в печи злоумышленника, разожгли огонь, и тот получил ожоги лица и рук. На следующий день «Kuryer Lwowski» дал эту заметку в своей рубрике хроники в дословном переводе, но дату происшествия изменил на 1 апреля²³.

Обязательное условие для газет не распространялось на обращения в органы русской власти в оккупированной Галиции. Как местные учреждения и организации, так и частные лица по-разному соблюдали календарные изменения. Это хорошо прослеживается по разнообразным материалам, отложившимся в фонде 13216 РГВИА. Иногда

20 РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3001. Л. 58; Там же. Ф. 13216. Оп. 6. Д. 4. Л. 3.

21 KL. 24 września (7 października) 1914. № 410. S. 1.

22 Obowiązujące postanowienie // KL. 26 marca (8 kwietnia) 1915. № 96. S. 1; KL. 9 (22) kwietnia 1915. № 110. S. 1.

23 Странный способ поимки вора // Новый край. 18 марта 1915. № 4. С. 5; Niezwykły sposób schwytania złodzieja // KL. 20 marca (2 kwietnia) 1915. № 92. S. 3–4.

использовалась только «юлианская» дата: магистрат города Львова и краевой гражданский суд, отвечая на официальные запросы штаба генерал-губернатора, датировали ответы сообразно тому стилю, которого придерживались авторы запросов, то есть «по-юлиански»²⁴. В других случаях, наоборот, в документах стояло только «григорианское» число: прося открыть частную гимназию имени Коперника и частное польское реальное училище, группа польских деятелей города указала в прошении генерал-губернатору 23 февраля по новому стилю²⁵. Порой два числа дублировались, причем в разной последовательности. Ректор Львовского политехнического института в ходатайстве об утверждении сроков выпускных экзаменов все даты указывал сначала по григорианскому календарю, а затем – в скобках – по юлианскому²⁶. Магистрат города Ярославля в служебных записках в управление начальника уезда все числа указывал через дробь: сначала старый стиль, потом новый²⁷.

Русские власти, по-видимому, не слишком стремились «перевоспитать» жителей завоеванного региона в вопросах следования юлианскому календарю. Это заметно по положительным вердиктам в отношении десятков «неправильно» датированных польских прошений на имя генерал-губернатора об открытии учебных заведений в Галиции. Оригинал каждого прошения дополнялся сопроводительной запиской и. о. директора галицкой дирекции народных училищ Б. В. Плеского. Сами авторы обычно указывали дату по новому стилю, а Плеский в сопроводительном документе – по старому. На характере вердикта это никак не сказывалось, хотя Плеский обращал внимание на тонкости датировки: комментируя ходатайство Э. Городыской и И.-М. Шетцель от 11 января, сам Плеский датировал свою сопроводительную записку 30 декабря и, упоминая о времени ходатайства просительниц, подчеркнуто взял дату 11 января в кавычки²⁸. Прошения об открытии начальных школ при женских монастырях бенедиктинок, урсулинок и сакраменток дублировались на двух языках: в левом столбце – по-русски, в правом – по-польски. Под польским текстом стояла дата по новому стилю, под русским – по старому²⁹. Некоторые львовские поляки предусмотрительно датировали ходатайства по юлианскому

24 РГВИА. Ф. 13216. Оп. 6. Д. 2. Л. 19, 22–22 об.; Там же. Д. 4. Л. 43, 48–48 об.

25 Там же. Оп. 1. Д. 40. Л. 198–199 об.

26 Там же. Л. 172–174.

27 Там же. Д. 17. Л. 32.

28 Там же. Д. 40. Л. 18, 19.

29 Там же. Л. 24, 27, 31.

календарю в обоих столбцах, например, О. Гоньч, который просил разрешить ему открыть занятия в «начальном училище»³⁰.

«Григорианские» даты нередко указывались даже в прошениях помещиков, арендаторов и крестьян о возмещении убытков, понесенных во время прохода русских войск, хотя от этих авторов, казалось бы, следовало ожидать максимальной предупредительности. И сам предмет прошений, и то, что эти тексты исполнены вежливости, позволяет судить, что такая датировка была данью привычке, а не проявлением протеста. В одном из дел вышеупомянутого фонда РГВИА сохранилось более полутора сотен прошений о возмещении убытков. Далеко не все противоречия в датировках можно установить, поскольку разница между составлением и регистрацией документа в штабе генерал-губернатора порой была слишком велика, но в отдельных случаях очевидно, что автор прошения придерживается григорианского календаря. Так, помещик Б. Блязер указывал в документе дату 13 февраля, а в штабе, судя по печати, оно было зарегистрировано 11 февраля; В. Блихарский из Рокитно датировал прошение 22 сентября, а в штабе отметку о регистрации поставили 14 сентября³¹. Автор одного из прошений крестьянин И. Борсук напрямую указывал, что приводит дату «русского стыля»³². Владелец торговой лавки из Бродского уезда Г. Амарант, напротив, отмечал, что число указывает по новому стилю³³. Примечательно, что среди тех, кто предпочел «григорианские» даты, есть и поляки, и евреи, и русины.

То, что преданность русинов-униатов юлианскому календарю в исследуемый период исчерпывалась религиозно-обрядовой сферой, иллюстрирует манера ведения немногочисленных известных нам дневниковых записей времен войны и оккупации, авторы которых были грекокатоликами. Это касается и тех, кто считал себя украинцами, и русофилов, и политически неангажированных крестьян, которые не имели выраженного национального самосознания. Так, из украинцев дневники по григорианскому календарю вели этнограф и общественный деятель из Львова В. Шухевич, сельская учительница из с. Залуква И. Блажкевич, юрист и общественный деятель из Коломыи В. Глинский³⁴. Не имевшие отношения к украинскому движению

30 Там же. Л. 189.

31 Там же. Д. 81. Л. 42–42 об., 69.

32 Там же. Л. 63.

33 Там же. Л. 18.

34 *Петрій І.* Щоденник Володимира Шухевича як джерело до історії російської окупації Львова 1914–1915 років // Вісник Львівського університету.

крестьянин И. Констанкевич и русофильский деятель М. Зубрицкий также вели дневники в соответствии с «новым стилем»³⁵. Более того, даже «летопись» греко-католического мужского монастыря Чина святого Василия Великого во Львове велась по григорианскому календарю, хотя ее составителями были монахи³⁶.

Распоряжение об обязательном переходе на петроградское время в Галиции было опубликовано вечером 13 сентября. В ночь на 14 сентября часы львовской ратуши перевели на час и минуту раньше – такова была разница между центральноевропейским и петроградским временем³⁷. На башне Бернардинского костела во Львове стрелки часов переводились с учетом давней традиции, по которой они спешили на пять минут по сравнению с часами на ратуше. Теперь разница между показаниями двух главных львовских циферблатов составляла 56 минут³⁸. Вероятно, некоторые часы в городе перевели еще раньше, потому что «Kurjer Lwowski» еще 12 сентября пояснял своей аудитории разницу между петроградским и центральноевропейским временем³⁹, а корреспондент газеты «Киевлянин», побывавший во Львове в первых числах того же месяца, вспоминал о «петроградском времени» на вокзальных часах⁴⁰. Канцелярия львовского градоначальника также работала по петроградскому времени еще до официального нововведения⁴¹. 15 сентября заметки о переводе часов появились в польской прессе⁴².

Для жителей Львова и русских посетителей города переход на петроградское время был более наглядной иллюстрацией «обрушения» Львова, чем смена календаря. Собственный корреспондент «Нового времени» перечислял это нововведение в одном контексте

Серія історична. 2007. Спеціальний випуск. С. 464–479; Блажкевич І. Щоденник // Московська окупація Галичини 1914–1917 рр. в свідченнях сучасників. Львів, 2018. С. 318–337; Глинський В. Щоденник 1916–1920 рр. Коломия, 2010.

35 Зубрицький М. І. Щоденник // Питання текстології: дожовтнева та радянська література. Київ, 1989. С. 214–231; Щоденник Івана Констанкевича – в'язня концтабору Талергоф (1914–1915 рр.). Львів, 2016.

36 Митрополит Андрей Шептицький: Життя і діяльність. Документи і матеріали 1899–1944. Т. II. Кн. 2. Листування. Львів, 1999. С. 612–618.

37 Петроградское время во Львове // Прикарпатская Русь. 15 (28) сентября 1914. № 1416. С. 4.

38 Zegar bernardyński // KL. 15 (28) września 1914. № 400. S. 2.

39 Czas petersburski // KL. 12 (25) września 1914. № 398. S. 2; Zmiana czasu we Lwowie // GW. 15 (28) września 1914. № 2080. S. 2.

40 В Львове // Киевлянин. 11 сентября 1914. № 249. С. 2.

41 Wiadomości urzędowe // KL. 13 (26) września 1914. № 399. S. 2.

42 Zmiana czasu we Lwowie // KL. 15 (28) września 1914. № 400. S. 2.

с русскими вывесками и «русскими жандармами»⁴³. Львовянка М. Обертыньская вспоминала свои впечатления первых дней оккупации: «Ежедневные приказы сыплются как из рога изобилия. Едва успели замуровать окна на чердаках и в погребках, как уже приходится переводить стрелки, потому что часы надо рассчитывать по петроградскому времени»⁴⁴. Журналист и драматург С. Россовский в мемуарах об оккупации, изданных, впрочем, еще во время войны, подробно описывал внутреннее сопротивление львовян жизни по новому графику. По его словам, львовская улица «пробуждалась ото сна в то же время, что и прежде», и жители города, которым теперь приходилось раньше вставать, выглядели заспанными: «Создавалось впечатление, что она [“улица”. – Д. П.] скорее не хотела, чем не могла сориентироваться в новом положении вещей, в передвижении времени на час вперед. Пыталась только разными способами организовать свою жизнь так, чтобы волки были сыты и овцы целы»⁴⁵.

Воспоминания Россовского, изданные в отвоеванном австро-венгерскими войсками Львове, представляются не самым надежным источником, но то, что город не сразу адаптировался к переводу часов, подтверждается многими действиями самой русской администрации. 12 сентября львовский градоначальник, предписывая закрывать все рестораны и кофейни не позднее 11 часов вечера, подчеркивал, что имеется в виду петроградское время⁴⁶. 18 сентября «Прикарпатская Русь», уточняя, что судебные разбирательства будут производиться по новому времени, грозила не пришедшим в указанные часы, что их будут считаться не явившимися в суд⁴⁷. Даже в октябре 1914 г., спустя месяц после нововведения, главный врач 131-го полевого запасного госпиталя в записках настоятелю церкви с просьбой совершить погребение умерших уточнял, что время похорон назначается по петроградскому времени. В более поздних записках этого уточнения уже не было⁴⁸. Но в конечном счете адаптация жителей Львова была неизбежной, поскольку перевод стрелок влиял на их повседневность: на час раньше прекращали ходить трамваи,

43 Восточный фронт // Новое время. 12 (25) сентября 1914. № 13830. С. 2.

44 *Obertyńska M.* W kołowrocie. Lwów, 1924. S. 36.

45 *Rossowski S.* Lwów podczas inwazyi. Lwów, 1916. S. 134.

46 *Wiadomości urzędowe* // KL. 12 (25) września 1914. № 398. S. 1.

47 Судебные разбирательства // Прикарпатская Русь. 18 сентября (1 октября) 1914. № 1419. С. 4.

48 Российский государственный исторический архив. Ф. 806. Оп. 5. Д. 9460. Л. 37, 39.

выключались уличные фонари, выдавались обеды на городских «дешевых кухнях» для неимущих и т. д.⁴⁹

Сами по себе меры по введению юлианского календаря и петроградского времени в Галиции были вполне объяснимы: это не столько способствовало «обрусению» региона, сколько упрощало русской администрации ведение делопроизводства и постоянную коммуникацию с Петроградом. В апреле 1915 г. австро-венгерское командование на оккупированных территориях российского Царства Польского приняло симметричные меры, введя там центральноевропейское время и григорианский календарь⁵⁰. Однако за период, на протяжении которого русские войска оккупировали большую часть Галиции, включая Львов, новый календарь на этой территории так и не прижился окончательно. Если игнорировать перевод часов было невозможно хотя бы в силу бытовых неудобств, то к смене календаря консервативные жители Галиции адаптировались с трудом – не столько из соображений протеста, сколько из трудности преодолеть укоренившийся за три с половиной века принцип исчисления.

Источники и литература

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).
Российский государственный исторический архив.

Блажкевич І. Щоденник // Московська окупація Галичини 1914–1917 рр. в свідченнях сучасників. Львів: Априорі, 2018. С. 318–337.

В Львові // Києвлянин. 1915. 11 септєбря.

Восточный фронт // Новое время. 1914. 12 (25) септєбря.

Глинський В. Щоденник 1916–1920 рр. Коломия: Вік, 2010. 112 с.

Зубрицький М. І. Щоденник // Питання текстології: дожовтнева та радянська література. К.: Наукова думка, 1989. С. 214–231.

Кісь Н. Пам'ять та ідентичність українських греко-католиків. Про джерела історичної політики УГКЦ. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2018. 184 с.

⁴⁹ *Srokowski S.* Z dni zawieruchy dziejowej 1914–1918. Kraków, 1932. S. 177; *Lwów po inwazji rosyjskiej.* Wrzesień – grudzień 1914. Opowiadanie naocznego świadka. Wien. S. 10, 22–23.

⁵⁰ *Lewandowski J.* Austro-Węgry wobec sprawy polskiej w czasie I wojny światowej: początki zarządu okupacyjnego w Królestwie // *Przegląd Historyczny.* 1975. T. 66. Z. 3. S. 394.

Митрополит Андрей Шептицький: життя і діяльність. Документи і матеріали 1899–1944. Т. II. Церква і суспільне питання. Кн. 2. Листування. Львів: Місіонер, 1999. 571 с.

Петрій І. Щоденник Володимира Шухевича як джерело до історії російської окупації Львова 1914–1915 років // Вісник Львівського університету. Серія історична. 2007. Спеціальний випуск. С. 464–479.

Петроградское время во Львове // Прикарпатская Русь. 1914. 15 (28) сентября.

Селешиников С. И. История календаря и хронология. М.: Наука, 1970. 224 с.

Странный способ поимки вора // Новый край. 1915. 18 марта.

Судебные разбирательства // Прикарпатская Русь. 1914. 18 сентября (1 октября).

Шевченко Т. И. К вопросу о юрисдикции Финляндской Православной Церкви // Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. 2008. № 1 (26). С. 42–69.

Шенк Ф. Б. Универсальное время versus локальные времена: железные дороги и споры о времяисчислении в России (1870–1910-е годы) // Изобретение века. Проблемы и модели времени в России и Европе XIX столетия. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 131–147.

Щоденник Івана Констанкевича – в'язня концтабору Талергоф (1914–1915 рр.). Львів: б. в., 2016. 44 с.

Białynia Cholodecki J. Lwów w czasie okupacji rosyjskiej (3 września 1914 – 22 czerwca 1915) z własnych przeżyć i spostrzeżeń. Lwów: Nakładem Redakcji, 1930. 179 s.

Час пetersбурски // Курьер Львовский. 1914. 12 (25) września.

Dwie daty kalendarzowe // Słowo Polskie. 1914. 9 (22) września (wyd. pop.).

Gazeta Wieczorna. 1914. 15 (28) września.

Janusz B. 293 dni rządów rosyjskich we Lwowie. Lwów: Odbito w drukarni «Prasa», 1915. 266 s.

Kramarz H. Samorząd Lwowa w czasie pierwszej wojny światowej i jego rola w życiu miasta. Kraków: Wydawnictwo Naukowe WSP, 1994. 153 s.

Kurier Lwowski. 1914. 15 (28) września.

Kurier Lwowski. 1914. 24 września (7 października).

Kurier Lwowski. 1915. 9 (22) kwietnia.

Lewandowski J. Austro-Węgry wobec sprawy polskiej w czasie I wojny światowej: początki zarządu okupacyjnego w Królestwie // Przegląd Historyczny. 1975. T. 66. Z. 3. S. 383–409.

Lwów po inwazji rosyjskiej. Wrzesień – grudzień 1914. Opowiadanie naoczego świadka. Wien: Nakładem Z. Machnowskiego, s. a. 35 s.

Mick C. Lemberg, Lwów, L'viv, 1914–1947: Violence and Ethnicity in a Contested City. West Lafayette: Purdue University Press, 2016. 445 p.

Niezwykły sposób schwywania złodzieja // *Kuryer Lwowski*. 1915. 20 marca (2 kwietnia).

Obertyńska M. W kołowrocie. Lwów: Nakładem wydawnictwa «Wszeczeńświat», 1924. 228 s.

Obowiązujące postanowienie // *Kuryer Lwowski*. 1915. 26 marca (8 kwietnia).

Obwieszczenie // *Kuryer Lwowski*. 1914. 13 września.

Obwieszczenie // *Kuryer Lwowski*. 1914. 16 września.

Obwieszczenie // *Słowo Polskie*. 1914. 11 września (wyd. pop.).

Rossowski S. Lwów podczas inwazyi. Lwów: H. Altenberg, G. Seyfarth, E. Wende i Ska, 1916. 269 s.

Rozkaz obowiązujący // *Gazeta Wieczorna*. 1914. 18 września (1 października).

Rozkaz obowiązujący // *Kuryer Lwowski*. 1914. 18 września (1 października).

Rozkaz obowiązujący // *Słowo Polskie*. 1914. 18 września (1 października) (wyd. por.).

S. S. Stary i nowy styl // *Kuryer Lwowski*. 1914. 12 (25) września.

Słowo Polskie. 1914. 15 (28) września (wyd. por.).

Srokowski S. Z dni zawieruchy dziejowej 1914–1918. Kraków: Nakładem księgarni geograficznej «Orbis», 1932. 331 s.

Wiadomości urzędowe // *Kuryer Lwowski*. 1914. 12 (25) września.

Wiadomości urzędowe // *Kuryer Lwowski*. 1914. 13 (26) września.

Zarządzenia władz // *Kuryer Lwowski*. 1914. 8 września.

Zegar bernardyński // *Kuryer Lwowski*. 1914. 15 (28) września.

Zmiana czasu we Lwowie // *Gazeta Wieczorna*. 1914. 15 (28) września.

Zmiana czasu we Lwowie // *Kuryer Lwowski*. 1914. 15 (28) września.

References

Białynia Chołodecki, J. *Lwów w czasie okupacji rosyjskiej (3 września 1914 – 22 czerwca 1915) z własnych przeżyć i spostrzeżeń*. Lwów: Nakładem Redakcji, 1930, 179 p.

Blazhkevych, I. “Shchodennyk.” *Moskovs'ka okupatsiia Halychyny 1914–1917 rr. v svidchenniakh suchasnyktiv*. Lviv: Apriori, 2018, pp. 318–337.

Hlins'kyi, V. *Shchodennyk 1916–1920 rr*. Kolomyia: Vik, 2010, 112 p.

Kis', N. *Pamiat' ta identychnist' ukrains'kykh greko-katolykiv. Pro dzhherela istorychnoi polityky UGKTs*. Lviv: Instytut ukrainoznavstva im. I. Krypiakevycha NAN Ukrainy, 2018, 184 p.

Kramarz, H. *Samorząd Lwowa w czasie pierwszej wojny światowej i jego rola w życiu miasta*. Kraków: Wydawnictwo Naukowe WSP, 1994, 153 p.

Lewandowski, J. “Austro-Węgry wobec sprawy polskiej w czasie I wojny światowej: początki zarządu okupacyjnego w Królestwie.” *Przegląd Historyczny*, 1975, vol. 66, z. 3, p. 383–409.

Mick, C. *Lemberg, Lwów, L'viv, 1914–1947: Violence and Ethnicity in a Contested City*. West Lafayette: Purdue University Press, 2016, 445 p.

Mytropolyt Andrei Sheptyts'kyi: zhyttia i diial'nist'. *Dokumenty i materialy 1899–1944. T. II. Tserkva i suspil'ne pytannia. Kn. 2. Lystuvannia*. L'viv: Misioner, 1999, 571 p.

Obertyńska, M. *W kolowrocie*. Lwów: Nakładem wydawnictwa «Wszecławiat», 1924, 228 p.

Petrii, I. “Shchodennyk Volodymyra Shukhevycha iak dzherelo do istorii rosiis'koi okupatsii L'vova 1914–1915 rokov.” *Visnyk L'vivs'koho universytetu. Seriiia istorychna. 2007. Spetsial'nyi vypusk*, pp. 464–479.

Seleshnikov, S. I. *Istoriia kalendaria i khronologiia*. Moscow: Nauka, 1970, 224 p.

Shchodennyk Ivana Konstankevycha – viaznia kontstaboru Talerhof (1914–1915 rr.). L'viv: b. v., 2016, 44 p.

Shenk, F. B. “Universal'noe vremia versus lokal'nye vremena: zheleznye dorogi i spory o vremiaischislenii v Rossii (1870–1910-e gody).” *Izobretienie veka. Problemy i modeli vremeni v Rossii i Evrope XIX stoletii*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013, pp. 131–147.

Shevchenko, T. I. “K voprosu o iurisdiktzii Finliandskoi Pravoslavnoi Tserkvi.” *Vestnik PSTGU II: Istoriia. Istoriia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*, 2008, no 1 (26), pp. 42–69.

Srokowski, S. *Z dni zawieruchy dziejowej 1914–1918*. Kraków: Nakładem księgarni geograficznej «Orbis», 1932, 331 p.

Zubryts'kyi, M. I. “Shchodennyk.” *Pytannia tekstolohii: dozhovtneva ta radians'ka literatura*. Kyiv: Naukova dumka, 1989, pp. 214–231.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.05

D. S. Parfirev

“Changing the Hands”: The Julian Calendar and Petrograd Time in Occupied Galicia (1914–1915)

Dmitrii S. Parfirev

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: parfiryeff@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4042-6324

Citation

Parfirev D. S. “Changing the Hands”: The Julian Calendar and Petrograd Time in Occupied Galicia (1914–1915) // Slavic Almanac. 2026. No 1–2. P. 120–134 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.05

Received: 20.05.2025.

Revised: 08.02.2026.

Accepted: 17.03.2026.

Abstract

Drawing on a wide range of sources, including archival materials, this article examines the measures taken by the Russian authorities to introduce the Julian calendar and Petrograd time in occupied Galicia during World War I, as well as the local population's reaction to these innovations. Both aspects are illustrated primarily through the case of Lviv, where the changes were most perceptible. It was impossible to ignore the time change, at least in the Galician capital, as it affected the curfew, tram schedules, and the operations of city enterprises and institutions. However, the new calendar was slow to take root: Polish newspapers limited themselves to a formal mention of the "Julian" date in their headers, and many institutions and individuals continued to use the New Style even in official correspondence with the Russian administration. Remarkably, even Ruthenian Greek Catholics (Uniates), for whom the Julian calendar had long served as a key marker of distinction from the Poles, preferred the Gregorian calendar during the occupation. The Russian authorities, recognizing that the population could not adapt to such changes quickly, largely turned a blind eye to both the press's non-compliance and the locals' continued use of the New Style.

Keywords

Julian calendar, Gregorian calendar, Petrograd time, Galicia, Lviv, World War I.

**«Вся эта история производит несерьезное впечатление»:
проблема установления албано-советских отношений
в 1924 г.**

Родин Денис Валерьевич

Кандидат исторических наук, научный сотрудник

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119192, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Российская
Федерация

E-mail: enigma9307@mail.ru

ORCID: 0009-0002-5378-5342

Цитирование

Родин Д. В. «Вся эта история производит несерьезное впечатление»: проблема установления албано-советских отношений в 1924 г. // Славянский альманах. 2026. № 1–2. С. 135–158. DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.06

Статья поступила в редакцию 20.07.2025.

Рецензирование завершено 08.02.2026.

Статья принята к публикации 17.03.2026.

Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00461 «“Воображаемые регионы” между двумя мировыми войнами: проблемы конструирования и управления», <https://rscf.ru/project/24-18-00461/>

Аннотация

Приход к власти в Албании леволиберального правительства Ф. Ноли в результате Июньской революции 1924 г. способствовал выдвижению инициативы по установлению дипломатических отношений между Тираной и Москвой. Однако начавшийся в июле переговорный процесс между двумя странами затянулся на полгода и завершился провалом. Длительные паузы в решении вопроса о советско-албанских отношениях были вызваны в первую очередь несоординированными действиями полпредств СССР в Риме и Вене: каждое из них вело самостоятельные переговоры с албанской стороной на своих условиях, из-за чего в Тиране не понимали, какова окончательная позиция Москвы по вопросу установления

отношений. Другой серьезной проблемой стала бюрократическая волокита при назначении сотрудников предполагаемого полпредства в Тиране. Задержки со стороны Москвы наложились на ухудшение отношений между албанским правительством и Косовским комитетом, активно продвигавшим идею укрепления советско-албанских связей. Также ими воспользовались Великобритания, Италия и Югославия (при поддержке Франции), которые опасались усиления советских позиций на Балканском полуострове. Оказав совместное давление на правительство Ф. Ноли, названные державы добились высылки из Тираны только что прибывшего полпреда А. А. Краковецкого. Осуществление в декабре 1924 г. нового переворота в Албании и возвращение к власти правительства А. Зогу обозначили конец первой попытки установления дипломатических сношений между Тираной и Москвой.

Ключевые слова

СССР, Албания, Июньская революция, Фан Ноли, Г. В. Чичерин, А. А. Краковецкий, международные отношения, советская дипломатия, Балканы.

Общим местом в оценке «полосы признания» СССР 1924–1925 гг. является ее восприятие как череды непрерывных успехов советской дипломатии. Показательной в этом отношении является недавняя монография О. Р. Айрапетова, в которой глава о внешнеполитическом положении Советского Союза в 1920-е гг. открывается следующими словами: «1924 год стал годом внешнеполитического прорыва СССР... Задача выхода из международной изоляции была решена, наступало время большой политики»¹. Однако при ближайшем рассмотрении в цепи дипломатических побед Москвы в рассматриваемый период можно обнаружить и ряд поражений – например, при попытке установления отношений с хорватской Венгрией² и с Албанией в период пребывания у власти в стране правительства Ф. Ноли. Пусть они были не столь существенными, но весьма показательными с точки зрения тех проблем и вызовов, с которыми сталкивалось советское дипломатическое ведомство в первые годы своей работы.

¹ Айрапетов О. Р. Внешняя политика Советской России и СССР в 1920–1939 годах и истоки Второй Мировой войны. М., 2020. С. 128.

² См., напр.: Kolontári A. Hungarian-Soviet Relations: 1920–1941. Boulder (Col.); Highland Lakes (N.J.), 2010. P. 85–86.

В рамках данной статьи подобного рода проблемы будут проанализированы на примере неудачной попытки установления отношений между Москвой и Тираной. Хотя к данному сюжету обращались как отечественные, так и зарубежные исследователи, традиционно первоочередное внимание при его рассмотрении уделялось факторам международного порядка, а именно роли великих европейских держав и соседей Албании в срыве налаживания ее дипломатических сношений с СССР³. Обращение к опубликованным и архивным материалам позволяет дополнить эту картину и более четко обозначить те проблемы, с которыми столкнулась советская дипломатия в ходе переговоров с албанцами. Соответственно, представленная статья преследует цель комплексного объяснения провала инициативы по установлению советско-албанских отношений в 1924 г. с учетом факторов как внешне-, так и внутривластного характера.

Вопрос вступления в официальные дипломатические сношения с Тираной прорабатывался в НКВД с начала 1923 г. В ответ на благодарственное письмо премьер-министра А. Зогу за содействие в деле репатриации албанцев, проживавших в СССР, заместитель наркома иностранных дел М. М. Литвинов писал, что «наступил момент для установления дипломатических отношений между русским и албанским народами, что позволило бы разрешить все вопросы политического характера, существующие между нашими двумя странами»⁴. Однако албанское правительство уклонилось от советского предложения, объяснив свой отказ нежеланием опережать в данном вопросе великие державы. Как писал министр иностранных дел Албании П. Эвангели: «В тот день, когда Российское правительство возобновит дипломатические отношения с этими державами, албанский народ сочтет для себя счастьем иметь в Албании представителя Великого Российского государства»⁵. В июле и октябре 1923 г. внешнеполитические ведомства двух стран обменялись нотами, в которых

3 Краткая история Албании. М., 1965. С. 203–210; Краткая история Албании: С древнейших времен до наших дней. М., 1992. С. 290–296; *Смирнова Н. Д.* История Албании в XX веке. М., 2003. С. 108–119; *Сальков А. П.* Советско-албанская дипломатическая интрига декабря 1924 г. и дальнейшее столкновение советских и западноевропейских интересов в Албании в 1920-е – 1930-е гг. // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 10. Минск, 2015. С. 165–168; *Schmidt-Neke M.* Entstehung und Ausbau der Königsdiktatur in Albanien (1912–1939). München, 1987. S. 132–133.

4 Документы внешней политики СССР (далее – ДВП СССР). М., 1962. Т. VI. С. 134.

5 Краткая история Албании: С древнейших времен до наших дней. С. 294.

вновь было выражено желание установить дипломатические отношения, но при более подходящих условиях.

Подобные условия сложились лишь в 1924 г. Неслучайно Литвинов уже в январе того года писал во внутренней записке: «Наше международное положение более благоприятно, чем когда бы то ни было. Мы консолидировали свои отношения с целым рядом государств»⁶. Установление дипломатических отношений с Великобританией и Италией в феврале 1924 г. открывало путь к налаживанию связей с малыми государствами Европы, в том числе и с Албанией. О необходимости установления отношений с балканскими странами еще в конце 1923 г. писал нарком иностранных дел Г. В. Чичерин: «Предварительный зондажный период на Балканах, собственно, доведен до конца. Или мы будем топтаться на месте, или надо идти дальше»⁷.

В самой Албании ситуация к началу 1924 г. была весьма непростой. Шла открытая борьба за власть между отдельными группировками и лицами, и центром притяжения оппозиционных сил являлась федерация «Атдеу» («Родина») во главе с А. Рустеми, завоевавшая на парламентских выборах в декабре 1923 г. почти половину депутатских мест. Влияние в федерации левых, демократических сил было столь велико, что 4 февраля 1924 г. по настоянию Рустеми парламент почтил память недавно скончавшегося В. И. Ленина, воздав ему должное как защитнику «высоких принципов человечности» и интересов Албании⁸.

Более того: некоторые партии, входившие в состав «Атдеу», обращались к Внутренней македонской революционной организации (ВМРО) с просьбой помочь им свергнуть правительство А. Зогу. Взамен ВМРО обещали предоставить «широкую свободу по ведению организационной работы и использованию страны как базы». Однако руководитель ВМРО Т. Александров ответил отказом – «ввиду следования принципу невмешательства во внутреннюю жизнь страны, а также и ввиду того, что для нас (деятелей ВМРО. – Д. Р.) продажность албанцев не составляет никаких сомнений»⁹. В Москве одобряли подход македонских революционеров и, более того, считали,

6 Магадеев И. Э. В тени Первой мировой войны: Дилеммы европейской безопасности в 1920-е годы. М., 2021. С. 381.

7 Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции (в документах центральных российских архивов начала – середины 1920-х годов). В 2 ч. М., 2000. Ч. 1. С. 173.

8 Краткая история Албании: С древнейших времен до наших дней. С. 290.

9 Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции... Ч. 1. С. 190.

что «о возможной перемене правительства в Албании сейчас говорить еще очень трудно», поскольку «очень сомнительно, чтобы две партии оппозиции (либералы и консерваторы. – Д. Р.) могли сговориться между собой»¹⁰.

В немалой степени это было связано с общей оценкой ситуации на Балканах советским руководством. Поражение Сентябрьского восстания 1923 г. в Болгарии привело к определенному разочарованию в революционном потенциале балканских народов. Из этого проистекало крайне осторожное отношение к потенциальным выступлениям в странах Юго-Восточной Европы: так, в июне 1924 г. Политбюро ЦК РКП(б) постановило, что «болгарское революционное движение должно рассчитывать исключительно на внутренние революционные силы» и что «СССР – ввиду общего положения вещей – вооруженной силой (или даже военной демонстрацией) болгарской революции в ближайшее время помочь не мог бы»¹¹. Опубликованная в конце июля того же года в газете «Правда» статья «Революционная атмосфера на Балканах», подчеркивавшая раскол между ВМРО и правительством А. Цанкова в Болгарии и преувеличивавшая «враждебное отношение к нему народных масс», равно как и «возбужденное настроение» в Румынии в связи с репрессивными методами правительства И. Брэтиану¹², была подвергнута критике со стороны ЦК РКП(б) за то, что создавала «атмосферу преувеличенных революционных ожиданий» и вредила «практической революционной работе на Балканах»¹³.

Следствием подобного отношения стала определенная неподготовленность советского руководства к событиям, развернувшимся в Албании с весны 1924 г. Убийство главы федерации «Атдеу» Рустеми 20 апреля обострило внутривнутриполитические противоречия, и уже в конце мая в стране началось вооруженное восстание под предводительством православного священника Ноли. Сопrotивление правительственных войск было быстро подавлено, и уже 10 июня повстанцы заняли Тирану. В Албании победила Июньская революция, по итогам которой было сформировано революционное правительство во главе с Ноли. По своему характеру оно было весьма левым: сам

¹⁰ Там же. С. 185.

¹¹ Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. М., 2001. С. 31.

¹² Революционная атмосфера на Балканах. Тревожное настроение в Болгарии и Румынии // Правда. 1924. 31 июля. С. 1–2.

¹³ Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. С. 47.

премьер-министр был либералом и проявлял интерес к советскому опыту государственного строительства. Как отмечали в НКВД СССР, он уже не раз пытался вступить в сношения с Москвой, в частности, в 1923 г. обращался за визой под предлогом желая «ознакомиться с обновленческим движением православной церкви»¹⁴. При этом, по одним данным, визу он получил, но ею не воспользовался, по другим – во въезде в СССР ему было отказано¹⁵.

Важную роль в Июньской революции сыграл Комитет народной защиты Косово, или Косовский комитет, созданный в 1918 г. с целью добиться отделения территорий соседнего Королевства сербов, хорватов и словенцев (КСХС), населенных албанцами (Косово, Метохия, западная Македония и части Санджака), и присоединения их к Албании. Члены данной организации активно сотрудничали с ВМРО, через которую им удалось наладить связь и с Коминтерном. Русские эмигранты, осевшие на Балканах после окончания Гражданской войны, фиксировали, что «Косовский комитет, являясь чисто национальной организацией, уклонился, однако, в большевистскую сторону»¹⁶. На роль Косовского комитета в перевороте указывал и начальник Иностранного отдела ОГПУ (ИНО ОГПУ) М. А. Трилиссер, называвший представителей комитета «нашими друзьями в албанском правительстве»¹⁷.

Одновременно, борясь с КСХС, или Югославией, комитет искал поддержки и в Италии: по сообщениям русских эмигрантов, через города Бари и Барлетта он получал снабжение патриотической литературой и вооружением, а Июньская революция, приведшая к власти «явных италофилов, ведущих агрессивную политику», должна была подготовить «оккупацию Албании итальянцами»¹⁸. Впрочем, более справедливым представляется мнение заведующего Отделом балканских стран НКВД СССР Г. Б. Сандомирского: «италофильство» Ноли следовало понимать «в весьма ограничительном смысле»,

14 Г. Б. Сандомирский – Г. В. Чичерину. О нынешнем Албанском правительстве – в связи с письмом тов. Юренева. 27 июля 1924 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 04. Оп. 2. П. 6. Д. 110. Л. 11.

15 Д. В. Богомолов – Г. В. Чичерину. 4 сентября 1924 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 6. Д. 110. Л. 11. Л. 36.

16 Политич. положение на Балканах. Рим, 30 августа 1924 г. // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. Р6817. Оп. 1. Д. 91. Л. 96.

17 М. А. Трилиссер – Г. В. Чичерину. 21 июля 1924 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 6. Д. 110. Л. 8 об.

18 Политич. положение на Балканах. Рим, 30 августа 1924 г. // ГА РФ. Ф. Р6817. Оп. 1. Д. 91. Л. 96–97.

поскольку он был «резко выраженным националистом», готовым «проявить свое “фильство” по отношению к кому угодно с тем, однако, чтобы его ориентация на какое-либо другое государство явилась бы не самоцелью, а лишь средством к осуществлению его националистических замыслов»¹⁹. В дальнейшем правительство Ноли пыталось лавировать между двумя соседними странами – Италией и Югославией, надеясь укрепить самостоятельность Албании путем игры на противоречиях между Римом и Белградом.

В первые месяцы своего существования новое албанское правительство столкнулось с той же проблемой, что и большевики в 1917 г.: международная изоляция. Соседи и великие державы, не верившие в долговременный характер правительства Ноли, не торопились заявлять о его признании. Наблюдатели отмечали, что истинные отношения Италии и Югославии к новому албанскому правительству остаются неясным, и фиксировали «намекы на возможность новой попытки раздела Албании»²⁰. Несмотря на относительное «италофильство» Ноли и его министров, в Риме опасались действовать, не согласовав заранее своей позиции с другими заинтересованными странами, чтобы не столкнуться с обвинениями в том, что правительство Б. Муссолини «вновь пытается проводить в Албании гегемонистскую политику»²¹. Что касается Белграда, то, несмотря на заявления Ноли о готовности «поддерживать добрососедские отношения со всеми соседними государствами», правительство Н. Пашича опасалось, что новое албанское руководство окажется «инструментом итальянской политики», а кроме того, проявляло недовольство его тесными связями с Косовским комитетом²². Как следствие, Югославия не только не признала правительства Ноли, но и приняла на своей территории бежавшего Зогу и его сторонников.

Выжидательную позицию заняли также Лондон и Париж. Премьер-министр и министр иностранных дел Великобритании Р. Макдональд указывал, что формальное признание не состоится до тех пор, пока полномочия нового албанского правительства не будут

19 Г. Б. Сандомирский – Г. В. Чичерину. О нынешнем Албанском правительстве – в связи с письмом тов. Юренева. 27 июля 1924 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 6. Д. 110. Л. 11.

20 Албания в 1912–1924 гг. // Албанский узел. М.; Л. 1925. С. 184.

21 *Pastorelli P.* Italia e Albania 1924–1927. Origini diplomatiche del Trattato di Tirana del 22 novembre 1927. Firenze, 1967. P. 35.

22 *Muuuh S.* Албанија: пријатељ и противник. Југословенска политика према Албанији 1924–1927. Београд, 2009. С. 55–58.

подтверждены «четким выражением народной воли»²³. Французское же правительство указало кабинету Ноли на опасность, которой «подвергнут независимость страны лидеры революции и правительства, если они не договорятся как можно скорее друг с другом, создав тем самым предлог для иностранного вмешательства»²⁴.

Фактически только Советский Союз в первые же дни после переворота проявил дружественные намерения в отношении демократической Албании. По справедливому замечанию отечественного исследователя Ар. А. Улуныяна, это было обусловлено тем, что переворот «оживил надежды Коминтерна и советского партийно-государственного руководства на возможное скорое изменение соотношения сил на Балканах в пользу коммунизма»²⁵. На заседании Балканской коммунистической федерации 7 июня 1924 г. было признано необходимым «призвать коммунистические партии к акции против интервенции Италии, Югославии и Греции, а также к митингу солидарности с восстанием, которое, будучи массовым движением в борьбе с империализмом на Балканах, имеет своей целью добиться независимости Албании»²⁶. Само восстание оценивалось как «национальный подъем против феодально-консервативного режима правительства Тираны»²⁷, в связи с чем Чичерин писал советскому полпреду в Греции А. М. Устинову: «Албанские повстанцы, достигшие власти, стоят гораздо ближе к нам, чем низложенное правительство Ахмет-бея... Посмотрим, как они поведут обещанную борьбу против феодализма»²⁸.

Левый характер правительства Ноли и явно дружественные сигналы, поступавшие из Страны Советов, обусловили готовность Тираны к установлению дипломатических отношений с Москвой. 4 июля на имя Чичерина была составлена нота министра иностранных дел С. Дельвини, провозглашавшая: «...новое албанское правительство почтет себя весьма счастливым установить дипломатические и дружественные

23 Documents on British Foreign Policy (далее – DBFP). London, 1985. Ser. I. Vol. 26. P. 281–282.

24 Documents diplomatiques français. 1924. Paris, 2013. T. I. P. 548.

25 Улуныян Ар. А. Коминтерн и геополитика: Балканский рубеж 1919–1938 гг. М., 1997. С. 75.

26 Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции (в документах центральных российских архивов начала – середины 1920-х годов). В 2 ч. М., 2003. Ч. 2. С. 17.

27 Улуныян Ар. А. Коминтерн и геополитика. С. 75.

28 Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции... Ч. 2. С. 31.

отношения между народом русским и албанским»²⁹. 15 июля данная нота была передана в Москву через полпреда СССР в Италии К. К. Юрнева, который рекомендовал дать албанцам положительный ответ и вести переговоры об установлении отношений в Риме³⁰.

В НКВД албанская нота была встречена одобрительно. Чичерин выступал за скорейшее установление отношений между двумя странами, мотивируя это следующим образом: «Практически Албания может представить для нас интерес как территориальная база для нашей политической акции на Балканах. От Болгарии она отрезана югославскими владениями, но для воздействия на Югославию для дальнейшего развития связи с примыкающими к Радичу элементами и для контакта с действующими в северной Греции национальными элементами Албания является весьма удобным местом»³¹. В аналогичном ключе высказывался Трилиссер, указывавший на «положительное значение для нас Албании как наблюдательного пункта на Балканах и возможной базы для нашей работы»³². Утверждалось, что установление отношений поможет деятельности Косовского комитета и воспрепятствует распространению в Албании иностранного влияния (в первую очередь Югославии и Италии). Кроме того, обращалось внимание на левизну правительства Ноли и его готовность к осуществлению аграрной реформы по образцу большевистской, в связи с чем утверждалось, что «новое албанское правительство является... шагом вперед в политике левых крестьянских партий»³³. Наконец, в Москве предполагали, что желание возобновить сношения с Советским Союзом может служить «косвенным подтверждением» влияния «косовцев» в албанском правительстве³⁴.

В немалой степени подобные оптимистичные прогнозы были связаны с тем, что Трилиссер в те годы был, по воспоминаниям

29 Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1928. Ч. III. Вып. I. С. 313.

30 ДВП СССР. М., 1963. Т. VII. С. 398.

31 Копия записки Г. В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б) по поводу предложения албанского правительства установить дипломатические отношения с Россией. 18 июля 1924 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 159. Оп. 2. Д. 26. Л. 40.

32 Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции... Ч. 2. С. 94.

33 Там же. С. 95.

34 М. А. Трилиссер – Г. В. Чичерину. 21 июля 1924 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 6. Д. 110. Л. 8об.

современников, «большим приятелем заведующего международной связью Коминтерна Пятницкого», и оба учреждения находились «в теснейшей деловой связи»³⁵. Соответственно, заявления главы ИНО ОГПУ отражали прежде всего взгляд руководства III Интернационала на Балканы как на «слабое звено» в цепи империалистических держав, где достаточно «лишь качнуть маятник, чтобы балканские часы начали отсчитывать время революции»³⁶. Вместе с тем оценки Трилиссера вполне коррелировали с новой установкой советского руководства на развитие международных связей в рамках политики мирного сосуществования, ввиду чего они были с одобрением встречены руководством НКВД в лице Чичерина. Последний указывал, что, поскольку «никаких взаимных претензий у нас с Албанией нет», следовало «просто вступить в дипломатические отношения, ответить на письмо албанского правительства таким же письмом и взаимно назначить полпредов»³⁷. Соответствующее решение было передано в Тирану через Юренева 25 июля³⁸.

Вслед за этим советская дипломатия столкнулась с непредвиденными трудностями. Телеграмма Чичерина хоть и одобряла сам факт установления отношений с Албанией, но не давала разъяснений, как именно его следует оформить: должен ли Ноли обратиться к главе НКВД СССР с нотой и получить соответствующий ответ или же надлежит провести переговоры относительно формальностей с албанским поверенным в делах в Риме. Не понимая, «каков конкретный план в этом вопросе Москвы», Юренив остановился на втором варианте³⁹. Это означало, что на согласование позиций двух правительств потребуется время. Поручив вести переговоры с албанской стороной советнику полпредства в Италии А. М. Макару, Юренив в начале августа отправился в отпуск.

Именно в этот момент выяснилось, что инициатива по установлению дипломатических отношений между двумя странами была подготовлена советским полпредством в Вене под руководством В. Х. Ауссема. Именно оно вступило в контакт с Косовским комитетом и выработало проект ноты, которую албанское правительство должно

35 Агабеков Г. С. ГПУ: Записки чекиста. Берлин, 1930. С. 24.

36 Улунян Ар. А. Коминтерн и геополитика. С. 80.

37 Копия записки Г. В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б) по поводу предложения албанского правительства установить дипломатические отношения с Россией. 18 июля 1924 г. // РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 26. Л. 40.

38 ДВП СССР. Т. VII. С. 407.

39 К. К. Юренив – Г. В. Чичерину. Рим, 28 июля 1924 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 6. Д. 110. Л. 14.

было передать в Москву через полпредство в Италии (поскольку Албания не имела в Австрии официального представителя)⁴⁰. Данный проект включал в себя следующие пункты: принятие к сведению образования нового правительства в Тиране; пожелания правительству Ноли «успешной работы, направленной к развитию свободы албанского народа»; согласие на установление дипломатических сношений в полном размере; согласие на принятие албанского представителя в Москве и посылку советского полпреда в Тирану⁴¹. Хотя исходный вариант ноты, как указывал первый секретарь полпредства СССР в Австрии Д. В. Богомолов, был «гораздо пространнее», ключевой момент – об установлении дипломатических отношений – в окончательном тексте остался неизменным⁴². Соответственно, албанская сторона не предполагала ведения дальнейших переговоров с Москвой, считая, что все условия уже обговорены заранее.

Ввиду того, что Юренив не был в курсе договоренностей между албанцами и полпредством СССР в Вене относительно способов быстрого установления отношений между двумя странами, он предложил албанским представителям в Риме «подписать протокол, устанавливающий дипсношения и обмен представителями», что было воспринято в Тиране как желание Москвы «затянуть решение вопроса», из-за чего албанцы стали более сдержанными⁴³. Венское полпредство попыталось исправить ситуацию, сообщив в Рим об уже оговоренных условиях взаимного признания, но, поскольку в августе Юренив находился в отпуске, данное сообщение принял советник полпредства СССР в Италии Макар. Не имея сведений о переговорах Ауссема и Богомолова с «косовцами» и следуя инструкциям, оставленным Юренивым, советник принял решение «положить в основу соглашения текст, оставленный т. Юренивым, а вести переговоры в пределах текста т. Богомолова», т. е. фактически продолжать линию на подписание с албанцами протокола⁴⁴. Не придав должного значения

40 Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции... Ч. 2. С. 146.

41 Выписка из письма тов. Богомолова тов. Чичерину. Вена, 13 августа 1924 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 6. Д. 110. Л. 17.

42 Д. В. Богомолов – Г. В. Чичерину. Вена, 28 Августа 1924 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 6. Д. 110. Л. 28.

43 Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции... Ч. 2. С. 165.

44 А. М. Макар – Г. В. Чичерину. Рим, 18 августа 1924 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 6. Д. 110. Л. 19.

шифровке из Вены, Макар лишь приобщил ее «к делу», вместо того чтобы немедленно связаться с полпредством в Австрии, Москвой или Юреневым для уточнения деталей⁴⁵.

Как следствие, Юренев узнал о наличии предварительных договоренностей по установлению отношений между СССР и Албанией лишь по возвращении в Рим в конце августа. Он немедленно обрушился на венское полпредство с обвинениями в том, что оно не сочло нужным своевременно известить своих римских коллег о предварительных переговорах с албанцами, из-за чего «вся эта история производит несерьезное впечатление»⁴⁶. Между тем и в Москве начали выражать беспокойство по поводу задержки в переговорах с Тираной, в связи с чем сам Чичерин недоумевал: «Кто тут саботирует, в чем препятствие?»⁴⁷

Стремясь наконец ликвидировать заминки в переговорах с Албанией, Юренев принял решение лично отправиться в Вену для того, чтобы обсудить с Ауссемом и Богомоловым окончательную формулу установления отношений. Прибыв в австрийскую столицу, Юренев выяснил, что сотрудники венского полпредства вели переговоры не напрямую с представителями албанского правительства, а лишь с членами Косовского комитета, поэтому утверждения о наличии проекта соглашения, согласованного с албанским правительством, являлись в некотором роде преувеличением. Отличия же окончательной ноты от текста, согласованного с «косовцами», объяснялись тем, что либо сами «косовцы» «коряво изложили эту ноту албанцам», либо последние предпочли вручить ее в измененном виде. Как резюмировал сам Юренев: «Впечатление от всей этой истории довольно грустное»⁴⁸.

Для исправления ситуации представители двух полпредств предложили главе НКВД направить в Тирану официальную ноту о соглашении на установление дипломатических отношений и обмен представителями. 4 сентября 1924 г. на имя Дельвины была направлена соответствующая нота со следующими словами Чичерина: «...правительство Сов. Союза желает отныне же установить с албанским правительством нормальные дипломатические отношения. Адресуя новому

45 К. К. Юренев – Д. В. Богомолову. Рим, 25 августа 1924 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 6. Д. 110. Л. 25.

46 Там же. Л. 22.

47 Г. В. Чичерин – В. Х. Ауссему. Москва, 27 августа 1924 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 6. Д. 110. Л. 26.

48 К. К. Юренев – Г. В. Чичерину. Вена, 31 августа 1924 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 6. Д. 110. Л. 31.

албанскому правительству наши наилучшие пожелания, я выражаю твердую уверенность, что дружба между нашими народами, развиваясь и укрепляясь, принесет обильные плоды для благополучия того и другого...»⁴⁹

Хотя инцидент был наконец исчерпан, он имел весьма серьезные последствия. Слухи о возможном установлении отношений между Москвой и Тираной вызвали недовольство в западноевропейских и соседних с Албанией странах. Как отмечает албанский исследователь К. Крисафи, пресса обвиняла правительство Ноли в том, что оно «шаг за шагом превращает Албанию в большевистский центр на Балканах»⁵⁰, а это могло иметь следствием усугубление проблемы международной изоляции Тираны. Кроме того, правительство Ноли, опасаясь интервенции со стороны Югославии и не имея реальной военной силы для ее отражения, было вынуждено вести по отношению к Белграду компромиссную политику, что вызвало недовольство Косовского комитета. К началу осени разногласия между правительством и «косовцами» выявились окончательно, из-за чего руководители последних отвели свои войска на север, фактически отказав Ноли в поддержке. Как отмечалось в донесениях Богомолова, положение было настолько обостренно, что не исключалась возможность вооруженного столкновения между «косовцами» и правительственными силами⁵¹.

Следствием давления со стороны европейской прессы и сокращения влияния Косовского комитета на политический курс правительства Ноли стало снижение заинтересованности последнего в установлении дипломатических отношений с Советским Союзом, в том числе потому, что инициатива в данном вопросе в Тиране исходила прежде всего из рядов «косовцев». Уже 19 августа 1924 г. Дельвина направил в албанскую миссию в Риме инструкцию следующего характера: на возможные вопросы советской стороны касательно условий и сроков установления отношений между двумя странами следовало давать максимально уклончивый ответ⁵². На практике это выра-

49 Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. III. Вып. I. С. 313.

50 Pse Noli vendosi marrëdhëniet diplomatike me Bashkimin Sovjetik? // Fondacioni Hasan Prishtina 2024. URL: <https://fondacionihasanprishtina.com/pse-noli-vendosi-marredheniet-diplomatike-me-bashkimin-sovjetik> (дата обращения: 08.09.2025).

51 Д. В. Богомолов – Г. В. Чичерину. Вена, 4 сентября 1924 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 6. Д. 110. Л. 36.

52 Pse Noli vendosi marrëdhëniet diplomatike me Bashkimin Sovjetik?

зилось в затягивании албанским поверенным в делах в Риме вопроса о выдаче советскому полпреду в Тиране соответствующего агремана. При этом сотрудники римского полпредства выражали мнение, что «именно албанское представительство в Риме саботирует этот вопрос»⁵³. Действия албанского поверенного в делах в Риме объяснялись советскими дипломатами тем, что он был подкуплен правительством Муссолини⁵⁴.

Впрочем, в венском полпредстве предпочитали смотреть на ситуацию оптимистично: по мнению Богомолова, Ноли мог быть по-прежнему заинтересован в установлении сношений с Москвой из расчета, что последняя могла бы повлиять на «косовцев» «в смысле примирения с ним», а кроме того, «будучи принужден вести компромиссную политику по отношению как к Италии, так и к Югославии», глава албанского правительства должен был «стремиться искать какой-нибудь опоры в государстве, не заинтересованном непосредственно в подчинении Албании своим материальным интересам», и на эту роль как раз подходил Советский Союз⁵⁵. Начальник же Богомолова Ауссем в донесениях в Москву выражал уверенность, что «недоразумение с албанцами, по-видимому, приходит к концу»⁵⁶. Подтверждением этого являлось, например, разрешение вопроса с агреманом в октябре 1924 г.: советское полпредство в Риме решило данный вопрос напрямую с главой албанского правительства, воспользовавшись тем, что Ноли на пути в Тирану из Женевы, где он участвовал в работе Генеральной Ассамблеи Лиги Наций, сделал остановку в Риме.

Но в это же время в процессе установления дипломатических отношений между Тираной и Москвой вновь возникла длительная пауза – на этот раз связанная с кадровыми вопросами. Казалось бы, полпред в Албанию был назначен в партийном порядке еще 7 августа – им стал бывший эсер А. А. Краковецкий, вступивший в ряды РКП(б) в 1922 г. и тогда же поступивший на службу в НКВД. Агреман от правительства Ноли был получен им 10 октября, 28 октября его кандидатура была

53 А. М. Макар – М. М. Литвинову. Рим, 23 сентября 1924 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 6. Д. 110. Л. 46.

54 Г. В. Чичерин – К. К. Юренину. Москва, 1 сентября 1924 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 6. Д. 110. Л. 32.

55 Д. В. Богомолов – Г. В. Чичерину. Вена, 4 сентября 1924 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 6. Д. 110. Л. 38–39.

56 Выписка из письма т. Ауссема тов. Литвинову. № 181 от 24/IX-1924 года // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 6. Д. 110. Л. 48.

утверждена СНК, а 1 ноября – в ЦИК СССР⁵⁷. Но выезд Краковецкого в Албанию постоянно откладывался – под тем предлогом, что он (как впоследствии жаловался Чичерин) «никак не мог выехать без сотрудника, в полной мере владеющего некоторыми западными языками, ибо сам т. Краковецкий может до некоторой степени объясняться, но не может писать документов ни на каких западных языках. Вопрос об его отъезде, по его собственному заявлению, всецело связывается с вопросом о назначении его сотрудников»⁵⁸. Два месяца – октябрь и ноябрь – ушли на согласование кандидата на роль первого секретаря полпредства или, как минимум, переводчика для Краковецкого: были последовательно отклонены кандидатуры товарищей Вазонова, Шило, Саворовского, и только П. В. Стучевский 24 ноября получил одобрение в аппарате ЦК и комиссии по выездам. Чичерин сокрушался по данному поводу: «Это поразительный пример того, к каким тяжелым политическим последствиям ведет волокита при наших зарубежных назначениях»⁵⁹. Как следствие, Краковецкий выехал за границу лишь 29 ноября, направившись в Тирану через Вену и Рим.

Новой заминкой в развитии советско-албанских отношений воспользовались Югославия и западноевропейские державы, опасавшиеся превращения Албании в «большевистский центр» и источник беспорядков на Балканах. Особое беспокойство по поводу деятельности в Юго-Восточной Европе «московских агентов», преследовавших цель «спровоцировать революцию на Балканах», высказывал министр иностранных дел Югославии М. Нинчич⁶⁰. Его особенно волновала деятельность советских представителей в Тиране, направленная, по его словам, «на разжигание все большего и большего беспорядка на территории, которая естественным образом была к этому предрасположена»⁶¹. Югославские дипломаты в Лондоне нагнетали истерию, распространяя слухи, что и в Албании, и в Болгарии ведется «организованная большевистская пропаганда» и что эмиссар Краковецкий едет в Тирану для того, чтобы «усилить деятельность банд

57 О назначении тов. Краковецкого полпредом Союза ССР в Албанию // ГА РФ. Ф. Р5446. Оп. 5. Д. 212. Л. 1–5.

58 Копия записки Г. В. Чичерина И. В. Сталину по поводу советского представительства в Албании. 6 декабря 1924 года // РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 26. Л. 47.

59 Там же.

60 I Documenti Diplomatici Italiani (далее – DDI). Roma, 1959. Settima Serie. Vol. III. P. 358.

61 Ibid. P. 375.

на границах Сербии и с Албанией, и с Болгарией»⁶². Как следствие, о том, что грядущий приезд в Тирану «пропагандиста» Краковецкого вызывает «большое беспокойство», писала и газета «Таймс»⁶³.

В Риме разделяли тревоги Белграда, что позволило двум странам к началу декабря договориться о единой тактике в отношении албанских событий, подразумевающей невмешательство в разворачивающийся конфликт между правительством Ноли и готовящимися к интервенции с территории Югославии отрядами Зогу⁶⁴. Равным образом Италия и Великобритания также сходились во мнении, что следует «возвести барьер вокруг Балкан и предотвращать любое внешнее вмешательство» в дела региона – в первую очередь со стороны СССР⁶⁵. Накануне приезда Краковецкого в Тирану британский посланник прямо указал албанскому правительству на необходимость «пресечь любую большевистскую деятельность, которая может иметь место в Албании»⁶⁶.

Свою роль сыграла, по всей видимости, и французская дипломатия. Полпред СССР в Великобритании Х. Г. Раковский впоследствии писал, что «французское правительство облегчает сербам захват части Албании», и приводил в подтверждение своей точки зрения сведения из передовицы газеты «Тан» от 22 декабря о том, что «Албания является политически нежизнеспособной, т. к. она не является гомогенным государством... и что поэтому она должна быть разделена между ее соседями»⁶⁷. Поддержка югославских и итальянских устремлений в Албании, по всей видимости, объяснялась как стремлением Парижа усилить Белград в качестве проводника французского влияния на Балканах, так и желанием обеспечить Риму компенсации за укрепление французских позиций в Северной Африке.

Параллельно с этим в Москве отмечали ослабление позиций правительства Ноли: оно так и не провело аграрную реформу, что вызвало разочарование крестьянских масс, и находящиеся в Югославии сторонники Зогу стремились использовать это недовольство, чтобы при поддержке югославского правительства осуществить новый переворот путем вооруженного вторжения в Албанию⁶⁸. О желательности возвра-

62 DBFP. Ser. I. Vol. 26. P. 427.

63 Albanian Unrest // The Times. 1924. 11 December. P. 14.

64 DDI. Settima Serie. Vol. III. P. 369.

65 DBFP. Ser. I. Vol. 26. P. 419.

66 Ibid. P. 437.

67 Х. Г. Раковский – М. М. Литвинову. Лондон, 23 декабря 1924 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 7. Д. 111. Л. 43.

68 Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции... Ч. 2. С. 296.

щения в Тирану правительства Зогу говорили, например, итальянские дипломаты: маркиз Дураццо докладывал в Рим, что «теперешнее правительство не имеет никакой власти и авторитета, и в создавшихся условиях Ахмет Зогу является единственным человеком, способным до какой-то степени подчинить албанцев и внушить им страх»⁶⁹. При поддержке югославских властей Зогу удалось к декабрю 1924 г. собрать достаточно крупные силы (среди которых были врангелевцы и переодетые сербские солдаты), и 11 декабря его войска перешли югославно-албанскую границу, начав наступление на Тирану.

Правительство Ноли оказалось в крайне сложной ситуации. Не имея возможности самостоятельно справиться с силами Зогу, оно могло рассчитывать на победу только при условии поддержки со стороны таких держав, как Италия и Великобритания, но условием этой поддержки являлся отказ от установления отношений с Советским Союзом. Не видя иного выхода, Ноли передал через албанского поверенного в делах в Риме ноту протеста против приезда в Тирану советского полпреда. В связи с этим Юренев просил Краковецкого задержаться в Вене и не приезжать в Рим до решения Москвы по этому вопросу. Однако сотрудники венского полпредства рассудили, что албанский поверенный в делах в Риме «действует без полномочий своего правительства и что его протест объясняется влиянием итальянцев, от которых он находится в материальной зависимости»⁷⁰. Поэтому, добившись от албанского консула в Вене визы, Краковецкий вместе с Ауссемом и его подчиненным М. А. Логановским отправился в Рим.

В итальянской столице из бесед с Юреневым стало очевидно, что протесты и предупреждения албанского поверенного в делах «ни в коем случае не могут рассматриваться как самочинные действия этого чиновника, предпринятые им без ведома своего правительства»⁷¹. Они были мотивированы тяжелым положением правительства Ноли в связи с вторжением банд Зогу, а также обвинениями, выдвинутыми против Ноли югославскими и итальянскими газетами, в том, что его правительство «оплачивается советским правительством», что могло сильно навредить ему на грядущих парламентских выборах⁷².

69 Краткая история Албании: С древнейших времен до наших дней. С. 295.

70 А. А. Краковецкий. Докладная записка по Албании. 10 января 1925 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 7. Д. 111. Л. 2.

71 Там же. Л. 3.

72 А. М. Макар – М. М. Литвинову. Рим, 13 декабря 1924 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 6. Д. 110. Л. 50.

На албанского премьер-министра оказывали давление и требовали, чтобы он не ухудшал ситуации приемом советского представителя.

Несмотря на увещевания представителей албанской миссии в Риме, Краковецкий, обсудив ситуацию с Юрневым, Ауссемом и Логановским, принял решение отправиться в Тирану. 14 декабря он выехал из Рима в Бари, а уже 16 числа прибыл в албанскую столицу. Вечером того же дня ему было сообщено, что после продолжительных дискуссий Совет министров большинством голосов все же решил признать советское полпредство. Вслед за этим Краковецкого посетили префект Тираны, предложивший свои услуги по присоединению помещения для полпредства, а также личный секретарь Ноли А. Фрашери и главный директор Министерства народного просвещения М. Шерко, которые описали всю серьезность ситуации в стране и еще раз указали на давление на албанское правительство со стороны Англии и Италии, выступавших против установления дипломатических отношений между Албанией и СССР⁷³.

На следующий же день, 17 декабря, последовал совместный протест со стороны Англии, Италии и Югославии, подкрепленный движением отрядов Зогу, набранных из сербских наемников и белогвардейских элементов, на северных границах Албании. Как сообщал Краковецкий, представители трех держав заявили, что «в случае пребывания полпредства в Албании они будут рассматривать наступление Ахмета Зогу как внутреннее дело Албании и предоставят ее собственным силам. В противном случае Англия обещала дипломатическим путем приостановить наступление Ахмета Зогу»⁷⁴. Позднее в интервью корреспонденту «Известий» Чичерин прямо обвинял Лондон в срыве установления советско-албанских отношений: по его словам, английский представитель «угрожал фактически безоружному правительству Фана Ноли, что передаст его в руки Ахмета Зогу в случае его отказа предложить уехать нашему полпреду»⁷⁵.

Давление на Тирану возымело действие: в тот же день правительство Ноли просило Краковецкого покинуть Албанию, и уже 18 числа полпредство выехало из Тираны обратно в Москву. По возвращении в Советский Союз действия Краковецкого были подвергнуты критике: ему ставили в вину то, что он «не сделал даже попытки» поговорить

73 А. А. Краковецкий. Докладная записка по Албании. 10 января 1925 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 7. Д. 111. Л. 4–5.

74 ДВП СССР. Т. VII. С. 587.

75 Краткая история Албании: С древнейших времен до наших дней. С. 295.

с албанским премьер-министром, «не запросил Москвы и не посоветовался ни с Веной, ни с Римом»⁷⁶. Краковецкий оправдывал свои действия тем, что в случае задержки в Тиране даже на несколько дней он либо оказался бы в руках войск Зогу, либо вынужден был бежать от его наступающих отрядов. В первом случае, как справедливо указывал несостоявшийся полпред, «едва ли можно было рассчитывать на дружелюбное отношение нового правительства, которое шло войной против Фан-Ноли под лозунгом борьбы с III Интернационалом и опиралось на врангелевские части». Во втором случае его отъезд «неизбежно оказался бы связанным с эвакуацией правительства Фан-Ноли», что подчеркивало бы «исключительную близость к павшему правительству» и связывало бы советской дипломатии руки для будущей политики в отношении правительства Зогу⁷⁷. Будучи подтверждены Юреневым, рассуждения Краковецкого были признаны Коллегией НКВД в достаточной мере обоснованными и справедливыми.

Между тем высылка советских дипломатов из Тираны не спасла правительство Ноли: уже 24 декабря верные Зогу силы торжественно вступили в столицу Албании. Ноли и его министры бежали из страны, в которой установился фактически диктаторский режим Зогу. Как констатировал в конце 1924 г. Юренев, «вопрос об отношениях между нами и Албанией волею обстоятельств исчерпан и, вероятно, на сравнительно долгий период»⁷⁸.

Таким образом, неудача в установлении дипломатических отношений между Тираной и Москвой в 1924 г. была обусловлена не только внешнеполитическими факторами, связанными с нежеланием Белграда, Рима, Лондона и Парижа допустить распространение коммунистической пропаганды и укрепление позиций Советской России на Балканах, но и факторами внутреннего характера. Отдельные полпредства – в Вене и Риме – работали над одной и той же проблемой установления отношений с Албанией в отрыве друг от друга, и этот параллелизм порождал недопонимание и заминки как в работе НКВД, так и между советскими и албанскими дипломатами. Полпред СССР в Австрии Ауссем оправдывал действия венского полпредства тем, что за пару лет до описываемых событий полпреду в Праге

76 Г. В. Чичерин – членам Коллегии НКВД, Москва, 4 января 1925 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 7. Д. 111. Л. 1.

77 А. А. Краковецкий. Докладная записка по Албании. 10 января 1925 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 7. Д. 111. Л. 7–8.

78 К. К. Юренев – М. М. Литвинову. Рим, 29 декабря 1924 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 7. Д. 111. Л. 47.

«довольно основательно досталось» от Чичерина «за прямые сношения с каким-то соседом помимо и без ведома Москвы». Стремясь избежать в дальнейшем повторения подобных случаев, он просил НКВД дать «определенные указания, в каких пределах и формах допускается непосредственное сношение полпредов между собою»⁷⁹. При этом следует отметить, что венское полпредство зачастую не обладало всей полнотой информации о ситуации в Албании, из-за чего выдвигало чрезмерно оптимистические прогнозы развития событий.

Другой проблемой стали проволочки с подбором персонала для полпредства в Тиране: именно ввиду «волокиты» в кадровых вопросах европейские державы получили возможность создать препятствия для въезда Краковецкого в Албанию. Чичерин отметил по этому поводу, что «факт его неприезда дал возможность бессрочно задержать вообще его приезд», и возложил вину за это на «невыносимую волокиту цекистского бюрократического аппарата, который нескончаемо долго задерживал вопросы о назначении секретарей тов. Краковецкого»⁸⁰. Уже после высылки последнего из Тираны Чичерин горько подытожил: «Благоприятный момент был нами упущен, причем вина лежит на волоките некоторых органов»⁸¹.

События 1924 г. показали насущность таких проблем, как выстраивание горизонтальных связей между советскими полпредствами в разных странах и ускорение процедуры кадровых назначений. Их решение в последующие годы позволило усилить внешнеполитический аппарат СССР и укрепить позиции советской дипломатии на международной арене. Что же касается отношений Москвы с Тираной, то, как писал в начале 1925 г. полпред в Греции А. М. Устинов, об Албании «мы фактически знаем еще меньше, чем о Югославии»⁸². Частичное восстановление отношений в итоге произошло лишь в 1934 г., но вплоть до момента оккупации Албании фашистской Италией в 1939 г. они поддерживались через советскую миссию в Греции. В самой Тиране советская миссия была учреждена только после окончания Второй мировой войны в 1945 г.

79 В. Х. Ауссем – М. М. Литвинову. Вена, 24 сентября 1924 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 6. Д. 110. Л. 47.

80 Г. В. Чичерин – А. Я. Канторовичу. Москва, 5 декабря 1924 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 2. П. 7. Д. 111. Л. 22.

81 Копия записки Г. В. Чичерина И. В. Сталину по поводу советского представительства в Албании. 6 декабря 1924 года // РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 26. Л. 47.

82 Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции... Ч. 2. С. 330.

Источники и литература

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ).
Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).
Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

- Агабеков Г. С.* ГПУ: Записки чекиста. Берлин: Стрела, 1930. 248 с.
- Айрапетов О. Р.* Внешняя политика Советской России и СССР в 1920–1939 годах и истоки Второй Мировой войны. М.: Родина, 2020. 800 с.
- Албания в 1912–1924 гг. // Албанский узел. Сборник статей. М.; Л.: Госиздат, 1925. С. 176–184.
- Документы внешней политики СССР. М.: Госполитиздат, 1962. Т. VI. 672 с.
- Документы внешней политики СССР. М.: Госполитиздат, 1963. Т. VII. 760 с.
- Краткая история Албании. М.: Наука, 1965. 263 с.
- Краткая история Албании: С древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 1992. 512 с.
- Магадеев И. Э.* В тени Первой мировой войны: Дилеммы европейской безопасности в 1920-е годы. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2021. 864 с.
- Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М.: Издание Литиздата НКВД, 1928. Ч. III. Вып. I. 430 с.
- Мишић С.* Албанија: пријатељ и противник. Југословенска политика према Албанији 1924–1927. Београд: Службени гласник, 2009. 261 с.
- Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции (в документах центральных российских архивов начала – середины 1920-х годов). В 2 ч. М.: Эдиториал УРСС, 2000. Ч. 1. 304 с.
- Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции (в документах центральных российских архивов начала – середины 1920-х годов). В 2 ч. М.: РОССПЭН, 2003. Ч. 2. 688 с.
- Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2001. 400 с.
- Революционная атмосфера на Балканах. Тревожное настроение в Болгарии и Румынии // Правда. 1924. 31 июля. С. 1–2.
- Сальков А. П.* Советско-албанская дипломатическая интрига декабря 1924 г. и дальнейшее столкновение советских и западноевропейских интересов в Албании в 1920-е – 1930-е гг. // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 10. Минск: БГУ, 2015. С. 165–168.
- Смирнова Н. Д.* История Албании в XX веке. М.: Наука, 2003. 431 с.
- Улунян Ар. А.* Коминтерн и геополитика: Балканский рубеж 1919–1938 гг. М.: ИВИ РАН, 1997. 220 с.

- Albanian Unrest // *The Times*. 1924. 11 December. P. 14.
- Documents diplomatiques français. 1924. Paris: Imprimerie Nationale, 2013. T. I. XXXVIII, 652 p.
- Documents on British Foreign Policy. London: H.M.S.O., 1985. Ser. I. Vol. 26. CXI, 1162 p.
- I Documenti Diplomatici Italiani. Roma: Istituto Poligrafico dello Stato, 1959. Settima Serie. Vol. III. LXVIII, 621 p.
- Kolontári A. *Hungarian-Soviet Relations: 1920–1941*. Boulder (Col.): Social Science Monogr.; Highland Lakes (N. J.): Atlant. Research A. Publ., 2010. 566 p.
- Pastorelli P. *Italia e Albania 1924–1927. Origini diplomatiche del Trattato di Tirana del 22 novembre 1927*. Firenze, 1967. 532 p.
- Pse Noli vendosi marrëdhëniet diplomatike me Bashkimin Sovjetik? // Fondacioni Hasan Prishtina 2024. URL: <https://fondacionihasanprishtina.com/pse-noli-vendosi-marredheniet-diplomatike-me-bashkimin-sovjetik> (дата обращения: 08.09.2025).
- Schmidt-Neke M. *Entstehung und Ausbau der Königsdiktatur in Albanien (1912–1939)*. München: Oldenbourg, 1987. 371 S.

References

- Agabekov, G. S. *GPU: Zapiski chekista*. Berlin: Strela, 1930, 248 p.
- Airapetov, O. R. *Vneshniaia politika Sovetskoi Rossii i SSSR v 1920–1939 godakh i istoki Vtoroi Mirovoi voiny*. Moscow: Rodina, 2020, 800 p.
- “Albania v 1912–1924 gg.” *Albanskii uzel. Sbornik statei*. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1925, pp. 176–184.
- Documents diplomatiques français. 1924. Paris: Imprimerie Nationale, 2013. Tome I. XXXVIII, 652 p.
- Documents on British Foreign Policy. London: H.M.S.O., 1985. Ser. I. Vol. 26. CXI, 1162 p.
- Dokumenty vneshnei politiki SSSR. Moscow: Gospolitizdat, 1962, vol. VI, 672 p.
- Dokumenty vneshnei politiki SSSR. Moscow: Gospolitizdat, 1963, vol. VII, 760 p.
- I Documenti Diplomatici Italiani. Roma: Istituto Poligrafico dello Stato, 1959. Settima Serie. Vol. III. LXVIII, 621 p.
- Kolontári, A. *Hungarian-Soviet Relations: 1920–1941*. Boulder (Col.): Social Science Monogr.; Highland Lakes (N. J.): Atlant. Research A. Publ., 2010, 566 p.
- Kratkaia istoriia Albanii. Moscow: Nauka, 1965, 263 p.
- Kratkaia istoriia Albanii: S drevneishikh vremen do nashikh dnei. Moscow: Nauka, 1992, 512 p.
- Magadejev, I. E. *V teni Pervoi mirovoi voiny: Dilemmy evropeiskoi bezopasnosti v 1920-e gody*. Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2021, 864 p.

Mezhdunarodnaia politika noveishego vremeni v dogovorakh, notakh i deklaratsiakh. Moscow: Izdanie Litizdata NKID, 1928, part 3, issue 1, 430 p.

Miših, S. *Albanija: prijatelj' i protivnik. Jugoslovenska politika prema Albaniji 1924–1927.* Beograd: Službeni glasnik, 2009, 261 p.

Natsional'nyi vopros na Balkanakh cherez prizmu mirovoi revoliutsii (v dokumentakh tsentral'nykh rossiiskikh arkhivov nachala – serediny 1920-kh godov). In 2 Parts. Moscow: Editorial URSS, 2000. Part 1, 304 p.

Natsional'nyi vopros na Balkanakh cherez prizmu mirovoi revoliutsii (v dokumentakh tsentral'nykh rossiiskikh arkhivov nachala – serediny 1920-kh godov). In 2 Parts. Moscow: ROSSPEN, 2003. Part 2, 688 p.

Pastorelli, P. *Italia e Albania 1924–1927. Origini diplomatiche del Trattato di Tirana del 22 novembre 1927.* Firenze, 1967, 532 p.

Politbiuro TsK RKP(b)–VKP(b) i Evropa. Resheniia «osoboi papki». 1923–1939. Moscow: ROSSPEN, 2001, 400 p.

“Pse Noli vendosi marrëdhëniet diplomatike me Bashkimin Sovjetik?” *Fondacioni Hasan Prishtina 2024.* URL: <https://fondacionihasanprishtina.com/pse-noli-vendosi-marredheniet-diplomatike-me-bashkimin-sovjetik> (accessed: 08.09.2025).

Sal'kov, A. P. “Sovetsko-albanskaia diplomateskaia intriga dekabria 1924 g. i dal'neishee stolknovenie sovetskikh i zapadnoevropeiskikh interesov v Albanii v 1920-e – 1930-e gg.” *Rossiiskie i slavianskie issledovaniia: nauch. sb.* Vol. 10. Minsk: BGU, 2015, pp. 165–168.

Schmidt-Neke, M. *Entstehung und Ausbau der Königsdiktatur in Albanien (1912–1939).* München: Oldenbourg, 1987, 371 p.

Smirnova, N. D. *Istoriia Albanii v XX veke.* Moscow: Nauka, 2003, 431 p.

Ulunian, Ar. A. *Komintern i geopolitika: Balkanskii rubezh 1919–1938 gg.* Moscow: IVI RAN, 1997, 220 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.06

D. V. Rodin

**“The Whole Story Makes a Frivolous Impression”:
the Problem of Establishing Soviet-Albanian Relations in 1924**

Denis V. Rodin

Candidate of History, research fellow

Lomonosov Moscow State University

119192, Lomonosovsky Prospekt 27-4, Moscow, Russian Federation

E-mail: enigma9307@mail.ru

ORCID: 0009-0002-5378-5342

Citation

Rodin D. V. “The Whole Story Makes a Frivolous Impression”: the Problem of Establishing Soviet-Albanian Relations in 1924 // Slavic Almanac. 2026. No 1–2. P. 135–158 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.06

Received: 20.07.2025.

Revised: 08.02.2026.

Accepted: 17.03.2026.

Acknowledgements

The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 24-18-00461, “‘Imagined Regions’ Between the Two World Wars: Problems of Construction and Management,” <https://rscf.ru/project/24-18-00461/>

Abstract

The rise to power in Albania of Fan Noli’s left-liberal government following the June Revolution of 1924 initiated the establishment of diplomatic relations between Tirana and Moscow. However, the negotiation process, which began in July, dragged on for six months and ultimately failed. The protracted delays in resolving the issue of Soviet-Albanian relations were primarily caused by the uncoordinated actions of the Soviet plenipotentiary missions in Rome and Vienna: each conducted independent negotiations with the Albanian side on its own terms, leaving Tirana unclear about Moscow’s final position. Another significant hurdle was the bureaucratic red tape surrounding the appointment of staff for the proposed mission in Tirana. These delays were compounded by the deteriorating relations between the Albanian government and the Kosovo Committee, which had been actively promoting closer Soviet-Albanian ties. This situation was exploited by Great Britain, Italy, and Yugoslavia (with French support), who feared the expansion of Soviet influence in the Balkans. By exerting joint pressure on Noli’s government, these aforementioned powers secured the expulsion of the recently arrived plenipotentiary representative, A. A. Krakovetsky. A further coup in Albania in December 1924 and the return of Ahmed Zogu’s government to power marked the end of the first attempt to establish diplomatic relations between Tirana and Moscow.

Keywords

USSR, Albania, June Revolution, Fan Noli, G. V. Chicherin, A. A. Krakovetsky, international relations, Soviet diplomacy, Balkans.

Завершение белорусизации в российско-белорусском приграничье в 1930-е гг.

Кобец Ольга Викторовна

Кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник

Смоленский государственный университет

214000, ул. Пржевальского, д. 4, Смоленск, Российская Федерация

E-mail: cobets.olga@yandex.ru

ORCID: 0000-000-6058-160X

Цитирование

Кобец О. В. Завершение белорусизации в российско-белорусском приграничье в 1930-е гг. // Славянский альманах. 2026. № 1–2. С. 159–177. DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.07

Статья поступила в редакцию 06.09.2025.

Рецензирование завершено 17.02.2026.

Статья принята к публикации 17.03.2026.

Финансирование

Исследование подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-00859 «Белорусизация в российско-белорусском приграничье в 1920–1930-е годы: практика национального строительства», <https://rscf.ru/project/24-28-00859/>

Аннотация

В статье исследуется процесс завершения политики белорусизации в приграничных с БССР российских регионах, вошедших в 1929 г. в состав Западной области, – Смоленской, Брянской и значительной части Псковской губернии. Своего рода отправной точкой начала движения в сторону дебелорусизации стало постановление ЦК ВКП(б) от 2 марта 1933 г. «Об извращении национальной политики ВКП(б) в Белоруссии», хотя некоторые проявления этого были заметны и несколько ранее, и инициировались они также Москвой. Примечательно, что на протяжении всех 1920-х гг. местные власти в целом противились проведению политики белорусизации, осуществлявшейся в значительной степени под постоянным и пристальным контролем и давлением со стороны Москвы. Однако, как только центральная власть перестала требовать и подталкивать проведение белорусизации,

местные структуры не стали спешить с радикальными действиями по свертыванию политики коренизации. Разворот в деле белорусизации в приграничных российских регионах не будет резким и одномоментным. Процесс перевода белорусских школ в русские растянется на несколько лет. Последнее решение Президиума областного исполнительного комитета по данному вопросу, уже в территориальных границах самостоятельной Смоленской области, состоится 31 августа 1938 г., когда в русские школы будут реорганизованы оставшиеся до того национальными последние еврейские, белорусские и цыганские школы.

Ключевые слова

Коренизация, белорусизация, национальные меньшинства, белорусские школы, российско-белорусское приграничье, Западная область.

Белорусизация как часть новой советской национальной политики, получившей после XII съезда РКП(б) общее название – «коренизация», в первую очередь, конечно, имела отношение непосредственно к самой Белоруссии. Точно так же, как и украинизация к Украине. Однако уже в начале 1920-х гг. Москва инициировала распространение новой политики и на регионы российско-белорусского и российско-украинского приграничья. Основным мотивом к этому, как отмечается в некоторых современных исследованиях¹, явился так называемый «польский фактор». После перехода к Польше по Рижскому мирному договору 1921 г. значительных белорусских и украинских территорий, с населением, исчислявшимся миллионами человек, на уровне московских властей было решено проявить максимум внимания к белорусам и украинцам не только в формате отдельных республик, но и в российских регионах в местах компактного проживания этих национальных меньшинств.

¹ Борисёнок Ю. А. «Белорусизация» 1920-х годов // Вопросы истории. 2008. № 6. С. 133–136; Борисёнок Ю. А. На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века. М., 2013; Борисёнок Ю. А. Польский фактор в национальной политике советской власти в Белоруссии в 1920–1930-е годы // Новая и новейшая история. 2013. № 6. С. 55–65; Дроздов К. С. Белорусизация в Советской России в 1920–1930-е гг.: цели, методы и результаты // История народов России в исследованиях и документах: К юбилею В. В. Трепавлова. Вып. 9. М., 2022. С. 204–225; Короткова Д. «Укрупнение БССР» в 1923–1924 годы: фактор советского влияния в Польше // Славяноведение. 2018. № 5. С. 48–59 и др.

В части белорусского населения это в первую очередь относилось к Смоленской губернии, с которой было связано, в том числе, и само провозглашение в конце декабря 1918 г. Социалистической Советской Республики Белоруссия (ССРБ). В 1924 г. административно белорусской станет входившая до того в состав РСФСР Витебская губерния, от которой в соседнюю Псковскую губернию будут переданы три уезда – Себежский, Невельский и Велижский². Созданная в 1920 г. Брянская губерния вначале будет граничить на юго-западе с российской Гомельской губернией, которая в конце 1926 г. станет частью БССР, передав три уезда Брянщине – Стародубский, Клинцовский и Новозыбковский.

Именно в таком территориальном формате для Смоленской, Псковской и Брянской губерний, как приграничных российских регионов, и будут проходить все процессы в рамках белорусизации на протяжении 1920-х гг. Многие аспекты реализации данной политики в указанных российских губерниях, включая трудности и достижения, отражены в работах смоленских исследователей³. При постановке вопроса о степени необходимости белорусизации в российских регионах в условиях, когда этому противилось само белорусское население, авторами выдвигается тезис о значительном давлении Москвы в продвижении этой политики вплоть до начала 1930-х гг. Движение в обратную сторону, т. е. своего рода дебелорусизация, в российских регионах после постановления ЦК ВКП(б) от 2 марта 1933 г. «Об извращении национальной политики ВКП(б) в Белоруссии» и даже несколько ранее будет также инициировано Москвой. В 1933/34 гг. в районах созданной в 1929 г. приграничной с Белоруссией Западной области, объединившей в себе все субъекты российско-белорусского порубежья, будет происходить очередной, используя терминологию Ю. А. Борисёнка, «крутой поворот» в политике белорусизации.

После предварительных обследований белорусских школ, в августе 1934 г. последует вначале постановление бюро Западного обкома

2 После образования в 1929 г. Западной области с административным центром в Смоленске Велижский район перейдет в состав Смоленщины.

3 *Кобец О. В., Кодин Е. В.* Белорусизация на Смоленщине, 1920-е годы. Смоленск, 2021; *Кодин Е. В., Кобец О. В.* Белорусизация в российско-белорусском приграничье: Смоленщина, 1924–1929 гг. // *Белорусская думка*. 2019. № 8. С. 85–91; *Кобец О. В., Кодин Е. В.* Белорусизация: разные подходы и оценки в зарубежной историографии // *Вопросы истории*. 2022. № 4 (2). С. 155–165; *Кобец О. В.* «Приговоренные к белорусизации»: смоленские белорусы в 1920-е годы (к вопросу о численности) // *Известия СмолГУ*. 2021. № 1. С. 199–217 и др.

ВКП(б) «О сети белорусских школ», предписывавшее оставить белорусскими только те образовательные учреждения области, которые соответствовали требованиям национальной школы, как в части педагогического персонала, так и в части работы на родном языке. Следом был издан приказ Запоблоно о переводе с нового учебного года на русский язык не подпадавших под эти критерии белорусских школ.

Этот процесс не будет одномоментным. Он растянется на несколько лет. Последнее постановление Президиума областного исполнительного комитета по данному вопросу, уже в территориально самостоятельной Смоленской области, состоится только 31 августа 1938 г.; в русские школы реорганизовывались оставшиеся национальными 10 еврейских, 5 белорусских и 2 цыганские школы.

Фактически к середине 1930-х гг. в Западной области, в которую вошли все интересующие нас приграничные территории: полностью Смоленская и Брянская губернии и южная часть бывшей Псковской губернии в границах Великолукского округа, включая Себежский и Невельский уезды (районы), будет проведена своего рода «декоренизация» в вопросах национальной политики, произойдет отказ от навязываемого центральными властями в течение десятилетия создания национальных школ, перевода учебных заведений на родной для национальных меньшинств язык, внедрения его в работу сельских советов и иных учреждений.

В самом же начале 1930-х гг. тезис коренизации все еще будет оставаться в повестке дня партийных и советских органов власти в работе с нацменьшинствами.

В 1929 г. в только что образованной Западной области «громадное большинство населения» – 94,33 % составляли русские (почти 6 млн. чел.). Численность национальных меньшинств была около 400 тыс. человек, или 5,67 % всего населения области. Более четверти всех нацменьшинств составляли украинцы (136 тыс. чел.), причем 82 % из них жили в Клинцовском округе, непосредственно граничившем с Украиной. Следующей группой по численности являлись евреи – 95 тыс. человек. На третьем месте были белорусы – 78 тыс. человек. Далее шли латыши – 19 тыс., поляки – 13 тыс. и другие совсем малочисленные этносы⁴. Наиболее «пестрыми» в части национального состава

⁴ Государственный архив новейшей истории Смоленской области (далее – ГАНИСО). Ф. Р5. Оп. 1. Д. 304. Л. 226.

считались округа Великолукский, Клинцовский, Брянский и Смоленский. «Менее национальными» были Сухиничский, Ржевский и Вяземский округа, то есть не граничившие с Белоруссией районы.

Всего в области имелось 9 «чисто национальных» сельсоветов и 17 смешанных. Белорусских сельсоветов не было ни одного, даже в формате смешанных. В докладе «Об очередных задачах работы среди национальных меньшинств в Западной области» этот факт выделен следующим образом: «бросается в глаза полное отсутствие белорусских национальных сельсоветов»⁵.

Основным «отчетным показателем» степени коренизации национальных меньшинств являлись национальные школы и перевод их на родной язык преподавания. По данным областного отдела народного образования, в 1929–1930 учебном году в Западной области имелось 139 национальных школ первой ступени⁶; из них почти половину составляли белорусские (68 школ)⁷, 26 – еврейские, 19 – латышские, 11 – эстонские, 8 – украинские и др. Из 13 школ-семилеток почти все были еврейскими – 10 школ, 2 белорусские и 1 латышская. Было всего пять школ крестьянской / колхозной молодежи (ШКМ): две белорусские, по одной украинской, латышской и эстонской, и две школы-девятилетки – одна еврейская и одна белорусская⁸. Но не было белорусских ни детсадов, ни детдомов, ни профессионально-технических школ.

Отдельный тезис в докладе был посвящен ликвидации неграмотности. Он звучал так: «В системе народного образования до сего года не выделялась работа по ликвидации азбучной неграмотности среди национальных меньшинств на родном языке. Вся ликвидация неграмотности шла исключительно по изучению русской грамотности, и следует признать, что это поспособствовало выветриванию родного языка у национальных меньшинств»⁹.

5 Там же. Л. 227.

6 Положение о Единой трудовой школе 1918 г. устанавливало две ступени школьного образования: 1-я для детей в возрасте от 8 до 13 лет (5-летний курс), 2-я ступень для детей в возрасте 13–17 лет (4-летний курс).

7 Такой всплеск количества белорусских школ в значительной степени был искусственным, для нужной отчетности в Наркомпрос. Многие школы просто зачислялись в белорусские, работая в основном на русском языке. Это станет очевидным в результате инспекторских проверок начала 1930-х годов и послужит основанием для перевода их в статус русских школ.

8 ГАНИСО. Ф. Р5. Оп. 1. Д. 304. Л. 227.

9 Там же. Л. 228.

Общая же установка для руководства системой образования в области оставалась это время прежней: «Необходимо взять резкий курс на решительное внедрение в школу национального языка»¹⁰.

И этот тезис, как ни странно может показаться на фоне большого числа белорусских школ в сравнении даже в еврейскими (68 и 26 соответственно), в первую очередь относился именно к белорусским «национальным» школам. Инспектор по нацменработе Запоблоно З. Шефтер писал, что белорусизация в этих школах «хромает на обе ноги»¹¹, и уточнял – из-за плохого подбора педагогов и слабого знания ими белорусского языка, что и приводило к непопулярности белорусских школ. Давался пример: в 22 школах Невельского района, считавшихся белорусскими, только 7 учителей знали белорусский язык. В целом и по всему Великолукскому округу в 1930 г., как отмечал в своем отчете инспектор окружного исполкома Березин, только в 5 школах преподавание велось полностью на белорусском языке, в остальных – на русском.

Примечательна и общая оценка состояния «культурного обслуживания» белорусского населения в Западной области, попавшая в протокол заседания Центрального совета при Президиуме Западного облисполкома от 1 марта 1930 г., на котором обсуждалась работа среди национальных меньшинств области и отдельно вопрос о культурном обслуживании белорусов. Констатировалось отсутствие точного учета белорусского населения в области, в связи с чем как неотложная ставилась задача «изучения белорусских районов, имея в виду в первую очередь определение границ распространения белорусского языка в Западной области»¹². Работу эту предполагалось провести при участии Белорусской академии наук, Смоленского государственного университета, краеведческих организаций и учительства.

Не удивительно в связи с этим, что в официальные областные документы уже попадают такого рода оценки белорусских школ: они «только носят это название»¹³.

В июле 1930 г. комиссия по национальным делам при Запоблисполкоме при рассмотрении вопроса о состоянии нацменработы в Рославльском округе также констатировала чрезвычайно слабую степень

10 Там же. Л. 235.

11 Там же. Д. 1217. Л. 7.

12 Великолукский филиал Государственного архива Псковской области (далее – Великолукский филиал ГАПО). Ф. В-223. Оп. 1. Д. 670. Л. 4.

13 Там же.

коренизации белорусской школы, «продолжающей в общем работать на русском языке»¹⁴.

В информационных сводках и докладах о работе Совета по просвещению национальностей нерусского языка (Совнацмена) Наркомпроса такой подход находит более развернутую трактовку с очевидным политическим подтекстом. Приведем фрагмент одного из таких обзоров почти в полном варианте: «Партия и Советская власть уже давно указали: школа на родном языке необходима не только для отсталых нацмен, но для самых передовых. Но, практически же, мы в вопросе развертывания школы на родном языке среди западных нацмен до сих пор встречаем в местных органах народного образования большее или меньшее сопротивление, в лучшем случае пассивное отношение, что сказывается на результатах работы. Самым ярким примером такого отношения служит работа среди украинцев и белорусов – вопрос, достаточно шумевший в прессе и стоящий в настоящее время на очереди в высших партийных и советских инстанциях [...] В результате получается нечто совершенно недопустимое: национальности имеют свои республики в пределах СССР (украинцы, белорусы) [...], в своих республиках они имеют густую сеть школ исключительно на родном языке, имеют богатейшую литературу и вообще культуру, и вдруг то или иное Губоно находит, что все это для представителей данных национальностей, находящихся на его территории, совершенно не нужно [...] Этот путь может повести к насильственной ассимиляции значительной части нац. населения»¹⁵.

Такой настрой быстро подхватывает местная печать. Так, автор одной из публикаций в основном печатном органе Западной области, газете «Рабочий путь», уже легко обвиняет местные власти в национал-шовинизме. В номере за 15 декабря 1929 г. читаем: «Проблема родного языка для нацменьшинств у нас в области совершенно еще не разрешена. Знание русского языка для нацменьшинств в сношениях с органами власти, по сути дела, у нас в Западной области еще обязательно. Конечно, нет у нас такого закона или обязательного постановления, по которому крестьянин-латыш не мог бы послать, примерно, в ближайший рик или в суд заявление на латышском языке, но фактическая обстановка такова, что она вынуждает его писать на русском языке. Тем самым русский язык становится принудительным языком

14 Там же. Д. 671. Л. 15.

15 Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-296. Оп. 1. Д. 323. Л. 65.

для нацменьшинств»¹⁶. В такой сложной обстановке, формируемой инициативно верховной властью и активно тиражируемой региональными печатными изданиями, местным властям во избежание обвинений в великодержавном шовинизме приходилось реагировать соответствующим образом зачастую вопреки имевшим место реалиям.

Способствовали этому и озвучиваемые в верхах «победоносные» показатели достижений и планов на самое ближайшее будущее. Как, например, в докладе председателя Комитета совета национальных меньшинств Наркомпроса РСФСР А. Р. Рахимбаева на первом всероссийском съезде по всеобучу 19 февраля 1931 г. «О всеобуче среди национальностей РСФСР» говорилось, что власти и работники на местах «долгое время считали украинцев и белорусов ассимилированными с русскими и поэтому не считали нужным вести преподавание на их родном языке [...], и только после разъяснения XVI съезда партии в этом деле мы имеем громадный сдвиг: в ЦЧО 80 % украинских школ переведены на украинский язык; в Западной области 60 % белорусских школ переводятся на родной язык в 1931 году...»¹⁷.

Практически эти же показатели прозвучат и в докладе заведующего Запоблоно Карлика 11 марта 1932 г. на заседании Президиума созданного в 1929 г. Комитета по просвещению национальных меньшинств РСФСР Наркомпроса (Комнаца) о состоянии культурно-просветительной работы среди национальных меньшинств Западной области.

«Коренизация в основном у нас проведена, – констатировал докладчик, – т. е. национальные школы в основном работают у нас на родном языке, за исключением белорусских и украинских школ, которые коренизированы в среднем на 50–60 %»¹⁸. Далее следовало уточнение, какие школы областные власти считали национальными. В эту категорию зачислялись в том числе и те учебные заведения, которые работали на национальных языках, но «без полного обеспечения учителями, которые могли бы преподавать на родном языке». Они все равно считались школами национальными, «поскольку большинство школьных предметов преподается на родном языке»¹⁹. В конце же следовало довольно обтекаемое признание, что «если все национальности работают на родном языке, то в отношении украинских и белорусских школ

16 Рабочий путь. 1929. 15 декабря.

17 ГА РФ. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 467. Л. 11.

18 Там же. Д. 479. Л. 4 об.

19 Там же.

дело обстоит неблагоприятно»²⁰. С пояснением, что под «неблагополучием» понималось наличие в белорусских школах отдельных дисциплин, которые «еще преподаются не на родном языке»²¹.

В целом работа в Западной области велась в самом начале 1930-х гг. по установкам коллегии Наркомпроса, определившей 26 декабря 1930 г. предельные сроки завершения «полной коренизации», т. е. полного перевода национальных школ на родной язык: по школам I ступени – не позже 1931/32 г., средней школы – не позже 1932/33 г. и высшей – 1933/34 г.²²

Для выполнения этого постановления приказом Наркомпроса от 20 января 1931 г. была создана бригада, а с 14 апреля 1931 г. – Комиссия по коренизации, работа, которой была признана коллегией Наркомпроса неудовлетворительной²³, а сроки завершения украинизации и белорусизации начальной школы по РСФСР в целом сдвигались на 1932/33 учебный год²⁴.

В архивных документах имеется статистический материал по детям-белорусам школьного возраста. В 1931 г. по всей Западной области всего было 8 912 детей-белорусов в возрасте от 6 до 14 лет²⁵. При этом белорусский язык как разговорный язык в семье указан всего у одного 6-летнего, одного в возрасте 8 лет, одного в 14 лет, у двоих 11-летних, троих 12-летних, четырех 8-летних и по 5 человек в возрасте 7 и 9 лет²⁶. Если исходить из ранее отмеченного нами основного требования к определению родного языка как языка бытового, т. е. и семейного общения, то по этому показателю у местных властей не было оснований к обязательному открытию белорусских школ.

Но общая установка на максимальное их создание продолжала работать. И, к примеру, летом 1931 г. Невельский райисполком, учитывая «слабое до этого года развертывание нацмен школьной сети в с/сов.[етах] с компактной массой белорусского населения», принимал решение с нового учебного года все школы Дубининского, Доминиковского и Соминского сельсоветов, всего 13 школ, «перевести целиком на белорусский язык». При этом здесь же звучала и реальная оценка положения дел с учительскими кадрами: после перевода

20 Там же.

21 Там же. Л. 5.

22 ГА РФ. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 452. Л. 35.

23 Там же. Л. 34.

24 Там же. Л. 37.

25 Государственный архив Смоленской области (далее – ГАСО). Ф. Р-2350. Оп. 1. Д. 425. Л. 7.

26 Там же. Л. 18.

этих школ на белорусский язык общая нехватка «белорусских кадров» должна была вырасти до цифры 18 человек, «каковые на месте в районе изысканы быть не могут». Надежды возлагались на помощь со стороны Запоблоно²⁷. А по всем 118 школам запланированной сети Невельского района общая нехватка в педагогах составляла 78 человек. И это только по одному району! И в то время, когда для местных органов власти главным в образовательной сфере являлся вопрос введения всеобщего, срыв сроков которого был недопустим.

Но для Наркомпроса также важным оставался и вопрос коренизации школ национальных меньшинств. Директивы центрального ведомства по этому вопросу не становились мягче. Скорее наоборот. Как, например, установка перевести на родной язык с 1931/32 учебного года все нацмень-школы повышенного типа. А кадровый вопрос предлагался к решению следующим образом. Предписывалось переводить на работу из общих школ в национальные всех «преподавателей-националов» или владеющих национальным языком. Все предметы в национальных школах должны были преподаваться на родном языке. Преподавателей, не владевших языком учащихся, следовало по возможности заменить «путем соответствующих переводов и перемещений»²⁸.

На практике же последняя установка мало где могла работать. В реалиях того времени переезд даже внутри одного района был трудноразрешимой задачей. Да и директивно такого рода вопросы не могли решаться. И потому основной проблемой и главным тормозом в политике коренизации для белорусских школ оставался так и не сдвинувшийся с места на протяжении десятилетия вопрос учительских кадров.

Местные ресурсы исчерпаны, писал в Запоблоно летом 1931 г. председатель Невельского РИКа и просил о помощи в вопросе комплектования кадров, чтобы не сорвать белорусизацию в районе, «как и в прошедшем году»²⁹. Весной 1932 г. по всем обследованным 16 белорусским школам Монастырщинского района следовало одинаковое заключение: «учителя плохо владеют белорусским языком». К этому шел комментарий с пояснением, что не только школа виновата в низком качестве работы национальных учебных заведений. Вопрос все громче ставился в иной плоскости: а зачем вообще проводить белорусизацию в школах и переводить преподавание на белорусский язык,

27 Там же. Д. 411. Л. 366.

28 Там же. Л. 497.

29 Там же. Л. 381.

если «окружающее население говорит на русском языке, и [...] работа в госучреждениях проводится тоже на русском языке»³⁰. Особо весомым аргументом здесь являлся непреложный факт полного отсутствия белорусских сельских советов. Не было ни одного, хотя бы смешанного. Что одновременно являлось и косвенным подтверждением отсутствия мест компактного проживания белорусского населения в приграничных российских регионах.

Но наработанными ранее ВЦИК и Наркомпросом РСФСР установками на продолжение коренизации для белорусских школ местные власти будут продолжать руководствоваться вплоть до 1933/34 г. Знаковым и рубежным событием для крутого поворота в политике белорусизации как в самой республике, так и тем более в российских регионах станет постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 марта 1933 г. «Об извращении национальной политики ВКП(б) в Белоруссии». В документе прямо говорилось о недопустимости «прямого запрещения пользования русским языком в обращениях к государственным или иным органам в Белоруссии» и преследования за русскую речь даже в частной обстановке. Это должно было рассматриваться как прямое извращение национальной политики партии³¹.

Политические оценки поменялись, но какого-либо резкого разворота от политики коренизации в белорусских национальных школах в одночасье не последовало. Все же в 1932/33 учебном году в Западной области значилось 72 начальные белорусские школы и 17 средних. Довольно значительной была и численность учащихся в них: 7 767 чел. по начальной и 1903 ученика по средней школе при плановом увеличении на 1933/34 учебный год до 8 813 чел. в начальной и 2538 чел. по средней школе³².

В августе 1934 г. вначале последует постановление бюро Западного обкома ВКП(б) «О сети белорусских школ», и за ним приказ Запоблоно о переводе с нового учебного года белорусских школ на русский язык. Однако до принятия этих документов в национальных школах будут осуществлены соответствующие проверки.

Подавляющее большинство актов проверок будут говорить об одном – о «как бы» белорусских национальных школах в исследуемых нами приграничных с Белоруссией российских регионах.

30 Там же. Д. 751. Л. 390.

31 ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. / сост.: Л. С. Гагагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. М., 2005. С. 702.

32 ГАСО. Ф. Р-2350. Оп. 1. Д. 1131. Л. 88.

Возьмем для примера акты обследования Руднянского района. На момент проверки в районе было всего 147 школ. Из них 12 белорусских, 2 еврейские и 1 литовская. Из 12 белорусских школ 7 относились к категории начальных, а 5 – неполных средних (НСШ). Во всех этих школах обучалось 1734 ученика, что составляло 9 % ко всему контингенту учащихся района³³.

До 1925 г. на территории Руднянского района (тогда уезда) не было ни одной белорусской школы. Процесс белорусизации начался в местечке Любавичи по инициативе одного из местных учителей. К определению детского контингента, подлежащего обучению на белорусском языке как на родном, отнеслись тогда «без должного изучения и учета требований населения». В результате были открыты белорусские школы в таких населенных пунктах, где разговорный язык населения ничем не отличался от языка населения с русскими школами в округе. На момент обследования на расстоянии 3–4 км от каждой белорусской школы имелись русские школы.

Сама Любавичская неполная средняя школа находилась в 10 км от границы с Белоруссией. Она располагалась в двух школьных зданиях с достаточными площадями. Занятия велись в одну смену. Комплектовалась школа детьми Любавичского сельсовета и выпускниками находившейся в 4 км русской Ефремовской начальной школы. Количество учащихся в школе было значительным – 330 человек. Преподавание в первых 4 классах велось на белорусском языке. На русском языке преподавались предметы – математика, физика, химия, естествознание, география³⁴.

Руднянская белорусская начальная школа открылась в 1928 г. как базовая школа для создаваемого в то время в Рудне на основе белорусской девятилетки белорусского педагогического техникума. Интересен был принцип ее комплектования: если отец являлся коренным местным жителем, то он и его ребенок автоматически считались белорусами и, в обязательном порядке, учащийся направлялся в белорусскую школу³⁵. Когда же в 1933 г. от этого принципа отказались, то при свободном наборе в первый класс поступило всего 5 человек, и то не из Рудни, а из соседней деревни Буторово, по той причине, что в старших классах Руднянской школы учились их братья и сестры. Большинство же детей деревни Буторово ходили в свою деревенскую русскую школу³⁶. В Руднянской школе

33 Там же. Д. 1149. Л. 245.

34 Там же. Л. 242.

35 Там же. Л. 245, 249.

36 Там же. Л. 238.

было 59 учащихся. Занятия в школе велись на белорусском языке. Школа была обеспечена учебниками как на русском, так и на белорусском языке. Учителя хорошо владели белорусским языком, сами являлись белорусами. Русский язык как предмет изучался с 3 класса³⁷.

Совсем иными были заключения по трем другим начальным белорусским школам района – Кривинской, Одринской и Затесской. Школа «совершенно не коренизирована». Как учащиеся, так и учителя белорусского языка не знают. Разговорный язык учащихся – русский с примесью белорусских слов. Большинство учителей считали себя русскими, и их разговорная речь в быту велась на русском языке³⁸.

В целом по Руднянскому району дополнительно отмечалось, что к белорусизации школ часть населения отнеслась пассивно, большинство же хотело, чтобы их дети учились в русских школах. При этом подчеркивалось, что все советские и культурные учреждения района (сельсоветы, избы-читальни...) вели работу на русском языке³⁹.

Как открывались белорусские школы в далеком от Рудни Гордеевском районе (юго-запад нынешней Брянской области), в докладной записке на имя заведующего Западного губоно Н. С. Резникова изложил заведующий районного отдела образования. В районе имелось три белорусские школы: Антоновская и Шавинская начальные и Струго-Будская НСШ. «На протяжении 7-летнего существования их, – признавал заведующий, – приходилось несколько раз принимать меры воздействия на граждан, требующих русскую школу, и все-таки осенью 1933 г. д. Антоновки организованно не послала детей в школу. После проведенной работы дети были посланы, а часть граждан отдали своих детей в другие советы, т. е. в русскую школу. Сейчас опять поступают заявления от гр-н коллективно об открытии русской школы и просьба со стороны совета деревни Антоновки. Колхозники требуют такой школы, которая бы учила их на русском родном языке организовывать хозяйства, а не языко-обучение. [...] Я считаю, что колхозники правы, и нам пора перестать [...] калечить детей, которые изучают белорусский язык только для того, чтобы как наказание дразнить белорусскими словами товарищей по школе»⁴⁰.

Интересно и описание механизма открытия указанных школ. Заведующий районо в довольно резких формулировках представлял

37 Там же. Л. 249.

38 Там же. Л. 238.

39 Там же. Л. 245–245 об.

40 Там же. Л. 240.

процесс так: «Насаждали эти школы таким образом: в 1926 году приезжал некто инспектор белорусских школ т. Слесаренко по Клинцовскому уезду и на общем собрании говорил, что население ваше – белорусское, вас все равно присоединят к Белоруссии, а ваша школа будет белорусская... Все проголосовали против белорусской школы в 1926 г. Но школы были открыты. Нет ничего удивительного в том, что через 7 лет работы белорусской школы требуют русскую»⁴¹. И в самом конце явно выстраданное: «Нет такой необходимости иметь белорусские школы там, где нет белорусского населения»⁴².

Результаты обследования всех белорусских школ стали основанием для принятия бюро Западного обкома ВКП(б) в августе 1934 г. постановления «О сети белорусских школ». В нем наиболее сильной по формулировкам была вводная часть, в которой констатировалось ранее невозможное для публичного заявления. Высший партийный орган признавал, что «ряд белорусских школ области организованы без учета условий для их работы» и что «значительная часть этих школ по существу не коренизированы, а работают на русском языке»⁴³. В связи с чем перед облоно ставилась задача пересмотреть сеть белорусских школ, оставив как белорусские только те из них, которые имели «все условия для работы (разговорный язык, учительский состав)»⁴⁴.

Далее 23 августа 1934 г. последовал приказ Западного облоно о переводе с нового учебного года на русский язык первых белорусских школ. В первоначальном варианте приказа фигурировали четыре района (Невельский, Руднянский, Хиславичский и Гордеевский). Но в итоговом документе Хиславичский район был вычеркнут. Всего в приказе оказалось 13 школ. По большинству же пока не затронутых белорусских школ ставилась задача их полной коренизации и укрепления педагогическими кадрами⁴⁵.

То было своего рода осторожное пробное начало. После десятилетия активного продвижения темы коренизации местные власти не спешили с радикальными действиями. Тем более что имелись примеры и успешной работы белорусских школ. При этом общий курс на укрепление позиций русского языка и русских школ продолжался. У местных властей российских регионов появлялось больше свободы действий: теперь никто

41 Там же.

42 Там же.

43 Там же. Л. 232.

44 Там же.

45 Там же. Л. 238 об.

не требовал «обязательной» белорусизации, была возможность спокойно оценить сделанное и определить шаги на ближайшее будущее.

В такой ситуации в 1934 г. был сформирован список белорусских школ Западной области, где напротив каждого учебного заведения имелась приписка с предложением: или оставить школу белорусской, или перевести в статус русской. Всего в списке с белорусскими школами было шесть районов области: Руднянский, Хиславичский, Монастырщинский, Невельский, Гордеевский и Шумячский. Таким образом, четыре района являлись базово смоленскими, один был брянским (Гордеевский) и один псковским (Невельский).

Общее количество белорусских школ в списке – 68. Из них предлагалось оставить белорусскими – 22, перевести в русские – 34, закрыть как малокомплектные – 2. По десяти школам Шумячского района сроки определения статуса сдвигались на конец лета 1934 г., но они уже были занесены в данный список. Примечательно, что на Брянщине, по наработанным предложениям, не должно было остаться ни одной белорусской школы, на Псковщине из 12 белорусскими оставались 10. На Смоленщине наибольшая «чистка» предлагалась по Руднянскому району (белорусскими оставались только две школы из 12) и по Монастырщинскому (оставить из 23 белорусскими только 5, остальные перевести в русские)⁴⁶.

В декабре 1934 г. Коллегия Наркомпроса РСФСР, рассматривая вопрос об итогах и задачах коренизации национальной культурно-просветительной сети в РСФСР, своими решениями еще больше закрепила общий курс на повышение роли русского языка. Коренизация в целом оценивалась как огромный успех ленинской национальной политики «в деле создания, укрепления и роста школы на родном языке»⁴⁷. Признавались и ошибки в ходе ее проведения: имел место «механический подход» к вопросам коренизации, когда последняя превращалась в самоцель – «коренизация во что бы то ни стало». На практике это приводило к «грубейшим извращениям и перегибам» в деле коренизации, когда последняя проводилась «чисто административными методами» без учета исторических, социально-экономических, политических и культурно-бытовых условий⁴⁸. Особо подчеркивалась важность качественного и своевременного обучения в школах нацменьшинств русского языка как «второго». На русском

46 Там же. Л. 280 об.–284.

47 Там же. Д. 1350. Л. 35.

48 Там же.

языке теперь даже разрешалось вести занятия по отдельным предметам и проводить внешкольную работу⁴⁹.

С большим опозданием, конечно, но все же было дано и пояснение, что следовало понимать под родным языком. Этот важнейший вопрос поднимался еще в середине 1920-х г. так называемой комиссией Луначарского, а на ее заседании 20 июля 1926 г. при обсуждении резолюции «Национальный язык, его роль и место в просветительной работе среди национальностей нерусского языка» предписывалось: как правило, эту работу среди национальностей не русского языка следовало вести на родном языке, которым при поступлении ребенка в школу должен был считаться «его и окружающей среды разговорный язык»⁵⁰. В тексте резолюции отдельно звучало требование рассматривать белорусов и украинцев, проживающих на территории РСФСР, «как национальные меньшинства и вести среди них работу на родном языке»⁵¹.

По истечении почти 10 лет Коллегия Наркомпроса вернулась к этому вопросу и определила родной язык как «живой, разговорный язык масс, язык ребенка, его семьи, быта, окружения, язык наиболее понятный и доступный ему»⁵². И дополнением к этому стала впервые прозвучавшая установка на недопустимость подмены родного языка, в указанном выше понимании, языком национальным, т. е. «языком формальной национальной принадлежности», поскольку именно эта «сознательная или бессознательная подмена» и стала, в оценке Наркомпроса, одним из «вреднейших уклонов в деле коренизации», что и вело на практике «к грубейшим извращениям»⁵³.

На начало 1935/36 учебного года по данным 78 районов и 3 городов Западной области в регионе оставалось 12 белорусских школ, в которых обучалось 1017 детей-белорусов в 1–4 классах и 322 учащихся в 5–7 классах; всего – 1339 человек. На фоне общего числа 5554 русских школ области, где только в одних начальных классах было почти 455 тыс. учеников при общей численности около 870 тыс. учащихся, это были, конечно, совсем незначительные цифры⁵⁴.

Как видим, имевший место разворот в деле белорусизации в приграничных российских регионах не был резким и одномоментным. Процесс перевода белорусских школ в русские растянется на несколько лет.

49 Там же. Л. 39, 40.

50 ГА РФ. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 184. Л. 58.

51 Там же. Л. 60.

52 ГАСО. Ф. Р-2350. Оп. 1. Д. 1350. Л. 36.

53 Там же.

54 Там же. Д. 1857. Л. 2.

Последнее решение Президиума областного исполнительного комитета по данному вопросу, уже в территориальных границах самостоятельной Смоленской области, состоится 31 августа 1938 г.: в русские школы с 1 сентября реорганизовывались остававшиеся до того национальными 10 еврейских, 5 белорусских и 2 цыганские школы⁵⁵.

Источники и литература

Борисёнок Ю. А. «Белорусизация» 1920-х годов // Вопросы истории. 2008. № 6. С. 133–136.

Борисёнок Ю. А. На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века. М.: ООО «Родина МЕДИА», 2013. 351 с.

Борисёнок Ю. А. Польский фактор в национальной политике советской власти в Белоруссии в 1920–1930-е годы // Новая и новейшая история. 2013. № 6. С. 55–65.

Дроздов К. С. Белорусизация в Советской России в 1920–1930-е гг.: цели, методы и результаты // История народов России в исследованиях и документах: К юбилею В. В. Трепавлова. Вып. 9. М.: Институт российской истории РАН, 2022. С. 204–225.

Кобец О. В. «Приговоренные к белорусизации»: смоленские белорусы в 1920-е годы (к вопросу о численности) // Известия СмолГУ. 2021. № 1. С. 199–217. DOI: 10.35785/2072-9464-2021-53-1-199-217

Кодин Е. В., Кобец О. В. Белорусизация в российско-белорусском приграничье: Смоленщина, 1924–1929 гг. // Белорусская думка. 2019. № 8. С. 85–91.

Кобец О. В., Кодин Е. В. Белорусизация на Смоленщине, 1920-е годы. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2021. 165 с.

Кобец О. В., Кодин Е. В. Белорусизация: разные подходы и оценки в зарубежной историографии // Вопросы истории. 2022. № 4 (2). С. 155–165.

Короткова Д. «Укрупнение БССР» в 1923–1924 годы: фактор советского влияния в Польше // Славяноведение. 2018. № 5. С. 48–59. DOI: 10.31857/S0869544X0000850-8

Рабочий путь. 1929. 15 декабря.

Судьбы национальных меньшинств на Смоленщине, 1918–1938 гг.: Документы и материалы / Гос. арх. Смол. обл.; [сост. Г. Н. Мозгунова и др.]. Смоленск: Смол. гос. пед. ин-т, 1994. 317 с.

⁵⁵ Судьбы национальных меньшинств на Смоленщине, 1918–1938 гг.: Документы и материалы. Смоленск, 1994. С. 307.

ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. / сост. Л. С. Гатагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. М.: РОССПЭН, 2005. 784 с.

References

Borisenok, Iu. A. “Pol’skii faktor v natsional’noi politike sovetskoii vlasti v Belorussii v 1920–1930-e gody.” *Novaia i noveishaia istoriia*, 2013, no 6. pp. 55–65.

Borisenok, Iu. A. “«Belorusizatsiia» 1920-kh godov.” *Voprosy istorii*, 2008, no 6, pp. 133–136.

Borisenok, Iu. A. *Na krutykh povorotakh belorusskoi istorii: Obshchestvo i gosudarstvo mezhdru Pol’shei i Rossiei v pervoi polovine XX veka*. Moscow: OOO «Rodina MEDIA», 2013, 351 p.

Drozdov, K. S. “Belorusizatsiia v Sovetskoii Rossii v 1920–1930-e gg.: tseli, metody i rezul’taty.” *Istoriia narodov Rossii v issledovaniakh i dokumentakh: K iubileiu V. V. Tre-pavlova*. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN, 2022, vol. 9, pp. 204–225.

Kobets, O. V. “«Prigovorennnye k belorusizatsii»: smolenskie belorusy v 1920-e gody (k voprosu o chislennosti).” *Izvestiia SmolGU*, 2021, no 1, pp. 199–217. DOI: 10.35785/2072-9464-2021-53-1-199-217

Kobets, O. V., Kodin, E. V. *Belorusizatsiia na Smolenshchine, 1920-e gody*. Smolensk: Izdatel’stvo SmolGU, 2021, 165 p.

Kobets, O. V., Kodin, E. V. “Belorusizatsiia: raznye podkhody i otsenki v zaru-bezhnoi istoriografii.” *Voprosy istorii*, 2022, no 4 (2), pp. 155–165.

Kodin, E. V., Kobets, O. V. “Belorusizatsiia v rossiisko-belorusskom prigranich’i: Smolenshchina, 1924–1929 gg.” *Belorusskaia dumka*, 2019, no 8, pp. 85–91.

Korotkova, D. “«Ukrupnenie BSSR» v 1923–1924 gody: faktor sovetskogo vliianiia v Pol’she.” *Slavianovedenie*, 2018, no 5, pp. 48–59. DOI: 10.31857/S0869544X0000850-8

Sud’by natsional’nykh men’shinstv na Smolenshchine, 1918–1938 gg.: Dokumenty i materialy, compl. by G. N. Mozgunova et al. Smolensk: Smol. gos. ped. institut, 1994, 317 p.

TsK RKP(b) – VKP(b) i natsional’nyi vopros. Kniga 1. 1918–1933 gg., compl. by L. S. Gataгова, L. P. Kosheleva, L. A. Rogovaia. Moscow: ROSSPEN, 2005, 784 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.07

O. V. Kobets

The End of Belarusization in the Russian-Belarusian Borderlands in the 1930s

Olga V. Kobets

Candidate of History, senior research fellow

Smolensk State University

214000, Ul. Przhevalskogo 4, Smolensk, Russian Federation

E-mail: kobets.olga@yandex.ru

ORCID: 0000-000-6058-160X

Citation

Kobets O. V. The End of Belarusization in the Russian-Belarusian Borderlands in the 1930s // *Slavic Almanac*. 2026. No 1–2. P. 159–177 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.07

Received: 06.09.2025.

Revised: 17.02.2026.

Accepted: 17.03.2026.

The study was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 24-28-00859 “Belarusization in the Russian-Belarusian border region in the 1920s and 1930s: the practice of nation-building”, <https://rscf.ru/project/24-28-00859/>.

Abstract

The article examines the final stages of the Belarusization policy in the Russian regions bordering the BSSR, which in 1929 became part of the Western Oblast (the Smolensk, Bryansk, and much of the Pskov governorates). The de-belarusization process was largely triggered by the March 2, 1933, resolution of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) “On the Distortion of the National Policy of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) in Belorussia,” though some signs of this shift, also initiated by Moscow, appeared earlier. Notably, throughout the 1920s, local authorities generally resisted Belarusization, which was implemented primarily under constant pressure and oversight from Moscow. However, once the central government ceased to enforce these policies, local structures did not immediately move to curtail the “korenizatsiia” (indigenization) efforts. The reversal of Belarusization in the Russian border regions was neither sudden nor instantaneous; the conversion of Belarusian schools into Russian ones spanned several years. The final decision by the Presidium of the Regional Executive Committee on this matter — within the borders of the then-independent Smolensk Oblast — was issued on August 31, 1938, when the last remaining national schools (Jewish, Belarusian, and Romani) were reorganized into Russian-language institutions.

Keywords

Korenizatsiia, Belarusization, national minorities, Belarusian schools, Russian-Belarusian borderlands, Western Oblast.

Белорусская политическая эмиграция в Западной Германии в начале Холодной войны (1945–1960)

Баринов Игорь Игоревич
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Россия
E-mail: i.barinov@inslav.ru
ORCID: 0000-0003-0154-1506

Цитирование

Баринов И. И. Белорусская политическая эмиграция в Западной Германии в начале Холодной войны (1945–1960) // Славянский альманах. 2026. № 1–2. С. 178–193. DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.08

Статья поступила в редакцию 29.07.2025.

Рецензирование завершено 09.02.2026.

Статья принята к публикации 17.03.2026.

Аннотация

В статье рассматривается деятельность белорусских политических эмигрантов на раннем этапе Холодной войны – сперва в союзнических оккупационных зонах, а затем в ФРГ. После окончания Второй мировой войны на территории Германии оказалась значительное количество «перемещенных лиц» белорусского происхождения. За влияние среди них боролись две политических силы – Белорусская Центральная рада (БЦР) и Рада Белорусской народной республики (БНР). Их главы – Радослав Островский и Николай Абрамчик – претендовали на координацию всей белорусской эмиграции на Западе. В годы войны активисты обеих организаций так или иначе сотрудничали с нацистами и в изменившихся условиях стремились вписать себя в новую антикоммунистическую повестку. Результаты этого соперничества оказались противоречивыми. С одной стороны, Рада БНР сыграла свою роль в организации белорусского подразделения Института по изучению СССР в Мюнхене, однако затем перешла скорее в подчиненную позицию по отношению к США. Вместе с тем руководство БЦР сумело вписать свою деятельность в более широкий контекст, присоединившись к Антикоммунистическому блоку народов,

при этом сохранив за собой политическое представительство и собственные структуры в Западной Германии.

Ключевые слова

Холодная война, Западная Германия, перемещенные лица, белорусская эмиграция.

После окончания Второй мировой войны количество выходцев из Советского Союза, оказавшихся в западных зонах оккупации Германии, насчитывало миллионы людей. В основном это были бывшие военнопленные и «перемещенные лица» (принудительно вывезенные или добровольно выехавшие на территорию рейха) самых разных национальностей, в том числе белорусы. Оценка общего числа представителей этой группы в наши дни вызывает серьезные затруднения. По прошествии лет неясно, идет ли речь об уроженцах БССР, менявшей свои границы между 1921 и 1939 гг., генерального округа «Белоруссия» времен оккупации, не совпадавшего с территорией довоенной республики, или этнических белорусах. Из-за этого разброс в цифрах получается довольно значительным. Так, по данным Белорусской Центральной рады (БЦР), организованной немцами на оккупированной территории, в конце 1944 г. в рейхе находилось 700 тыс. белорусов, включая остарбайтеров, военнопленных польской и Красной армий, беженцев и эвакуированных. Сведения СНК БССР на конец 1945 г. свидетельствуют о 400 тыс. угнанных, из которых возвратилось около 125 тыс. человек¹. Согласно данным очевидца из числа «перемещенных лиц», в зонах союзнической оккупации после конца войны находилось до 300–400 тыс. белорусов². По оценке Белорусского национального центра (БНЦ) в Регенсбурге, в 1947 г. в Западной Германии находилось от 75 до 100 тыс. белорусских невозвращенцев³. Все перечисленные цифры представляются завышенными, однако речь, несомненно, шла о десятках тысяч человек.

Белорусы были рассредоточены во множестве лагерей. Больше всего их было в Остергофене, Розенхайме и Михельсдорфе (на

1 Белорусские остарбайтеры. Т. 2. Минск, 1997. С. 360, 381.

2 Francis Skaryna Belarusian Library and Museum (Белорусская библиотека и музей Франциска Скорины в Лондоне). Белорусский рэзистанс [рукопись на русском языке, автор неизвестен]. Л. 7.

3 *Гардзіенка А.* Беларуская Цэнтральная Рада (БЦР): стварэнне, дзейнасць, заняпад, 1943–1995. Мінск, 2016. С. 179.

белорусский манер его называли «Михасёвка»), которые находились в американской зоне оккупации. Еще один лагерь, Ватенштет, располагался в британской оккупационной зоне. Между 1945 и 1950 гг. там происходила достаточно большая активность белорусской диаспоры: работали средние школы (гимназии имени Купалы и Богдановича), выпускалась, несмотря на запрет оккупационных властей, многочисленная периодика (по большей части недолговечная), шла культурно-просветительская работа⁴.

За умы и сердца этих людей развернулась нешуточная борьба двух белорусских политических сил – уже упоминавшейся БЦР и Рады Белорусской народной республики (БНР), действовавшей в изгнании еще с 1919 г. Все белорусские национальные активисты так или иначе ассоциировали себя с одной из этих структур. У каждой из них были свои сильные и слабые стороны. Лидер БЦР, математик Радослав Островский (1887–1976), одно время пользовался популярностью в межвоенной Польше как организатор образования на белорусском языке (в каждой белорусской школе висел его портрет). Островский противопоставлял себя Раде БНР, стремясь создать альтернативное политическое представительство. В годы нацистской оккупации Островский работал на немцев, сумев привлечь на свою сторону определенную часть белорусского сообщества. Тем не менее в глазах союзников (а также части белорусов) Островский, несмотря на его прошлые заслуги, выглядел прежде всего нацистским коллаборантом, что заметно ослабляло его позиции. Это заставило БЦР в сентябре 1945 г. приостановить свою деятельность⁵.

Лидирующие позиции в Раде БНР в это время занял экономист Николай Абрамчик (1903–1970). С довоенных лет он жил во Франции, во время войны так же, как и Островский, сотрудничал с нацистами, однако из-за внутреннего конфликта в среде белорусской эмиграции был вынужден вернуться в Париж. Впоследствии это позволило ему выступать в роли «антифашиста» и распространить этот статус на всю Раду, хотя ряд ее представителей были активными немецкими коллаборантами. Не в пользу Абрамчика играли два обстоятельства. С одной стороны, это касалось преемственности власти в Раде БНР. После смерти в марте 1943 г. в Праге главы Рады Василия Захарко

4 Подробнее об этом см.: *Вініцкі А.* Матар’ялы да гісторыі беларускай эміграцыі ў Нямеччыне ў 1939–1951 гадох. Менск, 1994; *Кіпель В.* Жыць і дзець: успаміны. Мінск, 2015. С. 151–185.

5 *Гардзіенка А.* Беларуская Цэнтральная Рада (БЦР)... С. 184.

Абрамчик, получив в свои руки некоторые документы Рады, объявил себя его наследником. Данный акт был неоднозначно воспринят в белорусском политикуме и поднял вопрос о юридической правомочности действий Абрамчика. Кроме того, претендуя на роль президента БНР для белорусов Западной Германии – самой большой и активной на тот момент группы в Европе, – Абрамчик находился за ее пределами. Поскольку союзники если не запрещали, то заметно ограничивали политическую и издательскую деятельность эмигрантов, Абрамчик мог попасть в зоны оккупации лишь по транзитной визе, нечасто и на короткий срок, и участвовал в официальных мероприятиях как частное лицо⁶.

Тем не менее к концу 1947 г. Абрамчику удалось вытеснить из БНЦ почти всех сторонников Островского, кроме тех, кто выказал лояльность лидеру Рады БНР. Тогда же БНЦ переехал из Регенсбурга в Остергофен, располагавшийся там же, в Баварии. Здесь в ноябре 1947 г. начала выходить первая легальная белорусская газета – «Бацькаўшчына» («Отчизна»), а 29 декабря того же года, согласно документам, произошло официальное восстановление работы Рады БНР⁷. Как писал белорусский историк Олег Гордиенко, исследовавший деятельность БЦР, в основе раскола лежали скорее личные взаимоотношения и персональные амбиции лидеров, для остальных же он не имел непреодолимого характера⁸. Действительно, после упадка БЦР часть ее приверженцев перешли на сторону Рады, однако большинство сохранило верность своему лидеру. Антагонизм между двумя белорусскими организациями был настолько сильным, что их сторонники даже не заключали браки с представителями противоположного лагеря.

Стоит отметить, что Островский, несмотря на кажущееся поражение, тонко ощущал предстоящие перемены, связанные с усилением противоречий СССР и его бывших союзников. Фактически уступив Абрамчику лидерство в белорусском сообществе, Островский совершил своеобразный политический гамбит. Возобновив работу БЦР, ее лидер перевел своих соратников под эгиду Антибольшевистского блока народов (АБН) в Мюнхене. Эта зонтичная структура, основанная одним из лидеров украинских националистов Ярославом Стецько,

6 Гардзіенка Н. С., Юрэвіч Л. Н. Рада БНР, 1947–1970: падзеі, дакументы, асобы. Мінск, 2013. С. 10–15.

7 Там же. С. 16–17.

8 Гардзіенка А. Беларуская Цэнтральная Рада (БЦР)... С. 234–235.

объединяла ряд антикоммунистических эмигрантских организаций как из Советского Союза, так и из контролируемой им Восточной Европы. Участие в АБН отвечало сразу двум целям Островского – сохранению политической субъектности в роли «единственного законного представителя» белорусского народа и определенной реабилитации после сотрудничества с нацистами.

Момент для этого тоже был выбран неслучайно. Формирование ФРГ на основе западных оккупационных зон в мае 1949 г. и противопоставление ее просоветскому германскому государству – ГДР – означали привлечение к работе, помимо бывших гитлеровских чиновников и офицеров, широкой массы эмигрантских политиков в рамках общей антикоммунистической повестки. Расчет Островского оказался верным: Рада БНР собралась в Германии всего лишь один раз (8–9 октября 1949 г.)⁹. Постепенный отток белорусских активистов из Германии и формирование новых центров притяжения (прежде всего в Великобритании и США) не способствовал внутреннему единству Рады БНР. Абрамчику приходилось перемещаться между несколькими странами, чтобы координировать действия своих соратников.

Помимо этого, интерес американцев, главных союзников ФРГ, к изучению национальных движений среди эмигрантов был связан со знаменитым Гарвардским проектом. Как уже говорилось, нахождение в послевоенной Германии огромной массы выходцев из Советского Союза впервые дало союзникам возможность получить сведения о положении в СССР из первых рук, проведя опрос не отдельных лиц, а целых групп людей самого различного социального и национального происхождения¹⁰. Проект получил свое обозначение от Центра русских исследований Гарвардского университета, проводившего анкетирование. Позднее аналогичные исследования проводились и в других местах. Так, в Колумбийском университете Нью-Йорка существовала конкурирующая «Исследовательская программа по Советскому Союзу».

Первоначальной целью американцев было оценить реакцию советских людей на вероятную бомбардировку территории СССР с воздуха. Из-за этого главным грантодателем выступали военно-воздушные силы США. Среди прочего американская сторона стремилась понять советскую систему и ее внутреннюю логику, чтобы выстроить вероятную стратегию действий противника. Задача Гарварда заключалась в переводе требования военных в научную плоскость. Затем

⁹ Гардзіенка Н. С., Юрэвіч Л. Н. Рада БНР, 1947–1970. С. 26.

¹⁰ Подробнее см.: Козин Е. В. Гарвардский проект. М., 2003.

исследования были расширены: респондентам на гонорарной основе предлагалось написать текст по теме, которая относилась к советским реалиям и с которой они в свое время имели дело. Подобных мемуаров в итоге накопилось настолько много, что было решено институционализировать их анализ. Так в 1950 г. в Мюнхене появился Институт по научному изучению СССР.

Институт был, пожалуй, наиболее специфическим из организаций такого рода. По сути, он стал одной из лабораторий Гарвардского проекта, где изучение опыта эмигрантов второй волны велось на базе научного центра, ставшего местом притяжения интеллектуалов. Как следовало из устава, Институт представлял собой «свободную корпорацию», к которой мог присоединиться любой эмигрант, независимо от места жительства, имевший научную квалификацию и не связанный с компартией.

Как подсчитал российский историк Евгений Кодин, изначально из числа сотрудников Института 39 % были русскими, 35 % – украинцами, на все остальные нации совокупно приходилось 26 %¹¹. Очевидно, стремление расширить участие национальных организаций в работе Института способствовало его реорганизации в 1954 г. и созданию, среди прочего, белорусского отдела. Стоявший у истоков этого начинания Абрамчик, очевидно, рассчитывал таким образом укрепить позиции Рады БНР с учетом американских интересов и добился того, чтобы Рада занималась подбором сотрудников для нового подразделения¹². При содействии Абрамчика постоянными сотрудниками Института стали Алесь Маргович (от белорусской радиослужбы), выпускник Лёвенского университета Павел Урбан (исследовал культуру и историю Белоруссии) и бывший управделами правительства БССР Семен Кандыбович (под псевдонимом «Кабыш» занимался национальным вопросом, в том числе в белорусском разрезе)¹³.

Работу белорусских специалистов курировал Антон Адамович (1909–1998). Выходец из плеяды молодых белорусских литераторов 1920-х гг., он был дважды репрессирован и после оккупации Белоруссии немцами перешел на их сторону. В годы войны Адамович занимался организацией белорусской печати и был референтом по делам прессы

11 Кодин Е. В. Мюнхенский институт по изучению СССР, 1950–1972 гг.: европейский центр советологии? Смоленск, 2016. С. 61.

12 Гардзіенка Н. С., Юрэвіч Л. Н. Рада БНР, 1947–1970. С. 71.

13 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 10160. Оп. 1. Д. 316. Л. 8, 10.

и пропаганды при генеральном комиссаре. Обосновавшись в Мюнхене, Адамович стал одним из главных действующих лиц белорусской части Института. В течение 1950-х гг. здесь одна за другой были опубликованы четыре его монографии – как под настоящим именем, так и под псевдонимом «Н. Недасек»: «Большевизм на путях установления контроля над Белоруссией» (1954), «Якуб Колас в сопротивлении советизации» (1955, на белорусском языке), «Большевизм в революционном движении в Белоруссии» (1956), «Оппозиция советизации в белорусской литературе 1917–1957» (1958, на английском языке).

По мнению Е. Кодина, исследования Адамовича являются ярким примером «национализации». Если в публикации 1954 г. Адамович указывал, что большевизм пришел из «центра» как «очередная попытка подчинить Белоруссию» и для его утверждения не было условий, то через два года, в 1956 г., писал о том, что социал-демократия пришла напрямую с Запада, и в Белоруссии уже существовали ее реципиенты¹⁴. Впрочем, следует отметить, что на самом деле противоречия здесь не наблюдается. В политическом дискурсе выходцев из «молодых» стран Восточной Европы еще во времена Парижской мирной конференции 1919 г. соседствовали тезисы о «врожденном демократизме» и «сопротивлении тирании». Извилистые пути национального развития чаще всего сводились к инокультурному порабощению, преодоленному за счет созидательных сил и восприятия «правильных» цивилизационных императивов. В этом отношении оба тезиса Адамовича были одновременно отражением национального нарратива и следствием временного отхода от руссоцентричного характера Института.

Возглавил белорусский отдел Станислав Станкевич (1907–1980)¹⁵, человек с богатой и противоречивой биографией. Он был выходцем из известной белорусской семьи, которая дала других, не менее известных деятелей белорусского движения – языковеда Яна и ксендза Адама Станкевичей. Литературовед по образованию, Станислав Станкевич был университетским преподавателем, а во время оккупации Белоруссии стал бургомистром Борисова. С его именем, в частности, связывают уничтожение узников Борисовского гетто в октябре 1941 г.

¹⁴ Кодин Е. В. Мюнхенский институт по изучению СССР, 1950–1972 гг. С. 192–193.

¹⁵ Об организации отдела и роли в этом Станкевича подробнее см.: *Гароziенка Н. Да гісторыі беларусаў у Мюнхэнскім інстытуце вывучэння СССР // Запісы Беларускага інстытута навукі і мастацтва. 2011. Т. 34. С. 425–435.*

В советской печати Станкевич фигурировал как один из главных военных преступников из числа белорусских националистов¹⁶. Изначально выступавший на стороне Островского, в эмиграции Станкевич стал сторонником Рады БНР и занял важный пост редактора «Отчизны» – крупнейшей газеты белорусской эмиграции. Кроме того, Станкевич в октябре 1955 г. вместе со своими сотрудниками основал в Мюнхене филиал Белорусского института науки и искусства – центральной общественно-культурной организации белорусов США¹⁷, занимавшейся сохранением и изучением национального наследия.

Немногочисленность и относительная сплоченность белорусских активистов, несмотря на возрастные различия, выделяла их на фоне разномастных русских и украинских организаций, где поколенческий разрыв и политические предпочтения играли куда большую роль. Интенсивные связи между ФРГ и США в рамках Гарвардского проекта и деятельности Рады БНР способствовали тому, что на некоторое время белорусы заняли в мюнхенском Институте ведущее положение. Адамович и Станкевич стали действительными членами Института. Звание членов-корреспондентов получили литературовед Владимир Седуро (профессор американского университета) и о. Чеслав Сипович (руководитель грекокатолической миссии для белорусов Великобритании)¹⁸. Помимо этого, Станкевич вошел в состав Ученого совета Института, вскоре став его секретарем, а затем и председателем¹⁹.

Период 1955–1960 гг. стал, вероятно, наиболее значимым и плодотворным для белорусской науки в эмиграции, не в последнюю очередь в организационном плане. Главным вопросом, на который оказывал прямое влияние Станкевич, был вопрос распределения исследовательских стипендий. Подготовка экспертного заключения на гонорарной основе традиционно являлась самой желанной формой заработка для эмигрантов. Некоторые из них (как, например, Кандыбович), работая на Гарвардский проект, умудрялись под другим псевдонимом получать деньги от конкурирующей программы Колумбийского университета²⁰. Стипендиальный фонд, выделяемый американской

¹⁶ Саульченко В. М. Идеологические диверсии империализма. Минск, 1976. С. 146.

¹⁷ Панькоў М. Хроніка беларускага жыцця на чужыне (1945–1984). Мінск, 2001. С. 103.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 10160. Оп. 1. Д. 316. Л. 16–17.

¹⁹ Там же. Л. 34–37.

²⁰ *Krushinsky S.* Byelorussian communism and nationalism: personal recollection. New York, 1953.

стороной, был довольно крупным – в частности, в 1956 г. он составил 35 тыс. долларов²¹ (примерно 0,5 млн долларов по современному курсу). Для США и Канады выплаты составляли 200 долларов, для других стран Америки и Австралии – 150 долларов, для Европы – 100 долларов в месяц. Первый раз стипендия давалась на три месяца, в дальнейшем, если кандидат хорошо себя зарекомендует, она полагалась на более долгий срок, но не более года²².

Как показывают документы, Станкевич неприкрыто благоволил своим землякам. Темы стипендий, выбранные белорусами, совершенно необязательно касались белорусской тематики и зачастую демонстрировали полный разнбой. К примеру, в 1954 г. были одобрены следующие стипендии:

- Лютич, «Сопrotивление советскому режиму населения Белоруссии»;
- Ян Станкевич, «Историография советской Белоруссии 1918–1953»;
- Яцевич, «Автомобили в СССР и их ремонт»;
- Николай Куликович, «Советская опера в сфере задач, поставленных перед ней партией и правительством»;
- Владимир Седуро, «Общий обзор достоевсковедения советского периода»;
- Михаил Удинович, «Производительность труда в сельском хозяйстве СССР»²³.

Иногда заявители меняли предпочтения на ходу. Так, Ипполит Паланевич (до войны работал в школе, был репрессирован, при немцах занимался организацией школ), намереваясь работать над темой «Школьное дело в плену большевистско-коммунистической доктрины», в итоге писал об истории Академии наук БССР. Вацлав Пануцевич (тоже школьный учитель, в годы оккупации работал в немецкой администрации в Барановичах) выбрал обширную проблематику – «Религиозные и национальные отношения в Белоруссии в прошлом и настоящем», однако в итоге ограничился изучением белорусского ткачества и его «уничтожения большевиками»²⁴. В 1957 г. Станкевич также стал председателем издательской коллегии. Примечательно, что при нем максимальные требования для белорусов заключались в корректуре рукописей²⁵,

21 Коди́н Е. В. Мюнхенский институт по изучению СССР, 1950–1972 гг. С. 76.

22 Гардзіенка Н. С., Юрэвіч Л. Н. Рада БНР, 1947–1970. С. 77.

23 ГА РФ. Ф. 10160. Оп. 1. Д. 52. Л. 3–5, 11.

24 Там же. Д. 51. Л. 2.

25 Там же. Д. 55. Л. 2, 6–7, 12, 23, 27.

тогда как в случае русских и украинских авторов куда чаще выносились вердикты «дополнить», «переработать», «отклонить»²⁶. Стоит ли говорить, что такое положение вещей ухудшило рабочий климат в Институте²⁷. По наблюдениям одного из очевидцев, ситуацию усугубляло то, что Станкевич «неделями» не появлялся на работе из-за пьянства, и стипендиаты были предоставлены сами себе²⁸. По словам Б. Яковлева (Троицкого), одного из основателей Института, расширение национального представительства привело лишь к скатыванию в «политиканство» и «академической деградации»²⁹.

Для белорусского отдела в Институте было учреждено отдельное периодическое издание – «Белорусский сборник». Первый его выпуск вышел из печати в мае 1955 г., а уже в декабре того же года обсуждалась рукопись второго выпуска³⁰. Всего было подготовлено 12 номеров – по три в 1955 и 1956 гг., по два – в 1957 и 1959 гг. и по одному – в 1958 и 1960 гг. Тематика сборников была очень широкой и касалась общества, религии, языка, образования, культуры и искусства, народного творчества, их использования советской властью и, что важнее, потенциала сопротивления. Количественный анализ публикаций показывает, что самая большая часть (около трети) была посвящена текущим советским общественным и культурным практикам, советской исторической политике, «фальсификации» белорусской истории и культуры со стороны советской власти, борьбе за национальное развитие. В меньшей степени (15%) были представлены статьи об экономике и ресурсах Белоруссии, по 10% занимали актуальные политические вопросы и исторические материалы. Иногда встречались утилитарные работы на тему природопользования и путей сообщения, при этом практически не была затронута военная проблематика. Отдельное место было отведено обзору советских изданий. Около 200 публикаций было подготовлено собственно белорусами, иногда в журнале печатались сотрудники других подразделений Института или приглашенные специалисты. Наиболее важные статьи переводились на английский, иногда также на немецкий язык.

За деятельностью белорусов в мюнхенском Институте следила и белорусская советская печать. Отношение к ним было

26 Там же. Л. 3, 4, 7, 15–16.

27 Козин Е. В. Мюнхенский институт по изучению СССР, 1950–1972 гг. С. 62–63.

28 В поисках истины. Пути и судьбы второй эмиграции. М., 1997. С. 351, 353.

29 Козин Е. В. Мюнхенский институт по изучению СССР, 1950–1972 гг. С. 62–63.

30 Панькоў М. Хроніка беларускага жыцця на чужыне (1945–1984). С. 100, 104.

презрительно-насмешливым и зачастую сопровождалось характерной политической руганью. Так, Ростислав Шлопак, функционер ЦК КПБ и преподаватель идеологических дисциплин в минских вузах, писал, что в Мюнхене обосновались «последыши белых эмигрантов и так называемые перемещенные лица, которые служили у гитлеровских оккупантов», и что они «не имеют ничего общего с Белоруссией и ее народом»³¹. Илларион Игнатенко, директор республиканского Истпарта, называл сотрудников Института «комедиантами из подворотни»³². В своих «фальсификаторских упражнениях», по мнению белорусских советских авторов, они «в грубой клеветнической форме» стремились «принизить достижения трудящихся республики в социалистическом и коммунистическом строительстве, создать искаженное представление об историческом пути Белорусской ССР и различных сторонах жизни ее народа»³³. Упоминается мюнхенский Институт и в фильме «Люди с черными душами» (1962) – достаточно редком для советской документалистики примере «разоблачения» белорусского национализма. В нем говорилось, что Институт «готовит справочники для шпионов и обосновывает необходимость новой войны», при том что к моменту выхода фильма белорусский отдел уже был расформирован, а большинство его сотрудников переехало в США.

Стоит отметить, что для самой советской политической публицистики, борющейся с «буржуазными фальсификациями», было свойственно использование искаженных либо, как минимум, неточных сведений. Так, в упомянутом фильме вырванная из контекста цитата, приписанная Станиславу Станкевичу, приводится с ошибочной датой (1958 вместо 1956) и без указания публикации, автором которой был другой Станкевич – Ян. Минский журналист Евгений Шевчик не мог правильно передать имя руководителя белорусской радиослужбы Вадима Сурко (в эмиграции называл себя «Владимир Цвирко»): смешивая настоящую фамилию и псевдоним, автор получал гибрид «Свирко»³⁴. Историк Василий Саульченко допускает

31 Шлопак Р. Т. Современная буржуазная историческая литература о национальной политике в СССР (на примере Белоруссии) // Против буржуазной фальсификации истории советского общества. М., 1960. С. 299.

32 Игнаценка І. Камедыянты з мюнхенскай падваротні // Звезда. 06.06.1968. С. 2.

33 Марцуль Г. С. Торжество ленинской национальной политики и ее буржуазные фальсификаторы. Минск, 1975. С. 33, 82; Иванов Н. Л. Критика фальсификации истории социалистического строительства в БССР (1921–1937 гг.). Минск, 1980. С. 5.

34 Шевчик Е. В. Радиодиверсанты. Минск, 1980. С. 107–110.

характерную аберрацию, путая «бывшего агента фашистских разведывательных органов» с белорусским советским поэтом Кастусем Цвирко³⁵.

Наступивший 1960 г., как в свое время 1954 г., обозначил резкие перемены в работе Института. Это стало следствием комплекса разнообразных причин. Прежде всего, изменилась американская внешнеполитическая доктрина. Несмотря на наметившийся диалог, лидеры двух сверхдержав – руководитель СССР Никита Хрущев и президент США Дуайт Эйзенхауэр – не нашли взаимопонимания по ключевым вопросам разоружения и ограничения ядерных испытаний. Ситуацию обострил инцидент с самолетом-разведчиком, сбитым над советской территорией 1 мая 1960 г. С другой стороны, деятельность национальных движений переводилась из интеллектуальной в политическую плоскость. Еще в июле 1959 г. Конгресс США принял резолюцию о «порабощенных народах», находившихся под контролем «недемократических режимов», куда были отнесены и белорусы. Важность национальных подразделений информационно-пропагандистского фронта намного превосходила кабинетные занятия в мюнхенском Институте, тем более что материалы Гарвардского проекта были в значительной мере обработаны и превратились в исторический источник. Из-за урезания финансирования была прекращена печать не только белорусских, но и украинских и кавказских изданий, а также недавно основанного «Восточно-тюркского обозрения»³⁶. Сам белорусский отдел прекратил существование, а его сотрудники перебрались в США. До закрытия мюнхенского Института в 1972 г. доработал только Павел Урбан.

Как ни парадоксально, Абрамчик в конечном итоге оказался фактически отодвинут от тех инициатив, которым посвятил столько усилий. В этом отношении участие Островского в более крупной организации, какой была АБН, с точки зрения политического представительства оказалось более выигрышным. Уступив Абрамчику мнимое первенство внутри белорусского движения, Островский, преодолев череду кризисов внутри БЦР, сумел встроить ее в широкую повестку антикоммунистической деятельности. Примечательно, что Островский сумел сохранить за собой и ФРГ: там продолжали действовать его соратники, дублировавшие мюнхенские аналитические и информационные структуры, пусть и зачастую в одном лице. Данный подход – опора на пассионарных интеллектуалов-одиночек – характеризовал тактику

35 Саульченко В. М. Идеологические диверсии империализма. С. 145.

36 Klieber M. Institute publications (1951–1968). Munich, 1969. P. 3.

Островского в целом. Таким образом присутствие БЦР в Западной Германии сохранялось до начала 1990-х гг., то есть практически до самого конца существования этой организации.

Стоит сказать, что и Абрамчик запоздало попытался вписать Раду БНР в более широкий политический контекст, став одним из организаторов Лиги освобождения народов Советского Союза. Тем не менее в реальности это выливалось в его метания между русскими эмигрантами и «нерусскими» национальными движениями³⁷. Вероятно, поэтому в дальнейшем Рада БНР превратилась в отдельно стоящую и во многом самодовлеющую структуру. В целом же распри между белорусскими организациями различной направленности в ФРГ не способствовали единству эмиграции. Зародившиеся в начальный период Холодной войны противоречия были в дальнейшем перенесены и в другие эмигрантские центры – прежде всего в США.

Источники и литература

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).
Francis Skaryna Belarusian Library and Museum.

Белорусские остарбайтеры. Т. 2. Минск: НАРБ, 1997. 472 с.

В поисках истины. Пути и судьбы второй эмиграции / сост. В. С. Карпов. М.: Грааль, 1997. 376 с.

Вініцкі А. Матар'ялы да гісторыі беларускай эміграцыі ў Нямеччыне ў 1939–1951 гадох. Менск: Тэхналогія, 1994. 231 с.

Гардзіенка А. Беларуская Цэнтральная Рада (БЦР): стварэнне, дзейнасць, заняпад, 1943–1995. Мінск: Кнігазбор, 2016. 647 с.

Гардзіенка Н. Да гісторыі беларусаў у Мюнхэнскім інстытуце вывучэння СССР // Запісы Беларускага інстытута навукі і мастацтва. 2011. Т. 34. С. 422–438.

Гардзіенка Н. С., Юрэвіч Л. Н. Рада БНР, 1947–1970: падзеі, дакументы, асобы. Мінск: Кнігазбор, 2013. 478 с.

Гжибовски Е. Взаимоотношения русской и белорусской антикоммунистической эмиграции на Западе в первое послевоенное десятилетие // *Echa Przeszłości*. 2014. Т. 15. S. 171–184.

³⁷ *Гжибовски Е.* Взаимоотношения русской и белорусской антикоммунистической эмиграции на Западе в первое послевоенное десятилетие // *Echa Przeszłości*. 2014. Т. 15. S. 171–184.

- Игнаценка И.* Камедыянты з мюнхенскай падваротні // *Звязда*. 06.06.1968. С. 2.
- Иванов Н. Л.* Критика фальсификации истории социалистического строительства в БССР (1921–1937 гг.). Минск: Наука и техника, 1980. 175 с.
- Кіпель В.* Жыць і дзеіць: успаміны. Мінск: Зміцер Колас, 2015. 441 с.
- Кодин Е. В.* Гарвардский проект. М.: РОССПЭН, 2003. 207 с.
- Кодин Е. В.* Мюнхенский институт по изучению СССР, 1950–1972 гг.: европейский центр советологии? Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2016. 270 с.
- Марцуль Г. С.* Торжество ленинской национальной политики и ее буржуазные фальсификаторы. Минск: Беларусь, 1975. 160 с.
- Панькоў М.* Хроніка беларускага жыцця на чужыне (1945–1984). Мінск: б. и., 2001. 330 с.
- Саульченко В. М.* Идеологические диверсии империализма. Минск: Беларусь, 1976. 175 с.
- Шевчик Е. В.* Радиодиверсанты. Минск: Беларусь, 1980. 127 с.
- Шлопак Р. Т.* Современная буржуазная историческая литература о национальной политике в СССР (на примере Белоруссии) // Против буржуазной фальсификации истории советского общества / отв. ред. М. В. Нечкина. М.: Наука, 1960. С. 298–318.
- Klieber M.* Institute publications (1951–1968). Munich: Institute for the study of the USSR, 1969. 160 p.
- Krushinsky S.* Byelorussian communism and nationalism: personal recollection. New York: Research program on the USSR, 1953. 81 p.

References

- Belorusskie ostarbaitery*. Vol. 2. Minsk: NARB, 1997, 472 p.
- Gzhibovski, E. “Vzaimootnosheniia russkoi i belorusskoi antikomunisticheskoi emigratsii na Zapade v pervoe poslevoennoe desiatiletie.” *Echa Przeszłości*, 2014, vol. 15, pp. 171–184.
- Hardzijenka, A. *Belaruskaia Tsëntral'naia Rada (BTsR): stvarënnie, dzeinasts', zaniapad, 1943–1995*. Minsk: Knihazbor, 2016, 647 p.
- Hardzijenka, N. “Da historyi belarusau u Miunkhënskım instytutse vyvuchën'nia SSSR.” *Zapisy Belaruskaha instytuta navuki i mastatstva*, 2011, vol. 34, pp. 422–438.
- Hardzijenka, N. S., Iurevich, L. N. *Rada BNR, 1947–1970: padzei, dokumenty, asoby*. Minsk: Knihazbor, 2013. 478 p.
- Ihnatsenka, I. “Kamedyianty z miunkhenskai padvarotni.” *Zviazda*, 06.06.1968, p. 2.
- Ivanov, N. L. *Kritika fal'sifikatsii istorii sotsialisticheskogo stroitel'stva v BSSR (1921–1937 gg.)*. Minsk: Nauka i tekhnika, 1980, 175 p.
- Kipel', V. *Zhyts' i dzeits': usпаміны*. Minsk: Zmitser Kolas, 2015, 441 p.
- Klieber, M. *Institute publications (1951–1968)*. Munich: Institute for the study of the USSR, 1969, 160 p.

- Kodin, E. V. *Garvardskii proekt*. Moscow: ROSSPEN, 2003, 207 p.
- Kodin, E. V. *Miunkhenskii institut po izucheniiu SSSR, 1950–1972 gg.: evropeiskii tsentr sovetologii?* Smolensk: Izdatel'stvo SmolGU, 2016, 270 p.
- Krushinsky, S. *Byelorussian communism and nationalism: personal recollection*. New York: Research program on the USSR, 1953, 81 p.
- Marcul', G. S. *Torzhestvo leninskoi natsional'noi politiki i eio burzhuaznye fal'sifikatory*. Minsk: Belarus', 1975, 160 p.
- Pan'kou, M. *Khronika belaruskaha zhyts' tsia na chuzhyne (1945–1984)*. Minsk, 2001, 330 p.
- Saulchenko, V. M. *Ideologicheskie diversii imperializma*. Minsk: Belarus', 1976, 175 p.
- Shevchik, E. V. *Radiodiversanty*. Minsk: Belarus', 1980, 127 p.
- Shlopak, R. T. “Sovremennaia burzhuaznaia istoricheskaia literatura o natsional'noi politike v SSSR (na primere Belorussii).” *Protiv burzhuaznoi fal'sifikatsii istorii sovetskogo obshchestva*, ed. by M. V. Nechkina. Moscow: Nauka, 1960, pp. 298–318.
- Vinitski, A. *Matar'ialy da historyi belaruskai emigratsyi u Niamechhyne u 1939–1951 hadokh*. Minsk: Tekhnalohiia, 1994, 231 p.
- V poiskakh istiny. Puti i sud'by vtoroi emigratsii*, ed. by V. S. Karpov. Moscow: Graal', 1997, 376 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.08

I. I. Barinov

**Belarusian Political Emigration in West Germany
at the Dawn of the Cold War (1945–1960)**

Igor I. Barinov

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Science

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: ingobarinov@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0154-1506

Citation

Barinov I. I. Belarusian Political Emigration in West Germany at the Dawn of the Cold War (1945–1960) // Slavic Almanac. 2026. No 1–2. P. 178–193 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.08

Received: 29.07.2025.

Revised: 09.02.2026.

Accepted: 17.03.2026.

Abstract

The article examines the activities of Belarusian political emigrants during the early Cold War — first in the Allied occupation zones and subsequently in West Germany. After World War II, a significant number of “displaced persons” of Belarusian origin remained in Germany. Two political forces competed for influence over them: the Belarusian Central Rada (BCR) and the Rada of the Belarusian People’s Republic (BNR). Their leaders, Radoslav Ostrovsky and Nikolai Abramchik, both sought to coordinate the entire Belarusian emigration in the West. During the war, activists from both organizations had collaborated with the Nazis to some extent; in the post-war environment, they sought to integrate themselves into the new anti-communist agenda. The results of this rivalry were ambivalent. On the one hand, the BNR Rada played a role in establishing the Belarusian division of the Institute for the Study of the USSR in Munich, though it later shifted toward a subordinate position relative to the United States. Meanwhile, the BCR leadership managed to place its activities within a broader context by joining the Anti-Bolshevik Bloc of Nations (ABN), while maintaining its political representation and independent structures in West Germany.

Keywords

Cold War, West Germany, displaced persons, Belarusian emigration.

**Балканская региональная историография войны
в Боснии и Герцеговине 1992–1995:
опыт сравнительного анализа**

Безрученко Виктор Иванович
Кандидат политических наук, независимый исследователь
Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: victor-bezru4enko@yandex.ru
ORCID: 0009-0007-8393-7315

Цитирование

Безрученко В. И. Балканская региональная историография войны в Боснии и Герцеговине 1992–1995: опыт сравнительного анализа // Славянский альманах. 2026. № 1–2. С. 194–216. DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.09

Статья поступила в редакцию 27.01.2025.

Рецензирование завершено 02.02.2025.

Статья принята к публикации 17.03.2026.

Аннотация

В данной статье автор предпринял попытку краткого обзора региональной историографической литературы, относящейся к войне в Боснии и Герцеговине (БиГ) 1992–1995 гг., и провести ее сравнительный анализ. В Боснии и Герцеговине до сих пор не сформировалась единая общегосударственная историография войны 1992–1995 гг. Три сложившихся национальных исторических дискурса, бошнякский, сербский и хорватский, имеют собственные историографии, которые противоположным образом трактуют причины и характер войны, наиболее драматические ее события (блокада Сараева, сражение за Восточную Боснию, трагедия Сребреницы), а также ее итоги. Бошнякская историография рассматривает войну как агрессию Сербии и Хорватии, сербская – как гражданскую войну религиозно-этнического характера, а хорватская рассматривает войны в Хорватии и БиГ как составные части агрессии Сербии. Автор описывает и анализирует важнейшие историографические работы, опубликованные в Боснии и Герцеговине, Сербии и Хорватии, выделяя два основных направления региональной историографии войны 1992–1995 гг. – политическое и реконструктивное. Автор

также отмечает, что бошнякская историография войны в Боснии и Герцеговине сильно политизирована и используется Партией демократического действия в качестве инструмента политического инструмента для давления на руководство и органы Республики Сербской.

Ключевые слова

Агрессия, армия, Босния и Герцеговина, война 1992–1995 гг., боевые операции, конфликт, Республика Сербская, Сараево, Сербия, Сребреница, Хорватия.

Трагические события войны в Боснии и Герцеговине 1992–1995 гг. оставили глубокую травму в сознании народов БиГ, Сербии и Хорватии и продолжают привлекать внимание общественности этих республик, что подтверждается неиссякающим потоком литературы и публикаций на эту тему как в Сербии, так и в Хорватии и БиГ. Однако обзоры историографии этой войны как в России, так и за рубежом практически отсутствуют. Единственным исключением на сегодняшний день является сборник статей «Войны 1990-х в региональных историографиях: противоречия, интерпретации, наследие» под редакцией Дубравки Стоянович и Хуснии Камберовича, вышедший в Сараево в 2021 г.¹

Такая ситуация делает актуальной задачу создания научного историографического обзора региональной литературы, относящейся к войне в Боснии и Герцеговине 1992–1995 гг. Данная статья представляет собой такую попытку. В силу лимита на объем статьи, автор ограничится описанием только важнейших историографических работ, вышедших в странах региона (Босния и Герцеговина, Сербия, Хорватия).

Узловые проблемы истории войны, а именно ее причины и характер, военные преступления, блокада Сараева и трагические события в Сребренице трактуются национальными историографиями бошняков, сербов и хорватов диаметрально противоположным образом.

В Боснии и Герцеговине до сих пор не сложилась единая общегосударственная историография войны, но возникли три национальных дискурса – бошнякский, сербский и хорватский, каждый из которых

¹ Ratovi 1990-ih u regionalnim historiografijama: kontriverze, interpretacije, nasljedje. Sarajevo, 2021.

имеет свою собственную историографию войны. Бошнякская историография рассматривает войну как агрессию Сербии и Хорватии, сербская – как гражданскую войну религиозно-этнического характера, а хорватская рассматривает войны в Хорватии и БиГ как составные части агрессии Сербии. Историки как в Сербии, так и в Республике Сербской Боснии и Герцеговины считают войну в БиГ 1992–1995 гг. гражданской войной, обусловленной политическими и религиозными причинами. В сербской историографии война в БиГ 1992–1995 гг. получила название Отечественной оборонительной войны (серб. – *odbrambeno-otadbinski rat*), в которой сербский народ отстаивал свое право на самоопределение и защищал себя от истребления.

В бошнякской и хорватской историографии присутствует тезис о «коллективной ответственности сербского народа за геноцид», причем военные преступления бошняков и хорватов игнорируются или преуменьшаются. Сербская историография не оправдывает совершенные сербами во время войны военные преступления, в то же время рассматривая военные преступления всех сторон конфликта в их конкретном историческом контексте.

Любая попытка описания вышедших в Сербии работ о войне в БиГ 1992–1995 гг. потребовала бы отдельного историографического исследования. В Сербии теме войны в Боснии и Герцеговине посвящено огромное количество монографий профессиональных историков, политологов и исследователей. Свой вклад в исследование этой темы внесли военный историк Д. Бороевич, историк Б. Димитриевич, аналитик МВД Сербии Д. Джамич, военный историк Д. Ивич, бывший министр обороны СФРЮ В. Кадиевич, бывший посол в России М. Лозанский, адмирал Б. Мамула, историк К. Николич, историк В. Петрович, социолог Н. Попов, генерал Р. Радинович, писатель и первый президент СРЮ Д. Чосич, историк М. Экмечич и многие другие авторы.

Военные историки Д. Бороевич и Д. Ивич написали краткую, но емкую монографию об армии Республики Сербской². Им же принадлежит монография о военной авиации Республики Сербской³.

Работы Б. Димитриевича «Командант» и «Генерал Младич и Армия Республики Сербской» дают реальное описание событий военного периода, боевых операций и их результатов. Особый интерес этим работам придает тот факт, что они опираются на документы

2 *Боројевич Д., Ивић Д.* Војска Републике Српске. Рума, 2014.

3 *Боројевич Д., Ивић Д.* Орлови са Врбаса. Историја војног ваздухопловства на територији Републике Српске. Рума, 2014.

Армии Республики Сербской (приказы, директивы, аналитические материалы, отчеты о проведенных операциях, протоколы совещаний и переговоров), которые правительство Республики Сербской в соответствии со взятыми на себя обязательствами передало Международному Трибуналу по бывшей Югославии (МТБЮ). Особое место среди документов, которые Б. Димитриевич использовал в этих монографиях, занимают личные рабочие записи генерала Ратко Младича⁴.

Сербский исследователь Д. Джамич написал интересную работу по тайным операциям США на Балканах. Ему же принадлежит исследование по участию в войне иностранных спецслужб и наемников⁵.

Работа последнего министра обороны СФРЮ генерала В. Кадиевича содержит профессиональный военно-политический анализ распада Югославии и сопровождавших его конфликтов в Словении, БиГ и Хорватии⁶.

Монография журналиста и бывшего посла в России М. Лазанского анализирует политический контекст и драматические обстоятельства возникновения Республики Сербской, а также показывает закулисные интриги мусульманских и хорватских политиков, которые стали причиной войны⁷.

Адмирал Б. Мамула, начальник Генерального штаба ЮНА, а с 1982 по 1988 г. министр обороны СФРЮ, в своей монографии описал, «что и как делала ЮНА и мы, которые ей руководили»⁸. Он сделал вывод о том, что «военное руководство ЮНА несет ответственность за то, что не совершило военный переворот. Вместо этого оно позволило националистическим лидерам и сепаратистам двух западных республик толкнуть ЮНА в руки великосербского национализма, который цинично использовал армию в межнациональной войне, а затем ее бросил»⁹.

Заметной работой последнего времени является объемный труд историка К. Николича¹⁰. Автору удалось соединить политический

4 *Димитријевић Б.* Командант. Београд, 2018; *Димитријевић Б.* Генерал Младић и Војска Републике Српске. Београд, 2019.

5 *Džamić D.* Psi rata na Balkanu. Београд, 2001; *Џамић Д.* Босанско бојиште сумрака (Америка на Балкану 1992–1997). Београд, 1998.

6 *Kadijević B.* Моје виђење raspada: Vojska bez države. Београд, 1993.

7 *Лазански М.* Истина о Српској. Београд, 2001.

8 *Matula B.* Slučaj Jugoslavija. Podgorica, 2000.

9 *Ibid.* S. 9.

10 *Николић К.* Југославија, последњи дани (1989–1992). Књ. 1–3. Београд, 2018–2022.

и военный анализ событий в Боснии и Герцеговине и Хорватии, поместив их в исторический контекст распада Югославии.

Военный эксперт МТБЮ генерал Р. Радинович написал две капитальные монографии: «Ложь о сараевском фронте» и «Характер войн за разгром Югославии». «Ложь о сараевском фронте» содержит анализ боевых действий в районе Сараева и разоблачает анти-сербскую пропаганду об «осаде» столицы Боснии и Герцеговины¹¹. Эта книга является одной из лучших работ сербской историографии о войне в БиГ и развенчивает многие мифы, связанные с этой драматической страницей войны. Монография «Характер войн за разгром Югославии» проливает свет на многие малоизвестные факты, относящиеся к процессу распада СФРЮ и вооруженным конфликтам на территории бывшей Югославии. В этой работе Р. Радинович охарактеризовал войну в БиГ как «внутренний вооруженный конфликт низкой интенсивности, в котором больше всего потеряли сербская сторона и сербский народ, так как он остался разделенным на три отдельные части»¹².

Книги известного писателя и первого президента Союзной Республики Югославия Д. Чосича посвящены так называемому «сербскому вопросу», который встал особенно остро с распадом СФРЮ. Д. Чосич и другие национально-демократически ориентированные сербские авторы понимали под сербским вопросом право сербского народа на самоопределение и объединение всех сербских исторических и этнических территорий в одно государство¹³.

Капитальная монография сербского историка, академика М. Экмечича «История сербов в Новое время (1492–1992). Долгий путь от меча до орала» посвящена, как и следует из названия, истории сербского народа на протяжении шести веков. Монография раскрывает историческую эволюцию сербского народа, демографические и этнические процессы, восстание сербского народа в Хорватии и в БиГ в 1991–1992 гг. и начало гражданской войны 1992–1995 гг. Автор возлагает ответственность за войну на Германию, США и Ватикан, которые, «как и раньше, имели историческую цель создать из Хорватии независимую европейскую нацию» и не давали «сербскому народу обновить свое государство, которое он создавал в течение

11 Radinović R. Laži o Sarajevskom ratištu. Beograd, 2004.

12 Радиновић Р. Карактер рата за разбијање Југославије. Београд, 2015. С. 394.

13 Ћосић Д. Српско питање. Прва књига. Београд, 2002; Ћосић Д. Босански рат. Београд, 2012.

двух веков, начиная с революции 1804 года [...]), и он остался «в раз-
деленном состоянии без высшей степени единства. Сербы в 1992 г.
потеряли не только свое государство, но и свою историю, на протя-
жении которой оно было создано»¹⁴. Интересна работа П. Марковича
и Б. Димитриевица «Повторяющаяся история 1941–1991? Два разва-
ла Югославии как повторившаяся история, сербская точка зрения»¹⁵.
Авторам на основе обширного исторического материала удалось про-
следить общие процессы, характерные для королевской и социалисти-
ческой Югославий в XX в. Первому президенту Республики Сербской
Радовану Караджичу посвящены работы Дж. Загорца¹⁶ и адвоката
Радована Караджича на процессе в МТБЮ М. Сладоевича «Радо-
ван: как началась война»¹⁷. Личность и деятельность командующего
Армией Республики Сербской генерала Р. Младича рассматривают-
ся в работах журналистки М. Булатович¹⁸, полковника Л. Стоядино-
вича¹⁹ и журналиста Й. Яничича²⁰.

Бошнякская историография уже давно стала политическим
инструментом национальной мобилизации. В ней безраздельно
господствует мнение, что Сербия, а затем и Хорватия совершили
«агрессию против международно признанной Республики Бос-
ния и Герцеговина». Эти авторы утверждают, что Армия Республики
Сербской являлась «продолженной рукой» Югославской народной
армии, а затем и армии «третьей Югославии» (СРЮ). Бошнякские
историки придерживаются точки зрения, что борьба Армии Респу-
блики Боснии и Герцеговины (АРБиГ) под руководством ее верховно-
го главнокомандующего А. Изетбеговича была легитимной и мораль-
но оправданной, в то время как сербская сторона была «агрессором».
Агрессором считается и Хорватия, которая также участвовала в вой-
не в БиГ, но в разные периоды по-разному: первоначально на стороне
АРБиГ, затем против нее, а позже вновь на ее стороне.

14 *Екмечих М.* Дуго кретање између клања и орања: Историја Срба у Новом Веку (1492–1992). Београд, 2008.

15 *Repeating History 1941–1991? Two Break-ups of Yugoslavia as Repeated History? Serbian Perspectives / ed. by P. Marković and B. Dimitrijević.* Belgrade, 2021.

16 *Загорац Ђ.* Др. Радован Караџић: фанатик српске идеје. Београд, 1996.

17 *Sladojević M.* Radovan: kako je izbio rat. Beograd, 2024.

18 *Булатовић Л.* Генерал Младић. Београд, 1996.

19 *Stojadinović L.* Ratko Mladić heroj ili zločinac. Beograd, 2001; *Стојадиновић Љ.* Ратко Младић: између мита и Хаага. Београд, 2006.

20 *Јанић Ј.* Српски генерал Ратко Младић. Нови Сад, 1996.

В многочисленной бошнякской историографии можно выделить работы руководителя Службы государственной безопасности (СДБ) Боснии и Герцеговины М. Алибабича, историка Н. Анджелича, генерала Н. Айнаджича, бывшего судьи Конституционного суда Боснии и Герцеговины К. Бегича, сотрудника службы государственной безопасности З. Бецкановича, исследователя М. Бороговца, историка М. Боича, генерала Р. Делича, политолога С. Кличича, политолога Н. Дураковича, историка М. Имамовича, историка М. Карович-Бабич, сараевского исследователя С. Омерагича, историка и политолога М. Ченгича, историка С. Чекича, генерала В. Каравелича, бригадира Б. Фелича, генерала С. Халиловича, исследователя из Мостара С. Чупину, военного историка М. Шадинлия, генерала Х. Эфендича.

Работы М. Алибабича интересны тем, что снимают пелену секретности с наименее изученного аспекта войны — борьбы спецслужб. Он также раскрывает некоторые из грязных секретов режима А. Изетбеговича, связанные с деятельностью криминальных банд в Сараеве во время войны²¹.

Историк Н. Анджелич в своей монографии описывает политическую, общественную и экономическую систему БиГ в составе социалистической Югославии и ее распад. Автор возлагает ответственность за распад Боснии и Герцеговины и последующую войну на националистические партии, которые «ни о чем не могли договориться в силу самой сущности национализма»²².

Монография К. Бегича посвящена политическим переговорам по урегулированию конфликта с точки зрения элиты боснийских мусульман²³.

Работа помощника начальника центра Службы государственной безопасности Сараева З. Бецкановича дает реальную картину обстановки в Сараеве и преступности вооруженных формирований армии Боснии и Герцеговины в городе²⁴.

Монография М. Бороговаца анализирует политический аспект войны и решения Боснийского сабора 1994 г., на котором было принято решение

21 *Alibabić-Munija M.* Tajni rat za Bosnu između Službe državne bezbjednosti RBiH i KOS-a JNA. Sarajevo, 2014; *Alibabić M.* Bosna u kandžama KOSa. Sarajevo, 1996.

22 *Andjelić N.* Bosnia-Herzegovina: The End of a Legacy. London, 2003. S. 216.

23 *Begić K.* Bosna i Hercegovina od Vanceove misije do Daytonskog sporazuma. Sarajevo, 1997.

24 *Bećkanović Z.* Sjećanja na 400 sarajevskih ratnih dana. Sarajevo, 2016.

о переименовании боснийских мусульман в бошняков. Автор подвергает критическому анализу деятельность А. Изетбеговича на посту президента БиГ и называет его «предателем и преступником»²⁵.

Историк М. Боич является автором многочисленных трудов по истории Югославии и Боснии и Герцеговины. В своей наиболее известной книге «История Боснии и бошняков» автор прослеживает политическую, военную, дипломатическую и культурную историю БиГ от VII в. до конца XX в. Автор возлагает вину за распад Югославии и войну в Боснии и Герцеговине на бошнякских, сербских и хорватских националистов²⁶.

Командующий АРБиГ генерал Р. Делич выпустил книгу мемуаров, в которой он детально описывает все аспекты войны как борьбы с «сербским агрессором»²⁷. Мемуары первого президента БиГ А. Изетбеговича раскрывают формирование мусульманской Партии демократического действия, ее политику, процесс суверенизации БиГ и следовавшие за ней сербско-мусульманский и хорватско-мусульманский конфликты с точки зрения боснийско-мусульманской элиты²⁸.

Монография политолога С. Клиича посвящена расколу национального бошнякского корпуса, феномену Республики Северо-Западная Босния под руководством Ф. Абдича и вооруженному конфликту между сторонниками Ф. Абдича и А. Изетбеговича в округе Бихач²⁹.

Профессор сараевского университета Н. Дуракович написал несколько трудов по вопросу национальной идентификации боснийских мусульман, национальному вопросу в БиГ и бошнякской политике³⁰.

В работе сараевского исследователя С. Омерагича выдвигается концепция войны как «раздела Боснии и Герцеговины по договору между Туджманом и Милошевичем», который был якобы заключен ими на тайной встрече в Караджорджево в марте 1991 г.³¹

Историку и политологу М. Черичу принадлежит серьезная монография, посвященная личности и политике первого президента независимой

25 *Borogovac M.* Rat u Bosni i Hercegovini 1992–1995. Zadar, 2000.

26 *Bojić M.* Historija Bosne i Bošnjaka. Sarajevo, 2001.

27 *Delić R.* Lice i naličje rata: na čelu Armije u ratu i miru. Sarajevo, 2005.

28 *Izetbegović A.* Sjećanja: Autobiografski zapis. Sarajevo, 2001.

29 *Kličić S.* Međubošnjački sukob u Cazinskoj Krajini 1992–1995. Političko-pravni aspekti nastanka i djelovanja Autonomne Pokrajine Zapadna Bosna. Bihać, 2002.

30 *Duraković N.* Prevara Bosne. Sarajevo, 1998; *Duraković N.* Prokletstvo muslimana. Tuzla, 1998.

31 *Omeragić S.* Dogovoreni rat. Sarajevo, 2000.

Боснии и Герцеговины А. Изетбеговича³². Автор раскрывает биографию А. Изетбеговича, его политические убеждения, его основную работу «Исламская декларация» и его военно-политическую деятельность в ходе войны. Он отмечает консерватизм и противоречивость политики А. Изетбеговича, которая основывалась на идеях «политического ислама» и имела целью построение исламского государства.

Первый командующий АРБиГ генерал С. Халилович издал книгу воспоминаний, в которой подробно описал подготовку А. Изетбеговича к войне и создание мусульманских паравоенных организаций³³. Бригадиру Б. Феличу принадлежит монография о боевых действиях 5-го корпуса АРБиГ в округе Бихач³⁴. Бошнякский военный историк М. Шадинлиа является автором монографии о соотношении мирных планов и военных операций в БиГ в 1992–1994 гг.³⁵ В монографии раскрывается военная и дипломатическая политика режима А. Изетбеговича. Вторая его книга раскрывает процесс строительства АРБиГ на основе частей и подразделений территориальной обороны³⁶. Монография исследователя из Мостара С. Чупины раскрывает роль Туджмана и Изетбеговича в хорватско-мусульманской войне в Герцеговине, ее ход и последствия, а также военные преступления хорватских вооруженных формирований³⁷. Генерал Х. Эфендиич опубликовал монографию, в которой подробно описывает боевые операции территориальной обороны БиГ³⁸.

В 2015 г. в Сараеве вышел сборник статей научной исторической конференции «Обязанность и честь оборонять Боснию и Герцеговину», в котором поддерживается тезис об «агрессии Сербии против Боснии и Герцеговины»³⁹. Этой же теме посвящена капитальная монография М. Имамовича⁴⁰.

32 *Čengić M.* Alija Izetbegović: jahač apokalipse ili anđeo mira. Sarajevo, 2015.

33 *Halilović S.* Lukava strategija. Sarajevo, 1997.

34 *Felić B.* Peti korpus. 1992–1995. Sarajevo, 2002.

35 *Šadinlija M.* Između pravde i realpolitike. Odnos mirovnih planova i vojnih operacija u Bosni i Hercegovini 1992–1995. Sarajevo, 2018.

36 *Šadinlija M.* Teritorijalna odbrana Bosne i Hercegovine 1986–1992. Sarajevo, 2013.

37 *Čupina S.* Izdaja i odbrana Hercegovine: 91–95. Sarajevo, 2006.

38 *Efendić E.* Ko je branio Bosnu. Sarajevo, 1998.

39 Obaveza je i čast braniti Bosnu i Hercegovinu. Zbornik radova sa naučnog skupa, održanog 27 marta 2015 godine u Sarajevu. Sarajevo, 2016.

40 *Imamović M.* Agresija na Bosnu i Hercegovinu i borba za njen opstanak, 1992.–1995. godine. Sarajevo, 1997.

Важное место в бошнякской историографии войны 1992–1995 гг. занимает нарратив падения «защищенной зоны ООН» Сребреница и якобы имевшего там место геноцида. Среди работ на эту тему выделяется работа историка С. Чекича⁴¹. Книга бывшего члена Скупщины РБиГ И. Мустафича «Запланированный хаос: 1980–1996» обвиняет президента Боснии и Герцеговины А. Изетбеговича в трагедии Сребреницы⁴².

Не меньшее место в бошнякской историографии уделяется вопросу «осады Сараева». В 2008 г. Институт исследований преступлений против человечности и международного права в Сараеве выпустил сборник работ под названием «Осада и оборона Сараева» под редакцией руководителя института профессора С. Чекича⁴³. В сборнике рассматриваются различные аспекты «осады Сараева» и делается попытка обосновать «геноцид населения Сараева». Коллективная монография С. Чекича, В. Каравелича, Н. Айнаджича, С. Цикотича, Ш. Ходжича, С. Смайлича, М. Шадинлия «Первый корпус Армии Республики Боснии и Герцеговины» рассматривает вопросы формирования и действий 1-го (Сараевского) корпуса по прорыву блокады Сараева⁴⁴. Этой же тематике посвящены работы бывших командиров 1-го (Сараевского) корпуса АРБиГ генерала Н. Айнаджича⁴⁵, В. Каравелича и З. Руянаца⁴⁶. Работа Е. Хечимовича оценивает роль «воинов аллаха» – муджахедов из стран Ближнего Востока и Афганистана в войне в Боснии и Герцеговине 1992–1995 гг.⁴⁷ Работа А. Шабановича рассказывает о повседневной жизни в Сараеве в условиях блокады⁴⁸. Сараевский историк М. Карович-Бабич является автором монографии, которая была издана Институтом исследований преступлений против человечности и международного права и посвящена бошнякским жертвам во время «осады Сараева»⁴⁹.

41 *Čekić S.* Agresija na Bosnu i genocid nad Bošnjacima 1991–1993. Sarajevo, 1994. 112 s.

42 *Mustafić I.* Planirani haos: 1990–1996. Sarajevo, 2008.

43 *Opsada i odbrana Sarajeva 1992–1995.* Sarajevo, 2008.

44 *Čekić S., Karavelić V., Ajnadžić N., Cikotić S., Hodžić Š., Smajlić M., Šadinlija M.* Prvi korpus Armije Republike Bosne i Hercegovine. Sarajevo, 2017.

45 *Ajnadžić N.* Odbrana Sarajeva 1992–1995. Sarajevo, 2002.

46 *Karavelić V., Rujanac Z.* Sarajevo: opsada i odbrana. Sarajevo, 2011.

47 *Hećimović E.* Garibi: Mudžahedini u BiH 1992–1999. Zenica, 2006.

48 *Šabanović A.* Kako smo opstali i preživjeli u Sarajevu pod opsadom 1992–1995. godine. Sarajevo, 2020.

49 *Karović-Babić M.* Masovna ubistva civila u Sarajevu za vrijeme opsada 1992–1995. Sarajevo, 2014.

Очевидно, что бошнякская историография войны сильно политизирована и имеет целью исключить моральную и политическую ответственность мусульманской и хорватской сторон за развязывание гражданской войны в Боснии и Герцеговине, причем нарративы бошнякских исследователей о «геноциде в Сребренице» и «осаде Сараева» используются как политический инструмент для отрицания права Республики Сербской на существование.

Среди работ о войне 1992–1995 гг., вышедших в Республике Сербской, прежде всего необходимо выделить труд историков Ч. Антича и Н. Кецмановича «История Республики Сербской»⁵⁰. Это первая монография в сербской историографии, посвященная возникновению и развитию Республики Сербской. Книга генерала Й. Блажановича содержит биографические данные и описывает боевой путь генералитета Республики Сербской⁵¹. Научные монографии генерала В. Пандуревича посвящены политическому и военному аспектам войны и содержат много интересных данных⁵². Несомненный интерес представляют выступления первого президента Республики Сербской Р. Караджича в свою защиту в МБЮ⁵³. Политические аспекты войны рассмотрены в монографиях полковника М. Милутиновича⁵⁴. Историк Д. Павлович на документальной основе написал исследование о событиях в Сребренице, в котором опроверг обвинения сербского народа в геноциде⁵⁵. Историк П. Лозо издал небольшой, но интересный фотоальбом о страданиях сербского народа в Восточной Боснии в 1992–1995 гг.⁵⁶ Доктор С. Пашалич написал работу, посвященную демографическим изменениям сербского народа в БиГ в результате войны 1992–1995 гг. В ней содержатся многочисленные

50 Антић Ч., Кецмановић Н. Историја Републике Српске. Београд, 2016.

51 Блажановић Ј. Генерали Војске Републике Српске. Бања Лука, 2005.

52 Пандуревић В. Срби у Босни и Херцеговини: од декларације до конституције: политичко, одбрамбено и војно организовање српског народа у Босни и Херцеговини, 1991–1995. Београд, 2012; Пандуревић В. Рат у Босни и Херцеговини и стварање војске Републике Српске. Београд, 2015.

53 Karadžić R. Mermerne istine o Bosni: Uvodna i završna reč pred Naškim tribunalom. Beograd, 2016.

54 Милутиновић М. Војска Републике Српске између политике и рата. Београд; Сремска Митровица, 1997; Milutinović M. Rat je роео гјејема. Bosna i Hercegovina devedesetih. Banja Luka, 2010.

55 Павловић Д. Битка за Сребреницу: Рат за цивилизацију. Бања Лука, 2018.

56 Лозо П. Хроника угашених огњишта. Бања Лука, 2018.

статистические данные⁵⁷. Несомненный интерес представляет монография бывшего министра внутренних дел Республики Сербской М. Станишича, в которой на основе документов раскрываются антиконституционные манипуляции мусульманских и хорватских политиков, а также преступления против сербского населения в Сараеве, в Восточной Боснии и Герцеговине в 1992 г.⁵⁸

Серьезную работу ведет Центр Республики Сербской по исследованию войны, военных преступлений и поиску пропавших без вести в Баня-Луке (РЦИРЗ). За последние десятилетие Центр выпустил ряд коллективных монографий по истории войны в БиГ. В 2012 г. им была издана коллективная монография «Армия Республики Сербской в Отечественной оборонительной войне – аспекты, организация, операции»⁵⁹. В 2018 г. вышел сборник статей, посвященный роли офицерского корпуса Армии Республики Сербской в создании и обороне Республики Сербской⁶⁰.

В 2018 г. была опубликована капитальная коллективная монография РЦИРЗ о войне в Боснии и Герцеговине «Республика Сербская в Отечественно-оборонительной войне»⁶¹. В 2019 г. на основе докладов, сделанных на международной конференции в Баня-Луке, вышел сборник статей под названием «Сребреница. Действительность и манипуляции», содержащий новые интересные факты, относящиеся к событиям в Восточной Боснии в 1992–1995 гг.⁶² Отдельная монография РЦИРЗ посвящена операции НАТО «Намеренная сила», проведенной летом 1995 г.⁶³ О трагической истории гибели тринадцати новорожденных детей в больнице Баня-Луки, которые умерли из-за санкций ООН против Югославии, повествует вышедшая в 2019 г. в Баня-Луке монография Н. Борковича⁶⁴.

57 *Пашић С.* Антропогеографска стварност Срба у Босни и Херцеговини: 1992–2000. Бања-Лука, 2002.

58 *Станишић М.* Ратни сукоби на границама Републике Српске 1992. Београд, 2020.

59 *Vojska Republike Srpske u Odbrambeno-otadžbinskom ratu. Aspekti – organizacija – operacije.* Banja Luka, 2012.

60 Улога старјешина ВРС у стварању и одбрани Републике Српске током одбрамбено-отаџбинског рата: Зборник радова. Бања Лука, 2018.

61 Република Српска у одбрамбено-отаџбинском рату. Бања Лука, 2018.

62 Сребреница. Стварност и манипулације. Бања Лука, 2019.

63 *Којић М., Врањеш М., Нужић В., Новковић Д.* Намјерном силом на Републику Српску. Бања Лука, 2017.

64 *Борковић Н.* Шта су скривиле? Бања Лука, 2019.

Хорватская историография войны в Боснии и Герцеговине очень объемна. Среди работ хорватских авторов, которые в той или иной мере относятся к войне в БиГ, следует отметить прежде всего труды начальника Генштаба Хорватии генерала Я. Бобетко, историка и политика Ивицы Лучича, военного историка Д. Марьяна, руководителя разведки Хорватии М. Туджмана, министра обороны Хорватии М. Шпегеля, историка Т. Чуляка.

Книга мемуаров генерала Янко Бобетко содержит описание политического и военного положения Хорватии в 1992–1995 гг. и является ценным источником по истории вооруженных конфликтов в Боснии и Герцеговине и Хорватии⁶⁵. Я. Бобетко раскрывает роль президента Ф. Туджмана в войне и описывает ход боевых действий. Автор включил в свою работу много документов Генерального штаба Хорватии.

Работа политика и историка И. Лучича посвящена анализу причин войны в БиГ с точки зрения хорватской национальной элиты. Важное место в ней уделяется политическому раскладу сил в предвоенной БиГ и роли сербской, хорватской и мусульманской политической эмиграции в развязывании этой войны. Автор опровергает существование договора между Туджманом и Милошевичем о разделе Боснии и Герцеговины, который был якобы заключен ими на тайной встрече в Караджорджево в марте 1991 г.⁶⁶

Военный историк Д. Марьян написал несколько работ по истории войны в БиГ и Хорватии⁶⁷. Монография «Отечественная война» описывает распад Югославии и создание независимой Хорватии, сербское восстание в Краине, возникновение Хорватской Республики Герцег-Босна, вооруженные силы воюющих сторон и боевые операции хорватских вооруженных сил⁶⁸.

Книга бывшего руководителя разведки Хорватии М. Туджмана на основе документов описывает радикализм президента БиГ Алии Изетбеговича⁶⁹.

65 *Bobetko J. Sve moje bitke. Zagreb, 1996.*

66 *Lučić I. Uzroci rata. Bosna i Hercegovina od 1980. do 1992. godine. Zagreb, 2013.*

67 *Marijan D. Oluja. Zagreb, 2007; Marijan D. Domovinski rat. Zagreb, 2016; Marijan D. Expert Opinion: On the War Connections of Croatia and Bosnia and Hercegovina (1991–1995) // Časopis za suvremenu povijest, 2004. Vol. 36. No. 1. S. 249–289; Marijan D. Bosna i Hercegovina 1991.–1995. u godinama nesvršenog rata // Status. 2004. № 3. S. 98–113.*

68 *Marijan D. Domovinski rat.*

69 *Tuđman M. Druga strana Rubikona. Politička strategija Alije Izetbegovića. Zagreb, 2017.*

Работу генерала М. Шпегеля отличает критика президента Хорватии Ф. Туджмана за его политический курс. Шпегель также раскрывает планы Туджмана по аннексии хорватских этнических земель БиГ и ход хорватско-мусульманской войны⁷⁰.

Монография хорватского историка Тихомира Чуляка посвящена мусульманско-хорватской войне в Центральной Боснии. Автор анализирует причины и логику этого конфликта, уделяет большое внимание военным преступлениям, совершенным как хорватами, так и мусульманами⁷¹.

В 2001 г. в Сараеве под редакцией хорватских историков Б. Магаш и И. Жанича вышел сборник статей, посвященных различным аспектам войн в БиГ и Хорватии⁷². Коллективная монография З. Раделича, Д. Марияна, А. Бинга и Д. Живича «Создание хорватского государства и гражданская война» состоит из пяти глав и содержит политический и экономический анализ положения Хорватии в составе СФРЮ, детально описывает «бунт» сербского народа в Хорватии, вооруженные силы сторон и ход боевых действий как в Хорватии, так и в БиГ, а также внешнеполитический курс Хорватии, направленный на разрешение «сербской проблемы»⁷³.

Таким образом, в региональной историографии (Босния и Герцеговина, Сербия, Хорватия), посвященной войне в БиГ 1992–1995 гг., можно условно выделить два направления: радикально-политическое и аналитико-реконструктивное. Авторы радикально-политического направления возлагают ответственность за развязывание войны исключительно на Сербию и С. Милошевича, подчеркивают сербские и замалчивают хорватские и бошнякские преступления и отстаивают тезис о «сербской агрессии» и «геноциде бошняков», считая альтернативные работы «ревизионизмом». Такой подход преимущественно доминирует в бошнякской историографии и характеризуется слабостью фактологической базы и предубеждениями. Хорватский военный историк Д. Мариан охарактеризовал такой подход как «неприемлемо легкий “историцизм”»⁷⁴.

70 *Špegelj M.* Sjećanja vojnika. Zagreb, 2001.

71 *Čuljak T.* Rat. Osijek, 2003.

72 *Magaš B., Žamić I.* Rat u Hrvatskoj i Bosni i Hercegovini. 1991–1995. Zagreb; Sarajevo, 1999.

73 *Radelić Z., Marijan D., Barić N., Bing A., Živić D.* Stvaranje hrvatske države i Domovinski rat. Zagreb, 2006.

74 *Marijan D.* The War in Bosnia and Hercegovina or the Unacceptable Lightness of “Historicism” // National Security and the Future. 2000. Vol. 1. No 1. P. 153–184.

Второе направление можно условно назвать аналитико-реконструктивным. Для него характерным является анализ большого массива архивных и мемуарных источников с целью аналитической реконструкции процессов и событий. Такой подход характерен для сербской историографической литературы. В качестве примера можно выделить работу историков из Республики Сербской М.Ковича и Д. Мاستиловича «Право на историю. Свидетельство на процессе Гаагского трибунала против генерала Ратко Младича», которая основана на многочисленных документах и содержит обоснованную критику обвинителей МТБЮ⁷⁵. Интерес к теме войны в Боснии и Герцеговине 1992–1995 гг. не иссякает, и ее историография постоянно пополняется новыми исследованиями.

Источники и литература

Антић Ч., Кецмановић Н. Историја Републике Српске. Београд: Недељник, 2015. 516 с.

Блажановић Ј. Генерали Војске Републике Српске. Бања Лука: Борачка организација Републике Српске, 2005. 304 с.

Борковић Н. Шта су скривиле? Бања Лука: РЦИРЗ, 2019. 344 с.

Боројевић Д., Ивић Д. Војска Републике Српске. Рума: Штампа, 2014. 393 с.

Боројевић Д., Ивић Д. Орлови са Врбаса. Историја војног ваздухопловства на територији Републике Српске. Рума: Штампа, 2014. 214 с.

Булатовић Л. Генерал Младић. Београд: Глас Српски, 1996. 336 с.

Димитријевић Б. Генерал Младић и Војска Републике Српске. Београд: Catena Mundi, 2019. 525 с.

Димитријевић Б. Командант. Београд: М. Вукотић медиа, 2018. 344 с.

Екмечић М. Дуго кретање између клања и орања: Историја Срба у Новом Веку (1492–1992). Друго, допуњено издање. Београд: Завод за уџбенике, 2008. 600 с.

Загорац Ђ. Др. Радован Караџић: фанатик српске идеје. Београд: Досије, 1996. 272 с.

Јанић Ј. Српски генерал Ратко Младић. Нови Сад: Матица Српска, 1996. 243 с.

Ковић М., Мاستиловић Д. Право на историју. Сведочење у процесу Хашког трибунала против генерала Ратко Младића. Београд: Catena Mundi, 2018. 287 с.

⁷⁵ *Ковић М., Мастиловић Д.* Право на историју. Сведочење у процесу Хашког трибунала против генерала Ратко Младића. Београд, 2018.

Којић М., Врањеш М., Нужић В., Новковић Д. Намјерном силом на Републику Српску. Бања Лука: РЦИРЗ, 2017. 413 с.

Лазански М. Истина о Српској. Београд: Књига-комерц, 2001. 301 с.

Лозо П. Хроника угашених огњишта. Бања Лука: РЦИРЗ, 2018. 15 с.

Милутиновић М. Војска Републике Српске између политике и рата. Београд: Институт за политичке студије, 1997. 332 с.

Николић К. Југославија, последњи дани (1989–1992). Књ. 1–3. Београд: Службени гласник, 2018–2022. 530+540+515 с.

Павловић Д. Битка за Сребреницу: Рат за цивилизацију. Бања Лука: Републички центар за истраживање рата, ратних злочина и тражење несталих лица, 2018. 389 с.

Пандуревић В. Срби у Босни и Херцеговини: од декларације до конституције: политичко, одбрамбено и војно организовање српског народа у Босни и Херцеговини 1991–1995. Београд: Графички атеље, 2012. 368 с.

Пандуревић В. Рат у Босни и Херцеговини и стварање војске Републике Српске. Београд: Игам, 2015. 423 с.

Пашалић С. Антропогеографска стварност Срба у Босни и Херцеговини: 1992–2000. Бања Лука: Бања-лука компани, 2002. 187 с.

Радиновић Р. Карактер рата за разбијање Југославије. Београд: Београдски форум за свет равноправних, 2015. 394 с.

Република Српска у одбрамбено-отаџбинском рату. Бања Лука: РЦИЗР, 2018. 528 с.

Сребреница. Стварност и манипулације. Бања Лука: Независни универзитет; Организација старјешина Војске Републике Српске, 2019. 795 с.

Станишић М. Ратни сукоби на границама Републике Српске 1992. Београд: Свет књиге, 2020. 429 с.

Стојадиновић Љ. Ратко Младић: између мита и Хаага. Београд: Народна књига; Политика НМ, 2006. 196 с.

Ђосић Д. Српско питање. Прва књига. Београд: Ф. Вишнић, 2002. 384 с.

Ђосић Д. Босански рат. Београд: Службени гласник, 2012. 280 с.

Улога старјешина ВРС у стварању и одбрани Републике Српске током одбрамбено-отаџбинског рата: Зборник радова. Бања Лука: Организација старјешина Војске Републике Српске, 2018. 552 с.

Џамић Д. Босанско бојиште сумрака (Америка на Балкану 1992–1997). Београд: Никола Пашић, 1998. 161 с.

Ajnadžić N. Odbrana Sarajeva 1992–1995. Sarajevo: Sedam, 2002. 338 s.

Alibabić M. Bosna u kandžama KOSa. Sarajevo: Behar, 1996. 245 s.

Alibabić-Munija M. Tajni rat za Bosnu između Službe državne bezbjednosti RBiH i KOS-a JNA. Sarajevo: vlastita naklada, 2014. 393 s.

Andjelić N. Bosnia-Herzegovina: The End of a Legacy. London: Frank Cass, 2003. 228 p.

Bećkanović Z. Sjećanja na 400 sarajevskih ratnih dana. Sarajevo: TDP Sarajevo, 2016. 295 p.

Begić K. Bosna i Hercegovina od Vanceove misije do Daytonskog sporazuma. Sarajevo: Bosanska knjiga, 1997. 336 s.

Bobetko J. Sve moje bitke. Zagreb: vlastita naklada, 1996. 790 s.

Bojić M. Historija Bosne i Bošnjaka. Sarajevo: Šahinpašić, 2001. 622 s.

Borogovac M. Rat u Bosni i Hercegovini 1992–1995. Politički aspekti. Zadar: Zadarska tiskara, 2000. 213 s.

Čekić S. Agresija na Bosnu i genocid nad Bošnjacima 1991–1993. Sarajevo: Ljiljan, 194. 112 s.

Čekić S., Karavelić V., Ajnadžić N., Cikotić S., Hodžić Š., Smajlić M., Šadinlija M. Prvi korpus Armije Republike Bosne i Hercegovine. Sarajevo: Univerzitet u Sarajevu, Institut za istraživanje zločina protiv čovječnosti i međunarodnog prava, 2017. 494 s.

Čuljak T. Rat. II. dopunjeno izdanje. Osijek: vlastita naklada, 2003. 208 s.

Čupina S. Izdaja i odbrana Hercegovine: 91–95. Sarajevo: Vijeće Kongresa bošnjačkih intelektualaca, 2006. 764 s.

Delić R. Lice i naličje rata: na čelu Armije u ratu i miru. Sarajevo: Vijeće Kongresa bošnjačkih intelektualaca, 2005. 613 s.

Duraković N. Prevara Bosne. Sarajevo: DES, 1998. 252 s.

Duraković N. Prokletstvo muslimana. Tuzla: Harlograf, 1998. 333 s.

Džamić D. Psi rata na Balkanu. Beograd: Target, 2001. 356 s.

Efendić E. Ko je branio Bosnu. Sarajevo: Udruženje građana pljemičkog porijekla, 1998. 360 s.

Felić B. Peti korpus. 1992–1995. Sarajevo: Ljiljan, 2002. 667 s.

Halilović S. Lukava strategija. Sarajevo: Maršal, 1997. 307 s.

Hećimović E. Garibi: Mudžahedini u BiH 1992–1999. Zenica: Fondacija Sina, 2006. 298 s.

Imamović M. Agresija na Bosnu i Hercegovinu i borba za njen opstanak, 1992.–1995. godine. Sarajevo: Pravni fakultet Univerziteta, 1997. 356 s.

Izetbegović A. Sjećanja: Autobiografski zapis. Sarajevo: TDK Šahinpašić, 2001. 503 s.

Kadijević B. Moje viđenje raspada: Vojska bez države. Beograd: Politika, 1993. 133 s.

Karadžić R. Mermerne istine o Bosni: Uvodna i završna reč pred Haškim tribunalom. Beograd: Igam, 2016. 293 s.

Karavelić V., Rujanac Z. Sarajevo: opsada i odbrana. Sarajevo: Udruženje za zaštitu tekovine borbe za Bosnu, 2011. 372 s.

Karović-Babić M. Masovna ubistva civila u Sarajevu za vrijeme opsada 1992.–1995. Sarajevo: Institut za istraživanje zločina protiv čovječnosti i međunarodnog prava Univerziteta u Sarajevu, 2014. 345 s.

Kličić S. Međubošnjački sukob u Cazinskoj Krajini 1992–1995. Političko-pravni aspekti nastanka i djelovanja Autonomne Pokrajine Zapadna Bosna. Bihać: Human Rights Conflict Prevention Centre, University in Bihać, 2002. 261 s.

Lučić I. Uzroci rata. Bosna i Hercegovina od 1980. do 1992. godine. Zagreb: Despot Infinitus, 2013. 519 s.

Magaš B., Žamić I. Rat u Hrvatskoj i Bosni i Hercegovini. 1991.–1995. Zagreb; Sarajevo: Dani, 1999. 399 s.

Mamula B. Slučaj Jugoslavija. Podgorica: CID, 2000. 339 s.

Marijan D. The War in Bosnia and Hercegovina or the Unacceptable Lightness of “Historicism” // National Security and the Future. 2000. Vol. 1. No 1. P. 153–184.

Marijan D. Oluja. Zagreb: Hrvatski memorijalno-dokumentacijski centar Domovinskog rata, 2007. 445 s.

Marijan D. Domovinski rat. Zagreb: Despot Infinitus, 2016. 456 s.

Marijan D. Expert Opinion: On the War Connections of Croatia and Bosnia and Herzegovina (1991–1995) // Časopis za suvremenu povijest. 2004. Vol. 36. No. 1. S. 249–289.

Milutinović M. Rat je počeo riječima. Bosna i Hercegovina devedesetih: Naučna monografija. Banja Luka: Nezavisni Univerzitet Banja Luka, 2010. 494 s.

Mustafić I. Planirani kaos: 1990–1996. Sarajevo: Udruženje građana Majke Srebrenice i Podrinja, 2008. 445 s.

Obaveza je i čast braniti Bosnu i Hercegovinu. Zbornik radova sa naučnog skupa, održanog 27 marta 2015. godine u Sarajevu. Sarajevo: Udruženje za zaštitu tekovina borbe za Bosnu i Hercegovinu, 2016. 207 s.

Omeragić S. Dogovoreni rat. Sarajevo: Proton, 2000. 321 s.

Opsada i odbrana Sarajeva 1992–1995. Sarajevo: Institut za istraživanje zločina protiv čovječnosti i međunarodnog prava Univerziteta u Sarajevu, 2008. 423 s.

Radelić Z., Marijan D., Barić N., Bing A., Živić D. Stvaranje hrvatske države i Domovinski rat. Zagreb: Školska knjiga, 2006. 575 s.

Radinović R. Laži o Sarajevskom ratištu. Beograd: Svet knjige, 2004. 261 s.

Ratovi 1990-ih u regionalnim historiografijama: kontriverze, interpretacije, nasljeđe / ur. D. Stojanović, H. Kamberović. Sarajevo: UMHS, 2021. 295 s.

Repeating History 1941–1991? Two Break-ups of Yugoslavia as Repeated History? Serbian Perspectives / ed. by P. Marković and B. Dimitrijević. Belgrade: Institute for Contemporary History, 2021. 330 p.

Sladojević M. Radovan: kako je izbio rat. Beograd: Catena Mundi, 2024. 261 s.
Stojadinović Lj. Ratko Mladić heroj ili zločinac. Beograd: Evro, 2001. 254 s.
Šabanović A. Kako smo opstali i preživjeli u Sarajevu pod opsadom 1992–1995 godine. Sarajevo: Malik Books, 2020. 256 s.

Šadinlija M. Teritorijalna odbrana Bosne i Hercegovine 1986–1992. Sarajevo: Univerzitet u Sarajevu, Institut za istraživanje zločina protiv čovječnosti i međunarodnog prava, 2013. 285 s.

Šadinlija M. Između pravde i realpolitike. Odnos mirovnih planova i vojnih operacija u Bosni i Hercegovini 1992–1995. Sarajevo: Institut za istraživanje zločina protiv čovječnosti i međunarodnog prava Univerziteta u Sarajevu, 2018. 784 s.

Špegelj M. Sjećanja vojnika. Zagreb: Znanje, 2001. 430 s.

Tuđman M. Druga strana Rubikona. Politička strategija Alije Izetbegovića. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada, 2017. 444 s.

Vojska Republike Srpske u Odbrambeno-otadžbinskom ratu. Aspekti – organizacija – operacije. Banja Luka: Republički centar za istraživanje ratnih zločina, 2012. 249 s.

References

- Ajnadžić, N. *Odbrana Sarajeva 1992–1995*. Sarajevo: Sedam, 2002, 338 p.
 Alibabić, M. *Bosna u kandžama KOSa*. Sarajevo: Behar, 1996, 245 p.
 Alibabić-Munija, M. *Tajni rat za Bosnu između Službe državne bezbjednosti RBiH i KOS-a JNA*. Sarajevo: vlastita naklada, 2014, 393 p.
 Andjelic, N. *Bosnia-Herzegovina: The End of a Legacy*. London: Frank Cass, 2003, 228 p.
 Antić, Č., Kecmanović, N. *Istorija Republike Srpske*. Beograd: Nedeljnik, 2016, 516 p.
 Bećkanović, Z. *Sjećanja na 400 sarajevskih ratnih dana*. Sarajevo: TDP Sarajevo, 2016, 295 p.
 Begić, K. *Bosna i Hercegovina od Vanceove misije do Daytonskog sporazuma*. Sarajevo: Bosanska knjiga, 1997, 336 p.
 Blažanović, J. *Generali Vojske Republike Srpske*. Banja Luka: Boračka organizacija Republike Srpske, 2005, 304 p.
 Bobetko, J. *Sve moje bitke*. Zagreb: vlastita naklada, 1996, 790 p.
 Bojić, M. *Historija Bosne i Bošnjaka*. Sarajevo: Šahinpašić, 2001, 622 p.
 Borković, N. *Šta su skrivile?* Banja Luka: RCIRZ, 2019, 344 p.
 Borogovac, M. *Rat u Bosni i Hercegovini 1992–1995. Politički aspekti*. Zadar: Zadarska tiskara, 2000, 213 p.
 Borojević, D., Ivić, D. *Orlovi sa Vrbasa. Istorija vojnog vazduhoplovstva na teritoriji Republike Srpske*. Ruma: Štampa, 2014, 214 p.
 Borojević, D., Ivić, D. *Vojska Republike Srpske*. Ruma: Štampa, 2014, 393 p.
 Bulatović, L. *General Mladić*. Beograd: Glas Srpski, 1996, 336 p.

Čekić, S. *Agresija na Bosnu i genocid nad Bošnjacima 1991–1993*. Sarajevo: Ljiljan, 1994. 112 p.

Čekić, S., Karavelić, V., Ajnadžić, N., Cikotić, S., Hodžić Š., Smajlić, M., Šadinlija, M. *Prvi korpus Armije Republike Bosne i Hercegovine*. Sarajevo: Univerzitet u Sarajevu, Institut za istraživanje zločina protiv čovječnosti i međunarodnog prava, 2017, 494 p.

Čengić, M. *Alija Izetbegović: jahač apokalipse ili anđeo mira*. Sarajevo: Kult B, 2015, 449 p.

Čosić, D. *Srpsko pitanje. Prva knjiga*. Beograd: Filip Višnić, 2002, 384 p.

Čosić, D. *Bosanski rat*. Beograd: Službeni glasnik, 2012, 280 p.

Čuljak, T. *Rat*. 2nd ed. Osijek: vlastita naklada, 2003, 208 p.

Čupina, S. *Izdaja i odbrana Hercegovine: 91–95*. Sarajevo: Vijeće Kongresa bošnjačkih intelektualaca, 2006, 764 p.

Delić, R. *Lice i naličje rata: na čelu Armije u ratu i miru*. Sarajevo: Vijeće Kongresa bošnjačkih intelektualaca, 2005, 613 p.

Dimitrijević, B. *General Mladić i Vojska Republike Srpske*. Beograd: Catena Mundi, 2019, 525 p.

Dimitrijević, B. *Komandant*. Beograd: M. Vukotić media, 2018, 344 p.

Duraković, N. *Prevara Bosne*. Sarajevo: DES, 1998, 252 p.

Duraković, N. *Prokletstvo muslimana*. Tuzla: Harlograf, 1998, 333 p.

Džamić, D. *Psi rata na Balkanu*. Beograd: Target, 2001, 356 p.

Džamić, D. *Bosansko bojište sumraka (Amerika na Balkanu 1992–1997)*. Beograd: Nikola Pašić, 1998, 161 p.

Efendić, E. *Ko je branio Bosnu*. Sarajevo: Udruženje građana pljemickog porijekla, 1998, 360 p.

Ekmečić, M. *Dugo kretanje između klanja i oranja. Istorija Srba u novom veku, 1492–1992*. 2nd rev. ed. Beograd: Zavod za udžbenike, 2008, 600 p.

Felić, B. *Peti korpus. 1992–1995*. Sarajevo: Ljiljan, 2002, 667 p.

Halilović, S. *Lukava strategija*. Sarajevo: Maršal, 1997, 307 p.

Hećimović, E. *Garibi: Mudžahedini u BiH 1992–1999*. Zenica: Fondacija Sina, 2006, 298 p.

Imamović, M. *Agresija na Bosnu i Hercegovinu i borba za njen opstanak, 1992.–1995. godine*. Sarajevo: Pravni fakultet Univerziteta, 1997, 356 p.

Izetbegović, A. *Sjećanja: Autobiografski zapis*. Sarajevo: TDK Šahinpašić, 2001, 503 p.

Janić, J. *Srpski general Ratko Mladić*. Novi Sad: Matica Srpska, 1996, 243 p.

Kadijević, B. *Moje viđenje raspada: Vojska bez države*. Beograd: Politika, 1993, 133 p.

Karadžić, R. *Mermerne istine o Bosni: Uvodna i završna reč pred Haškim tribunalom*. Beograd: Igam, 2016, 293 p.

Karavelić, V., Rujanac, Z. *Sarajevo: opsada i odbrana*. Sarajevo: Udruženje za zaštitu tekovine borbe za Bosnu, 2011, 372 p.

Karović-Babić, M. *Masovna ubistva civila u Sarajevu za vrijeme opsada 1992–1995*. Sarajevo: Institut za istraživanje zločina protiv čovječnosti i međunarodnog prava Univerziteta u Sarajevu, 2014, 345 p.

Kličić, S. *Međubosnjački sukob u Cazinskoj Krajini 1992–1995. Političko-pravni aspekti nastanka i djelovanja Autonomne Pokrajine Zapadna Bosna*. Bihać: Human Rights Conflict Prevention Centre University in Bihać, 2002, 261 p.

Kojić, M., Vranješ, M., Nuždić, V., Novković, D. *Namjernom silom na Republiku Srpsku*. Banja Luka: RCIRZ, 2017, 413 p.

- Ković, M., Mastilović, D. *Pravo na istoriju. Svedočenje u procesu Haškog tribunala protiv generala Ratka Mladića*. Beograd: Catena Mundi, 2018, 287 p.
- Lazanski, M. *Istina o Srpskoj*. Beograd: Knjiga-komerc, 2001, 301 p.
- Lozo, P. *Hronika ugašenih ognjišta*. Banja Luka: RCRIZ, 2018, 15 p.
- Lučić, I. *Uzroci rata. Bosna i Hercegovina od 1980. do 1992. godine*. Zagreb: Despot Infinitus, 2013, 519 p.
- Magaš, B., Žamić, I. *Rat u Hrvatskoj i Bosni i Hercegovini. 1991–1995*. Zagreb; Sarajevo: Dani, 1999, 399 p.
- Mamula, B. *Slučaj Jugoslavija*. Podgorica: CID, 2000, 339 p.
- Marijan, D. “Bosna i Hercegovina 1991.–1995. u godinama nesveršenog rata”. *Status*, 2004, Vol. 3, pp. 98–113.
- Marijan, D. *Domovinski rat*. Zagreb: Despot Infinitus, 2016, 456 p.
- Milutinović, M. *Vojska Republike Srpske između politike i rata*. Beograd: Institut za političke studije, 1997, 332 p.
- Milutinović, M. *Rat je počeo riječima*. Bosna i Hercegovina devedesetih: Naučna monografija. Banja Luka: Nezavisni Univerzitet Banja Luka, 2010, 494 p.
- Mustafić, I. *Planirani kaos: 1990–1996*. Sarajevo: Udruženje građana Majke Srebrenice i Podrinja, 2008, 445 p.
- Nikolić, K. *Jugoslavija, poslednji dani (1989–1992)*. Beograd: Službeni glasnik, 2018–2022. 530+540+515 p.
- Obaveza je i čast braniti Bosnu i Hercegovinu*. Zbornik radova sa naučnog skupa, održanog 27 marta 2015. godine u Sarajevu. Sarajevo: Udruženje za zaštitu tekovina borbe za Bosnu i Hercegovinu, 2016, 207 p.
- Omeragić, S. *Dogovoreni rat*. Sarajevo: Proton, 2000, 321 p.
- Opsada i odbrana Sarajeva 1992–1995*. Sarajevo: Institut za istraživanje zločina protiv čovječnosti i međunarodnog prava Univerziteta u Sarajevu, 2008, 423 p.
- Pandurević, V. *Srbi u Bosni i Hercegovini: od deklaracije do konstitucije: političko, odbrambeno i vojno organizovanje srpskog naroda u Bosni i Hercegovini, 1991–1995*. Beograd: Grafički atelje, 2012, 368 p.
- Pandurević, V. *Rat u Bosni i Hercegovini i stvaranje vojske Republike Srpske*. Beograd: Igam, 2015, 423 p.
- Pavlović, D. *Bitka za Srebrenicu: Rat za civilizaciju*. Banja Luka: Republički centar za istraživanje rata, ratnih zločina i traženje nestalih lica, 2018, 389 p.
- Pašalić, S. *Antropogeografska stvarnost Srba u Bosni i Hercegovini: 1992–2000*. Banja Luka: Banjaluka kompani, 2002, 187 p.
- Radelić, Z., Marijan D., M., Barić, N., Bing, A., Živić, D. *Stvaranje hrvatske države i Domovinski rat*. Zagreb: Školska knjiga, 2006, 575 p.
- Radinović, R. *Laži o Sarajevskom ratu*. Beograd: Svet knjige, 2004, 261 p.
- Radinović, R. *Karakter rata za razbijanje Jugoslavije*. Beograd: Beogradski forum za svet ravnopravnih, 2015, 394 p.
- Ratovi 1990-ih u regionalnim historiografijama: kontriverze, interpretacije, nasljeđe*, ed. by D. Stojanović, H. Kamberović. Sarajevo: UMHIS, 2021, 295 p.
- Repeating History 1941–1991? Two Break-ups of Yugoslavia as Repeated History? Serbian Perspectives*, ed. by P. Marković and B. Dimitrijević. Belgrade: Institute for Contemporary History, 2021, 330 p.
- Republika Srpska u odbrambeno-otadžbinskom ratu*. Banja Luka: RCRIZ, 2018, 528 p.

- Sladojević, M. *Radovan: kako je izbio rat*. Beograd: Catena Mundi, 2024, 261 p. *Srebrenica. Stvarnost i manipulacije*. Banja Luka: Nezavisni univerzitet; Organizacija starješina Vojske Republike Srpske, 2019, 795 p.
- Stanišić, M. *Ratni sukobi na granicama Republike Srpske 1992*. Beograd: Svet knjige, 2020, 429 p.
- Stojadinović, Lj. *Ratko Mladić: između mita i Haaga*. Beograd: Narodna knjiga; Politika NM, 2006, 196 p.
- Stojadinović, Lj. *Ratko Mladić heroj ili zločinac*. Beograd: Evro, 2001, 254 p.
- Šabanović, A. *Kako smo opstali i preživjeli u Sarajevu pod opsadom 1992–1995. godine*. Sarajevo: Malik Books, 2020, 256 p.
- Šadinlija, M. *Između pravde i realpolitike. Odnos mirovnih planova i vojnih operacija u Bosni i Hercegovini 1992–1995*. Sarajevo: Institut za istraživanje zločina protiv čovječnosti i međunarodnog prava Univerziteta u Sarajevu, 2018, 784 p.
- Šadinlija, M. *Teritorijalna odbrana Bosne i Hercegovine 1986–1992*. Sarajevo: Univerzitet u Sarajevu, Institut za istraživanje zločina protiv čovječnosti i međunarodnog prava, 2013, 285 p.
- Špegelj, M. *Sjećanja vojnika*. Zagreb: Znanje, 2001, 430 p.
- Tuđman, M. *Druga strana Rubikona. Politička strategija Alije Izetbegovića*. Zagreb: Hrvatska sveučilišna naklada, 2017, 444 p.
- Uloga starješina VRS u stvaranju i odbrani Republike Srpske tokom odbrambeno-otadžbinskog rata*. Zbornik radova. Banja Luka: Organizacija starješina Vojske Republike Srpske, 2018, 552 p.
- Vojska Republike Srpske u Odrambeno-otadžbinskom ratu. Aspekti – organizacija – operacije*. Banja Luka: Republički centar za istraživanje ratnih zločina, 2012, 249 p.
- Zagorac, Đ. *Dr. Radovan Karadžić: fanatik srpske ideje*. Beograd: Dosije, 1996, 272 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.09

V. I. Bezruchenko

Balkan Regional Historiographies of the 1992–1995 War in Bosnia and Herzegovina: A Comparative Analysis

Viktor I. Bezruchenko

Candidate of Political Science, independent researcher

St. Petersburg, Russian Federation

E-mail: victor-bezru4enko@yandex.ru

ORCID: 0009-0007-8393-7315

Citation

Bezruchenko V. I. Balkan Regional Historiographies of the 1992–1995 War in Bosnia and Herzegovina: A Comparative Analysis // Slavic Almanac. 2026. No 1–2. P. 194–216 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.09

Received: 27.01.2025.

Revised: 02.02.2025.

Accepted: 17.03.2026.

Abstract

This article provides a brief review and comparative analysis of regional historiography concerning the 1992–1995 war in Bosnia and Herzegovina (BiH). To date, a unified national historiography of the conflict has not emerged in BiH. Instead, three distinct national discourses — Bosniak, Serbian, and Croatian — have developed, each offering diametrically opposed interpretations of the war's causes, nature, and most dramatic episodes (such as the Siege of Sarajevo, the battles in Eastern Bosnia, and the Srebrenica tragedy). Bosniak historiography characterizes the war as aggression by Serbia and Croatia. In contrast, Serbian historiography views it as a civil war driven by religious and ethnic contradictions, often termed the “Defensive-Patriotic War” (Serb. *odbrambeno-otadžbinski rat*), emphasizing the Serbian people's right to self-determination. Croatian historiography treats the conflicts in BiH and Croatia as interconnected components of “Serbian aggression.” The author analyzes key works published in BiH, Serbia, and Croatia, identifying two primary trends in regional historiography: political and re-constructive. The study concludes that Bosniak historiography is heavily politicized and utilized by the Party of Democratic Action (SDA) as a tool to exert pressure on the leadership of Republika Srpska.

Keywords

Aggression, Bosnia and Hercegovina, war of 1992–1995, combat operations, conflict, Republika Srpska, Sarajevo, Serbia, Srebrenica, Croatia.

**Война в Боснии (1992–1995 гг.) и реакция России:
историография КНР от Дейтонских соглашений 1995 г.
до наших дней**

Янь Лэй

Аспирант

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: 846928122@qq.com

ORCID: 0009-0008-9444-4265

Цитирование

Янь Лэй. Война в Боснии (1992–1995 гг.) и реакция России: историография КНР от Дейтонских соглашений 1995 г. до наших дней // Славянский альманах. 2026. № 1–2. С. 217–249. DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.10

Статья поступила в редакцию 01.11.2025.

Рецензирование завершено 07.02.2026.

Статья принята к публикации 17.03.2026.

Аннотация

В статье исследуется историография КНР от Дейтонских соглашений 1995 г. до наших дней о политике и роли России в боснийском конфликте (1992–1995 гг.). Автор анализирует развитие китайских научных взглядов на дипломатические усилия России в контексте югославского кризиса, выявляя ключевые тенденции в интерпретации позиций России экспертным академическим сообществом КНР. Особое внимание уделяется тому, как китайские исследователи оценивали влияние боснийского конфликта на формирование внешнеполитического курса постсоветской России, ее отношения с Западом и позиционирование на международной арене. Статья также рассматривает, как менялись аналитические подходы китайских историков к этому вопросу под влиянием изменений в международной обстановке за последние десятилетия. Выделяются три аспекта интерпретации: исторические связи России с народами бывшей Югославии (особенно с сербами), геополитические интересы Москвы на Балканах и динамика отношений с Западом. Сформировавшийся в начале 1990-х гг. консенсус о том,

что внешняя политика России с 1992 г. наносила ущерб национальным интересам, трансформировался в более комплексную оценку. В китайской историографии отмечается постепенный переход российской дипломатии от идеологизированных подходов к прагматичной политике, ориентированной на национальные интересы.

Ключевые слова

Война в Боснии, китайская историография, взгляды китайских ученых, политика России, Балканы.

Этап оценок во второй половине 1990-х гг.

Завершение боснийской войны и введение внешнего управления в Боснии и Герцеговине (БиГ) стали хронологическим рубежом, позволившим китайским ученым оценивать события первой половины 1990-х гг. как завершённый процесс, что дало возможность перейти к его осмыслению в условиях постоянно удлиняющейся временной дистанции¹. Особенностью их восприятия стало то, что политологические работы начали отходить на второй план, уступая место текстам историков. Изучение действий великих держав, в том числе и России, их взаимодействия и соперничества, как и в первой половине 1990-х гг., продолжало привлекать внимание исследователей. Особенностью ситуации стало то, что в Китае в это время уделяли значительное внимание кризисным очагам планеты, среди которых балканский регион считался одним из важных, а изучение действий России в нем – необходимым. Чжан Яо, один из авторов ежегодника «Международное положение», издаваемого Шанхайским институтом международных проблем, в выпуске 1996 г. в статье «Важный поворот боснийской ситуации», оценивая события 1995 г., указал на отличия позиций Запада и России, которая «склонялась на сторону сербов в боснийском вопросе, но ее внимание отвлекали события внутри страны (проблема Чечни и выборы в Госдуму)». Он считал, что «ослабленная национальная мощь России», если сравнивать с СССР, не позволяла ей решительно вмешаться в боснийскую политику США и их

¹ Об оценках в Китае в первой половине 1990-х годов событий Боснийской войны см.: Янь Лэй. Война в Боснии (1992–1995 гг.): реакция России в оценках китайских экспертов (по научным публикациям первой половины 1990-х годов) // Славяноведение. 2025. № 6. С. 111–125.

западных союзников, [...] хотя Б. Н. Ельцин и высказал острое недовольство массированными ударами НАТО, мирный процесс в Боснии все же пошел по американскому сценарию»². С этой позицией тогда же (1996 г.) был солидарен профессор Чэнь Чжуаньцзинь (Сюйчжоуский педагогический университет). По его словам, «отличие балканской политики России как великой европейской державы от подходов Запада» было обусловлено ее «стратегическими интересами на Балканах», ее «историческими связями с Сербией и другими югославскими государствами». Это предопределило поддержку сербов и склонность Москвы урегулировать конфликт «методами дипломатии и невоенными средствами». По мнению Чэня, Россия не могла остаться безучастной к боснийскому вопросу, что и предопределило активизацию ее действий после 1993 г. с основной целью «возвращения на международную арену и восстановления статуса великой державы, для чего она воспользовалась вмешательством в боснийский кризис». Совершенный Москвой внешнеполитический поворот, по его мнению, был напрямую скоррелирован с процессом ее «постепенной внутренней стабилизации». Чэнь также отметил важную роль России в мирных переговорах в Боснии: содействие разработке «плана совместных действий» (май 1994 г.) и «плана контактной группы» (июль 1994 г.), что подтвердило ее «особую роль и статус великой державы». Чэнь обратил внимание на то, что Запад, хотя и принимал во внимание влияние России, отказался предоставить ей ведущую роль в урегулировании конфликта. К такому выводу автор пришел в результате анализа таких ключевых событий 1994 г., как инициирование США создания мусульманско-хорватской федерации (март 1994 г.), авиаудары НАТО по позициям боснийских сербов (апрель 1994 г.) и отказ Вашингтона соблюдать эмбарго на поставки вооружений боснийским мусульманам (ноябрь 1994 г.). Все это, как считал Чэнь, существенно ослабило российские позиции в регионе. Основным желанием российской политики в Боснии, считал автор, оказалось стремление выступать «не оппонентом, но равноправным партнером Запада в урегулировании конфликта». Однако в условиях жесткой бескомпромиссной политики США российское влияние оказалось ограниченным³.

2 国际形势年鉴1996 / 上海国际问题研究所. 上海: 上海教育出版社, 1996. [Ежегодник Международное положение 1996 / Шанхайский институт международных проблем. Шанхай, 1996.] С. 102.

3 陈传金. 冷战后地区冲突国际化的典型——试析波黑问题与大国外交的关系 // 国际展望. [Чэнь Чжуаньцзинь. Типичный пример интернационализации региональных конфликтов после окончания холодной войны – пробный анализ

Первой попыткой конкретно-исторического изучения в Китае итогов кризиса в Боснии стала статья «Анализ гражданской войны в Боснии» в журнале «Мировая история» эксперта-балканиста Ма Сипу. Россия, считал он, «использовала этот конфликт для возвращения на Балканы с целью восстановления влияния и роли, которыми в этом регионе обладал СССР». По утверждению Ма, «для Москвы, утратившей прежнее значение на Ближнем Востоке, потеря влияния на Балканах означала бы потерю всего региона Центральной и Восточной Европы». Он также считал, что действия России в Боснии имели значение и для ее внутренней политики⁴.

Взаимодействие центров силы (США, ЕС и России) в кризисных очагах (был использован термин «горячие точки») планеты на примере Боснии рассматривалось в двух статьях (1996 и 1997 гг.) сотрудника Института мировой экономики и политики Академии общественных наук (АОН) Китая Чжу Синьцяо. Незначительную активность Москвы в самом начале событий в Боснии эксперт объяснила сложным состоянием российской экономики и общим хаосом. Распад СССР и роспуск Организации Варшавского договора, внутривластная нестабильность и ухудшение экономической ситуации, по ее мнению, «на некоторое время погрузили страну в состояние оцепенения в ее внешнеполитической ориентации» после завершения холодной войны. По мнению Чжу, «снижение совокупной национальной мощи России привело к слабости и пассивности ее дипломатии при решении кризисов, что вызвало сильное недовольство в стране и рост национализма (В. В. Жириновский), критику в парламенте внешней политики Кремля и появление требований отставки главы МИД А. В. Козырева. Эта критика, по мнению эксперта, побудила Б. Н. Ельцина вносить коррективы во внешнеполитический курс, усилить дипломатическое наступление в вопросах бывшей Югославии. Чжу считала, что «балканский регион всегда был важным полем битвы России с европейскими державами и США за сферы влияния». Россия «поддерживала территориальные претензии Сербии, чтобы противостоять проникновению и экспансии евроамериканских сил на восток». Чжу Синьцяо считала, что просербская позиция России проявилась в призывах к смягчению и отмене международных санкций против СРЮ; в резкой реакции на воздушные удары

взаимосвязи между проблемой Боснии и Герцеговины и дипломатией великих держав // *Международное обозрение.* 1996. № 6. С. 14.

4 马细谱. 波黑内战透析 // *世界历史.* [Ма Сипу. Анализ гражданской войны в Боснии // *Мировая история.*] 1996. № 3. С. 114–115.

НАТО по сербским позициям в БиГ, в активном участии в разработке мирного плана в рамках Контактной группы; в введении напряженных переговоров совместно с представителями США, ЕС и других стран по вопросу контролируемых сербами районов в Хорватии при стремлении защитить интересы сербского населения в обоих случаях. К этим фактам, приводившимся ранее экспертами в статьях первой половины 1990-х гг., Чжу Синцяо добавила новые: напомнила о личной инициативе президента Ельцина, пригласившего в Москву С. Милошевича и Ф. Туджмана, в то время как госсекретарь США Р. Холбрук готовил почву для переговоров в Дейтоне. Эксперт назвала это желанием Ельцина «взять ведущую роль в разрешении кризиса на постъюгославском пространстве». При этом эксперт считала, что Сербия «использовала Россию для смягчения оказываемого на нее сильного международного давления»⁵. Анализируя ситуацию в Боснии летом 1995 г., в частности военные действия НАТО против позиций боснийских сербов, эксперт пришла к выводу, что Россия ограничилась лишь политическими заявлениями и тем самым фактически проявила «молчаливое согласие». Впрочем, Чжу не считала итог дейтонских переговоров результатом усилий исключительно США, тактично указав, что «Россия и ЕС сыграли свои партии, оказав влияние, соизмеримое с их возможностями в соответствующих сферах»⁶. При описании событий после Дейтона⁷ эксперт указала, что Россия вступила в жесткое противостояние с США в связи с командованием многонациональными силами по поддержанию мира в БиГ. По ее мнению, хотя «большинство этих действий были безуспешны, они показали миру решимость Москвы к борьбе, подтвердив, что на мировой арене она остается важной силой, которой нельзя пренебрегать». Автор считала, что действия российской дипломатии побудили страны Запада скорректировать их политику в отношении Москвы: «интересы и достоинство России как великой державы были ими признаны»⁸.

5 朱行巧. 从世界热点——前南危机及波黑战争看大国关系 // 世界经济与政治. [Чжу Синцяо. Взгляд на отношения великих держав из горячих точек мира – кризиса на постсоветском пространстве и войны в Боснии и Герцеговине // Мировая экономика и политика.] 1996. № 10. С. 26.

6 Там же. С. 27.

7 Дейтонские соглашения – общее рамочное соглашение о мире в Боснии и Герцеговине, подписанное 14 декабря 1995 г. в Париже по итогам переговоров, проходивших в г. Дейтон (штат Огайо, США) в ноябре 1995 г. Соглашение положило конец войне в Боснии и Герцеговине 1992–1995 гг.

8 朱行巧. 从世界热点... [Чжу Синцяо. Взгляд на отношения...] С. 26.

Особенностью китайской научной мысли второй половины 1990-х гг. стало появление работ с оценкой событий в России в первой половине десятилетия. Как и в первой половине 1990-х гг., в них особое внимание уделялось характеристике международного статуса России, а также анализу ее политики на Балканах. В 1997 г. в своей монографии «Системные изменения и внешние связи: Россия после 1992 г.» исследователь-международник Фэн Шаолэй⁹ утверждал, что действия России зависят существенным образом от ее «геополитических интересов»¹⁰ и взаимодействия с ближним зарубежьем. Фэн считал, что «диапазон стратегических колебаний России во внешней политике предопределил ее положение в трансформирующейся системе международных отношений, представляя собой не фиксированную точку, а некоторый диапазон в пространстве»¹¹. С учетом этого роль России в боснийском кризисе ученый оценил как «сложную и многогранную», считая, что Москва занимала «деликатное» место в боснийском конфликте, поддерживала давние исторические связи с Сербией и боснийскими сербами, «имея с ними не только общий язык и письменность, но и, с середины XIX века, действительно выступая защитницей славянских народов от угнетения европейских держав»¹². Фэн Шаолэй придавал исключительное значение усилиям российской дипломатии в феврале 1994 г., когда «благодаря ее активному посредничеству лидеры боснийских сербов приняли предложение о размещении в Сараеве российских миротворческих сил и о выводе тяжелого вооружения». По его мнению, они нарушили «западный план силового решения боснийского вопроса и укрепили позиции России при решении последующих балканских проблем». Фэн назвал посреднические усилия России ее дипломатическим успехом: она «увеличила значимость

9 Декан и профессор Школы международных и региональных исследований Восточно-Китайского педагогического университета (ВКПУ); директор Центра по изучению России Института гуманитарных и социальных наук ВКПУ; вице-президент Китайской национальной ассоциации международных исследований; вице-президент Китайской национальной ассоциации изучения России, Восточной Европы и Центральной Азии; вице-президент Шанхайского института международных исследований; вице-президент Шанхайского института европейских исследований; вице-президент Китайской ассоциации новых экономических исследований.

10 冯绍雷. 制度变迁与对外关系: 1992年以来的俄罗斯. 上海: 上海人民出版社, 1997. [Фэн Шаолэй. Системные изменения и внешние связи: Россия после 1992 г. Шанхай, 1997.] С. 1.

11 Там же. С. 8.

12 Там же. С. 510–511.

ультиматума НАТО и одновременно успокоила сербов, позволив всем сторонам сохранить лицо». Он считал, что Москва «в некоторой степени временно остановила продвижение НАТО на восток», что явилось ее «дипломатическим успехом» и «добавило еще один краеугольный камень в ее внешнеполитическую стратегию поворота к жесткой позиции»¹³. Тем не менее автор указал на ограниченность этих успехов, напомнив, что «роль России в боснийском конфликте не следует чрезмерно преувеличивать, а тем более распространять на остальные регионы в мире»: несмотря на тесные отношения боснийских сербов с Москвой и ее настойчивость, сербы все же отказались принять мирный план в июле 1994 г. Соответствующим был и общий вывод Фэн Шаолэя: Россия «активно стремилась восстановить свое традиционное влияние на Балканах», но, с другой стороны, ее ограниченное сотрудничество с Западом по боснийскому вопросу и по поводу бомбардировки НАТО сербов в августе 1995 г. продемонстрировали бессилие и беспомощность России и подчиненность «партнеру». Эта «слабость», по мнению Фэна, привела к недовольству внутри страны и отставке министра иностранных дел Козырева. Рассуждения об усилиях России в боснийском кризисе ученый завершил общим выводом о том, что они отразили изменения в соотношении сил между Вашингтоном и Москвой после холодной войны, когда «США за счет активного вмешательства и даже применения силы укрепили завоеванные в холодной войне позиции лидера»¹⁴.

Среди других работ обобщающего характера китайских авторов была коллективная монография «Новая Россия: политика, экономика, дипломатия», подготовленная под редакцией опытных историков Сюэ Цзюньду¹⁵ и Лу Наньцюаня¹⁶. Политика России на постъюгославском пространстве в этой работе рассматривалась с учетом изменений

13 Там же. С. 511

14 Там же. С. 512–513.

15 薛君度(Сюэ Цзюньду) (1922–2016), историк, председатель правления Фонда Хуан Сина в США. Ранее занимал должности профессора в Университете Мэриленда, Оксфордском университете, Гарвардском университете, Университете штата Нью-Йорк и Западном Берлине (Германия).

16 陆南泉(Лу Наньцюань) (род. 1933), профессор и главный научный сотрудник Института России, Восточной Европы и Центральной Азии. В 1960 г. окончил Московский финансово-экономический институт, доктор экономических наук. Занимал должность приглашенного профессора в Центре славянских исследований Университета Хоккайдо и Японском институте международных проблем (1986–1987, 1993–1994).

внешнеполитической стратегии России и ее отношений с США. Автор соответствующей главы (сотрудник Института СССР и Восточной Европы Ни Сяоцюань) считал, что в начале 1990-х гг. Россия, стремясь получить поддержку Запада, «во многих конкретных вопросах внутренней и внешней политики безоговорочно следовала за США», включая участие в санкциях против Югославии, что «нанесло России значительный политический и экономический ущерб»¹⁷. Ни считал, что первая корректировка действий России была начата уже осенью 1992 г. и длилась до конца 1993 г., затронув как отношения с США, так и действия на Балканах. Эксперт был уверен, что события в регионе затрагивали «важные российские геополитические и экономические интересы» и Москва постепенно отошла от единой с США и другими государствами Запада антисербской позиции», стала проводить политику «противодействия применению силы и жестких экономических санкций против Сербии». Тем не менее он констатировал «ограниченность» этой корректировки, так как в большинстве ключевых международных вопросов российско-американские противоречия сохранялись в рамках «общей согласованной позиции» по поддержке давления на боснийских сербов и установлению бесполетной зоны в Боснии¹⁸. В дальнейшем (1994–1995 гг.), по мнению Ни, Россия стремилась к формированию «зрелого стратегического партнерства» с Западом, но на практике эта ее теоретическая концепция столкнулась с вызовами в ходе боснийского кризиса в такие моменты, как выдвижение НАТО ультиматума боснийским сербам и проведение бомбардировки сербских позиций около Горажде. Эксперт отметил, что «военные действия под руководством США вызвали единодушное резкое осуждение со стороны и официальных лиц, и всех политических сил в России». Автор назвал это «первым противостоянием России с США и их западными союзниками по крупному международному вопросу», полагая, что суть проявившихся противоречий заключалась в стремлении России «восстановить статус великой державы и защитить национальные интересы», добиваясь роли «равноправного партнера США в европейских и мировых делах», тогда как Вашингтон был нацелен на «закрепление и расширение

17 新俄罗斯: 政治、经济、外交 / 薛君度、陆南泉主编. 北京: 中国社会科学院出版社, 1997. [Ни Сяоцюань. Политика России в отношении США // Новая Россия: политика, экономика, дипломатия / под ред. Сюэ Цзюньду, Лу Наньцюаня. Пекин, 1997.] С. 344.

18 Там же. С. 346–347.

результатов холодной войны», не допуская «возрождения России как сверхдержавы, угрожающей их безопасности»¹⁹.

Сходных взглядов придерживались авторы коллективного труда «Россия и современный мир» (1998), подготовленного сотрудниками этого же института под совместной редакцией Ли Цзинцзе²⁰ и Чжэн Юй. В предисловии, написанном Ли, было подчеркнуто, что на начальном этапе становления независимости Россия находилась в «особом историческом переходном периоде» и ее внешняя политика «напрямую зависела от потребностей внутреннего развития и результатов борьбы между различными политическими силами в стране»²¹. Этот тезис был развернут в 11-й главе «Россия и Восточная Европа» данного сборника, автор которой (директор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии, Цзян И) считал, что среди стран Восточной Европы бывшая Югославия, являясь для России «в начале ее независимости наиболее активной дипломатической ареной», предоставила Москве значительные возможности для «реализации уникальной роли»²². Усилия в решении югославского вопроса, как считал эксперт, не только отражали «динамику изменений во внешней политике России после обретения независимости», но и продемонстрировали реальность «изменений в балансе соотношения сил в ее внутренней политике». Цзян И полагал, что на начальном этапе (в 1992 г.) Россия следовала внешнеполитическому курсу «сближения с Западом» и отказалась от традиционного советского «противодействия внешнему вмешательству во внутренние дела Югославии и поддержки ее территориальной целостности», признав независимость Словении, Хорватии и Боснии, и поддержала 30 мая введение СБ ООН санкций против СРЮ, мотивировав это «ответственностью великой державы за поддержание международного правопорядка», что, однако, спровоцировало жесткие обвинения парламента в адрес правительства «в потворстве Западу, утрате традиционных друзей». Автор также акцентировал внимание на прозвучавшее тогда предупреждение с левого политического фланга, что «отношение Запада к СРЮ [сегодня. – Я. Л.] будет политикой в отношении России завтра». Особое внимание автор уделил победе

19 Там же. С. 350.

20 Ли Цзинцзе (род. 1941), работал в Отделе международных связей ЦК КПК (1965–1981), до 1999 г. сотрудник Института СССР и Восточной Европы, директор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии (ИРВЕиЦА) (1999–2004).

21 *Россия и современный мир* / под ред. Ли Цзинцзе, Чжэн Юя. Пекин, 1998. [Россия и современный мир / 李静杰、郑羽主编. 北京: 世界知识出版社, 1998.] С. 2.

22 Там же. С. 362.

Милошевича на выборах 1992 г., потребовавшей от России «изменить отношение к правительству Социалистической партии и подходить к Югославии без излишних фантазий». В результате системного анализа заявлений российской дипломатии и действий Москвы автор выявил «двойную траекторию» стратегии России: «сохраняя согласие с международным сообществом, продолжая оказывать давление на сербов, избегая конфронтации с Западом и мусульманским миром и не потворствуя слепо интересам сербов»²³. К этим шагам автор отнес поддержку РФ резолюции 816 СБ ООН о бесполетной зоне (март 1993 г.); предложение порядка действий для принуждения сторон к выполнению плана Вэнса – Оуэна (май 1993 г.), а также неоднократные предупреждения руководителя МИД РФ. Тогда как в 1994 г. Россия начала «обращать внимание и защищать свои интересы и традиционное влияние», демонстрируя «роль великой державы» при решении спорных вопросов бывшей Югославии (в феврале – выступление против снятия эмбарго на поставки оружия мусульманам, в апреле – негативная реакция на авиаудары НАТО по Горажде и пауза с подписанием программы «Партнерство ради мира»; в августе (после принятия СРЮ мирного плана) – требование немедленного ослабления санкций в отношении Белграда; в декабре – вето на резолюцию об усилении эмбарго против сербов в Хорватии). Эта линия была продолжена в 1995 г. (возобновление военного сотрудничества с СРЮ, предоставление Белграду гуманитарной помощи и осуждение авиаударов НАТО в Боснии (август) и использования Боснии в качестве «испытательного полигона в стремлении к мировому господству»²⁴ и т. д.).

Драматические события на Балканах в 1999 г. (резкое обострение положения в Косове и бомбардировки НАТО СРЮ) привели к росту внимания в Китае к Балканам. Экспертное сообщество КНР было готово дать ответ на возникавшие вопросы и удовлетворить общественный интерес.

В апреле 1999 г. была опубликована коллективная монография «Перемены в Югославии», подготовленная под руководством Чжао Найбиня, эксперта-балканиста Института Восточной Европы и Центральной Азии АОН Китая, основной смысл которой заключался в подведении итогов событий и процессов, происходивших после развала СФРЮ в 1990-е гг. Авторский коллектив начал экспертную работу еще в начале десятилетия, прервав ее в 1993 г., так и не опубликовав тогда

23 Там же. С. 363.

24 Там же. С. 364–365.

итогах проведенных исследований. Ситуация весны 1999 г. помогла выходу книги в апреле 1999 г. после внесения необходимых дополнений. Действия России на постъюгославском пространстве не были в фокусе изложения, и авторы дали оценку только ее некоторым шагам во время Боснийской войны («кризис ультиматума», 1994), отметив, что Россия была «приходящей в упадок великой державой» с богатым опытом борьбы и стратегического планирования. Она одержала «значительную дипломатическую победу» в борьбе за свое положение в мире «без единого выстрела, без угроз кому-либо, без риска для жизни военнослужащих, не потратив ни одного рубля» и заставила Запад считаться с ней при решении международных проблем. Эта победа, сделали вывод члены рабочей группы, ослабила недовольство народа Ельциным, отразила политическое давление со стороны крайних националистов и изменила имидж подчиненности Западу президента России, укрепив положение Ельцина²⁵.

В том же году вклад в изучение политики России на постъюгославском пространстве внес Хао Шиюань, директор Института этнологии АОН Китая и к тому времени уже авторитетный исследователь этнических конфликтов в распавшейся Югославии. В ноябре 1999 г. была опубликована его книга «Имперская гегемония и балканский пороховой погреб», ставшая первым в Китае комплексным исследованием изменений на постъюгославском пространстве, включая войну в Боснии (10-я глава). Влиятельный этнолог не только рассмотрел в ней «события и процессы в широком контексте империалистического соперничества в балканском регионе», но и проанализировал (с точки зрения мировой политологии, этнологии и истории) борьбу империй за Балканы, факторы внешнего вмешательства, ход распада Югославии, а также политику и действия России во время боснийской войны и косовского кризиса. Хао отверг «теорию столкновения цивилизаций» Хантингтона применительно к БиГ. По его мнению, войны между тремя сторонами оказались замаскированным «политическим конфликтом», став «столкновением балканской политики великих держав»²⁶. Поддержка Западом Словении и Хорватии, по его замечанию, была направлена на достижение «полного превосходства капиталистической

25 南斯拉夫的变迁 / 赵乃斌主编. 北京: 中国社会科学院东欧中亚研究所. 1999. [Перемены в Югославии / ред. Чжао Найбинь. Пекин, 1999.] С. 226–227.

26 郝时远. 帝国霸权与巴尔干“火药桶”——从南斯拉夫的历史解读科索沃的现实. 北京: 社会科学文献出版社, 1999. [Хао Шиюань. Имперская гегемония и балканский пороховой погреб: интерпретация реальности Косово на основе истории Югославии. Пекин, 1999.] С. 319.

идеологии над социалистической на Балканском полуострове»²⁷. Позицию Москвы Хао описал при помощи формулировки Г. Киссинджера: «в России национализм на протяжении долгой истории всегда был неотделим от религиозного чувства миссии и имперского оттенка»²⁸. Тем не менее, по мнению Хао, «давние стратегические потребности России на Балканском полуострове превзошли тщеславие “спасителя” как центра православия», потому что «соседние страны стремятся извлечь выгоду из ослабления имперского центра, тогда как сама империя, находящаяся в упадке, пытается восстановить свое могущество среди окружающих государств»²⁹. Хао считал, что поддержка Югославии Россией была обусловлена преимущественно геополитическими и стратегическими соображениями, а не идеологическими причинами. Россия желала, чтобы Югославия, как «единственное не прозападное государство в Восточной Европе, сохранила свою жизнеспособность и была союзницей России в противодействии расширению НАТО на восток»³⁰.

В ноябре 1999 г. свет увидела книга Ма Сипу «Балканские конфликты» – еще одна монография обобщающего характера, в которой автор уделил внимание выявлению причин культурных и религиозных корней конфликтов в регионе, а также рассмотрел действия внешних сил в борьбе за влияние на Балканах. Опытный эксперт дал объяснения стратегических интересов и действий в регионе держав, находящихся вне Балкан, используя категории геополитики. В 9-й главе («Противостояние великих держав на Балканах») Ма назвал «расширение сферы влияния и борьбу за гегемонию единственной целью великих держав на Балканах»³¹. В рамках этой парадигмы автор подверг анализу традиционные интересы Москвы в регионе, подытожив: «Россия всегда рассматривает Балканы как ключевой регион для своей национальной безопасности», а целью ее политики в нем издавна является «обретение выхода к Черному и Средиземному морям»³². В начале 1990-х гг. Россия из-за сложной внутренней ситуации «фактически была вытеснена западными державами с Балкан» и только с 1994 г. получила право голоса по боснийскому вопросу. Основными инструментами действий Москвы в решении югославского кризиса

27 Там же. С. 320.

28 Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 744.

29 Там же. С. 755, 742.

30 郝时远. 帝国霸权... [Хао Шиюань. Имперская гегемония...] С. 321.

31 马细谱. 巴尔干纷争. 北京: 北京大学出版社, 1999. [Ма Сипу. Балканские конфликты. Пекин, 1999.] С. 261.

32 Там же. С. 263–264.

исследователь назвал «использование ООН и ее Совета Безопасности». При этом Москва выступала за «мирное разрешение югославского кризиса, установление стратегического партнерства с США, сдерживание расширения НАТО в балканский регион и стремилась сохранить свое влияние в Сербии». Ма отметил, что возвращение России на Балканы «способствует как укреплению ее статуса великой державы, так и поддержанию баланса влияния внешних сил на Балканах и установлению стабильности в регионе»³³.

Этап оценок 2000–2015 гг.

Начало 2000-х гг. для китайского экспертного сообщества в области истории международных отношений стало временем продолжения публичного всестороннего осмысления событий в России и ее внешней политики прошлого десятилетия. Завершение периода правления Ельцина позволило китайским ученым начать основательный, всесторонний и порой нелицеприятный разбор событий прошедшего десятилетия и результатов правления первого президента России. Существенной темой изучения стали и действия России на заключительных этапах распада СФРЮ и в первой половине «горячей фазы» югославского кризиса 1990-х гг.

Основную роль в изучении России в Китае продолжал играть Институт Восточной Европы и Центральной Азии АОН Китая, переименованный в 2002 г.³⁴ в ИРЕиЦА. Были подведены итоги событий, и периодически публиковались весомые монографии, в которых определенное место отводилось сюжетам 1990-х гг.

В 2000 г. по инициативе руководства АОН Китая была создана исследовательская группа «по югославскому вопросу», полем специализации которой стало изучение президентских выборов в СРЮ, завершившихся сменой режима С. Милошевича. На основе собранных группой материалов был подготовлен и ряд открытых публикаций, в том числе статья Сюй Чжисина «Югославия во внешнеполитической стратегии России: история и современность» (2001). Политолог обобщил стратегические факторы и особенности поведения России, считая, что ее политика в отношении Югославии в 1990-е гг. определялась четырьмя факторами: «1) противодействие расширению НАТО на Восточную Европу и обеспечение статуса России как великой державы в Европе; 2) противодействие вмешательству

33 Там же. С. 266.

34 С 1999 г. по 2004 г. его директором являлся Ли Цзинцзе.

НАТО в суверенитет многонациональных государств под предлогом принципа “права человека выше суверенитета”; 3) ослабление государственной мощи России, ограничивавшее потенциал ее внешнеполитической деятельности; 4) приоритет отношений с Западом над отношениями с Югославией». По мнению Сюй, противоречивость этих факторов определяла особенности поведения Москвы на югославском направлении ее внешней политики: «поддержка Россией Югославии в основном сводилась к оказанию ее в политической и моральной сферах. При обострении противостояния с Западом Россия шла ему на уступки, суть которых заключалась в жертвовании интересами “третьей Югославии”»³⁵.

Как и многие авторы до него, Сюй Чжисинь разделял действия России на четыре этапа, уточнив их границы и основное содержание каждого. Так, первый этап, когда Россия следовала в фарватере Запада, основываясь на своем видении соотношения сил на международной арене и субъективной оценке собственных отношений с Западом, длился большую часть 1992 г. Началом второго этапа эксперт назвал осень 1992 г., когда в связи с вмешательством НАТО в югославский кризис и критикой одностороннего подхода альянса к участникам конфликта Россия начала корректировать свои действия и отходить от единой с западными державами позиции противостояния Сербии по югославскому вопросу. Типичным примером действий России в это время автор назвал публичное заявление Ельцина 25 января 1993 г. Третий этап, по мнению Сюй, начался в феврале 1994 г., когда НАТО без уведомления России выдвинула ультиматум боснийским сербам, что ознаменовало «завершение медового месяца» в ее отношениях с Западом. Шаги Москвы в этот период Сюй Чжисинь назвал «первым случаем прямого противостояния России и Запада по вопросу международных конфликтных ситуаций после обретения Россией независимости». России удалось заблокировать проект резолюции ОБСЕ, квалифицирующей сербов как «агрессоров». Четвертый этап, по мнению Сюй, пришелся на вторую половину 1995 г., когда в расчете на политическую поддержку Запада в переизбрании Ельцина в 1996 г. Москва «продемонстрировала значительное смягчение своей позиции по югославскому вопросу». Автор обратил внимание и на сдержанную реакцию официальной Москвы в связи с бомбардировками НАТО в августе 1995 г.

35 许志新. 俄罗斯对南斯拉夫政策:历史与现实 // 东欧中亚研究. [Сюй Чжисинь. Югославия во внешнеполитической стратегии России: история и современность // Исследования Восточной Европы и Центральной Азии.] 2001. № 5. С. 18.

(она ограничилась критикой «выхода за рамки мандата ООН», а потом без раздумий признала Дейтонские соглашения, присоединившись к их реализации)³⁶. Параллельно эксперт объяснил мотивы российской власти двойственной логикой: стремлением восстановить символический престиж через демонстрацию «победы» на фоне общего стратегического поражения, и вместе с тем — желанием утвердить свое геополитическое присутствие для последующего торга с Западом на более выгодных условиях³⁷. Сотрудник Института Восточной Европы и Центральной Азии АОН Китая Сюй Чжисинь стал самым востребованным экспертом по политике России в это время, опубликовав еще несколько научных текстов. В 2003 г. в двухтомной монографии «Россия за десять лет: политика, экономика, дипломатия», подготовленной в Институте РВЕиЦА, Сюй Чжисинь (во второй главе II тома) коренной проблемой «прозападной дипломатии» Козырева назвал «неверную оценку национальных интересов России». Автор констатировал, что стремление министра к партнерству с Западом с перерастанием в союзные отношения за счет односторонних уступок нанесло ущерб российским интересам и усугубило внутренний политический раскол³⁸. Автор, придерживаясь выработанной им ранее концепции четырех этапов политики России в югославском кризисе, отметил, что она была противоречивой, с значительными уступками Западу, отражая специфику большой геополитической игры, в которой малые страны служили объектом манипуляций крупных игроков³⁹. Во многом он повторил основные положения своей статьи 2001 г. Сюй добавил к ним тезис: «Россия является мировой державой и, более того, европейской великой державой»⁴⁰. Позже (в 2004 г.) с небольшими изменениями этот текст был использован в 12-й главе («Югославия во внешнеполитической стратегии России») книги «Сильный человек в слабой позиции — падение и арест Милошевича», опубликованной по итогам исследований рабочей группы. Автор был убежден, что начиная с середины 1990-х гг. «позиция России по поддержке Югославии в основном оставалась неизменной»⁴¹.

36 Там же. С. 19.

37 Там же. С. 21.

38 *Россия за десять лет: политика, экономика, дипломатия*. Т. 1–2 / ред. Пан Дели, Сюй Чжисинь. Пекин, 2003.] С. 670, 679.

39 Там же. С. 712–721.

40 Там же. С. 717.

41 *Сильный человек в слабой позиции — падение и арест Милошевича* / ред. Пан Дели, Сюй Чжисинь. Пекин, 2004.] С. 117–118.

Чжао Найбинь и Ван Лиминь, несмотря на широкую распространённость их взглядов, не были монополистами по этой теме. В 2002 г. вышло повторное (дополненное) издание коллективного труда «Перемены в Югославии», в котором были усилены комплиментарные оценки действий России («выполняла обязанности члена Контактной группы, активно и творчески участвовала в процессе решения боснийской проблемы, [...] смело противостояла позиции Запада и такой политикой постепенно оттенила собственную роль в решении крупных международных проблем, изменила свой имидж, повысила свой международный статус и защитила свои интересы на Балканах»)⁴². Объяснение действий России в начале 1990-х гг. было у авторов традиционным: «иллюзии относительно Запада во главе с США, под влиянием которых она охотно выступала в качестве партнера Запада на Балканах и не стремилась к поиску собственных интересов»⁴³.

В начале первого десятилетия 2000-х гг. в Китае было продолжено осмысление произошедших в России серьезных трансформационных процессов, затронувших и сферу российской внешней политики, существенной частью которых оказались действия Кремля на постъюгославском пространстве в первой половине 1990-х гг. Они подверглись пристальному и, порой, нелюбимому рассмотрению экспертами по России.

В появившейся в эти годы литературе прежние сюжеты, касающиеся действий России на Балканах, не только повторялись, но получили более детальное освещение, чем ранее. Новые тезисы появились сразу в двух книгах. Одной из них стал трехтомник «Россия в эпоху Ельцина», подготовленный в Институте РВЕиЦА АОН Китая. Третий том «Дипломатия» (2001) вышел под редакцией Сюэ Гана и Цзян И. При описании «взаимодействия и соперничества» России и США в горячих точках планеты кратко были затронуты противоречия между ними во время войны в Боснии. Сюэ Ган (автор первой главы этой книги) полагал, что «российское руководство полностью приняло западные нормы поведения и правила игры в решении международных вопросов, сохраняя согласованность с Западом, чтобы получить политическое

России // Сильный человек в слабой позиции – падение и арест Милошевича / ред. Син Гуанчэн. Пекин, 2004.] С. 269.

42 南斯拉夫的变迁 / 赵乃斌、汪丽敏主编. 广州: 广东人民出版社, 2002. [Перемены в Югославии / ред. Чжао Найбинь, Ван Лиминь. Гуанчжон, 2002.] С. 388.

43 Там же. С. 388.

доверие и экономическую помощь от западных стран»⁴⁴. Со ссылкой на общественное мнение того времени Сюз Ган указывал, что участие России в санкциях против Ирака, Ливии и Югославии не только нанесло ущерб «имиджу России в странах третьего мира, привело к потере традиционных союзников и многих традиционных позиций и приобретенных ранее интересов», но и привело к значительным экономическим потерям для России⁴⁵. По оценке Цзян И, автора 9-й главы («Культура и механизмы принятия решений дипломатии России»), «политика атлантизма не только не позволила России войти в клуб западных держав, но и не позволила преодолеть глубоко укоренившиеся западные опасения в отношении России, а ее результатом стала утрата Россией статуса независимой великой державы». Такая политика, считал Цзян И, способствовала тому, что «подталкивало националистические силы к восприятию внешнего мира с недоверием и отстраненностью»⁴⁶. По мнению автора 11-й главы Ван Сяоюаня, в отношении войны в Боснии Россия в начале обретения своей независимости заняла позицию «стороннего наблюдателя»⁴⁷ (дословно: «стоять в стороне со скрещенными руками»). Поворотным в российской политике на Балканах стал 1993 год, когда Россия начала «отходить от единой с западными державами позиции противодействия Сербии»⁴⁸, приступив к «использованию противоречия между западными странами для предотвращения военных действий США против сербов». Россия неоднократно направляла высокопоставленных должностных лиц для посредничества, стремясь «оказать влияние на налаживание мирного процесса в БиГ»⁴⁹. При этом автор обратил внимание на влияние общественного мнения и заявлений депутатов Госдумы на такие действия МИД. Дипломатические усилия России в Боснии в 1994–1995 гг. были рассмотрены в этом труде в разделе «Стремление к статусу равноправной великой державы». Авторы полагали, что успешное разрешение Россией «кризиса ультиматума» стало «успешной дипломатической акцией, показавшей роль великой державы»⁵⁰.

44 叶利钦时代的俄罗斯（外交卷）/ 学刚、姜毅主编. 北京：人民出版社，2001. [Россия в эпоху Ельцина. Т. 3. Дипломатия / ред. Сюз Ган, Цзян И. Пекин, 2001.] С. 12.

45 Там же. С. 16.

46 Там же. С. 263.

47 Там же. С. 310.

48 Там же. С. 25.

49 Там же. С. 310.

50 Там же. С. 38.

Ярким явлением китайской историографии этого периода стало появление «Очерков истории российской дипломатии» (2002) опытного эксперта, сотрудника Дипломатической академии Китая Линь Цзюня⁵¹, перу которого принадлежит большая часть текстов. Для написания двух разделов главы «Внешняя политика Б. Н. Ельцина» был привлечен эксперт Китайской академии современных международных отношений Фэн Юйцзюнь. В третьем разделе главы (его писал Линь Цзюнь) были рассмотрены геополитические доктрины, воздействовавшие на формирование внешней политики России (атлантизм, неоевразийство и радикальный национализм). Общей тенденцией во внешней политике России эксперт назвал «переход от иллюзий к реальности, от акцента на идеологии к акценту на национальных интересах»⁵². Внешнюю политику России в начале 1990-х гг. он называл «однобокой дипломатией», основанной на «субъективном восприятии соотношения сил на международной арене в те годы и отношений с Западом», когда российская дипломатия, придерживаясь «концепции атлантизма», полностью сдвинулась в сторону Запада, «отказываясь от собственных интересов в ключевых международных вопросах, безоговорочно потакая Западу». Относительно конфликтов в бывшей Югославии Россия, по мысли Фэна, «отказалась от своих традиционных позиций в данном регионе». Вместе с тем он не считал позицию Москвы монолитной и привел ряд примеров несогласия российского экспертного сообщества с проводившимся в то время МИД РФ во главе с Козыревым курсом (письмо сотрудников Института славяноведения и балканистики РАН с осуждением участия России в международных санкциях против Сербии, которое «не соответствует долгосрочным интересам России»). Другими примерами несогласия автор назвал выступления в СМИ, с приведением из них пространных цитат, академика П. В. Волобуева, политолога А. М. Миграняна. Автор отметил, что слепое следование России западному курсу в международных вопросах (включая поддержку санкций против Югославии) привело к «постепенному сокращению влияния России на мировые процессы: политические, экономические и в сфере безопасности», а также нанесло значительный

51 В 1990-е гг. профессор Линь Цзюнь в рамках исследовательских грантов правительства КНР занимался исследованиями в Москве и Киеве. Позже – служил первым секретарем посольства КНР в Минске.

52 林军. 俄罗斯外交史稿. 北京: 世界知识出版社, 2002. [Линь Цзюнь. Очерки истории российской дипломатии. Пекин, 2002.] С. 474.

экономический ущерб⁵³. Политика России в Боснии была названа историческим воплощением и практическим подтверждением эволюции ее внешнеполитической стратегии.

Еще одним весомым исследованием, результаты которого были опубликованы, стала книга «Россия и европейская безопасность» (2001), написанная сотрудником ИРВЕиЦА Лу Цихуа. Ее автор выразила уверенность в том, что Россия по-прежнему остается «великой державой Европы и мира», оказывая «чрезвычайно важное влияние» на будущее развитие архитектуры европейской безопасности⁵⁴. Она считала, что «развитие ситуации на Балканах, особенно эволюция ситуации в бывшей Югославии, сыграло важную роль в процессе переосмысления Россией своих национальных интересов и внешнеполитического курса»⁵⁵. В то же время автор отметила, что ориентация политики России на Балканах будет особенно влиять на отношения между Россией и Западом. Особое внимание автором было уделено роли министра Козырева. По ее мнению, на первых порах он «пытался изменить традиционную роль России как защитницы славянских народов на Балканах», однако под давлением внутривосточных обстоятельств (включая критику со стороны таких политиков, как Е. А. Амбарцумов, О. Г. Румянцев и В. В. Жириновский) министр был вынужден скорректировать прозападную позицию и начал активно отстаивать интересы сербов, так как «нападки на югославскую политику, проводимую Козыревым, были частью острой борьбы между МИД и Верховным Советом в сфере внешней политики». По мнению автора, «националистическая риторика Козырева стала признаком смещения центра политических сил России в сторону национализма», а «корректировка российской политики в отношении Югославии отражала изменения во внешней политике в целом». Тем не менее эксперт полагала, что целью Козырева всегда был поиск «среднего пути» в напряженной международной обстановке, «избегая прямой конфронтации с Западом по боснийскому вопросу»⁵⁶. При этом основными целями российской политики в отношении конфликтов на территории бывшей Югославии были: 1) предотвращение дипломатической изоляции России и недопущение открытого разрыва с Западом; 2) ослабление

53 Там же. С. 477, 481, 486, 484.

54 陆齐华. 俄罗斯和欧洲安全. 北京: 中央编译出版社, 2001. [Лу Цихуа. Россия и европейская безопасность. Пекин, 2001.] С. 2.

55 Там же. С. 179.

56 Там же. С. 183–186.

давления со стороны националистических и просербских группировок в Государственной Думе; 3) обеспечение значимой роли России в играх на Балканах; 4) противодействие попыткам НАТО принимать решения без учета позиции России; 5) сохранение ООН в качестве ключевой международной платформы для обсуждения и реализации политики в отношении бывшей Югославии; 6) недопущение дальнейшей эскалации и распространения конфликта⁵⁷.

В очередной раз тема политики России в Боснии получила освещение в тексте «Отношения России со странами Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы» Чэнь Шипина – главе коллективной монографии «Отношения России с великими державами и соседями» (2005) под редакцией Фэн Шаолэя и опытного политолога Сян Ланьсинь, почетного профессора Университета Фудань. Автор выделил два ключевых фактора, которые, по его мнению, существенно влияли на политику России во время кризиса бывшей Югославии: 1) традиционные исторические и культурные связи России с Сербией; 2) падение государственной мощи России. В развитие и конкретизацию концепции Фэн Шаолэя о маятниковом движении России Чэнь полагал, что именно «взаимодействие этих двух факторов приводило к частым колебаниям и непоследовательности позиции России по вопросу бывшей Югославии, а также проявляло противоречия и вызывало разногласия между населением страны и лицами, принимающими решения по вопросам внешней политики»⁵⁸. На основании этого Чэн выявил основные причины коррекции российской политики в отношении бывшей Югославии, обратив внимание на «стремление России в первые годы после обретения независимости продемонстрировать международному сообществу свое отличие от Советского Союза», поэтому «проамериканская внешнеполитическая ориентация, а также внутренняя нестабильность и ослабление страны привели к тому, что Россия не имела ни возможности, ни намерения оказывать существенное влияние на югославский вопрос»⁵⁹. Чэнь Шипин отметил, что лишь с 1994 г. позиция России по боснийскому вопросу стала более жесткой: просербские настроения в Госдуме во время войны в БиГ привели к тому, что Москва предприняла ряд действий

57 Там же. С. 186.

58 俄罗斯与大国及周边关系 / 冯绍雷、相蓝欣主编. 上海: 上海人民出版社, 2005. [Чэнь Шипин. Отношения России со странами Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы // Отношения России с великими державами и соседями / ред. Фэн Шаолэй, Сян Ланьсинь. Шанхай, 2005.] С. 256.

59 Там же. С. 257.

для распространения своего влияния в урегулировании кризиса, но «из-за ослабления государственной мощи» ее фактическое влияние на дела бывшей Югославии оставалось «весьма ограниченным», и в конечном итоге Россия была вынуждена принять мирный план (июль 1994 г.), который серьезно ущемлял интересы боснийских сербов. Это повторилось и в случае авиаударов НАТО в августе 1995 г., когда «Россия не только не возразила, но, напротив, дала понять США о готовности к дальнейшим согласованным действиям»⁶⁰.

И в дальнейшем тема политики России в югославском кризисе продолжала привлекать внимание авторов в Китае. В монографии «После исчезновения железного занавеса: безопасная среда западной части России и стратегия обеспечения ее безопасности» (2005) сотрудник Института РВЕиЦА Лю Фэнхуа указал, что «политике России в отношении Югославии не хватало последовательности», а российские дипломаты действовали по схеме: сначала протест, затем уступки, когда их заявления и действия часто «противоречили друг другу»⁶¹. Описав взаимоотношения России и НАТО, автор пришел к выводу, что «НАТО добилось больших успехов, а Россия – меньших; НАТО занимало доминирующую позицию, в то время как Россия играла лишь вспомогательную роль. НАТО получило от ООН часть миротворческих полномочий, успешно расширив их на Балканский полуостров, за пределы зоны своей внешнеполитической ответственности. Россия же нанесла ущерб отношениям со своим традиционным партнером в регионе – Сербией. По мнению автора, поддержка Россией передачи миротворческих полномочий от ООН к НАТО стала первым шагом к ее невыгодному положению в будущей системе европейской безопасности»⁶².

Тема России в Боснии также была отражена в первом разделе («Война в Боснии и российско-американские отношения») 9-й главы значимой коллективной монографии «Ни союзники, ни враги: российско-американские отношения после распада СССР (1991–2005)» (2005) влиятельного эксперта Института РВЕиЦА Чжэн Юй. В ней указывалось, что, несмотря на сокращение влияния России по сравнению с СССР, в начале 1990-х гг. она «остаётся великой державой

60 Там же. С. 257–258.

61 柳丰华. “铁幕消失之后”俄罗斯西部安全环境与西部安全战略. 北京: 华龄出版社. 2005. [Лю Фэнхуа. После исчезновения железного занавеса: безопасная среда западной части России и стратегия обеспечения ее безопасности. Пекин, 2005.] С. 68–69.

62 Там же. С. 70

с глобальным влиянием и собственными уникальными интересами», и «ее участие в разрешении конфликтов в регионах нарастало по мере восстановления государственной мощи»⁶³. Чжэн считал, что признание Россией независимости БиГ и возложение на Республику Сербскую «основной ответственности» за развязывание конфликта наглядно демонстрировало «следование правительства Ельцина за политикой Америки по боснийскому вопросу». Автор отметил особенность действий Ельцина, который, реагируя на противодействие оппозиции внутри России, «проводил в отношении сербов БиГ и Республики Сербия политику пристрастного отношения, на основе кровных связей, религии и исторических отношений между его страной и сербами на территории Югославии»⁶⁴. В то же время автор обратил внимание на то, что в 1993 г. подход правительства Ельцина к югославской и боснийской проблеме на деле оказался «сотрудничеством» с западной коалицией под руководством США. Чжэн также напомнил, что накануне всероссийского референдума весной 1993 г. Ельцин в послании к президенту США Б. Клинтону настоятельно призывал его воздержаться от шагов, которые могли бы негативно повлиять на благоприятный для Ельцина результат голосования. Чжэн Юй напомнил, как после завершения референдума, 27 апреля, Ельцин выступил с угрозами в адрес боснийских сербов, требуя прекращения военных действий. Эксперт назвал это стремлением Ельцина «соответствовать западной позиции ради получения политической и экономической поддержки»⁶⁵. Эксперт указал, что Москва заняла жесткую позицию в апреле 1994 г. с целью «умиротворения оппозиции внутри России»⁶⁶, считая важным учитывать в боснийской проблематике «разногласия и противоречия между правительством РФ, Госдумой, МИД и иными ведомствами». По мнению автора, хотя Россия не могла напрямую влиять на развитие ситуации в БиГ, она, начиная со второй половины 1994 г., вела длительную дипломатическую борьбу с США за отмену антиюгославских экономических санкций и предотвращение введения новых ограничительных мер на площадке ООН⁶⁷. Чжэн высказался и о позиции России относительно бомбардировок боснийских сербов

63 郑羽. 既非盟友, 也非敌人: 苏联解体后的俄美关系 (下卷). 北京: 世界知识出版社. 2005. [Чжэн Юй. Ни союзники, ни враги: российско-американские отношения после распада СССР. Пекин, 2005. Т. II.] С. 720.

64 Там же. С. 725–726.

65 Там же. С. 729–730.

66 Там же. С. 731.

67 Там же. С. 733.

силами НАТО в сентябре 1995 г., указав, что она не пошла дальше устных возражений, что было обусловлено не «экономическими трудностями», а «ограничениями, наложенными на ее политику сложными внутренними и внешними факторами». Он считал, что России нужно было принимать в расчет и позиции мусульманского населения самой России, а также позицию Украины, поддержавшей Хорватию, и исламских государств. Наиболее важным, по мнению автора, стало то, что в условиях полномасштабного вмешательства НАТО и США в боснийский вопрос затягивание с его решением не приносило пользы ни Республике Сербия, ни боснийским сербам и не соответствовало интересам России⁶⁸. Рассмотрение событий через призму российско-американских отношений помогло автору прийти к выводу, что в начале 1992 г. «в вопросах межэтнического конфликта в БиГ, не имеющей общей границы с Россией, а также отношений с Югославией Россия не имела собственных соображений и следовала в фарватере политики Запада». Он напомнил, что до декабря 1994 г. «защита» Россией интересов Югославии и боснийских сербов обосновывалась преимущественно «традиционными связями кровного родства, исторической и культурной общности», а не «стратегическим видением новой архитектуры безопасности на европейском континенте». В югославском и боснийском вопросах Россия «держалась курса на сотрудничество с США», но после заявления НАТО о намерении реализовать план расширения на Восток она приступила к «переоценке югославского и боснийского вопросов в контексте будущей конфигурации европейской безопасности и механизмов ее функционирования». Российская сторона приступила к постепенной корректировке стратегии, задействуя потенциал «международного общественного мнения» и механизмы ООН для ограничения действий Североатлантического альянса и сохранения формального сотрудничества с США, избегая эскалации боснийской проблемы до уровня «кризиса в российско-американских отношениях»⁶⁹. Расхождения между Россией и США по вопросам европейской безопасности стали отражением «фундаментальных различий в концептуальном видении архитектуры европейской безопасности после завершения холодной войны и дивергенции интересов» двух стран. Несмотря на то, что противоречие сторон в безопасности носило менее острый характер по сравнению с проблематикой расширения НАТО, его наличие «способствовало формированию у Москвы

68 Там же. С. 736.

69 Там же. С. 739–740.

четкого осознания дихотомии национальных интересов России и Запада», что послужило катализатором «переосмысления» стратегии первоначального прозападного внешнеполитического курса и признания «несбалансированности» такого подхода⁷⁰.

Большинство из указанных авторов продолжали считать Россию великой державой. Вместе с тем в китайском экспертном сообществе в этот период такая оценка не была всеобъемлющей: встречались и ее оттенки, и иные мнения. В экспертном опросе, проведенном журналом «Знания о мире» (2007 г.), ряд сотрудников АОН Китая и Партийной школы ЦК КПК (Лу Наньцюань и Ван Лицзю, Цуо Фэнжун) высказали мнение, что, несмотря на утрату статуса сверхдержавы, Россия безусловно остается мировой, но не сильнейшей мировой державой, сохранив свои преимущества лишь в военной сфере, ресурсообеспеченности, науке, технологиях и в тяжелой промышленности⁷¹. Наряду с этим существовало мнение (профессор Китайского народного университета Чэнь Синьмин), что из-за внутривосточных и экономических проблем Россия опустилась до «статуса державы второго порядка» или «большой региональной державы»⁷².

Во второй половине первого десятилетия 2000-х гг. интерес экспертов по России к истории ельцинского периода, а соответственно и к темам российского участия в событиях боснийской войны и югославского кризиса заметно снизился. Вместе с тем китайские югославы продолжали осмысление уроков югославской истории. В 2009 г. появилась монография Ма Сипу «Взлет и падение Югославии», в которой автором четко указано, что активное участие России в разрешении кризисов на территории бывшей Югославии было частью ее дипломатической стратегии по возвращению на международную арену и восстановлению статуса великой державы, а также отражением ее соперничества в регионе с державами Запада⁷³. А в 2010 г. свет увидела обзорная (начиная с первой балканской войны) монография «Столетие бурных событий на Балканах» известного историка Цзинь

70 Там же. С. 741.

71 左凤荣, 陆南泉, 王耐久. 关于叶利钦的60个疑问 // 世界知识. [Цуо Фэнжун, Лу Наньцюань, Ван Лицзю. Шестьдесят вопросов о Ельцине // Знания о мире.] 2007. № 10. С. 49.

72 陈新明. 十八世纪以来俄罗斯对外政策 (下卷). 北京: 中共中央党校出版社. 2012. [Чэнь Синьмин. Внешняя политика России с XVIII века. Пекин, 2012. Т. II.] С. 795.

73 马细谱. 南斯拉夫兴亡. 北京: 社会科学文献出版社. 2009. [Ма Сипу. Взлет и падение Югославии. Пекин, 2009.] С. 398–400.

Чжунъюаня (Фуданьский университет). Автор предложил более позитивную интерпретацию роли России в регионе, акцентируя внимание на ее внутривосточных и экономических факторах как ключевых детерминантах в советский и постсоветский периоды. В отношении событий 1990-х гг. историк считал, что Россия сыграла «определенную роль в процессе мирного урегулирования в БиГ, достигнув своих целей»⁷⁴. В прогностической части работы Цзинь Чжунъюаня утверждается, что Россия «не намерена так просто уступить свои позиции на Балканах и будет продолжать играть значимую роль в регионе»⁷⁵.

Современный этап (2016 – настоящее время)

Сложно объяснить причины, по которым интерес исследователей к действиям России в регионе в первой половине 1990-х гг. вновь активизировался после 2016 г. Тем не менее этот всплеск позволяет выделить этот период в новый, современный этап. Развитие Китая инициатив «Один пояс, один путь» (2013) и «Сотрудничество между Китаем и странами Центральной и Восточной Европы» (2012) способствовало сохранению интереса и к недавней истории региона, в том числе к действиям и политике России на постъюгославском пространстве. Примером этого стала статья «Геополитические интересы России на Балканах» (2016), подготовленная Чжу Сяочжуном, сотрудником Института РВЕиЦА. Эксперт, вернувшись к теме через 20 лет после событий, рассмотрел комплекс инструментов российского влияния на Балканах, изучив как экономические интересы России в регионе, так и трансформацию ее действий под углом геополитики. Введение Чжу этих тем (геополитика и экономические интересы) позволило говорить уже о геэкономическом подходе к рассмотрению роли России в регионе, утверждать, что Россия рассматривает Балканы как «неотъемлемую часть своего исторического и национального сознания, как составляющую российских интересов». Российские политические цели, по мнению эксперта, заключаются в «ограничении влияния США и НАТО на Балканах, расширении и усилении своего присутствия». Чжу выделил и описал три стратегических инструмента России на Балканах: «использование балканских кризисов, применение энергетического рычага для расширения экономического влияния, стимулирование религиозных и историко-культурных

74 金重远. 百年风云巴尔干. 上海: 复旦大学出版社. 2010. [Цзинь Чжунъюань. Столетие бурных событий на Балканах. Шанхай, 2010.] С. 151.

75 Там же. С. 158.

связей со странами Балкан». По его мнению, Россия «полностью использовала кризисы, вызванные распадом Югославии, [...] с целью помешать странам Запада реализовать эффективную политику в югославском кризисе, ослабить способность Европы и США решать балканские конфликты и повысить престиж России». По мнению эксперта, особенность действий российской дипломатии заключалась в «выстраивании регионального взаимодействия в рамках “цивилизационного или национального разграничения” при опоре на православному идентичность или панславизм»⁷⁶.

В 2018 г. была опубликована книга старшего преподавателя Университета АОН Китая Ли Ти «Россия и Балканы: исторический анализ с позиций геополитики» (2018), преобразованная автором из ее докторской диссертации (под руководством Чжу Сяочжуна) на тему «Историческая эволюция политики России в отношении Балкан». Монография описывает эволюцию политики России в регионе с конца XVII века до наших дней. Ли, как это указано и во введении, придерживается тезиса о постоянном влиянии на формирование российской политики «панславизма и идеи великодержавности в русской национальной культуре»⁷⁷. В главе «Политика России на Балканах в период Ельцина», название которой было созвучно с монографиями, которые публиковали китайские авторы в начале 2000-х гг., Ли Ти уделила основное внимание именно войне в БиГ. В целях анализа изменений в позициях России автор изучила влияние действий НАТО на ее политику, а также рассмотрела противостояние между Москвой и Брюсселем в ряде кризисов. По ее мнению, именно вмешательство Североатлантического альянса в проблемы бывшей Югославии в конечном итоге побудило Москву отказаться от ее прозападной «однобокой» балканской политики как «наносящей непосредственный ущерб стратегическим интересам России»⁷⁸. Со ссылкой на взгляды Джеймса Хедли (James Headley) Ли также сделала вывод, что подавление США великодержавного сознания России оказалось контрпродуктивным и спровоцировало «его усиленное проявление». В подтверждение Ли Ти привела признание Россией Македонии в 1992 г. до того, как это сделало ЕС,

76 朱晓中. 俄罗斯在巴尔干的地缘政治利益 // 俄罗斯学刊. [Чжу Сяочжун. Геополитические интересы России на Балканах // Академический журнал исследований России.] 2016. № 6 (04). С. 7–8.

77 李提. 俄罗斯与巴尔干: 地缘政治视角下的历史探视. 北京: 人民出版社. 2018. [Ли Ти. Россия и Балканы: исторический анализ с позиций геополитики. Пекин, 2018.] С. 4.

78 Там же. С. 100.

ставшее, по ее мнению, самостоятельным шагом Москвы без синхронизации с Западом. Ли трактовала этот шаг как проявление Россией ее великодержавного статуса⁷⁹. Под влиянием «идеи великодержавности» произошло и подключение России к боснийской проблеме, для того чтобы не только «защитить интересы Сербии как своего союзника», но и «сохранить собственное великодержавное достоинство»⁸⁰. Примером этого, по ее мнению (и вновь со ссылкой на Хедли), стало и успешное решение Москвой «кризиса ультиматума» в феврале 1994 г., когда международное сообщество убедилось в том, что Россия, во-первых, имеет особые интересы на Балканах; во-вторых, по-прежнему является одной из основных сил в Европе; в-третьих, играя «роль посредника в конфликте в БиГ, еще больше укрепляет свой статус великой державы». Разница в мощи между Россией и НАТО не позволяла Москве «стремиться к максимально возможной защите собственных интересов для поддержания достоинства великой державы, а только при сохранении согласованности с Западом»⁸¹. Поэтому «проводившаяся Россией однобокая внешняя политика» оказалась отражением «возможностей ее дипломатии и стратегических намерений» соответствующего периода эпохи Ельцина, когда «первоочередной задачей России было восстановление экономики», а внешняя политика служила «проведению внутренних экономических реформ». Именно этими рассуждениями Ли Ти обосновала вывод о сложности «полного отрицания разумности односторонней политики России ельцинской эпохи»⁸².

Заключение

Анализ китайскими учеными политики России в отношении войны в Боснии, как правило, учитывал три основных аспекта: ее традиционные исторические связи с народами бывшей Югославии (особенно с сербами), включая культурные, религиозные и этнические узы; во-вторых, геополитические интересы России в регионе; в-третьих, динамику отношений между Россией и государствами Запада.

С 1996 г. (после заключения Дейтонских соглашений) в китайской научной литературе отчетливо прослеживается эволюция взглядов на роль России в урегулировании боснийского кризиса. Сложившийся в первой половине 1990-х консенсус о том, что проводившаяся с 1992 г.

79 Там же. С. 103–104.

80 Там же. С. 104.

81 Там же. С. 105.

82 Там же. С. 95.

внешняя политика России наносила ущерб ее национальным интересам, трансформировался в более разносторонний подход. Основная характеристика этой корректировки заключалась в постепенном смещении российской дипломатии от идеологической идеализации Запада к основанному на национальных интересах более прагматичному курсу.

Несмотря на то, что действия России на Балканах рассматривались китайскими учеными как важная составная часть изменения российской внешней политики, они на довольно долгое время (2005–2016 гг.) вышли из центра внимания китайского академического сообщества. Возрождение в последние годы интереса к исследованию балканской политики России тесно связано с началом реализации китайской инициативы «Один пояс, один путь» и продвижением стратегии сопряжения «Одного пояса, одного пути» с Евразийским экономическим союзом.

Геополитическое противостояние России и НАТО, приведшее к российско-украинскому конфликту, вернуло некоторый интерес к событиям в Югославии в 1990-е гг. и действиям России, тем не менее новых книг к настоящему времени еще не написано. Ведущие китайские эксперты-международники ограничились переизданием своих прежних трудов. Урожайным оказался 2024 год. Вышла книга Хао Шиюаня (первое издание – 1999 г.) «Имперская гегемония и балканский пороховой погреб: интерпретация реальности Косово на основе истории Югославии»⁸³. Сотрудники Института РВЕиЦА опубликовали многотомное исследование⁸⁴, повторив в томе «Дипломатия» прежние оценки. Монографию «Кризис и порядок» (в трех томах) опубликовал также Фэн Шаолэй⁸⁵. Во всех этих работах политика и действия России на постъюгославском пространстве, как и до этого, рассматривались авторами как наиболее существенное проявление корректировки ее внешнеполитической стратегии. Однако в целом в этих книгах авторы почти перестали упоминать о действиях России в БиГ, уделив приоритетное внимание Косово и соответствующим шагам России.

83 郝时远. 帝国霸权与巴尔干“火药桶”——从南斯拉夫的历史解读科索沃的现实. 北京: 社会科学文献出版社, 2024. [Хао Шиюань. Имперская гегемония и балканский пороховой погреб: интерпретация реальности Косово на основе истории Югославии. Пекин, 2024.]

84 俄罗斯三十年 (1991–2021) (外交卷) / 柳丰华主编. 北京: 社会科学文献出版社, 2024. [Тридцать лет России (1991–2021) (Том: Дипломатия) / под ред. Лю Фэнхуа. Пекин, 2024.]

85 冯绍雷. 危机与秩序. 上海: 上海人民出版社. 2024. [Фэн Шаолэй. Кризис и порядок. Шанхай, 2024.]

Источники и литература

Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1997. С. 744.

Янь Лэй. Война в Боснии (1992–1995 гг.): реакция России в оценках китайских экспертов (по научным публикациям первой половины 1990-х годов) // Славяноведение. 2025. № 6. С. 111–125. DOI: 10.7868/S2949392725060105

陈传金. 冷战后地区冲突国际化的典型——试析波黑问题与大国外交的关系 // 国际展望. [Чэнь Чжуаньцзинь. Типичный пример интернационализации региональных конфликтов после окончания холодной войны – пробный анализ взаимосвязи между проблемой Боснии и Герцеговины и дипломатией великих держав // Международное обозрение.] 1996. № 6. С. 100–105.

陈新明. 十八世纪以来俄罗斯对外政策 (下卷). 北京: 中共中央党校出版社. 2012. [Чэнь Синьмин. Внешняя политика России с XVIII века. Пекин: Изд-во Партийной школы при ЦК КПК, 2012. Т. II.] С. 405–891.

俄罗斯三十年 (1991–2021) (外交卷) / 柳丰华主编. 北京: 社会科学文献出版社, 2024. [Тридцать лет России (1991–2021). Том «Дипломатия» / ред. Лю Фэнхуа. Пекин: Изд-во литературы по общественным наукам, 2024.] 350 с.

俄罗斯十年: 政治 经济 外交(上下卷) / 潘德礼、许志新主编. 北京: 世界知识出版社, 2003. [Десять лет в России: политика, экономика, дипломатия / ред. Пан Дели, Сюй Чжисинь. Пекин: Знания о мире, 2003. Т. 1–2.] 989 с.

俄罗斯与大国及周边关系 / 冯绍雷、相蓝欣主编. 上海: 上海人民出版社, 2005. [Чэнь Шипин. Отношения России с странами Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы // Отношения России с великими державами и соседями / ред. Фэн Шаолэй, Сян Ланьсинь. Шанхай, 2005.] С. 247–269.

俄罗斯与当代世界 / 李静杰、郑羽主编. 北京: 世界知识出版社, 1998. [Россия и современный мир / ред. Ли Цзинцзе, Чжэн Юй. Пекин: Знания о мире, 1998.] 454 с.

冯绍雷. 危机与秩序. 上海: 上海人民出版社, 2024. [Фэн Шаолэй. Кризис и порядок. Шанхай: Шанхайское народное изд-во, 2024.] 1045 с.

冯绍雷. 制度变迁与对外关系: 1992年以来的俄罗斯. 上海: 上海人民出版社, 1997. [Фэн Шаолэй. Системные изменения и внешние связи: Россия после 1992 г. Шанхай: Шанхайское народное изд-во, 1997.] 570 с.

郝时远. 帝国霸权与巴尔干“火药桶”——从南斯拉夫的历史解读科索沃的现实. 北京: 社会科学文献出版社, 1999. [Хао Шиюань. Имперская гегемония и балканский пороховой погреб: интерпретация реальности Косово

на основе истории Югославии. Пекин: Изд-во литературы по общественным наукам, 1999.] 499 с.

郝时远. 帝国霸权与巴尔干“火药桶”——从南斯拉夫的历史解读科索沃的现实. 北京: 社会科学文献出版社, 2024. [*Хао Шиюань*. Имперская гегемония и балканский пороховой погреб: интерпретация реальности Косово на основе истории Югославии. Пекин: Изд-во литературы по общественным наукам, 2024.] 516 с.

金重远. 百年风云巴尔干. 复旦大学出版社, 2010. [*Цзинь Чжунъюань*. Столетие бурных событий на Балканах. Шанхай: Изд-во Фуданьского ун-та, 2010.] 259 с.

李提. 俄罗斯与巴尔干: 地缘政治视角下的历史探视. 北京: 人民出版社, 2018. [*Ли Ти*. Россия и Балканы: исторический анализ с позиций геополитики. Пекин: Народное изд-во, 2018.] 227 с.

林军. 俄罗斯外交史稿. 北京: 世界知识出版社, 2002. [*Линь Цзюнь*. Очерки истории российской дипломатии. Пекин: Знания о мире, 2002.] 524 с.

柳丰华. “铁幕消失之后”俄罗斯西部安全环境与西部安全战略. 北京: 华龄出版社, 2005. [*Лю Фэнхуа*. После исчезновения железного занавеса: безопасная среда западной части России и стратегия обеспечения ее безопасности. Пекин: Изд-во Хуалин, 2005.] 380 с.

陆齐华. 俄罗斯和欧洲安全. 北京: 中央编译出版社, 2001. [*Лу Цихуа*. Россия и европейская безопасность. Пекин: Изд-во бюро переводов при ЦК КПК, 2001.] 421 с.

马细谱. 巴尔干纷争. 北京: 北京大学出版社, 1999. [*Ма Сунь*. Балканские конфликты. Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, 1999.] 465 с.

马细谱. 波黑内战透析 // 世界历史. [*Ма Сунь*. Анализ гражданской войны в Боснии // *Мировая история*.] 1996. № 3. С. 110–115.

马细谱. 南斯拉夫兴亡. 北京: 社会科学文献出版社. 2009. [*Ма Сунь*. Взлет и падение Югославии. Пекин: Изд-во литературы по общественным наукам, 2009.] 537 с.

南斯拉夫的变迁 / 赵乃斌、汪丽敏主编. 广州: 广东人民出版社, 2002. [*Перемены в Югославии* / ред. Чжао Найбинь, Ван Лиминь. Гуанчжон: Гуандунское народное изд-во, 2002.] 509 с.

新俄罗斯: 政治、经济、外交 / 薛君度、陆南泉主编. 北京: 中国社会科学院出版社, 1997. [*Новая Россия: политика, экономика, дипломатия* / ред. Сюэ Цзюньду, Лу Наньцюань. Пекин: Изд-во Китайской академии общественных наук, 1997.] С. 343–360.

许志新. 俄罗斯对南斯拉夫政策: 历史与现实 // 东欧中亚研究. [*Сюй Чжисинь*. Югославия во внешнеполитической стратегии России: история и современность // *Исследования Восточной Европы и Центральной Азии*.] 2001. № 5. С. 18–23, 95–96.

许志新. 俄罗斯对外战略中的南斯拉夫 // 强人弱勢——米洛舍维奇的下台和入狱 / 邢广程主编. 北京: 社会科学文献出版社, 2004. [Сюй Чжисинь. Югославия во внешнеполитической стратегии России // Сильный человек в слабой позиции – падение и арест Милошевича / ред. Син Гуанчэн. Пекин: Изд-во литературы по общественным наукам, 2004.] С. 269–284.

叶利钦时代的俄罗斯 (外交卷) / 学刚、姜毅主编. 北京: 人民出版社, 2001. [Россия в эпоху Ельцина. Т. 3. Дипломатия / ред. Сюэ Гана, Цзян И. Пекин: Народное изд-во, 2001.] 375 с.

郑羽. 既非盟友, 也非敌人: 苏联解体后的俄美关系 (下卷). 北京: 世界知识出版社. 2005. [Чжэн Юй. Ни союзники, ни враги: российско-американские отношения после распада СССР. Пекин: Знания о мире, 2005. Т. II.] С. 517–1021.

朱晓中. 俄罗斯在巴尔干的地缘政治利益 // 俄罗斯学刊. [Чжу Сяочжун. Геополитические интересы России на Балканах // Академический журнал исследований России.] 2016. № 6 (4). С. 5–12.

朱行巧. 从世界热点——前南危机及波黑战争看大国关系 // 世界经济与政治. [Чжу Синцяо. Взгляд на отношения великих держав из горячих точек мира – кризиса на постсоветском пространстве и войны в Боснии и Герцеговине // Мировая экономика и политика. 1996.] № 10. С. 24–27.

左凤荣, 陆南泉, 王邴久. 关于叶利钦的60个疑问 // 世界知识. [Цюо Фэнжун, Лу Наньцюань, Ван Лицзю. Шестьдесят вопросов о Ельцине // Знания о мире.] 2007. № 10. С. 44–51.

References

Chen Chuanjin. *Lengzhan hou diqu chongtu guojihua de dianxing—shixi Bohei wenti yu daguo wajiao de guanxi*. Guoji zhanwang, 1996, no 6, pp. 100–105.

Chen Shiping. "Eluosi yu Zhong Dongou, Dongnanou guojia guanxi". *Eluosi yu daguo ji zhoubian guanxi*, ed. by Feng Shaolei and Xiang Lanxin. Shang hai: Shanghai Renmin Chubanshe, 2005, pp. 247–269.

Chen Xinming. *Shibajishiji yilai Eluosi duiwai zhengce (xia juan)*. Beijing: Zhonggong Zhongyang Dangxiao Chubanshe, 2012, 891 p.

Feng Shaolei. *Weiji yu zhixu*. Shanghai: Shanghai Renmin Chubanshe, 2024, 1045 p.

Feng Shaolei. *Zhidu bianqian yu duiwai guanxi: 1992 nian yilai de Eluosi*. Shanghai: Shanghai Renmin Chubanshe, 1997, 570 p.

Hao Shiyuan. *Diguo baxuan yu Balkan "huoyaotong": cong Nansilafu de lishi jiedu Kesuowo de xianshi*. Beijing: Shehui Kexue Wenxian Chubanshe, 1999, 499 p.

Hao Shiyuan. *Diguo baxuan yu Balkan "huoyaotong": cong Nansilafu de lishi jiedu Kesuowo de xianshi*. Beijing: Shehui Kexue Wenxian Chubanshe, 2024, 516 p.

Jin Zhongyuan. *Bainian fengyun Balkan*. Shanghai: Fudan Daxue Chubanshe, 2010, 259 p.

- Kissindzher, G. *Diplomatiia*. Moscow: Nauchno-izdatel'skii tsentr «Ladomir», 1997, 847 p.
- Li Jingjie and Zheng Yu, eds. *Eluosi yu dangdai shijie*. Beijing: Shijie Zhishi Chubanshe, 1998, 454 p.
- Li Ti. *Eluosi yu Balkan: diyuan zhengzhi shijiaoxia de lishi tanshi*. Beijing: Renmin Chubanshe, 2018, 227 p.
- Lin Jun. *Eluosi wajiao shigao*. Beijing: Shijie Zhishi Chubanshe, 2002, 524 p.
- Liu Fenghua, ed. *Eluosi sanshi nian (1991–2021) (wajiao juan)*. Beijing: Shehui Kexue Wenxian Chubanshe, 2024, 350 p.
- Liu Fenghua. “*Tiemu xiaoshi zhihou*” *Eluosi xibu anquan huanjing yu xibu anquan zhanlüe*. Beijing: Hualing Chubanshe, 2005, 380 p.
- Lu Qihua. *Eluosi he Ouzhou anquan*. Beijing: Zhongyang Bianyi Chubanshe, 2001, 421 p.
- Ma Xipu. *Balkan fenzheng*. Beijing: Beijing Daxue Chubanshe, 1999, 465 p.
- Ma Xipu. *Bohei neizhan touxi. Shijie lishi*, 1996, no 3, pp. 110–115.
- Ma Xipu. *Nansilafu xingwang*. Beijing: Shehui Kexue Wenxian Chubanshe, 2009, 537 p.
- Pan Deli and Xu Zhixin, eds. *Eluosi shi nian: zhengzhi, jingji, wajiao (shangxia juan)*. Beijing: Shijie Zhishi Chubanshe, 2003, 989 p.
- Xu Zhixin. “Nansilafu zai Eluosi duiwai zhanlüe zhong.” *Qiangren ruoshi—Miluosheweiqi de xiatai he ruyu*, ed. by Xing Guangcheng. Beijing: Shehui Kexue Wenxian Chubanshe, 2004, pp. 269–284.
- Xu Zhixin. *Eluosi dui Nansilafu zhengce: lishi yu xianshi. Dongou Zhongya Yanjiu*, 2001, no 5, pp. 18–23, 95–96.
- Xue Gang and Jiang Yi, eds. *Yelixin shidai de Eluosi (wajiao juan)*. Beijing: Renmin Chubanshe, 2001, 375 p.
- Xue Jundu and Lu Nanquan, eds. *Xin Eluosi: zhengzhi, jingji, wajiao*. Beijing: Zhongguo Shehui Kexue Chubanshe, 1997, pp. 343–360.
- Yan Lei. “*Voina v Bosnii (1992–1995 gg.): reaktsiia Rossii v otsenkakh kitaiskikh ekspertov (po nauchnym publikatsiiam pervoi poloviny 1990-kh godov)*.” *Slavianovedenje*, 2025, no 6, pp. 111–125. DOI: 10.7868/S2949392725060105
- Zhao Naibin and Wang Limin, eds. *Nansilafu de bianqian*. Guangzhou: Guangdong Renmin Chubanshe, 2002, 509 p.
- Zheng Yu. *Ji fei mengyou, ye fei diren: Sulian jieti hou de Eluosi—Meiguo guanxi (xia juan)*. Beijing: Shijie Zhishi Chubanshe, 2005, 1021 p.
- Zhu Xiaozhong. *Eluosi zai Balkan de diyuan zhengzhi liyi. Eluosi xuekan*, 2016, vol. 6, no 4, pp. 5–12.
- Zhu Xingqiao. *Cong shijie redian—Qian Nan wei ji Bohei zhanzheng kan daguo guanxi. Shijie jingji yu zhengzhi*, 1996, no 10, pp. 24–27.
- Zuo Fengrong, Lu Nanquan, and Wang Lijiu. *Guanyu Yelixin de 60 ge yiwen. Shijie zhishi*, 2007, no 10, pp. 44–51.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.10

Yan Lei

**The Bosnian War (1992–1995) and Russia’s Response:
Chinese Historiography from the 1995 Dayton Accords to the Present**

Yan Lei

PhD Student

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: 846928122@qq.com

ORCID: 0009-0008-9444-4265

Citation

Yan Lei. The Bosnian War (1992–1995) and Russia’s Response: Chinese Historiography from the 1995 Dayton Accords to the Present // *Slavic Almanac*. 2026. No. 1–2. P. 217–249 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.10

Received: 01.11.2025.

Revised: 07.02.2026.

Accepted: 17.03.2026.

Abstract

The article examines Chinese historiography regarding Russia’s policy, actions, and role in the Bosnian conflict (1992–1995). The author analyzes the evolution of Chinese scholarly perspectives on Russia’s diplomatic efforts during the Yugoslav crisis and identifies key trends in how Moscow’s position is interpreted within China’s academic community. Particular attention is given to how Chinese researchers assess the impact of the Bosnian conflict on the formation of post-Soviet Russia’s foreign policy, its relations with the West, and its standing in the international arena. The study also considers how Chinese historians’ analytical approaches have shifted in response to changes in the global geopolitical environment over the past decades. Three primary thematic pillars are highlighted: Russia’s historical ties with the peoples of the former Yugoslavia (specifically the Serbs), Russia’s geopolitical interests in the Balkans, and the dynamics of its relations with Western states. The early 1990s consensus that Russia’s post-1992 foreign policy harmed its national interests gradually shifted toward a more nuanced assessment. Chinese historiography emphasizes the steady transition of Russian diplomacy from ideologically driven approaches to a more pragmatic policy centered on national interests.

Keywords

Bosnian War, Chinese historiography, Chinese scholarly perspectives, Russia’s foreign policy, the Balkans.

УДК 811.162.3

П. Чеснокова, И. И. Чесноков

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.11

Деантропонимные апеллятивы в чешском нелитературном языке

Чеснокова Петра

Кандидат филологических наук, доцент

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

400131, проспект им. В. И. Ленина, д. 27, Волгоград, Российская

Федерация

E-mail: petches@yandex.ru

ORCID: 0009-0009-0318-948X

Чесноков Иван Иванович

Доктор филологических наук, доцент

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

400131, проспект им. В. И. Ленина, д. 27, Волгоград, Российская

Федерация

E-mail: Isto1923@yandex.ru

ORCID: 0009-0005-8242-5049

Цитирование

Чеснокова П., Чесноков И. И. Деантропонимные апеллятивы в чешском нелитературном языке // Славянский альманах. 2026.

№ 1–2. С. 250–259. DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.11

Статья поступила в редакцию 22.04.2025.

Рецензирование завершено 04.08.2025.

Статья принята к публикации 16.09.2025.

Аннотация

Описываются деантропонимные апеллятивы в чешском нелитературном языке. Выявляются области взаимодействия чехов с действительностью, в которых проявляется необходимость в новых обозначениях; определяются способы создания данных номинативных единиц. Дефиниционный анализ деантропонимных апеллятивов, представленных в «Словаре чешского нелитературного языка», позволяет нам разделить их на семь лексико-семантических групп: 1) «Человек и его свойства», 2) «Одежда и обувь», 3) «Игральные карты и карточные игры», 4) «Алкогольные напитки и наркотики», 5) «Государственные учреждения», 6) «Денежные средства и места их хранения», 7) «Транспортные средства», а также описать пятнадцать единичных

образований: *albert, alois, anča, bohouš, gagarin, karel, kašpar, kašpárek, kristusky, máňa, mařenka, oskar, remek, vašek, venca*. Наиболее психологически значимой для чехов и, соответственно, многочисленной оказывается лексико-семантическая группа «Человек и его свойства», о чем свидетельствует значительное количественное превосходство составляющих ее единиц над образованиями каждой из остальных лексико-семантических групп и единичными образованиями. Основным способом создания деантропонимных апеллятивов в чешском нелитературном языке является безаффиксальная деонимизация, значительно превосходящая в количественном отношении аффиксальную деонимизацию.

Ключевые слова

Оним, антропоним, апеллятив, оним, безаффиксальная деонимизация, аффиксальная деонимизация.

Посвящается профессору Е. В. Брысиной

В ономастических исследованиях заметное место занимает изучение перехода имен собственных в апеллятивы. Этот переход принято называть апеллятивацией или деонимизацией (Подольская 1986: 37, 54). Он может быть полным (апеллятив полностью отрывается от своего имени-источника и становится его омонимом) и ситуативным (оним, имеющий достаточные коннотации, привлекается в качестве сравнения) (Суперанская 1973: 115). В процессе апеллятивации «имя может перестать быть существительным и изменить свою парадигму на соответствующую другой части речи» (Там же). В данной статье изучаются только результаты перехода антропонимов в апеллятивы, то есть деантропонимные апеллятивы.

Деантропонимные апеллятивы представляют интерес для многих ученых. Данные единицы описываются ими как в рамках одного языка (Рокорná 1978; Novoková 1988; Селиванова 2008; Королева 2009), так и в сопоставительном аспекте (Бугуева 2009). Чешские ученые изучают деантропонимные апеллятивы также в рамках исследований диалектной лексики (Hladká 2001) и неологизмов (Martincová 2005; Michalec 2013).

Обращение к деантропонимным апеллятивам объясняется тем, что антропонимы обладают большим словообразовательным потенциалом и активно используются носителями чешского этноязыкового

сознания как в процессе трансонимизации (перехода онима из одного ономастического разряда в другой), так и в процессе апеллятивации, что, в свою очередь, дает обширный языковой материал для исследователей.

Выбор в качестве источника материала «Словаря чешского нелитературного языка» (*Slovník nespisovné češtiny, SNČ*) определяется интересом к функционально-стилистическим параметрам деантропонимных апеллятивов в целом и нелитературным образованиям в частности.

В данной работе мы попытаемся определить, в каких областях взаимодействия носителей чешского этноязыкового сознания с действительностью, как объективной, так и субъективной, проявляется потребность в новых обозначениях и каким образом эти номинативные единицы порождаются.

Дефиниционный анализ изучаемых нами деантропонимных апеллятивов (81 единица), полученных методом сплошной выборки из вышеназванного источника, позволяет разделить их на семь лексико-семантических групп: 1) «Человек и его свойства» (55 единиц), 2) «Одежда и обувь» (7 единиц), 3) «Игральные карты и карточные игры» (5 единиц), 4) «Алкогольные напитки и наркотики» (5 единиц), 5) «Государственные учреждения» (3 единицы), 6) «Денежные средства и места их хранения» (3 единицы), 7) «Транспортные средства» (2 единицы), а также описать пятнадцать единичных образований.

Рассмотрим первую, самую многочисленную, лексико-семантическую группу «Человек и его свойства», которая, в свою очередь, может быть разделена на семь подгрупп.

Первую подгруппу составляют наименования лица, характеризующие его интеллектуальные способности: *andula, mařka* (SNČ: 45, 225) ‘глупая (деревенская) девушка’, *antoušek, vendelín* (SNČ: 46, 413) ‘глупец’, *eman, emil* (SNČ: 111–112) ‘умственно отсталый человек’, *filip* (SNČ: 122) ‘разум, остроумие’, обычно в словосочетании *mít filipa* ‘быть умным, хитрым’, *jakub* (SNČ: 165) ‘глупец, идиот’, *janek* (SNČ: 165–166) ‘безрассудный человек’, *kuba* (SNČ: 202) ‘бестолковый человек, путаник’, *lojza, véna* (SNČ: 218, 413) ‘глупец, умственно отсталый человек’, *matěj* (SNČ: 227) ‘путаник, растяпа, наивный человек’, *matoš* (SNČ: 227) ‘путаник, глупец’.

Все четырнадцать деантропонимных апеллятивов являются омонимами своих производящих единиц.

Во вторую подгруппу входят слова, обозначающие части тела человека: *alexandr, franta, frantík, kašpárek, vašek* (SNČ: 44, 131, 177,

411) ‘мужской половой орган’, *kamilka* (SNČ: 173) ‘женский половой орган’, *karel*, *milan* (SNČ: 176, 231) ‘живот’.

Все восемь деантропонимных апеллятивов являются омонимами своих производящих единиц.

Третья подгруппа формируется из слов, обозначающих психофизиологические состояния лица: *fabián* (SNČ: 114) ‘голод’, *jančít* (SNČ: 165) ‘паниковать’, *kašparovat* (SNČ: 177) ‘вести себя как сумасшедший’, *lojza* (SNČ: 218) ‘сифилис’, *ludmilka* (SNČ: 219) ‘девственница’, *olbram* (SNČ: 265) ‘тот, кто слишком часто смеется’, *pepka* (SNČ: 281–282) ‘инсулыт’, *sebastián*, *šebestián* (SNČ: 334, 357) ‘жажда’, *zvenčnout se* (SNČ: 452) ‘сойти с ума’.

Семь из представленных деантропонимных апеллятивов (*fabián*, *lojza*, *ludmilka*, *olbram*, *pepka*, *sebastián*, *šebestián*) являются омонимами своих производящих единиц, два (*jančít* от *Janek*, *kašparovat* от *Kašpar*) образованы суффиксальным способом, один (*zvenčnout se* от *Venca*) – префиксально-суффиксальным способом, при этом последние три единицы меняют свою частеречную принадлежность – имя > глагол.

Четвертая подгруппа складывается из наименований лица, характеризующих его социальный, в том числе и профессиональный, а также возрастной статус: *pepík* (SNČ: 281) ‘мужчина (житель Праги), занимающий невысокое положение в криминальном мире (сутенер, вор по случаю)’, *richard* (SNČ: 323) ‘богатый пациент, который может заплатить высокий гонорар’, *benjamín*, *benjamínek* (SNČ: 59) 1) ‘самый младший среди родных братьев и сестер, самый младший член семьи, изредка самый младший член коллектива (спортивного, рабочего)’, 2) ‘полицейский’, *dorota* (SNČ: 103) ‘проститутка’, *kryštof* (SNČ: 200) ‘дорожный полицейский’, *mařena* (SNČ: 225) ‘девочка’, *žofka* (SNČ: 455) ‘женщина, супруга’.

Все восемь деантропонимных апеллятивов являются омонимами своих производящих единиц.

Пятая подгруппа представляется наименованиями лица по его национальной принадлежности: *frantík* (SNČ: 131) ‘француз’, *helmut* (SNČ: 150) ‘немец’, *Ivan* (SNČ: 165) ‘русский’, *jánošík* (SNČ: 166) ‘словак’, *matouš* (SNČ: 227) ‘цыган’.

Все пять деантропонимных апеллятивов являются омонимами своих производящих единиц.

Шестая подгруппа образуется из наименований лица, характеризующих его внешний вид: *adam* (SNČ: 42) ‘без одежды, голый’, *havel* (*na havla*) (SNČ: 148) ‘мужская прическа, при которой волосы сзади

срезаны строго горизонтально’, *máňa, mánička, mařena* (SNČ: 223, 224, 225) ‘молодой человек с длинными волосами’.

Все пять деантропонимных апеллятивов являются омонимами своих производящих единиц.

Седьмую подгруппу составляют слова, обозначающие сексуальные действия человека и его сексуальную ориентацию: *dorotit* (SNČ: 103) ‘заниматься сексом (с проституткой)’, *filipinkovat* (SNČ: 122) ‘заниматься сексом’, *frantit* (SNČ: 131) ‘целоваться’, *marcela, petra* (SNČ: 224, 284) ‘гомосексуалист’.

Два деантропонимных апеллятива (*marcela, petra*) являются омонимами своих производящих единиц, а три (*dorotit* от *Dorota*, *filipinkovat* – вероятно, от *Filipinka*¹, *frantit* от *Franta*) образованы суффиксальным способом с изменением их частеречной принадлежности – имя > глагол.

Теперь рассмотрим вторую лексико-семантическую группу, которую мы назвали «Одежда и обувь». Здесь обнаруживаются следующие образования: *adamky* (SNČ: 42) ‘бикини с завязками сбоку’, *jégrovky, jégry, jégrhózný* (SNČ: 167) ‘шерстяные мужские кальсоны’, *vendelín* (SNČ: 413) ‘вывернутый наизнанку и перешитый мужской костюм’, *jarmilky* (SNČ: 166) ‘чешки’, *kristusky* (SNČ: 198) ‘летняя обувь с завязками на икрах’.

Из приводимых выше семи деантропонимных апеллятивов один (*vendelín*) является омонимом своей производящей единицы, а шесть (*adamky* от *Adam*, *jégrovky, jégry, jégrhózný* от *Jégr / Jäger*², *jarmilky* от *Jarmilka*, *kristusky* от *Kristus*) образованы суффиксальным способом с приобретением ими формы *pluralia tantum*.

Третью лексико-семантическую группу «Игральные карты и карточные игры» составляют такие единицы, как: *bedřich, béďa* (SNČ: 47) ‘марьяж’, *karel* (SNČ: 176) ‘вторая самая вторая по старшинству карта при игре в марьяж’, *otokary* (SNČ: 269) ‘восьмерки’, *vencl* (SNČ: 413) ‘валет’.

1 Глагол *filipinkovat* ‘заниматься сексом’ впервые зафиксирован в книге, описывающей язык низших слоев жителей г. Брно и его окрестностей, см. (Nováček 1929: 61). Вряд ли данная лексема образована от названия островов в Юго-Восточной Азии (*Filipíny*) и их жителей (*Filipínek, Filipínka*). Скорее, лексема образована от гипокористического варианта женского имени *Filipinka* (от *Filipa, Filipína*), произведенного от мужского имени *Filip*.

2 *Jégr* – чешский вариант немецкой фамилии *Jäger*. Prof. dr. Gustav Jäger – немецкий врач, антрополог, зоолог – пропагандист шерстяного нижнего белья для мужчин (SNČ: 167).

Из данных пяти деантропонимных апеллятивов четыре являются омонимами своих производящих единиц, а один (*otokary* от *Otokar*) образован суффиксальным способом с приобретением им формы *pluralia tantum*.

В четвертую лексико-семантическую группу «Алкогольные напитки и наркотики» входят слова: *mikulášek* (SNČ: 231) ‘рюмка крепкого напитка’, *herodes* (SNČ: 150) ‘героин’, *maruška*, *mařena*, *mařenka* (SNČ: 225) ‘марихуана’.

Все пять деантропонимных апеллятивов являются омонимами своих производящих единиц.

Пятая лексико-семантическая группа «Государственные учреждения» формируется из слов: *antouškárna* (SNČ: 46) ‘полицейский участок’, *kateřinky* (SNČ: 177) ‘психиатрическая лечебница’, *vašek* (SNČ: 411) ‘тюрьма св. Вацлава на Здеразе’.

Из данных трех деантропонимных апеллятивов один (*vašek*) является омонимом своей производящей единицы, другой (*antouškárna* от *Antoušek*) образован суффиксальным способом, а третий (*kateřinky* от *Kateřinka*) образован суффиксальным способом с приобретением им формы *pluralia tantum*.

Шестая лексико-семантическая группа «Денежные средства и места их хранения» складывается из следующих единиц: *mařeny*, *mařky* (SNČ: 225) ‘немецкие марки’, *kateřina* (SNČ: 177) ‘касса, сейф’.

Из представляемых выше трех деантропонимных апеллятивов один (*kateřina*) является омонимом своей производящей единицы, а два (*mařeny*, *mařky* от *Mařena*, *Mařka*) образованы суффиксальным способом с приобретением ими формы *pluralia tantum*.

Седьмая лексико-семантическая группа «Транспортные средства» представляется словами: *andula* (SNČ: 45) ‘самолет Антонов АН-2’, *máňa* (SNČ: 223) ‘грузовик’.

Эти два деантропонимных апеллятива являются омонимами своих производящих единиц.

Кроме лексико-семантических групп мы выделяем также единичные образования (15 единиц): *albert*, *oskar* (SNČ: 43, 268) ‘солнце’, *alois* (SNČ: 44) ‘необоснованное удаление здорового аппендикса’, *anča* (SNČ: 45) ‘анатомия’, *bohouš* (SNČ: 66) ‘туалет’, *gagarin* (SNČ: 135) ‘вид дедовщины, при которой солдат (новобранец) должен влезть в шкаф, который потом из вертикального положения переводят в горизонтальное’, *karel* (SNČ: 176) ‘кража во время обмена денег’, *kašpar* (SNČ: 177) ‘смешной человек’, *kašpárek* (SNČ: 177) ‘картофельное пюре с сосиской’, *kristusky* (SNČ: 198) ‘тридцатитрехлетие’, *máňa*

(SNČ: 223) ‘пистолет’, *mařenka* (SNČ: 225) ‘препятствование исполнению административного решения’, *remek, uhrát remka* (SNČ: 321) ‘ничья’ и ‘сыграть вничью’ соответственно, *vašek, venca* (SNČ: 411, 413) ‘большой барабан’.

Из пятнадцати вышеперечисленных деантропонимных апеллятивов четырнадцать – омонимы своих производящих единиц, а один (*kristusky* от *Kristus*) образован суффиксальным способом с приобретением им формы *pluralia tantum*.

Наиболее психологически значимой для чехов и, соответственно, многочисленной оказывается лексико-семантическая группа «Человек и его свойства», о чем свидетельствует значительное количественное превосходство составляющих ее единиц над образованиями каждой из остальных лексико-семантических групп и единичными образованиями.

Основным способом образования деантропонимных апеллятивов является безаффиксальная деонимизация, значительно превосходящая в количественном отношении аффиксальную деонимизацию.

Источники и литература

Бугуева Н. В. Отантропонимическая деривация в русском и немецком языках (по лексикографическим источникам): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2009. 22 с.

Королева И. Н. Апеллятивация имен собственных по характеру изменения денотативного и/или грамматического значения // Известия Саратовского университета. Сер. Филология. Журналистика. 2009. Т. 9. Вып. 2. С. 24–27.

Подольская Н. В. Апеллятивация // Теория и методика ономастических исследований. М.: Наука, 1986. С. 42–46.

Селиванова И. В. Деантропонимические апеллятивы в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2008. 20 с.

Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 365 с.

Hladká Z. Personická motivace přenesených pojmenování v českých nářečích // Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná. Linguistica Brunensia. 2001. Ročník 50. Číslo A49. S. 197–211.

Hovorková A. Vlastní jména a apelativizované názvy výrobků v češtině // Naše řeč. 1988. Ročník 71. Číslo 2. S. 68–75.

Martincová O. Nová příslovečná pojmenování // Neologizmy v dnešní češtině. Praha: ÚJČ AV ČR, 2005. S. 134–146.

Martincová O. Nová slovesná pojmenování // Neologizmy v dnešní češtině. Praha: ÚJČ AV ČR, 2005. S. 119–133.

Michalec V. Depropriální neologizmy tvořené z příjmení // Проблеми на неологията в славянските езици / съставители и научни редактори: Д. Благоева, С. Колковска, М. Лишкова. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2013. С. 153–162.

Nováček O. Brněnská plotna. Brno: nákl. vl., 1929. 75 s.

Pokorná E. Apelativizovaná jména v české slovní zásobě // Slovo a slovesnost. 1978. Ročník 39. Číslo 2. S. 116–125.

SNČ – Slovník nespisovné češtiny. Argot, slangy a obecná mluva od nejstarších dob po současnost. Historie a původ / hl. redaktor Dr. J. Hugo. 2. rozšířené vydání. Praha: MAXDORF, 2006. 460 s.

References

Bugueva, N. V. *Otantronimicheskaia derivatsiia v russkom i nemetskom iazykakh (po leksikograficheskim istochnikam)*: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2009, 22 p.

Hladká, Z. “Personická motivace přenesených pojmenování v českých nářečích.” *Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná. Linguistica Brunensia*, 2001, vol. 50, no A49, pp. 197–211.

Hovorková, A. “Vlastní jména a apelativizované názvy výrobků v češtině.” *Naše řeč*, 1988, vol. 71, no 2, pp. 68–75.

Hugo, J. (Ed.), *Slovník nespisovné češtiny. Argot, slangy a obecná mluva od nejstarších dob po současnost. Historie a původ*. 2. rozšířené vydání. Praha: MAXDORF, 2006, 460 p.

Koroleva, I. N. “Apelliativatsiia imen sobstvennykh po kharakteru izmeneniia denotativnogo i/ili grammaticeskogo znacheniia.” *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Ser. Filologiya. Zhurnalistika*, 2009, vol. 9, issue 2, pp. 24–27.

Martincová, O. “Nová příslovečná pojmenování.” *Neologizmy v dnešní češtině*. Praha: ÚJČ AV ČR, 2005, pp. 134–146.

Martincová, O. “Nová slovesná pojmenování.” *Neologizmy v dnešní češtině*. Praha: ÚJČ AV ČR, 2005, pp. 119–133.

Michalec, V. “Depropriální neologizmy tvořené z příjmení.” *Problemi na neologiiata v slavianskite ezitsi*, ed. by D. Blagoeva, S. Kolkovska, M. Lishkova. Sofia: Akademichno izdatelstvo “Prof. Marin Drinov”, 2013, pp. 153–162.

Nováček, O. *Brněnská plotna*. Brno: nákl. vl., 1929, 75 p.

Podol'skaia, N. V. “Apelliativatsiia.” *Teoriia i metodika onomasticheskikh issledovanii*. Moscow: Nauka, 1986, pp. 42–46.

Pokorná, E. “Apelativizovaná jména v české slovní zásobě.” *Slovo a slovesnost*, 1978, vol. 39, no 2, pp. 116–125.

Selivanova, I. V. *Deantroponimicheskie apelliativy v sovremennom nemetskom iazyke*: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, 2008, 20 p.

Slovník nespisovné češtiny. Argot, slangy a obecná mluva od nejstarších dob po současnost. Historie a původ, hl. redaktor Dr. J. Hugo. 2. rozšířené vydání. Praha: MAXDORF, 2006, 460 p.

Superanskaia, A. V. *Obshchaia teoriia imeni sobstvennogo*. Moscow: Nauka, 1973, 365 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.11

P. Chesnokova, I. I. Chesnokov

The Deantroponymic Appellatives in the Czech Non-Literary Language

Petra Chesnokova

Candidate of Letters, associate professor

Volgograd State Socio-Pedagogical University

400131, Lenina Ave. 27, Volgograd, Russian Federation

E-mail: petches@yandex.ru

ORCID: 0009-0009-0318-948X

Ivan I. Chesnokov

Doctor of Letters, associate professor

Volgograd State Socio-Pedagogical University

400131, Lenina Ave. 27, Volgograd, Russian Federation

E-mail: Isto1923@yandex.ru

ORCID: 0009-0005-8242-5049

Citation

Chesnokova P., Chesnokov I. I. The Deantroponymic Appellatives in the Czech Non-Literary Language // Slavic Almanac. 2026. No 1–2. P. 250–259 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.11

Received: 22.04.2025.

Revised: 04.08.2025.

Accepted: 16.09.2025.

Abstract

The deantroponymic appellatives in the Czech non-literary language are described. The spheres of interaction of the Czechs with reality, in which (we mean the spheres of interaction) the necessity in new names shows itself, are revealed; the ways of creation of the given nominative signs are determined. The definitional analysis of the deantroponym-

ic appellatives, presented in the Dictionary of the Czech non-literary language, makes it possible for us to divide them into seven lexical-semantic groups: 1) “Human being and his/her qualities”, 2) “Clothes and footwear”, 3) “Playing cards and card games”, 4) “Alcoholic drinks and narcotics”, 5) “State offices”, 6) “Money means and places for their safekeeping”, 7) “Means of transportation” and to describe fifteen single units: *albert*, *alois*, *anča*, *bohouš*, *gagarin*, *karel*, *kašpar*, *kašpárek*, *kristusky*, *máňa*, *mařenka*, *oskar*, *remek*, *vašek*, *venca*. The lexical-semantic group “Human being and his/her qualities” turns out to be the most psychologically significant for the Czechs and, consequently, the largest, that is testified by the considerable quantitative superiority of the forming it units over the formations of each of the rest lexical-semantic groups and single units. The main way of creation of the deantroponymic appellatives in the Czech non-literary language is non-affixal deonymization, which outnumbers affixal deonymization considerably.

Keywords

Onym, anthroponym, appellative, homonym, non-affixal deonymization, affixal deonymization.

Синкретизм в лексико-семантической системе сербского литературного языка

Каприелова Виктория Валерьевна

Аспирант

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, Москва, Российская Федерация

Младший научный сотрудник

Институт языкознания РАН

125009, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1, Москва, Российская

Федерация

E-mail: nikakar@mail.ru

ORCID: 0009-0006-7314-3098

Цитирование

Каприелова В. В. Синкретизм в лексико-семантической системе сербского литературного языка // Славянский альманах. 2026. № 1–2. С. 260–276. DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.12

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, грант № 22-18-00586 «Построение типологии полисемии с применением частично-автоматизированной системы кросс-языковой идентификации семантических переходов».

Статья поступила в редакцию 15.03.2025.

Рецензирование завершено 19.01.2026.

Статья принята к публикации 17.03.2026.

Аннотация

В данной статье рассматривается явление синкретизма в лексико-семантической системе современного сербского литературного языка (ситуации, когда значения А и В в языке могут быть выражены только с помощью лексемы X). Исследование показывает, что синкретизм в сербском представляет собой явления двух типов. С одной стороны, существует старый, «чистый» синкретизм (соответствующий нашему определению), зачастую сложившийся в праславянский период и сохранившийся в современном языке (например, лексема *кожа* – по-прежнему единственный способ выразить значения ‘кожа’ и ‘шкура’). С другой стороны, типологической чертой сербской

ЛСС (лексико-семантической системы) можно признать существование «нового» синкретизма: ситуации, когда сосуществуют лексема У со значением А (например, глагол *лити* со значением ‘лить’) и лексема Х со значениями А и В (глагол *ситати* со значениями ‘лить’ и ‘сыпать’). При этом лексема Х активно употребляется в обоих значениях, словно лексема У не существует. Существование в сербском старого и нового синкретизма можно связать как с тенденцией сохранять черты архаической системы, так и со стремлением к языковой экономии.

Ключевые слова

Синкретизм, лексические параллели, сербский язык, русский язык, семантика, семантические переходы.

*Посвящается моему дорогому научному руководителю,
Екатерине Ивановне Якушкиной (1977–2026),
благодаря неоценимой поддержке и помощи которой
это исследование было выполнено.*

Интерес к типологическому описанию лексики славянских литературных языков зародился еще во второй половине XX в.: большое значение этому направлению придавал А. В. Исаченко, которому принадлежит классическая работа на эту тему (Исаченко 1958). В современной лингвистике подобные исследования получили импульс благодаря работам С. М. Толстой (Толстая 2008) и развиваются в рамках таких проектов, как новый сербско-русский словарь (ср. Шапич 2024; Рыжова 2024) или «Сравнительный словарь славянских языков» (Саенко, Толстая, Якушкина 2025).

Изучение типологических черт лексики того или иного литературного языка связано с исследованием формирования и эволюции его лексической системы, поэтому оно может проводиться в контексте исследования языковых изменений (*language change*), одного из актуальных направлений современного языкознания. В англоязычной науке оно началось с интереса к изменениям в фонетической системе языка (Labov 1999), затем постепенно распространилось на изучение других языковых уровней, однако изменения на лексическом уровне, как правило, в меньшей степени оказываются в фокусе внимания лингвистов (в том числе в силу большого количества их источников и некоторой непредсказуемости). Одними из главных проектов изучения языковых

изменений в настоящее время являются базы данных, занимающиеся регистрацией семантических переходов (DatSemShift 3.0.), колексификации, то есть совмещения значений в пределах одной лексемы (CLICS) и диалексификации (EvoSem), представляющей этимологические связи между когнатами. Из отечественных монографических исследований выделим работу Г. И. Кустовой «Типы производных значений и механизмы языкового расширения», в которой процессы, лежащие в основе образования новых значений, автор сводит к двум основным принципам переноса: аналогии (в основе метафоры) и связи (в основе метонимии), а также комбинации этих двух принципов (специализация и генерализация) (Кустова 2004: 54). Целый ряд исследований посвящен вопросу лексических изменений в западной лингвистике (Traugott 1989; Trask 1994; Aitchison 2004; Vybee 2015).

В данной работе выделяется и рассматривается с точки зрения теории семантических переходов такая типологическая особенность сербской лексики, как синкретизм. Термин «синкретизм» употребляется в научной литературе в разных значениях. Так, например, М. В. Пименова (2011; 2012) рассматривает синкретизм как частный случай асимметрии языкового знака и под синкретизмом понимает совмещение нескольких значений или его компонентов (например, прагматических) в рамках одной языковой единицы, «сосуществующих в языке и одновременно актуализирующихся в речи» (Пименова 2012: 135). Под синкретизмом также понимают различного рода нерасчлененность двух значений в рамках одного слова, которую определяют как «неустраненную [...] недискретность семантики слова» (Черепанова 2007), (семантическую) «нерасчлененность» (Колесов 2004: 44), «объединение в одном значении нескольких, часто трудно совместимых, семантических компонентов» (Левицкий 2001: 94). В настоящем исследовании под термином *синкретизм* мы будем подразумевать такую ситуацию, когда «в языке X смыслы P и Q выражаются разными словами, а в языке Y – одним словом» (Зализняк 2013: 42); например, совмещение значений ‘синий’ и ‘голубой’ для англ. *blue*.

Анализируемые в статье примеры синкретизма были нами отобраны в ходе многолетних наблюдений над функционированием сербской ЛСС (лексико-семантической системы), а также извлечены из словаря (Белинская 2015). Описываемыми ниже явлениями, предположительно, не исчерпывается список примеров синкретизма, представленного в сербском языке.

Лексико-семантический синкретизм в сербском языке бывает двух типов: «старый», то есть возникший еще в праславянскую эпоху

и сохранившийся в современном сербском языке, и «новый», то есть развившийся на почве собственно сербского языка.

1. «Старый» синкретизм

Старый синкретизм представляет собой случаи «чистого» синкретизма, ситуации, описанной в данном выше определении, когда для выражения значения А и значения В в некотором языке может использоваться только лексема Х. В большинстве случаев такая колексификация является не результатом развития языка, а сохранением старого единства значений.

1.1. Примером старого синкретизма может выступать серб. *кожа*, которое объединяет в себе значения ‘кожа (человека)’ и ‘шкура’ (отдельная лексема со значением ‘шкура животного’ в сербском языке отсутствует), в самом толковании оказывающиеся неразграниченными: «1.а. спольни омотач који покрива тело човека или животиње. б. такав омотач са животиње, штављен или обрађен: *јарећа* ~, *телећа* ~, *каиш од змијске коже*» (РСЈ: 549) [‘1.а. наружный покров тела человека или животного. б. покров животного, дубленый или обработанный: козья кожа, телячья кожа, ремень из змеиной кожи’]. Колексификация данных значений характерна для большинства славянских языков: «Этимологический словарь славянских языков» фиксирует совмещение значений ‘кожа’ и ‘шкура’ для ст.-сл. *кожа*, мак. *кожа*, чеш. *kůže*, словц. *koža* и полаб. *tüza* (ЭССЯ 12: 35)¹, а в русском, как и в других восточнославянских языках, синкретизм разрушился под влиянием полонизма *шкура* (Фасмер 1987: 451). Данный синкретизм возник, вероятно, на почве праславянского языка, ср. псл. **koža* из **kozja* (*skora*) ‘козья (шкура)’ (ЭССЯ 12: 36). Серб. *кожа* также употребляется в значении ‘шкурка, кожица растения’ (РСЈ: 549), таким образом, его инвариантное значение можно сформулировать как ‘верхний защитный слой живого существа или растения’. В русском же верхний слой растения уподобляется не только коже человека (рус. *кожица*), но и шкуре животного (*шкурка*), в обоих случаях маркируя слово с новым значением диминутивным суффиксом.

1.2. Архаичным можно назвать и совмещение значений ‘красивый’ и ‘хороший, устраивающий говорящего по качеству’, которое в современном сербском языке характерно для прилагательного *леп*;

¹ Совмещение значений ‘кожа’ и ‘шкура’ встречается не только в славянских языках, но и, например, в венгерском и агульском (согласно данным базы семантических переходов DatSemShift 3.0).

ср. «*леп пут* – это неразбитая дорога, *леп стан* – удобная, хорошо расположенная квартира, *леп музеј* – интересный музей» (Якушкина 2021: 73–74). Синкретизм данных значений был представлен и в древнерусском языке (Пименова 2000), значения ‘красивый, прекрасный’ и ‘хороший’, ‘удобный’ фиксируются у лексемы *красный* (СРЯ 11–17 8: 20) и у лексемы *льный* (Там же: 210). Отметим, что такая колексификация характерна для целого ряда языков (в базе DatSemShift 3.0 зафиксировано 32 реализации), в том числе славянских: чешского и болгарского.

1.3. Еще один случай архаичного синкретизма – колексификация значений ‘хороший’ и ‘добрый’, которая была характерна еще, например, для ст.-сл. **добръ** (ЭССЯ 5: 45) и сохраняется в современном сербском языке:

(1) Odgovorićemo da je oduvek svaki **dobar** lekar bio i psihoterapeut². [Мы ответим, что любой **хороший** врач всегда был еще и психотерапевтом.]

(2) Svako ima perfektnu ulogu, odlični su glumci sa slatkim rečima, veštačkim **dobrim** osmehom i ljupkim pogledom. [У каждого своя идеальная роль, они прекрасные актеры с приятными словами, фальшиво-**добрыми** улыбками и очаровательным взглядом.]

1.4. В сербском языке прилагательного *древан* ‘древний’ (являющегося позднейшим заимствованием из русского языка) в значениях ‘старый’ и ‘древний’ активно используется лексема *стари*:

(3) Ne možete beskrajno krpiti **stari** kaput novim zakrpaма. [Нельзя бесконечно латать **старое** пальто новыми заплатками].

(4) Rune. **Staro** pismo severnih naroda... [Руны. **Древнее** письмо северных народов...].

1.5. Синкретично и значение сербского глагола *прати*, который одновременно имеет семантику ‘мыть’ и ‘стирать’:

(5) **Peri** ruke posle svakog dodira sa psom. [Мой руки каждый раз как дотронешься до собаки.]

(6) Uvek stavljам rukavice kad **perem** sudove. [Я всегда надеваю перчатки, когда **мою** посуду.]

(7) Ukoliko ne **perete** odeću nakon kupovine, možete da dobijete neku infekciju. [Не стирая одежду после покупки, можно **подхватить** какую-нибудь инфекцию.]

² Кроме специально оговоренных случаев, все примеры заимствованы из корпуса сербского языка srWaC.

1.6. Глагол *сушити* не различает способ, с помощью которого некоторый продукт освобождается от влаги: «2. уклањати влагу из воћа, поврћа и сл. (ради конзервирања); ослобађати влаге, сокова месо и др. држећи га на диму, на сунцу и др.» (РСЈ: 1295) [2. удалять влагу из фруктов, овощей и т. д. (для консервации); освобождать мясо от влаги, соков и т. д., держа его на дыму, на солнце']. В результате данный глагол колексифицирует значения 'сушить', 'высушивать', а также 'влиять':

(8) Nikad ne **sušiti** odeću parolju. [Никогда не **сушить** одежду на улице.]

(9) ...Tata počinje da **suši** ribu u kuhinjskom ormariću. [...Папа начинает **сушить** рыбу в кухонном шкафчике.]

(10) Uz vino iz svojih podruma domaćini nude vrhunsko sveže povrće i voće, domaći sir, pršut **sušen** na dimu bukovog drveta. [К вину из своих погребов хозяева предлагают свежие овощи и фрукты высшего качества, домашний сыр и прошутто, **вяленое** на буковом дыму.]

1.7. Глагол *мерити* имеет значение 'мерить, взвешивать', не различая, какая именно величина поддается измерению:

(11) Deca i roditelji će se zabaviti **mereći** visinu na ovom veselom rastimetru. [Дети и родители получают удовольствие, **измеряя** свой рост с помощью этого веселого ростомера.]

(12) ...Kupci sami **mere** robu uz pomoć mašine, ili na samouslužnim kasaма сами **чекирају** svoju robu i plaćaju račune. [...Покупатели самостоятельно **взвешивают** свои товары с помощью прибора или проверяют их и оплачивают счета на кассах самообслуживания.]

Однако в развитии этого значения можно наблюдать процесс разрушения изначального синкретизма. В западных областях распространения сербского литературного языка в конкуренцию с *мерити* вступает глагол *вагати*, мотивированный позднеславянским германизмом **vaga*, впервые зафиксированный в сербских текстах в начале XVIII в. (ПСРЈ: 111).

2. «Новый» синкретизм

Новый синкретизм представляет собой случай, пограничный между «чистым» синкретизмом и полисемией. В современном сербском языке достаточно частотна ситуация, когда одновременно сосуществуют лексема Y, имеющая значение A, и лексема X, обладающая значениями A и B и активно употребляющаяся в обоих. Важно,

что лексемы X и Y используются в прямых значениях. Строго говоря, это явление не подходит под определение синкретизма Анны А. Зализняк, так как в языке есть лексема Y со значением A; но лексема X употребляется так, как будто лексемы Y не существует. Другими словами, язык предоставляет возможность членить действительность более дифференцировано, но его носители предпочитают использовать одну лексему сразу в двух значениях, нейтрализуя некоторый признак, который эти значения различает. Особенностью нового синкретизма является то, что, так как значения не были соединены изначально, мы в ряде случаев можем указать направление семантической деривации («чистый» синкретизм направления не имеет).

2.1. В современном сербском языке глагол *iћu*, когда-то конкурировавший с глаголом *jaxati* в значении ‘ездить’, полностью вытеснил его из таких контекстов. В результате в современном глаголе *iћu* сформировался синкретизм: он одновременно употребляется в значениях ‘ходить’ и ‘ездить’:

(13) Svuda je **iћao** peћke, autobusom ili vozom. [Он везде **ходил** пешком, **ездил** на автобусе или поезде.]

Такой же процесс прошел в словацк. *íť*, макед. *оди*, болг. *ида*, хорв. *ići*, которые на данном этапе совмещают значения ‘идти’ и ‘ехать’.

Само праслав. **jaxati* / **jěxati* в русском языке сохранилось в форме *ехать* ‘передвигаться на транспорте’, а в сербском – в *jaxati* ‘ездить верхом’ (ЭССЯ 8: 169–170), причем значение ‘ездить верхом’ закрепилось за сербским глаголом еще в праславянскую эпоху (RJA ZU 4: 418)³. В результате в русском языке мы можем говорить о синкретическом совмещении значений ‘ездить на транспорте’ и ‘ездить верхом’ в глаголе *ехать*, а в сербском – о совмещении значений ‘идти’ и ‘ехать’ в глаголе *iћu*.

2.2. Яркий пример лексемы с синкретическим расширением – глагол *сипати*, исходно ‘сыпать’ и вторично ‘лить’. Хотя сербский язык обладает лексемой *литити* со значением ‘заставлять падать (обычно о жидкостях)’ (РСJ: 647), говорящие часто не различают, производит ли субъект манипуляции с жидкостью или с сыпучим материалом⁴:

³ Согласно «Этимологическому словарю сербского языка», первоначальное значение глагола *jaxati* могло быть ‘управлять повозкой’ [ПЕРСJ: 466], в любом случае предполагая передвижение на лошадях как основной способ езды в то время.

⁴ Колексификация данных значений совершенно не уникальна для сербского языка, базой DatSemShift 3.0 фиксируется 25 реализаций перехода #0354 *to*

(14) Sada ispraznite teglu, pa prvo u teglu postavite kamenje. Onda **sipajte** pesak. [Сейчас освободите банку и сначала положите в банку камни. Потом **насыпьте** песок.]

(15) U staklenu činiju **sipajte** vodu, sodu bikarbonu, malo sirćeta ili soka od limuna. [В стеклянную миску **налейте** воду, добавьте соду, немного уксуса или лимонного сока.]

Глагол *sipati* в обоих значениях широко и устойчиво употребляется на территории Сербии, тогда как в Боснии и Герцеговине употребляется и лексема *lititi* ‘лечь’ (устное сообщение Е. И. Якушкиной по данным экспедиционного архива).

2.3. Глагол *seћи*, который первоначально имел семантику ‘рубить’, впоследствии стал употребляться в значении ‘резать’ (при сосуществовании с глаголом *rezати*) [РСЈ: 1216]:

(16) Radi nešto pametnije. Na primer, **seci** drva za sledeću zimu. [Делай что-то поумнее. Например, **руби** дрова на следующую зиму.]

(17) Holandani pored nas **seku** paradajz, to im je za večeru. [Голландцы перед нами **режут** помидор, это им на ужин.]

Для данного глагола немаркированным оказался признак ‘инструмент, с помощью которого совершается действие’, а также ‘степень интенсивности действия (количество прилагаемых усилий)’, значимой является сема ‘отделение части предмета с помощью острого орудия’. Подобная колексификация характерна и для турецкого глагола *kesmek*; она, вероятно, могла возникнуть в сербском под влиянием турецкого языка.

2.4. При наличии глагола *положити* ‘размещать предмет в горизонтальном положении’ (РСЈ: 966⁵) и в значении ‘положить’, и в значении ‘поставить’ активно используется глагол *ставити*:

(18) Dragan je otišao do fiјoke i **stavio** na sto nekoliko papira. [Драган подошел к ящику и **положил** на стол несколько бумаг.]

(19) Otac bi me podigao, **stavio** u krevet, poljubio i otišao. [Отец бы взял меня на руки, **положил** в кровать, поцеловал и ушел.]

strew – to pour из самых разных языков, включая албанский, венгерский, румынский, армянский, французский, гагаузский и суахили; из славянских языков представлен только сербский язык.

5 В словаре «ставити нешто да лежи» – буквально ‘класть так, чтобы что-то лежало’.

Этот же глагол может употребляться и в значениях ‘вешать’, ‘надевать’ и ‘записывать’:

(20) ...Police za igračke i knjige **staviti** na zidove – visoko do plafona. [...Полки для игрушек и книг **вешать** на стены – повыше к потолку.]

(21) Kad **stavim** naočare nekada vidim, nekada ne vidim. [Когда **надеваю** очки, иногда вижу, иногда не вижу.]

(22) Ako u opciji Pretraga u gornjem meniju **stavimo** reč Klado-vo dobićemo preko 60 tema na ovom Forumu koje govore o Kladovu. [Если в окошко Поиск в верхнем меню мы **вобьем** слово «Кладово», то получим больше 60 тем на этом Форуме, в которых речь идет о Кладове.]

Таким образом, инвариантное значение слова *staviti* можно сформулировать как ‘помещать / размещать’, при этом нейтрализуется признак ‘пространство, в которое помещается объект’ и ‘положение объекта в пространстве’.

2.5. Немаркированным в сербском языке оказывается противопоставление места и направления движения. Так, несмотря на наличие лексемы *куда* (со значением направления движения), и в значении ‘где’, и в значении ‘куда’ используется слово *где*:

(23) Pa **gde** si čoveče, nikad nisi kući. [Ну, **где** же ты, никогда тебя нет дома.]

(24) Gledaj **gde** ideš. [Смотри, **куда** идешь.]

Подобное совмещение характерно и для лексем *тамо*, *овамо*:

(25) Samo moram da vas pitam, gospodo, da li ste vi nekada bili **tamo**? [Только должен вас спросить, господа, вы когда-нибудь **там** были?]

(26) Idemo na neko drugo mesto, ili ipak idemo **tamo**? [Идем в какое-то другое место или все-таки идем **туда**?]

(27) **Овамо** се ништа не догађа (РСЈ: 851). [**Здесь** ничего не происходит.]

(28) Дођите **овамо** (Там же). [Подойдите **сюда**.]

Хотя словарь не фиксирует для лексем *овде* и *ту* компонент значения ‘направление движения’, для них также находятся примеры употребления в значении ‘сюда’:

(29) Oдавде се види боље. Дођи **овде**, па ако ти није далеко. [Отсюда лучше видно. Приезжай **сюда**, если это недалеко от тебя.]

(30) ...Stvarno još ne znam gde ću nastaviti karijeru. Kao da ja ne bih voleo da izađem i kažem – idem **tu**, tada i na toliko godina. [...Правда, я пока

не знаю, где буду продолжать свою карьеру. Как будто мне не хочется выйти и сказать – я иду **сюда**, тогда-то и на столько-то лет.]

В эту же группу можно включить наречия *горе* ‘наверх’, ‘наверху’ и *доле* ‘вниз’, ‘внизу’. Данное явление связано с процессом балканнизации сербского языка (ср. смешение падежей места и направления в некоторых сербских диалектах).

Итак, мы видим, что синкретическое расширение охватывает довольно широкий круг лексем. Мы можем констатировать для сербского языка тенденцию выделять некоторый инвариант значения и распространять его на действия или объекты, похожие на инвариантные. При этом незначимыми становятся такие признаки, как способ действия, инструмент, тип субъекта (человек или животное) и другие.

3. Сверхдифференциация понятий

Отдельно стоит также упомянуть те случаи, в которых речь идет, скорее, не о синкретизме в сербском языке, а о более высокой дифференциации некоторых понятий в русском языке (само явление синкретизма выявляется путем сопоставления одного языка на фоне других языков, поэтому в качестве основания для выделения сверхдифференциации понятий мы можем предложить критерий отсутствия противопоставления данных понятий в большинстве славянских языков).

Например, в сербском не противопоставлены друг другу понятия ‘деревня’ и ‘село’ по признаку ‘величина’ и ‘наличие церкви’. Оба значения выражаются лексемой *село*: «мање људско насеље (чији се становници обично баве пољопривредом и сточарством)⁶» (РСЈ: 1212) [небольшое поселение (жители которого обычно занимаются земледелием или скотоводством)]. В то время как в русском в значении ‘большое поселение с церковью’ используется родственное *село*, а для обозначения более маленького населенного пункта, обычно без церкви (Прохоров 2007: 165), – *деревня*. В современном сербском языке слово *сир* употребляется как в значении ‘сыр’, так и для обозначения кисломолочного продукта, в русском называемого словом *творог*. Известно, что лексема *сыр* тоже объединяла эти значения (СРЯ 11–17 29: 142) (ср. рус. *сырник*), но уже в XV–XVI вв. в русский язык входит слово *творог* (Там же: 260).

6 Ср. также серб. *глобално село* [РСЈ: 1212] от англ. *global village*, которое на русский язык переводится как ‘глобальная деревня’.

4. Причины сохранения старого и развития нового синкретизма в сербском языке

Синкретизм обычно считается чертой архаических лексико-семантических систем. В. В. Колесов связывает семантический синкретизм с мифологическим, «нерасчлененно-целостным» сознанием, для которого характерна связь с «генетической идеей происхождения и синтеза», а разрушение синкретизма – с сознанием «научным», «направленным на анализ и интересующимся функцией» (Колесов 2004: 53). Причем оба эти типа сознания, по мнению ученого, сосуществуют одновременно, а превалирование одного из них объясняется «предпочтением одной из сторон двуединого объекта в каждой конкретной культуре» (Там же). Подобную мысль высказывает и Анна А. Зализняк: «Есть основания полагать, что онтологически развитие многозначности проходит путь не от “конкретного” к “абстрактному”, а скорее от самого общего представления, в котором метафорически или метонимически мотивированные переносы вообще не осознаются как порождающие отдельные сущности, – к постепенному расчленению и оппозиции частных значений» (Зализняк 2006: 43). Сохраняя праславянский синкретизм, сербский язык выступает как носитель архаической лексико-семантической черты.

С другой стороны, М. А. Павлюковец рассматривает синкретизм как инструмент языковой экономии: она отмечает, что факты синкретизма «нередко являются следствием экономии языковых средств и выступают как конденсаторы семантики, характеризуются более богатыми сочетаемостными возможностями, чем типичные явления, обладают полифункциональностью и отличаются особой экспрессивностью» (Павлюковец 2009: 11). На наш взгляд, именно экономия речевых средств может являться одной из причин развития синкретического расширения значений в сербском языке, так как оно снимает необходимость поиска более точного слова, позволяя употреблять лексему с обобщенной семантикой.

Говоря о синкретизме в русском и сербском языках, нельзя не отметить, что есть случаи, когда, напротив, русская лексема совмещает в себе значения, различающиеся в сербском языке. Приведем несколько примеров.

Сербский язык различает значения *скуп* ‘дорогой (о цене)’ и *драг* ‘дорогой (сердцу, об эмоциональной привязанности)’, которые в русском языке объединяются в слове *дорогой*. В русском слове *масло* объединяются значения ‘масло животного происхождения’ и ‘масло растительного происхождения’, разграниченные в сербском языке,

где *уље* – это ‘растительное масло’, а *маслац, путер* – ‘масло животного происхождения’. Другой случай – обозначение соседей: русский язык не различает людей в зависимости от типа пространства, в котором они соседствуют, в то время как серб. *комишија, сусед* – ‘человек, который живет по соседству (например, в одном доме)’, а серб. *цимер* – ‘сосед по комнате’⁷. И еще один пример – из терминологии родства. Сербский язык сохраняет архаичное противопоставление *стриц* ‘дядя по отцу’ и *ујак* ‘дядя по матери’, практически утраченное восточнославянскими языками (Трубачев 1959: 78–79).

Итак, мы можем сделать вывод, что в сербском языке сосуществуют два типа синкретизма: старый, исконный, характерный для древней лексической системы, который сербский язык во многих случаях склонен сохранять (хотя и в русском языке иногда остаются слова с исконным синкретизмом типа *дорогой*); и новый синкретизм, являющийся, на самом деле, расширением значения, в результате которого лексема функционирует так, словно только с помощью нее можно выразить значения А и В. Этот активный процесс синкретического расширения значений, проходящий в современном языке, мы и можем считать уникальной чертой сербского языка. Сербская лексическая система предоставляет носителям две возможности: выражать смыслы, используя лексемы, чье значение претерпело расширение, или выражать противопоставленные значения разными лексемами. При этом носители языка во многих случаях делают выбор в пользу первой возможности.

Важно также то, что большинство приведенных в данной статье примеров представляют собой лексические параллели в русском и сербском языке, то есть слова генетически родственные, но в разных языках разошедшиеся в значениях. К образованию таких пар как раз и приводит стремление одного языка сохранить или развить синкретизм, а другого – синкретизм устранять.

⁷ Данное противопоставление есть и в других языках: ср., например, англ. *neighbour* и *roommate*, венг. *szomszéd* ‘человек, живущий по соседству’, *szobatárs* ‘сосед по комнате’.

Источники и литература

Белинская Л. Н. Сербско-русский, русско-сербский словарь-справочник межъязыковых омонимов «ложные друзья». М.: Троица, 2015. 464 с.

Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянской культуры, 2006. 673 с.

Зализняк Анна А. Семантический переход как объект типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 32–51.

Исаченко А. В. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков // *Slavia*. 1958. Ročník XXVII. Sešit 3. С. 334–352.

Колесов В. В. Слово и дело. Из истории русских слов. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2004. 703 с.

Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.

Левецкий В. В. Семантический синкретизм в индоевропейском и германском // Вопросы языкознания. 2001. № 4. С. 94–106.

Павлюковец М. А. Синкретизм на морфологическом и синтаксическом уровнях английского языка как проявление языковой экономии: функциональный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 22 с.

ПЕРСЈ – Приручни етимолошки речник српског језика. Београд: Институт за српски језик САНУ; Етимолошки речник, 2023. 494 с.

Пименова М. В. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 19–48.

Пименова М. В. Семантическая деривация и синкретизм // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2012. Т. 154, кн. 5. С. 132–136.

Пименова М. В. Эстетическая оценка в древнерусском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000. 38 с.

Прохоров 2007 – Россия. Большой лингвострановедческий словарь / под ред. Ю. Е. Прохорова. М.: АСТ-ПРЕСС МАКС, 2007. 736 с.

РСЈ – Речник српскога језика. Нови Сад: Матица Српска, 2007. 1561 с.

Рыжова Д. А. Типология и лексикография: русский глагол *бросить* и его сербский переводной эквивалент *бацити* на типологическом фоне // Славяноведение. 2024. № 3. С. 92–104. DOI: 10.31857/S0869544X24020082

Саенко М. Н., Толстая С. М., Якушкина Е. И. Проект нового идеографического словаря славянских языков // Славяноведение. 2025. № 5. С. 67–79. DOI: 10.31857/S0869544X25050054

СРЯ 11–17 – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8, 29. М.: Наука, 1981, 2011. 351, 477 с.

Станкович Б. Русско-сербский словарь. Нови Сад; М.: Матица Српска; Русский язык, 1998. 1001 с.

Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. 528 с.

Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 211 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 4. М.: Прогресс, 1987. 864 с.

Черепанова О. А. О соотношении понятий «семантический синкретизм» и «лексико-семантическая группа» в применении к лексической системе древнерусского языка // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия / гл. ред. Г. В. Судаков; сост. С. А. Тихомиров. Вологда: Книжное наследие, 2007. С. 692–697.

Шанич Ю. Л. Сопоставительное описание лексических систем (на материале сербско-русского словаря) // Славяноведение. 2024. № 3. С. 60–73. DOI: 10.31857/S0869544X24030051

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–32), А. Ф. Журавлева (вып. 31–40), Ж. Ж. Варбот (вып. 40–). М.: Наука, 1974–. Вып. 1–.

Якушкина Е. И. Сербохорватская лексика в общеславянском контексте: семантика и география: дис. ... докт. филолог. наук. М., 2021. 297 с.

Aitchison J. Language change: progress or decay? Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 312 p.

Bybee J. Language Change. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 292 p.

DatSemShift 3.0. URL: <https://datsemshift.ru/> (дата обращения: 10.03.2025).

Labov W. Principles of Linguistic Change. Internal factors. Oxford: Blackwell, 1999. 674 p.

RJAZU – Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti

srWaC. URL: https://www.clarin.si/noske/run.cgi/corp_info?corpname=srwac&struct_attr_stats=1&subcorpora=1 (дата обращения: 08.02.2025).

Trask R. L. Language Change (Language Workbooks). London: Routledge, 1994. 104 p.

Traugott E. On the rise of epistemic meaning: an example of subjectification in semantic change // Language. 1989. Vol. 65, no. 1. P. 31–55.

References

- Aitchison, J. *Language change: progress or decay?* Cambridge: Cambridge University Press, 2004, 312 p.
- Belin'kaia, L. N. *Serbsko-russkii, russko-serbskii slovar'-spravochnik mezh'iazykovykh omonimov «lozhnyje druž'ia»*. Moscow: Troitsa, 2015, 464 p.
- Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka*, ed. by S. A. Kuznetsov. St Petersburg: Norint, 2000, 1536 p.
- Bybee, J. *Language Change*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 292 p.
- Cherepanova, O. A. "O sootnoshenii poniatii «semanticheskii sinkretizm» i «leksiko-semanticheskaiia gruppya» v primenenii k leksicheskoi sisteme drevnerusskogo iazyka." *Russkaia kul'tura novogo stoletiiia: Problemy izucheniiia, sokhraneniia i ispol'zovaniia istoriko-kul'turnogo naslediiia*, ed. by G. V. Sudakov, compl. by S. A. Tikhomirov. Vologda: Knizhnoe nasledie, 2007, pp. 692–697.
- Etimologicheskii slovar' slavianskikh iazykov: Praslavianskii leksicheskii fond*, ed. by O. N. Trubachev, A. F. Zhuravlev, Zh. Zh. Varbot. Moscow: Nauka, 1974–. Vols. 1–.
- Isachenko, A. V. "K voprosu o strukturnoi tipologii slovarnogo sostava slavianskikh literaturnykh iazykov." *Slavia*, 1958, Vol. XXVII, no 3, pp. 334–352.
- Kolesov, V. V. *Slovo i delo. Iz istorii russkikh slov*. St Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2004, 703 p.
- Kustova, G. I. *Tipy proizvodnykh znachenii i mekhanizmy iazykovogo rasshireniia*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004, 472 p.
- Labov, W. *Principles of Linguistic Change. Internal factors*. Oxford: Blackwell, 1999, 674 p.
- Levitskii, V. V. "Semanticheskii sinkretizm v indoevropskom i germanskom." *Voprosy iazykoznaniiia*, 2001, no 4, pp. 94–106.
- Pavliukovets, M. A. *Sinkretizm na morfologicheskoi i sintaksicheskoi urovniakh angliiskogo iazyka kak proiavlennie iazykovoii ekonomii: funktsional'nyi aspekt: avtoref. dis. kand. filolog. nauk*. Rostov-on-Don, 2009, 22 p.
- Pimenova, M. V. "Leksiko-semanticheskii sinkretizm kak proiavlennie formal'no-soderzhatel'noi iazykovoii asimmetrii." *Voprosy iazykoznaniiia*, 2011, no 3, pp. 19–48.
- Pimenova, M. V. "Semanticheskaiia derivatsiia i sinkretizm." *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2012, vol. 154, no 5, pp. 132–136.
- Pimenova, M. V. *Esteticheskaiia otsenka v drevnerusskom iazyke: avtoref. dis. kand. filolog. nauk*. St Petersburg, 2000, 38 p.
- Priručni etimološki rečnik srpskog jezika*. Beograd: Institut za srpski jezik SANU; Etimološki rečnik, 2023, 494 p.
- Prokhorov, Iu. Je., ed. *Rossiiia. Bol'shoi lingvostranovedcheskii slovar'*. Moscow: AST-PRESS MAKS, 2007, 736 p.
- Rečnik srpskoga jezika*. Novi Sad: Matica Srpska, 2007, 1561 p.
- Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1880–1976. Vols. 1–23.
- Ryzhova, D. A. "Tipologiiia i leksikografiiia: russkii glagol brosit' i ego serbskii perevodnoi ekvivalent batsiti na tipologicheskoi fone." *Slavianovedenie*, 2024, no 3, pp. 92–104. DOI: 10.31857/S0869544X24020082

Saenko, M. N., Tolstaia, S. M., Iakushkina, Je. I. "Proekt novogo ideograficheskogo slovaria slavianskikh iazykov." *Slavianovedenie*, 2025, no 5, pp. 67–79. DOI: 10.31857/S0869544X25050054

Shapich, Iu. L. "Sopostavitel'noe opisanie leksicheskikh sistem (na materiale serbsko-russkogo slovaria)." *Slavianovedenie*, 2024, no 3, pp. 60–73. DOI: 10.31857/S0869544X24030051

Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv. Vol. 8, 29. Moscow: Nauka, 1981, 2011, 351, 477 p.

Stankovich, B. *Russko-serbskii slovar'*. Novi Sad; Moscow: Matitsa Srpska; Russkii iazyk, 1998, 1001 p.

Tolstaia, S. M. *Prostranstvo slova. Leksicheskaia semantika v obshcheslavianskoi perspektive*. Moscow: Indrik, 2008, 528 p.

Trask, R. L. *Language Change (Language Workbooks)*. London: Routledge, 1994, 104 p.

Traugott, E. "On the rise of epistemic meaning: an example of subjectification in semantic change." *Language*, 1989, vol. 65, no. 1, pp. 31–55.

Trubachev, O. N. *Istoriia slavianskikh terminov rodstva i nekotorykh drevneishikh terminov obshchestvennogo stroia*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1959, 211 p.

Vasmer, M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka*. In 4 vols. Vol. 4. Moscow: Progress, 1987, 864 p.

Yakushkina, E. I. *Serbokhorvatskaia leksika v obshcheslavianskom kontekste: semantika i geografiia. Dis. ... dokt. filolog. nauk*. Moscow, 2021, 297 p.

Zalizniak, Anna A. *Mnogoznachnost' v iazyke i sposoby jeje predstavleniia*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2006, 673 p.

Zalizniak, Anna A. "Semanticheskii perekhod kak ob'ekt tipologii." *Voprosy iazykoznanii*, 2013, no 2, pp. 32–51.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.12

V. V. Kapriellova

Lexical Syncretism in the Lexical-Semantic System of the Serbian Literary Language

Viktoria V. Kapriellova

PhD Student

Lomonosov Moscow State University

119991, Leninskie Gory 1-51, Moscow, Russian Federation

Junior Research Fellow

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

125009, Bolshoy Kislovsky Lane 1-1, Moscow, Russian Federation

E-mail: nikakap@mail.ru

ORCID: 0009-0006-7314-3098

Citation

Kaprielova V. V. Lexical Syncretism in the Lexical-Semantic System of the Serbian Literary Language // Slavic Almanac. 2026. No 1–2. P. 260–276 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.12

Acknowledgements

The work was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project № 22-18-00586 “Mapping of the typology of polysemy via computer-assisted system of the cross-language identification of semantic shifts”.

Received: 15.03.2025.

Revised: 19.01.2026.

Accepted: 17.03.2026.

Abstract

The article examines the phenomenon of lexical syncretism in the modern Serbian literary language, defined as a situation in which two distinct meanings (A and B) are expressed by a single lexeme (X). The study identifies two distinct types of syncretism in Serbian. The first is “old” (archaic) syncretism, which aligns with the traditional definition; it often originated in the Proto-Slavic period and has persisted in the modern language (for instance, the lexeme *koža* remains the only way to express both ‘human skin’ and ‘animal hide’). The second type, which constitutes a typological feature of the Serbian lexical-semantic system, is “new” syncretism. This occurs when a specific lexeme Y (e.g., the verb *liti*, ‘to pour liquids’) coexists with a syncretic lexeme X (e.g., the verb *sipati*, which means both ‘to pour liquids’ and ‘to pour/strew solids’). In such cases, lexeme X is frequently employed in both senses, often displacing lexeme Y in usage. The endurance of old syncretism and the emergence of new forms in Serbian can be attributed to both a tendency toward preserving archaic structures and a drive for linguistic economy.

Keywords

Syncretism, lexical parallels, Serbian language, Russian language, semantics, semantic shifts.

Колтун в польской народной культуре XIX – начала XX в.: анализ источников

Поветкина Полина Борисовна
Кандидат филологических наук, старший преподаватель
Российский национальный исследовательский медицинский
университет им. Н. И. Пирогова
117513, ул. Островитянова, д. 1, Москва, Российская Федерация
E-mail: povetkina_pb@rsmu.ru
ORCID: 0000-0002-8246-5367

Цитирование

Поветкина П. Б. Колтун в польской народной культуре XIX – начала XX в.: анализ источников // Славянский альманах. 2026. № 1–2. С. 277–297. DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.13

Статья поступила в редакцию 01.07.2025.

Рецензирование завершено 06.02.2026.

Статья принята к публикации 17.03.2026.

Аннотация

На материале польских фольклорно-этнографических журналов второй половины XIX – начала XX в. и «Собрания сочинений» Оскара Кольберга в статье рассматривается локализация польских народных представлений о колтуне, наименования колтуна, объекты его воздействия, симптомы и заболевания, ассоциированные с ним в польской народной культуре, его бытийный статус, виды и проявления, причины появления, агенты, которые насылают и снимают колтун, способы формирования колтуна, в лечебных целях, продолжительность его ношения, особенности лечения, время и место его срезания, инструменты, которыми было принято избавляться от колтуна и дальнейшие действия после отделения его от головы. В основу классификации изучаемых народных представлений была положена последовательность описания колтуна из этнолингвистического словаря «Славянские древности» с дополнениями, обусловленными спецификой описываемых представлений в польской народной картине мира. Целью статьи было изучение природы колтуна и места данного явления в польской традиционной культуре. Для этого последовательность описания колтуна была уточнена

и расширена на польском материале, а также приведены цитаты из источников. Авторский перевод фрагментов из работ польских фольклористов о колтуне позволяет сделать их более доступными для русскоговорящего читателя.

Ключевые слова

Этнолингвистика, колтун, народная медицина, фольклор, Польша, магия.

Цель статьи – изучение болезни «колтун» и ее места в польской традиционной культуре. Польские народные представления о колтуне отличаются большим разнообразием и выходят далеко за рамки значения этого слова в польском и русском литературном языке. Неслучайно колтун раньше называли по-латински *plica polonica*. На протяжении всей истории польской фольклористики эта тема неоднократно привлекала внимание исследователей, однако представляется, что в ней осталось еще немало «белых пятен», а часть материала доступна только на польском языке.

В настоящей статье была предпринята попытка систематизации данных о колтуне, содержащихся в «Собрании сочинений» Оскара Кольбега, в польских фольклорно-этнографических журналах второй половины XIX – начала XX в. и ряде других источников.

В основу описания изучаемых народных представлений была положена статья «Колтун» из этнолингвистического словаря «Славянские древности» (Усачева 1999а: 556–559). Вместе с тем данные, представленные в статье, понадобилось уточнить и дополнить, а также привести цитаты из польских источников, чтобы не упустить детали, неизбежно опускаемые в энциклопедическом изложении, которые, однако, могут оказаться важными для анализа.

Локализация. В изучаемый период народные представления о колтуне были зафиксированы в Поморье (Хелмненском воеводстве, Михайловском, Тухоле) (Kolberg 1965: 264), Тарнувском и Жешувском регионах, в том числе в Белой под Тарнувом (Kolberg 1967: 291–293; W. Ul. 1904: 96), Келецком регионе, особенно около Свентокшиских гор и окрестностей Пинчува (Kolberg 1963: 212; Siarkowski 1885: (46)–(47)), Перемышльском регионе (Kolberg 1964: 235), бывшем Великом княжестве Познанском (Чешева под Голанчем, Вонгровце, Кельчеве под Косьцяном, Роске, Драске, Дорухуве, Пшиточной) (Kolberg 1982: 98, 112, 147–148, 159–160, 253), Краковском регионе,

в частности, в окрестностях Скавины, на Подлясье (Kolberg 1962a: 167), в Люблинском регионе, в Бытшице (Kolberg 1962b: 111; Z. A. K. 1894: 354), на Подгалье (Eljasz-Radzikowski 1897: 254), в Калише (Parczewska 1896: 343), в Курках, Дзялдове и к западу от Щитненского повета в Мазурии (Тоерпен 1892: 415), Августовской губернии, а также в Ходишеве в районе Ломжи (Osipowicz 1897: 774, 776), в Жировицах, Ченстохове и в Мехове (Kolberg 1962a: 170), повсеместно у поляков (Osipowicz 1897: 774).

Наименования и этимология. Наиболее известные и распространенные польские названия колтуна – *koltun*, *gościec* и их диалектные разновидности. По всей видимости, этимологически первый вариант связан с лексемой *колдун*, которая является производной от нее: «Слово *колдун* родственно сущ. *колтун* ‘спутанные волосы’, ‘залом’ (ЭССЯ 13: 185). По этой этимологии колдун – тот, кто наводит порчу, делая колтуны – заломы» (Левкиевская 1999: 529). Вероятно, по обратной, но схожей модели от слова *gościec* было образовано польское название разновидности колдунов, которые насылают или лечат данную болезнь, – *gościarze* (Kolberg 1967: 291). В семантике **kьldunь* и **kьltunь* прослеживаются общие мотивы плетения, закручивания: «русск. диал. *колтун* ‘путаник; мошенник’, а также блр. диал. *каўтун* ‘колосья, закрученные со злым умыслом’. В последних двух значениях – на стадии синхронного описания – уже даны основные этапы мотивации нынешнего значения слова *колдун* (из первонач. ‘тот, кто путает, закручивает, напр., колосья, со злым умыслом’)» (ЭССЯ 13: 185). Предположительно, **kьltunь* является производным с суффиксом *-unь* от глагола **kьltati* (эту гипотезу подтверждает, в частности, значение ‘крутить’ у пол. диал. *kieltać*) (Там же: 190, 191).

Наименование *gościec* Оскар Кольберг связывал со словом «гость» (1967: 291). В «Этимологическом словаре польского языка» находим *gościec* ‘ревматизм’ (с XVII в.), ср. чеш. *hostec* ‘то же’, чеш. диал. ‘сыпь’, ‘перхоть’, словац. *hostec* ‘ревматизм’, словац. диал. ‘лишай’, укр. *gostéц* ‘ревматизм’; этимологически от *gość*, праслав. **gostь* в значении ‘пришелец, чужой’ (что существенно), лат. *hostis* ‘враг’ (первоначально ‘чужой’) (Woryś 2008: 174). По-видимому, лексема *gościec* является табуистическим обозначением, эвфемизмом для болезни, симптоматика которой сходна с ревматизмом (ЭССЯ 7: 69; Woryś 2008: 174). Интересна также семантика поедания и ритуального кормления, прослеживающаяся в этимологии этого наименования (ЭССЯ 7: 68), которая, с одной стороны, может отражать народное

представление о том, что болезнь поедает свою жертву, а также указывать на связь с обрядовым угощением самого колтуна (см. далее).

В славянской культуре, в том числе на территории Польши, в качестве обозначения колтуна могли использоваться также названия мифологических персонажей: «силез. *tamunik*, *skřitek*, *skřotek* (букв. ‘гном’, ‘дух’), *vylkodlak* (волколак)» (Усачева 1999а: 556), что обусловлено распространённой функцией демонов заплетать домашним животным косички (колтуны) на гривах или хвостах (Усачева 1999б: 618).

Другие польские названия колтуна, схожие по созвучию со словом *gościec* – *goździeć*, *gwoździec* (Kolberg 1962а: 167), отражают болезненность колтуна и характер испытываемой боли – то, что он «впирается в больного, как гвоздь».

В своих работах Кольберг использует также полонизированный вариант латинского наименования колтуна (*plica polonica*) – *plika* (Kolberg 1967: 298–299). Однако для народной традиции подобное название нехарактерно.

Симптомы и заболевания, ассоциированные с колтуном в польской народной культуре, очень разнообразны. Их можно условно разделить на следующие группы:

- 1) появление колтунов в волосах (Eljasz-Radzikowski 1897: 254; Kolberg 1982: 252; 1962а: 168; Osipowicz 1897: 775);
- 2) ревматизм (Тоерпен 1892: 416) и другие заболевания суставов, костей и конечностей, проявляющиеся ломотой в костях (Eljasz-Radzikowski 1897: 254; Kolberg 1962а: 168), болью в пальце (Kolberg 1982: 252) и в ноге, хромотой, укорочением ноги и формированием в ней шишки (Osipowicz 1897: 776), хрустом суставов, искривлением ногтей (Там же: 775), скорчиванием конечностей (Kolberg 1962а: 168);
- 3) спазмы, судороги, паралич (Kolberg 1962а: 168; Osipowicz 1897: 776);
- 4) кожные заболевания – коросты, язвы (Eljasz-Radzikowski 1897: 254; Kolberg 1962а: 168);
- 5) заболевания глаз (Тоерпен 1892: 416) – воспаление, слепота (Kolberg 1962а: 168);
- 6) заболевания слухового аппарата – глухота (Kolberg 1962а: 168);
- 7) заболевания сердца (Z. A. K. 1894: 354);
- 8) головная боль (Kolberg 1962а: 169; Osipowicz 1897: 776), «которая усиливается при расчесывании волос» (Kolberg 1962а: 168);
- 9) тошнота (Kolberg 1962а: 168; Osipowicz 1897: 776);
- 10) воспаления разных органов (Kolberg 1962а: 168);

11) сонливость или бессонница (Kolberg 1962a: 168);

12) странные желания (Kolberg 1962a: 168).

Первые три группы отражают мифологические представления о колтуне как болезни, которая ломает или скручивает человека целиком либо его отдельные части, поскольку одной из причин появления колтуна считался контакт с искривленным деревом или корнем (см. ниже).

Объекты воздействия. В изучаемый период колтун мог встретиться у всех групп населения любого пола, возраста или социального статуса (Kolberg 1962a: 167). Он поражал не только людей, но и домашних животных – лошадей, скот и собак (Osipowicz 1897: 775; Siarkowski 1885: (46)–(47)).

Бытийный статус колтуна, его «поведение». Достаточно типичной для народной культуры является концепция, что колтун – это злой дух, который проникает в тело больного извне (Kolberg 1967: 291). В Люблинском регионе известно схожее представление о том, что колтун появляется из-за того, что черт проникает внутрь человека (Kolberg 1962b: 83).

Значительный интерес представляет описание колтуна из бывшей Августовской губернии и Подгалья: «Это воплощение болезни, живущее в каждом человеке, как бы невидимый гость, который, в случае неподобающего поведения человека, разнообразно проявляется у него в виде болезни. У каждого человека есть свой гость, и даже, по шутливым рассказам стрелков, он есть у медведя, который похож на человека не только стоя на задних лапах» (Eljasz-Radzikowski 1897: 254). «Крестьяне уверены, что каждый живой человек имеет спрятанный в себе колтун, который ведет себя в нем пассивно до тех пор, пока человек его не стронет (*zruszy*), т. е. не побеспокоит его (*wzburzy*); что поэтому каждый благоразумный человек должен стараться никогда не стронуть свой колтун» (Osipowicz 1897: 776). Согласно данной трактовке, колтун есть у каждого человека, а его проявление провоцируется неправильным поведением.

Парадоксально, но колтун мог рассматриваться в народных представлениях и как способ лечения болезни: «Также знахари (*gościeciarze*) очень верят в колтун (*plika*), утверждая, что все плохие соки тела больного выходят в трубочки волос, в них теряют силу, мертвеют, а больной поправляется. Поэтому самым главным является то, чтобы у него этот колтун вызвать» (Kolberg 1967: 298–299).

В польских народных представлениях колтун имел собственный характер и воспринимался носителями традиции как живое

существо, как и многие другие болезни в народной картине мира. Неслучайно в приведенной ранее цитате Кольберг обращал внимание на то, что слово *gościec* происходит от слова «гость». Считалось, что «гостецы [...] делятся на “спокойные” (кроткие) и “враждебные, которые непримиримо борются с человеком”» (Kolberg 1967: 291). В некоторых локальных традициях срезанный колтун обладал способностью к перемещению (Малопольша) или росту (Райча, повет Живец): «Старики видели, как колтун сам перемещался с одного места на другое, например со стропил в среднюю часть сарая, брошенный на землю, обосновывался на кусте или верхней части растущих злаков, а при повреждении пищал» (Kolberg 1962a: 169). «Когда я был мальчиком, я увидел старую сливу, немного согнутую, и с нее свисали какие-то клоки. Я влез на дерево и вижу, что в дыре спрятанный колтун рос во все стороны, так, что из любой щели выходили эти клоки. Я сразу же соскочил с дерева» (D. M. 1904: 97).

Причины появления колтуна. С бытийным статусом колтунов связаны представления об их происхождении. В изучаемый период носители польской традиции объясняли появление колтунов главным образом мифологическими причинами, а изучавшие данный феномен исследователи, из работ которых мы сегодня черпаем информацию, – преимущественно естественно-научными, в том числе наивными или устаревшими, и зачастую не отделяли эти типы мотивировок друг от друга. Так, фольклорист Франчишек Крчек писал, что колтуны могли быть естественными и искусственными (Křček 1914–1918: 297–298). По мнению Осиповича, первые появлялись из-за тяжелых теплых головных уборов и непостоянного содержания длинных волос в чистоте в летнее время (Osipowicz 1897: 775). Более подробно в трудах ученых описаны мифологические мотивировки возникновения колтуна, например, если в локальной традиции колтун использовался в качестве способа лечения болезни, тогда его вызывали искусственно, чтобы сделать невидимый, несвившийся колтун видимым (Kolberg 1962b: 83).

Иногда причины появления колтуна оставались неизвестными (Kolberg 1962a: 167). В других случаях считалось, что колтун насыщает нечистая сила, особенно черт (Ibid.: 169–170). Очень распространенным было представление о том, что колтун наводит колдун, ведьма (Kolberg 1965: 265, 382) или другие люди, обладающие сверхъестественными способностями, например овчар (Kolberg 1963: 212).

Способы наведения колтунов были широко известны в народной культуре. Поскольку колтун должен был попасть внутрь человека,

чаще всего его давали жертве в еде или напитке (Kolberg 1982: 98). «Колдуньи и ведьмы могут [...] насрать на человека колтун в картофелине или в хлебе, который, после того как эту еду съедят, вылезет и завьется у него на голове» (Kolberg 1965: 382). В 1775 г. в деревне Дорухув в Остшешувском повете женщина, обвиненная в колдовстве, «вместо груш продавала госпоже мышей и так насрала на нее колтун» (Kolberg 1982: 254). В контексте последней цитаты интересен следующий фрагмент из работы Лукаша Голембёвского: «Ведьмы наводят колтуны, из листьев делают мышей, из теста деньги, когда хотят кому-то навредить, смотрят пугающе, постоянно шепчут и вымогают у боязливых зерно, муку, сало» (Gołębiowski 1884: 145). Если рассматривать этот фрагмент сам по себе, создается впечатление, что первые два характерных для ведьм действия (насылание колтуна и превращение листьев в мышей) просто перечисляются и никак не связаны друг с другом, однако предыдущая цитата из книги Кольберга позволяет предположить, что у Голембёвского за первым действием следует пояснение, описание способа, как навести колтун с помощью превращения съедобного в несъедобное или наоборот.

В Пинчuve было записано подробное описание, как колтун передавали от предыдущей жертвы к следующей: «Нужно найти еврея, у которого в течение семи лет был колтун в бороде; потом лошадь, у которой в течение семи лет был колтун в гриве, и собаку, семь лет носящую в хвосте эту болезнь. Как у еврея, так и у лошади и собаки вырвать из того места, где гостит колтун, по несколько волосков, потом нужно отправиться в дом, в котором 27 матиц, и под центральной матицей эти спутанные волосы 24 часа мочить в воде, которую потом налить в склянки. Из склянок такую воду по несколько капель добавить в водку или еду тому человеку, которому хотят насрать вышеозначенную болезнь» (Siarkowski 1885: (46)–(47)).

Для передачи от старого носителя к новому колтун могли подкладывать под порог: «Подклад заключается в том, что взятые у больного человека волосы, завернутые в тряпку, кладут под порог дома. Кто из домашних переступит через этот порог, приобретет болезнь колтуна» (Kolberg 1963: 212). Кроме колдунов и ведьм, колтун мог подложить также его предыдущий носитель или недоброжелатель: «Злоумышленники выносят его на межу, чтобы передать [колтун] кому-то другому» (Kolberg 1967: 298). В Люблинском регионе подбрасывание друг другу или подкладывание под стены состриженного колтуна могло вызывать не сам колтун, а драки и ссоры (Kolberg 1962b: 111).

Для приобретения колтуна необходимо было соприкосновение с ним в волосах (либо с тем, что с ним контактировало). При этом волосы необязательно были человеческими; в польской народной традиции известны случаи насылания колтуна с помощью спутанной собачьей шерсти: «Ведьма наслала колтун одной женщине с приграничья, “посеяв” собачью шерсть у нее в ногу. У больной на ноге образовалась рана, в ней появилось “дикое мясо” (народное название избыточной грануляционной ткани. – П. П.), из которого росли волосы. Когда ведьма “сеяла” эту шерсть, то хорошо видела, как та сразу скручивалась, менялась на глазах, становилась голубой, зеленой, красной и т. д.» (Kolberg 1982: 159–160).

С помощью колтунов можно было распознать колдуна или ведьму, которые их наслали: «Чтобы узнать, кто заколдовал (человека, скотину, дом и т. д.), покупают новый горшок и в нем варят колтуны с волос больного или что-то, что вызвано этой болезнью, до тех пор, пока та ведьма, которая ее наслала, не войдет в комнату, где это делают, поскольку такая ведьма в это время усидеть у себя дома не может и якобы должна прийти на призыв (Чешево под Голанчем)» (Kolberg 1982: 112).

В Перемышльском регионе считалось, что колтун возникает у человека, который потревожил (потрогал или выкопал) корень бузины: «Бузина (*Sambucus nigra*) <...> является кустом враждебным из-за обитания в нем злого духа. Из-за этого его нельзя выкапывать, а особенно добывать его корни, потому что в них сидит зло, и у того смельчака, который бы это сделал, без сомнения, отсохнет рука или умрет кто-то в семье. Или же на него обрушатся различные несчастья: болезни, мор скота, наводнение и т. д. К тому же, кто только по неосторожности или случайно тронет корень бузины, обязательно прицепится колтун, который там сидит, прячась под бузиной» (Kolberg 1964: 235). В том же регионе верили, что колтун появится у человека, который срубил бузинное дерево (Majewski 1900: 584). Колтун образуется у того, кто использовал искривленное дерево или дерево с «ведьминой метлой»¹: «Никогда крестьянин, знающий об этом суеверии, не вывезет из леса ни бурелом, ни искривленное, закрученное (*koltunowate*) дерево, потому что в таком дереве будто бы живет зло, которое может его самого искривить» (Kolberg 1962b: 125). «Считали, что если кто-то наденет белье, выстиранное в щелоке, сделанном из скрученного

¹ «Ведьмина метла» – спутанные фрагменты кроны дерева, напоминающие гнездо или шар, в народных традициях связываемые с деятельностью мифологических персонажей.

дерева (*drzewo kołtunowate*), то есть на котором есть так называемое “коршуново гнездо”, “вихрь” или “шапка” (*kanie gniazdo, wicher, czapka*), то есть большой пучок ветвей, густо сплетенных между собой, действительно напоминающий колтун, то он, без сомнения, будет поражен колтуном» (Osipowicz 1897: 775).

Иногда для получения колтуна было достаточно прикоснуться к нему, пнуть его ногой или перелезть через него (Kolberg 1962a: 169). «Испуганная мать, пойдя за советом к разным женщинам, вызвала бабу-знахарку, которая заявила, что это гостец, и начала спрашивать у мальчика, не переступал ли он где-нибудь через колтун. Мальчик ответил, что, когда он купался в последний раз в Белой, его друзья вытащили из-под дерева на берегу какие-то клоки, про которые говорили, что это колтун, он перепрыгнул их из шалости, а потом очень боялся, потому что другие предсказывали, что теперь у него будет колтун на голове. С этого момента началась его болезнь» (W. Ul. 1904: 96).

Помимо контакта с самим колтуном, его возникновение связывали с определенными растениями, в частности, употреблением в пищу их или приготовленных из них продуктов. Считалось, что колтун вызывает употребление растительного масла (Kolberg 1982: 159), репей, лен или вьющаяся около него повилика, семечко лопуха или чертополоха (Тоерпен 1892: 416). Вероятно, данные представления связаны с внешним сходством частей данных растений с колтуном, со стелющимися переплетающимися побегами, свойствами цепляться за одежду и слипаться. Отдельно среди растений стоит выделить барвинок, поскольку, по поверьям поляков, он мог быть как средством лечения колтуна (см. ниже), так и его причиной: «Верят, что у того, кто выпьет настойку барвинка, появится колтун» (Kolberg 1982: 160). Схожая ситуация отмечается также с колтунником² (плауном), который использовался не только в качестве средства лечения (см. ниже), но и как превентивная мера для защиты от колтуна (Усачева 1999а: 558–559).

Считалось, что колтун обладает собственной волей и желаниями, которые нужно выполнять, чтобы он не навредил больному еще больше. В Татрах полагали, что «если гостец “воспротивится” неподобающему поведению, тогда он сразу же проявится [...]. Гостец очень капризный, неизвестно, что окажется ему не по душе. Можно, например, съесть яблоко, когда гостец этого не просил, и начинается болезнь. Или еще более странная причина может стронуть

² По-видимому, *Lycopodium clavatum*, см. (Szot-Radziszewska 2007: 96).

гостец – просто скрип смерзшегося снега зимой под ногами <...> Гурали говорят, что гостец сдвигается от испуга, или от поднятия (т. е. от рывка), или от холода, т. е. от простуды, или от сглаза» (Eljasz-Radzikowski 1897: 254–255). «Это может быть вызвано не только каким-нибудь сильным потрясением, но даже видом, например, нелюбимого цвета, каким-то неприятным запахом, хоть бы и очень приятным для других людей, потреблением какой-нибудь еды или выпиванием напитка» (Osipowicz 1897: 776).

Часто колтун вызывали специально, чтобы вылечить больного или облегчить симптомы его болезни (Kolberg 1962a: 168; Z. A. K. 1894: 354). Лечением болезней с помощью колтуна занимались колдуны или особые знахари (*gościarze*), которых за это очень уважали (Kolberg 1967: 291): «Колдун из Г., который лечит таким образом, что все возможные болезни сводит к колтуну [...]. Все посещающие его больные, через три или четыре дня по возвращении из Г., будут иметь колтун вместо своих предыдущих болезней. А колтун главный колдун снимает в свое время безопасно (Курки)» (Тоерпен 1892: 415).

Способы намеренного формирования колтуна. Наиболее популярным способом сделать так, чтобы колтун начал свиваться, было поливание волос настойкой барвинка, иногда предварительно подогретой (Kolberg 1982: 160; 1962a: 168; 1967: 291–293, 298–299; Osipowicz 1897: 776; Siarkowski 1885: (46)–(47)). Реже окропляли волосы вином или водкой в качестве самостоятельного средства (Kolberg 1967: 298–299).

Также для получения колтуна могли поливать голову колтунником, борщевиком или земляным мхом (Kolberg 1962a: 168), мыть голову соломой из вымоченного гороха и хмелем (Kolberg 1967: 291, 298–299), класть в волосы кусочек освященного воска или воска с пасхальной свечи и не расчесывать волосы несколько недель (Kolberg 1967: 291; 1962a: 168; Křček 1914–1918: 297–298).

Считалось, что перед тем, как отращивать колтун на голове, следовало узнать, хочет он свиться или нет (Kolberg 1962a: 168). Для этого необходимо было проверить, будет у больного формироваться колтун в непосредственном контакте с его телом или нет. Требовалось «состричь небольшое количество волос с четырех сторон головы, носить в мешочке в подложечной ямке; когда они скрутятся так, что их нельзя будет расплести, нужно отрастить колтун. <...> Волосы, вытащенные из мешочка, кладут на голову» (Там же).

В Мазурии данный метод использовали для определения того, что причиной болезни является сглаз: «Пораженный какой-либо

болезнью отстригает немного волос с головы, заворачивает их в кусочек бумаги, кладет его или во впадинку, или под мышку, и оставляет там на 24 часа. Если спустя это время волосы собьются, это несомненный знак того, что больного сглазили. Он уже не причесывается и естественным образом спустя 4 или 5 недель получает колтун» (Тоерпен 1892: 416). Интересно, что в познанском регионе и от колтуна, и от сглаза использовались схожие превентивные меры защиты: «Считалось невозможным сглазить или наслать колтун на того, у кого на шее красная ленточка» (Kolberg 1982: 116).

В Белой под Тарнувом подобная практика использовалась в качестве способа лечения колтуна, который проявлялся в виде шишки на ноге: «Баба остригла [больному] немного волос надо лбом, рядом с правым и левым ухом и с задней части головы над шеей, свернула эти волосы, окропила вином, положила в них монетку и вместе с ней отправила их в маленький полотняный мешочек, который она приложила к этой шишке на бедре и велела держать там целые сутки. На второй день она пришла, убрала мешочек с волосами и монеткой с шишки на бедре, которая, тем временем, лопнула, и из нее вылилось очень много содержимого» (W. Ul. 1904: 96). Эти действия переключаются с более поздним этапом лечения колтуна: после обрезания его следовало поместить в мешочек с монеткой (см. ниже).

В Пинчuve для формирования колтуна контактировать с телом больного могли не только человеческие волосы: «Найти шерсть кобылицы и сучки, которые еще ни разу не были с самцами, и эту шерсть носить во впадинке на груди» (Siarkowski 1885: (46)–(47)). В Люблинском повете в Быстшице подобным образом использовали гриву или хвост кобылицы, чтобы колтун перешел на них (Z. A. K. 1894: 354).

Известны и другие, более редкие способы сделать внутренний колтун внешним: «...а если колтун был внутри, то девять верхушек осины сварить в воде под крышкой и намазать этим от горла до пупка и всю грудь, тогда на голове совется колтун» (Kolberg 1962a: 168). В Вонгровце «в полночь знахарка пришла к ним, разбудила их и, пронзительно закричав (ее голос якобы донесся аж до бора): “Ага, попался!”, поймала мужика за ногу, сильно его потрянула и, быстро проведя пальцем по его телу до самой головы, воскликнула: “Стой тут!” и ушла. Потом <...> она надела ему на голову шапку и в течение четырех недель велела лежать дома и не снимать этой шапки, потому что там свивался колтун» (Kolberg 1982: 147–148).

Способы лечения колтуна. Татранские гуралы полагали, что колтун не всегда следует лечить: «Знахарки знают, нужно лечить

гостец или нет, потому что иногда от лечения гостеца становится только хуже» (Eljasz-Radzikowski 1897: 255). В Жировицах, Ченстохове и Мехове колтуны лечили «с помощью экзорцизма, то есть изгнания дьявола» (Kolberg 1962a: 170). В Татрах лечение зависело от причины болезни: «Знахарка бросает “угольки в воду в горшке” и крестит их кочергой задом наперед; если это сглаз, то угольки идут ко дну. Тогда больной должен напиться этой воды из горшка три раза и утереться задом наперед» (Eljasz-Radzikowski 1897: 255).

Чтобы вылечить колтун, на Польской Руси надлежало повесить платок с головы больного на дорожном кресте (Kolberg 1962b: 83), а на Подгалье – «прикладывать к больному месту землю, или “кротовину”, или труху из-под пола от стены, которая еще никогда не видела солнышка» (Eljasz-Radzikowski 1897: 255). В том, посвященном Тарнувскому и Жешувскому регионам, Кольберг писал, что для лечения колтуна там использовали молитвы и христианские символы, воду из трех источников и горящую свечу: знахарь «приносит воды, “текущей” из трех мест, сливает ее в одну посудину, доликает в нее воду, чем-то немного подкрашенную, накрывает стол простыней или свежестыранной скатертью, ставит на него зажженную свечу (а более набожный и распятие или икону с каким-либо святым), расстилает рядом чистую рубашку больного, на которую тот кладет свои руки, и платок, которым после снятия колтуна он должен обвязать свою голову. Потом у него спрашивают, крещеный ли он <...>, а после положительного ответа <...> знахарь читает вместе с ним молитвы: его покровителю, Св. Троице, Тайнству Тела и Крови Господней, по три раза. После чего он заговаривает воду, стоящую на столе, окропляет ей рубашку больного и платком троекратно крестит себя и колтун, выходит с больным “на восход солнца”, читает с ним три раза “Ангел Господень”» (Kolberg 1967: 291–293). После этого колтун состригают (см. далее).

Помимо молитв, на разных этапах обряда применялись заговоры (Eljasz-Radzikowski 1897: 255; Kolberg 1967: 291, 298–299; Toeppen 1892: 415). Зачастую известны только их упоминания, пересказы или фрагменты: «заговорила его во имя Иисуса, Марии и всех святых» (Kolberg 1982: 147–148); «иди от меня с Господом Богом, чтобы ты меня больше не истязал, выходи из всех жил моих, из всех ногтей моих, чтобы ты за мной больше никогда не следовал» (Kolberg 1967: 291–293). Иногда в тексте подчеркивается иноязычный характер заговоров: «Знающая махала рукой над ее головой и говорила на своем языке, по-латински (Роско, Драско)» (Kolberg 1982: 159–160).

Как для формирования колтуна, так и при последующем его лечении использовали водку, после (Kolberg 1962a: 169) или до остригания: «От колтуна. В Кельчеве под Косыцяном облили водкой голову пациентки и подожгли ее. Женщина обожглась, и едва успели погасить огонь у нее на голове» (Kolberg 1982: 159). В Курках в Мазурии колтуны лечили также травами (Тоерпен 1892: 415).

По всей видимости, момент отделения колтуна от головы считался самым опасным в обряде, поэтому практически все обстоятельства данного события подчинялись строгим правилам и он сопровождался рядом запретов: «Колтун ни в коем случае нельзя остригать, поскольку он войдет в кости, поломает их или падет на глаза, и больной ослепнет (Калиш)» (Parczewska 1896: 343). «Если человек быстро отрежет колтун, то его “поломает”. Райча, повет Живец» (D. M. 1904: 97).

Особенно важен был **инструмент**, которым **проводилось удаление колтуна**. В бывшем Великом княжестве Познанском (Роско, Драско) его обрезали большими ножницами: «А знающая велела ей сидеть тихо, взяла большие ножницы (потому что колтун был большой, как лейка) и начала его обстригать, но так сильно при этом мучилась (потому что ее колтуновый черт мучил), что с нее пот тек, как вода, и она покраснелась и смеялась от усилий» (Kolberg 1982: 159–160). В других местах для этого использовали раскаленный металл: «Под Краковом, в окрестностях Скавины, его часто обстригают раскаленными ножницами», «обжигают раскаленным железом» (Kolberg 1962a: 167, 169). «Его снимали, т. е. отделяли от головы, не с помощью остригания ножницами, но посредством сжигания волос, на которых он висит, раскаленной докрасна проволокой (*dru-tem*)»; «Снятие колтунов с помощью раскаленных спиц (*drutów*), считавшееся наиболее результативным, т. е. таким, после которого колтуны уже никогда не возвращались» (Osipowicz 1897: 776).

В некоторых локальных традициях, например в Дзялдове, колтун можно было удалять только камнем (Kolberg 1962a: 169; Тоерпен 1892: 416). Еще один необычный способ приводит Оскар Кольберг со ссылкой на работу Томаша Волицкого: «Волицкий (Наука для крестьян, Варшава 1822) советует весь колтун поднять тонким, скрученным из нитей шнурком, каждые пару дней потягивать за этот шнурок, пока через полтора года или немного быстрее наконец колтун не отойдет от головы и не будет держаться только на нескольких волосках. Тогда нужно его отрезать, и колтун без боли исчезнет навсегда (стр. 185)» (Kolberg 1962a: 170).

Лица, которые могли удалять колтун. Как правило, колтуны отрезали знахари и знахарки, ведьмы, колдуны или овчары (Kolberg 1982: 147–148, 159–160; 1963: 212; 1967: 291–293; Тоерпен 1892: 415, 416). «Знахарке следует хорошо заплатить за труды лечения, и столько, сколько она велит себе дать, потому что иначе болезнь может вернуться» (Eljasz-Radzikowski 1897: 255). Процесс срезания колтуна представлял собой сложный и достаточно продолжительный обряд, требовавший колдовских знаний и характеризующийся последовательностью определенных действий, поэтому обычно рядовому носителю традиции справиться с данной болезнью было слишком сложно.

Однако бывали случаи, когда обходились и без знающего. Тогда колтун снимал сам больной или человек, у кого никогда не было колтуна (Kolberg 1962a: 169). В Августовской губернии колтун удалял человек, у которого была «тяжелая рука», т. е. такая, от прикосновения которой «даже трава не растет». <...> «Отсюда даже возникла следующая поговорка: ох и тяжелая у него рука! Ему только колтуны снимать в Ходишеве!» (Osipowicz 1897: 776).

Продолжительность ношения колтуна тоже была важной, хотя и не повсеместно: «период времени, в течение которого он наиболее охотно гостит, – неопределенный». «Отрощенный колтун носят, пока он не подрастет, то есть пока не вырастут новые волосы, которые совсем не слипаются» (Kolberg 1962a: 167, 168). С одной стороны, нельзя было срезать колтун раньше определенного времени: «Чтобы колтун мог быть снят без вреда для здоровья, он должен быть “доспевшим”, т. е. “дозревшим”, т. е. держаться на голове только с помощью нескольких волос, будто бы такая огромная шапка отвратительного вида, сделанная из свалывшихся волос» (Osipowicz 1897: 776). «Лучше всего носить его год и шесть недель. Его никогда не обстригают раньше, и эта осторожность, чтобы не остричь его заранее, является причиной того, что боязливые носят его всю жизнь, как говорит Очаповский (с. 228)» (цит. по: Kolberg 1962a: 168). «Знахарь Видомский из Бытшицы в Люблинском повете, вылив воск, объявил, что колтун сняли слишком рано и что он обвился вокруг сердца (Z. A. K. 1894: 354)».

Слишком долго носить колтун на голове также считалось опасным: «Однако гостец в волосах больше девяти недель носить не советуют, поскольку переносенный гостец вызывает разные болезни» (Kolberg 1967: 291). «В ином случае необходимо обязательно заранее взяться за лечение, они выражаются об этом, например, так: нужно лечить, потому что, если гостец долго не лечить, он является

переносным, больной умирает, говорят, что слишком поздно начали лечить» (Eljasz-Radzikowski 1897: 255).

Особым образом регламентировалось **время срезания** колтуна. «День должен быть ясный, а человек – до принятия пищи, но никогда не следует делать этого в пятницу. Согласно Очаповскому, безопаснее всего обстригать его в Великую субботу, когда первый раз звонят о воскресении» (Kolberg 1962a: 169). В это же время «колтун часто сильно дергает больного за голову» (Ibid.).

В других локальных традициях полагалось обрезать колтун «в пасхальный период», «в день Богоматери (в среду или субботу)», «в день Рождества» (Vujak 1910: 59), на ежегодное отпущение грехов / религиозный праздник (*odpust*) во время Зеленых святок (Osipowicz 1897: 776); его «не снимают в новолуние, чтобы он не возобновился, но обычно при убывающей луне» (Kolberg 1962a: 167; 1967: 291–293, 298–299).

Место обрезания колтуна имело не меньшее значение. Распространенной практикой было срезать колтуны в известном костеле или монастыре: «Однако нигде так безопасно не остричь колтун, как на святом месте, где его и оставляют. Для окрестных жителей эту роль уже давно исполняет Кальвария Зебжидовска, а костел Святой Марии в Кракове, ранее окруженный стеной, около уборной со стороны врат был всеобщим хранилищем колтунов»; «До настоящего момента у нас еще есть такие чудесные места: в Жировицах, Ченстохове, в Мехове и других костелах, где изгнание дьявола и снятие колтунов удастся лучше всего» (Kolberg 1962a: 169–170). В Ходишеве в районе Ломжи «можно было наблюдать груды этих колтунов, будто бы стогов сена; этот отвратительный материал забирали евреи и, как гласит молва, использовали для набивки мебели» (Osipowicz 1897: 776). В ином случае колтуны могли срезать «под честным небом» (т. е. под открытым небом, на свежем воздухе) (Kolberg 1967: 291–293).

Магические действия после удаления колтуна с головы. После удаления колтуна необходимо было обмыть «больному голову теплой водой, <...> найти ящерицу, выколоть ей глаза, протянуть через них нитку красного шелка, связанного в три петли» (Kolberg 1967: 291–293). Вместе с этим шелком (Ibid.) или без него «остриженный колтун заворачивают в тонкую тряпочку, чтобы он не разозлился» (Kolberg 1962a: 169), в сухую тряпку (Kolberg 1967: 291–293) или мешочек (W. Ul. 1904: 96), кладут в сверток монетку (Kolberg 1962a: 167, 169; 1967: 291–293, 298–299), кусок хлеба (Kolberg 1962a: 169; 1967: 291–293,

298–299), сахар (Kolberg 1967: 291–293, 298–299), щепотку соли (Ibid.: 291–293), обвязывают «новой ленточкой или тесемкой» (Kolberg 1962a: 169), вкладывают в новый горшок и закрывают глиняной крышкой (Kolberg 1967: 298–299). «Так задабривают колтун, чтобы, выйдя из больного, он потом ему не мстил за то, что тот прогнал его от себя, не ломал ему костей» (Ibid.).

После этого колтун закапывают в землю, «хоронят» (Kolberg 1962a: 167; 1967: 291–293; W. Ul. 1904: 96) «под урожайным деревом» (Kolberg 1962a: 169; 1967: 291–293), «под сладкой яблоней» (Kolberg 1967: 298–299), «под дубом» (Ibid.: 291–293), «под бузиным деревом» (Majewski 1900: 584) или «в кусте бузины» (Kolberg 1962a: 169), «в сухом месте» (Kolberg 1962a: 169; 1967: 291–293), «под часовней» или «под Божьей мукой» (придорожным крестом с изображением распятия. – П. П.) (Kolberg 1962a: 169), «в верном месте» (Bujak: 59), лучше всего – среди летучих мышей в лесу (Kolberg 1967: 291–293).

Согласно записям из Тарнувского и Жешувского региона, после закапывания колтуна необходимо было «одеться в рубашку, <...> носить ее на себе девять дней, в течение этого времени также читать по пять молитв ранам Господним; водой, заговоренной перед этим, от субботы до субботы омыwać сверху вниз руки, уши и грудь, немного отпивая ее каждый день, после омывания сливать ее в особый горшок, который держать в тени, и, наконец, вылить ее в проточную воду. На десятый день заговоренная рубашка должна быть выстирана, но не вальком, а руками, нельзя ее также отжимать, но нужно повесить, чтобы вода, которая прикасалась к гостецу, сама с нее стекла, а больному или кому другому не досаждала» (Kolberg 1967: 291–293).

В иных случаях полученный сверток бросают в огонь (Kolberg 1962a: 169; 1967: 298–299), «в развалины старого замка, в котором находятся злые духи; тот, кто это делает, не должен оборачиваться и как можно быстрее должен возвращаться домой» (Kolberg 1962a: 167), «себе за спину, чтобы глаза его не видели, поскольку иначе больной ослепнет» (Kolberg 1967: 291–293). Как показывают последние две цитаты, по всей видимости, в Краковском, Тарновском и Жешувском регионе существовал запрет смотреть на остриженный колтун. В Познанском регионе (Роско, Драско) обряд выглядел следующим образом: «После обстригания и снятия колтуна она (знахарка. – П. П.) бросила его на середину комнаты, три раза на него плюнула, а женщине велела сидеть спокойно и как можно тише, чтобы черт не влетел в нее снова и во второй раз не закрутил на ней колтун. Пока женщина сидела так не меньше пятнадцати минут, знающая произносила над ней свои

молитвы по-латински <...>, а потом велела ей встать, поднять этот колтун, завязать в платок и повесить на чердаке дома у балки в месте, находящемся над кроватью больной» (Kolberg 1982: 159–160).

Считалось, что остриженный колтун надлежало спрятать «в сундук, за печь, под стреху, в сарай под угол, чтобы в любом случае ему бы скоро что-то досадило» (Kolberg 1962a: 169). Наконец, после обрезания можно было приложить колтун «обратно к голове, куда, если он будет нужен, он прирастет» (Ibid.). В Краковском регионе «после остригания больному обычно или хочется спать, или его разморит, будто бы он сильно напился, но в обоих случаях больной засыпает, и когда это произойдет, никто не должен прерывать его сон, потому что иначе это будет неуютно колтуну» (Ibid.).

Рассмотренные выше магические практики, направленные на лечение колтуна, в частности его ритуальное задабривание, а также фито-, зоо- и антропоморфные признаки, которыми он обладает, складываются в своего рода «жизненный цикл» болезни (рост, созревание, способность передвигаться с места на место, издавать звуки, его «похороны» и т. д.) и указывают на одушевленность колтуна в польском фольклоре, его близость к мифологическому персонажу.

В проанализированных в статье названиях колтуна, ассоциированных с ним в польской народной культуре заболеваний и симптомах, его происхождении, видах и проявлениях, способах и причинах формирования, продолжительности ношения, особенностях лечения (времени и месте срезания, инструментах, которыми было принято избавляться от колтуна, дальнейших действиях после отделения его от головы), связанном с колтуном растительном коде и других параметрах отражаются представления о колтуне в польской народной картине мира во второй половине XIX – начале XX в. Неоднородность данных представлений, по-видимому, определяется бытийными статусами колтуна в разных локальных традициях, которые можно условно разделить на три группы.

Достаточно традиционной для изображения болезней в народной культуре является трактовка, известная в Люблинском, Тарнувском и Жешувском регионе, где колтун осмыслиется как болезнь, которая возникает из-за проникновения враждебного существа внутрь тела человека.

Другой, более редкий комплекс представлений зафиксирован в Августовской губернии и в Подгалье, согласно которому наличие колтуна внутри каждого человека является нормой, а физические проявления колтуна возникают вследствие нарушения человеком правильного поведения.

Однако наиболее распространенной и подробно разработанной в польской народной культуре является группа представлений о том, что колтун, в особенности его внешние проявления (свалявшийся ком волос на голове или в другом месте на теле больного), – это способ лечения болезни, «сидящей» внутри жертвы (причем необязательно именно гостеца), необходимый для избавления от недуга.

Обращает на себя внимание взаимосвязь и амбивалентность первого и третьего бытийного статуса (колтун как болезнь и как средство лечения болезни), что кажется уместным сравнить с лексическим явлением энантиосемии и, вероятно, говорит о древности изучаемых представлений.

Мотивы и признаки, связанные с колтуном в польском языке, фольклорных текстах, народных представлениях, магических практиках и ассоциированных с колтуном предметах, явлениях и телесных проявлениях, объединяет семантика сплетения, свивания, скручивания, основанная на принципах подобия и контакта, характерных для симпатической магии. Особенно ярко она прослеживается в причинах появления колтуна (например, возникновение от прикосновения к чужому колтуну либо к похожему на спутанные волосы искривленному дереву или стелющемуся растению), в способах намеренно сформировать колтун и проверить его желание свиться (с помощью отвара из растений, визуально напоминающих колтун, или свалявшейся шерсти животных), а также симптомах болезни (свивании волос, скорчивании конечностей, искривлении ногтей и т. д.). Это позволяет признать данные аспекты центральными и персонажеобразующими для колтуна в польской народной картине мира.

Источники и литература

Левкиевская Е. Е. Колдун // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 528–534.

Усачева В. В. Колтун // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999а. Т. 2. С. 556–559.

Усачева В. В. Коса // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999б. Т. 2. С. 615–618.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–32), А. Ф. Журавлева (вып. 31–40), Ж. Ж. Варбот (вып. 40–). М.: Наука, 1974–. Вып. 1–.

Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Wydawnictwo literackie, 2008. 863 s.

Bujak F. Kołtun // Lud. 1910. T. 16. S. 59.

D. M. Kołtun // Lud. 1904. T. 10. Z. 2. S. 97.

Eljasz-Radzikowski S. Polscy Górale Tatrzańscy czyli Podhalanie i Tatry na początku wieku XIX // Lud. 1897. T. 3. S. 225–273.

Gołębiowski Ł. Lud polski, jego zwyczaje, zabobony. Lwów: Adam Kaczurba, 1884. T. 1. 162 s.

Kolberg O. Dzieła wszystkie. T. 7. Krakowskie. Cz. 3. Wrocław; Poznań: PTL, 1962a. 350 s.

Kolberg O. Dzieła wszystkie. T. 17. Lubelskie. Cz. 2. Wrocław; Poznań: PTL, 1962b. 243 s.

Kolberg O. Dzieła wszystkie. T. 19. Kieleckie. Cz. 2. Wrocław; Poznań: PTL, 1963. 265 s.

Kolberg O. Dzieła wszystkie. T. 35. Przemyskie. Wrocław; Poznań: PTL, 1964. 244 s.

Kolberg O. Dzieła wszystkie. T. 39. Pomorze. Wrocław; Poznań: PTL, 1965. 569 s.

Kolberg O. Dzieła Wszystkie. T. 48. Tarnowskie-Rzeszowskie. Wrocław; Poznań: PTL, 1967. 361 s.

Kolberg O. Dzieła wszystkie. T. 15. Wielkie Księstwo Poznańskie. Cz. VII. Wrocław; Poznań: PTL, 1982. 324 s.

Krček F. Notatki etnologiczne // Lud. 1914–1918. T. 20. S. 293–302.

Majewski E. Bez i hebd. Ich folklor oraz historia nazwisk // Wisła. 1900. T. 14. Z. 5. S. 527–597.

Osipowicz A. Nazwy ludowe niektórych chorób, z wymienieniem środków, używanych po wsiach na ich leczenie w dawnym Augustowskim // Wisła. 1897. T. 11. Z. 4. S. 771–783.

Parczewska M. Lecznictwo ludowe // Wisła. 1896. T. 10. Z. 2. S. 342–344.

Siarkowski W. Materiały do etnografii ludu polskiego z okolic Pinczowa. Cz. 1 // Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej. 1885. T. 9. S. (3)–(72).

Szot-Radziszewska E. Lecznictwo ludowe Ukraińców na przełomie XIX i XX wieku // Analecta. 2007. T. 16. Z. 1–2. S. 69–107.

Toeppen M. Wierzenia mazurskie // Wisła. 1892. T. 6. Z. 2. S. 391–420.

W. Ul. Gościec – kołtun // Lud. 1904. T. 10. Z. 2. S. 96.

Z. A. K. Lecznictwo ludowe // Wisła. 1894. T. 8. S. 353–354.

References

- Boryś, W. *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków: Wydawnictwo literackie, 2008, 863 p.
- Etimologicheskii slovar' slavianskikh iazykov: Praslavianskii leksicheskii fond*, ed. by O. N. Trubachev, A. F. Zhuravlev, Zh. Zh. Varbot. Moscow: Nauka, 1974–. Vols. 1–.
- Kolberg, O. *Dziela wszystkie*. Vol. 7. *Krakowskie*. No. 3. Wrocław–Poznań: PTL, 1962a, 350 p.
- Kolberg, O. *Dziela wszystkie*. Vol. 17. *Lubelskie*. No. 2. Wrocław–Poznań: PTL, 1962b, 243 p.
- Kolberg, O. *Dziela wszystkie*. Vol. 19. *Kieleckie*. No. 2. Wrocław–Poznań: PTL, 1963, 265 p.
- Kolberg, O. *Dziela wszystkie*. Vol. 35. *Przemyskie*. Wrocław–Poznań: PTL, 1964, 244 p.
- Kolberg, O. *Dziela wszystkie*. Vol. 39. *Pomorze*. Wrocław–Poznań: PTL, 1965, 569 p.
- Kolberg, O. *Dziela Wszystkie*. Vol. 48. *Tarnowskie-Rzeszowskie*. Wrocław–Poznań: PTL, 1967, 361 p.
- Levkievskaiia, E. “Koldun.” *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'*, ed. by N. I. Tolstoy. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1999. Vol. 2, pp. 528–534.
- Szot-Radziszewska, E. “Lecznictwo ludowe Ukraińców na przełomie XIX i XX wieku.” *Analecta*, 2007, vol. 16, no 1–2, pp. 69–107.
- Usacheva, V. “Koltun.” *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'*, ed. by N. I. Tolstoy. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1999a. Vol. 2, pp. 556–559.
- Usacheva, V. “Kosa.” *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'*, ed. by N. I. Tolstoy. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1999b. Vol. 2, pp. 615–618.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.13

P. B. Povetkina

***Koltun* in Polish Folk Culture of the 19th – Early 20th Centuries: Source Analysis**

Polina B. Povetkina

Candidate of Letters, senior lecturer

Pirogov Russian National Research Medical University

117513, Ostrovityanova St. 1 bldg. 6, Moscow, Russian Federation

E-mail: povetkina_pb@rsmu.ru

ORCID: 0000-0002-8246-5367

Citation

Povetkina P. B. Koltun in Polish Folk Culture of the 19th – Early 20th Centuries: Source Analysis // *Slavic Almanac*. 2026. No 1–2. P. 277–297 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.13

Received: 01.07.2025.

Revised: 06.02.2026.

Accepted: 17.03.2026.

Abstract

Based on Polish folklore and ethnographic journals of the second half of the 19th – early 20th centuries and the *Collected Works* of Oskar Kolberg, the article examines the localization of Polish folk ideas about the *koltun* (Polish plait, mat), its various names, the objects of its influence, and the symptoms and diseases associated with it in Polish folk culture. It explores its ontological status, types and manifestations, causes of occurrence, agents that inflict or remove the affliction, methods of forming the plait for medicinal purposes, the duration it was worn, treatment specifics, the time and place of its cutting, the tools used to get rid of it, and subsequent actions taken after its separation from the head. The classification of the studied folk ideas is based on the descriptive sequence for the *koltun* from the ethnolinguistic dictionary *Slavic Antiquities*, with additions reflecting the specificities of the Polish folk worldview. The aim of the article is to study the nature of the *koltun* and its place in traditional Polish culture. For this purpose, the descriptive sequence was clarified and expanded using Polish material, supplemented by quotations from sources. The author's translation of fragments from the works of Polish folklorists makes these materials more accessible to the Russian-speaking reader.

Keywords

Ethnolinguistics, koltun, mat, Polish plait, folk medicine, folklore, Poland, magic.

УДК 81-23

Т. В. Шалаева

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.14

Татьяна Ивановна Вендина

Шалаева Татьяна Владимировна

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: koukuk@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9836-0105

Цитирование

Шалаева Т. В. Татьяна Ивановна Вендина // Славянский альманах. 2026. № 1–2. С. 298–301. DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.14

Текст поступил в редакцию 29.10.2025.

29 апреля 2026 года отметила юбилей доктор филологических наук, профессор, иностранный член Македонской академии наук и искусств, заведующая Центром ареальной лингвистики Института славяноведения РАН Татьяна Ивановна Вендина.

В 1970 г. она окончила филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, в 1973 г. – его аспирантуру. В 1974 г. под руководством Н. И. Толстого защитила кандидатскую диссертацию на тему «Явление конкуренции суффиксов *-ik(a)*, *-ic(a)* в славянских языках». В 1988 г. в Институте языкознания им. Якуба Коласа АН БССР защитила докторскую диссертацию на тему «Славянское субстантивное словообразование в сопоставительном аспекте: суффиксы с элементом *-k-*, *-c-*, *-č-*».

В 1990 г. Татьяна Ивановна издала свою первую монографию «Дифференциация славянских языков по данным словообразования». В 1998 г. вышла ее книга «Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм)», в 2002 г. – «Средневековый человек в зеркале старославянского языка», которая в 2019 г. была переведена на сербский язык («Средьовековни човек у огледалу старословенског језика»). Затем были изданы монографии «Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры» (2007), «Русские диалекты в общеславянском контексте (лексика)» (2009), «Типология

лексических ареалов Славии» (2014), «Антропология диалектного слова» (2020), «Праславянское слово во времени и пространстве Славии» (2022), «Онтология лингвистической карты» (2023).

В 1975 г. Татьяна Ивановна начала работать в Институте русского языка АН СССР в теме «Общеславянский лингвистический атлас» (ОЛА) (общей с Институтом славяноведения и балканистики АН СССР), принимая в ней самое активное участие. Она является составителем карт, начиная с первого тома фонетико-грамматической серии атласа «Рефлексы *ѣ» (1988). Карты под ее авторством входят в шестнадцать опубликованных с тех пор томов, и их число приближается к двумстам. Татьяна Ивановна выступила ответственным редактором шести томов атласа, подготовленных к печати российской комиссией ОЛА. Вместе с соавторами она участвовала в работе над вторым изданием «Вступительного выпуска» атласа, опубликованного в 1994 г. Кроме того, она является ответственным редактором шести выпусков сборника научных статей «Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования», с 2012 г. выходящего в серии «Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова». С 2003 по 2025 г. Татьяна Ивановна занимала пост председателя Международной комиссии «Общеславянского лингвистического атласа» при Международном комитете славистов.

С 1988 г. Т. И. Вендина участвует в работе над «Лексическим атласом русских народных говоров» (ЛАРНГ), составлением которого занимаются Институт славяноведения РАН, Институт лингвистических исследований РАН и ведущие вузы России. В 2004 г. вышел «Пробный выпуск» этого труда, в 2017 г. – первый том «Растительный мир», в 2021 г. – второй том «Животный мир». В настоящее время ведется подготовка к печати третьего тома «Ландшафт (рельеф, почвы, водоемы)». Во всех этих изданиях Татьяна Ивановна является ответственным редактором и наиболее активным составителем карт – ей принадлежит авторство около ста двадцати из них. Татьяна Ивановна ежегодно публикует статьи в научном сборнике «Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования», входит в его редакционную коллегию, выступает с пленарными докладами на ежегодном всероссийском совещании по «Лексическому атласу русских народных говоров» и проводит картографические семинары для составителей карт.

Перейдя в 1992 г. в Институт славяноведения и балканистики РАН, Татьяна Ивановна продолжила работу над ОЛА и ЛАРНГ. В 2022 г. ей было присвоено звание «Почетный работник науки и высоких технологий Российской Федерации».

Значительная часть научных работ Татьяны Ивановны посвящена славянскому словообразованию в различных аспектах – фонетическому строению аффиксов, истории их формирования, семантике и функционированию в различных славянских языках, языковой и диалектной дистрибуции, членению славянских языков по данным словообразования, возможностям реконструкции традиционной культуры и языкового сознания сквозь призму словообразования.

Составляя ОЛА и ЛАРНГ, Татьяна Ивановна посвятила множество статей и ряд монографий анализу их материала с позиций диалектологии, лингвистической географии, сравнительно-исторического языкознания, лексикологии, словообразования, фонетики, когнитивистики и этнолингвистики. Также она исследует место и связи отдельных языков и конкретных говоров в общеславянском контексте. Обобщая полученные данные, она обращается к фундаментальным вопросам дифференциации славянских языков и диалектов, процессов их конвергенции и дивергенции, соотношения в них зон архаики и инноваций.

Научный интерес Татьяны Ивановны не ограничивается рассмотрением диалектов как собственно языкового образования – она исследует их и как социальное и культурное явление, что особенно актуально в нынешней ситуации, когда они переживают интенсивное влияние литературно языка. Новые социолингвистические условия требуют привлечения новых методов исследования диалектов, о чем Татьяна Ивановна также пишет в своих работах.

Ей принадлежит и ряд статей по истории лингвогеографии в целом и в отдельных странах – например, в России, на Украине, в Словении и Македонии.

Кроме того, большое внимание Татьяна Ивановна уделяет исследованию отраженных в языке важнейших понятийных категорий, таких как жизнь, смерть, пространство, время, истина, добро, красота, слово. Через них описывается языковая картина мира и – шире – культура этноса. Объектом изучения в данном случае становятся языковые концепты, представленные в литературном языке, диалектах и памятниках письменности.

Помимо упомянутых многотомных и периодических изданий, где Татьяна Ивановна участвует как ответственный редактор и член редколлегии, она состоит в редакционных коллегиях таких ведущих российских и зарубежных журналов, как «Славянский альманах», «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология», «Прилози. Одделение за лингвистика и литературна наука» (Македония).

Научные заслуги Татьяны Ивановны неизменно получают высокую оценку коллег-лингвистов как в России, так и за рубежом. Ее доклады на престижных международных и всероссийских конференциях, публикации в журналах, тематических и юбилейных сборниках всегда получают самые хвалебные отзывы.

Невозможно не упомянуть преподавательскую деятельность Татьяны Ивановны. Многие годы она работала на факультете иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова, где была удостоена звания профессора. Она читала курсы по современному русскому языку, его истории, диалектологии, введению в языкознание, общему языкознанию, методам лингвистического анализа. Ее учебник «Введение в языкознание» на настоящий момент выдержал четыре переиздания и продолжает быть крайне востребованным среди студентов филологических и переводческих специальностей.

Коллеги и друзья поздравляют Татьяну Ивановну с юбилеем, желают ей крепкого здоровья и продолжения плодотворной работы!

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.14

T. V. Shalaeva

Tatiana Ivanovna Vendina

Tatyana V. Shalaeva

Candidate of Letters, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: koulkuk@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9836-0105

Citation

Shalaeva T. V. Tatiana Ivanovna Vendina // Slavic Almanac. 2026. № 1–2. P. 298–301 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.14

Received: 29.10.2025.

О польской и русской диалектной эпонимике

Ананьева Наталия Евгеньевна

Доктор филологических наук, профессор

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119991, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, Москва, Российская Федерация

E-mail: ananeva.46@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1626-2243

Цитирование

Ананьева Н. Е. О польской и русской диалектной эпонимике // Славянский альманах. 2026. № 1–2. С. 302–315. DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.15

Статья поступила в редакцию 26.11.2025.

Рецензирование завершено 03.02.2026.

Статья принята к публикации 17.03.2026.

Аннотация

В статье анализируется ряд польских и русских диалектных эпонимов. Основное внимание уделяется эпонимам, мотивированным антропонимами, для которых выделяется несколько лексико-семантических групп: названия растений, названия представителей животного мира, названия предметов повседневного быта, номинации людей и их проявлений, названия игр и мероприятий и другие. Отмечается семантическая полифункциональность (многозначность) одной и той же эпонимической формы как в рамках всего диалектного массива каждого из рассматриваемых языков, так и в пределах одного и того же диалекта. Особую сложность представляет установление мотивационного признака, который послужил основанием для использования того или иного антропонима в составе эпонима. В ряде случаев удается его установить. Так, многие деантропонимы возникли на основе хронимов, мотивированных, в свою очередь, агонимами (например, рус. *ульяновка* ‘сорт яблок, сохраняющихся до дня св. Иулианы’ и польск. *janek* ‘веночек, прикрепляемый на дверь в день св. Яна’). Легче определяется мотивационный признак в детопонимах (например, польск. *dunaj* ‘большая глубокая вода’ и рус. *астраханка* ‘сорт дынь’). Сопоставляемые диалектные языки различаются

частотностью употребления эпонимов в совпадающих в целом в них лексико-семантических группах. Так, значительно чаще в русских говорах по сравнению с польскими деантропонимы обозначают человека, указывая, как правило, на его негативные черты. Отмечается перспективность составления словарей диалектных эпонимов и создания монографий, посвященных диалектным эпонимам, образованным от разных классов онимов.

Ключевые слова

Польские диалекты, русские диалекты, эпоним, антропоним, деантропоним, топоним, детопоним, агионим, лексико-семантическая группа.

В диалектах польского и русского языков эпонимы (образования от имен собственных) занимают значительное место. Эпонимике, в том числе диалектной, посвящен ряд работ¹. Как и в литературном языке, диалектные эпонимы образуются от всех классов онимов: антропонимов (включая агионимы), топонимов различного вида, этнонимов и субэтнонимов. По отношению к производящей онимической базе эпонимы делятся на первичные, или непроизводные (например, *арап* ‘черный груздь’ (СГРС 1: 20), *francuz* ‘таракан’ (Karłowicz 2: 28; MSGP: 68), секундарные, или производные, т. е. образуемые с помощью добавления к базовой онимической основе словообразовательного средства (полидиалектное *cyganić* ‘обманывать’), гибридные словосочетания, одним из компонентов которых является эпоним или образованный от него адъектив: *адамова овца* ‘верблюд’ (СРНГ 1: 206), *марьины слёзы* ‘красные пятнышки на листьях березы’ (СГРС 7: 242), *ванька мокрый* ‘растение’ (СРНГ 4: 38), приложение *ваня-рыболов* ‘вид птицы’ (СРНГ 4: 39), *cygańskie kluski* ‘цыганские клецки’ (Cygán 2018: 147). Отдельный тип представляет эпонимическая номинация, возникшая из словосочетания двух онимов, объединенных соединительным союзом: *иван да маня* (литер. *иван-да-марья*), в польских диалектах таких образований нами не обнаружено. Чаще всего эпонимы – это существительные или прилагательные, определяющие апеллятив. Глаголы, являющиеся по отношению к базовому ониму мутационными формациями, отмечаются значительно реже. Примеры: *максимить* ‘дурить, придуриваться’ (СГРС 7: 224), *заниколить* // *заниколиться* ‘начать праздновать, пить, как в Николин день; запьянствовать’

¹ Например, (Березович 2006; Лопорт 2016).

(СРНГ 10: 279), *cyganić* ‘лгать, обманывать’ (Cygan 2018: 74), кашуб. *polaszęc* ‘говорить по-польски’ (от *Lach* ‘поляк’), *iwanić* ‘красть’ (Gw. lub.), *odiwanić* ‘отцепиться, отстать от кого-либо или от чего-либо’ (Gw. warsz.), *митрить* ‘исполнять обряд, обращенный к Дмитрию Солунскому’, ср.: *В Митрев день хозяйка идет в овин и митрит: подает тарелку с пирогом в окошечко, а сама говорит: «Митрей Солынский, ешь пироги да овин береги»* (СГРС 7: 303). Диалектный эпонимический материал, рассматриваемый в данной статье, эскципирован из польских и русских диалектных словарей дифференциального типа и имеет иллюстративный, а не исчерпывающий характер. Это касается как самого инвентаря эпонимов, так и значений того или иного деонима. Задача работы – экземплификация отдельными примерами эпонимов ряда выделенных лексико-семантических (или тематических) групп. Материалы польского полного диалектного словаря (*Słownik gwar polskich*, Kraków, 1979–), включающего как специфически диалектную, так и совпадающую с литературным языком лексику, в данной статье не рассматриваются. Эти материалы будут проанализированы в наших дальнейших исследованиях.

Наибольшее число диалектных эпонимов образовано от антропонимов, что обусловило, в частности, появление первой книги о польской диалектной эпонимике, описывающей именно деантропонимическую лексику, см. (Kucharzyk 2010). Эпонимы, мотивированные антропонимами, отмечены почти для всех лексико-семантических групп, по которым они распределены: названия представителей фауны и представителей растительного мира, названия предметов окружающего быта и орудий, названия одежды, названия кулинарных изделий и напитков, номинации человека и его свойств и действий, названия частей тела, названия игр и танцев, названия природных явлений и др. Приведем отдельные примеры:

- Растительный мир: *cecelija* ‘вид растения’ (ср. *Cecelijo to rosła w ogrodzie, to takie. Jak pon urwoł to rudo, tako krew rudo sła, to dziko rosło to. Wysokie toto było, liście białe*) (Cygan Sł. gw. kielec.), *marcinek* // *morcinek* ‘астра кустарниковая; хризантема’ (ср. *Morcinek już kwitnie, niedługo będzie zima – Kramsk koniń*) (MSGP: 133), (*jadamiec* ‘цветочное растение с мелкими фиолетовыми цветками, цветущее поздней осенью, Gloxinia’ (ср. *Adamiec to kwitnie liliowo*) (Cygan Sł. gw. kielec.), *janki* // *janówki* ‘сорт раннего картофеля’ (ср. *Wsadzimy tutaj janówek, to bedo nawceńniejse – Sierosławice konec.*) (MSGP: 89; Karłowicz 2: 232), *jakubianki* ‘сорт груш’ (Karłowicz 2: 227), *jakubka* ‘сорт картофеля’ (ср. *Jakóbki a. Sulki = rodzaj podługowatych ziemniaków*) (Karłowicz 2: 227), *józefek*

‘растение иссоп лекарственный’ (MSGP: 92), *maciejówki* ‘ранний картофель’ (Pelcowa 2007: 181), *michalek* ‘цмин, бессмертник *Helichrysum bracteatum*’, употребляется обычно во мн. ч. (ср. *Michałki to inny kolor, inna łodmiana, podobne do morcinków* [Bukowiec Opoczyński]; *Michałki to późnojesienne, wysokie takie, puste balóniowate, pojedyncze listki miały takie, wysokie, różnego koloru: i ciemniejsze, i jaśniejsze, i takie wiśniowe* [Mikułowice]) (Cygan 2018: 191), *świynce jonki* ‘красная смородина’ (Sl. pol.-śląsk.), *манька* ‘комнатное растение’, *ванька* ‘цветок’ (ср. *Манька цветёт розочкам, а ванька – другой цветок, опадает быстро*) (СГРС 7: 238), *мария* ‘травянистое растение’ (ср. *Трава мария, растет она в логгах, растет, где скот не ходит, и люди не ходят, она капризная*) (СГРС 7: 240), *марьин цветок* ‘лекарственное травянистое растение пион уклоняющийся’ (ср. *Марьин цветок розовым цветом, ковды ягодки есть у него, ковды – нет*) (СГРС 7: 242), *митрофанова трава* ‘любое лекарственное травянистое растение’ (СГРС 7: 303), номинации грибов: *suchy wojtek* ‘вид съедобного гриба’ (MSGP: 271), *васюхи* ‘вид грибов’ (ср. *Васюхи – черные, желтые, корявы сверху, считают поганые губы*) (СРНГ 4: 67), *дунька* // *дуня* // *дуняша* // *дуняшка* ‘гриб свинушка’ (СРНГ 8: 258), *матрёна* // *матрёха* ‘разновидность груздя, желтый груздь’ (СГРС 7: 253), *матвей* // *матвейко* // *матвий* ‘гриб подберезовик’ (при этом для *матвий* указано также значение ‘гриб подосиновик’, которое дается и для названия *иван*: *Матвей да иван похожи, только иван с красной шляпкой*) (СГРС 7: 247), *макар* // *макарыши* ‘гриб подберезовик’ (СГРС 7: 221), то же значение, наряду со значением ‘подосиновик’, отмечается и для номинации *иван* (ср. *Кто иваном, кто макаром назовет, серая шляпка такая; Макарыши против красноголовиков нехорошие, а сушить можно; их еще иванами зовут*) (СГРС 7: 221); номинации частей растений (включая и те, которые используются в быту и в хозяйстве, т. е. превратились в предметы определенного назначения): *baśka* ‘еловая и сосновая шишка’ (ср. *Na szyszki mówium, że baśki* [Dęba]; *A tak jak na świerku tam w górze rosnom takie ładne szyszki. To szyszki albo baśki mówiom, baśki* [Mikułowice]) (Cygan 2018: 39, то же в Cygan Sl. gw. kielec.), *манька* ‘березовый веник’ (ср. *Манька – веник берёзовый, всё дома им опахивали, пыль снимали*) (СГРС 7: 238), *ванька* ‘последний сноп сжатого овса’ (ср. *Овёс жали, последний сноп завяжут – ваньку*) (СГРС 7: 238) и мн. др.

• Животный мир: *jakubek* ‘волк’ (Karłowicz 2: 227), *jacek* // *jaś* ‘заяц’ (Karłowicz 2: 237, 239), *jaś* ‘волк’ (Karłowicz 2: 239), *katrynka* ‘божья коровка’ (MSGP: 94), *marianna*, *marianka*, *marinka* ‘божья коровка’ (Sl. gw. borow.), *kasia* ‘сорока’ (Karłowicz 2: 319), *kasperek*

‘зеленая лягушка’ (MSGP: 96), *wojtek* ‘аист’ (MSGP: 322), *zofija* ‘иволга’ (Sł. gw. kociew; MSGP: 358), *zofija* // *sofija* (Sł. gw. borow.), *варнава* ‘птица сем. утиных; красная утка’ (СРНГ 4: 55), *авдотка* ‘голец, оголец *Sobitis barbatula*’ (ср. *Красная и маленькая рыба, живущая под камнями*) // *авдошка* (СРНГ 1: 197–198), *авдотка* // *авдошка* ‘болотный кулик’ (СРНГ 1: 197), *кузьма* ‘волк’ (СРНГ 16: 28), *кузя* ‘синичка’ (СРНГ 16: 29) и мн. др.²

• Еда и напитки: *kubus* ‘картофельная лепешка’ (Sł. pol.-śląsk.), *maciek* ‘сорт колбасы’, *васильчик* ‘пирог, приготовленный под Новый год’, ‘печенье, приготовляемое под Новый год’ (СРНГ 4: 66), *ерошка* ‘род кушанья из муки’, ‘кушанье из белой муки с молоком’ (СРНГ 9: 34), *ероха* ‘настойка на травах, ерофеич’, *ерошка* ‘водка, настоянная на травах; ерофеич’ (СРНГ 9: 33).

• Одежда и обувь (и лексика, связанная с их изготовлением): *jadwiżka* // *jadwiśka* ‘короткий кафтан с фалдами’ (ср. *krótki kaftan, zwany «jadwiśką» a «przyjaciółką»*) (Karłowicz 2: 217), *janina* ‘вид шва, украшавшего корсет или дубленку’ (MSGP: 89), *maciejówka* ‘вид головного убора’ (полидиалектн.), *варварка* ‘шапка из меха оленьих детенышей, с прорезью для лица, закрывающая грудь’ (СРНГ 4: 45).

• Предметы быта (в том числе музыкальные инструменты и хозяйственные орудия): *barbara* ‘тяжелый молот, часто кузнечный’ (MSGP: 18), *baśka* ‘деревянный молот’ (ср. *Baśko dobrze thuce sie skóre – Kadzidło ostroł.*) (MSGP: 19), *baśka* ‘колода с поперечной рукояткой, служащая для утрамбовывания глиняного пола’ (Sł. gw. borow.), *jadwiga* ‘деревянный элемент, соединяющий различные части прялки, жерновов и т. п.’, ‘крюк, на который вешают котел над огнем в шалаше’ (MSGP: 88; Karłowicz 2: 217), *janek* ‘венчик из веток ели с вплетенными ягодами черной бузины, прикрепляемый к дверной раме в день Св. Яна’ (Cygan Sł. gw. kielec.), *maryna* ‘контрабас’ (MSGP: 133), *józef* ‘большой гвоздь’ (Sł. gw. borow.), сюда можно отнести и рассмотренные выше в группе «Растительный мир» *манька* ‘веник из березовых веток’ и *ванька* ‘сноп сжатого овса’, а также *машутка* ‘пучок ольховых веток’ (СГПС 7: 257). В последнем примере не исключен выбор базового антропонима из-за формальной близости к глаголу *махать* (этим пучком машут при обметании им пыли и т. п.).

• Явления природы: *bartek* ‘вихрь, смерч’ (ср. *To jak tak młynkuwało sie przed burzą, to leciol bartek i zawiewoł siano do góry. Ten bartok leciol,*

² Подробнее об эпонимах, представленных в лексико-семантической группе «Названия представителей фауны», в том числе деантропонимах, см. (Ананьева 2026).

to sie go zażegnnywalo, pluło sie, bo ón mógl i cłowieka zawioć i možno było chorować. To godali, ze bartek siano zabiero, jak tak przeniesło siano do sąsiadów.) (Cygan Sł. gw. kielec.), *srala bartek* ‘то же’ (ср. *Srala bartek to po ziemi idzie, rwie pył, pył idzie jakby dym. Ón tak kryńcii po ziyimi sie culga potem w górze sie wierci i jakby snurek* – Niegowa zaw.) (MSGP: 266), *jakubówka* ‘разлив рек, происходящий очень часто в июле [...], которому предшествуют проливные дожди’ (Karłowicz 2: 228).

• Человек, его проявления и действия: *antek* ‘уличный мальчишка, пройдоха’ (Gw. warsz.) (ср. в кочевском диалекте *antki* – выходцы из центральной и восточной Польши, отождествляемые прежде всего с переселенцами из Варшавы (Sł. kociew.)), *gabryś* ‘человек, который всегда недоволен и хочет чего-то нового’ (ср. *Dobryś gabryś, mógłbyś, jadłbyś*) (Karłowicz 2: 39), *hanyś* ‘житель Верхней Силезии’ (Sł. pol-śląsk.), *iwanić* ‘красть’ (Gw. lub.), *jadwiga* // *chłop jadviga* ‘неумелый хозяин, который вместо жены готовит и подметает’ (Karłowicz 2: 217), *wojtul* // *wojtus* ‘кто-то неумелый, беспомощный’ (Sł. gw. kociew.), *абрам* ‘седой благородный старец с бородой’ (ср. *Дед у них такой абрам стал, борода по сих мест, весь белый*) (СГРС 1: 11), *аверьян* ‘человек (любой)’ (ср. *Кожной аверьян по-разному судит. Какой хто аверьян, тот так и везёт [сено]*) (СГРС 1: 11), *агафон* ‘простак, глупец’ (СРНГ 1: 202), *акулина* ‘о неприятной женщине’ (СРНГ 1: 227), *артюшка* ‘оборванец’ (СРНГ 1: 279), *афанасий беспоясый* ‘неряшливый человек’ (СРНГ 1: 294), *афонька* ‘задиристый человек, которому собираются дать отпор’ (Там же), *ахрамей* ‘простофиля’ (СРНГ 1: 297), *вавило* ‘рослый, но неуклюжий, нескладный парень’ (СРНГ 4: 8), *максим* // *максимка* ‘глупый человек’ (ср. *Максим раньше редкое имя было, максимум ругали: ни к селу ни к городу городишь, ой, да максимум ты! Палагийко да максимка – так раньше ругали*) (СГРС 7: 224), *максимить* ‘дурить, придуриваться’ (ср. *Не максимум-ка, всё на стол*) (СГРС 7: 224), *матрёна* ‘неряшливо одетая женщина’ (СГРС 7: 253), *машика-чумашика* ‘неряшливый человек’ (СГРС 7: 257) и мн. др.

• Части тела человека и их функции: *baška* (лежащему на поверхности соотносению с русским тюркизмом *башка* противоречит мягкость *ś*, отсутствующая в других польских тюркизмах, ср. *baszta, szaszłyk* и др., а также широкая представленность в польских диалектах отантропонимической лексемы *baška* для обозначения разных понятий), *filip*, *zoška* ‘ум, разум’ (ср. *rusz bašką, potyśl. Nie ma za czeski filipa w głowie*) (Gw. warsz.; Karłowicz 2: 17), *maciek* ‘живот’, *максимка* // *максимко* ‘ум, голова’ (ср. *Максимка не варит. Голова не соображает. Не, боле головы у нас не ворочаются, максимумко боле у нас не варит*) (СГРС 7: 224).

• Смерть и потусторонние силы (духи): *iwana* ‘бес, черт’ (ср. *To prawdziwy iwan. Ty, iwanie! Idź do iwana!*) (Karłowicz 2: 211), *jasiek* // *jasio* // *jaś* ‘дьявол, злой дух’ (Karłowicz 2: 237, 239), *jadwisia* шутл. ‘смерть’ (ср. *Jadwisia ci sie zalica = Kto wie, czy nie umrzesz*) (Karłowicz 2: 217), *judasz* ‘дьявол’ (ср. *Djabeł nazwany tu judaszem, w kaźden czwartek największą ma moc nad ludźmi*) (Karłowicz 2: 272).

• Названия игр и мероприятий: *fabian* // *fabek* ‘детская игра’ (Karłowicz 2: 1), *акулина* ‘одна из карточных игр’ (СРНГ 1: 227), *афанас* // *афонас* ‘игра в прятки’ и ‘игра в жмурки’ (СГРС 1: 25; СРНГ 1: 293), *dominik* ‘ежегодная ярмарка в Гданьске’, *iwaniec* ‘ежегодная ярмарка, проводившаяся в Каменец-Подольском, и подарки для детей, которые на ней покупались’ (Karłowicz 2: 212), *jędrzejki* ‘гадание девушек накануне дня св. Анджея’ (Karłowicz 2: 267).

• Название постройки, здания: *baška* ‘тюрьма, тюремное здание, острог’ (ср. *Wojuj, wojuj, chcesz iść do baški*) (Gw. lub.). Формальная близость лексемы *baszta* ‘башня’ (опознавательный знак Люблинского замка) и антропонима *Baška* привели к эвфемистическому употреблению деантропонима *baška* в значении ‘тюрьма’.

Объяснить, почему тот или иной антропоним стал употребляться в качестве эпонима, обозначающего определенную реалию, в некоторых случаях легко, а в других – сложно. Так, ряд деантропонимов мотивирован хрононимами, которые, в свою очередь, образованы от агнионимов. Сюда относятся названия ярмарок *dominik* и *iwaniec*, происходящие, соответственно, в дни св. Доминика и св. Иоанна (Яна), номинация гадания накануне дня св. Анджея (*jędrzejki*). С днем св. Иоанна (Яна, Иванов день) связано не только название венка, вешаемого на дверной косяк в этот день (*janek*), но и номинации растений, по всей видимости, дающих плоды к концу июня (24 июня – Иванов день): *janówki*, *janki* ‘сорт раннего картофеля’, *świynte jonki* ‘красная смородина’, а также название светлячка *janik* (еще более явственно эту связь отражает литер. *robaczek świętojański*). Со св. Дмитрием Солунским связан обряд обращения к нему, выраженный глаголом *mumruć* (СГРС 7: 303). Разлив рек, обозначенный эпонимом *jakubówka*, происходит в июле, «około ś. Jakóba» (Karłowicz 2: 228). Хрононим, связанный с агнионимом, включен в определение эпонима *ульяновка* ‘сорт крепких темно-зеленых яблок, хорошо сохраняющихся ко дню св. Иулианы’ (СРНГ 47: 155). Ко дню св. Мартина, по словам информантов, расцветают осенние *morcinki* // *marcinki*. Понятны ассоциации с библейским старцем Авраамом при образовании эпонимов *абрам* ‘седой благородный бородатый старик’ и *abraham* ‘пятидесятилетний юбилей’

(Sł. pol.-śląsk.). Хотя век библейского Авраама был не 50, а 175 лет, но, по всей видимости, польским крестьянам и пятидесятилетний возраст казался весьма почтенным. Благодаря работам В. Н. Топорова (см. например: Топоров 1981) мы узнали, что сакральное насекомое божья коровка получало также имена святых (*katrynka*, соотносящиеся с Девой Марией *mariana*, *marianka*, *marinka*). Прозрачно происхождение эпонимов *iwan* ‘дьявол’ и *iwanic* ‘обманывать, красть’. Оно обусловлено существовавшим стереотипом русского, «чужого» и даже враждебного³. Легко мотивируется и эпоним *hanyś* (уменьшит. от немецкого имени *Hans*), поскольку жители Верхней Силезии веками подвергались онемечиванию. Известно происхождение названия головного убора *taciejówka*: этот вид фуражки придумал граф Мачей Мельжинский. Объяснимо и употребление имени библейского предателя Христа в значении ‘дьявол’ (*judasz*).

Деантропонимы, номинирующие игры, образуются по имени, которое произносится во время игры, или от имени ведущего игру. Ср. о детской игре *fabian*: *Chłopcy wybierają jednego z spomiędzy siebie, którego nazywają Fabianem (w grze zwanej «Fabian»)* (Karłowicz 2: 1). В игре *афанас* антропоним *Афанас* // *Афонас* // *Афонька* является именем ведущего. Ср. также: «В детской игре “уля” – девочка, вокруг которой ходят играющие. Девочка садится, кругом ее кружатся и поют: “Сидит уля под кусточком”, и отдают ей пояса. Затем улю ловят» (СРНГ 47: 155). Номинации того или иного человека (как правило, характеризуемого отрицательно: неряшливый, оборванец, глупый, худой, толстый и под.) с помощью деантропонимов не всегда объяснимы. Почему *gabryś* (гипокористика от *Gabryel*) – вечно всем недовольный человек, в то время как голуби, ассоциирующиеся со Святым Духом, весть о зачатии от которого принес Марии архангел Гавриил (*Gabryel*), также именуются *gabrysie* // *gawrysie*? Вообще деантропонимы, обозначающие человека с положительными качествами (ср. вышеупомянутый *абрам*) или называющие любого человека (*аверьян*), редки. Например, скорее положительное значение передает деоним *маланья* ‘человек, который является «своим» в любой компании’ (СГРС 7: 225), но одновременно тем же словом называется неряха и растреп (Там же).

Среди антропонимов, подверженных апеллятивации, в польском наиболее частотны имена *Jan* и *Barbara* и их модификации. Ср.,

3 Об отражении оппозиции «свой – чужой» в названиях, образованных от этнонимов, см. (Ананьева 2025).

кроме вышеуказанных названий растений, слового венка, укрепляемого на косяке, светлячка, мотивированных хрононимом, соотносящимся с именем святого, номинации для волка и зайца (*jaś*), злого духа (*jasiek*, *jasio*, *jaś*). Многозначность в польском диалектном континууме характерна для деантропонима *baśka*: ‘деревянный молот’, ‘колода для утрамбовывания глиняного пола’, ‘еловая и сосновая шишка’, ‘ум’. Ср. также *barbara* ‘тяжелый молот, обычно кузнечный’. Разные значения отмечаются также для деантропонимов *filip* и *jadwiga*: ‘заяц’ и ‘ум, сметливость’ для эпонима *filip* и ‘деревянный элемент, соединяющий части прялки и т. п.’, ‘крюк, на котором висит над огнем котел’ для *jadwiga*. Ср. также шутл. эвфемизм *jadwisia* ‘смерть’. Наиболее частотными именами в основе эпонимов в русском идиоме являются антропонимы *Иван* (*Ваня*, *Ванька* и т. д.) и *Мария* (*Марья*, *Маня*, *Машка*, *Манька* и т. п.). При этом нередко диалектоносители приводят эпонимы, образованные от этих двух имен, в одном контексте, сопоставляя их. Например: *Овёс жали. Последний сноп завяжут – ваньку. А к ваньке да маньку сделают – веничек из березы* (СГРС 7: 238); *Принесут ванюшку и машутку домой, машуткой всё обметают да приговаривают: все мухи долой, пришёл хозяин домой* (СГРС 7: 257), ср. еще контекст для деантропонима *манька* ‘комнатное растение’: *Манька цветёт розочкам, а ванька – другой цветок, опадает быстро* (СГРС 7: 238).

Легче мотивируются детопонимические эпонимы. Понятно, почему *урал*, *уралы* – это любая гора или горы, *dunaj* – глубоководная река, *астраханка* – сорт дыни, *атерука* – благосостояние, высокий уровень жизни. Такие примарные детопонимические образования (т. е. все вышеперечисленные, кроме *астраханка*) с прозрачной мотивацией Е. С. Отин относит к коннотативным (дополнительным, переносным) значениям имен собственных, отказывая им в статусе самостоятельных эпонимов (см.: Отин 2004). Среди базовых топонимов отмечаются относящиеся к топонимике как родной страны, так и зарубежья. Так, название немецкого города Бамберг (*Bamberg*), жители которого поселились на территории Великой Польши, в районе Познани, явилось онимической базой для номинации зажиточного хозяина, земледельца (*bamber* (Sł. pol.-śl., Sł. gw. kosciew.)), а от немецкого астионима *Bunclau* (после Второй мировой войны *Bolesławiec*) образован эпоним *bunclok* // *bonclok* ‘керамическая посуда (например, для квашения капусты)’ (Sł. pol.-śląsk.). В этом городе был изобретен данный сорт керамики.

Обращает на себя внимание значительное число образований от хоронима Америка и экзотонима *американец* – *Amerikanin* и в польских, и в русских говорах. Примеры: *американка* //

американская клетка ‘вид кружева’ (СГРС 1: 16), американки ‘небольшие легкие санки’ (ср. *Раньше кошова была, а теперь – американки; они короткие, легко и хорошо заворачиваются, американцы на лесозаготовках делали*) (СГРС 1: 16), ср. фразеологизм *америку построить* ‘наговорить с три короба’ (Там же), *атерук // hameruk // amerykan* ‘сорт раннего картофеля’ (MSGP: 15), *атерука* ‘благосостояние, высокий уровень жизни’ (Суган 2018: 30), (*h*)*атерук* ‘плуг’ (Karłowicz 1: 18). Америка предстает как родина технических усовершенствований, определенного сорта картофеля, источник изобилия, где всего много (основа вышеприведенного фразеологизма). Ср. также образования от других экзотопонимов и экзоэтнонимов: *angielka* ‘вид кухонной печки’ (MSGP: 16), *англичанин* ‘рыба *Loarces viviparus*, бельдюга, голыш’ (СРНГ 1: 257), *frańca* ‘венерическое заболевание’ (MSGP: 366), детопонимическое прилагательное *аглицкий // аглицкой* ‘яркий, с цветным узором (о ткани, изделии из нее)’ (СГРС 1: 12).

Примеры нескольких детопонимов различных лексико-семантических групп, которые мотивированы названиями городов, рек и других топонимических объектов, находящихся на территории России и Польши:

• Образования от астионимов: Астрахань – *астраханка* ‘сорт крупных дынь с сладкой желтой кожей’, ‘сорт арбузов’, ‘сорт яблок’, ‘легкий баркас, построенный по типу астраханской лодки’, ‘сорт красной пряжи’, ‘бойкая, бедовая девушка’ (ср. *Ина такая астраханка, бедовая пребедовая*) (СРНГ 1: 287), *астраханская рубашка* ‘мужская рубашка из красной пестряди’ (Там же), *астраханский стручок* ‘красный перец’ (Там же). Москва – *москвичка // московка* ‘избалованная девушка, чурающаяся работы, неженка, белоручка’ (ср. *Старша Танька у их москвичка така, всё гребует деревенской жизнью. Нонь все девки москвички, в деревне копать не надь*), ‘культурная, хорошо говорящая, красиво одетая женщина’ (*Москвичка такая, хорошо говорит, всё ладно и по-учёному; Московка – которая хорошо говорит, много знат, хорошо одеваётся; Московка, говорят, вот идёт: снаредится, выступают и говорит хорошо*) (СГРС 7: 338), *московский гриб // московик* ‘белый гриб’ (ср. *Белый гриб у нас московский гриб называют, верно, в просмешку, а кто тулкой зовёт*) (СГРС 7: 338). Kraków (Краков) – *krakus* ‘подосиновик, *Leccinum rufum*’ (ср. *To jedni powiedzom koźlarz, ale my godomy krakus, krakusy, bo majo kapelusze jak krakosko czopka w stroju*) (Суган Сł. gw. kielec).

• Образования от гидронимов: Dunaj – Дунай (хотя непосредственно по территории Польши Дунай не протекает, она входит в бассейн

Дуная) – *dunaj* ‘очень глубокая вода’ (ср. *Ło taki głęboki wodzie, zawirowany, to sie mówilo dunaj*), ‘впадина, пропасть’ (ср. *Wpadło tam, do tego dunaja, to ino echo dudniło*) (Суган Сł. gw. kielec.); Амур – *амура* ‘отдаленное место, куда угоняют ссыльных’ (ср. *На амур угонили его*), ‘неудобное для езды или прохода место’, ‘беда, несчастье; невыносимое положение’ (ср. *У этого хозяина работникам житье – чистая амура*), ‘плохая жизнь’, *амуры* ‘отдаленное место’ (ср. *Ну, и ушел в амурь! Этак зайдет в самые амурь*) (СРНГ 1: 252).

Мы привели лишь незначительную часть польских и русских диалектных эпонимов, уделив большее внимание деантропонимам, поскольку они являются наиболее репрезентативными. Рассмотренный материал показал, что, как и для исконно апеллятивной диалектной лексики, для эпонимов характерна семантическая полифункциональность (т. е. многозначность) одной и той же звуковой формы. При этом разные значения эпонима могут выделяться в пределах одного и того же лексико-семантического или тематического класса, а могут относиться к разным по семантике группам. Пример первого: 3 значения эпонима *астраханка* (определенные сорта дыни, арбуза и яблок) относятся к лексико-семантическому классу «Представители растительного мира». Пример второго – это остальные значения данного эпонима: 4-е относит эпоним к классу «Средства передвижения», 5-е – к лексике, связанной с изготовлением одежды, а 6-е – к классу «Человек и его проявления». Рассмотренный в статье материал демонстрирует указанные два типа полифункциональности эпонимов. Эта полифункциональность чаще отмечается в разных говорах, составляющих польский или русский диалектный континуум, но может встречаться и в пределах одного и того же диалекта. Сопоставление диалектного польского и русского эпонимического материала показывает, что различие касается частотности, лексической репрезентативности эпонимов в тех или иных лексико-семантических группах, в целом совпадающих в обоих идиомах. Так, значительно чаще в русских говорах по сравнению с польскими отмечаются деантропонимы, обозначающие человека с указанием его негативных черт. Представляется целесообразным составление словарей диалектных эпонимов и создание монографий, посвященных диалектным детопонимам и деэтонимам, наподобие монографии Р. Кухажик (Kucharzyk 2010) о польских диалектных деантропонимах. И последнее, но не менее важное: необходимо стремиться выяснить (по возможности) причину употребления именно данного эпонима в качестве базы для эпонима, называющего ту или иную реалию окружающего мира.

Источники и литература

Ананьева Н. Е. Польские и русские диалектные эпонимы, мотивируемые этнонимами и хоронимами // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 25 / отв. ред. А. Ф. Журавлев. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2025. С. 305–315.

Ананьева Н. Е. Польские и русские эпонимы, номинирующие представителей животного мира // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 3. М.: ИРЯ РАН, 2026 (в печати).

Березович Е. Л. О явлении лексической ксеномотивации // Вопросы языкознания. 2006. № 6. С. 3–20.

Лопорт Е. П. Оттопонимические и отэтнонимические наименования лодок в русских говорах Архангельской области // Вопросы ономастики. 2016. Т. 13. № 1. С. 178–190. DOI: 10.15826/vopr_onom.2016.13.1.011

Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен. Донецк: ООО «Юго-Восток, ЛТД», 2004. 412 с.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева (т. 1–5), М. Э. Рут (т. 6–). Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001–. Т. 1–.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–24), Ф. П. Сороколетов (вып. 25–46), С. А. Мызников (вып. 47–). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Т. 1–.

Топоров В. Н. Ещё раз о балтийских и славянских названиях божьей коровки (*Coccinella septempunctata*) и перспективах основного мифа // Балто-славянские исследования 1980 / отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М.: Наука, 1981. С. 274–300.

Cygan S. Słownikzek gwarowy (Kieleckie). URL: <http://www.dialektologia.uw.edu.pl> (дата обращения: 10.10.2025).

Cygan S. Słownik gwary opoczyńskiej. Opoczno: Agencja Wydawnicza PAJ-Press, 2018. 382 s.

Gw. lub. – Gwara lubelska. URL: <https://ryneklubelski.pl/gwara-lubelska/> (дата обращения: 3.03.2024).

Gw. warsz. – Gwara warszawska. URL: <http://gwara-warszawska.waw.pl/sownik/> (дата обращения: 5.03.2024).

Karłowicz J. Słownik gwar polskich. Kraków, 1900–1911. Т. 1–6.

Kucharzyk R. Słownictwo odantroponimiczne w gwarach polskich. Kraków: Wydawnictwo Lexis, 2010. 212 s.

Mały słownik gwar polskich / red. nauk. J. Wronicz. Wydanie drugie. Kraków: LEXIS, 2010. 366 s.

Pelcowa H. Nazwy sporadyczne i okazjonalne w opracowaniach gwarowych // Gwary dziś. Poznań, 2007. Т. 4. S. 85–92.

Śl. gw. borow. – Słownik gwary borowiackiej. URL: <https://borytucholskie.net/sownik/> (дата обращения: 5.03.2024).

Śl. gw. kociew. – Słownik gwary kociewskiej. URL: <https://kociewie24.eu/o-kociewiu/slownik-gwary-kociewskiej/> (дата обращения: 10.04.2025).

Śl. pol.-śląsk. – Słownik Polsko-Śląski. URL: <https://www.slunski-chachor.com/webpage/slownik-polsko-slaski.html> (дата обращения: 10.04.2025).

References

Anan'yeva, N. Ye. “Pol'skie i russkie dialektnye eponymy, motiviruemye etnonomami i khoronimami.” *Issledovaniia po slavianskoi dialektologii*, vol. 25, ed. by A. F. Zhuravlev. Moscow: In-t slavianovedeniia RAN, 2025, pp. 305–315.

Anan'yeva, N. Ye. “Pol'skie i russkie dialektnye eponymy, nominiruiushchie predstavitelei zhivotnogo mira.” *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova*. Vol. 1. Moscow: IRIA RAN, 2026 (in print).

Berezovich, E. L. “O iavlenii leksicheskoi ksenomotivatsii.” *Voprosy iazykoznaviia*, 2006, no 6, pp. 3–20.

Cygan, S. *Słowniczek gwarowy (Kieleckie)*. URL: <http://www.dialektologia.uw.edu.pl> (accessed: 10.10.2025).

Cygan, S. *Słownik gwary opoczyńskiej*. Opoczno: Agencja Wydawnicza PAJ-Press, 2018, 382 p.

Gwara lubelska. URL: <https://ryneklubelski.pl/gwara-lubelska/> (accessed: 3.03.2024).

Gwara warszawska. URL: <http://gwara-warszawska.waw.pl/slownik/> (accessed: 5.03.2024).

Kucharzyk, R. *Sownictwo odantropomiczne w gwarach polskich*. Kraków: Wydawnictwo Lexis, 2010, 212 p.

Loport, E. P. “Ottoponimicheskie i otetnonimicheskie naimenovaniia lodok v russkikh govorakh Arkhangel'skoi oblasti.” *Voprosy onomastiki*, 2016, vol. 13, no 1, pp. 178–190. DOI: 10.15826/vopr_onom.2016.13.1.011

Mały słownik gwar polskich, red. J. Wronicz. Kraków: LEXIS, 2010, 366 p.

Otin, E. S. *Slovar' konnotativnykh sobstvennykh imion*. Donetsk: OOO “Iugo-Vostok, Ltd”, 2004, 412 p.

Pelcowa, H. “Nazwy sporadyczne i okazjonalne w opracowaniach gwarowych.” *Gwary dziś 4*. Poznań, 2007, pp. 85–92.

Slovar' gorov Russkogo Severa, ed. by A. K. Matveev (vols. 1–5), M. E. Ruth (vol. 6–). Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2001–, vols. 1–.

Slovar' russkikh narodnykh gorov, ed. by F. P. Filin (vols. 1–24), F. P. Sorokoletov (vols. 25–46), S. A. Myznikov (vols. 47–). Moscow; Leningrad; St Petersburg: Nauka, 1965–, vols. 1–.

Słownik gwary borowiackiej. URL: <https://borytucholskie.net/slownik/> (accessed: 5.03.2024).

Słownik gwary kociewskiej. URL: <https://kociewie24.eu/o-kociewiu/slownik-gwary-kociewskiej/> (accessed: 10.04.2025).

Słownik Polsko-Śląski. URL: <https://www.slunski-chachor.com/webpage/slownik-polsko-slaski.html> (accessed: 10.04.2025).

Toporov, V. N. “Eshchio raz o baltiiskikh i slavianskikh nazvaniakh bozhiei kovorki (*Coccinella septumpunctata*) i perspektivakh osnovnogo mifa.” *Balto-slavianskie issledovaniia 1980*, ed. by Viach. Vs. Ivanov. Moscow: Nauka, 1981, pp. 274–300.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.15

N. Ye. Ananyeva

On Polish and Russian Dialect Eponyms

Nataliya Ye. Ananyeva

Doctor of Letters, professor

Lomonosov Moscow State University

119991, Leninskie Gory 1-51, Moscow, Russian Federation

E-mail: ananeva.46@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1626-2243

Citation

Ananyeva N. Ye. On Polish and Russian Dialect Eponyms // *Slavic Almanac*. 2026. No 1–2. P. 302–315 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.15

Received: 26.11.2025.

Revised: 03.02.2026.

Accepted: 17.03.2026.

Abstract

This article analyzes a number of Polish and Russian dialect eponyms. The main focus is on eponyms motivated by anthroponyms, categorized into several lexico-semantic groups: names of plants, animals, everyday objects, designations of people and their characteristics, names of games and events, and others. The author notes the semantic polyfunctionality (polysemy) of the same eponymous form both within the entire dialectal array of each language and within a single dialect. A particular difficulty lies in establishing the motivational feature that served as the basis for using a particular anthroponym as an eponym. In some cases, this can be established; for instance, many deanthroponyms arose from chrononyms, which were in turn motivated by hagionyms (e. g., Russian *ульяновка* ‘a variety of apples preserved until St. Juliana’s Day’ and Polish *janek* ‘a wreath attached to a door on St. John’s Day’). The motivational feature is more easily identified in detoponyms (e. g., Polish *dunaj* ‘large deep water’ and Russian *астраханка* ‘a variety of melons’). The compared dialectal languages differ in the frequency of eponym usage within shared lexico-semantic groups. Specifically, in Russian dialects, deanthroponyms refer to individuals significantly more often than in Polish, typically indicating negative traits. The article concludes by noting the prospects of compiling dictionaries and monographs dedicated to dialectal eponyms derived from various classes of onyms.

Keywords

Polish dialects, Russian dialects, eponym, anthroponym, deanthroponym, toponym, detoponym, hagionym, lexical-semantic group.

**Вариативность в сербском литературном языке:
экавица и иекавица в свете оппозиции «свой – чужой»
(на основе высказываний информантов)**

Якушкина Екатерина Ивановна
Доктор филологических наук, доцент
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119991, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, Москва, Российская Федерация
E-mail: jkatia@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0052-1338

Црняк М. Дияна
Доктор филологических наук, профессор
Университет в Баня-Луке
78000, Бульвар воеводы Петра Бойовича, 1 А, Баня-Лука, Босния
и Герцеговина
E-mail: dijana.crnjak@ff.unibl.org
ORCID: 0009-0003-9097-6815

Цитирование

Якушкина Е. И., Црняк Д. М. Вариативность в сербском литературном языке: экавица и иекавица в свете оппозиции «свой – чужой» (на основе высказываний информантов) // Славянский альманах. 2026. № 1–2. С. 316–333. DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.16

Статья поступила в редакцию 29.10.2025.

Рецензирование завершено 01.02.2026.

Статья принята к публикации 17.03.2026.

Аннотация

В статье рассматривается социолингвистический контекст бытования двойной орфоэпической нормы сербского литературного языка – экавской и иекавской, – основанной на различии в рефлексации «ятя», через когнитивную оппозицию «свой – чужой». Несмотря на декларируемое равноправие норм, иекавская норма, распространенная в Республике Сербской и Черногории, и экавская, представленная в Сербии, в реальности имеют разный статус. И «западные», и «восточные» сербы, как показывают наблюдения, не всегда осознают, а «восточные» сербы и не всегда принимают факт вариативности в сербском языке, подтверждая «западных» сербов языковой и культурной

дискриминации. Материал составляют интервью с иекавскими переселенцами (6 информантов, в основном филологи), которые описывают адаптацию к экавской среде и восприятие двух норм в социальных сетях, а также дискуссии о негативных стереотипах по отношению к иекавице и западносербской лексике. Статья анализирует и практические аспекты адаптации, включая влияние на семью, образование и сохранение личной идентичности, а также описывает, как оценивается речь «западных» сербов жителями центральной Сербии и как сами иекавцы воспринимают и оценивают свою речь в чужой среде, показывая, как оппозиция «свой – чужой» структурирует языковое и культурное самосознание «восточных» и «западных» сербов.

Ключевые слова

Оппозиция «свой – чужой», коллективная идентичность, сербы-экавцы, сербы-иекавцы.

1. Современная когнитивная наука фокусируется на вопросах категоризации как особого когнитивного процесса и способа организации концептуальной системы, источником которой является чувственный опыт¹. Оппозиция «свой – чужой» – одна из старейших ментальных и культурных констант, охватывающая все сферы человеческого существования, предмет научных исследований в рамках разных методологических подходов. Потребность в проведении границы между «своим» и «чужим» лежит в основе формирования этнического самосознания, коллективной идентичности и национальной картины мира: «свое» представляет собой сообщество, с которым мы себя идентифицируем, тогда как «чужое» для нас далеко и необычно, поэтому мы, как правило, рассматриваем его с позиции превосходства². В этнической картине мира эта оппозиция проявляется

1 Лакофф считает, что категоризация мира лежит в основе всех мыслительных процессов, действий и речевых актов, см.: *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И. Б. Шатуновского. М., 2004. С. 20. В связи с этим см. классификацию бинарных оппозиций как части концептуальной системы, которую приводит Цивьян: *Цивьян Т. В.* Лингвистические основы балканской модели мира / отв. ред. В. Н. Топоров. М., 1990. С. 5–6.

2 При этом «то, что не совпадает, различается в двух национальных сознаниях и культурах – воспринимается как странное, чуждое / чужое, неестественное, неправильное и, как следствие, является причиной непонимания, т. е. делает

на различных уровнях – от космологических представлений до бытовой сферы³. В настоящей статье рассматривается, как данная оппозиция структурирует современное языковое сознание на территории Сербии и Боснии и Герцеговины.

2. С начала своей истории сербская языковая территория в силу географических, культурных и политических факторов разделялась на восточную и западную области, граница между которыми, если обобщить ситуацию, проходила по реке Дрина⁴. В этих областях сформировались несколько разные сербские диалектные типы, отличающиеся прежде всего рефлексом «ятя», который к западу от Дрины – иекавский, а к востоку – экавский. В XIX в. оба типа произношения были кодифицированы как литературные, вследствие чего в современном сербском литературном языке существуют две орфоэпические нормы: экавская и иекавская, различия между которыми, в общем, сводятся к произношению звука /э/ или звукосочетаний /ие/, /е/ в словах типа *река* (*ријека*) или *песма* (*пјесма*) или произношению твердых или мягких согласных перед бывшим «ятем» (*хлеб* – *хљеб*, *нежан* – *њежан*). Кроме этого основополагающего различия, литературная речь «западных» сербов, *пречан*⁵, жителей *преко Дри-*

межкультурное взаимодействие трудным и неэффективным» (*Марковина И. Ю., Васильченко Т. А.* Культурная константа «свой-чужой» на аксиологической оси модели мира: механизмы защиты // *Язык. Сознание. Культура. Сб. статей / под ред. Н. В. Уфимцевой, Т. Н. Ушаковой. М.; Калуга, 2005. С. 217*). О том, что свое переоценивается, а чужое недооценивается, писал и Ю. Е. Сорокин (*Сорокин Ю. Е.* Провинциальные оценочные стереотипы и речевые акты // *Провинциальная ментальность России в прошлом и настоящем. Самара, 1994. С. 27–29*).

3 См.: *Агапова М. Н.* Варьирование способов выражения семантической оппозиции «свой/чужой» в языке фольклора и народной диалектной речи // *Интерпретатор и текст: проблемы ограничений в интерпретационной деятельности. Ч. II. Новосибирск, 2004. С. 44–49; Толстая С. М.* Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008. С. 319–327; *Трубачев О. Н.* Славянская этимология и праславянская культура // *Славянское языкознание. X Международный съезд славистов (София, сентябрь 1988). Доклады советской делегации / ред. Н. И. Толстой. М., 1988. С. 292–347; Цивьян Т. В.* Лингвистические основы...

4 Реку Дрина следует рассматривать как изоглоссу между экавскими и иекавскими вариантами штокавского диалектного комплекса, поскольку диалектный ареал, исторически сформировавшийся в Сербии миграциями из Восточной Герцеговины, в настоящее время демонстрирует выраженную тенденцию к сокращению и находится в стадии глубокой ассимиляции в пользу экавских говоров.

5 *Пречанин* – «человек с противоположной стороны, берега; человек с другого берега Дуная и Савы по отношению к сербам в Сербии» (*Речник*

не, прекодринаца, прекодринских Срба, отличается от речи жителей центральной Сербии, Србијанаца, использованием лексики, характерной для хорватских территорий, а также более частым использованием инфинитива, что также характерно и для языка в Хорватии. Также для сербской языковой территории характерна фонетическая и акцентологическая региональная маркированность литературной речи (по выговору можно достаточно легко узнать место жительства или происхождение человека).

И «западные», и «восточные» сербы, как показывают наблюдения, не всегда осознают наличие вариативности в сербском языке, а «восточные» сербы не всегда принимают этот факт, подвергая «западных» сербов языковой и культурной дискриминации. Цель данного исследования – описать оценку, которой подвергается речь «западных» сербов со стороны жителей центральной Сербии, и самооценку своей речи в чужой среде у сербов-иекавцев.

Сербское общество хорошо знает об этой проблеме, о чем свидетельствует передача на «Радио Београд 2» 23 октября 2020 г.⁶, посвященная проблеме отторжения иекавицы в экавской среде с участием Софии Милорадович, Горана Бабица и Станиши Тутневича. В анонсе к передаче проблема сформулирована следующим образом: «Если иекавица и экавица равноправны, почему иекавец должен превращаться в экавца?.. Начинает ощущаться сокращение использования иекавского произношения, особенно в СМИ. Иекавские тексты обычно экавизируются, что с лингвистической точки зрения неоправданно».

Материалом для нашего исследования послужили интервью с переселенцами-иекавцами, в которых они рассказывают о своем опыте адаптации к экавской или новой для них иекавской среде, а также дискуссии на тему восприятия двух норм сербского литературного языка и языковой адаптации в соцсетях. Всего было проведено 6 интервью (информантами стали один мужчина и пять женщин, все они – 1970-х годов рождения). Информанты были проинтервьюированы в Баня-Луке (Республика Сербская) в конце 2023 и начале 2024 г. Пять информантов являются профессиональными филологами, одна информантка – сотрудник аптеки с высшим образованием. Четверо из них родились на территории Боснии и Герцеговины, одна информантка – на территории Хорватии, один

српскохрватскога књижевног језика: в 6 т. Нови Сад, 1973. Т. 5. С. 24). Как обозначение сербов, живущих за Дриной, это слово выступает в первом значении.

6 Ijekavci i ekavci. URL: <https://www.rts.rs/lat/radio/radio-beograd-2/4121512/ijekavci-i-ekavci.html> (дата обращения: 12.08.2025).

информант – в Черногории; все они переехали на территорию Республики Сербской в 1991–1995 гг. Причинами миграции на восток были события, связанные с распадом Югославии.

Наши информанты свидетельствуют, что их иекавская речь иногда вызывала негативное отношение, причем часто со стороны таких же, как они, переселенцев, только более ранней волны. Негативный стереотип иекавицы закреплен в анекдотах, ср.: «Здесь останавливается автобус на Вьетерник?» (*Je l' tu staје аутобус за Вјетерник?*) – спрашивает приезжий иекавец местного жителя в Воеводине и получает ответ: «Нет, на Фьютог» (*Јок, за Фјутог*). В этом ответе вместо нормальной формы топонима *Футог* воеводинец, раздраженный речью приезжего (который использовал форму *Вьетерник* вместо *Ветерник*), употребляет квазииекавскую форму с йотацией после согласного. С другой стороны, информанты описывают случаи, когда носители экавской нормы не понимают слова в иекавском произношении. Неоднократно в интервью подтверждается, что слово *двѣје* ‘две’ экавцы воспринимают как *три*, поэтому иекавцы, расплачиваясь за покупки, используют форму *две*, подтверждая ее жестами. По свидетельству одного из информантов, его не поняли в пекарне, когда он попросил *хлеб* («что?») (*шта?*) – переспросила продавщица, и тогда следующий по очереди покупатель перевел это слово в экавскую форму *хлеб*.

Иекавица как явление и ее употребление в экавской среде вызывает поток негативных эмоций при дискуссиях в социальных сетях и на форумах. Приведем примеры ее отрицательной оценки и требований адаптации к экавской среде (антагонизм «своего» и «чужого» особенно ярко представлен в последнем примере⁷):

Tesko je meni otkako sam prvi put suo ijekav'cu uzivo, ali prezivljam nekako [Трудно мне живется с тех пор, как я первый раз услышал иекавицу, но выживаю как-то] (@AleksandarLik);

цријево. ијекавци јече као да их у цријево циљају. како може да буде црево цријево што онда не кажете за мед мијед. нпр. [цријево (кишка). Иекавцы стонут, как будто им в кишки стреляют, почему вы и мед не называете мијед] (@singidunumski);

Van svog ambijenta, ijekavci čudno zvuče, i sebi i drugima. Neka priznaju bez ljutnje [За пределами своей среды иекавцы звучат странно, и для себя, и для других. Пусть это признают без обид] (@nebonad); Muka mi je vise od «mlijeka i lijepo ti je to» po prodavnicama i sl. !!!

⁷ В цитатах здесь и ниже сохранена орфография и пунктуация их авторов.

[Меня уже тошнит от того, что я слышу по магазинам «mljeka i lijero ti je to» и т. д.] (@nenad6556);

У Србији се учи, говори и пише на екавици. Јел то тако тешко да се научи, ако си Србин [В Србији учатся, говорят и пишут на екавице. Неужели так трудно ее выучить, если ты серб] (@peravojchan);

Nemam nista protiv bilo kog govora, ali «u Rimu se ponasaj kao Rimljanin» [Я не имею ничего против чужой речи, но в Риме нужно вести себя как римлянин] (@nenad6556);

Ljudi, zovite veterinara. Mom Džekiju nije dobro. Koristi ijekavicu [Народ, вызывайте ветеринара. Моему Джеки плохо. Перешел на иекавицу] (@stefan_orl13432).

Иекавица отрицательно оценивается экавцами с эстетической и практической точек зрения:

Друкчије се дише, другачије мисли, реч постаје дужа, спорија, а мисао тежа [Иначе дышется, иначе думается, слово становится длиннее, медленнее, а мысль тяжелее] (@TrannySecret);

To sto se nekada govorilo jekavstinom u nekim delovima Srbije, ne znaci da treba i danas da se govori tim nesavršenim arhaicnim govorom !!!... Malo smo zalutali, kakve veze imaju knjige napisane pre 100god. sa pokusajem nametanja jekavstine, u sred Srbije u 2021god. !!! Valjda treba usavrsavati jezik a ne vracati se na staro arhaicno... [То, что когда-то говорили на иекавице в некоторых районах Србии, не значит, что нужно и сейчас пользоваться этим несовершенным, архаичным говором! Мы немного заблудились, какое отношение имеют книги столетней давности к попыткам навязать иекавицу в центре Србии в 2021 году! Наверное, нужно совершенствовать язык, а не возвращаться к древности] (@nenad6556).

Наиболее радикальная точка зрения – представление, что иекавица не является частью сербского языка:

Don Felipe nam postavio [...] dvojicu ministara spoljnih poslova koji govore srpski i ijekav'cu kad zapjevaju [Дон Филипп нам назначил двух министров иностранных дел, которые говорят по-сербски и на иекавице, когда начинают петь] (@username_ns).

Встречаются и не шуточные, а декларативные утверждения:

Причаш ијекавски? Ниси Србин [Говоришь по-иекавски? Ты не серб] (@Duleban97);

A to Srbi ijekavci???? Nekako mi to ne ide bas... [Сербы иекавцы? Одно с другим как-то не сочетается...] (@Syz_sicilijanac);
 usput rečeno pravi Srbin ne može sebi da dozvoli da govori ijekavicu [Кстати сказать, настоящий серб не может себе позволить говорить на иекавице] (@peravojchan);
 Srbi preko drine? Nazovimo stvari pravim imenom... Bosancerosi [Сербы из-за Дрины? Давайте называть вещи своими именами... Лапотники] (@ujkin0);
 Мени је жао што има људи у Србији који мисле да си Србин само ако причаш екавицу, милион пута сам добио питање што овако преко нета што уживо «како си ти Србин а пишеш/причаш ијекавицу?» а још жалосније ми је кад неко одавде пише или на силу прича екавицу да би доказао Српство [Мне жаль, что в Сербии есть люди, которые думают, что ты серб, только если ты говоришь на екавице. Миллион раз мне задавали вопрос: «Какой же ты серб, если ты пишешь / говоришь на иекавице?», и еще больше жаль, когда кто-то отсюда пишет или с трудом говорит на екавице, чтобы доказать [свое] сербство] (@rsk993).

Иекавцы хорошо осознают негативное отношение в их адрес:

Више права у Србији имају икавци⁸ него ми, ијекавци [Больше прав в Сербии имеют икавцы, чем мы, иекавцы] (@Prasnjavi);
 У Београду се често прихвата ијекавица коју говори неки муслиман или Хрват, а истовремено ијекавица може бити плод мржње према Србима из Републике Српске. Такви културни клишеи намерно се формирају да разбију српски идентитет. Ми се томе морамо супротставити и јасно рећи да нећемо пристати на такву културну окупацију [В Белграде обычно нормально относятся к тому факту, что на иекавице говорят мусульмане или хорваты, а при этом по отношению к сербам из Республики Сербской это может быть причиной ненависти. Такие культурные стереотипы специально создаются, чтобы разрушить сербскую идентичность. Нужно этому противостоять и открыто заявить, что мы не согласны на подобную культурную оккупацию]⁹.

8 Икавская речь – диалектная разновидность, в которой на месте бывшего «ятя» произносится гласный «и», в отличие от экавской и иекавской норм.

9 Bez Kosova i Metohije nam nema opstanka. URL: <https://pokretzaodbrankukosovaimetohije.rs/otac-darko-r-dogo-bez-kosova-i-metohije-nam-nema-opstankazivot-svagog-srbina-je-borba/> (дата обращения: 30.09.2025). Человек, отрывок из интервью которого мы приводим, – иекавец, но в печатном виде его ответы частично экавизированы.

Большинство переселенцев предпочитают языковую адаптацию, приспособление (серб. *прилагођавање*) к местному типу речи. В качестве основной причины такого поведения называют заботу о детях, желание облегчить ребенку жизнь созданием для него однородной языковой среды. Общаясь с экавцами в дошкольных и школьных учреждениях, ребенок не может понять причину двойственности, путается и недоумевает, что побуждает перейти на экавицу прежде всего мать, тогда как отец, проводящий большую часть своего времени на работе, может в этом случае сохранить исконное произношение. Одну из информанток ребенок, приходя из школы, исправлял, что нужно говорить «млеко», а не «млијеко». В школе, по всей видимости, осуществляется наиболее сильное давление на иекавцев. Примеры сложных психологических ситуаций приводятся в работе Жарко Бошняковича и Драганы Радованович¹⁰, где содержатся интервью с подростками, жалующимися на неприятие их речи со стороны сверстников и учителей, побуждавших их к переходу на экавицу. Одна из участниц дискуссии на форуме, семья которой была вынуждена переселиться в Сербию из Далмации, описывает тяжесть жизни беженцев, которых всячески унижали местные жители, иногда очень жестоко. В том числе она рассказывает о своем языковом опыте:

најбоља другарица и ја, пишемо саставе, она пише о лету у Далмацији и Зрмањи, и учитељица је опомиње ако још једном буде писала ијекавицом да ће је избацити; тад сам навукла трауме од ијекавице и почела да је избегавам; сад кад се сетим, мрзим ту учитељицу мало и из све снаге користим ијекавицу; увек сам поносно истицала да сам из Далмације, никад ме није било срамота док су се други срамили и крили то [Мы с моей лучшей подругой писали сочинения, она пишет о лете в Далмации и Зрмани, а учительница ей выговаривает, что если она будет продолжать писать иекавицей, то она ее выгонит. После этого иекавица стала для меня источником душевных травм, я начала ее избегать. Сейчас, когда я это вспоминаю, я ненавижу эту учительницу и изо всех сил употребляю иекавицу. Я всегда с гордостью подчеркивала, что я из Далмации, мне никогда не было стыдно, а другие стыдились и скрывали это] (@prgavicaa).

¹⁰ Бошняковић Ж., Радовановић Д. Фонетске варијације у говору избеглица у Новом Саду // Говор Новог Сада. Свеска 1: Фонетске особине. Лингвистичке свеске 8 / ур. Ж. Бошняковић. Нови Сад, 2009. С. 310–338.

Как отмечают информанты, помимо давления (серб. *притисак*) среды, иекавцы переходят в Сербии на экавицу из-за желания стать «своим» в новой среде, не выделяться из нее (не быть приезжими – *дошљак са стране, дођош* – ср. эти слова как языковые маркеры «чужого» в своей среде). По данным Бошняковича и Радованович, переселенцы с высшим образованием, а также работники сферы услуг чаще приспособливаются и переходят на экавицу¹¹. Приведем высказывание с форума:

у Србији говорим и пишем екавски, ако је нешто на ијекавском (а има) сматрам то грешком, и трудим се да је исправим [В Сербии я говорю и пишу на экавице, если попадается что-то иекавское, то я это считаю ошибкой и стараюсь исправить] (@peravojchan).

По мнению участников дискуссии в соцсети, экавица престижнее:

обично ијекавци причају екавицу јер им је лакше да пишу (правилно), екаваца је више, престижнија је итд. [Обычно иекавцы говорят по-экавски, потому что им так легче писать правильно, экавцев больше, экавица престижнее и т. д.] (@Wl4ch_Ncmt_1389).

Информанты сознают, что негативное восприятие иекавицы – это частный случай реализации отрицательного стереотипа о боснийцах в сербской, в частности в воеводинской, среде. По рассказу одной информантки, таксист в Нови-Саде, которому она предлагала заплатить за поездку в евро, среагировал следующим образом: «Ту си дошла из Босне, причаш ијекавски, нећеш да плаћаш» [Приехала сюда из Боснии, говоришь по-иекавски, не хочешь платить]. В этой оценке отрицательно воспринимаемый языковой признак тесно связан с общей негативной оценкой человека из Боснии. Жизнь в Боснии ассоциируется с бедностью, неразвитостью, бескультурьем. Информанты связывают появление этого стереотипа с поведением боснийских переселенцев в Воеводине после Второй мировой войны и с посвященным этой миграции художественным фильмом «Восьмое наступление» («Осма офанзива»). Информантке, рожденной в Боснии, знакомая в Воеводине задала поразивший ее вопрос: «Вы, боснийцы, все еще готовите еду в той же кастрюле,

¹¹ Бошњаковић Ж., Радовановић Д. Фонетске варијације... С. 324.

в которой кипятите белье?» Поэтому потомки выходцев из Боснии особенно стараются освободиться от иекавицы. Муж информантки, сын боснийских переселенцев, переехавших в Нови-Сад, чувствовал «благий стыд» [небольшой стыд], когда его жена говорила на иекавице. По выражению информанта, в экавской среде на иекавцу «одмах налепе етикету селяка необразованог» [сразу наклеят ярлык необразованной деревенщины]. Неприятие иекавицы в Воеводине особенно травмирует переселенцев, поскольку Воеводина традиционно является мультиэтническим и многоязычным регионом, а следовательно, толерантным культурным пространством. Характерно, что именно боснийцев постигают наиболее серьезные травмы в экавском окружении, тогда как черногорцы лучше, чем боснийцы, сохраняют иекавицу в контакте с жителями центральной Сербии.

Одна информантка сознательно выбрала для себя путь использования иекавицы в экавском окружении с целью демонстрации того, что и иекавица – это литературный тип сербского произношения, а также руководствуясь желанием сохранить свой говор.

Многие жители Сербии, несмотря на то что знакомство с иекавицей включено в школьную программу, не знают, что в сербском литературном языке узаконены две произносительные нормы:

Piše neko ko i posle 30 godina boravka u Srbiji i dalje koristi ijekavicu. Srećem takve svugde, u banci, na pijaci, javnim preduzećima... Da se razumemo, nemam ništa protiv ali u pravu ste da to ne bi smelo da prolazi u državnim institucijama [Пишет кто-то, кто и после 30 лет жизни в Сербии продолжает использовать иекавицу. Встречаю таких людей повсюду: в банке, на рынке, в общественных учреждениях... Если честно, я не против, но вы правы, что в государственных учреждениях это недопустимо] (@_izastlanik);
A asistent je u želji da bude politički korektan izjednačio moju ijekavicu i pečije greške u pisanju, rodu, broju i padežu [А молодой преподаватель, желая быть политкорректным, приравнял мою иекавицу к орфографическим и грамматическим ошибкам] (@AnEm1330).

Большой общественный резонанс в 2023 г. имел следующий случай. В суде г. Бор адвокату было поставлено на вид, что он пользуется иекавицей, которая якобы не свойственна административному языку Сербии. Адвокат обжаловал это требование, но Конституционный суд Сербии подтвердил решение судьи, и только Европейский

суд по правам человека в Страсбурге установил, что это решение было незаконно¹².

Подобные прецеденты, по всей видимости, не уникальны. Есть и другие примеры того, что в конфликтной ситуации иекавское прозвище может быть поставлено в вину одной из конфликтующих сторон, причем со ссылкой на действующее законодательство, якобы исключаящее иекавицу. В 2008 г. учительнице из Глоговца (окрестности Ягодини) родом из Черногории администрация школы отказала в рассмотрении заявления на том основании, что оно «je pisan na nerazumnom jeziku» [написано на непонятном языке]. Ей было предложено переписать заявление «na zvaničnom službenom jeziku Srbije, kako škola ne bi bila izložena trošku plaćanja tumača i da bi školskom odboru bilo omogućeno da zahtev uzme u razmatranje» [на официальном языке Сербии, чтобы школа не должна была оплачивать услуги переводчика и администрация школы имела возможность принять и рассмотреть заявление]¹³.

Несмотря на давление среды, многим переселенцам иекавица дорога как средство идентификации с исконной средой. Она помогает им найти друг друга в новой среде и установить между собой контакт, которым они дорожат (*одакле сте? И попричамо* [Откуда вы? И завязывается разговор]), и даже сохранить собственную личность: «Когда я говорю на иекавице, это в большей степени “я”». Похожие высказывания можно услышать от сербов, живущих в Косово. Мать Павлины Радованович, исполнительницы народной и духовной музыки, объясняя, почему она не уехала из Косово, говорит, что там она «свој на своме». Одна из наших информанток процитировала стихотворение «Ије», посвященное воспоминаниям взрослого о детских переживаниях в связи с травлей за иекавицу: «Само мало да сам старија била, никад своје *ије* не бих исправила, све бих отезала када би ме деца зезала и не бих плакала у јастук... како сам само брзо прогутала своје *ије* па га сањам спакавано у избеглички пртљаг. Носам га по овом и оном свету, требаће ми. Моје је, у срцу ми тиња, душу греје, кад озебем» [Будь я хоть немного постарше, я никогда бы не исправляла свое «ие», наоборот, растягивала бы его, когда дети дразнили

12 Srpske sudije ne znaju srpski jezik. URL: <https://hronograf.net/2023/04/29/evropski-sud-za-ljudska-prava-jednolasno-srpske-sudije-ne-znaju-srpski-jezik/> (дата обращения: 01.09.2025).

13 Škola vratila molbu zbog ijekavice. URL: https://www.b92.net/o/vesti/vesti?nav_id=332377 (дата обращения: 25.08.2025).

меня, и не плакала бы в подушку... Я слишком быстро проглотила свое «ие» и теперь вижу его во сне, как оно лежит в чемодане беженца. Ношу его по этому и тому свету, оно мне пригодится. Оно мое, оно теплится в моем сердце и согревает душу, когда мне холодно]. В исследовании Бошняковича и Радованович имеется свидетельство учительницы, которая считает, что ей поздно менять произношение¹⁴. Пользователи соцсетей свидетельствуют, что сохраняют иекавицу как свой аутентичный говор:

Говорим ијекавски, сама себи звучим као да се пренемажем или претварам да сам неко други ако пробам говорити екавицом [Я говорю по-иекавски. Когда я говорю на экавском, мне кажется, что я притворяюсь, изображаю из себя кого-то другого] (@pauljiljuli);

ја сам рођен и одрастао на подручју гдје се говори ИЈекавица, а живим већ годинама на подручју гдје се говори ЕЈавица, а и даље пишем и говорим ИЈекавски. Није до језика, до људи је... [Я родился и вырос на той территории, где распространена иекавица, но многие годы живу там, где говорят по-экавски, при этом я продолжаю писать и говорить по-иекавски. Дело не в языке, а в людях] (@DrinskaRegija).

Возможен переход на иекавицу в момент эмоционального всплеска:

Што каже покојни Зоки Радмиловић: «чим ме ухвати емоција, прелазим на ијекавски!» [Как говорил покойный Зоки Радмилович, «как только поддаюсь эмоциям, перехожу на иекавицу»] (@svejic_alcvejic).

С другой стороны, есть люди, которые в зависимости от окружения переходят с одной нормы на другую:

У Београду говорим екавски, у ЦГ ијекавски и то ме чини неописиво богатим и срећним. Пушти будале, њима спаса нема [В Белграде я говорю на екавице, в Черногории на иекавице, и это меня делает невыразимо богатым и счастливым. Дураки не стоят внимания, это безнадёжный случай] (@Aleks_Koprivica).

Помимо отрицательного отношения к иекавице, в Сербии негативно воспринимается западная сербская лексика, которая используется

¹⁴ Бошњакoвић Ж., Радoванoвић Д. Фонетске варијације... С. 317.

в Боснии и Хорватии. Информант рассказывает, что на покупателя, который попросил «*крух или хљеб*», продавщица долго кричала: «Сколько ты здесь живешь, а не научился говорить!»

На основании приведенных примеров можно выделить смысловые составляющие, из которых складывается образ иекавца:

Ми Срби који причамо ијекавски би судећи по новинаркама и активисткињама из Београда, без имало милости убијали своју дјецу [Мы, сербы, говорящие на иекавице, судя по словам журналисток и активисток из Белграда, готовы беспощадно убивать своих детей] (@Loonaticv2);

Босанска полиција је данас подигла пендрек на мачванске селјаке, један дечко је тешко повређен. Полицајци су ујутру били у пекарцу, сви су причали ијекавски са босанским нагласком... [Боснийская полиция сегодня прошла дубинкой по крестьянам из Мачвы, один паренек тяжело ранен. Полицейские утром были в пекарне, все говорили по-иекавски с боснийским акцентом] (@Pkoje);

...пишу ијекавски и користе изразе који се не користе у Србији и показују висок степен примитивизма и вулгарности у писању коментара [Пишут на иекавице и пользуются выражениями, не употребляемыми в Сербии, демонстрируя высокую степень примитивности и вулгарности в комментариях] (@DjurovicBlazo);

Зашто је баш сваки сендвичар ијекавац? [Почему каждый прорежимный потребитель фаст-фуда обязательно иекавец?] (@muskakucka);
 Beograd, Ako је неко урисан 90% он і рисац ргічају ијекавски! [В Белграде, если в кого-то стреляют, в 90 % случаев он и стрелок говорят по-иекавски] (@Banjska_028);

Dve naprednjakuše sa iјekavicom sinoć u gradskom prevozu napadaju beograđanke [Две сторонницы власти, говорящие на иекавице, вчера вечером в общественном транспорте атаковали жительниц Белграда] (@DjurovicBlazo);

Prividja mi se da се і 15.03. da nas бiju policajci који govore ијекavicu [Мне представляется, что и 15.03 нас будут избивать полицейские, говорящие на иекавице] (@CedicBojan).

В ответ на негативное отношение экавцев к иекавице со стороны иекавцев формируется неприятие экавицы, которая, в свою очередь, не воспринимается ими как норма сербского языка, а связывается с болгарским влиянием. Однако таких высказываний, по сравнению с отрицательной оценкой иекавцев, немного:

Надам се да ће... зауставити одлив наших говорника у (лакши за писање) дијалект бугарског језика, којег из политичке коректности зовемо екавицом [Я надеюсь, что это... остановит переход наших соотечественников на (более легкий) диалект болгарского языка, который из политкорректности мы называем экавицей] (@SrdjanMazalica).

У тога же пользователя высокая оценка иекавицы перерастает в некий вид снобизма, приписывающего иекавицу в том числе тем историческим деятелям, которые не являлись ее носителями: «Стефан Немања, кнез Лазар, Карађорђе, Вук, Његош, Тесла – ијекавци» [Стефан Неманя, князь Лазарь, Карагеоргий, Вук, Негош, Тесла – иекавцы].

Естественно, в ходе дискуссий на форумах встречается и совершенно толерантное отношение¹⁵:

Ма пусти будалетине... Ијекавица је српска као и Екавица... то ти је богатство српског језика!... а само да се прави разлика међу Србима... бацају кост и маглу међу Србима... да се међусобно Уједамо! [Оставь этих дураков... Иекавица такая же сербская, как и экавица... это же богатство сербского языка! Просто нужно разделить сербов, подбрасывают нам кости и напускают туману, чтобы мы грызлись] (@milovan55); Ни њима није лако, јер ми екавци смо ипак већина, а људи живе и у језику. Мене баш потресе када знајући да је неко изворни ијекавац данас говори екавицу. Тако се губе изворни локални говори, што је ненадокнадиво [Им тоже трудно, мы, экавцы, все-таки составляем большинство, а люди живут и в языке. Для меня всегда шок, когда я узнаю, что природный иекавец перешел на экавицу. Так утрачиваются местные говоры, а это невосполнимо] (@dicVeritas); Ово је мене толико насмијало. За мене су најгори они који причају екавски и мисле да су бољи од оних који причају ијекавски. Мени стварно не смета како ко звучи (примјетим разлику свих дајлекта) ако та особа зна своје «Просто смешно. По-моему, самые ужасные – это экавцы, которые считают, что они лучше иекавцев. Мне на самом деле совершенно не мешает местный колорит, если человек разговаривает по-своему» (@thelongvoyageMD).

15 Рассматривая межкультурный диалог во времени, В. Ферони пишет, что у Другого по крайней мере три образа: «Другой», «Иной» и «Чужой» (Феррони В. В. Три лика Другого: «Другой», «Иной», «Чужой» // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: Философия. 2012. № 1 (7). С. 112–130).

3. Т. В. Цивьян указывала на то, что язык на Балканах выполняет роль основного фактора самоидентификации среди «чужих»¹⁶. Поэтому вопросы, связанные с характером использования языка, всегда были очень важны для балканских традиций. На сербском языковом ареале их решение предваряло или сопровождало важнейшие культурные и политические перевороты (ср. реформу Вука Караджича 1818 г., Декларацию о месте и положении хорватского языка 1967 г., объединение, а потом разделение «сербскохорватского» языка). Эта важность языка для самоощущения серба ярко показана в романе М. Павича «Ящик для письменных принадлежностей», одна из повествовательных линий которого содержит записки эмигранта-беженца о том, «как забыть сербский язык за 10 уроков». Такой контекст объясняет, с одной стороны, насколько остро сербы воспринимают отклонения от того, что им представляется нормальным для их языковой среды, а с другой – связь человека с родным говором и усилия по его сохранению.

Источники и литература

Агапова М. Н. Варьирование способов выражения семантической оппозиции «свой/чужой» в языке фольклора и народной диалектной речи // Интерпретатор и текст: проблемы ограничений в интерпретационной деятельности. Ч. II. Новосибирск: НГПУ, 2004. С. 44–49.

Бошняковић Ж., Радовановић Д. Фонетске варијације у говору избеглица у Новом Саду // Говор Новог Сада. Свеска 1: Фонетске особине. Лингвистичке свеске 8 / ур. Ж. Бошняковић. Нови Сад: Филозофски факултет у Новом Саду, Одсек за српски језик и лингвистику, 2009. С. 310–338.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И. Б. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.

Марковина И. Ю., Васильченко Т. А. Культурная константа «свой–чужой» на аксиологической оси модели мира: механизмы защиты // Язык. Сознание. Культура. Сб. статей / под ред. Н. В. Уфимцевой, Т. Н. Ушаковой. М.: Калуга: ИП Кошелев (Изд-во «Эйдос»), 2005. С. 217–229.

Речник српскохрватскога књижевног језика: в 6 т. Нови Сад: Матица српска, 1973. Т. 5. 1043 с.

¹⁶ Цивьян Т. В. Лингвистические основы... С. 96.

Сорокин Ю. Е. Провинциальные оценочные стереотипы и речевые акты // Провинциальная ментальность России в прошлом и настоящем. Самара: СГСПУ, 1994. С. 27–29.

Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. 528 с.

Трубачев О. Н. Славянская этимология и праславянская культура // *Славянское языкознание. X Международный съезд славистов* (София, сентябрь 1988). Доклады советской делегации / ред. Н. И. Толстой. М.: Наука, 1988. С. 292–347.

Феррони В. В. Три лика Другого: «Другой», «Иной», «Чужой» // *Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: Философия*. 2012. № 1 (7). С. 112–130.

Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира / отв. ред. В. Н. Топоров. М.: Наука, 1990. 207 с.

Bez Kosova i Metohije nam nema opstanaka. URL: <https://pokretzaodbbranukosovaimetohije.rs/otac-darko-r-dogo-bez-kosova-i-metohije-nam-nema-opstanaka-zivot-svakog-srbina-je-borba/> (дата обращения: 30.09.2025).

Ijekavci i ekavci. URL: <https://www.rts.rs/lat/radio/radio-beograd-2/4121512/ijekavci-i-ekavci.html> (дата обращения: 12.08.2025).

Srpske sudije ne znaju srpski jezik. URL: <https://hronograf.net/2023/04/29/evropski-sud-za-ljudska-prava-jednoglasno-srpske-sudije-ne-znaju-srpski-jezik/> (дата обращения: 01.09.2025).

Škola vratila molbu zbog ijekavice. URL: https://www.b92.net/o/vesti/vesti?nav_id=332377 (дата обращения: 25.08.2025).

References

Agapova, M. N. “Var'irovanie sposobov vyrazheniia semanticheskoi oppozitsii «svoi / chuzhoi» v iazyke fol'klora i narodnoi dialektnoi rechi.” *Interpretator i tekst: problemy ogranichenii v interpretatsionnoi deiatel'nosti. Chast' II*. Novosibirsk: NGPU, 2004, pp. 44–49.

Bošnjaković, Ž., Radovanović, D. “Fonetske varijacije u govoru izbeglica u Novom Sadu.” *Govor Novog Sada. Sveska 1. Fonetske osobine. Edicija «Lingvističke sveske» 8*, urednik Ž. Bošnjaković. Novi Sad: Filozofski fakultet u Novom Sadu, Odsek za srpski jezik i lingvistiku, 2009, pp. 310–338.

Dragičević, R. *Srpska leksika u prošlosti i danas*. Novi Sad: Matica srpska, 2018, 448 p.

Ferroni, V. V. “Tri lika Drugogo: «Drugoi», «Inoi», «Chuzhoi».” *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Filosofija»*, 2012, no 1 (7), pp. 112–130.

Lakoff, Dzh. *Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi: chto kategorii iazyka govoriat nam o myshlenii*, translated by I. B. Shatunovskii. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004, 792 p.

Markovina, I. Iu., Vasil'chenko, T. A. "Kul'turnaia konstanta «svoi–chuzhoi» na aksiologicheskoi osi modeli mira: mekhanizmy zashchity." *Iazyk. Soznanie. Kul'tura*, ed. by N. V. Ufimtseva, T. N. Ushakova. Moscow; Kaluga: IP Koshelev (Izd-vo «Eidos»), 2005, pp. 217–229.

Rečnik srpskohrvatskoga književnog jezika: in 6 vols. Novi Sad: Matica srpska, 1973. Vol. 5, 1043 p.

Sorokin, Iu. Je. "Provintsial'nye otsenochnye stereotipy i rechevye akty." *Provintsial'naia mental'nost' Rossii v proshlom i nastoiashchem*. Samara: SGSPU, 1994, pp. 27–29.

Tolstaya, S. M. *Prostranstvo slova. Leksicheskaia semantika v obshchieslavianskoi perspektive*. Moscow: Indrik, 2008, 528 p.

Trubachev, O. N. "Slavianskaia etimologija i praslavianskaia kul'tura." *Slavianskoe iazykoznanie. X Mezhdunarodnyi s'iezd slavistov (Sofia, sentiabr' 1988). Doklady sovsotskoi delegatsii*, ed. by N. I. Tolstoi. Moscow: Nauka, 1988, pp. 292–347.

Tsiv'ian, T. V. *Lingvisticheskie osnovy balkanskoj modeli mira*, ed. by V. N. Toporov. Moscow: Nauka, 1990, 207 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.16

E. I. Yakushkina, **D. M. Crnjak**

**Variability in the Serbian Standard Language: Ekavian and Ijekavian
in Light of the “Own – Other” Opposition
(Based on Informants’ Statements)**

Ekaterina I. Yakushkina

Doctor of Letters, associate professor

119991, Leninskie Gory 1-51, Moscow, Russian Federation

E-mail: jkatia@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0052-1338

Dijana M. Crnjak

PhD, professor

University of Banja Luka

78000, 1A Bulevar vojvode Petra Bojovića, Banja Luka, Bosnia and Herzegovina

E-mail: dijana.crnjak@ff.unibl.org

ORCID 0009-0003-9097-6815

Citation

Yakushkina E. I., Crnjak D. M. Variability in the Serbian Standard Language: Ekavian and Ijekavian in Light of the “Own – Other” Opposition (Based on Informants’ Statements) // Slavic Almanac. 2026. No 1–2. P. 316–333 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.16

Received: 29.10.2025.

Revised: 01.02.2026.

Accepted: 17.03.2026.

Abstract

This paper examines the sociolinguistic context of the dual orthoepic norm of the Serbian standard language, based on the differing reflexes of the jat vowel — Ekavian and Ijekavian — through the cognitive opposition of “Own – Other.” Despite the declared equality of these norms, the Ijekavian norm (prevalent in Republika Srpska and Montenegro) and the Ekavian norm (used in Serbia) possess different statuses in practice. Observations indicate that both “Western” and “Eastern” Serbs are not always aware of this linguistic variability; furthermore, “Eastern” Serbs often do not accept it, subjecting “Western” Serbs to linguistic and cultural discrimination. The study is based on interviews with Ijekavian migrants (six informants, primarily philologists), who describe their adaptation to an Ekavian environment and the perception of the two norms on social media, as well as discussions concerning negative stereotypes toward the Ijekavian dialect and Western Serbian lexicon. The article also analyzes practical aspects of adaptation, including its impact on family, education, and the preservation of personal identity. It describes how the speech of “Western” Serbs is evaluated by residents of Central Serbia and how Ijekavians themselves perceive and assess their speech within an alien environment, demonstrating how the “Own – Other” opposition structures the linguistic and cultural consciousness of both “Eastern” and “Western” Serbs.

Keywords

“Own – other” opposition, collective identity, Ekavian Serbs, Ijekavian Serbs.

К реконструкции и этимологии праслав. **šepati* 'идти, шагать'

Варбот Жанна Жановна
Доктор филологических наук, профессор, главный научный
сотрудник, зав. отделом
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
119019, ул. Волхонка, д. 18/2, Москва, Российская Федерация
E-mail: zhannavarbot@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9783-4292

Цитирование

Варбот Ж. Ж. К реконструкции и этимологии праслав. **šepati*
'идти, шагать' // Славянский альманах. 2026. № 1–2. С. 334–339.
DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.17

Статья поступила в редакцию 29.10.2025.

Рецензирование завершено 23.01.2026.

Статья принята к публикации 17.03.2026.

Аннотация

Относительно происхождения праслав. **šepati* 'идти, шагать', реконструируемого по диалектным материалам нескольких славянских языков, преобладает версия звукоподражания. В статье рассматривается альтернативная версия П. Скока о родстве **šepati* 'идти, шагать' с праслав. **šepati* / **ščepati* / *ščepiti* 'разделять, раскалывать' и **ščepati* 'хватать, достигать' и приводятся аргументы в ее поддержку. Семантические аналогии к предполагаемым Скоком генетическим связям: 1) к **ščepati* 'хватать, достигать' > **šepati* 'идти, шагать' – ср. рус. *шаг* < **šegati*, 2) к **ščepati* 'раскалывать' > **šepati* 'идти, шагать' – ср. рус. диал. *щипать* 'идти тихо, мерно, крадучись'. Предлагается рассматривать славянскую семантическую модель **šepati* / **ščepati* / *ščepiti* 'идти' < 'раскалывать' + 'хватать' как близкую к семантической модели др.-инд. *kram-* 'идти, шагать' = 'присваивать' + 'отделять, раскалывать', по реконструкции В. Н. Топорова (при родстве др.-инд. *kram-* с праслав. **krokъ* 'шаг' и общем происхождении из и.-е. *(s)ker- 'резать'), ср. рус. простореч. *рваться* 'стремиться', *удрать* 'убежать', слав. **razъ* (рус. *один раз, другой раз, раз за разом* от **rězati*) как единица измерения действия.

Ключевые слова

Этимология, праславянское глагольное гнездо, семантическая модель, диалектная лексика, индоевропейский семантический параллелизм.

Предполагаемая реконструкция основывается на следующем глагольном материале: сербохорв. *čepати* ‘наступать (на что-л. ногой), раздавливать, топтаться на чем-л.; слоняться, околачиваться’ (Толстой 1957: 1062), диал. *čepāt* ‘шагать’ (Елезовић П), *čepat* ‘ходить спотыкаясь’ (Поповић, Петровић 2009: 162), рус. диал. *чепаться* ‘ходить, переваливаясь, качаться’ (Васнецов 1907: 342), см. еще рус. диал. *почепнуться* ‘пощатнуться, покачнуться’ (иркут.) (СРНГ 30: 380), белорус. диал. *пачэпаць* ‘пойти’ (СБГПЗБ 3: 473). Поскольку обозначается процесс ходьбы с некоторыми трудностями, сюда можно присоединить варианты с экспрессивным преобразованием корневого гласного: рус. простореч. *чáпать* ‘идти’ (ТСРЯ: 1082), диал. *чáпать* ‘очень медленно идти, еле двигаться’ (брян.) (Расторгуев 1973: 282), белорус. диал. *чанаць* ‘идти медленно’ (Сцяшковић 1983: 551), укр. *чáпати* ‘идти, медленно ступая со звуком’ (Гринченко IV: 444), чеш. диал. *čápat sa* ‘бродить (по воде, по болоту)’ (вост. морав.) (Bartoš 1906: 43).

Большинство исследователей относят приведенные выше глаголы к экспрессивно-звукоподражательному гнезду *šepati с семантикой удара, давления, хватания при сближении с цеплянием (Фасмер IV: 333, 315; SP 2: 140–141; ЭССЯ 4: 16–17; ERNJ I: 121, 125–126). При этом не упоминается толкование П. Скока: происхождение сербохорв. *čepати* ‘бродить, топтаться вокруг; наступать на ноги кому-л.’, *čepāt* ‘шагать’ от праслав. *šepati / *ščepati / ščepiti ‘раскалывать’ с последующей ономатопеизацией (Skok I: 307–308). В отношении семантики Скок опирался на материалы Вука: *dočepati (se)* ‘схватить’ при *raščepati* ‘растворить, разинуть (рот)’ и *ščepati* ‘схватить, достичь’. Таким образом, предполагается родство *šepati / *ščepati / ščepiti ‘раскалывать’ → ščepati ‘схватить, достичь’ → *čepāt* ‘шагать’. Семантическое соотношение *čepāt* ‘шагать’ и *ščepati* ‘схватить, достичь’ имеет аналогию в родстве рус. *шаг* и *схватить* ‘доставать, хватать’. Что же касается собственно толкования Скока, производящего *čepāt* ‘шагать’ из *šepati / *ščepati / ščepiti ‘раскалывать’, то эту связь поддерживает русский диалектный глагол *щипать* ‘идти тихо, мерно, чопорно; идти крадучись’ (Даль IV: 657).

Представляется весьма существенным, что предполагаемое семантическое соотношение славянских глаголов имеет параллель в индоиранском глаголе **kram-*: праиран. **kram / *xram-* ‘шагать, медленно ступать’ (ср. перс. *āxgām-* ‘шагать, идти’, др.-инд. *kram-*, *krām-* ‘шагать, идти’ < и.-е. **krām-*, родственное лит. *kramėnti* ‘медленно идти или ехать’); для праиран. **kram-* / **xram-* предполагается образование от и.-е. **(s)k(h)ar-*, **(s)k(h)r-am-* ‘молотить (ногами идущих по току быков)’ (Эдельман 2011: 395–396). Таким образом, семантика ходьбы предстает как производная от семантики дробления = разделения, подобно приведенному выше рус. диал. *щипать*.

Очевидно, нуждается в объяснении семантическое соотношение в звене **ščepati / *ščepiti* ‘раскалывать’ → *ščepati* ‘схватить, достичь’ при последующем *čenām* ‘шагать’. В этом аспекте как параллель может рассматриваться др.-инд. *kram-*, *krām-* ‘шагать, идти’: глубинное семантическое толкование мифологического описания деяний Вишну (древнеиндийского божества, по мифам, собранным в др.-инд. Ведах) вскрывает в его движении = шагах (*kram*) последовательность этапов сотворения мира: «(при)краивания (пространства)» и «(от)краивания (пространства)»; идея отрезания ярко выражена в родственных с др.-инд. *kram-* славянских **kromě*, **kroma*, **kromiti* и **krokъ* ‘шаг’ с общим происхождением из и.-е. **(s)ker-* / **(s)kor-* / **(s)kre-* / **(s)kro-* ‘резать’ (Топоров 1997: 155–159).

Приведенные толкования индоиранского **kram-* ‘шагать’ определяют мотивационную модель этого глагола как ‘разделять / отрезать’ → ‘шагать, идти’, что можно рассматривать как параллельную первичную мотивацию для предполагаемого, по версии П. Скока, родства праслав. **čepati* ‘идти, ковылять’ (как затрудненного, постепенного движения) с праслав. **čepati / *ščepati / *ščepiti* ‘раскалывать’. Можно предположить, что эта модель обозначения (= восприятия) ходьбы как последовательного отделения и присвоения пространства лежит в основе семантики русских диалектных глаголов: том. *урэзать* ‘прийти в быстрое движение’ (СРНГ 47: 329), архангел. *удрать*, *удирать* ‘спешно уйти, убежать’ (Даль IV: 473), новгород. *урвать*, *урывать* ‘бежать, уходить’ (Там же: 509); см. также простореч. *удрать*, *удирать* ‘поспешно убежать’ (ТСРЯ: 1020), *рваться*, *рвануться* ‘стремиться’ (Там же: 821). В сущности, и русское *раз* как мера любого действия (*один раз*, *другой раз*, *раз за разом* и т. д.) отражает ту же модель «движение < разрез, рывок».

Источники и литература

- Васнецов 1907 – Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора Н. М. Васнецова. Вятка: Губ. стат. ком., 1907. 357 с.
- Гринченко I–IV – *Гринченко Б. Д.* Словарь украинского языка. Киев: [Б. и.], 1907–1909. Т. I–IV.
- Даль I–IV – *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: ГИС, 1955. Т. I–IV.
- Елезовић I–II – *Елезовић Гл.* Речник косовско-метохиског дијалекта. Београд: Планета, 1932–1935. Књ. I–II.
- Поповић М., Петровић Д.* О говору Спича: Грађа // Српски дијалектолошки зборник. Књ. LVI. Расправе и грађа. Београд: Срп. акад. наука и уметности; Ин-т. за срп. јез., 2009. С. 1–275.
- Расторгуев П. А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины. Материалы для истории словарного состава говоров. Минск: Наука и техника, 1973. 295 с.
- СБГПЗБ – Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. Мінск: Навука і тэхніка, 1979–1986. Т. 1–5.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22), Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42), С. А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.
- Сцяшковић Т. Ф.* Слоўнік Гродзенскай вобласці. Мінск: Навука і тэхніка, 1983. 670 с.
- Толстой И. И.* Сербскохорватско-русский словарь. М.: ГИС, 1957. 1168 с.
- Топоров В. Н.* К этимологии др.-инд. *kram-* 'шагать, ступать' // Этимология 1994–1996. М.: Наука, 1997. С. 147–165.
- ТСРЯ — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2007. 1175 с.
- Фасмер I–IV — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1964–1973. Т. I–IV.
- Эдельман Д. И.* Этимологический словарь иранских языков. М.: Восточная литература, 2011. Т. 4 (i–k). 416 с.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–32), А. Ф. Журавлева (вып. 31–40), Ж. Ж. Варбот (вып. 40–). М.: Наука, 1974–. Вып. 1–.
- Bartoš F.* Dialektický slovník moravský. Praha: Česká akad. cis. Františka Josefa pro vědy, slovesnost a umění, 1906. 166 s.
- ERNJ – *Matasović R., Pronk T., Ivšić D., Brozović Rončević D.* Etimološki rječnik hrvatskoga jezika. 1. sv. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2016. 730 s.

Skok I–IV – *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb: JAZU, 1971–1974. Knj. I–IV.

SP – Słownik prasłowiański. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1974–2001. T. 1–8.

References

Dal', V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka*. Moscow: GIS, 1955. Vols. I–IV.

Edel'man, D. I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh iazykov*. Moscow: Vostochnaia literatura, 2011. Vol. 4 (i–k), 416 p.

Elezović, Gl. *Rečnik kosovsko-metohiskog dijalekta*. Beograd: Planeta, 1932–1935. Books I–II.

Etimologicheskii slovar' slavianskikh iazykov: Praslavianskii leksicheski fond, ed. by O. N. Trubachev, A. F. Zhuravlev, Zh. Zh. Varbot. Moscow: Nauka, 1974–. Vols. 1–.

Matasović, R., Pronk, T., Ivšić, D., Brozović Rončević, D. *Etimološki rječnik hrvatskoga jezika*. 1. sv. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 2016, 730 p.

Popović, M., Petrović, D. "O govoru Spiča: Građa." *Srpski dijalektološki zbornik. LVI. Rasprave i građa*. Beograd: Srp. akad. nauka i umetnosti; In-t. za srp. jez., 2009, pp. 1–275.

Rastorguev, P. A. *Slovar' narodnykh govorov Zapadnoi Brianshchiny. Materialy dlia istorii slovarnogo sostava govorov*. Minsk: Nauka i tekhnika, 1973, 295 p.

Skok, P. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Zagreb: JAZU, 1971–1974. Books I–IV.

Slounik belaruskikh havorak paunoczna-zakhodn'ai Belarusi i iaje pahranychcha. Minsk: Navuka i tekhnika, 1979–1986. Vols. 1–5.

Slovar' russkikh narodnykh govorov, ed. by F. P. Filin (vols. 1–22); F. P. Sorokoletov (vols. 23–42); S. A. Myznikov (vols. 43–). Moscow; Leningrad; St Petersburg: Nauka, 1965–. Vols. 1–.

Slounik praslowiański. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wydawnictwo PAN, 1974–2001. Vols. 1–8.

Stsiashkovich, T. F. *Slounik Hrodzenskaï voblastsi*. Minsk: Navuka i tekhnika, 1983, 670 p.

Tolkovyj slovar' russkogo iazyka s vklucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov, ed. by N. Yu. Shvedova. Moscow: Azbukovnik, 2007, 1175 p.

Tolstoj, I. I. *Serbskokhorvatsko-russkii slovar'*. Moscow: GIS, 1957, 1168 p.

Toporov, V. N. "K etimologii dr.-ind. *kram-* 'shagat', stupat'." *Etimologija 1994–1996*. Moscow: Nauka, 1997, pp. 147–165.

Vasmer, M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka. Per. s nem. i dop. O. N. Trubacheva*. Moscow: Progress, 1964–1973. Vols. I–IV.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.17

Zh. Zh. Varbot

**On the Reconstruction and Etymology of Proto-Slavic
*čepati ‘to go, to step’**

Zhanna Zh. Varbot

Doctor of Letters, professor, chief research fellow, head of department
Vinogradov State Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences
119019, Volkhonka 18/2, Moscow, Russian Federation

E-mail: zhannavarbot@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9783-4292

Citation

Varbot Zh. Zh. On the Reconstruction and Etymology of Proto-Slavic
*čepati ‘to go, to step’ // Slavic Almanac. 2026. No 1–2. P. 334–339
(in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.17

Received: 29.10.2025.

Revised: 23.01.2026.

Accepted: 17.03.2026.

Abstract

Regarding the origin of Proto-Slavic *čepati ‘to go, to step’, reconstructed from the dialectal data of several Slavic languages, the onomatopoeic theory currently prevails. This article examines an alternative hypothesis proposed by P. Skok, which suggests a genetic relationship between *čepati ‘to go’ and Proto-Slavic *čepati / *ščepati / *ščepiti ‘to split, to cleave’ and *ščepati ‘to seize, to reach’. The author provides several arguments in support of this view. Semantic analogies for the connections proposed by Skok include: 1) *ščepati ‘to seize’ > *čepati ‘to go’ (cf. Russian *shag* ‘step’ < *šgati); 2) *ščepati ‘to split’ > *čepati ‘to go’ (cf. Russian dial. *shchipat* ‘to walk quietly or stealthily’). It is proposed that the Slavic semantic model *čepati / *ščepati / *ščepiti ‘to go’ < ‘to split’ + ‘to seize’ is similar to the semantic model of Old Indic *kram-* ‘to step’ = ‘to appropriate’ + ‘to separate, to split’, as reconstructed by V. N. Toporov. This is further supported by the kinship of Old Indic *kram-* with Proto-Slavic *krokъ and their common origin from PIE *(s)ker- ‘to cut’. Cf. also Russian colloquial *dorvat’sya* ‘to seize greedily’, and Slavic *razъ (Russian *raz* ‘once’, *raz za razom* ‘time after time’ < *rězati ‘to cut’) as a unit of action measurement.

Keywords

Etymology, Proto-Slavic verb family, semantic model, dialectal lexis, Indo-European semantic parallelism.

УДК 89.02

И. А. Либина

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.18

Пространство живых и мертвых сквозь призму индивидуальной памяти в романе Веслава Мысливского «Трактат о лущении фасоли»

Либина Ирина Александровна

Магистрант

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119991, Ленинские горы, д. 1-51, Москва, Российская Федерация

E-mail: falsh746@mail.ru

ORCID: 0009-0008-8276-8211

Цитирование:

Либина И. А. Пространство живых и мертвых сквозь призму индивидуальной памяти в романе Веслава Мысливского «Трактат о лущении фасоли» // Славянский альманах. 2026. № 1–2. С. 340–350.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.18

Статья поступила в редакцию 05.08.2025.

Рецензирование завершено 15.02.2026.

Статья принята к публикации 17.03.2026.

Аннотация

В статье анализируется роман современного польского писателя Веслава Мысливского, дебютировавшего в литературе послевоенного периода как представитель деревенской прозы. Книга посвящена судьбе человека, чей жизненный путь опосредован событиями большой Истории, которые становятся катализатором процесса изменчивости и распада не только материальной реальности, но и духовной. Предметом анализа является художественное пространство, рассмотренное в контексте ключевых для поэтики Мысливского антиномий: живые / мертвые, сон / явь. Роман написан от первого лица и представлен в виде «устного монолога», полифоническое звучание которого обусловлено делегированием роли повествователя. Рамочная композиция и характер выбранной автором нарративной стратегии формируют в романе пространство длящегося повествования, основу которого составляют ключевые для художественного мировоззрения Мысливского категории слова, памяти и воображения. Течение времени в романе циклично и организовано по принципу работы механизмов автобиографической памяти. Анализируются особенности

системы лейтмотивов, среди которых структурообразующей функцией в пространстве живых и мертвых наделены мотивы света, слова и ритуала. Основной способ перемещения нарратора между уровнями художественного пространства реализован в сюжете преодоления границы противоположных экзистенциальных состояний человеческого бытия.

Ключевые слова

Память, воображение, слово, диалог, пространство, ритуал, трансгрессия.

Веслав Мысливский (1932–2026) – польский прозаик и драматург второй половины XX в., чье творчество в филологическом дискурсе принято анализировать в двух направлениях: как литературу, ориентированную на изображение топоса деревни, что позволяет ей примыкать к соответствующему течению («*nurt chłopski*», «деревенская проза»), и литературу, содержанием которой становятся проблемы экзистенциального характера. Обращаясь к сельской культуре и воспоминаниям детства, проведенного в деревне, Мысливский выделяет три принципиально важные для своего художественного мировоззрения категории: слово, наделенное в контексте устной речи созидательным потенциалом и противопоставленное в системе бинарных оппозиций автора литературному «искусственному» языку; память как подлинное пространство человеческой экзистенции во времена духовного сиротства и массовой миграции, интенсифицировавшей феномен номадизма; и воображение, отвечающее за организацию и субъективизацию человеческих воспоминаний. Триединство слова, памяти и воображения становится в «Трактате о лущении фасоли» (2006) ключевым элементом поэтики и формирует пространство, в котором тесно переплетены между собой различные уровни человеческого бытия.

«Трактат о лущении фасоли» – философский роман с элементами притчи о судьбе отдельного человека, которая благодаря историческому контексту и универсальному звучанию трагедии главного героя, являющегося, согласно автору, «типичным представителем своего времени»¹, становится аллюзией на судьбу общечеловеческого масштаба. Чувство онтологической неуверенности, свойственное тем, кто оказался в жерновах большой Истории, отражено в пограничном

1 *Gruszka D.* Wiesław Myśliwski. W środku jesteśmy baśnią. Kraków, 2022. S. 264.

экзистенциальном состоянии героя, его одновременной принадлежности к миру живых и мертвых: «Я, видите ли, всегда жил на границе бытия и небытия. И даже когда мне казалось, что я существую, я словно бы жил мимолетно, временно» (589)². По словам П. Билоса, «все романы [Мысливского. – И. Л.] построены вокруг композиционных осей, смысл которых сводится к жесту оборонительного характера, направленного против распада того, что можно было бы назвать живой, пульсирующей памятью»³. Забвению и конечности человеческого бытия, согласно Б. Каневской, в произведениях Мысливского противостоит цикличная модель времени: «Цикличность содержит в себе противоядие от случайности судьбы и отсылает к священному порядку, божественной гармонии»⁴. В «Трактате о лущении фасоли» цикличность реализуется в процессе дпящегося повествования, условием для возникновения которого является перенесенный из личной биографии автора деревенский обряд лущения фасоли, а организующей силой – воображение: «Лущение фасоли – лишь скромный, метафоричный предлог для того, чтобы рассказ состоялся [...]. Лущение фасоли было занятием механическим, однако высвобождало некую энергию, которая порождает не только потребность поделиться пережитым, но и желание фантазировать [...]. Помню необычайный драматизм рассказываемых историй, в которых [...] стиралась граница между реальным, правдоподобным и фантастическим. Все смешивалось между собой»⁵. Специфика центрального образа в произведении оказала влияние на выбор нарративной стратегии: «Трактат о лущении фасоли» представляет собой роман-монолог, организованный по принципу полифонии. Элемент цикличности предопределен здесь на уровне композиции, связанной с нелинейным типом повествования, который, в свою очередь, обусловлен механизмами работы памяти, возвращением нарратора к ранее оставленным темам, разработанной системой лейтмотивов. Рассказ главного героя включает в себя элементы приватной биографии случайно встреченных им людей, которые наделяются правом ведущего голоса на разных этапах повествования.

² Мысливский В. Трактат о лущении фасоли. М., 2022. Здесь и далее в круглых скобках страницы указаны по данному изданию.

³ Bilos P. Przestrzeń jest przed nami. Wiesław Myśliwski. Z żywiołami na przekór systemom URL: <https://tworczość.com.pl/artukul/przeszłość-jest-przed-nami-wiesław-myśliwski-z-żywiołami-na-przekór-systemom/> (дата обращения: 03.08.2025).

⁴ Kaniewska B. Opowiedziane. O prozie Wiesława Myśliwskiego. Poznań, 2013. S. 75.

⁵ Gruszka D. Wiesław Myśliwski. W środku jesteśmy baśnią. S. 264.

Композиционную основу романа составляет мотив встречи, который, в контексте представлений Мысливского о судьбе, осознанной вне категорий античного мифа как процесс самостоятельной интерпретации переживаемого опыта и его последующей нарративизации, наделен сюжетообразующей функцией. Действие разворачивается в сельской местности, на берегу неизвестного водохранилища, где около леса расположены дачные участки городских жителей. Однажды поздней осенью к герою, выполняющему обязанности местного зрителя, приезжает купить фасоль таинственный гость. Поскольку в доме остались только неочищенные стручки, оба принимаются за лущение фасоли, в процессе которого завязывается разговор, оформленный в тексте романа как «устный монолог», т. е., по определению М. Гловиньского, повествование, обращенное к другому лицу и подтверждающее наличие обратной реакции: «Вы фасоль купить пришли? У меня? Так ведь фасоль в любом магазине найти можно [...]. У вас есть собака? Надо завести» (5). Монолог безымянного героя в условиях реального времени повествования равен одной ночи, вошедшие в него события прошлого – охватывают всю жизнь. Границы между внешней рамочной конструкцией, заданной событием встречи, и внутренним пространством памяти отличаются своей подвижностью и проницаемостью, что обусловлено, во-первых, постоянной сменой точки зрения «временного» повествователя, во-вторых, представлением о синкретичности мироздания, сформировавшимся под влиянием крестьянской культуры: «Повседневная жизнь в деревне происходила в контексте макрокосмоса [...]. Все вокруг являлось одновременно эмпирическим и духовным»⁶. Размытость границ в художественном пространстве романа поддержана на уровне темпоральной системы, релятивность которой отражена в образе собеседника нарратора: «Когда вы вошли, мне показалось – мы ровесники. Может, потому, что вы были в пальто, в шляпе. А теперь вроде кажетесь гораздо моложе. Или, наоборот, старше? Сам не знаю» (413).

Цикличность архаической модели времени, заданная в романе ритмом сменяющихся поколений и особенностями сельскохозяйственного календаря, отражена в обряде лущения фасоли, являющемся, согласно авторской интерпретации, «ритуалом коллективной речи»⁷, в котором участвовали все члены семьи вне зависимости

6 Siedlecki M. Myśliwski metafizyczny. Rozważania o Widnokregu i Traktatu o łuskaniu fasoli. Białystok, 2015. S. 68.

7 Gruszka D. Wiesław Myśliwski. W środku jesteście baśnią. S. 259.

от своего возраста: «А как же, мы, дети, тоже лущили. Сызмальства. Еще кастрюлю не знали, как ухватить, а нас уже приучали фасоль лущить» (49). Особую торжественность обряду, приобретающему благодаря символике слова черты акта творения, сообщает развернутое описание зажжения керосиновой лампы, которое включает в себя размышления нарратора о природе света и его классификацию: «Есть свет живой и свет мертвый. Такой, что только светит, и такой, который помнит [...]. Иной светит вроде бы ярче всех, а слеп. Бывает такой, что едва тлеет, а прозревает жизнь до самого горизонта [...]. Для него нет границ, времени, пространства. Он в силах воскресить даже самую давнюю память» (45). Подчеркнуто ритуализирован и согласован с календарным циклом быт главного героя в роли зрителя дачных домиков: так, например, каждый год он забирает из близлежащего леса могильные таблички, чтобы обновить стирающиеся на них с течением времени надписи. Образ нарратора и его направленная на поддержание порядка деятельность, повторяемая им в определенные часы, дни, месяцы и, таким образом, локализованная во времени, являются единственной памятью о том, что когда-то на этом месте была деревня, сожженная в ходе карательной операции против местного населения. В статье, посвященной анализу романа Мысливского «Горизонт» (1996), П. Чаплинский называет эту книгу польского писателя эпопеей «возвращения нарратора к месту, которое его выбрало и определило его судьбу»⁸. Место, в которое герой «Трактата о лущении фасоли» возвращается на исходе своего жизненного пути, утратило значение родины как на уровне духовном (исчезновение крестьянской культуры), так и физическом (уничтожение целой деревни). В изменившихся условиях герою-нарратору как единственному уцелевшему во время войны жителю разрушенной деревни отводится роль хранителя памяти, который благодаря воскрешающей силе слова через призму индивидуальной памяти воссоздает в процессе лущения фасоли мир, прекративший свое существование в реальном, географическом пространстве.

Лущение фасоли в романе Мысливского тождественно процессу созидания и обновления, происходящему под воздействием движущей силы слова, которое в крестьянской культуре «из предостережений, снов и фантазий возводило реальность, укрощало смерть»⁹. Для героя, который собственными глазами видел гибель

⁸ *Czapliński P.* Wzniosłe tęsknoty. Nostalgie w prozie lat 90-tych. Kraków, 2001. S. 57.

⁹ *Gruszka D.* Wiesław Myśliwski. W środku jesteście baśnią. S. 84.

родной деревни, что спровоцировало у него временную немоту (равную в поэтике Мысливского смерти) и погрузило в состояние непрекращающихся сомнений относительно своего существования («вне игры [на саксофоне. – И. Л.] меня словно не существовало. Кто знает, может, я действительно не существовал» (561)), единственным подтверждением человеческого бытия становится обряд лущения фасоли и инициированный им процесс коммуникации: «Вот, фасоль лущим, значит, существуем» (557). Речь в контексте произведений Мысливского рассматривается И. Сварковской как деятельность онтологического характера: «Человек – творец мира, которым является культура, ее способ существования – язык, данный нам в диалоге»¹⁰. Форма диалога выступает в качестве обязательного условия для одухотворения действия, которое само по себе является механическим: «То, что мы видим друг друга, видим, как мы лущим фасоль, ни о чем не говорит [...]. Лишь наше представление друг о друге придает смысл нашему лущению фасоли [...], только эти представления есть реальность» (369). Чтобы пережить событие лущения как неоспоримый факт человеческого бытия, необходимо его нарративизировать, вступить в отношения диалога с «другим», поскольку никто самостоятельно «не может очертить свои границы или определить себя как себя [...], нам постоянно приходится спрашивать» (369).

Пространство в «Трактате о лущении фасоли», вопреки имманентному крестьянской ментальности представлению о земле как вечном месте, которое связывает между собой поколения, является категорией неустойчивой: «...как вам удалось сохранить веру в то, что есть еще на свете такие вечные места? [...] разве вы не знали, что места любят нас обманывать?» (8). Действительно, в реалиях XX столетия, когда дом, по словам немецкого философа Теодора Адорно, становится пережитком прошлого («Все, что можно сделать с домом, – это отправить его на свалку, точно консервную банку с истекшим сроком годности»¹¹), внешний мир оказывается иллюзией, жизнь уподобляется сну: «Все мы спим в определенном ритме, подобно тому как в определенном ритме живем. Невозможно отделить сон от жизни» (500). Онирическое пространство в романе Мысливского тесно переплетается с призрачной реальностью будней послевоенной

¹⁰ Swarowaka I. O łuskaniu fasoli i wszystkich sprawach ludzkich // Akcent. 2006. № 106. S. 130.

¹¹ Цит. по: Сауд Э. Б. Мысли об изгнании. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2003/1/mysli-ob-izgnanii.html> (дата обращения: 03.08.2025).

Польши, изображение которой уступает миру сновидений в детализации и богатстве сенсуальных образов: во сне главный герой ощущает босыми ногами «резкий холод, словно трава только оттаяла после ночных заморозков» (543); «влажный, прохладный вкус тумана»; осенний, холодный воздух, который «щиплет щеки [...] как зимой, в мороз» (104). Географическое пространство дачных участков противопоставлено в романе пространству из воспоминаний детства, которое было обречено на метаморфозы, воспроизведенные в глобальных масштабах в реальности не только материальной, но и чувственной: «Даже это солнце словно бы изменилось с тех пор, когда оно ежедневно заходило за видневшиеся вдали холмы [...]. От лесов вроде бы тянуло смолой, но и этой смоле я почему-то не верил. Ее запах показался мне сладковатым, пресным, словно бы недостаточно горьким. А ведь когда-то даже в носу свербело, слезы из глаз текли» (68). Трансформации в облике места из воспоминаний определили специфику модели возвращения. Согласно В. Лигензе, ее реализация возможна только во «внутреннем пространстве» человека¹², который, по словам Мысливского, сам для себя является «последним местом» (528): «Но эти деревья росли только в моих глазах, потому что, глядя вокруг, я смотрел вглубь себя» (68). Перенесение смыслового акцента с мотива путешествия на созидательную деятельность главного героя позволяет Б. Каневской анализировать «Трактат о лущении фасоли» как роман-притчу «скорее о воссоздании пространства юности, обретение которого возможно не столько в реальности, сколько в нарративе»¹³. Таким образом, сюжет подлинного возвращения героя с точки зрения архитектоники романа воплощен в пространстве нарратива, в котором не действуют законы изменчивости, поскольку «только рассказанное является единственно возможной вечностью» (102).

При создании пространства нарратива Мысливский обращается к поэтике антиномии, позволяющей ему воплотить в тексте романа характерное для архаического мировоззрения представление о синкретичности бытия, которое, согласно убеждениям автора, «не делится на предметы живые и мертвые»: «Даже кладбище является живым. Даже мертвые – живы. Их присутствие ощущается не только в форме памяти»¹⁴. Онтологическая неуверенность героя, возникшая в результате

¹² *Ligeza W.* Monolog doświadczenia. (O powieści Wiesława Myśliwskiego „Traktat o łuskaniu fasoli”) // Акцент. 2006. № 106. С. 118–119.

¹³ *Kaniewska B.* Opowiedziane. O prozie Wiesława Myśliwskiego. С. 125.

¹⁴ *Gruszka D.* Wiesław Myśliwski. W środku jesteśmy baśnią. С. 194.

пережитой им психологической травмы, и деятельность, направленная на воскрешение памяти об усопших, сообщает пространству повествования черты пограничной территории, которая, согласно Е. Фарыно, носит «характер амбивалентного состояния двойного бытия»¹⁵. Слияние пространства живых и мертвых в романе осуществляется путем пересечения границы, происходящего в момент возвращения главного героя на родину, и в сцене встречи с таинственным гостем, которого «время оставило в покое» (413): «Кто мог бы ко мне прийти? Только кто-то из мертвых» (370). Обе сцены обнаруживают композиционный параллелизм со связующим компонентом повествования – сюжетом купли фасоли. Свет, для которого, по выражению нарратора, «нет границ, времени, пространства», «в силах воскресить даже самую давнюю память» (45). Он выступает в качестве проводника между миром живых и мертвых. Двигаясь в направлении света, главный герой «переступает порог внутри себя» и оказывается на пороге родного дома, где его погибшая во времена войны семья все еще продолжает лущить фасоль: «Я лишь на мгновение остановился перед дверью, потому что не знал, что сказать [...]. В конце концов я подумал, что лучше всего, если я войду и просто спрошу, не продают ли они фасоль» (47).

Пространства живых и мертвых в романе Мысливского свидетельствуют о характерном для представителя деревенской прозы убеждении в невозможности восприятия смерти вне контекста экзистенциального опыта. Смерть, как отмечает автор, «нельзя исключить из пространства жизни»¹⁶, поэтому главной особенностью художественного мира в «Трактате о лущении фасоли» становится если не абсолютное отсутствие границы между пространством реальным и потусторонним, то, по крайней мере, способность нарратора к ее преодолению. Феномен трансгрессии является основной моделью перемещения главного героя между уровнями художественного пространства, для конструирования которого Мысливский обращается к поэтике релятивизма и антиномии. Пространство живых и мертвых локализовано в пространстве нарратива, что подтверждает мысли, высказанные членами жюри премии «Нике» в отношении романа: «Пока человек рассказывает, он жив»¹⁷ – и свидетельствует о солидаризации польского писателя с философской концепцией М. Хайдеггера, согласно которой подлинным домом бытия является язык.

15 Фарыно Е. Введение в литературоведение. СПб., 2004. С. 356.

16 Gruszka D. Wiesław Myśliwski. W środku jesteśmy baśnią. S. 368.

17 Мысливский В. Трактат о лущении фасоли. Обложка.

Унаследованное от крестьянской культуры представление о созидющем и воскрешающем слове, памяти и воображении оформлено в художественном мировоззрении автора в систему лейтмотивов, среди которых структурообразующей функцией наделяются мотивы света, слова, осознанного в категориях диалога, и ритуала.

Источники и литература

Мысливский В. Трактат о лущении фасоли. М.: Текст, 2022. 588 с.

Саид Э. Б. Мысли об изгнании. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2003/1/mysli-ob-izgnanii.html> (дата обращения: 03.08.2025).

Фарыно Е. Введение в литературоведение. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. 640 с.

Biłos P. Przestrzeń jest przed nami. Wiesław Myśliwski. Z żywiołami na przekór systemom. URL: <https://tworczosc.com.pl/artukul/przeszlosc-jest-przed-nami-wieslaw-mysliwski-z-zywiolami-na-przekor-systemom/> (дата обращения: 03.08.2025).

Czapliński P. Wzniosłe tęsknoty. Nostalgie w prozie lat 90-tych. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2001. 269 s.

Głowiński M. Gry powieściowe: szkice z teorii i historii form narracyjnych. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1973. 348 s.

Gruszka D. Wiesław Myśliwski. W środku jesteście baśnią. Kraków: Znak, 2022. 516 s.

Kaniewska B. Opowiedziane. O prozie Wiesława Myśliwskiego. Poznań: Wydawnictwo Naukowe, 2013. 232 s.

Ligeża W. Monolog doświadczenia. O powieści Wiesława Myśliwskiego. Traktat o łuskaniu fasoli // Akcent. 2006. № 106. S. 117–128.

Siedlecki M. Myśliwski metafizyczny. Rozważania o Widnokręgu i Traktatu o łuskaniu fasoli. Białystok: Naukowy projekt wydawniczy – Seria „Przełomy / Pogranicza”, 2015. 414 s.

Swarowska I. O łuskaniu fasoli i wszystkich sprawach ludzkich // Akcent. 2006. № 106. S. 128–132.

References

Biłos, P. *Przestrzeń jest przed nami*. Wiesław Myśliwski. *Z żywiołami na przekór systemom*. URL: <https://tworczosc.com.pl/artukul/przeszlosc-jest-przed-nami-wieslaw-mysliwski-z-zywiolami-na-przekor-systemom/> (accessed: 03.08.2025).

- Czapliński, P. *Wzniosłe tęsknoty. Nostalgie w prozie lat 90-tych*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2001, 269 p.
- Faryno, J. *Vvedenie v literaturovedenie*. St Petersburg: RGPU im. A. I. Gercena, 2004, 640 p.
- Głowiński, M. *Gry powieściowe: szkice z teorii i historii form narracyjnych*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1973, 348 p.
- Gruszka, D. *Wiesław Myśliwski. W środku jesteśmy baśnią*. Kraków: Znak, 2022, 516 p.
- Kaniewska, B. *Opowiedziane. O prozie Wiesława Myśliwskiego*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe, 2013, 232 p.
- Ligęza, W. "Monolog doświadczenia. O powieści Wiesława Myśliwskiego Traktat o łuskaniu fasoli." *Akcent*, 2006, no 106, pp. 117–128.
- Myśliwski, W. *Traktat o lushchenii fasoli*. Moscow: Tekst, 2022, 588 p.
- Said, E. B. *Mysli ob izgnanii*. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2003/1/mysli-ob-izgnanii.html> (accessed: 03.08.2025).
- Siedlecki, M. *Myśliwski metafizyczny. Rozważania o Widnokregu i Traktatu o łuskaniu fasoli*. Białystok: Naukowy projekt wydawniczy – Seria "Przełomy / Pogranicza", 2015, 414 p.
- Swarowaka, I. "O łuskaniu fasoli i wszystkich sprawach ludzkich." *Akcent*, 2006, no 106, pp. 128–132.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.18

I. A. Libina

**The Space of the Living and the Dead through the Prism
of Individual Memory
in *A Treatise on Shelling Beans* by Wiesław Myśliwski**

Irina A. Libina

Student

Lomonosov Moscow State University

119991, Leninskie Gory 1-51, Moscow, Russian Federation

E-mail: falsh746@mail.ru

ORCID: 0009-0008-8276-8211

Citation

Libina I. A. The Space of the Living and the Dead through the Prism of Individual Memory in *A Treatise on Shelling Beans* by Wiesław Myśliwski // *Slavic Almanac*. 2026. No 1–2. P. 340–350 (in Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.18

Received: 05.08.2025.

Revised: 15.02.2026.

Accepted: 17.03.2026.

Abstract

This paper analyzes the novel by the contemporary Polish writer Wiesław Myśliwski, who debuted in the post-war period as a representative of the peasant prose movement. The book follows the fate of a man whose life is shaped by major historical events that catalyze the transformation and disintegration of both material reality and the spiritual realm. The study focuses on the novel's artistic space, examined through the prism of the key antinomies that define Myśliwski's poetics: the living/the dead and dream/reality. Narrated in the first person, the text takes the form of an "oral monologue" whose polyphony arises from the delegation of the narrative voice. The framing composition and the author's narrative strategy create a domain of continuous storytelling grounded in categories central to Myśliwski's artistic worldview: the word, memory, and imagination. Time in the novel is cyclical, structured according to the workings of autobiographical memory. The article also investigates the system of leitmotifs, in which the motifs of light, the word, and ritual perform a structuring function within the realms of the living and the dead. The narrator's passage between the novel's various levels of artistic space is examined through a plotline that crosses the boundary between opposing existential states of the human being.

Keywords

Memory, imagination, word, dialog, space, ritual, transgression.

**Текст против забвения:
тема Смерти в творчестве Даниэлы Годровой**

Кожина Светлана Анатольевна
Младший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: lana-0391@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6539-1941

Цитирование:

Кожина С. А. Текст против забвения: тема Смерти в творчестве Даниэлы Годровой // Славянский альманах. 2026. № 1–2. С. 351–362.
DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.19

Статья поступила в редакцию 01.08.2025.

Рецензирование завершено 15.02.2026.

Статья принята к публикации 17.03.2026.

Аннотация

В статье проводится анализ репрезентации смерти в художественных произведениях чешской писательницы и теоретика литературы Даниэлы Годровой. В первой части работы дается небольшой обзор современного состояния литературоведческой танатологии, приводятся ключевые для анализа междисциплинарные работы. Во второй части представлен непосредственно анализ произведений, условно разделенный на две части: ранние романы писательницы 1990-х гг. (трилогия *Trýznivé město* («Город мучений»), 1991) и произведения XXI в. (*Vyvolávání* («Вызываю»), 2010, *Točité věty* («Спиральные предложения»), 2015). Смерть в произведениях Годровой присутствует на всех уровнях (композиционном, мотивном) и даже представлена в системе персонажей, но в ее репрезентации в творчестве писательницы наблюдается определенная эволюция. В ранних работах автора смерть доминирует на композиционном уровне, являясь отправной точкой инициации персонажей, а также является важной темой: ключевым сюжетом становится переживание Даниэлой смерти близких людей (отца, мужа и т. д.). В более поздних текстах, однако, смерть мифологизируется, превращаясь в символ; ключевой

темой здесь становится не физиология умирания и переживание травмы, а вопрос утраты памяти и способы преодоления забвения родных и близких.

Ключевые слова

Чешская литература, Даниэла Годрова, тема смерти, нарратив памяти.

Вопрос смерти является одним из центральных в ряду эсхатологических тем, рассматриваемых мировой культурой на протяжении всего ее существования. Однако о развитии непосредственно танатологии как направления научной мысли можно говорить с начала XX в., когда были опубликованы работы И. И. Мечникова и Г. В. Шора, рассматривавшие, однако, данный вопрос в плоскости медицины¹. Во второй половине XX в. танатологическая проблематика все чаще становится предметом междисциплинарных исследований. Примером является работа В. Янкелевича, где смерть анализируется как философско-культурологическая проблема². Как антропологический, социально-культурный феномен смерть фигурирует в работах Ж. Ф. Лиотара, М. Элиаде.

Огромный толчок развитию подобного подхода дала русская танатологическая школа конца 1990-х гг., сформировавшаяся в Санкт-Петербурге³. В это же время публикуются работы А. Л. Гуревича, внесшие значительный вклад в развитие литературоведческой танатологии. В частности, философ проанализировал труды Ф. Арьеса, французского историка и философа, чья работа «Человек перед лицом смерти», опубликованная на русском языке в 1992 г., в значительной степени повлияла на развитие гуманитарной научной мысли⁴. Гуревич отмечает, что основной тезис Арьеса заключается в том, что «существует связь между установками в отношении к смерти, доминирующими в данном обществе на определенном этапе истории, и самосознанием личности, типичной для этого общества. Поэтому в изменении восприятия смерти находят свое выражение сдвиги

1 Шор Г. В. О смерти человека. (Введение в танатологию). Л., 1925.

2 Янкелевич В. Я. Смерть. М., 1999.

3 См. подробнее работы С. Рязанцева, А. Демичева, Г. Л. Тульчинского и т. д.

4 См. подробнее: Арьес Ф. Человек перед лицом смерти: пер. с фр. / общ. ред. С. В. Оболенской; предисл. А. Я. Гуревича. М., 1992.

в трактовке человеком самого себя. Иными словами, обнаружение трансформаций, которые претерпевает смерть в “коллективном бессознательном”, могло бы пролить свет на структуру человеческой индивидуальности и на ее перестройку, происходившую на протяжении веков»⁵. В своих работах Гуревич развивал данный тезис в области в том числе литературоведения. Благодаря исследованиям работы, посвященные теме смерти, сформировались в различных областях гуманитарного знания; так, в области литературоведения примечательной стала работа Р. Л. Красильникова «Образ смерти в литературном произведении: модели и уровни анализа» (2007)⁶.

В рамках данной статьи, однако, наибольший интерес представляют междисциплинарные работы, рассматривающие смерть в первую очередь в плоскости мифа. Это, например, труды М. Элиаде, В. В. Иванова, В. Н. Топорова и др. Именно в них раскрываются вопросы специфического построения художественных произведений с темой инициации, где смерть является обязательным пунктом, а также вопросы смерти и коллективного бессознательного, исторической и культурной памяти о смерти и т. д.⁷

В труде В. Янкелевича также поднимается ключевой для данного исследования вопрос в отношении к смерти: «Смерть – это бездна, которая внезапно разверзается на пути неостановимой жизни; живущий вдруг, как по волшебству, делается невидимкой – в одно мгновение, будто провалившись сквозь землю, уходит в небытие»⁸. Смерть воспринимается как исчезновение из социокультурного поля и в работах о структуре мифа Элиаде, в связи с чем актуализируется вопрос о способах преодоления этого «забвения». Память (в том числе коллективная), по мнению Элиаде, имеет достаточно короткий

⁵ *Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти... С. 12.

⁶ *Красильников Р. Л.* Образ смерти в литературном произведении: модели и уровни анализа. Вологда, 2007. Здесь важно отметить, что литературоведческие работы, анализирующие роль смерти в творчестве писателей, создавались и ранее, в том числе со времен «Поэтики» Аристотеля, но не рассматривали ее как часть целого научного направления. Важное место занимает работа М. Бахтина «Заметки» 1961 г. (*Бахтин М. М.* 1961 год. Заметки // Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 5. М., 1996. С. 329–363), где исследователь выделил два способа художественного изображения смерти: «извне» и «изнутри» – с точки зрения нарратора и с точки зрения персонажа (осознание персонажем процесса собственного умирания).

⁷ См. подробнее, напр.: *Топоров В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995.

⁸ *Янкелевич В.* Смерть. С. 12.

период существования, в то время как народная память способна жить почти вечно. Залогом ее «длительности» является превращение событий в миф, а его участников – в архетипические мифологемы: «не свидетельствует ли та роль, которую играют архетипы в сознании архаического человека, и неспособность народной памяти сохранить что-либо, кроме архетипов, чем-то большим, нежели простое сопротивление традиционной духовности по отношению к истории; не раскрывают ли они нам несостоятельность или, по крайней мере, вторичный характер человеческой личности как таковой, – личности, чья творческая непосредственность и составляет в конечном счете подлинность и необратимость истории?»⁹ Элиаде отмечает, что, следовательно, для человека архаического типа сознания смерть – логичный этап круга обращения: «Человек первобытных обществ стремился победить смерть превращением ее в обряд перехода. Иначе говоря, для первобытных людей умирание касается чего-то не совсем главного; человек умирает в основном для мирской жизни. Короче говоря, смерть начинает восприниматься как высшее посвящение, как начало нового духовного существования»¹⁰.

В рассуждениях Элиаде, таким образом, прослеживается определенная логика «преодоления смерти»: если речь идет о собственной смерти, то человек воспринимает ее как одну из стадий своего присутствия в мироздании; если же речь идет о смерти другого – то при необходимости сохранения памяти о человеке его жизнь и смерть мифологизируются, соотносятся с определенными архетипами.

В философско-теоретических работах Д. Годровой смерть рассматривается как отправная точка инициационного процесса, часто употребляется с заглавной буквы как ключевое событие для адепта на пути посвящения в таинство. Смерть соотносится с катабасисом, испытанием с целью обретения нового статуса: «Путь адепта по лабиринту к познанию, через лес – к замку, символический путь из пространства мирского – к небесному, к божественному свету; это путь из внешнего пространства мира к внутреннему пространству души – к Богу, из преходящего мира людей – к божественному безвременью»¹¹. Важно понимать, однако, что речь идет скорее даже не о физической, а о метафорической смерти, маркирующей факт перехода. Именно

⁹ Элиаде М. Избранные произведения. Миф о вечном возвращении. М., 2000. С. 53.

¹⁰ Там же. С. 348.

¹¹ Hodrová D. Román zasvěcení. Jinočany, 1993. S. 35.

поэтому в художественных произведениях писательницы смерть представляет собой особенно сложный феномен.

Так, концепт смерти реализуется на композиционном уровне как отправная точка инициационного процесса персонажей. Непосредственный момент гибели героев обычно вынесен за скобки произведения, описывается иносказательно. Например, роман «Под двумя видами» (*Podobojí*) начинается следующим образом: «Алице Давидовичова никогда бы не подумала, что окно ее детской комнаты находится так низко над Ольшанским кладбищем, что тело это расстояние преодолет менее чем за две минуты»¹². В дальнейшем в романе раскрывается, что еврейская девушка на самом деле выпрыгнула из окна (движение вниз – катабасис), спасаясь от отправки в лагерь во время Второй мировой войны. Алице представляет собой персонаж-лейтмотив произведений Годровой: она встречается во всех ее романах, становясь своего рода призракoм Праги, обреченным бесконечно плутать в ней, не находя спасения. Она предпринимает попытки воскрешения: ходит на Шибенични врх, где должна встретиться с Павлом Сантнером, своим возлюбленным, но встречи не происходит, что говорит о невозможности совершения инициации (сюжет анти-инициация). Подобным же образом смерть становится отправной точкой в повествовательных линиях других, уже второстепенных персонажей, таких как пан Турок, который умирает (о чем мы снова можем лишь косвенно догадаться), скрываясь от гестапо на Ольшанском кладбище. Примечательно, что и он становится для Годровой персонажем-лейтмотивом: он бесконечно переживает ночь собственной смерти, блуждает по Ольшанскому кладбищу, наблюдая картины прошлого.

Смерть в произведениях Годровой представлена и непосредственно в системе персонажей. Так, в более поздних романах Годровой появляется ее вполне физическое воплощение – кукла Смерть¹³, которую Даниэла¹⁴ сажает на свой письменный стол. Примечательно первое упоминание о ней: «Смерть обитает в вазе из тяжелого матового стекла, у Карла в ней стояли сухие цветы и мак, когда же я их после его смерти, из вазы убрала, они рассыпались в пыль»¹⁵. Роль куклы Смерть станет пророческой для данного произведения – весь

¹² *Hodrová D. Podobojí. Liberec, 1991. S. 4.*

¹³ *Smrtka* (чеш.).

¹⁴ В поздних произведениях Годровой Даниэла выступает как альтер эго писательницы, увеличивая и долю автобиографических элементов.

¹⁵ *Hodrová D. Vytváření. Praha, 2010. S. 7.*

роман для главной героини является своего рода переживанием травмы смерти, в том числе Карла Милоты, а также Ярослава – супругов Даниэлы (о чем ниже).

Однако более важную роль играет смерть на мотивном уровне. Так, в «местах с тайной»¹⁶ оживают воспоминания о ранее умерших людях, родных и близких персонажей, известных исторических личностях и т. д. Попадая в гетеротипические пространства, такие как, например, Ольшанское кладбище, персонажи наблюдают картины прошедших событий. В романах 1990-х гг. отражаются частные судьбы героев на фоне «большой истории», однако в этом отношении выделяется последний из них – «Тета» (*Théta*). Это своего рода метатекст, в котором ключевым вопросом становится взаимоотношение текста и смерти.

Роман «Тета» написан от первого лица и открывается картиной катаябасиса нарратора, описание которого является поистине образцовым с точки зрения поэтики романа инициации: «Я очутилась в темной чаще. [...] Я спускаюсь по склону. Замечаю внизу хищника, который пристально на меня смотрит. Он мешает мне ступить на тропинку, которая бежит внизу вдоль ручья, с которого начинается река. [...] Здесь я вижу мужчину, одетого в длинную алую ризу, он держит в руках открытую книгу. [...] Я говорю по-чешски, но поэт меня понимает, так же как я понимаю его тосканский диалект. — Tu mi segui, io sarò tua guida, e trarotti di qui per loco eterno, ove udirai le disperate strida, vedrai gli antichi spiriti dolenti, che la seconda morte ciascun grida»¹⁷. Он отвращается, и я иду за ним»¹⁸.

Произведение, таким образом, эксплицитно строится по принципу «Божественной комедии» – как иносказательное повествование о поиске собственного «Я». Это роман-исповедь отдельной личности (Даниэлы), ее внутренние переживания как писателя, но в первую очередь как человека. Здесь Даниэла впервые говорит о травме

16 См. подробнее: Кожина С. «Роман-посвящение» Д. Годровой как теоретико-философское исследование мифопоэтики текста // Литература в социокультурном пространстве современной Центральной и Юго-Восточной Европы: аксиологический дискурс. К 90-летию Галины Яковлевны Ильиной (по материалам III Хоревских чтений). М., 2021. С. 381–392.

17 Данный отрывок на итальянском – речь мужчины в плаще (Вергилия) – не выделен графически и не переведен. Для наглядности авторское использование отрывка сохранено. Для большей понятности приводится перевод на русский М. Лозинского: «Иди за мной, и в вечные селенья / Из этих мест тебя я приведу, / И ты услышишь вопли иступленья / И древних духов, бедствующих там, / О новой смерти тщетные моленья» (*Данте А. Божественная комедия* / пер. М. Лозинского. М., 1967. С. 12).

18 *Hodrová D. Théta. Praha, 1992. S. 7.*

утраты отца: «Отец заболел в январе 1984. Он чувствовал постоянную усталость. [...] Диагноз отца мы тогда не знали. Отца облучали кобальтом-40 ГР (единица излучения называется грей) в Виноградский больнице в павильоне В. [...] Я знала, что облучение безболезненно, но все равно мучилась, пока в помещении был слышен зловещий звук кобальтовой бомбы. Я представляла, как сквозь худую грудь отца, там, где ему нарисовали два красно-фиолетовых треугольника, проникают кобальтовые лучи, затрагивая больные ткани. Отец выходил всегда заметно более бледным, измученным, все ближе к смерти. В конце сентября я могла смыть эти треугольники»¹⁹. Годрова описывает долгий процесс умирания отца в характерной для нее манере – реальные факты переплетаются с космогоническими мифами: «15 ноября я шла в больницу в то же время, как и обычно / ткет во тьме шелковое полотно Арахна / Я спешила / в печали волокна шелка... /, потому что я несла отцу болтуню из трех яиц»²⁰. Повествование мифологизируется, а роман превращается в «Роман о поиске отца»²¹.

Мотив смерти близких становится центральным не только в романе «Тета»²², но и в последующих произведениях. Так, в романе «Вызываю» (*Vyvolávání*) тема смерти близких становится одной из центральных. Во-первых, это смерть мужа Годровой – писателя и теоретика литературы Карла Милоты. Процесс болезни и умирания Карла представлен еще более иносказательно, чем то было в случае отца;лицетворяет собой сложную игру, разворачивающуюся не только на страницах данного произведения, но и требующую обратиться к более ранним: «Надеюсь, что Карелу на том свете не придется превратиться во что-нибудь печальное, даже в ту птицу, в образе которой я скрыла от читателей его болезнь в “Тете”, возможно, это я его прокляла»²³. Символ птицы действительно часто встречается в романах 1990-х гг. в первую очередь как символ болезни. Так, например, к отцу Даниэлы прилетает птица Рак²⁴, которая всегда клюет Облученного²⁵; к Карелу же в «Тете» прилетает «нераскрашенная птица»²⁶, филин, в кото-

19 Ibid. S. 13–14.

20 Ibid. S. 15. Авторская графика сохранена.

21 Ibid. S. 18.

22 Примечательно, что «Тета» писалась с декабря 1987 г., т. е. спустя два года после смерти отца (окончена в 1990 г.).

23 *Hodrová D. Vyvolávání*. S. 112.

24 *pták Kancer* (чеш.)

25 *Hodrová D. Théta*. S. 131.

26 Ibid. S. 183.

рого превратился Владислав Грах – его персонаж-двойник. Владислав Грах (Карел Милота) всегда таинственно превращается в филина, о чем нарратор подозревает, «чувствует», но не является тому свидетелем; нарратора такое превращение пугает, потому что она боится, «что однажды это выражение [блаженное выражение на лице. – С. К.] у него останется, у него не будет больше сил превратиться обратно, стать Владиславом Грахом, Владислав Грах Карлом Милотой»²⁷.

Однако стремление Годровой к подробной исповеди о смерти супруга все же сохраняется. Далее она более детально и однозначно описывает процесс его умирания: «Спустя годы я была свидетелем, как снижается его исключительный интеллект, погибает его талант, как дряхлеет тело, которое постепенно превращалось в руины. Медленный способ самоубийства, который он избрал, был тем более пугающим, так как был лишен благородства прыжка Эмпедокла в жерло вулкана [...]. Последние месяцы жизни Карел уже с трудом дышал, сделать пару шагов по улице, куда утром и вечером он выходил за покупками, среди которых обязательно была бутылка водки, было практически выше его сил, руки его тряслись так, что он не мог даже порезать мясо на тарелке, почти ничего не ел и за весь день иногда пил лишь пару глотков воды, падал и оставался лежать часами на полу, пока не находил в себе силы встать»²⁸. Спустя несколько месяцев в жизни Даниэлы появляется следующий мужчина – Ярослав, который пытается стать ее поддержкой после смерти Карела: «Вселились ли все мои близкие в партнера, а спустя некоторое время – мужа, чтобы он стал моей опорой?»²⁹ Даниэла отмечает его схожесть с бабушкой («У Ярослава были бабушкины глаза, не могу сказать, в чем именно они были похожи, наверное – во взгляде, мудром и одновременно по-детски удивленном [...]»³⁰), с отцом в его «покашливании»³¹, ужас которого вскоре раскрывается: «Ярослав спешит вверх до Виноградской больницы, где ему сделали снимок легких, и в левой доле обнаружили метастазу, он так спешит, что я едва за ним поспеваю»³². Смерть Ярослава изображается более героической, он сопротивляется болезни, «последнему сну»³³, который должен разделить их с Даниэлой. Повествование сворачивается в бесконечный калейдоскоп смертей близких (отца, Карела, Ярослава), чьи судьбы

27 Ibid. S. 103.

28 *Hodrová D. Vytváření. S. 112–113.*

29 Ibid. S. 12.

30 Ibid.

31 Ibid.

32 Ibid. S. 30.

33 Ibid. S. 87.

оказались так похожи, что со временем грани между ними стираются, а весь текст превращается в исповедь человека, вынужденного наблюдать постоянное длительное умирание дорогих людей³⁴.

Следующим травмирующим воспоминанием является смерть Богумилы Грёгеровой, ближайшей подруги Даниэлы Годровой, которая становится центральной в произведении «Спиральные предложения» (*Točité věty*). В этом романе все так же актуализируются воспоминания об умерших родственниках, но доминирующей становится тема умирания друзей, среди которых, например, Адриена Шимотова, Йозеф Гиршал и т. д. На протяжении романа мы наблюдаем постепенное умирание Грёгеровой (Богуньки, как называет ее Даниэла в романе), но при этом – рождение ее сложной космогонической фигуры. Для Даниэлы она становится своего рода Вергилием – пишет схожий по звучанию роман «Мой лабиринт», слушает «Божественную комедию». Примечательно, что в «Спиральных предложениях» уже значительно меньше описания физиологических процессов умирания; здесь более, чем в предшествующих текстах, акцент сделан на процессе перерождения Богумилы из физического существа в миф. Нарративные линии Даниэлы и Богуньки сливаются, так как первая переписывает для слепой подруги ее рукописи. Пройдя новым путем инициации (Даниэла путешествует уже по страницам собственного романа как по пространству Праги, проходя из главы «Лес» в главу «Пейзаж с мельницей и замком», возвращаясь в конце снова в «Лес»), Даниэла задается вопросом: «Кого я несла? Бабушку? Богуньку? Себя?»³⁵

Мера мифологизации процесса умирания, таким образом, усиливается с каждым последующим произведением Годровой. Согласно теории Элиаде о сохранении воспоминаний лишь в сфере национальной памяти (а именно – в области мифа), создание подобной космогонии о жизни и перерождении становится для Даниэлы единственным способом сохранения памяти. В романах 2000-х гг. ярче, нежели раньше, встает вопрос именно сохранения воспоминаний как единственно возможного способа преодоления смерти: «даже ручка Центрум, центр моей безопасности? Куда там! Моего беспокойства! [...] сопротивляется, цепляется, чтобы остановить процесс письма, а как только я останавливаюсь – сразу засыхает. Сколько мне их еще выписывать, прежде чем я произведение окончу? Хочу его закончить? А можно ли его закончить? Всюду вокруг

34 Здесь стоит подчеркнуть символическую роль пепла в романах Годровой. Пепел усопшего смешивается как бы с пространством вокруг, живые персонажи вдыхают его, обретая, таким образом, связь с прошлым.

35 *Hodrová D. Točité věty. Praha, 2016. S. 372.*

суматоха, беготня, беспорядок – начинаются, как только Богунька спрашивает, заканчиваю ли я, не заканчиваю!»³⁶ Рассуждения о смерти сливаются здесь с рассуждениями об окончании всего сущего, а также – о собственном естестве, которое конечно. Роман «Спиральные предложения» является своего рода следующей ступенью метафизического поиска нарратора: от поиска отца, сквозь поиск близких, к поиску себя. Процесс этого поиска же – единственный способ преодоления смерти: «Не заканчивай! Пиши дальше! [...] А что если продолжение и спасение – взаимоисключающие? [...] Не заключается ли их и мое спасение, а также спасение этих вещей как раз в том, что я о них пишу, что в них я выражаю мир?»³⁷

Тема смерти, таким образом, является едва ли не доминирующей в творчестве Годровой. Она реализуется, однако, несколько по-разному в произведениях: в более ранних романах мы наблюдаем ее лишь как часть инициационного процесса, его отправную точку. Однако уже в последнем романе трилогии 1990-х гг., «Тета», переживание утраты становится личным, лишается объективной, безэмоциональной окраски, дополняясь описаниями интимных переживаний. В романах же XXI в. тема смерти становится несколько более привычной нарратору, но поднимаются вопросы «забвения», смерти не только физической, но и духовной – утраты памяти о жизни. Способом преодоления этого типа смерти для Даниэлы становится, во-первых, мифологизация самого процесса умирания (перенесение памяти о нем в разряд мифа – активизация народной памяти), во-вторых, порождение текста (собственно – процесс создания нового мифа).

Источники и литература

Арьес Ф. Человек перед лицом смерти: пер. с фр. / общ. ред. С. В. Оболенской; предисл. А. Я. Гуревича. М.: Прогресс, 1992. 528 с.

Бахтин М. М. 1961 год. Заметки // Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 5. М.: Русские словари, 1996. С. 329–363.

Данте А. Божественная комедия / пер. М. Лозинского. М.: Наука, 1967. 627 с.

Кожина С. «Роман-посвящение» Д. Годровой как теоретико-философское исследование мифопоэтики текста // Литература в социокультурном пространстве современной Центральной и Юго-Восточной Европы: аксиологический дискурс. К 90-летию Галины Яковлевны Ильиной (по материалам III Хоревских чтений). М.: Институт славяноведения РАН, 2021. С. 381–392.

36 Ibid. S. 260.

37 Ibid. S. 361.

Красильников Р. Л. Образ смерти в литературном произведении: модели и уровни анализа. Вологда: ГУК ИАЦК, 2007. 139 с.

Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс, 1995. 624 с.

Шор Г. В. О смерти человека. (Введение в танатологию). Л.: Изд-во КУБУЧ, 1925. 272 с.

Элиаде М. Избранные произведения. Миф о вечном возвращении. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 2000. 414 с.

Янкевич В. Я. Смерть. М.: Изд-во Литературного института, 1999. 448 с.

Hodrová D. *Podobojí*. Ústí nad Labem: Severočeské nakladatelství, 1991. 179 s.

Hodrová D. *Román zasvěcení*. Jinočany: H&H, 1993. 230 s.

Hodrová D. *Théta*. Praha: Československý spisovatel, 1992. 200 s.

Hodrová D. *Točité věty*. Praha: Malvern, 2016. 376 s.

Hodrová D. *Vyvolávání*. Praha: Malvern, 2010. 335 s.

References

Ar'es, F. *Chelovek pered litsom smerti*. Translated from French, ed. by S. V. Obolenskaya, preface by A. Ya. Gurevich. Moscow: Progress, 1992, 528 p.

Bakhtin, M. M. "1961 god. Zametki." *Sobranie sochinenii*. In 7 vols. Vol. 5. Moscow: Russkie slovari, 1996, pp. 329–363.

Dante, A. *Bozhestvennaia komediia*. Translated by M. Lozinskii. Moscow: Nauka, 1967, 627 p.

Eliade, M. *Izbrannnye proizvedeniia. Mifo vechnom vozvrashchenii*. Moscow: Nauchno-izdatel'skii tsentr «Ladomir», 2000, 414 p.

Hodrová, D. *Podobojí*. Ústí nad Labem: Severočeské nakladatelství, 1991, 179 p.

Hodrová, D. *Román zasvěcení*. Jinočany: H&H, 1993, 230 p.

Hodrová, D. *Théta*. Praha: Československý spisovatel, 1992, 200 p.

Hodrová, D. *Točité věty*. Praha: Malvern, 2016, 376 p.

Hodrová, D. *Vyvolávání*. Praha: Malvern, 2010, 335 p.

Kozhina, S. "«Roman-posviashchenie» D. Godrovoi kak teoretiko-filosofskoe issledovanie mifopoetiki teksta." *Literatura v sotsiokul'turnom prostranstve sovremennoi Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy: aksiologicheskii diskurs. K 90-letiiu Galiny Yakovlevny Il'inoi (po materialam III Horevskikh chtenii)*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2021, pp. 381–392.

Krasilnikov, R. L. *Obraz smerti v literaturnom proizvedenii: modeli i urovni analiza*. Vologda: GUK IACK, 2007, 139 p.

Shor, G. V. *O smerti cheloveka (vvedenie v tanatologiiu)*. Izdatel'stvo KUBUCH, 1925, 272 p.

Toporov, V. N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz. Issledovaniia v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe*. Moscow: Progress, 1995, 624 p.

Yankevich, V. Ya. *Smert'*. Moscow: Izd-vo Literaturnogo instituta, 1999, 448 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.19

S. A. Kozhina

**Text Against Oblivion:
The Theme of Death in the Works of Daniela Hodrová**

Svetlana A. Kozhina
Junior Research Fellow
Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: lana-0391@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6539-1941

Citation

Kozhina S. A. Text Against Oblivion: The Theme of Death in the Works of Daniela Hodrová // Slavic Almanac. 2026. No 1–2. P. 351–362 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.19

Received: 01.08.2025.

Revised: 15.02.2026.

Accepted: 17.03.2026.

Abstract

This article analyzes the representation of death in the literary works of the Czech writer and literary theorist Daniela Hodrová. The first part of the study provides a brief overview of the current state of literary thanatology and cites key interdisciplinary works essential to the analysis. The second part presents the analysis of Hodrová's works, divided into two periods: her early novels of the 1990s (the trilogy *Trýznivé město*, 1991) and her 21st-century works (*Vývolávání*, 2010; *Točité věty*, 2015). In Hodrová's prose, death is present at all levels — compositional, motivic, and even within the system of characters — yet its representation undergoes a distinct evolution. In her early works, death dominates at the compositional level, serving as a catalyst for character initiation, and functions as an important theme, particularly the autobiographical experience of losing loved ones (father, husband, etc.). In her later texts, however, death is mythologized, transforming into a symbol. Here, the focus shifts from the physiology of dying and the experience of trauma to the issue of memory loss and methods of overcoming the oblivion of loved ones.

Keywords

Czech literature, Daniela Hodrová, theme of death, memory narrative, initiation.

**Поэтика «сильвичности» и образ автора
в «Дневнике, писавшемся ночью»
Густава Герлинга-Грудзиньского**

Мальцев Леонид Алексеевич

Доктор филологических наук, профессор

Балтийский федеральный университет им. И. Канта

236041, ул. Александра Невского, д. 14, Калининград,

Российская Федерация

E-mail: LMaltsev@kantiana.ru

ORCID: 0000-0001-9137-0004

Рецензия поступила в редакцию 19.01.2026.

Рецензирование завершено 15.02.2026.

Статья принята к публикации 17.03.2026.

Цитирование

Мальцев Л. А. Поэтика «сильвичности» и образ автора в «Дневнике, писавшемся ночью» Густава Герлинга-Грудзиньского // Славянский альманах. 2026. № 1–2. С. 363–374. DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.20

Аннотация

Анализируются особенности структуры «Дневника, писавшегося ночью» Густава Герлинга-Грудзиньского, «стержнем» которой является противоречивый образ автора. Своеобразие устройства анализируемого текста обосновывается при помощи теории *silva rerum*, разработанной Мартой Скварчиньской и Рышардом Нычем. Констатируется, что поэтика «сильвичности» «Дневника...» тесно связана с его фрагментарной природой, которая проявляется не только в размытости границ текста, но и в метатекстуальности. Осмысливая историю дневникового жанра, Герлинг-Грудзиньский ищет ответа на вопрос, в чем сущность его дневника, и выведенная им интегральная формула («портрет эпохи» с «миниатюрным автопортретом автора и хрониста») не исчерпывает «сильвическое» разнообразие «Дневника, писавшегося ночью». Утверждается, что по отношению к исследуемому произведению роль предтекста выполняет «Дневник 1957–1958», в котором проявляется генезис жанрового мышления Герлинга-Грудзиньского. «Дневник 1957–1958» свидетельствует об авторской неудаче в работе над романом «Чемны Став»

и о трансформации жанровой формулы дневника: вместо дневника-исповеди как творческой «лаборатории» романа – дневник-хроника в синтезе с «итальянскими» рассказами писателя.

Ключевые слова

Герлинг-Грудзинский, образ автора, «silva rerum», фрагмент, «Дневник, писавшийся ночью», «Дневник 1957–1958».

Структура «Дневника, писавшегося ночью» (1971–2000) Густава Герлинга-Грудзинского уже мной рассматривалась в диссертационном исследовании 2001 г., посвященном жанровому триединству: документально-автобиографическая книга «Иной мир», жанр которой был определен как «*Bildungsroman*» (Т. 6, S. 130)¹, – рассказы – «Дневник, писавшийся ночью». В вышеупомянутой диссертации говорится, что генезис «Дневника, писавшегося ночью» обнаруживается «в форме *silva rerum*, традиционной для польской словесности, но «при внимательном чтении выявляется универсальная концепция “Дневника...”»² и даже его «центростремительная» организация.

Однако всматривание в сложнейший «организм» «Дневника...» показывает, что поиски в нем «центра» являются проблемой для читателя. Тезис о внутренней «монолитности» «одного из самых странных дневников мира»³ стал своего рода каноном «герлинговедения» 1990-х гг., зиждущегося на автокомментариях Герлинга-Грудзинского к собственному творчеству. Исследуя особенности формы «Дневника...», З. Стефановская видит в нем реализацию классического постулата «единства в многообразии»: «Ритм записей различен: рядом с пространным повествованием – лапидарный отрывок, развернутый портрет и шарж, точная цитата и острая критика через простое изложение содержания, лирическое отступление и краткий выразительный анекдот, и при всей этой перемене способов письма и постоянном отступлении от, казалось бы, намеченной темы – впечатление

¹ Здесь и далее цитаты из «Дневника, писавшегося ночью» приводятся по следующему изданию с указанием номера тома и страницы: *Herling-Grudziński G. Pisma zebrane: W 12 t. Warszawa, 1995–2002.*

² *Мальцев Л. А. Жанровая система творчества Г. Херлинга-Грудзинского: эпические жанры и дневник-хроника: автореф. дис. ... канд. филол. М., 2001. С. 8.*

³ *Bieńkowska E. Pisarz i los. O twórczości Gustawa Herlinga-Grudzińskiego. Warszawa, 2002. S. 89.*

исключительной последовательности и монолитности»⁴. Представления о «монолитности» замысла базируются не на определенных проблемно-тематических приоритетах «Дневника...», а на моральном и идеологическом ригоризме автора. Авторский образ цельной личности, «стойкого принца» (Т. 4, S. 460) польской литературы сознательно поддерживал в «Дневнике...» сам Герлинг: «Писать так, чтобы суждение было задачей не только ясной и свободной мысли, но и неустанного морально-напряжения, чтобы в слове жил целиком тот, кто высказывает его как свою долго взвешиваемую и выстраданную правду, – это привлекало меня всегда...» (Т. 3, S. 138). Организующим центром «Дневника...» может считаться образ автора, основанный на верности собственным принципам, о чем свидетельствует его личный «декалог» от 4 декабря 1995 г., которым писатель подводит итоги своему многолетнему сотрудничеству с журналом Ежи Гедройца «Культура»: «Полвека, послушный собственному призванию и по стечению обстоятельств, я был политическим публицистом, из чувства гражданской службы, как политический эмигрант» (Т. 10, S. 479–480).

На фоне суждений об этике «стойкости» Герлинга, определяющей поэтику написанных им текстов, выделяется парадоксальное суждение Эвы Беньковской, казалось бы, признающей за автором «Дневника...» свойственную ему психологическую цельность и соответствующую целостность его текстов, но тут же их оспаривающей: «На что ни упадет наш взгляд, какую страницу ни откроет перед нами закон случая, мы всегда схватываем его (автора. – Л. М.) целиком. Схватываем – неудачное слово. Он высвечивается перед нами целиком – ибо его не получается схватить, определить. Его “железная” последовательность наводит на противоречия... Они у него оказываются чем-то таким, чего он осознанно себе не позволяет... А может его, как Гомбровича, следует читать наоборот, наизнанку, наискось; может, его следует читать вопреки ему самому?»⁵

На другой парадокс «монолитности» «Дневника...» обратил внимание В. Болецкий: «Из отдельных томов “Дневника, писавшегося ночью” можно бы скомпоновать несколько разных книг или несколько разных [...] дневников»⁶. Издательским событием, подтвердившим закон-

4 *Stefanowska Z.* Dziennik Herlinga-Grudzińskiego // Herling-Grudziński i krytycy. Antologia tekstów. Lublin, 1991. S. 336.

5 *Bieńkowska E.* Pisarz i los... S. 89.

6 *Bolecki W.* Ciemna miłość. Szkice do portretu Gustawa Herlinga-Grudzińskiego. Kraków, 2005. S. 109.

ность такого предположения, стало появление русскоязычной книги Герлинга «Неаполитанская летопись» (2017), не существующей на языке оригинала, – ее составителем был Мариуш Вильк, а переводчиком Ирина Адельгейм. В предисловии к «Неаполитанской летописи» Вильк пишет о «Дневнике...» как о своеобразном «Лабиринте», в котором необходима фигура читателя-пешехода как «другого я»: «Можно разве что тропу в этом Лабиринте обозначить, собственный ход, как делают спелеологи, чтобы не спутать коридоры, – что не означает, будто узких закоулков непременно следует избегать: они иной раз позволяют увидеть больше, чем широкие проспекты; словом, мне пришлось себя в лабиринт Герлинга вписать»⁷. О сходном художественном явлении, только не с писательской, а литературоведческой точки зрения, пишет И. Е. Адельгейм: «Структура Неаполя (города, открытого подземному миру и сообщающегося с ним; города-лабиринта; города, стоящего у подножия вулкана) близка нарративной стратегии писателя»⁸. Согласно автору цитируемой статьи, «различные типы нарратива в его (Герлинга-Грудзиньского. – Л. М.) дневнике сплетаются, художественное и документальное, автобиографическое и псевдоавтобиографическое соприкасаются, пересекаются, отзываются эхом», а результатом этого взаимодействия является «создание некоего единого референтного поля, всегда незаконченного и открытого для самого автора»⁹.

Парадоксы формы «Дневника...» и меандры посмертной «судьбы» автора в его диалоге с читателем мы попытаемся объяснить с помощью теории «жанрового блока *silva*», разработанной Стефанией Скварчиньской на материале раннего периода польской письменности и распространенной Рышардом Нычем на литературный процесс XX в. (в том числе на творчество Милоша, Гомбровича и Ружевича). По С. Скварчиньской, категория «сильвичности» (от лат. *silva rerum* – «лес вещей» (лат.)) относится к определенному классу произведений, традиционно определяемых как «наброски» (или «черновики»). В нашей соавторской статье с И. Д. Копцевым, содержащей разбор данной концепции, утверждается, что «рядом с классицизирующим стремлением к порядку и дисциплине формируется барочная по духу эстетика *varietas*, заключающаяся в неограниченной множественности

⁷ Вильк М. Лабиринт Герлинга // Герлинг-Грудзиньский Г. Неаполитанская летопись. СПб, 2017. С. 5.

⁸ Адельгейм И. Е. Отсроченная любовь: Неаполь Герлинга-Грудзиньского // Центральноевропейские исследования. 2025. Вып. 8. С. 103.

⁹ Там же. С. 99.

поднимаемых тем и, в связи с этим, ничем не ограниченной авторской свободе перехода от одной темы к другой»¹⁰. Принимая во внимание факт, что термин *silva* не получил распространения в филологических исследованиях, гипотеза С. Скварчиньской о том, что *silva rerum* является «первой в письменности открытой формой, разумеется, еще в состоянии примитивном»¹¹, заслуживает серьезного внимания, и, естественно, наиболее широкую сферу применения этот термин может найти при изучении польской словесности.

В монографии Рышарда Ныча «жанровый блок *silva*» получает развернутое толкование в качестве «типа современной литературной формации»¹², а также «формы внутреннего самопознания литературы»¹³. К введенному С. Скварчиньской понятию «открытости» добавляется свойство фрагментарности: «В поэтике фрагмента, – утверждает Р. Ныч, – сосредоточены конститутивные черты ильвического высказывания»¹⁴. В. Болецкий в рецензии на книгу Ныча лапидарно излагает признаки фрагментарности «ильвы»: «...подверженность семантическим трансформациям, зависимость от контекста, и прежде всего – открытость. Под последним Ныч подразумевает физическую незавершенность высказывания (или его фрагментов), “прогрессивную открытость” – ко всем будущим преобразованиям текста, “регрессивную открытость” (диалогическую) – к текстам, уже существующим (цитаты, аллюзии, комментарии), а также коммуникационную открытость – приглашение читателя к интегрирующему прочтению текста»¹⁵. Итак, фрагментарный текст, будучи, по сути, синонимом текста «открытого», обнаруживает семантический парадокс: это такой текст, определенность которого состоит в неопределенности. Логика фрагмента проявляется не просто в незавершенности, но в выходе на метатекстуальный уровень, на котором текст становится для самого автора некоей тайной: размытость границ текста провоцирует вопрос о том, что есть сам текст: «Что

10 Мальцев Л. А., Концев И. Д. «Дар меткого высказывания в разговорной речи»: об эссеистической «ильвичности» польской прозы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: филология, педагогика, психология. 2025. № 4. С. 71.

11 Skwarczyńska S. Kariera literacka form rodzajowych “silva” // Europejskie związki literatury polskiej. Warszawa, 1969. S. 43.

12 Nycz R. Sylwy współczesne. Wrocław; Warszawa; Kraków; Łódź, 1984. S. 6.

13 Ibid. S. 149.

14 Ibid. S. 22.

15 Bolecki W. “Sylwy współczesne”: problem konstrukcji tekstu, Ryszard Nycz: [recenzja] // Pamiętnik Literacki. 1988. № 77 (3). S. 358.

такое мой дневник? [...] Легче сказать, чем он не является. [...] Так что же он такое?» (Т. 6, S. 6). «Фрагментарный стиль мышления»¹⁶ сформировался в эпоху романтизма. Ф. Шлегель образно писал, что «фрагмент, словно маленькое произведение искусства, должен совершенно обособляться от окружающего мира и замыкаться в себе, подобно ежу»¹⁷. Этот парадокс «замкнутой открытости» («парадокс ежа») проявляется у Герлинга-Грудзинского через особый способ авторского присутствия в тексте, который можно назвать «приемом улитки»: «Это парадоксально, но хороший дневник, который, по меньшей мере, стоит прочитать, – это тот, в котором писатель время от времени высовывает рожки из раковины. И тут же их прячет. Если же он вылезет весь, то станет полностью беззащитным, зависимым от чужого суждения» (Т. 4, S. 96–97).

Энигматичность фрагмента вступает в комплементарные отношения с «ночной» символикой, традиционной для романтиков, что, в свою очередь, соответствует названию «Дневника, писавшегося ночью». Несмотря на то, что в интервью Э. Савицкой автор дает ему чисто деловое и наиболее очевидное толкование («Я пишу “Дневник” ночью, т. е. набрасываю его начерно, а утром следующего дня принимаюсь за шлифовку»¹⁸), название «Дневника...» содержит в себе эмбрион «сильвичности», отсылающий, правда, не к мышлению романтиков, а к позднеантичной традиции. Об особом подвиде «жанрового блока *silva*» под названием «*lucubrationes*», представленном Плинием Старшим и Авлом Геллием, пишет С. Скварчиньская как «о типе произведений, возникших за счет бессонных ночей, при свете лампы», о своеобразных «“эксерта” из чужих произведений, “выписках”»¹⁹. Далекая литературно-типологическая аналогия «Дневника, писавшегося ночью» Герлинга-Грудзинского с «Аттическими ночами» Авла Геллия²⁰ базируется не на индивидуальной склонности авторов к импровизационности изложения (наоборот, в анализируемом нами тексте видна тенденция к упорядочиванию записей), а на осознании того, что неотъемлемым свойством «портрета эпохи» (Т. 6, S. 7) – индикатором кризисного исторического времени – становится энтропия: автор пытается нащупать рациональные закономерности истории, но приходит к неизбежному

16 См.: Грешных В. И. Ранний немецкий романтизм: фрагментарный стиль мышления. Л., 1991.

17 Шлегель Ф. Эстетика, философия, критика. В 2 т. М., 1983. Т. 1. С. 300.

18 Sawicka E. Widok z wieży. Rozmowy z Gustawem Herlingiem-Grudzińskim. Warszawa, 1997. S. 136.

19 Skwarczyńska S. Kariera literacka... S. 55.

20 Мальцев Л. А., Коцев И. Д. «Дар меткого высказывания...» С. 77.

выводу, что «спущенная с цепи» (Т. 4, S. 368) история неустанно опровергает любые закономерности. Добросовестное фиксирование событий в рамках исторической хроники приводит к неизбежной хаотизации дневниковых записей, и автор словно пытается «удержать на поводке» историю за счет таких, например, приемов, как риторический призыв к «дневничку»: «Помедленнее, помедленнее, мой дневничок, нельзя спешить, не следует упреждать ход событий» (Т. 5, S. 268). Таким образом, буквальное толкование названия «ночного» дневника (*дневник*, пишущийся *в ночное время суток*) совмещается с фигуральным (*дневник «ночной» эпохи*, смысл которой, если воспользоваться определением Н. А. Бердяева, «состоит в обнажении бездны бытия, в стоянии лицом к лицу перед первоосновой жизни, в раскрытии наследья рокового») ²¹ [выделение курсивом наше. – Л. М.).

Фрагментарность («сильвичность») «Дневника...» заключается в том, что, будучи стилистически упорядоченным и информативно «плотным» текстом, «Дневник...» Грудзиньского не имеет определенных границ, и в этом отношении даже с большим правом может быть назван фрагментом, чем «Дневник» Гомбровича, у которого, по крайней мере, есть начало в виде «программирующего» дневниковый текст четырехкратного «Я». У Грудзиньского первая дневниковая запись от 1 марта 1971 г. представляет собой сплав исторического эссе и публицистической хроники, погружая читателя сразу, без предисловий, «в гущу» событий: «Несколько дней тому назад я прочитал в какой-то газете, что польский рабочий бунт на Выбжеже можно поставить рядом с Кронштадтом» (Т. 3, S. 41) ²². Эта запись является косвенным доводом в пользу цикличности исторического времени и теории «коинциденций» как «таинственного узора человеческого бытия и судьбы» (Т. 5, S. 257), выведенной товарищем Герлинга по эмиграции Константы Александром Еленьским. Однако дальнейшая фактография историко-политической хроники «Дневника...» демонстрирует скорее случайность, чем закономерность «кругов», описываемых историей, и этим мотивируется у Герлинга ввод метафоры истории, «спущенной с цепи», заимствованной у Ежи Стемповского: «Теперь сорвавшаяся с цепи история приседает, запыхавшись; Фукуяма убежден, что подышает, через минуту сдохнет. Нет, нет. Скоро встанет на ноги, чтобы кружить, кружить, кружить» (Т. 7, S. 184).

²¹ Бердяев Н. А. Смысл истории. Новое Средневековье. М., 2002. С. 224.

²² Имеются в виду следующие события: Кронштадтский мартовский мятеж 1921 г. и декабрьские выступления рабочих на судовой верфи г. Гданьска в 1970 г.

Последняя дневниковая запись датируется 13-м марта 2000 г. и относится не к историографическому и историософскому, а к литературно-критическому и мемуарно-некрологическому «сектору» «Дневника...». Грудзинский вспоминает о своем покойном американском приятеле, некоем Рональде Штроне, переведившем его рассказы на английский язык. Цепочка ассоциаций ведет от Штрона к итальянскому поэту XIX в. Джоакино Белли, которым, как сообщает Герлинг, восхищался Гоголь, проведший более четырех лет жизни в Риме. Завершение этого некролога об умершем приятеле, а вместе с тем и всего «Дневника...», которому автор отдал 29 лет своего творчества, выглядит парадоксальным и даже абсурдным: «Наша римская прогулка [...] вела от памятника римского поэта в скверике за Тибром до дома на Виа Систина, украшенного русской табличкой, [напоминающей,] что тут Гоголь писал четыре года свой шедевр («Мертвые души» – Л. М.). Уже долго гоголевская квартирка в Риме является борделем» (Т. 12, S. 408). Скорее всего, последний факт «Дневника, писавшегося ночью» является ошибочным, и пожилого писателя подвела память. Таким образом, если начальная запись 1971 г. открывает большую историко-политическую хронику, полную «круговоротов», то последняя – это частное воспоминание об одной из прогулок по Риму, заводящее читателя в фактографический «тупик». Даже как мелкий факт, а не как последний штрих монументальной хроники, этот пример не может свидетельствовать о «монолитности» структуры «Дневника, писавшегося ночью». Наоборот, он является симптомом «сильвизации» дневниковой прозы, провоцируя со стороны читателя вопрос: так что же такое нами было прочитано – что такое «Дневник, писавшийся ночью»?

Известно, что «Дневник, писавшийся ночью» как форма литературной коммуникации с читательской общественностью «вырастает» из личных дневников Герлинга, начало которым было положено не позже 1942 г. (сразу после выхода из советского лагеря, о чем свидетельствует «Иной мир»). В 1952 г. Герлинг опубликовал дневник путешествия в Бирму, а после смерти своей первой жены Кристины Доманьской и заключения брака с Лидией Герлинг-Кроче, в 1957–1958 гг. вел частный дневник, посмертно опубликованный в 2019 г. – в год столетия писателя. «Дневник 1957–1958» совмещает в себе особенности частного («секретного») дневника и литературного (предназначенного для публикации) дневника-«журнала». Из него читатель узнает, что генезис дневниково-«сильвической» формы, объединяющей документальную хронику и рассказы, из которой вырос «Дневник, писавшийся ночью», связан с неудавшейся попыткой Герлинга-Грудзинского написать автобиографический роман «Чемны Став» («Ciemny Staw»),

некоторые фрагменты которого Герлинг приводит в «Дневнике 1957–1958». Как известно, после этого писатель никогда не возобновлял попыток написания романа, не делая, впрочем, из этого фаталистических историко-литературных обобщений о «конце романа» как жанра. В 1958 г. Герлинг-Грудзинский оставляет попытки создания романа и начинает писать рассказ «Башня» («Wieża»), который поглощает писателя полностью. В духе Кафки, исповедующегося Фелиции Бауэр в писательской склонности к затворническому образу жизни (см. об этом: Т. 5, S. 213), Герлинг-Грудзинский поверяет дневнику следующие мысли: «Книгу можно хорошо написать, абсолютно не занимаясь ничем иным. Если бы это было возможно – не думая ни о делах и обязанностях и даже ни о семье и о себе. В хорошо работающем писателе, который “попал в тон”, есть что-то нечеловеческое»²³. Исповедальные признания «Дневника...»: «Боже, убей во мне амбицию и сделай так, чтобы я мог писать с мыслью, что никто этого не будет читать!»²⁴ – реконструируют образ автора-«мизантропа», отчасти напоминающего автобиографического героя-нарратора «Иного мира» и обоих героев рассказа «Башня» (прокаженного Пьера Бернара Гуаско и анонимного учителя из Турина). Позже, уже в «Дневнике, писавшемся ночью», мысли о полном уединении уступят место противоположным «амбициям» – долговому и настойчивому пути Герлинга-Грудзинского к своему читателю.

Дневниковый предтекст 1957–1958 гг. отчасти содержит в себе ответ на вопрос о сущности «Дневника, писавшегося ночью». Именно в этом «секретном» дневнике апробируется прием включения в документальный дневниковый текст фиктивных фрагментов. И хотя в «Дневник 1957–1958» не вошел рассказ «Башня», ставший для малой «итальянской» прозы Герлинга чем-то вроде эталона, по всей вероятности, именно в этот период у Герлинга возникла идея «странного, на первый взгляд, симбиоза» (Т. 6, S. 7) рассказов и дневника, включения рассказов в дневник способом не «случайным и механическим», а «естественным и органическим» (Т. 10, S. 5).

Источники и литература

Адельгейм И. Е. Отсроченная любовь: Неаполь Герлинга-Грудзинского // Центральноевропейские исследования. 2025. Вып. 8. С. 91–113. DOI: 10.31168/2619-0877.2025.8.4

Бердяев Н. А. Смысл истории. Новое Средневековье. М.: Канон+, 2002. 446 с.

23 *Herling-Grudziński G.* Dziennik 1957–1958. Kraków, 2018. S. 259.

24 *Ibid.* S. 213–215.

Вильк М. Лабиринт Герлинга // Герлинг-Грудзиньский Г. Неаполитанская летопись. СПб: Изд-во Ивана Лимбаха, 2017. С. 5–60.

Грешных В. И. Ранний немецкий романтизм: фрагментарный стиль мышления. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. 140 с.

Мальцев Л. А. Жанровая система творчества Г. Херлинга-Грудзиньского: эпические жанры и дневник-хроника: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 20 с.

Мальцев Л. А., Концев И. Д. «Дар меткого высказывания в разговорной речи»: об эссеистической «сильвичности» польской прозы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: филология, педагогика, психология. 2025. № 4. С. 68–79. DOI: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-7

Шлегель Ф. Эстетика, философия, критика. В 2 т. М.: Искусство, 1983. Т. 1. 479 с.

Bieńkowska E. Pisarz i los. O twórczości Gustawa Herlinga-Grudzińskiego. Warszawa: Zeszyty Literackie, 2002. 176 s.

Bolecki W. Ciemna miłość. Szkice do portretu Gustawa Herlinga-Grudzińskiego. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2005. 288 s.

Bolecki W. “Sylwy współczesne”: problem konstrukcji tekstu, Ryszard Nycz: [recenzja] // Pamiętnik Literacki. 1988. № 77 (3). S. 356–371.

Herling-Grudziński G. Dziennik 1957–1958. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2018. 364 s.

Herling-Grudziński G. Pisma zebrane. Dziennik pisany nocą 1971–1972. Warszawa: Czytelnik, 1995. T. 3. 272 s.

Herling-Grudziński G. Pisma zebrane. Dziennik pisany nocą 1973–1979. Warszawa: Czytelnik, 1995. T. 4. 484 s.

Herling-Grudziński G. Pisma zebrane. Dziennik pisany nocą 1980–1983. Warszawa: Czytelnik, 1996. T. 5. 412 s.

Herling-Grudziński G. Pisma zebrane. Dziennik pisany nocą 1984–1988. Warszawa: Czytelnik, 1996. T. 6. 516 s.

Herling-Grudziński G. Pisma zebrane. Dziennik pisany nocą 1984–1988. Warszawa: Czytelnik, 1997. T. 7. 496 s.

Herling-Grudziński G. Pisma zebrane. Biała noc miłości. Opowiadania. Warszawa: Czytelnik, 2002. T. 12. 420 s.

Nycz R. Sylwy współczesne. Wrocław; Warszawa; Kraków; Łódź: Osolineum, 1984. 154 s.

Sawicka E. Widok z wieży. Rozmowy z Gustawem Herlingiem-Grudzińskim. Warszawa: Most, 1997. 136 s.

Skwarczyńska S. Kariera literacka form rodzajowych “silva” // Europejskie związki literatury polskiej. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1969. S. 37–75.

Stefanowska Z. Dziennik Herlinga-Grudzińskiego // Herling-Grudziński i krytycy. Antologia tekstów. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 1991. S. 330–336.

References

- Adel'geim, I. Ye. "Otsrochennaia liubov': Neapol' Gustava Gerlinga-Grudzin'skogo." *Central-European Studies*, 2025, no 8, pp. 91–114. DOI: 10.31168/2619-0877.2025.8.4
- Berdyayev, N. A. *Smysl istorii. Novoe Srednevekov'e*. Moscow: Kanon+, 2002, 446 p.
- Bieńkowska, E. *Pisarz i los. O twórczości Gustawa Herlinga-Grudzińskiego*. Warszawa: Zeszyty Literackie, 2002, 176 p.
- Bolecki, W. *Ciemna miłość. Szkice do portretu Gustawa Herlinga-Grudzińskiego*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2005, 288 p.
- Bolecki, W. "«Sylwy współczesne»: problem konstrukcji tekstu, Ryszard Nycz: [recenzja]." *Pamiętnik Literacki*, 1988, no 77 (3), pp. 356–371.
- Greshnykh, V. I. *Rannii nemetskii romantizm: fragmentarnyi stil' myshleniia*. Leningrad: Izdatel'stvo LGU, 1991, 140 p.
- Herling-Grudziński, G. *Dziennik 1957–1958*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2018, 364 p.
- Herling-Grudziński, G. *Pisma zebrane. Dziennik pisany nocą 1971–1972*. Warszawa: Czytelnik, 1995, vol. 3, 272 p.
- Herling-Grudziński, G. *Pisma zebrane. Dziennik pisany nocą 1973–1979*. Warszawa: Czytelnik, 1995, vol. 4, 484 p.
- Herling-Grudziński, G. *Pisma zebrane. Dziennik pisany nocą 1980–1983*. Warszawa: Czytelnik, 1996, vol. 5, 412 p.
- Herling-Grudziński, G. *Pisma zebrane. Dziennik pisany nocą 1984–1988*. Warszawa: Czytelnik, 1996, vol. 6, 516 p.
- Herling-Grudziński, G. *Pisma zebrane. Dziennik pisany nocą 1984–1988*. Warszawa: Czytelnik, 1997, vol. 7, 496 p.
- Herling-Grudziński, G. *Pisma zebrane. Biała noc miłości. Opowiadania*. Warszawa: Czytelnik, 2002, vol. 12, 420 p.
- Mal'tsev, L. A. *Zhanrovaia sistema tvorchestva G. Herlinga-Grudzin'skogo: epicheskie zhanry i dnevniki-khronika: avtoref. dis. ... kand. filol.* Moscow, 2001, 20 p.
- Mal'tsev, L. M., Koptsev, I. D. "«Dar metkogo vyskazyvaniia v razgovornoj rechi»: ob esseisticheskoi «sil'vichnosti» pol'skoi prozy." *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriia: filologiiia, pedagogika, psikhologiiia*, 2025, no 4, pp. 68–79. DOI: 10.5922/vestnikpsy-2025-4-7
- Nycz, R. *Sylwy współczesne*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Łódź: Ossolineum, 1984, 154 p.
- Sawicka, E. *Widok z wieży. Rozmowy z Gustawem Herlingiem-Grudzińskim*. Warszawa: Most, 1997, 136 p.
- Schlegel, F. *Eстетика, философия, Критика*. Moscow: Iskusstvo, 1983, vols. 1–2.
- Skwarczyńska, S. "Kariera literacka form rodzajowych *silva*." *Europejskie związki literatury polskiej*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1969, pp. 37–75.
- Stefanowska, Z. "Dziennik Herlinga-Grudzińskiego." *Herling-Grudziński i krytycy. Antologia tekstów*. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 1991, pp. 330–336.
- Wilk, M. "Labirint Gerlinga." *Gerling-Grudzin'skij, G., Neapolitanskaia letopis'*. St Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2017, pp. 5–60.

**The Poetics of the “Silvic” and the Image of the Author
in Gustaw Herling-Grudziński’s *Journal Written at Night***

Leonid A. Maltsev

Doctor of Letters, professor

Immanuel Kant Federal Baltic University

236041, Alexander Nevsky Street 14, Kaliningrad, Russian Federation

E-mail: LMaltsev@kantiana.ru

ORCID: 0000-0001-9137-0004

Citation

Maltsev L. A. The Poetics of the “Silvic” and the Image of the Author in Gustaw Herling-Grudziński’s *Journal Written at Night* // *Slavic Almanac*. 2026. No 1–2. P. 363–374 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.20

Received: 19.01.2025.

Revised: 15.02.2026.

Accepted: 17.03.2026.

Abstract

The present article analyzes the structural features of Gustaw Herling-Grudziński’s *Journal Written at Night*, centered on the complex and contradictory image of the author. The researcher examines the unique composition of the text through the lens of the *silva rerum* theory developed by Marta Skwarczyńska and Ryszard Nycz. It is shown that the “silvic” poetics of the *Journal* is closely linked to its fragmentary nature, manifesting not only in the blurring of generic boundaries but also in its metatextuality. Reflecting on the history of the diary genre, Herling-Grudziński seeks to define the essence of his own work. The “integral formula” he derived — a “portrait of an era” containing a “miniature self-portrait of the author and chronicler” — does not fully encompass the silvic diversity of *Journal Written at Night*. It is argued that the work’s “pre-text” is the *Diary 1957–1958*, which reveals the genesis of Herling-Grudziński’s generic thinking. The *Diary 1957–1958* bears witness to the author’s difficulties while working on the novel *Ciemny Staw* and the subsequent transformation of his diary’s formula: instead of a “confessional diary” serving as a creative laboratory for a novel, the writer creates a “chronicle-diary” that synthesizes the diary form with his “Italian” stories.

Keywords

Herling-Grudziński, author, silva rerum, fragment, “A Diary Written at Night”, “Diary 1957–1958”.

Нарративная структура романа Ежи Сосновского «Фафаруэй, или Апельсиновые пастилки»

Козьмина Елена Юрьевна

Доктор филологических наук, профессор

Уральский федеральный университет

620062, ул. Мира, д. 19, Екатеринбург, Российская Федерация

E-mail: klejnot063@gmail.com

ORCID: 10.24411/2072-9316-2019-00068

Цитирование

Козьмина Е. Ю. Нарративная структура романа Ежи Сосновского «Фафаруэй, или Апельсиновые пастилки» // *Славянский альманах*. 2026. № 1–2. С. 375–387. DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.21

Статья поступила в редакцию 24.01.2026.

Рецензирование завершено 15.02.2026.

Статья принята к публикации 17.03.2026.

Аннотация

Роман Е. Сосновского «Фафаруэй, или Апельсиновые пастилки» опубликован в 2017 г.; это вторая часть диалогии (первая – «Сон сов», 2016). Критики отметили основные темы, особенности произведения (автобиографизм, интермедальность, ощущение эпохи). Сюжет, состоящий из микроисторий, позволил утверждать, что роман распадается на отдельные фрагменты. В статье выдвигается гипотеза о том, что цельность произведения обеспечивается структурой нарратива. Анализ романа опирается на концепции В. Шмида и В. Тюпы. Внимание исследователя сосредоточено на типе нарратора и его трансформациях; на нарративных инстанциях (нарратор, адресат наррации, фиктивный читатель, нарративная интрига). Исследуется специфика автобиографизма, композиция и паратекст, графический образ текста. Получены следующие результаты. Тип нарратора – диегетический; в ходе романа трансформируются способы повествования и маски нарратора; отмечаются фрагменты метаповествования. Трансформации нарратива изоморфны этапам становления героя. Система пролепсисов и аналепсисов указывает на нелинейный характер художественного времени, а также на кризисный сюжет, который определяется энигматической

нарративной интригой. Утверждается, что вербальная нарративная интрига и графический облик текста воплощают литературно-игровой характер нарратива. Композиция включает разнородные фрагменты, передавая творчески-игровой характер нарратива и авторское отношение к персонажам. Метанарративные эпизоды разделяют героя и нарратора и одновременно их сближают. Делается вывод о том, что нарративная структура – это способ оцельнения рассказанной истории.

Ключевые слова

Роман, польская литература, нарратор, нарративная инстанция, нарративная интрига, автобиографизм, композиция.

Роман «Фафаруэй, или Апельсиновые пастилки» Е. Сосновского, польского писателя, литературного критика, радиожурналиста и преподавателя, был опубликован в 2017 г. и является второй частью дилогии. Первая часть, роман «Сон сов», опубликована годом раньше, в 2016 г.

Герой обоих романов Ярко Вольский, сначала дошкольник, а потом ученик одного из варшавских лицеев, будущий писатель (о чем мы узнаем в финале и того, и другого романа, когда видим подпись «Написал: Ярослав Ярко Вольский»), обладает чертами биографического автора (не автора-творца). Романы похожи местом и временем действия (Польша (Варшава, Колобжег); 60–70-е гг. XX в.), особой организацией нарратива и даже графическим обликом текста. Кроме того, «Фафаруэй...» продолжает «Сон сов» и в природно-временной протяженности: действие первого романа дилогии происходит летом в Колобжеге, а три главы «Фафаруэй...» представляют последовательно осень («В сенях осени»), зиму («Зимняя речь»), весну («А ну, сны!»¹).

По выходе романа «Фафаруэй...» критики, обратившие на него внимание, отметили главные особенности произведения: доминирующую тему памяти о детстве и ее природе, ностальгии по детству;

¹ Необходимо отметить, что при переводе на русский язык названий романа «Сон сов» и глав романа «Фафаруэй...» теряется игровой характер этих наименований. На польском языке они пишутся и звучат иначе: роман “Sen sów” (название созвучно слову *sensów*, то есть «смыслов»); названия первых двух глав рифмованные: “W sieni jesieni”, “Mowa zimowa”, а третья (“Wio, sny!”) читается как «Вёсны».

автобиографизм²; интермедальность³; ощущение атмосферы эпохи (роман – это «своеобразная хроника повседневности поколения»⁴, как подчеркнул Артур Мадалинский); нарушение хронологии событий и особые формы художественного времени⁵. Все перечисленное – это факторы, свидетельствующие о сложности романа: и его объектной структуры, и субъектной, на нарративном уровне отражающей дискретность времени и фрагментарность воспоминаний. Возможно, поэтому Яцек Белява делает вывод о том, что «“Фафаруэй...” расплывается на десятки микро-историй» в результате «не до конца продуманной структуры этого произведения»; сюжеты здесь не собираются в единое целое, так как «сумма частей не всегда возвращает утраченную целостность»⁶.

Между тем, анализируя первую часть дилогии, роман «Сон сов», имеющий сходную структуру, критик Кшиштоф Беджицкий утверждает, что подобный тип нарратива передает логику памяти, а не хронологию событий⁷. Так устроенное «событие самого рассказывания» (М. М. Бахтин) релевантно событию, о котором рассказывается, и за счет этого выполняет функцию сведения воедино разноуровневых эпизодов. Но тот же нарративный принцип используется и в романе «Фафаруэй...». Поэтому, если нам нужно понять, как именно из фрагментов собирается художественное целое, как структура повествования работает на эту задачу, потребуется проанализировать нарративный уровень романа. Это следует сделать еще и потому, что проблемы повествования редко затрагиваются в исследованиях творчества Сосновского, а если об этом заходит речь, то появляются замечания, не всегда соотносящиеся с действительностью. Так, например, В. Венцель, анализируя «Апокриф Аглаи», один из самых известных романов писателя, мельком замечает, что в этом произведении – «традиционный нарратор»⁸, хотя

2 *Madaliński A.* Zrozumieć swoją tęsknotę. O książce “Fafarulej, czyli pastylki z pomarańczy” Jerzego Sosnowskiego // *Kultura Liberalna*. 2017. № 443. 3 lipca. URL: <https://kulturaliberalna.pl/2017/07/03/artur-madalinski-recenzja-farfulej-jerzy-sosnowski/> (дата обращения: 13.02.2026); *Saturczak Ł.* Myśli twoje śnić zaczynam. Nowa powieść Jerzego Sosnowskiego // *Więź*. 2017. 14 maja. URL: <https://wiesz.pl/2017/05/14/mysli-twoje-snic-zaczynam-nowa-powiec-jerzego-sosnowskiego/> (дата обращения: 13.02.2026).

3 *Saturczak Ł.* Myśli twoje śnić zaczynam...

4 *Madaliński A.* Zrozumieć swoją tęsknotę...

5 *Ibid.*; *Saturczak Ł.* Myśli twoje śnić zaczynam...; *Bielawa J.* Rzadko używany klawisz delete // *Nowe książki*. 2017. № 9. S. 64.

6 *Bielawa J.* Rzadko używany klawisz delete...

7 *Biedrzycki K.* Sowa – mądry ptak // *Więź* (Książki). 2016. Jesień. S. 235–238.

8 *Wencel W.* Papier mâtché // *Nowe Państwo*. 2001. № 16 (282). 20 kwietnia. S. 39.

субъектов речи в «Апокрифе...» несколько и большинство из них «традиционными» назвать никак нельзя⁹.

Нарративная структура романа «Фафаруэй...» будет проанализирована в статье на основе нарратологических концепций В. И. Тюпы¹⁰ и В. Шмида¹¹; при этом будут затронуты такие категории, как нарративные инстанции, нарративная интрига и интрига слова. Мы также обратим внимание на характер автобиографизма. Для анализа особенностей композиции и паратекста нам понадобится обратиться к работе Ж. Женнета «Пороги»¹². И, наконец, коснемся еще графического образа текста, также работающего на объединение микро-историй в единое романное целое.

Обратимся сначала к определению типа нарратора (-ов) в романе «Фафаруэй...» и его соотношению с другими нарративными инстанциями (фиктивный автор, имплицитный и фиктивный читатель и др.), а также с биографическим автором.

Выявление типа субъекта повествования в «Фафаруэй...» вызывает некоторые затруднения. На протяжении всего текста нарратор рассказывает о своем герое в третьеличной форме, как о «другом». Однако в финале романа читателя ждет пуант – неожиданный поворот, когда оказывается, что весь этот роман «написал: Ярослав Ярко Вольский»¹³. Таким образом, можно сделать вывод, что перед нами – диегетический нарратор.

Наряду с третьеличным встречается мы-повествование, особенно в аннотациях, обращенных к читателю: «Раздел четвертый, в котором [...] мы узнаем о войне и союзе между Горошками и Краевскими...»¹⁴ и т. п. Так в романе появляется соответствующий этой форме нарратора фиктивный адресат¹⁵, или, по-другому, эксплицитный читатель, – «условный реципиент всего текста»¹⁶; и эта нарративная инстанция на протяжении всего романа сохраняется неизменной. Встречаются

9 См. подробнее об этом: *Козьмина Е. Ю.* Нарративная стратегия несовпадений в романе Е. Сосновского «Апокриф Аглаи» // *Тайна «Апокрифа Аглаи»*. Екатеринбург, 2020. С. 101–115.

10 *Тюпа В.* Лекции по неклассической нарратологии. Toruń, 2018.

11 *Шмид В.* Нарратология. М., 2003.

12 *Автономова Н. С.* Фрагмент перевода книги Жерара Женнета «Пороги» и вступительная заметка переводчика // *Шаги / Steps*. Т. 10. 2024. № 4. С. 357–372.

13 *Sosnowski J.* *Fafarulej, czyli Pastylki z pomarańczy*. Warszawa, 2017. S. 483.

14 *Ibid.* S. 52.

15 *Шмид В.* Нарратология. С. 98.

16 *Жиличева Г. А., Тюпа В. И.* Адресат наррации // *Тезаурус исторической нарратологии (на материале русской литературы): экспериментальный словарь*. М., 2022. С. 197.

также фрагменты я-повествования, свидетельствующие о нарративном метауровне. Так, в разделе «Средисловье» нарратор делится с читателем историей написания романа «Сон сов»: «Какое-то время назад я написал книгу о Ярке и его летнем пребывании на море [...]. Я думал, ставя последнюю точку, что Яркo с той поры будет взрослым...»¹⁷.

Таким образом, неустойчивая, трансформирующаяся форма нарратора, изоморфная изменениям героя (статусным и позиционным, возрастным, интеллектуальным, эмоциональным и экзистенциальным), в сочетании с константной фигурой фиктивного адресата представляет собой своеобразную нарративную «внутреннюю меру» (Н. Д. Тамарченко), удерживая все изменения в одном русле и тем самым собирая в единое целое рассказанную историю.

Ту же роль выполняет композиция романа, под которой мы понимаем «систему фрагментарных внутритекстовых речей, разворачивающих единство произведения как художественно целостного высказывания»; сюда включаются также композиционная рамка, названия глав, заглавие целого произведения и вставные тексты¹⁸.

Принцип разделения произведения на главы и поэтически-игровой характер их названий мы уже отметили выше. Добавим сюда наличие аннотаций, которые можно считать частью заголовочного комплекса разделов, стилизующего оформление старых книг (что снова создает игровую книжную ауру) и выражающего эмоциональное авторское отношение к персонажам и происходящим с ними событиям: «Раздел второй, в котором мы узнаем, что родственные связи могут ослабнуть, что каждый, в том числе и Яркo, может стать героем, и узнаем основные идеи фильма под таинственным названием “Папайя”»¹⁹.

Ощущение фрагментарности текста, отмеченное Я. Белявой, может возникать благодаря композиционной системе вставных текстов самого разного рода: это песни, стихи, сказки, а также метарефлексивные фрагменты, выделенные графически. Функция авторских вторжений – еще более отчетливое разделение героя и нарратора, однако в то же время это их сближение хотя бы на уровне стилистики (например, использование повествователем слов «мама», «папа», что характерно для Яркo, но не для нарратора, находящегося в момент повествования вне диегезиса). Разноприродные композиционные составляющие текста, свидетельствующие на первый взгляд

17 *Sosnowski J. Fafarulej...* S. 36.

18 *Tona B. II. Теория литературы.* М., 2024. С. 73.

19 *Sosnowski J. Fafarulej...* S. 24.

о фрагментарности произведения, на самом деле объединяются внутренней логикой – взаимозависимостью нарратора и героя, игровым литературно-поэтическим тоном высказывания.

Необходимо коснуться также характера автобиографизма в «Фафаруэй...»; эту особенность романа Сосновского отмечали все критики, а сам писатель включил в издание примечание, в котором сообщил, что «материалом [...] для книги было то, что я запомнил с 1968–1978 гг.», а также «записки из дневника 15-летнего ЕС [Ежи Сосновского. – Е. К.]»²⁰.

Примечание к роману – своеобразный перитекст (как его понимает Ж. Женетт²¹). Однако роман сопровождается и эпитекстом, причем автотематическим: мы можем прочесть о романе в интервью, взятом у писателя²², и в комментариях самого автора в блоге²³. Паратекст, включающий пери- и эпитекст, – это внешняя рамка, ограничивающая отобранные материалы для объединения в целое романа, а одновременно указывающая на то, что роман – автобиографический, а значит, границы между миром художественным и миром реальным подвижны. Подтверждает этот вывод метанарративное замечание о «внутреннем автобиографизме», о связях между жизненными событиями героя и художественным их воплощением. Так, в ответ на упреки в том, что Ярко разглашает чужую тайну, нарратор (под маской автора) «переставляет очередность, изменяет даты и места; то, что говорили и делали одни, приписывает другим, приукрашает и переворачивает»²⁴.

Автобиографизм также дифференцирует реальных читателей по их компетенции: близкие друзья автора замечают довольно много совпадений в жизни героя и в жизни писателя, для других же читателей в романе есть целая система подсказок. Прежде всего это, конечно, фамилия героя – Вольский²⁵; как справедливо замечает Л. Сатурчак, имя это происходит от варшавского района Воля, с которым связан герой (и, добавим, писатель). Об этом можно судить и по материалам блога

20 Ibid. S. 485–486.

21 Автономова Н. С. Фрагмент перевода книги Жерара Женетта «Пороги»...

22 Malinowski K. “Nie chciałbym być Katonem”. Jerzy Sosnowski rozmawia z Kazimierzem Malinowskim o fantasyce, kontrkulturze, Micińskim i Andrzejcu Walczaku // Lampa. 2005. № 11. S. 32; Padol E. Jerzy Sosnowski: nie żyć z głową skierowaną wstecz. URL: <https://kultura.onet.pl/wywiady-i-artykuly/jerzy-sosnowski-nie-zyc-z-glowa-skierowana-wstecz/lkhwdded> (дата обращения: 13.02.2026).

23 Jerzy Sosnowski. URL: <https://jeryzosnowski.pl> (дата обращения: 13.02.2026).

24 Ibid. S. 434.

25 Saurczak L. Myśli twoje śnić zaczynam...

Сосновского, в частности, по его заметке «География от сердца»²⁶ с приложенной картой района Воля. Имя Ярکو также дает импульс к сопоставлению реального автора и героя: имя Ежи в домашнем обиходе может звучать как Юрко, что фонетически близко имени героя Ярکو²⁷.

В романе появляется еще одно имя – Анджей Вальчак; он объявлен автором слов песни «В этой песне было слово “Миссисипи”...»²⁸. Персонаж с таким именем появляется в произведениях Сосновского не впервые; более того – под этим псевдонимом писатель публиковал свои стихи²⁹. Имя Анджей совпадает с именем отца писателя, а фамилия Вальчак – с девичьей фамилией матери.

Необходимо сказать о том, что финальные примечания биографического автора можно рассматривать, исходя из концепции Ф. Лежена, как «автобиографический пакт», который «часто принимает форму развернутой преамбулы, предисловия или введения...»³⁰. Однако в романе Сосновского преамбула превращается в финальные пометки, объясняя автобиографизм, когда уже роман завершен, что заставляет читателя воспринимать рассказанное в обратной перспективе, лишая его статуса подлинной автобиографии. Сосновский в интервью говорит об этом вполне определенно: «Невозможно скрыть, что книга сделана из моих воспоминаний, но, подчеркиваю, сделана, т. е., она не имеет характера автобиографии»³¹. Таким образом, автобиографическая тема – это, скорей, литературная игра с читателем, материал романа, эстетически завершенный автором-творцом.

Эпизоды из жизни Ярослава Вольского в романе – это история самых разнообразных кризисов. События происходят в тот момент, когда Ярکو находится в подростковом, т. е., кризисном, возрасте. Этот тип кризисности передается в романе включением в нарратив аналепсисов и пролепсисов, позволяющих нарратору и читателю забежать

26 *Sosnowski J.* Geografia od serca). URL: <https://jertzysosnowski.pl/2017/04/04/geografia-od-serca/> (дата обращения: 13.02.2016).

27 *Padół E.* Jerzy Sosnowski...

28 *Sosnowski J.* Fafarulej... S. 22–23.

29 См. об этом подробнее: *Malinowski K.* “Nie chciałbym być Katonem”... S. 32; *Sosnowski J.* Walczak, Houellebecq i ja. URL: <https://jertzysosnowski.pl/2006/09/21/walczak-houellebecq-i-ja/> (дата обращения: 13.02.2026); *Tyszkiewicz B.* Jerzy Sosnowski // *Polscy pisarzy i badacze literatury przełomu XX i XXI wieku.* URL: <https://nplp.pl/artukul/jerzy-sosnowski/> (дата обращения: 13.02.2026).

30 Цит. по: *Павлова С. Ю.* Жанры в художественном творчестве // *Жанры речи.* 2020. № 1 (25). С. 23.

31 *Padół E.* Jerzy Sosnowski: nie żyć z głową skierowaną wstecz...

вперед и возвращаться в прошлое героя, оценивая характер уже произошедших событий. Переломные моменты организуют и сюжетный уровень. На возрастной подростковый кризис Ярko накладывается семейный – серьезная болезнь отца, которую герой переживает на разных этапах своей жизни. Нельзя не сказать и о кризисе общественно-политическом, хоть и имплицитно, но присутствующем в романе «Фафаруэй...»: изображенные события вплотную подходят к 1980-м гг. и к деятельности «Солидарности».

Временной и событийный ряд романа, передаваемый через точки кризисов, таким образом, оказывается дискретным и реверсивным. Места разрывов и неуправляемых возвращений героя в детство и, наоборот, во взрослую жизнь поддерживают неровный характер становления, рефлексии героя и его самоидентификации.

Кризисность – маркер определенного типа нарративной интриги, энигматической, состоящей «в чередовании эпизодов, приближающих и удаляющих проникновение в некоторую тайну диегетического мира, в чередовании нарратором моментов утаивания и узнавания, сокрытия и откровения»³². Метафоры тайны и чуда играют значительную роль в романе «Фафаруэй...» и не только в нем; об этом пишет в своей статье Л. Сатурчак: «Чудо, или, скорей, потребность в чуде, которое вырвет героя из серой действительности загнанной Варшавы, это мотив, появляющийся в творчестве писателя начиная с его дебюта, т. е. “Апокрифа Аглаи” (2001)...»³³. С указанными метафорами (особенно откровением) естественным образом сочетается религиозная мотивика романа, размышления Ярko о вере, Боге и откровении, которые нарратор связывает с темой литературы и писательского предназначения героя. Наиболее запоминающийся эпизод – участие Ярko в качестве министранта в пасхальной литургии; мальчик испытывает «физическую дрожь» и эйфорию, но также размышляет и о том, что структуру литургии можно использовать при создании литературного произведения («...литургия Великой субботы становится образцом всего»³⁴).

Размышления героя о собственном творчестве соседствуют с эпизодами восприятия им чужих произведений искусства (таких фрагментов в романе очень много!). Это индивидуальные переживания героя, откровения, тайна или приближение к ней. Рассмотрение, например,

32 Жиличева Г. А. Энигматическая интрига // Тезаурус исторической нарратологии... С. 233.

33 Satureczak L. Myśli twoje śnić zaczynam...

34 Sosnowski J. Fafarulej... S. 419.

репродукций Клода Моне и Джорджо де Кирико и впечатление от этого он сохраняет в тайне даже от мамы, «как бы опасаясь, что открытие причины [впечатления. – *Е. К.*] лишит его чего-то важного»³⁵.

Итак, нарратив в романе «Фафаруэй...» строится в соответствии с энигматической интригой. Однако немаловажное значение имеет и интрига слова – «вербальный аспект» нарративной интриги, ориентированной на эмоциональную рефлексию адресата, где в первую очередь важны «стилистика и тональность повествования»³⁶. Характеризуя этот аспект романного нарратива, остановимся на двух отличительных свойствах вербализации в «Фафаруэй...» – ирония и игра. Я. Белява писал о том, что «Ежи Сосновский описывает это все с мягкой иронией, юмором, ноткой ностальгии и заботой о правде психологической...»³⁷ и, добавим, в игровом ключе. Это и названия разделов, о которых уже говорилось, и аннотации к ним, и иронический тон, явно ощущаемый в описаниях героя и событий романа: «Раздел десятый, очень длинный, в котором существенную роль играет Бобинский, а даже, выражаясь точнее, дьявольский Бобинский...»³⁸ или эпизод с гвоздем, случайно выпущенным в учительницу на уроке географии³⁹. Любопытно, что критики, анализирующие творчество Сосновского, также охотно используют игровые метафоры. Так, например, А. Мадалинский пишет, что Сосновский, создавая «Фафаруэй», «разыгрывает ставку»⁴⁰, а В. Русинек (правда, речь в его статье идет о романе «Сон сов», в аспекте интриги слова также очень близком «Фафаруэй...») даже использует карточный термин «крапленые карты»⁴¹.

Игровой характер романа прослеживается и в его графическом исполнении, в частности, при использовании разных шрифтов – это и имитация письменного текста, как, например, в подписи «Ярко Ярослав Вольский» в финале романа; и специальные шрифты для обозначения характера вставного текста; увеличение и уменьшение кегля (в аннотациях к разделам). Перед читателем открывается текст, визуально разделенный на множество фрагментов, однако ясно считываемая система соотношения текста и его графического облика позволяет воспринимать роман как единое целое.

35 Ibid. S. 383.

36 *Жуличева Г. А.* Интрига слова // Тезаурус исторической нарратологии... С. 237.

37 *Bielawa J.* Rzadko używany klawisz delete...

38 *Sosnowski J.* Fafarulej... S. 140.

39 Ibid. S. 58–60.

40 *Madaliński A.* Zrozumieć swoją tęsknotę...

41 *Rusinek W.* Afirmacje Jerzego Sosnowskiego // *Opcje.* 2016. № 3. S. 97.

Подведем итоги. Нарративная структура романа Е. Сосновского «Фафаруэй...» – это основной инструмент собирания разнородных и разновременных историй воедино, способ оцельнения рассказанной истории. Событие преобразования романного героя в писателя через кризисы, внутренние противоречия, их осмысление и разрешение дублируется «событием самого рассказывания», демонстрирующим эту трансформацию на нарративном уровне. Подвижность границ между нарративными инстанциями соответствует той границе, на которой находится герой-художник, – между мирами воображаемыми и реальными, мирами автора и героя, фиктивного автора и нарратора, героя-ребенка и героя-взрослого.

Источники и литература

Автономова Н. С. Фрагмент перевода книги Жерара Женетта «Поэмоги» и вступительная заметка переводчика // Шаги / Steps. 2024. Т. 10. № 4. С. 357–372. DOI: 10.22394/2412-9410-2024-10-4-357-372.

Жиличева Г. А. Интрига слова // Тезаурус исторической нарратологии (на материале русской литературы): экспериментальный словарь / под ред. В. И. Тюпы. М.: Эдитус, 2022. С. 237–241.

Жиличева Г. А. Энигматическая интрига // Тезаурус исторической нарратологии (на материале русской литературы): экспериментальный словарь / под ред. В. И. Тюпы. М.: Эдитус, 2022. С. 233–236.

Жиличева Г. А., Тюпа В. И. Адресат наррации // Тезаурус исторической нарратологии (на материале русской литературы): экспериментальный словарь / под ред. В. И. Тюпы. М.: Эдитус, 2022. С. 197–203.

Козьмина Е. Ю. Нарративная стратегия несовпадений в романе Е. Сосновского «Апокриф Аглаи» // Тайна «Апокрифа Аглаи»: сб. науч. статей / под ред. Е. Ю. Козьминой. Екатеринбург: ИНТМЕДИА, 2020. С. 101–115.

Павлова С. Ю. Жанры в художественном творчестве // Жанры речи. 2020. № 1 (25). С. 22–28.

Тюпа В. И. Лекции по неклассической нарратологии / red. A. Skubaczewska-Pniewska. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2018. 193 s.

Тюпа В. И. Теория литературы. М.: РГГУ, 2024. 254 с.

Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

Biedrzycki K. Sowa – mądry ptak // Więź (Książki). 2016. Jesień. S. 235–239.

Bielawa J. Rzadko używany klawisz delete // Nowe książki. 2017. № 9. S. 64.

Jerzy Sosnowski. URL: <https://jerysosnowski.pl> (дата обращения: 13.02.2026).

Madaliński A. Zrozumieć swoją tęsknotę. O książce „Fafarulej, czyli pastrylki z pomarańczy” Jerzego Sosnowskiego // Kultura Liberalna. 2017. № 443.

3 lipca. URL: <https://kulturaliberalna.pl/2017/07/03/artur-madalinski-recenzja-farfulej-jerzy-sosnowski/> (дата обращения: 13.02.2026).

Malinowski K. “Nie chciałbym być Katonem”. Jerzy Sosnowski rozmawia z Kazimierzem Malinowskim o fantastyce, kontrkulturze, Micińskim i Andrzeju Walczaku // *Lampa*. 2005. № 11. S. 28–32.

Padol E. Jerzy Sosnowski: nie żyć z głową skierowaną wstecz. URL: <https://kultura.onet.pl/wywiady-i-artykuly/jerzy-sosnowski-nie-zyc-z-glowa-skierowana-wstecz/lkhwded> (дата обращения: 13.02.2026).

Rusinek W. Afirmacje Jerzego Sosnowskiego // *Opcje*. 2016. № 3. S. 97–99.

Saturczak Ł. Myśli twoje śnić zaczynam. Nowa powieść Jerzego Sosnowskiego // *Więź*. 2017. 14 maja. URL: <https://wiesz.pl/2017/05/14/mysli-twoje-snic-zaczynam-nowa-powiesc-jerzego-sosnowskiego/> (дата обращения: 13.02.2026).

Sosnowski J. *Fafarulej, czyli Pastylki z pomarańczy*. Warszawa: Wielka Litera, 2017. 493 s.

Sosnowski J. *Geografia od serca*. URL: <https://jeryzosnowski.pl/2017/04/04/geografia-od-serca/> (дата обращения: 13.02.2016).

Sosnowski J. Walczak, Houellebecq i ja. URL: <https://jeryzosnowski.pl/2006/09/21/walczak-houellebecq-i-ja/> (дата обращения: 13.02.2026).

Tyszkiewicz B. Jerzy Sosnowski // *Polscy pisarze i badacze literatury przełomu XX i XXI wieku*. URL: <https://nplp.pl/artykul/jerzy-sosnowski/> (дата обращения: 13.02.2026).

Wencel W. *Papier mâché* // *Nowe Państwo*. 2001. № 16 (282). 20 kwietnia. S. 39.

References

Avtonomova, N. S. “Fragment perevoda knigi Zherara Zhenetta “Porogi” i vstupil'naia zametka perevodchika.” *Shagi / Steps*, 2024, vol. 10, no 4, pp. 357–372. DOI: 10.22394/2412-9410-2024-10-4-357-372

Biedrzycki, K. “Sowa – mądry ptak.” *Więź (Książki)*, 2016, jesień, pp. 235–239.

Bielawa, J. “Rzadko używany klawisz delete.” *Nowe książki*, 2017, no 9, p. 64.

Jerzy Sosnowski. URL: <https://jeryzosnowski.pl> (accessed: 13.02.2026).

Koz'mina, E. Yu. “Narrativnaia strategiiia nesovpadenii v romane E. Sosnovskogo «Apokrif Aglai».” *Taina “Apokrifa Aglai”: sbornik nauchnykh statei*, ed. by E. Yu. Koz'mina. Ekaterinburg: INTMEDIA, 2020, pp. 101–115.

Madaliński, A. “Zrozumieć swoją tęsknotę. O książce “Fafarulej, czyli pastylki z pomarańczy” Jerzego Sosnowskiego.” *Kultura Liberalna*, 2017, no 443, 3 lipca. URL: <https://kulturaliberalna.pl/2017/07/03/artur-madalinski-recenzja-farfulej-jerzy-sosnowski/> (accessed: 13.02.2026).

Malinowski, K. “«Nie chciałbym być Katonem».” Jerzy Sosnowski rozmawia z Kazimierzem Malinowskim o fantastyce, kontrkulturze, Micińskim i Andrzeju Walczaku.” *Lampa*, 2005, no 11, pp. 28–32.

Padół, E. *Jerzy Sosnowski: nie żyć z głową skierowaną wstecz*. URL: <https://kultura.onet.pl/wywiady-i-artykuly/jerzy-sosnowski-nie-zyc-z-glowa-skierowana-wstecz/lkhwded> (accessed: 13.02.2026).

Pavlova, S. Yu. “Zhanry v khudozhestvennom tvorchestve.” *Zhanry rechi*, 2020, no 1 (25), pp. 22–28.

Rusinek, W. “Afirmacje Jerzego Sosnowskiego.” *Opcje*, 2016, no 3, pp. 97–99.

Saturczak, Ł. “Myśli twoje śnić zaczynam. Nowa powieść Jerzego Sosnowskiego.” *Więź*, 2017, 14 maja. URL: <https://wiesz.pl/2017/05/14/mysli-twoje-snic-zaczynam-nowa-powieść-jerzego-sosnowskiego/> (accessed: 13.02.2026).

Shmid, V. *Narratologiiia*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2003, 312 p.

Sosnowski, J. *Fafarulej, czyli Pastylki z pomarańczy*. Warszawa: Wielka Litera, 2017, 493 p.

Sosnowski, J. *Geografia od serca*. URL: <https://jertzysosnowski.pl/2017/04/04/geografia-od-serca/> (accessed: 13.02.2026).

Sosnowski, J. *Walczak, Houellebecq i ja*. URL: <https://jertzysosnowski.pl/2006/09/21/walczak-houellebecq-i-ja/> (accessed: 13.02.2026).

Tyupa, V. *Leksii po neklassicheskoj narratologii*, ed. by A. Skubaczewska-Pniewska. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2018, 193 p.

Tyupa, V. I. *Teoriiia literatury*. Moscow: RGGU, 2024, 254 p.

Tyszkiewicz, B. “Jerzy Sosnowski.” *Polscy pisarzy i badacze literatury przełomu XX i XXI wieku*. URL: <https://nplp.pl/artykul/jerzy-sosnowski/> (accessed: 13.02.2026).

Wencel, W. “Papier mâché.” *Nowe Państwo*, 2001, no 16 (282), 20 kwietnia, p. 39.

Zhilicheva, G. A. “Intriga slova.” *Tezaurus istoricheskoi narratologii (na materiale russkoi literatury): eksperimental'nyi slovar'*, ed. by V. I. Tyupa. Moscow: Editus, 2022, pp. 237–241.

Zhilicheva, G. A. “Enigmaticheskaia intriga.” *Tezaurus istoricheskoi narratologii (na materiale russkoi literatury): eksperimental'nyi slovar'*, ed. by V. I. Tyupa. Moscow: Editus, 2022, pp. 233–236.

Zhilicheva, G. A., Tyupa, V. I. “Adresat narratsii.” *Tezaurus istoricheskoi narratologii (na materiale russkoi literatury): eksperimental'nyi slovar'*, ed. by V. I. Tyupa. Moscow: Editus, 2022, pp. 197–203.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.21

E. Yu. Kozmina

Narrative Structure of Jerzy Sosnowski's Novel *Fafarulai, or Orange Pastilles*

Elena Yu. Kozmina

Doctor of Letters, professor

Ural Federal University named after the first President of Russia

B. N. Yeltsin

620002, 19 Mira street, Ekaterinburg, Russia

E-mail: klejnot063@gmail.com

ORCID: 10.24411/2072-9316-2019-00068

Received: 24.01.2026.

Revised: 15.02.2026.

Accepted: 17.03.2026.

Citation

Kozmina E. Yu. Narrative Structure of Jerzy Sosnowski's Novel *Fafarulai, or Orange Pastilles* // *Slavic Almanac*. 2026. № 1–2. P. 375–387 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.21

Abstract

Jerzy Sosnowski's novel *Fafarulai, or Orange Pastilles* was published in 2017 and is the second part of a diology (the first being *Dream of Owls* (2016)). Critics have noted the work's key themes and characteristics (its autobiographical nature, intermediality, and a sense of the era). The plot, consisting of micro-stories, has led critics to argue that the novel disintegrates into separate fragments. This article hypothesizes that the work's cohesion is ensured by its narrative structure. The novel's analysis draws on the concepts of V. Schmid and V. Tyupa. The researcher focuses on the narrator type and its transformations, as well as on narrative instances (narrator, addressee of the narrative, fictional reader, and narrative intrigue). The specifics of autobiographical writing, composition and paratext, and the text's graphic image are explored. The following results were obtained: the narrator is diegetic; over the course of the novel, narrative methods and narrator's masks are transformed; and fragments of metanarrative are noted. Narrative transformations are isomorphic to the stages of the protagonist's development. The system of prolepses and analepses points to the nonlinear nature of artistic time, as well as a crisis plot defined by an enigmatic narrative intrigue. It is argued that the verbal narrative intrigue and the graphic appearance of the text embody the literary and playful nature of the narrative. The composition includes disparate fragments, conveying the creative, playful nature of the narrative and the author's approach to the characters. Metanarrative episodes separate the protagonist and the narrator while simultaneously bringing them together. It is concluded that narrative structure is a way of providing cohesion to the story being told.

Keywords

Novel, Polish literature, narrator, narrative instance, narrative intrigue, autobiographical elements, composition.

УДК 94(497.5)

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.22

А. Ю. Перетяцько

**Стихи донских поэтов-любителей, связанные
с Ноябрьским польским восстанием 1830–1831 гг.:
подмена реальности литературными клише**

Перетяцько Артем Юрьевич

Кандидат исторических наук, заведующий научной лабораторией
Южный федеральный университет

344006, ул. Б. Садовая, 105/42, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

E-mail: artperetatko@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2779-2223

Цитирование

Перетяцько А. Ю. Стихи донских поэтов-любителей, связанные с Ноябрьским польским восстанием 1830–1831 гг.: подмена реальности литературными клише // Славянский альманах. 2026. № 1–2. С. 388–409. DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.22

Статья поступила в редакцию 01.10.2024.

Рецензирование завершено 06.03.2025.

Статья принята к публикации 17.03.2026.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Программы стратегического академического лидерства Южного федерального университета («Приоритет 2030»).

Аннотация

Статья и публикуемые исторические источники (два послания неизвестного казачьего автора, написанные в польском плену в 1831 г. и адресованные другому пленному казаку, И. С. Ульянову, а также стихотворение неизвестного донского автора о столкновении казаков с поляками при Мацержице 5-го августа 1831 г.) связаны с проблемой влияния русской поэзии XIX в. на провинциальных авторов-любителей. Как сочинения самого И. С. Ульянова, так и обращенные к нему два послания демонстрируют безусловное знакомство авторов с современной им русской литературой и активные попытки использовать характерные для нее образы, идеи и даже прямые поэтические цитаты в собственном творчестве. В то же время как раз заимствованные идеи и образы в сочинениях И. С. Ульянова и особенно в обращенных

к нему послания могли упрощаться до общих мест, причем не всегда уместных. В результате публикуемые нами стихотворения демонстрируют одну из моделей взаимодействия периферии и ядра семиосферы, в рамках которой представители периферии пытаются использовать заимствованные из ядра семиосферы наработки для описания новых и актуальных для них сюжетов, однако оказываются не способны ни адаптировать к новым сюжетам существующие идеи и образы, ни создать новые идеи и образы, и создают тексты, представляющие собой набор вторичных клише, значительная часть которых не соответствует описываемым объектам (например, казачий Дон оказывается не степным краем, а страной «пушистых гор»).

Ключевые слова

Донское казачество, любительская поэзия, польское Ноябрьское восстание 1830–1831 гг., литературные клише, подражания, И. С. Ульянов.

Публикуемые нами стихи могут быть восприняты как любопытный казус, внелитературная экзотика, интересная исключительно историей своего появления. Однако, как нам представляется, подобные тексты являются важной частью литературного процесса, которая редко исследуется. Два из них относятся ко времени романтизма, к пушкинской эпохе.

В начале Польского восстания 1830–1831 гг. были взяты в плен офицеры российской армии. В числе пленных были и донские казаки, один из которых, И. С. Ульянов, описал свое пребывание в плену в любопытных автобиографических записках¹. Отметим здесь два важных факта: во-первых, И. С. Ульянов полноценного образования не получил, а детство провел, помогая семье по хозяйству в захолустной донской станице²; во-вторых, по утверждению публикатора его записок, Х. И. Попова, они были созданы в польском плену, причем предназначались не для печати, а для сына И. С. Ульянова³. С учетом обстоятельств биографии автора и истории заметок данный текст оказывается неожиданно

1 Ульянов И. С. Записки И. С. Ульянова <Часть I> // Сборник Областного войска Донского статистического комитета. Вып. II. Новочеркасск, 1901. С. 60–95; Ульянов И. С. Записки И. С. Ульянова <Часть II> // Сборник Областного войска Донского статистического комитета. Вып. III. Новочеркасск, 1902. С. 53–81.

2 Донцы XIX века. Ростов-на-Дону, 2003. С. 480.

3 Ульянов И. С. Записки И. С. Ульянова <Часть I>... С. 60–61.

литературным, в нем много прямых поэтических цитат. Так, эпитафией служат следующие строки Е. А. Баратынского: «Страданье нужно нам! Не испытав его, нельзя понять и счастья»⁴. В дальнейшем И. С. Ульянов сопровождает свои рассуждения стихотворными иллюстрациями к ним, причем взятыми как из произведений крупнейших русских поэтов (И. А. Крылова⁵ и В. А. Жуковского⁶), так и из стихотворений поэтов второго ряда (В. И. Туманского⁷ и И. И. Козлова⁸), а то и вовсе неизвестных (некоего П...ва⁹).

Разберем один показательный и достаточно типичный пример обращения И. С. Ульянова к чужому творчеству. Донской мемуарист описывает одну из своих прогулок в плену, во время которой предаётся размышлениям о разнице между русскими и поляками и о том, что «русские живут несравненно лучше»¹⁰. Не комментируя обоснованность подобных рассуждений, отметим, что они естественны для русского, находящегося в польском плену и сопоставляющего свой прежний опыт и нынешние наблюдения. Однако во время прогулки И. С. Ульянов оказывается на кладбище, что, естественно, прерывает ход его мыслей. И кладбищенская дума И. С. Ульянова уже лишена какой-либо привязки к обстоятельствам его положения (хотя он мог быть убит в плену¹¹). Мы позволим себе привести большую часть его размышлений: «Я стоял на рубеже жизни и смерти. Кладбище находится на высоком и обрывистом берегу, из которого торчат кости и обломки гробов. Внизу Висла катит мутные и быстрые волны свои. Брег время от времени обваливается, как бы желая выказать богатые стяжания неумолимой смерти. Сколько ни бедственна, по общему гласу, жизнь наша, но грустно смотреть на следы разрушения, на сии пресмыкающиеся в прахе кости подобных нам живых существ, на сии обнаженные от волос и полуистлевшие черепы, внутри коих некогда гнездилась, может быть, непреклонная гордость или желание обладать полсветом»¹². И вслед за этим следует большой отрывок из элегии П. А. Плетнева «Гробница Державина» на ту же тему:

4 Там же. С. 60.

5 *Ульянов И. С.* Записки И. С. Ульянова <Часть II>... С. 69.

6 Там же. С. 77.

7 *Ульянов И. С.* Записки И. С. Ульянова <Часть I>... С. 83.

8 Там же. С. 83.

9 Там же. С. 62.

10 Там же. С. 92.

11 Там же. С. 83.

12 Там же. С. 93.

Страна забвения! И под моей ногой,
Как меж гробниц уединен блуждаю,
Быть может, здесь лежит протекших дней герой,
И я в сей миг героя попираю¹³.

Описывая кладбищенскую поэзию пушкинской эпохи, В. Э. Вацуро приводит любопытный эпизод. В 1818 г. ученик В. К. Кюхельбекера Н. А. Маркевич, получив от учителя элегию В. И. Туманского «Монастырь», пошутил, подменив во время чтения вторую строфу строфой из элегии К. Н. Батюшкова, что возмутило других учеников. Но такая подмена проиллюстрировала, что содержательно тексты В. И. Туманского и К. Н. Батюшкова почти идентичны. «Действительно, картина одна и та же, только стихи Батюшкова благозвучнее», – подвел итог В. К. Кюхельбекер¹⁴. Л. Я. Гинзбург выражается еще более определенно: «Элегическая поэтика – поэтика узнавания. И традиционность, принципиальная повторяемость являются одним из сильнейших ее поэтических средств»¹⁵. Иными словами, в рамках элегической поэтики начала XIX в. ассоциация кладбища с кладбищенской элегией в общих чертах предсказуемого (в определенном смысле даже канонического, апеллирующего к лучшим образцам литературы) содержания в принципе была эстетически обоснованна и доказывала принадлежность ее автора к кругу людей, разбирающихся в литературе. Однако в разбираемом нами случае есть важнейший нюанс.

Как отмечает В. Э. Вацуро, основой «элегической поэтики» пушкинской эпохи было «понятие “вкуса”, узуса, исторически и социально санкционированного словоупотребления»¹⁶. Между тем одни и те же размышления могут быть эстетически обоснованными или безвкусными в зависимости от того, кто их выражает. Герои кладбищенских элегий не были никак связаны с воинской службой; не было в этих сочинениях и мотивов гибели в бою, в то время как И. С. Ульянов был офицером воюющей армии. Соответственно, И. С. Ульянов в разбираемой нами части своего текста воспроизводил внешние атрибуты высокой культуры своего времени, не вполне понимая их внутреннюю сущность и то, в каких случаях их использование уместно. С нашей точки

13 Там же. С. 94.

14 Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры. Элегическая школа. СПб., 1994. С. 57–58.

15 Там же. С. 64.

16 Там же. С. 65.

зрения, подобные места в текстах И. С. Ульянова раскрывают определенный аспект личности автора, который, как мы писали выше, не получил полноценного образования, но явно любил русскую литературу и многократно обращался цитатам из нее. Однако с точки зрения «элегической поэтики» пушкинской эпохи И. С. Ульянов совершал ошибку в «социально санкционированном словоупотреблении», ориентируясь на внешнее сходство ситуаций, а не на их внутреннее содержание.

При этом более удачные образцы для подражания у И. С. Ульянова были, даже в жанре элегии – но не кладбищенской. Отечественная война 1812 г. породила историческую элегию¹⁷. В качестве примера таковой В. Э. Вацуро приводит два перевода «Элегии, написанной на развалинах старого горного замка» Ф. Маттисона, образный ряд которой (например, собирающиеся на войну юноши и ждущие их девы¹⁸) куда лучше соотносился с событиями Польского восстания и русско-польской войны, чем образный ряд кладбищенских элегий. При этом, разумеется, ко времени Польского восстания в русской литературе наиболее адекватной семантической моделью для военного могло служить творчество «поэта-партизана» Д. В. Давыдова («Давыдов-человек и поэтический образ “удалого гусара”, “певца героя”, созданный им, в сознании современников слились воедино»¹⁹). Однако как раз отсылки к стихотворениям Д. В. Давыдова в записках И. С. Ульянова нет, хотя Д. В. Давыдов в них фигурирует как «знаменитый партизан» и есть ссылки на его прозаические тексты с похвалами казакам²⁰.

Не анализируя столь подробно другие стихотворные цитаты И. С. Ульянова, отметим, что и они нередко на глубинном уровне не соответствуют той ситуации, которую должны иллюстрировать, при явном сходстве внешних атрибутов. Например, свои чувства в день ангела И. С. Ульянов передал так: «свинцовая грусть стеснила наболевшее сердце»²¹. При этом в данном случае казачий автор совершенно однозначно пишет, что причиной подобных эмоций был плен: «прошедшее не утешает, настоящее не радует, а будущее пугает неизвестностью»²². Но в качестве иллюстрации этого состояния он поставил совсем короткий отрывок из элегии В. И. Туманского:

17 Там же. С. 156.

18 Там же. С. 162–165.

19 *Скибин С. М.* Батальная лирика Д. В. Давыдова // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2021. № 1. С. 48.

20 *Ульянов И. С.* Записки И. С. Ульянова <Часть II> ... С. 69, 74.

21 *Ульянов И. С.* Записки И. С. Ульянова <Часть I> ... С. 83.

22 Там же.

...но где же ты,
Мир ненаглядный, мир прекрасный,
Зерцало горней красоты?..²³.

Эта элегия В. И. Туманского была посвящена разочарованию молодого человека, утратившего «все обольщенья юных лет». Страх перед будущим у пленного офицера, реально рискующего быть убитым, безусловно был другим чувством по сравнению с разочарованием взрослеющего поэта. И, таким образом, И. С. Ульянов снова приводил поэтическую цитату, ориентируясь в большей степени на внешнее сходство, чем на внутреннее соответствие: эта цитата описывала не то эмоциональное состояние, которое донской автор достаточно ясно отобразил в прозе, а совершенно другое.

В связи с тем же днем ангела И. С. Ульянов решал вверить себя «тайному промыслу» и иллюстрировал это несколько удачнее, цитатой из стихотворения И. И. Козлова «К другу Василию Андреевичу Жуковскому», которая и в оригинале служила неожиданным напоминанием о Боге после резкой смены темы:

...над нашими главами
Есть небо с вечными звездами,
А над звездами их творец²⁴.

Увы, в этом случае религиозный пафос стихотворения соответствовал тому тексту, который предшествовал ему, но противоречил уже следующему абзацу: в нем без всякого перехода описывалось, как И. С. Ульянов с друзьями распили «несколько бутылок портеру»²⁵.

Нам остается констатировать, что отношения И. С. Ульянова с русской поэзией пушкинской эпохи были весьма сложными. Он безусловно любил ее, знал и цитировал (при этом нам представляется очень важным, что цитат из более ранних авторов, например М. В. Ломоносова или Г. Р. Державина, в его тексте нет). При этом любовь к русской поэзии была частью более широких культурных интересов И. С. Ульянова: в 1820-е гг. он в принципе осваивал новую для него высокую европейскую культуру, пытаясь при этом не формально овладеть ее текстами, но понять их и культурно присвоить, соотнести чужие образы со

23 Там же.

24 Там же.

25 Там же.

своими чувствами и мыслями. В его рукописях мы нашли даже небольшой словарик, демонстрирующий этот процесс, причем, что характерно, нередко разъяснения разбираемых слов и понятий не совсем корректны. Например, Цирцея описывалась так: «Волшебница, живущая на острове, куда Улисс пристал и на ней женился» (в то время как Цирцея, согласно известной мифологии, была лишь возлюбленной Улисса, а стала позже женой его сына Телемаха)²⁶. В результате достижения европейской культуры (включая русскую поэзию) стали для И. С. Ульянова частью его актуального, регулярно используемого культурного багажа.

Однако в случае с русской поэзией это привело к крайне причудливому результату. Попытка присвоения поэтики, в том числе элегической, опирающейся на повторяемость в самой своей основе, привела к превращению этой поэтики в набор клише, своеобразных готовых семиотических блоков, «встраиваемых» И. С. Ульяновым в собственный текст в тех местах, где они казались ему уместны. Но в действительности подобные блоки оказывались уместны далеко не всегда, поскольку И. С. Ульянов не всегда считывал глубинные смыслы поэтического текста, а набор клише русской литературы 1810–1820-х гг. плохо соответствовал переживаниям плененного поляками офицера.

Два публикуемых нами стихотворения являются посланиями, обращенными к И. С. Ульянову. В них мы наблюдаем тот же феномен заимствования донскими казаками внешних клише русской поэзии начала XIX в. без понимания их логики и уместности в той или иной ситуации. Никакой реальной потребности в переписке, как прозаической, так и поэтической, русские пленники не имели: они жили в одной комнате²⁷. Однако в это время переживает расцвет жанр послания в русской поэзии²⁸. И донские авторы, если исходить из их текстов, начинают писать друг другу послания, ссылаясь на безделье, причем используя весьма легкомысленную лексику («А чтоб себя хоть чем-нибудь занять, давай же взапуски послания писать!»). И снова мы сталкиваемся с тем, что образ скучающего поэта был достаточно распространен в русской литературе начала XIX в. («феномен скуки – одна из важных тем поэтического диалога 1810-х годов»²⁹).

26 Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 243. Оп. 1. Д. 29. Л. 49.

27 Ульянов И. С. Записки И. С. Ульянова <Часть I>... С. 80.

28 Поплавская И. А. Формирование теории жанра послания в русской эстетике и критике // Проблемы метода и жанра. Вып. 13. Томск, 1986. С. 104.

29 Проданик Н. В. Русская лирика золотого века: диалоги поэтов о скуке и книгах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 5 (35). Ч. I. С. 144.

Однако в данном случае этот образ не только оказывается литературным клише, но это клише еще и совершенно не соответствует исторически и социально уместному словоупотреблению: оно применяется для характеристики людей, которые, согласно запискам И. С. Ульянова, с тщанием и желанием предаются «первоначальным занятиям в риторике», к тому же находясь в опасном для жизни польском плену³⁰. При этом у более опытного или талантливого автора скука от безделья могла бы выступать тяжким следствием плена, приобретая трагические, а не легкомысленные коннотации. И. С. Ульянов, кстати, смог выразить подобные эмоции от плена в прозе («свинцовая грусть стеснила наболевшее сердце»). Однако в публикуемых стихотворениях легкомысленная лексика («взапуски послания писать») убивает всякий трагизм действительно тяжелейшей ситуации, в которой находятся как автор, так и адресат послания.

Содержательно послания состоят из заимствованных из русской поэзии начала XIX в. семиотических блоков, которые, однако, не должны так сочетаться с точки зрения хорошего вкуса эпохи. Прежде всего, некоторые входящие в эти блоки клише оказываются искажены малограмотным автором: иногда они просто содержат ошибки («для добрых – пишешь мадригалы»), хотя очевидно, что в рамках клише о литературных жанрах мадригалы должны адресоваться не «добрым», а возлюбленной поэта), а иногда превращаются в пародию на расхожие образы русской литературы начала XIX в. («И время тяжкими крылами [...] бросает все в отрасль забвенья без возвращенья!»).

Послания русских авторов начала XIX в. предполагали определенную условность адресата, «применение к адресату одной из выработанных новой поэтической практикой литературных схем: “поэт-отшельник”, “эпикурец”, “философ”, “ленивец” и т. п.»³¹. Первое из публикуемых нами стихотворений вполне соответствует данной особенности: содержательно это послание неопытного стихотворца выдающемуся поэту. Но в данном случае выбор подобного адресата порождает комический эффект, поскольку реальным адресатом послания являлся И. С. Ульянов, необразованный донской казак, ни одного стихотворения не опубликовавший. В русской литературе того времени уже были созданы образы, которые, даже будучи

30 Ульянов И. С. Записки И. С. Ульянова <Часть II>... С. 54.

31 Протасова Н. В. Динамика развития жанра послания в русской поэзии первой трети XIX века // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 1 (40). С. 207.

упрощены до клише, гораздо лучше подошли бы к нему: образы «воина» или «поэта-отшельника». Однако неизвестный автор, прочтя некое стихотворение И. С. Ульянова («Любимец Муз! Любимец и людей! Ты лирою своей все чувства сердца известил!»), немедленно использовал самое очевидное, но в реальности неподходящее для его адресата клише выдающегося поэта. Еще примечательнее характеристика И. С. Ульянова как поэта, созданная в этом стихотворении: она построена на перечислении клишированных описаний жанров, часть из которых даже подчеркнута, словно автор выполнял формальную задачу – показать, что знает их все.

Интереснее второе послание, которое композиционно состоит из нескольких смысловых блоков, каждый из которых посвящен тематике, популярной в русской поэзии начала XIX в., но при этом эти блоки не только предельно клишированы, но и плохо сочетаются друг с другом. За жалобами на бренность бытия («все в сем мире исчезает!») следуют описания пустоты существования («мы ловим жадными руками пустого мира суеты»), за которыми идет хвала памяти о прошлом («дума прежних лет как нечто чудное, святое в душе у нас всегда живет»), а завершается стихотворение настоящим панегириком родному Дону («скажи, когда без содроганья ты вспомнил родину свою?»). Возможно, более опытный автор смог бы связать эти сюжеты воедино, но в конкретном тексте части просто противоречат друг другу без преодоления этого противоречия (сначала автор жалуется, что все гибнет, – а потом восхваляет вечно живущую память, сначала описывает бессмысленность бытия – а потом подчеркивает важность родины).

Тем не менее это послание интересно попыткой не просто использовать литературные клише, но и освоить их для описания родного Дона. К сожалению, результат снова получился комическим. Применяемый неизвестным автором основной набор клише не только был вторичен, но и совершенно не подходил к реалиям Земли Войска Донского. Так, адресату послания предлагалось плакать «при виде гор, тебе знакомых» – которых на степном Дону, увы, не было. Кстати, степь, образ которой на тот момент еще был не вполне освоен русской литературой, в послании в принципе отсутствует. Пейзаж Дона скорее соответствует Центральной России – с «пушистыми», а не снежными горами, лугами, полями и холмами, но без степей, табунов лошадей и жаркого солнца, действительно характерных для региона. Есть в тексте и совершенно неуместные на Дону того времени «мавзолеи» предков и «стрелы» неких врагов – вероятно, тоже заимствованные

из русской поэзии (в реальности набеги кочевых соседей на донские станицы прекратились в 1780-е гг.³²).

И все же именно в этой заключительной части второго послания его автор сумел хотя бы немного адаптировать клише русской литературы к своим чувствам. Очевидным свидетельством этого стало появление в тексте специфически донского героя Ермака, причем в заслуживающем внимания контексте: «дружеский табор [...] о Ермаке, о славе предков говорит». Важно, что Ермак действительно был важнейшей для донских казаков XIX в. фигурой исторической памяти, хотя в дошедших до нас свидетельствах проявления этой памяти описаны несколько иначе: «Имена Ермака и некоторых популярных атаманов еще очень свежи в памяти народной; нет зажиточного казака, в доме которого не встретилось бы изображения покорителя Сибири или других известных войсковых лиц»³³. Кроме того, нам представляется очень важным использование в послании патриотического клише: теме бренности бытия и пустоты существования оказывается противопоставлена, хотя и крайне неумело, тема патриотизма, аналогов чему в русских посланиях того времени мы не знаем – зато это соответствует патриотическим настроениям части казаков (так, И. С. Ульянов в небольшой критической статье, относящейся к 1820-м гг., считал главным в творчестве А. С. Пушкина «привязанность к событиям отеческим»³⁴).

Нам показалось логичным в дополнение к этим двум стихотворным посланиям опубликовать также стихотворение «Воспоминания 5-го августа 1831 года». К сожалению, его рукопись, найденная нами в Государственном архиве Ростовской области в фонде основателя Донского музея и собирателя редкостей Х. И. Попова, не содержит никаких пояснений ни об авторстве, ни о времени написания текста. Поэтому мы воздержимся от подробного комментария. Отметим, однако, что, при отсутствии внешнего сходства с двумя посланиями, адресованными И. С. Ульянову, это стихотворение аналогичным образом построено исключительно на адаптированных к казачьему сюжету клише из русской поэзии.

Так, хотя стихотворение посвящено подвигу донских казаков, многочисленные описания этого подвига носят предельно

32 *Номикосов С. Ф.* Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск, 1884. С. 33.

33 *Карасев А. А.* Записка князя А. М. Дондукова-Корсакова о Земле Войска Донского // Русский архив. 1896. Кн. 12. С. 574.

34 ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 12.

абстрактный характер, как правило, без привязки не только к специфической казачьей тактике, но и к войне вообще (казаки «растянулись за селеньем» «как стая быстрая орлов», а атакуют «как моря грозного валы»). Зато когда в тексте упоминается казачья лава, то ее описание дается не в пространстве стихотворения, через поэтические образы, а вне его, в примечании. Анонимный автор вводит в текст реального исторического персонажа, М. Г. Власова, ярчайшую личность донской истории: это был последний донской атаман казацкого происхождения до 1917 г., герой многих войн, участвовавший в боях от Франции до Кавказа. В знаменитой «Кавказской войне в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях» В. А. Потто он характеризуется через прямую речь казака, видевшего его во время Калусского сражения: «Я аж ахнул, когда увидел, что и сам генерал рубится с нами. Знаем мы – другого не заманишь и близко подъехать к черкесам, командует себе издалека. А этот командовать командует, а сам – маленький да широкоплечий – знай наряду с казаками работает шашкой и не одному черкесу снес голову»³⁵. Любопытно, что и в публикуемом стихотворении есть отсылка к этому сражению (что заставляет подозревать, что оно написано после издания книги В. А. Потто) – однако эта конкретная деталь вынесена в примечание. В поэтическом же тексте сколько-либо конкретный образ М. Г. Власова подменен клише старого мудрого генерала, лишённого специфически казачьих и вообще сколько-либо индивидуальных черт («воин поседельй», чья «бестрепетная длань» известна «австрийцам, галлам, туркам, шведам» – притом, что в войнах с Швецией и Австрией М. Г. Власов, насколько нам известно, не участвовал).

К этому добавим, что и описание Польского восстания в стихотворении не имеет ничего общего с реальностью, но воспроизводит стереотипный образ трусливого врага: в нем говорится, что только в августе 1831 г. «в первый раз поляк хотел противустать на чистом поле», хотя в реальности первое серьезное столкновение между армиями противоборствующих сторон, закончившееся, кстати, победой поляков, произошло еще в феврале 1831 г. под Сточекком. Да и само описание боя 5 августа 1831 г. совершенно не соответствует тому, как это небольшое столкновение показано, например, у А. К. Пузыревского³⁶. В то же время как раз подобное несоответствие реальности

35 Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. II. СПб., 1887. С. 579.

36 Пузыревский А. К. Польско-русская война 1831 г. Т. I. СПб., 1890. С. 381.

демонстрирует индивидуальность автора: она проявляется в подборе общих мест и клише, позволяющем изобразить незначительное столкновение – однако именно то, в котором отличились казаки и М. Г. Власов – первым сражением Польского восстания «в открытом поле».

Ю. М. Лотман указывал, что семиосфера делится на ядро и периферию, причем в ядре «располагаются доминирующие семиотические системы», а вот на периферии семиотические системы оказываются фрагментированы, а затем «реконструируются» (а фактически достраиваются заново)³⁷. На наш взгляд, публикуемые нами стихи демонстрируют одну из моделей взаимодействия периферии и ядра семиосферы (разумеется, далеко не единственную даже в среде донского казачества). Центр семиосферы (русская литература и поэзия в частности) в XIX в. обладал богатым набором средств для создания литературного произведения, и периферия (творчество донских казаков) пыталась этот набор понять и присвоить, тем более что между русскими поэтами и донскими казаками не было языкового различия. Однако при этом донской край как специфическое культурное пространство в это время еще не был в полной мере освоен самой русской поэзией, а на 1831 г., когда написано два публикуемых нами стихотворения, русской литературой не было разработано и литературной модели, соответствующей реальной роли автора этих стихотворений (русский офицер и польский пленник). В результате представители периферии пытались использовать наработки русской литературы для своего творчества – но их уровень образования мог быть недостаточен для адаптации существующих образов к принципиально иной ситуации, а таланта могло не хватать для конструирования новых образов, и поэтому часть созданных в итоге нарративов представляла собой набор клише, не только абсолютно вторичных, но и порой несоответствующих описываемому предмету (так, не освоенный русскими поэтами донской пейзаж описывается как хорошо знакомый русским поэтам пейзаж среднерусский – без степи, но с некими горами). В то же время сам выбор клише и попытка использовать их для описания донских деталей (например, героев – Ермака и М. Г. Власова) демонстрируют, как провинциальные авторы пытаются освоить семиотическую систему ядра, не создавая на ее базе собственной семиотической системы.

³⁷ Лотман Ю. М. О семиосфере // Лотман Ю. М. Избранные статьи в трех томах. Т. I. Таллин, 1992. С. 17.

№ 1

<Без названия>

Любимец Муз! Любимец и людей!
Ты лирою своей
Все чувства сердца известил!
Возвысил! Удивил!
И мыслию паря в туманну даль мечты
Ты доказал, что сущность суеты!
Твои стихи: и басни, и посланья,
И эпиграммы, и подражанья,
И мыслей выраженье
Душе восторг; а сердцу – утешенье.
Как солнце яркое в лугах,
Как витязь правый в небесах –
Восторг дарит собою!
Так ты своею лирой золотою
Даришь чувствительных строкою!
Кто, их прочтя, не тронется порою?
На крыльях поэзии святой
Летаешь ты кудрявою мечтой!
В край мыслей, вдохновений,
И вымыслов, и воображений!
И, как орел, кружась в облаках
То вниз опустишься, то снова в небесах!
Так ты своею лирой молодою
Раз басенкой даришь;
Поешь идиллию; порою –
С Гомером в облаках паришь
На крыльях вымысла святого;
Или, чтоб друга дорогого
В часы свободные занять,
Послание свое даешь ему читать!
Красавицам – романсы посвящаешь;
На злых – сатирую кидаешь;
За чашею вина – ты Вакха воспеваешь;
Для добрых – пишешь мадригалы;
Для выпренных – чтобы читать престался,
Ты колку басенку в сюрпризе присылаешь;
Меня же, Автора плохого – напоказ

Ты эпиграммами закидаешь как раз!
Но я, ценя твои таланты и мечтанья,
Неопытной струной,
Из-за кулис, к тебе порой –
Твержу хоть слабое послание!
<неразборчивая подпись>

26 февраля 1831

Вольборж

ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 21–22.

№ 2

И. С. Ульянову

Благодарю тебя, Младой Поэт!
За слово доброе, за твой привет!
Ты разочарованным пером
Раскрасил мне минувши годы,
Когда попы у стоп Венериных, тайком,
Несли дань должную Природы!
Ты неприметно дал мне знать,
Что все в сем мире исчезает!...
И всяк, кто завтра думает играть,
Тот часто утром умирает!
Были народы, царства, троны,
И Августы, и Цицероны!..
Были!.. но где теперь?.. их нет!..
Так, милый друг, весь свет –
Ничто иное, как рынок иль базар,
Где каждый свой товар
Иль продает, иль покупает,
Иль выгодно меняет!
И для чего? Чтоб прибыль всю оставить для других.
Себе же что? Земли лишь шаг, четыре доски,
И дружества простого слезки,
И сожаления родных!
Что ж жизнь? С спокойствием не знаясь!
Что жить? Раз плакать, два смеяться!
Любить? На время забываться!
Все света наслаждения,
Забавы, упоенья,

Один лишь миг нас занимают,
Блеснут на миг и вмиг исчезают!
Мы ловим жадными руками
Пустого мира суеты,
Надежды, счастья и мечты!
Мы ловим их – они за нами!
Теряем их – они пред нами!
И время тяжкими крылами,
Влеча с собою веки, годы,
Царей, их царства и народы –
Бросает все в отрасль забвенья
Без возвращенья!
И лишь потомок дальний, в семье родной,
Прочтя историю, быть может, хоть порой
Почтит прах дедовский слезой,
Как мы, о родине вздыхая,
И славу оной вспоминая,
Не раз с сердечным состраданьем
Родит мечты воспоминаньем!
И дума прежних лет
Как нечто чудное, святое,
В душе у нас всегда живет!
Людей то чувство неземное!
Скажи, когда без содроганья
Ты вспомнил родину свою?
Когда слезою упованья
Не омочил ты грудь свою?
При виде гор, тебе знакомых,
Для чувств души уже не новых!
При виде рек, полей, холмов,
Кудрявых рощей и лесов?
Где гордый Дон луга родит?
Где солнце ярче золотит
Верха церквей, пушистых гор?
Где дружеский табор
За чашею вина, нередко под стрелами,
Забыв опасности, с открытыми сердцами –
О Ермаке, о славе предков говорит!
А, между тем, в истории людей –
И добродетелью, и доблестью своей

Страницы новые невидимо творит!
 Как мила даже тень нам родины святой!
 Там гробы прадедов! там их дела сокрыты!
 Там мавзолеи их, в сердцах сородичей изрыты!
 Там наша радость, счастье и покой!
 Любовь к Отечеству с пелен мы получаем,
 И пасмурных стогов за рай земной не променяем!
 Росс любит край, царя и честь!
 Другьям рука! К врагам же месть!
 Но, Милый Друг! вредить не можем мы врагам;
 Мы пленники! Что делать нам?
 Вино пенисто запивать;
 А чтоб себя хоть чем-нибудь занять,
 Давай же взапуски послания писать!
 <неразборчивая подпись>

2–14 марта 1831 г.

Вольборж

ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 23–24 об.

№ 3

Воспоминания 5-го августа 1831 года³⁸

Взошла и скрылася за облака луна,
 Нигде ни звездочки, все тучи;
 Кругом глухая тишина
 Объяла поле; лес дремучий
 Насупился и шепот притаил,
 Как бы страшась прервать покой могилы
 Недавно падших в битве воев
 Достойной смертию героев...
 За ним вдали багровой полосой
 Простерлось зарево над авангардным станом,
 И от цепи передовой,
 Расположенной над курганом,
 Порою слышится: то чуткий пырх коня,
 То сабли стук неосторожной;
 Или мелькнет против огня

38 Дня, в который совершенно разбит и уничтожен польский отряд, состоящий из 2-х батальонов пехоты и 8 эскадронов кавалерии, подкрепленных 2-ми орудиями. Дело произошло неподалеку от Варшавы при с. Мациержице (прим. авт.).

Разъезда поиск бездорожный,
В котором два донские казака,
Вперед уставив пистолеты
И пики опустив слегка,
Высматривают все приметы
Движений хитрого врага.
Удостоверив хитрым взором
В тиши на поле боевом,
Они занялись разговором
О битве, совершенной днем.
Один из них: Ну, это дело
Одно из лучших наших дел
В сию кампанию! Тут смело
Нам в первый раз поляк хотел
Противустать на чистом поле,
Всегда скрываясь дотолле
Лишь по лесам, как дикий зверь,
Но гибель мятежу назначена судьбою!
Как будто вижу я теперь
Мятежный фронт перед собою:
Он гордо шел; сомкнутый строй
Его уланских эскадронов
На флангах двух баталионов
Казался тучей громовой.
Заманивая отступленьем
На поле далее врагов,
Мы растянулись за селеньем,
Как стая быстрая орлов,
Пред нами вождь наш, Власов смелый,
В боях воин поседелый:
Его бестрепетная длань
Не раз вела полки на брань,
Указывая путь к победам;
Австрийцам, галлам, туркам, шведам
Она известна, и Кавказ
Уж трепетал от ней не раз.
Давно брега Кубани быстрой³⁹

39 Это относится к 1821 году, в котором генерал Власов, управляя войском Черноморским, октября 3-го с четырьмястами казаков совершенно разбил

Облились кровию багристой,
Где гор отважные сыны
Им были в прах разгромлены?
И нам страшиться ли сармата?
И нам ли от него бежать?
Пусть он изведает опять
Удар казачьего булата!
Так мысля, каждый пламенел
Скорей дать пир кровавой мести
Иль умереть на поле чести;
Но мудрый вожь на все смотрел
Спокойным оком, замечая
Врага движенье, силы цель.
Вокруг нас пули так, как хмель
На новобрачных, но, питая
В груди непогасимый жар,
Врагу готовил он удар
В тиши; тот занял уж селенье
И пушечный огонь открыл,
Не зная точно наших сил.
Мы прекратили отступление
И слились каменной стеной,
Тогда нам опытный герой,
Составив лаву боевую⁴⁰
Из четырех донских полков,
Начал атаку фланговую,
В намереньи принять с боков.
Как моря грозного валы,
Вздымаясь до небес буграми,
Несутся с ревом – и скалы
Их вторят гул между горами,
Так лава быстрых казаков
Вдруг ринулася на врагов.
Готовясь к твердому отпору,
Мятежники тотчас тройной

и потопил в калуском лимане с лишком трехтысячную толпу закубанских народов, ворвавшуюся в предел войска для грабительства (*прим. авт.*).

40 Лава есть национальное выражение донских казаков; оно значит открытый фронт казачьих войск, коим они идут в атаку в одну или две линии (*прим. авт.*).

Противпоставили нам строй
И дали залпом, но не в пору
Отчаянный огонь их был,
Он больше нас воспламенил:
Напрасно яростные рвутся
Расстроить центр донских полков,
Их все усилья средь рядов
Везде бесплодно остаются,
Везде им встреча: смерть и страх!..
Меж тем в тылу на высотах
У нас уланы показались
И на пехоту их помчались,
Приняв на фронт ее; она,
Атакой быстрой смущена,
В каре колеблется, мятется,
Два раза пробует огнем
И в руки русским достается,
Не устояв пред их мечом.
Так бури яростной дыханье
В миг рушит начатое зданье,
Так Дон, разлившийся весной,
Все губит жадною волной.
Узрев пехоты поражение –
Опоры главной польских сил, –
Вся конница их, давши тыл,
Лишь в бегстве ждет себе спасенья.
Увы! напрасен их побег:
Заране зная свой успех
Казачья лава окружила
Мятежников с боков и тыла.
Что может ей противустать
В напоре одиночной схватки?
Обезоружить, разобрать
Толпы расстроенной остатки –
То было дело двух минут:
Все покорилося русской силе....

.....
.....
.....

Так днем кипела битва тут,
И вот все тихо, как в могиле,
Как будто тишины никто не нарушал...
Но что мелькнуло в отдаленье,
За лесом, там, на возвышеньи?
Между ветвей огонь струею пробежал,
То, верно, блеск ружейной вспышки.
Ждя выстрел... пики взяв подмышки,
Кзаки медленной стопой
По-над опушкой потянулись,
Назад еще раз оглянулись
И скрылись в темноте ночной.

ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 765. Л. 1–7.

Источники и литература

Государственный архив Ростовской области (ГАРО).

Вацууро В. Э. Лирика пушкинской поры. Элегическая школа. СПб.: Наука, 1994. 240 с.

Донцы XIX века. Ростов н/Д: Новый Бизнес, 2003. 599 с.

Карасев А. А. Записка князя А. М. Дондукова-Корсакова о Земле Войска Донского // Русский архив. 1896. Кн. 12. С. 569–591.

Лотман Ю. М. О семиосфере // Лотман Ю. М. Избранные статьи в трех томах. Т. I. Таллин: Александра, 1992. 479 с.

Номикосов С. Ф. Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск: Обл. Войска Донского тип., 1884. 774 с.

Поплавская И. А. Формирование теории жанра послания в русской эстетике и критике // Проблемы метода и жанра. Вып. 13 / отв. ред. Ф. З. Канункова. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1986. С. 104–119.

Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. II. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1887. 821 с.

Проданик Н. В. Русская лирика золотого века: диалоги поэтов о скуке и книгах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 5 (35). Ч. I. С. 144–147.

Протасова Н. В. Динамика развития жанра послания в русской поэзии первой трети XIX века // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 1 (40). С. 204–208.

Пузыревский А. К. Польско-русская война 1831 г. Т. I. СПб.: Воен. тип., 1890. 440 с.

Скибин С. М. Батальная лирика Д. В. Давыдова // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2021. № 1. Т. 1. С. 41–49. DOI: 10.51965/2076-7919_2021_1_1_41

Ульянов И. С. Записки И. С. Ульянова <Часть I> // Сборник Областного войска Донского статистического комитета. Вып. II. Новочеркасск: Частная Донская тип., 1901. С. 60–95.

Ульянов И. С. Записки И. С. Ульянова <Часть II> // Сборник Областного войска Донского статистического комитета. Вып. III. Новочеркасск: Частная Донская тип., 1902. С. 53–81.

References

Dontsy XIX veka. Rostov-on-Don: Novyi Biznes, 2003, 599 p.

Lotman, Yu. M. “O semiosfere.” *Lotman Yu. M. Izbrannye stat'i v trekh tomakh*. Vol. I. Tallin: Aleksandra, 1992, 479 p.

Poplavskaya, I. A. “Formirovanie teorii zhanra poslaniia v russkoi estetike i kritike.” *Problemy metoda i zhanra*, Issue 13, ed. by F. Z. Kanunkova. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1986, pp. 104–119.

Prodanik, N. V. “Russkaia lirika zolotogo veka: dialogi poetov o skuke i knigakh.” *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2014, no 5 (35), part I, pp. 144–147.

Protasova, N. V. “Dinamika razvitiia zhanra poslaniia v russkoi poezii pervoi treti XIX veka.” *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta*, 2014, no 1 (40), pp. 204–208.

Skibin, S. M. “Batal'naia lirika D. V. Davydova.” *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva*, 2021, no 1, Vol. 1, pp. 41–49. DOI: 10.51965/2076-7919_2021_1_1_41

Vatsuro, V. E. *Lirika pushkinskoi pory. Elegicheskaia shkola*. St Petersburg: Nauka, 1994, 240 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.22

A. Yu. Peretyatko

Poems by Don Amateur Poets Related to the November Uprising of 1830–1831: Substituting Reality with Literary Clichés

Artyom Yu. Peretyatko

Candidate of History, head of the science laboratory

South Federal University

344006, B. Sadovaya Street 105/42, Rostov-on-Don, Russian Federation

E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2779-2223

Citation

Peretyatko A. Yu. Poems by Don Amateur Poets Related to the November Uprising of 1830–1831: Substituting Reality with Literary Clichés // *Slavic Almanac*. 2026. No 1–2. P. 388–409 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.22

Received: 01.10.2024.

Revised: 06.03.2025.

Accepted: 17.03.2026.

Acknowledgements

The research was supported by the Strategic Academic Leadership Program of the Southern Federal University (“Priority 2030”).

Abstract

This article and the accompanying historical sources — two epistles by an anonymous Cossack author written in Polish captivity in 1831 and addressed to a fellow captive, I. S. Ulyanov, and a poem by an anonymous Don author about a clash between Cossacks and Poles at Macierzysz on August 5, 1831 — examine the influence of 19th-century Russian poetry on provincial amateur writers. Both Ulyanov’s own works and the epistles addressed to him demonstrate the authors’ clear familiarity with contemporary Russian literature and their active attempts to incorporate its characteristic imagery, ideas, and direct poetic citations into their own writing. At the same time, these borrowed elements tend to be simplified into commonplaces, often applied inappropriately. Consequently, the published poems illustrate a model of interaction between the periphery and the core of the semiosphere: actors at the periphery attempt to utilize concepts from the core to describe new and relevant subjects, yet prove unable to either adapt existing imagery or create original ideas. The resulting texts consist of secondary clichés, many of which do not correspond to the reality described (for example, the Don steppe is depicted as a land of “fluffy mountains”).

Keywords

Don Cossacks, amateur poetry, November Uprising of 1830–1831, literary clichés, imitations, I. S. Ulyanov.

УДК 93/94

Л. В. Мольнар

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.23

Пал Дьёндьёши, лейб-медик Екатерины II (История карьеры венгерского врача)

Мольнар Ласло В.

PhD, независимый исследователь

Будапешт, Венгрия

E-mail: vmolnar@freemail.hu

ORCID: 0009-0007-4714-7658

Цитирование

Мольнар Л. В. Пал Дьёндьёши, лейб-медик Екатерины II (История карьеры венгерского врача) // Славянский альманах. 2026. № 1–2. С. 410–422. DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.23

Статья поступила в редакцию 14.11.2025.

Рецензирование завершено 12.02.2026.

Статья принята к публикации 17.03.2026.

Аннотация

Предлагаемая статья продолжает серию работ автора по истории российско-венгерских научных связей в XVIII – начале XIX вв. В настоящей статье предпринята попытка показать жизненный путь Пала Дьёндьёши, известного врача, в 1760-е гг. служившего придворным лейб-медиком при дворе Екатерины II. Дьёндьёши происходил из протестантской семьи, был сыном известного в Венгрии кальвинистского пастора, вступившего в конфликт с властями и вынужденного покинуть владения Габсбургов. Получив не только богословское, но и медицинское образование в Голландии, он стал в 1750-е гг. европейски известным медиком. Приглашенный в 1753 г. в Россию, он служил врачом в Санкт-Петербургском военно-морском госпитале, Морском кадетском корпусе, разработал проект реформирования медицинского образования в России. В 1763 г. он был приглашен занять пост придворного лейб-медика. В статье показан круг его общения в Петербурге, включавший представителей российской государственной и интеллектуальной элиты своего времени. Будучи прежде всего медиком, Дьёндьёши вместе с тем с молодых лет всерьез интересовался языками и культурами народов Ближнего Востока, изучал в Лейдене восточные языки у одного из крупных ориенталистов XVIII в. Алберта Схюлтенса.

Интерес к восточным языкам и культурам сблизил его в Петербурге с известным историком и филологом Августом Людвигом Шлёцером, также состоявшим в 1760-е гг. на русской службе.

Ключевые слова

Пал Дьёндьёши, история венгерской медицины, эмпирическая медицина, медицинские науки в России, «венгерцы» в русской службе.

Пал Дьёндьёши был первым среди венгерских врачей, покинувших родину в XVIII в. ради карьеры в Российской империи. Его возвышение в качестве придворного лейб-медика и последующие жизненные неудачи не раз становились предметом рассмотрения, прежде всего в работах Э. Шультейса и Л. Тарди, посвященных истории русско-венгерских медицинских связей¹. В 2016 г. в Ижевске была опубликована посвященная ему статья А. В. Егорова, также заполняющая ряд лакун биографии венгерского врача². Нельзя, однако, сказать, что все этапы его жизненного пути изучены с одинаковой полнотой и все источники введены в научный оборот. Более того, до сих неизвестны дата и место его кончины, что, конечно, не позволяет считать предмет исследования исчерпанным.

Дьёндьёши происходил из протестантской (кальвинистской) семьи, подвергавшейся гонениям со стороны венского католического клира. Его отец, Пал Дьёндьёши старший, родился в городе Дьёндьёш (от этого топонима происходит фамилия всего рода) в 1668 г. По окончании знаменитого Дебреценского реформатского колледжума, существующего и поныне, он изучал богословие в Франкфурте-на-Одере,

¹ См.: *Чистович Я. А.* Очерки из истории русских медицинских учреждений XVIII столетия. СПб., 1870; *Magyary-Kossa Gy.* Adatok Gyöngyössi Pál életéhez // *Orvosi Hetilap.* Budapest, 1938. 839–841. old.; *Schultheisz E., Tardy L.* Gyöngyössi Pál archiater és Platon Levsin // *Orvostörténeti Könyvtár Közleményei.* № 50. Budapest, 1969. 13–22. old.; *Schultheisz E., Tardy L.* Paul Gyöngyössi, ein vergessener Boerhaave-Schüler // *Janus.* Leyden, 1964. S. 151–159; *Schultheisz E., Tardy L.* Fejezetek az orosz-magyar orvosi kapcsolatok múltjából. Budapest, 1960. 41–57. old.; *Шультейс Э., Тарди Л.* Главы из истории русско-венгерских медицинских связей. М., 1976. С. 59–80; *Schultheisz E.* Gyöngyössi Pál, orvos és filológus // *Az orvoslás kultúrtörténetéből.* Budapest; Piliscsaba, 1997. 240–243. old.

² *Егоров А. В.* Забытые страницы из истории российско-венгерских научных связей в эпоху Просвещения: Пал Дьёндьёши // *Ежегодник финно-угорских исследований.* Т. 10. Вып. 4. Ижевск, 2016. С. 102–108.

потом в Галле, Йене и Виттенберге, посетил также Утрехт, Оксфорд и Кембридж. Докторскую степень теолога получил в 1700 г. во Франкертском университете (Голландия)³. Когда этот высокообразованный человек, во время многолетних путешествий ознакомившись с целым рядом западноевропейских стран, вернулся в Венгрию, на пограничном пункте габсбургских владений иезуиты конфисковали его библиотеку, насчитывавшую 600 томов, содержавших основополагающие сочинения протестантской теологии. После длительного, продолжавшегося целый год судебного процесса, благодаря ходатайству посла Великобритании в Вене, ученому пастору вернули подавляющую часть его книг, однако 130 томов иезуиты сожгли по приказу всемогущего и непримиримого к протестантизму кардинала Леопольда (Липота) Коллонича – эти произведения были сочтены скандальными, оскорбляющими Его Величество императора, кайзера, развращающими нравы⁴.

С 1701 и вплоть до 1709 г. Дьёндьёши занимал должность пастора реформатской (кальвинистской) общины в небольшом городе Деречке. Именно в этом местечке 26 апреля 1707 г. и родился его первый ребенок, Пал Дьёндьёши младший, ставший спустя несколько десятилетий известным всей Европе врачом. Наряду с любовью к науке он унаследовал от отца и самолюбивую и даже несколько чудаковатую натуру, что создавало ему в жизни лишние проблемы.

Одаренный, но неуживчивый, не признававший никакой верховной власти над собой отец, Пал Дьёндьёши старший, завязал конфликт с вышестоящим церковным иерархом, реформатским епископом Яношем Кочи Черге – поводом послужил меткий, но весьма обидный пасквиль. С подачи епископа реформатский церковный синод лишил его пасторского сана. После этого Дьёндьёши старший обратился за поддержкой к трансильванскому князю Ференцу Ракоци II, вождю вооруженной Освободительной борьбы венгров против Габсбургов 1703–1711 гг. Князь, сам принадлежавший, как и все его окружение, к той же вере, настоял на том, чтобы синод пересмотрел свое решение. Но Деречке ему всё же пришлось покинуть. Три года Дьёндьёши старший не мог нигде служить, тем временем скончалась его жена. В конце концов гонимый священник устроился в городе

³ Список научных трудов Пала Дьёндьёши старшего см.: *Catalogus librorum Pauli Gyöngyössi*. Leyden, 1754.

⁴ *Révész K. Gyöngyössi Pál, 1666–1743 // Magyar protestáns egyháztörténeti monographiák* I. Budapest, 1898. 59–94. old.

Кашша (ныне Кошице, Словакия) на должность учителя, а затем получил и свой приход как священник. Эти годы тоже не принесли ему покоя, так как в этом крупном городе Верхней Венгрии не прекращались гонения властей на протестантов, религиозная нетерпимость пронизывала всю повседневную жизнь.

Испытания продолжались и дальше. В 1724 г. гостивший в доме Дьёндьёши венгерский студент, обучавшийся в университете в Нидерландах, сочинил очень едкий антикатолический пасквиль, а один недоброжелатель, переписав его на обратных сторонах старых квитанций, принадлежавших Дьёндьёши, приклеил этот текст к постаменту католической статуи Девы Марии, поставленной в Кашше в 1723 г. Разразился совершенно грандиозный скандал, причем власти получили основания приписать этот богохульный, кощунственный поступок местному кальвинистскому пастору, а именно Дьёндьёши. Иезуиты требовали сжечь «виновника» на костре. Суд по их требованию вынес смертный приговор, но в результате ходатайства влиятельных и при этом лояльных властям дворян-протестантов (среди них семейства Радаи) его заменили пожизненной высылкой.

Проведя почти год в заключении и выйдя на свободу, пастор был вынужден переселиться с семейством в германские земли, на место своих первых университетских штудий, в Франкфурт-на-Одере, где вскоре получил назначение на кафедру богословского факультета. Старший сын, Пал, которому к тому времени исполнилось 20 лет, уже выпускник Дебреценского коллегиума, присоединился к родным в 1727 г.

Младший Дьёндьёши в том же году поступил на богословский факультет, а через три года уже было опубликовано его первое научное сочинение, диссертация. Хотя она и относилась к области богословия, но свидетельствовала также об интересе автора к филологическому знанию⁵. Отправившись осенью 1731 г. в Нидерланды, он изучал в Лейденском университете среди прочего арабскую и семитскую филологию и культуру, а также восточные языки под руководством европейски известного профессора Алберта Схюлтенса (1686–1750). Благодаря наставлениям этого знаменитого, блистательного ученого Дьёндьёши прекрасно успевал в овладении арабским, арамейским и еврейским языками, одновременно совершенствуя свои знания в латыни, древнегреческом и голландском языках. Юный полиглот сумел завоевать себе признание своего профессора, пригласившего его вести занятия

5 *Gyöngyössi P. Chorea castrorum sub tessere Gedeonis militari. Frankfurt am Oder, 1730.*

для студентов в должности ассистента, а потом и доцента. В 1748 г. Дьёндьёши защитил в Лейдене диссертацию по арабской филологии, в которой развивал идеи своего учителя Схюлтенса⁶.

Занимаясь филологическими штудиями, Дьёндьёши одновременно приступил в Лейдене к изучению медицины под началом одного из наиболее известных лекарей своей эпохи Германа Бургаве (1668–1738)⁷. Между наставником и его учеником не только существовали тесные профессиональные контакты, но складывались хорошие, вполне дружеские человеческие отношения, основанные на взаимном уважении⁸. Правда, в Лейдене не обошлось и без конфликта. Дьёндьёши не отличался пуританством, довольно разгульный образ жизни венгра вызывал недовольство влиятельных в университете людей, и в результате ему пришлось покинуть город⁹. Свое медицинское образование он завершил в менее престижном Хардервейкском университете, известном, впрочем, своими демократическими традициями, там же в 1753 г. успешно защитил свою диссертацию под названием «*De empiricis remediis*» («Об эмпирическом врачевании»). Одним из оппонентов выступал авторитетный врач-практик Йоханнес де Гортер (1689–1762). Довольно высокий уровень данного трактата подтверждается тем фактом, что он был опубликован в 1760 г. Альбрехтом фон Галлером в знаменитой серии сочинений по медицине¹⁰.

В первой главе диссертации была изложена история эмпирической и практической медицины с глубокой древности (времен Гиппократа) вплоть до середины XVIII в., отмечен конкретный вклад, который те или иные крупные медики (включая У. Гарвея, Парацельса и более поздних) внесли в лечебное дело своими нововведениями, касающимися как диагностики, так и лечения тех или иных болезней¹¹.

6 *Schultens A. Origines hebraeae sive hebr. linguae antiquissima natura et indoles. Franeker, 1761.*

7 О его научной и врачебной деятельности см.: *Lindeboom G. A. Herman Boerhaave. The Man and His Work. London, 1968; Lindeboom G. A. Bibliographia Boerhaaviana. Leyden, 1959; Luyendijk-Elshout A. M. et al. Walking with Boerhaave. Leiden, 1994.*

8 См.: *Schultheisz E., Tardy L. Paul Gyöngyössi... S. 151–159.*

9 *Schultheisz E., Tardy L. Fejezetek... 48. old.*

10 *Schultheisz E., Tardy L. Paul Gyöngyössi... S. 154.* Стоит обратить внимание, что в этом же университете 26 апреля 1651 г. защитил свою докторскую диссертацию под названием «*Disputatio theologica inauguralis de primi hominis apostasia*» Янош Апацаи Чере, выдающийся венгерский, трансильванский богослов-кальвинист, автор первой венгерской энциклопедии, крупный деятель эпохи венгерского Просвещения и участник пуританского движения.

11 *Schultheisz E., Tardy L. Paul Gyöngyössi... S. 154–155.*

Во второй главе были оценены возможности использования ртути в лечебных целях, описан механизм ее целебного действия при лечении сифилиса и ряда других болезней. Автор ссылаясь и на клинический опыт своего современника (известного врача, работавшего несколько лет и в России) Йоганна Фридриха Шрейбера (1705–1760), использовавшего ртуть при лечении чумы¹².

Весной 1753 г. по рекомендации Абрахама Бургав-Каау (племянника упомянутого Германа Бургаве), известного медика, получившего диплом в Лейдене и долгие годы потом проработавшего в России, Дьёндьёши был приглашен в Российскую империю. Он подписал контракт на пять лет, содержавший весьма заманчивые условия – ему было гарантировано возмещение путевых расходов на 100 рублей и предложено ежегодное жалование в 600 рублей¹³. Такая сумма действительно могла показаться соблазнительной, поскольку она в 4–5 раз превышала тогдашнюю зарплату главного врача одного из венгерских комитатов.

Первым рабочим местом Дьёндьёши в России стал Санкт-Петербургский военно-морской госпиталь, где раньше практиковал А. Бургав-Каау, уступивший ему свое место. Венгерский медик, сразу продемонстрировавший высокую компетентность, с энтузиазмом приветствовал указ Сената Российской империи от 5 февраля 1754 г., согласно которому самые продвинутые в профессиональном отношении специалисты врачебного состава военных и военно-морских госпиталей должны были заниматься и преподавательской деятельностью. Дьёндьёши внес свой вклад в подготовку первых поколений российских врачей, а в июле 1757 г. выступил с инициативой реформирования системы медицинского образования, разработав для Медицинской коллегии детальный проект¹⁴. Им была предложена программа обучения врачей, предполагавшая их знакомство с новейшей по тому времени медицинской литературой, включая работы его учителя Г. Бургаве, классический труд по физиологии Б. З. Альбинуса¹⁵, учебник патологии И. Д. Гаубиуса¹⁶ и др. Поданный Дьёндьё-

12 *Schreiber J.* In Libello de Peste. Petropoli, 1741.

13 *Чистович Я. А.* Очерки из истории... С. 154. См. также: *Палкин Б. Н.* Русские госпитальные школы XVIII века и их воспитанники. М., 1959.

14 *Ковригина В. А., Сысоева Е. К., Шанский Д. Н.* Медицина и здравоохранение // Очерки русской культуры XVIII века / под ред. Б. А. Рыбакова. Ч. 3. М., 1988. С. 79–80. О деятельности Медицинской коллегии см.: *Мирский М. Б.* Медицина в России XVI–XIX веков. М., 1996.

15 *Albinus B. S.* Historia musculorum corporis humanae. Leyden, 1734.

16 *Gaubius H.* Institutiones pathologiae medicae. Leyden, 1758.

ши проект был принят Медицинской коллегией без всяких изменений, а с сентября 1758 г. он был премирован повышением жалованья на 100 рублей¹⁷.

В следующем году Дьёндьёши выпала честь получить назначение главного врача Морского кадетского корпуса, элитного дворянского учебного заведения. Некоторые служившие здесь медики стали в дальнейшем придворными врачами. Так произошло и в случае с Палом Дьёндьёши, который 31 мая 1763 г. был назначен лейб-медиком Ее Величества императрицы Екатерины II, всего за год до этого пришедшей к власти¹⁸.

Карьера в самом деле складывалась фантастическая: сын некогда гонимого протестантского пастора, не имевший сколько-нибудь влиятельных покровителей, благодаря исключительно своему высокому профессионализму попал в непосредственное окружение одного из самых значительных правителей тогдашней Европы и по сути занял свое место в придворной жизни.

Титул лейб-медика и соответствующее жалованье (800–900 рублей) позволяли Дьёндьёши вести роскошный образ жизни, а в свободные от медицинской практики часы безудержно предаваться своей старой страсти, изучению семитской и арабской филологии и культуры. Благодаря своему увлечению (а по сути, речь шла не о хобби, а о втором профессиональном деле, ведь Дьёндьёши, напомним, был доктором арабской филологии) он подружился с молодым, но впоследствии прославившимся историком и филологом Августом Людвигом Шлёцером (1735–1809), состоявшим в 1760-е гг. на русской службе¹⁹. Ведь Шлёцер в ходе учебы в Гёттингене прошел основательную подготовку как ориенталист у ведущего востоковеда своего времени И. Д. Михаэлиса, в его планы входило посещение Палестины²⁰. Сам Шлёцер тепло вспоминал

17 Чистович Я. А. Очерки из истории... С. 154; Голицына О. Ю. Медицина в культуре России XVIII века. Дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2009. С. 142–143.

18 *Schultheisz E., Tardy L.* Paul Gyöngyössi... S. 158.

19 О важном месте Шлёцера в истории науки см.: *Winter E.* Lomonosov – Schlözer – Pallas. Berlin, 1962; *Warlich B.* August Ludwig von Schlözer (1735–1809) zwischen Reform und Revolution. Erlangen; Nürnberg, 1972; *Hennies W.* Die politische Theorie August Ludwig von Schlözers zwischen Aufklärung und Liberalismus. München, 1985; *Peters M.* Altes Reich und Europa. Der Historiker, Statistiker und Publizist August Ludwig von Schlözer (1735–1809). Münster, 2003; *Biró A.* Nemzetek Erdélyben. August Ludwig Schlözer és Aranka György vitája. Kolozsvár, 2011.

20 О тесных связях Шлёцера и Дьёндьёши упоминает крупнейший востоковед-арабист, переводчик Корана на русский язык академик И. Ю. Крачковский. См.: *Крачковский И. Ю.* Очерки по истории русской арабистики. М.; Л., 1950. С. 49–50.

свое общение с врачом-венгром: «Этот Пал Дьёндьёши был моим лекарем, телесным и духовным, доктор Сухопутного кадетского корпуса, честный венгр, прекрасный человек. Литература Востока для него давно была влюбленностью, как и для меня, ибо в Нидерландах, где он учился, он углублялся в арабский язык, так мы нередко часами разговаривали об этом, прежде чем наш разговор переходил на горячку и рецепты»²¹. Можно только предполагать, вспоминал ли Дьёндьёши в беседах со Шлёцером впечатления своей юности, которая пришлась на эпоху религиозной нетерпимости. Во всяком случае, известный немецкий историк в молодости имел возможность из первых уст осведомляться о положении в Венгрии.

Конечно, нет оснований считать, что Дьёндьёши принадлежал к узкому кругу ближайших доверенных лиц Екатерины II, но благодаря своему положению лейб-лекаря он все-таки был участником и свидетелем событий придворной жизни, ему доводилось возвращаться в благородном обществе, завязывать знакомства с влиятельнейшими особами, к числу его не только пациентов, но и собеседников относились фаворит императрицы граф Григорий Орлов, канцлер Российской империи в 1758–1765 гг. Михаил Воронцов, глава Иностранной коллегии и наставник цесаревича Павла Петровича Никита Панин, сенатор Роман Воронцов, будущий президент Санкт-Петербургской Императорской академии наук Екатерина Дашкова, шеф Тайной экспедиции (по сути политической полиции) Степан Шешковский²². При этом, как и в более молодые годы в Голландии, Дьёндьёши отличался весьма распутным образом жизни. Возраст, однако, давал о себе знать, к концу 1760-х это был уже совсем больной и дряхлый человек, которому не слишком помогали избавиться от запущенного венерического недуга разработанные им самим методы лечения ртутью. Об овладевшей им на склоне лет глубокой меланхолии, амнезии и постепенной утрате работоспособности свидетельствует его земляк и коллега Керестей (Христиан) Пеккен (одно время секретарь

21 На языке оригинала: “Mein Seelen – und Leibesarzt war Paul Gyöngyössi, Arzt beim Landcadettencorps, ein biederer Ungar und vortrefflicher Mann. Orientalische Literatur war auch für ihn, wie für mich, eine alte Liebschaft, denn in Holland, wo er studiert hatte, hatte er sich stark in das Arabische vertieft; also unterhielten wir uns oft stundenlang davon, ehe die Rede auf Fieber und Rezepte kam”. См.: August Ludwig Schlözer’s öffentliches und Privatleben von ihm selbst beschrieben. Göttingen, 1802. S. 171–172.

22 *Российский Д. М.* История всеобщей и отечественной медицины и здравоохранения (996—1954 гг.). Библиография. М., 1956. С. 527–528.

санкт-петербургской Медицинской коллегии) в письме 1769 г., адресованном на родину Иштвану Веспреми, известному и за пределами Венгрии медику-иммунологу²³.

Дата и даже место кончины Дьёндьёши точно неизвестны. Согласно одной из бытующих в литературе версий, он скончался в одиночестве в 1770 г., и это вполне правдоподобно. Однако известные архивные документы о предполагаемом вступлении его венгерских родственников (племянниц) в права наследования относятся только к началу 1790-х – они были поданы в Венгерскую королевскую придворную канцелярию²⁴. Почему это произошло с более чем 20-летним опозданием, трудно сказать. Ведь кажется совсем невероятным, чтобы ушедший в отставку тяжело больной лейб-медик протянул еще два десятилетия.

Бытующая в некоторых старых работах версия о том, что Дьёндьёши были близки идеи Просвещения и что он был чуть ли не «йозефинистом» (сторонником просвещенного абсолютизма), не имеет под собой оснований. Другое дело, что он поддерживал в Петербурге связи с людьми высокообразованными – не только с Паниным, Дашковой, Шлёцером, но и с русскими медиками, как и он, прошедшими подготовку в Лейденском университете, – К. И. Щепиным, П. И. Погорецким²⁵.

Наряду с Яношем Орлаи (Иваном Семеновичем Орлаем), Ференцем (Францем Францевичем) Керестури, Дьёрдьём (Георгием) Коритари, Керестеем (Христианом) и его сыном Матьяшем (Матвеем) Пекеном Пал Дьёндьёши занял свое место в ряду врачей – уроженцев Венгрии, чей высокий профессионализм позволил им не только завоевать достойное положение в российском высшем обществе XVIII – начала XIX вв., но и оставить свой след в истории медицины – как российской, так и венгерской.

23 *Schultheisz E., Tardy L. Gyöngyössi Pál archiater és Platon... S. 18–19.*

24 Magyar Országos Levéltár (Венгерский национальный архив). Magyar Kancellária Levéltára (Архив Венгерской канцелярии). Acta generalia. A-39. Fasc. 14. № 124/1795; Fasc. 16. № 640/1795.

25 *Куприянов В. В. К. И. Щепин – доктор медицины XVIII века. М., 1953. С. 74–75; Волков В. А., Куликова М. В. Московские профессора XVIII – начала XX веков. Естественные и технические науки. М., 2003. С. 74–75.*

Источники и литература

Magyar Országos Levéltár.

Волков В. А., Куликова М. В. Московские профессора XVIII — начала XX веков. Естественные и технические науки. М.: URSS, 2003. 296 с.

Голицына О. Ю. Медицина в культуре России XVIII века. Дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2009.

Егоров А. В. Забытые страницы из истории российско-венгерских научных связей в эпоху Просвещения: Пал Дьёндыёши // Ежегодник финно-угорских исследований. Т. 10. Вып. 4. Ижевск, 2016. С. 102–108.

Ковригина В. А., Сысоева Е. К., Шанский Д. Н. Медицина и здравоохранение // Очерки русской культуры XVIII века / под ред. Б. А. Рыбакова. Ч. 3. М.: Изд-во Московского ун-та, 1988. С. 50–84.

Крачковский И. Ю. Очерки по истории русской арабистики. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 299 с.

Куприянов В. В. К. И. Щепин – доктор медицины XVIII века. М.: Медгиз, 1953. 128 с.

Мирский М. Б. Медицина в России XVI–XIX веков. М.: РОССПЭН, 1996. 376 с.

Палкин Б. Н. Русские госпитальные школы XVIII века и их воспитанники. М.: Медгиз, 1959. 274 с.

Российский Д. М. История всеобщей и отечественной медицины и здравоохранения (996–1954 гг.). Библиография. М.: Медгиз, 1956. 938 с.

Чистович Я. А. Очерки из истории русских медицинских учреждений XVIII столетия. СПб.: Тип. Я. Трея, 1870. 416 с.

Шультейс Э., Тарди Л. Главы из истории русско-венгерских медицинских связей. М., 1976. С. 59–80.

Albinus B. S. Historia musculorum corporis humanae. Leyden: Leidae Batavorum, 1734.

August Ludwig Schlözer's öffentliches und Privatleben von ihm selbst beschrieben. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht Verlag, 1802. 306 S.

Bíró A. Nemzetek Erdélyben. August Ludwig Schlözer és Aranka György vitája. Kolozsvár: Erdélyi Múzeum Egyesület, 2011. 350. o.

Catalogus librorum Pauli Gyöngyössi. Leyden, 1754.

Gaubius H. Institutiones pathologiae medicales. Leyden: S. et J. Luchtmans, 1758. 493 p.

Gyöngyössi P. Chorea castrorum sub tessere Gedeonis militari. Frankfurt am Oder, 1730.

Hennies W. Die politische Theorie August Ludwig von Schlözers zwischen Aufklärung und Liberalismus. München: Tuduv-Verlagsgesellschaft, 1985. 301 S.

- Lindeboom G. A.* Bibliographia Boerhaaviana. Leyden: E. J. Brill, 1959. 106 p.
- Lindeboom G. A.* Herman Boerhaave. The Man and His Work. London: Methuen, 1968. 452 p.
- Luyendijk-Elshout A. M. et al.* Walking with Boerhaave. Leiden: Caecilia Stichting, 1994. 107 p.
- Magyary-Kossa Gy.* Adatok Gyöngyössi Pál életéhez // Orvosi Hetilap. Budapest, 1938. 839–841. o.
- Peters M.* Altes Reich und Europa. Der Historiker, Statistiker und Publizist August Ludwig von Schlözer (1735–1809). Münster: LIT Verlag, 2003. 527 S.
- Révész K.* Gyöngyössi Pál, 1666–1743 // Magyar protestáns egyháztörténeti monographiák I. Budapest, 1898. 59–94. o.
- Schultens A.* Origines hebraeae sive hebr. linguae antiquissima natura et indoles. Franeker: Lugduni Batavorum, 1761. 734 p.
- Schultheisz E.* Gyöngyössi Pál, orvos és filológus // Az orvoslás kultúrtörténetéből. Budapest; Piliscsaba: Magyar Történettudományi Intézet, 1997. 240–243. o.
- Schultheisz E., Tardy L.* Fejezetek az orosz-magyar orvosi kapcsolatok múltjából. Budapest: Medicina, 1960. 41–57. o.
- Schultheisz E., Tardy L.* Gyöngyössi Pál archiater és Platon Levsin // Orvostörténeti Könyvtár Közleményei. № 50. Budapest, 1969. 13–22. o.
- Schultheisz E., Tardy L.* Paul Gyöngyössi, ein vergessener Boerhaave-Schüler // Janus. Leyden, 1964. S. 151–159.
- Schreiber J.* In Libello de Peste. Petropoli, 1741.
- Warlich B.* August Ludwig von Schlözer (1735–1809) zwischen Reform und Revolution. Erlangen; Nürnberg: Friedrich-Alexander Universität, 1972. 535 S.
- Winter E.* Lomonosov – Schlözer – Pallas. Berlin: Akademie Verlag, 1962. 368 S.

References

- Bíró, A. *Nemzetek Erdélyben. August Ludwig Schlözer és Aranka György vitája.* Kolozsvár: Erdélyi Múzeum Egyesület, 2011, 350 p.
- Egorov, A. V. “Zabytye stranitsy iz istorii rossiisko-vengerskikh nauchnykh svi-azei v epokhu Prosveshcheniia: Pal Gyöngyössi.” *Ezhagodnik finno-ugorskikh issledovanií*, vol. 10, issue 4. Izhevsk, 2016, pp. 102–108.
- Golitsyna, O. Yu. *Meditsina v kul'ture XVIII veka: diss. ... kand. istorich. nauk.* Volgograd, 2009, 165 p.
- Hennies, W. *Die politische Theorie August Ludwig von Schlózers zwischen Aufklärung und Liberalismus.* München: Tuduv-Verlagsgesellschaft, 1985, 301 p.

Kovrigina, V. A., Sysoeva, E. K., Shanskiy, D. N. "Meditsina i zdavookhranie." *Ocherki istorii russkoi kul'tury XVIII veka*, ed. by B. A. Rybakov. In 4 vols. Vol. 3. Moscow: Moscow State University, 1988, pp. 50–84.

Krachkovskii, I. Yu. *Ocherki po istorii russkoi arabistiki*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1950, 299 p.

Kupriianov, V. V. K. I. *Schepin – doctor meditsiny XVIII veka*. Moscow: Medgiz, 1953, 128 p.

Lindeboom, G. A. *Bibliographia Boerhaaviana*. Leyden: E. J. Brill, 1959, 106 p.

Lindeboom, G. A. *Herman Boerhaave. The Man and His Work*. London: Methuen, 1968, 452 p.

Luyendijk-Elshout, A. M. et al. *Walking with Boerhaave*. Leiden: Caecilia Stichting, 1994, 107 p.

Magyary-Kossa, Gy. "Adatok Gyöngyössi Pál életéhez." *Orvosi Hetilap*. Budapest, 1938, pp. 839–841.

Mirskii, M. B. *Meditsina v Rossii XVI–XIX vekov*. Moscow: ROSSPEN, 1996, 376 p.

Palkin, B. N. *Russkie gospi'tal'nye shkoly XVIII veka i ikh vospitanniki*. Moscow: Medgiz, 1959, 274 p.

Peters, M. *Altes Reich und Europa. Der Historiker, Statistiker und Publizist August Ludwig von Schlözer (1735–1809)*. Münster: LIT Verlag, 2003, 527 p.

Révész, K. "Gyöngyössi Pál, 1666–1743." *Magyar protestáns egyháztörténeti monographiák I*. Budapest, 1898, pp. 59–94.

Rossiiskii, D. M. *Istoriia vseobshchei i otechestvennoi meditsiny i zdavookhraniia (996–1954 gg.)*. Bibliografiia. Moscow: Medgiz, 1956, 938 p.

Schultheisz, E. "Gyöngyössi Pál, orvos és filológus." *Az orvoslás kultúrtörténetéből*. Budapest; Piliscsaba: Magyar Történettudományi Intézet, 1997, pp. 240–243.

Schultheisz, E., Tardy, L. *Fejezetek az orosz–magyar orvosi kapcsolatok múltjából*. Budapest: Medicina, 1960, pp. 41–57.

Schultheisz, E., Tardy, L. *Glavy iz istorii russko-vingerskikh meditsinskikh sviazei*. Moscow: Meditsina, 1976, pp. 59–80.

Schultheisz, E., Tardy, L. "Gyöngyössi Pál archiater és Platon Levsin." *Orvostörténeti Könyvtár Közleményei*. Budapest, 1969, no 50, pp. 13–22.

Schultheisz, E., Tardy, L. "Paul Gyöngyössi, ein vergessener Boerhaave–Schüler." *Janus*. Leyden, 1964, pp. 151–159.

Volkov, V. A., Kulikova, M. V. *Moskovskie professora XVIII – nachala XX vekov. Estestvennye i tekhnicheskie nauki*. Moscow: URSS, 2003, 296 p.

Warlich, B. *August Ludwig von Schlözer (1735–1809) zwischen Reform und Revolution*. Erlangen; Nürnberg: Friedrich-Alexander Universität, 1972, 535 p.

Winter, E. *Lomonosov – Schlözer – Pallas*. Berlin: Akademie Verlag, 1962, 368 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.23

L. V. Molnár

**Pál Gyöngyössi, Physician-in-Ordinary to Catherine II:
The Career History of a Hungarian Doctor**

László V. Molnár
PhD, independent researcher
Budapest, Hungary
E-mail: vmolnar@freemail.hu
ORCID: 0009-0007-4714-7658

Citation

Molnár L. V. Pál Gyöngyössi, Physician-in-Ordinary to Catherine II: The Career History of a Hungarian Doctor // *Slavic Almanac*. 2026. No. 1–2. P. 410–422 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.23

Received: 14.11.2025.

Revised: 12.02.2026.

Accepted 17.03.2026.

Abstract

This article continues the author's series on the history of Russian-Hungarian scientific relations in the 18th and early 19th centuries. The article attempts to chart the life of Pál Gyöngyössi, a renowned physician who served as court physician to Catherine II in the 1760s. Gyöngyössi came from a Protestant family and was the son of a prominent Calvinist pastor in Hungary who came into conflict with the authorities and was forced to leave the Habsburg domains. Having received not only a theological but also a medical education in Holland, he became a renowned physician throughout Europe in the 1750s. Invited to Russia in 1753, he served as a physician at the St. Petersburg Naval Hospital and the Naval Cadet Corps, and developed a plan to reform medical education in Russia. In 1763, he was appointed court physician-in-ordinary. This article describes his social circle in St. Petersburg, which included representatives of the Russian state and intellectual elite of his time. Although primarily a physician, Gyöngyössi also developed a keen interest in the languages and cultures of the peoples of the Middle East from a young age. He studied Oriental languages in Leiden with Albert Schultens, one of the leading 18th-century Orientalists. His interest in Oriental languages and cultures brought him into contact in St. Petersburg with the renowned historian and philologist August Ludwig Schlözer, who was also in Russian service in the 1760s.

Keywords

Pál Gyöngyössi, history of Hungarian medicine, empirical medicine, medical sciences in Russia, Hungarians in Russian service.

**«Единая югославянская нация не сформировалась»:
хорваты и сербы Габсбургской монархии
в трудах ученых Института славяноведения РАН**

Дронов Александр Михайлович

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: a.dronov@inslav.ru

ORCID: 0000-0002-7348-5219

Цитирование

Дронов А. М. «Единая югославянская нация не сформировалась»: хорваты и сербы Габсбургской монархии в трудах ученых Института славяноведения РАН // Славянский альманах. 2026. № 1–2. С. 423–456. DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.24

Статья поступила в редакцию 08.12.2025.

Рецензирование завершено 16.02.2026.

Статья принята к публикации 17.03.2026.

Аннотация

В статье рассматривается история изучения сотрудниками Института славяноведения (и балканистики) АН СССР / РАН процессов формирования наций у хорватов и сербов Габсбургской монархии в XIX в. Основное внимание уделено взглядам таких крупных ученых, как С. А. Никитин, И. С. Миллер, В. И. Фрейдзон, Т. М. Исламов, а также их коллег по Институту. С. А. Никитин указывал на необходимость для складывания нации не только единого «национального рынка», но и общего «национального сознания», без которого, по его мнению, не существует «национальной культуры». Теорию И. С. Миллера о важности для формирования нации наличия традиций государственности и национального «ядра» развил В. И. Фрейдзон, который обратил внимание на использование хорватами и сербами идеи «исторического права» народа на самостоятельность, а также аргументов, основанных на естественном праве. Как В. И. Фрейдзон, так и его ученик С. А. Романенко писали о важности религии для складывания хорватской и сербской наций. Если В. И. Фрейдзон и И. В. Чуркина

в работах по истории хорватов и сербов больше внимания уделяли периферии Венгерского королевства, где жили эти народы, то Т. М. Исламов смотрел на процессы в регионе из «центра», в этом была причина дискуссий между учеными.

Ключевые слова

Институт славяноведения РАН, хорваты, сербы, С. А. Никитин, И. С. Миллер, В. И. Фрейдзон, И. И. Лециловская, Т. М. Исламов, И. В. Чуркина, С. А. Романенко.

В отечественной историографии большой вклад в комплексное изучение Габсбургской монархии был сделан сотрудниками Института славяноведения и балканистики АН СССР (затем РАН). Несмотря на то, что ученые были в первую очередь специалистами по истории отдельных государств – наследников Австро-Венгрии, они в ходе научной кооперации пытались, не ограничиваясь своим регионом, взглянуть на монархию в целом. В советское время большую роль в координации исследовательской деятельности сотрудников Института сыграл Научный совет по комплексным проблемам славяноведения и балканистики, созданный директором ИСБ АН СССР Д. Ф. Марковым (занимал эту должность в 1969–1987 гг.). Также важное значение имела проведенная на рубеже 1960–1970-х гг. реорганизация Института с включением в его исследовательский профиль неславянских стран Центральной Европы и Балкан, что создало условия для более полного изучения истории народов в их взаимодействии друг с другом. В данной статье предпринята попытка рассмотрения концепций отечественных ученых, сотрудников Института славяноведения (и балканистики) АН СССР / РАН по проблеме образования наций у хорватов и сербов Габсбургской монархии. Следует заметить, что на исследователей влияла актуальная в годы написания ими научных работ политическая реальность: существование единой социалистической Югославии до 1991 г., а затем ее распад и конфликты на ее бывшей территории. Поэтому сначала историки видели, что восторжествовали идеи югославизма, а затем – что проект общего государства сербов и хорватов потерпел крах. Соответственно, в истории хорватов и сербов в XIX в. сначала искали причину успеха югославизма, а затем – его неудачи. В заголовок статьи вынесена цитата из работы крупного историка-хорватиста В. И. Фрейдзона (1922–2004), в которой отразился этот поиск с прицелом на события XX в.

Уже в 1960-е гг. советские ученые занялись осмыслением проблемы возникновения и развития наций и национальных движений. В статье 1968 г. «Общие черты и специфические особенности формирования славянских наций в XIX в.» крупный историк-славист С. А. Никитин (1901–1979) писал: «В литературе давно поставлен вопрос о связи этнических и государственных границ, о влиянии государственного или административного расчленения территориальной общности. Исторические факты свидетельствуют о том, что в этой сфере, во-первых, не действует какой-либо единый закон и что, во-вторых, влияние государственного расчленения неоднозначно»¹. В таком ключе о «положении Хорватских земель» в Габсбургской монархии С. А. Никитин отмечал, что «Хорватия и Славония входили в состав Венгрии, а Военная Граница, Истрия и Далмация являлись провинциями Австрии, но это административное расчленение не помешало образованию нации»².

Важным для возникновения нации С. А. Никитин считал процесс «образования национального рынка» и давал собственное определение термину: «Национальный рынок – это такая стадия развития рыночных отношений, когда сложилась возможность циркуляции товаров между всеми частями страны, когда между районами-производителями и районами-потребителями устанавливается систематическое взаимодействие путем торгового обмена»³. При этом он замечал, что «процесс этот в малых странах, как Болгария, и крупных, как Россия или Австро-Венгрия, протекает не тождественно в силу ряда конкретных причин (размеры территории, степень товаризации хозяйства и пр.)»⁴. В качестве «особого варианта развития экономической общности» С. А. Никитин выделял Сербию, так как в ней «иначе развивались капиталистические отношения»: их «основой было не ремесло, а скотоводство». В Сербии было развито свиноводство на экспорт, в связи с чем он сравнил эту страну с Англией, где важной отраслью экономики долгое время было овцеводство⁵. При этом, согласно С. А. Никитину, «Хорватия была частью общеимперского

1 Никитин С. А. Общие черты и специфические особенности формирования славянских наций в XIX в. (преимущественно на южнославянском материале) // История, культура и этнография славянских народов. VI международный съезд славистов (Прага, 1968). Доклады советской делегации. М., 1968. С. 65.

2 Там же. С. 66.

3 Там же. С. 70.

4 Там же.

5 Там же. С. 70–71.

рынка и входила в общеавстрийскую экономическую общность, это положение отразилось и в характере хорватского национального движения, в котором преобладали автономистские тенденции, указывавшие на экономическую связанность складывавшейся хорватской нации с империей»⁶.

С. А. Никитин обращал внимание, что «нация – не только экономическая общность, но и общность идеологическо-психическая», важным он считал «сознание национальной общности» или «национального сознания», без которого «не существует национальной культуры»⁷. Он замечал, что «эпоха национального возрождения» у многих народов начиналась сходным образом: «интеллигенция впитывает поэзию народных песен, вслушивается в предания, разыскивает свидетельства о славных событиях родной истории и пр.»⁸. С. А. Никитин пришел к выводу, что «в Сербии важнейшую роль в развитии национального сознания играл фольклор»: «народные песни были привычной культурной сферой серба», «песни звучали и дома, и на сходке у церкви, и в корчме», «через песню прошлое народа оказывало влияние на формирование его политической мысли сильнее любого другого воспитательного средства»⁹. Таким образом, уже С. А. Никитин выделял особенности сербского национального движения в XIX в. в сравнении с другими европейскими народами, в том числе хорватами.

В 1969 г. ученик С. А. Никитина В. И. Фрейдзон¹⁰ в статье «Об особенностях формирования нации в хорватских землях» попытался разобрать «проблему национальной дифференциации между хорватами и сербами»¹¹. В. И. Фрейдзон отмечал, что «на значительных территориях ввиду компактного или чересполосного размещения хорватского и сербского населения вообще не могли существовать замкнутые экономические связи в среде одной из развивающихся наций, не мог создаться особый, охватывающий только свою нацию, хорватский рынок»¹². При этом он выделял по одному «национальному ядру»

6 Там же. С. 73.

7 Там же. С. 74.

8 Там же. С. 75.

9 Там же. С. 75–76.

10 О научной биографии В. И. Фрейдзона см.: Романенко С. А., Стыкалин А. С. Портрет историка на фоне эпохи. Владимир Израилевич Фрейдзон (1922–2004) // Австро-Венгрия: Центральная Европа и Балканы (XI–XX вв.). СПб., 2011. С. 7–45.

11 Фрейдзон В. И. Об особенностях формирования нации в хорватских землях // Советское славяноведение. 1969. № 4. С. 53.

12 Там же. С. 56.

у хорватов («вокруг Загреба») и сербов («княжество Сербия и южная Венгрия») и замечал, что население, тяготевшее к этим «ядрам», «различалось не только по целому комплексу исторических традиций, и в том числе по религии (что уже было существенно), но и по экономическим и государственно-политическим интересам и тенденциям обуржуазивающихся слоев»¹³.

Одним из первых В. И. Фрейдзон обратил внимание на важность религии для образования наций у хорватов и сербов: «Большую роль в указанном процессе национальной дифференциации сыграли православная и католическая церкви»¹⁴. Историк писал: «С древнейших времен среди хорватов и в Хорватском государстве господствующей религией был католицизм, а среди сербов – православие. Это обстоятельство означало вхождение каждого из народов в разные культурные и политические сферы Европы, наличие у них разных традиций, связей и влияний культурного и политического характера, что в период складывания наций существенным образом сказалось на национальной культуре, на мировоззрении и психологии населения. Условия жизни южнославянского населения в средние века, когда принадлежность к определенной церкви была щитом народной самобытности (сербы в Турции и Австрии), а защита религии подчас знаменем освободительного движения, сохранение значительных остатков патриархальщины в XIX в., в эпоху формирования наций, отличия в социальной структуре хорватского и сербского населения, наконец, возникновение национального сербского ядра в полунезависимом княжестве, которое отстаивало свою самостоятельность, находясь рядом с католической Австрией, и т. п. – все это способствовало национальному размежеванию»¹⁵. В. И. Фрейдзон пришел к выводу, что «религиозные различия являлись особым фактором, влиявшим на национальное сознание, и освящали имевшие место общественно-политические различия»¹⁶. При этом он назвал такую «национальную дифференциацию в основном единоплеменного населения по религиозному признаку» – «редко встречающейся в истории». Также В. И. Фрейдзон обратил внимание, что «в связи с таким путем становления хорватской и сербской наций призывы либеральных, а позднее и социалистических кругов к национальному сплочению независимо

13 Там же. С. 60.

14 Там же.

15 Там же.

16 Там же. С. 61.

от религиозной принадлежности (аналогично тому, как это произошло в Германии) здесь не имели успеха»¹⁷.

В этой статье В. И. Фрейдзон обратил внимание и на существовавший в XIX в. «локальный этноним» «славонец» и привел примеры, что еще в 1860-е гг. «говорили так: “хорваты и славонцы” или “хорваты, славонцы и сербы”», а «в 1861 г. созданная баном конференция издала обращение к “хорватам и славонцам”»¹⁸. Также историк упомянул, что и язык назывался «славонским» или «хорвато-славонским», в чем, по его мнению, тоже «проявились элементы локального сознания»¹⁹. Более того, историк процитировал воспоминания одного «хорватского автора», согласно которым «в Славонии хорватское имя почти до 1867 г. считалось зазорным»²⁰.

Тем не менее В. И. Фрейдзон так характеризовал становление нации у хорватов: «Хорватская нация развивалась в соответствии с общими историческими закономерностями, свойственными этому процессу в Европе вообще: ее формирование началось в эпоху заката феодализма, резко ускорилось и вступило в завершающую стадию после 1848 г. – в период торжества капитализма в Австрийской империи, и в частности в хорватских землях. Этот процесс завершился во второй половине XIX в.»²¹.

Большой вклад в разработку комплексного исследования монархии Габсбургов в советское время внесли сотрудники Отдела истории славянских народов Центральной Европы в Новое время, в первую очередь И. С. Миллер (1919–1978), Т. М. Исламов (1927–2004) и В. И. Фрейдзон. Теоретические основы данного направления во многом были заложены в 1970-е гг. главой отдела И. С. Миллером и получили отражение в его работах²². Особое внимание И. С. Миллер предлагал уделить комплексному изучению как монархии Габсбургов, так и балканских владений Османской империи. Именно по границе между этими

17 Там же.

18 Там же. С. 57.

19 Там же.

20 Там же. С. 58.

21 Там же. С. 62.

22 См.: Миллер И. С. Развитие народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму как проблема комплексного сравнительно-исторического изучения // Советское славяноведение. 1972. № 4. С. 31–41; Миллер И. С. Формирование наций. Место проблемы в совокупности процессов перехода от феодализма к капитализму в странах Центральной и Юго-Восточной Европы // Советское славяноведение. 1975. № 6. С. 93–98.

империями Нового времени он проводил между двух «отчетливо определяемых субрегионов – балканского и центрально-европейского»²³ для XVIII – начала XX вв.²⁴ Тогда как уже в XX в., по мнению ученого, само «значение этой исторической границы между двумя субрегионами поколебалось» из-за распада Австро-Венгрии, образования Югославии и увеличения территории Румынии²⁵.

Ставя задачу комплексного изучения истории отдельных народов империй, И. С. Миллер предлагал использовать сравнительно-исторический и типологический методы. При этом он писал, что «критерием, объединяющим страны Центральной и Юго-Восточной Европы, критерием, на основе которого мы определяем ареал изучаемых нами *сравнимых*, сопоставимых процессов, является *развитие капитализма и формирование наций, протекающие при отсутствии собственной государственности и связанные с борьбой за политическую независимость или политические условия свободного национального развития* (курсив И. С. Миллера)»²⁶. Нужно заметить, что для национальных движений народов монархии Габсбургов чаще была характерна борьба именно за «политические условия свободного национального развития», а не за полную независимость.

Говоря о процессе формирования наций в регионе Центральной и Юго-Восточной Европы, И. С. Миллер писал, что «процесс этот может рассматриваться в сопоставлении и во взаимосвязи для этого региона на протяжении периода перехода от феодализма к капитализму и начальной стадии капиталистической формации, т. е. на протяжении столетия – от последней четверти XVIII в. до 70-х годов XIX в. включительно»²⁷. Именно такие хронологические рамки заданы в коллективной двухтомной монографии «Освободительные движения народов Австрийской империи»²⁸ под редакцией основателя современной отечественной хорватистики В. И. Фрейдзона, которая

23 В статье 1975 г. этот субрегион И. С. Миллер назвал уже «среднеевропейским». См.: Миллер И. С. Формирование наций. С. 96.

24 Миллер И. С. Развитие народов Центральной и Юго-Восточной Европы... С. 35.

25 Там же.

26 Там же. С. 34.

27 Миллер И. С. Формирование наций. С. 97.

28 Освободительные движения народов Австрийской империи: Возникновение и развитие. Конец XVIII в. – 1849 г. / отв. ред. В. И. Фрейдзон. М., 1980; Освободительные движения народов Австрийской империи. Период утверждения капитализма / отв. ред. В. И. Фрейдзон. М., 1981.

была издана в 1980–1981 гг. Этот фундаментальный труд стал результатом плодотворной работы историков-новистов ИСБ РАН в 1970-е гг. Как писала С. М. Фалькович, «существенным результатом комплексного изучения проблемы явилось сопоставление тактики национальных движений, выяснение форм и методов национальной борьбы, сравнение ее результатов»²⁹. Ранее, в 1974 г., была издана коллективная монография «Центральная и Юго-Восточная Европа в Новое время», в которую вошла статья крупного отечественного историка-унгариста Т. М. Исламова «Некоторые вопросы истории Венгрии конца XVIII – первой половины XIX в.»³⁰.

В книге «Освободительные движения народов Австрийской империи» (1981 г.) В. И. Фрейдзон, опираясь на свои ранние исследования, писал, что «единая югославянская нация не сформировалась. Национальная дифференциация единоплеменного населения была связана с вероисповеданием. В период складывания наций это вместе с другими обстоятельствами сказалось на самосознании, культуре, психологии населения»³¹. Он замечал, что хорваты считались особым «политическим народом» со своим католическим дворянством. Тогда как принадлежность к православию означала сохранение особых этнических связей и традиций сербской народности³².

Результаты изучения национальных движений учеными ИСБ РАН в 1970-е гг. нашли отражение в изданном также в 1981 г. сборнике «Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты»³³, в самом начале которого уже посмертно была опубликована статья И. С. Миллера³⁴, ставшая, по сути, завещанием ученого коллегам – продолжателям его дела.

²⁹ Фалькович С. М. Исламов Т. М. и комплексные исследования славяноведения // Средняя Европа: Проблемы международных и межнациональных отношений. XII–XX вв. Памяти Т. М. Исламова. СПб., 2009. С. 449–450.

³⁰ Исламов Т. М. Некоторые вопросы истории Венгрии конца XVIII – первой половины XIX в. // Центральная и Юго-Восточная Европа в Новое время. М., 1974. С. 7–27.

³¹ Освободительные движения народов Австрийской империи. Период утверждения капитализма. С. 379.

³² Там же. С. 378.

³³ Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты / отв. ред. И. С. Миллер, В. И. Фрейдзон. М., 1981.

³⁴ Миллер И. С. Формирование наций: комплексное изучение и сопоставительный анализ // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты. С. 6–15.

В ней историк, признававший «одним из важнейших факторов, воздействующих на процесс формирования наций, наличие или отсутствие собственной государственности», обращал внимание на «обширную гамму» уровней, путей и условий развития национальной государственности у народов Центральной и Юго-Восточной Европы в XIX в.³⁵ Так, по мнению И. С. Миллера, «для истории венгерской нации существенным являлось не только воссоздание государства в рамках Австро-Венгрии, но и существование в предшествующий период сословно-представительных учреждений и конституции (до 1848 г.), а также и короткий, но необычайно значительный для развития нации эпизод революционной независимости 1848–1849 гг.»³⁶.

В этой же статье И. С. Миллер замечал, что «наряду с реальной государственностью в процессе формирования наций и особенно национального самосознания немаловажен был фактор традиции государственности»³⁷. Так, «традиции былой государственности» историк находил не только у венгров, но и у хорватов. Кроме того, историк относил хорватов Хорватии – Славонии к «нациям со “своим” господствующим феодальным классом»³⁸. Он также писал, что «с фактором государственности тесно связан, хотя и неравнозначен ему вопрос о месте в формировании нации национального ядра»³⁹.

В этом сборнике вышеперечисленные тезисы И. С. Миллера были развиты В. И. Фрейдзоном в статье «Некоторые черты формирования наций в Австрийской империи»⁴⁰. Он писал, что «земли венгерской короны – Венгрия, Трансильвания, Хорватия и Славония – обладали разного масштаба провинциально-сословной автономией, в органах которой господствовало местное дворянство»⁴¹. При этом хорваты «в Хорватии и Славонии [...] имели свой феодальный господствующий класс и в связи с этим – государственно-политическую традицию»⁴². В. И. Фрейдзон замечал, что «в национальных целях использовались идеи “исторического права” народа на самостоятельность,

35 Там же. С. 13.

36 Там же. С. 14.

37 Там же.

38 Там же. С. 15.

39 Там же. С. 14.

40 Фрейдзон В. И. Некоторые черты формирования наций в Австрийской империи // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты. С. 28–50.

41 Там же. С. 30.

42 Там же.

дополняемые там, где это было нужно лидерам движения, аргументами, основанными на естественном праве (у хорватов, сербов)»⁴³.

Сам процесс становления наций В. И. Фрейдзон разделял на два этапа: возникновение нации (также национального возрождения или «пробуждения») и дальнейшей ее консолидации («этап зрелости национальных связей») ⁴⁴. Первому этапу, согласно его концепции, у большинства народов Австрийской империи соответствовало создание «национального ядра». При этом, по мнению В. И. Фрейдзона, роль «национального ядра» в процессе формирования наций была разной: так, у венгров его «трудно выделить», тогда как для «хорватской и сербской наций активная роль ядра четко прослеживается длительное время»⁴⁵. Если у хорватов историк выделял одно «национальное ядро» – «историческое королевство Хорватия с центром в Загребе», то у сербов – два таких «ядра»: «Банат и особенно Бачка с Нови-Садом (Воеводина) и во все возрастающей мере – вне пределов габсбургской монархии – княжество Сербия с Белградом»⁴⁶. Хотя ранее В. И. Фрейдзон писал об одном «ядре» у сербов (см. выше о его статье 1969 г.).

В. И. Фрейдзон соглашался с концепцией польского историка Ю. Хлебовчика о различиях процесса формирования наций на Западе и Востоке Европы⁴⁷, когда в первом случае процесс шел «от общего государства к общему языку и затем к национальной общности», тогда как во втором случае – «от общего языка к национальной общности и затем к собственному государству»⁴⁸. При этом В. И. Фрейдзон замечал, что он согласен с Ю. Хлебовчиком лишь по поводу «неполноправных наций Востока Европы, в частности, Австрийской империи, не обладавших в XIX в. самостоятельной государственностью, тогда как в формировании наций господствующих было значительно больше общего»⁴⁹.

В. И. Фрейдзон писал, что «в условиях относительно ограниченных внутриэтнических экономических связей [...] и тем более этнического единообразия территории общность литературного языка приобретала

43 Там же. С. 43.

44 Там же. С. 45.

45 Там же. С. 46.

46 Там же.

47 См., например: Яновский М. Нация, эмоции, пограничье в работах Юзефа Хлебовчика // Национализм и формирование наций. Теории – модели – концепции. М., 1994. С. 112–121.

48 Фрейдзон В. И. Некоторые черты формирования наций в Австрийской империи. С. 41.

49 Там же.

исключительное значение для процесса формирования нации, в особенности на его раннем этапе. Кодификация общенационального литературного языка и преподавание на нем в школах, выход в свет грамматик и словарей в этих обстоятельствах знаменовали крупный шаг в сближении и слиянии отдельных локальных этнических диалектных групп, в преодолении местного патриотизма, в консолидации нации»⁵⁰. При этом, как замечал историк, «повсеместное распространение общенационального этнонима, т. е. сознание этнической принадлежности (общности) [...] само по себе не свидетельствует о завершении процесса формирования нации. Некоторые народы издавна, еще на стадии феодальной народности, четко осознавали свою общность»⁵¹.

Как можно увидеть, В. И. Фрейдзон смог успешно вписать хорватскую проблематику в контекст изучения других народов, населявших Габсбургскую монархию, и провести широкое компаративное комплексное исследование, новаторское для своего времени.

Исследования проблем формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе были продолжены в Институте славяноведения и балканистики РАН и в 1980-е гг. Большой вклад в дальнейшую разработку этой тематики внесли В. И. Фрейдзон, Т. М. Исламов, А. С. Мыльников, Л. А. Обушенкова и др. В 1984 г. была издана книга «У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе»⁵², в которой было предпринято одно из первых в отечественной науке комплексное исследование перехода «от феодальных народностей к нациям буржуазного типа у славянских и балканских народов». В эту коллективную монографию вошли две статьи В. И. Фрейдзона («Некоторые аспекты перехода от феодальной народности к нации в Юго-Восточной и Центральной Европе»⁵³ и «Социальная ситуация накануне и в начале «национального пробуждения» в Австрийской империи»⁵⁴, где он развил свои

50 Там же.

51 Там же. С. 49.

52 У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Общественно-культурное развитие и генезис национального самосознания / отв. ред. А. С. Мыльников. М., 1984.

53 Фрейдзон В. И. Некоторые аспекты перехода от феодальной народности к нации в Юго-Восточной и Центральной Европе // У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Общественно-культурное развитие и генезис национального самосознания. М., 1984. С. 7–17.

54 Фрейдзон В. И. Социальная ситуация накануне и в начале «национального пробуждения» в Австрийской империи // У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. С. 35–40.

концепции и идеи) и статья Т. М. Исламова («От “нацио хунгарика” к венгерской нации»⁵⁵), имевшие большое значение для изучения в том числе истории Венгерского королевства в Новое время. Т. М. Исламов обратил внимание на то, что в Средневековье понятие «нация» имело другое значение, и показал это на примере Венгрии, где латинским термином «*patrio Hungarica*» обозначалась «дворянская нация», включавшая в себя представителей разных этносов – мадьяр, немцев, хорватов, словаков, сербов, валахов и др.⁵⁶

Следует заметить, что начиная с 1970-х гг. В. И. Фрейдзон и Т. М. Исламов плодотворно работали совместно как по теме исследований процесса формирования наций, так и непосредственно по тематике своей специализации – истории Венгеро-хорватского королевства. При этом В. И. Фрейдзон в рамках истории Габсбургской монархии был специалистом по ее южным славянским окраинам, а потому больше концентрировался на проблемах имперской периферии, тогда как Т. М. Исламов рассматривал историю монархии Габсбургов больше из «центра», т. е. с позиции венгерских и австрийских элит, столичного круга империи. В 1986 г. вышла совместная статья двух ученых «Переход от феодализма к капитализму в Западной, Центральной и Юго-Восточной Европе»⁵⁷, в которой они представили свои концепции по данной теме. Кроме того, у них были совместные статьи с крупным историком-богемистом А. С. Мыльниковым⁵⁸, который также внес большой вклад в изучение процесса формирования наций.

В 1989 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР состоялась конференция «Нации и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX – начале XX века», по итогам которой в 1991 г. был выпущен сборник с идентичным названием⁵⁹. Эта книга, можно сказать, подвела итог

55 Исламов Т. М. От «нацио хунгарика» к венгерской нации // У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. С. 40–60.

56 Там же. С. 45–46.

57 Исламов Т. М., Фрейдзон В. И. Переход от феодализма к капитализму в Западной, Центральной и Юго-Восточной Европе // Новая и новейшая история. 1986. № 1. С. 83–96.

58 См., напр.: Мыльников А. С., Фрейдзон В. И. Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе в XVIII–XIX вв. // Вопросы истории. 1987. № 8. С. 60–78.

59 Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX – начале XX в. / отв. ред. Т. М. Исламов. М., 1991.

двадцатилетнему периоду комплексного изучения в Институте стран и народов Центральной и Юго-Восточной Европы в Новое время.

Здесь В. И. Фрейдзон написал, что под «зрелостью нации» понимал «становление этносоциальной структуры и культуры буржуазного общества»⁶⁰. При этом «складывание основ системы национальной культуры» обгоняло процесс формирования собственно нации, и «сама культура выступала в качестве стимулирующего фактора» этого процесса⁶¹. С ним соглашался и Т. М. Исламов: «предпосылки буржуазной нации в культурной сфере зачастую возникали раньше и быстрее, чем собственная ее экономическая основа»⁶².

В 1999 г. увидела свет монография В. И. Фрейдзона «Нация до национального государства. Историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII в. – начала XX в.»⁶³, которая стала синтезом прежних работ исследователя (в том числе и совместных с коллегами) по теме формирования наций и изучения Центрально-европейского региона. Как и в предыдущих комплексных исследованиях, в центре внимания оказалось сопоставление процессов формирования наций у народов с «полной» и «неполной» социальной структурой. В. И. Фрейдзон считал важным на старте формирования нации наличие «национального ядра» и представительного учреждения, которое имело потенцию эволюционировать от сословного к национальному. При этом историк обращал внимание, что «и до, и после 1848 г. ссылка на “исторические государственные права” своих наций, живым свидетельством которых были автономные политические органы, являлась (подчас наряду с принципами “естественного права”) одним из идеологических обоснований национальных требований»⁶⁴.

Сравнивая Хорватию с Венгрией, В. И. Фрейдзон обращал внимание, что «несравненно более скромной, чем в Венгрии, особенно с конца XVIII в., была компетенция сословно-представительного органа (сабора) Хорватии и Славонии, распространявшаяся к тому

60 *Фрейдзон В. И.* Изучение процесса складывания наций в Центральной Европе в Институте славяноведения и балканистики АН СССР в 1970–1980-е гг. (Историографические заметки) // *Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX – начале XX в. М., 1991. С. 25–26.*

61 Там же. С. 26.

62 *Исламов Т. М.* От «нацио хунгарика» к венгерской нации. С. 57.

63 *Фрейдзон В. И.* *Нация до национального государства. Историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII – начала XX в.* Дубна, 1999.

64 Там же. С. 28.

же только на эту часть хорватской территории». Но и этот «форум, в котором хорваты видели живую реликвию былой национальной государственности», по мнению историка, стал ареной борьбы за политическую консолидацию хорватов: в его стенах был принят закон о возведении хорватского языка в ранг официального (1847 г.)⁶⁵. Следует заметить, что здесь В. И. Фрейдзон назвал хорватскую «национальную государственность» в XIX в. «былой», но которую хорваты хотели бы возродить.

В 1990-е гг. в Институте были продолжены исследования на базе заложенного в 1970–1980-е гг. научного фундамента. Данное десятилетие ознаменовалось изданием сборников и коллективных монографий по проблемам границ европейских субрегионов, изучения процессов формирования наций, а также истории Габсбургской монархии.

Внимание было уделено комплексному исследованию национально-культурных организаций славянских народов Центральной Европы, возникших в XIX в. и получивших название «матицы». В 1996 г. под редакцией Т. М. Исламова, И. И. Лещиловской и З. С. Ненашевой вышел сборник в двух частях «Славянские матицы: XIX век»⁶⁶. Введение и заключение к сборнику написала крупный историк-славист, специалист по истории хорватской и сербской культуры И. И. Лещиловская (1929–2016). Согласно И. И. Лещиловской, «сущностной чертой» процесса национального возрождения у славянских народов Австрийской империи первой половины XIX в. было «выдвижение во всех сферах жизни общенационального приоритета»⁶⁷. Историк писала, что «составной частью национального возрождения угнетенных славянских народов было формирование культуры нового исторического типа», состоявшей «в проявлении новых социальных потребностей, формировании общенациональных ценностных ориентиров и появлении институций с общенациональной сферой функционирования, расширении международного общения и складывании нового типа Личности»⁶⁸. Подчеркивая большое значение культуры у национальных движений славян, И. И. Лещиловская обращала внимание, что «в ситуации, когда у угнетенных славянских народов не было политических форумов или они действовали как сословные

65 Там же. С. 26.

66 Славянские матицы: XIX век / отв. ред. И. И. Лещиловская. Ч. 1–2. М., 1996.

67 Лещиловская И. И. Введение // Славянские матицы: XIX век. Ч. 1. М., 1996. С. 8.

68 Там же.

институты с ограниченной компетенцией, именно через культуру славяне заявили о себе как самобытные, пробудившиеся к самостоятельной жизни народы»⁶⁹, а сама «национальная культура приобрела значение символа народа»⁷⁰.

Историк-хорватист С. А. Романенко, развивая концепцию И. С. Миллера о границе двух субрегионов, расширил трактовку этой границы с чисто географического определения (линия между двумя империями) до идеологического. Так, изучив крупные идейные течения среди славянских народов Габсбургской монархии в XIX – начале XX вв., С. А. Романенко пришел к выводу, что для сторонников австрославизма «на первый план выходила принадлежность к Средней Европе и монархии Габсбургов», тогда как для приверженцев югославизма «первичной была принадлежность к Юго-Восточной Европе – Балканам»⁷¹. Причем, по мнению историка, австрославизм «признавал возможность сохранения Австро-Венгрии при реформах», а югославизм «был ориентирован на ее развал и создание новой государственности на границе регионов, на основе этнической близости»⁷².

Историк-унгарист О. В. Хаванова, развивая концепцию Т. М. Исламова о «*natio Hungarica*», ввела в российскую научную терминологию термин «регнализм» (от латинского *regnum* – «страна», «королевство»), введенный в научный оборот медиэвистом С. Рейнольдс в противовес термину Э. Смита «этноцентризм» для описания идентичностей донациональной эпохи⁷³. О. В. Хаванова замечает, что «в Венгрии раннего Нового времени мадьяры, славяне и немцы в идеологии и социальной политике элит не противопоставлялись, но сосуществовали не только в рамках средневековой венгерской нации (*natio Hungarica*), объединявшей господствующий класс, но и в контексте более широкого понятия *Hungari*, включавшего всех жителей *королевства* Венгрия (курсив О. В. Хавановой)»⁷⁴.

69 Там же. С. 9.

70 Лещиловская И. И. Заключение // Славянские матицы: XIX век. Ч. 2. М., 1996. С. 192.

71 Романенко С. А. От государства-региона к региону национальных государств. Австро-Венгрия и Средняя Европа // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997. С. 21.

72 Там же.

73 Хаванова О. В. «Хунгарская» и «мадьярская» проекции венгерской нации в общественной жизни и системе образования в конце XVIII века // Славяноведение. 2003. № 4. С. 3.

74 Там же. С. 3–4.

В Габсбургской монархии, как это следует из работ В. И. Фрейдзона⁷⁵ и О. В. Хавановой⁷⁶ конца 1990-х гг., ряд народов, как венгры или хорваты, обладал признаками как государственно-политической, так и культурно-языковой (или этнокультурной) нации⁷⁷, что было вызвано иерархичностью автономий внутри этой монархии. Поэтому нации, которые по отношению к имперскому центру можно рассматривать как культурно-языковые, оказывались в положении государственно-политических по отношению к подвластным им народам⁷⁸. Примерами таких наций являлись венгры в Венгерском королевстве и хорваты в королевстве Хорватии и Славонии. В. И. Фрейдзон замечал, что «венгерские господствующие верхи» в XIX – начале XX вв. пытались осуществить «французский путь» формирования нации, при этом «в совершенно иных, в сравнении с Францией, условиях»⁷⁹. Т. М. Исламов же считал, что венгерская модель нациообразования обнаруживает черты сходства как с «французской» (этатистско-институционной), так и с «немецкой» (культурно-исторической) теоретическими моделями, при этом «полностью не совпадая ни с одной из них»⁸⁰. Нужно заметить, что крупный российский этнолог В. А. Тишков определяет конфликт разнопорядковых субъектов (если этническое меньшинство или нетитульный этнос выступает оппонентом титульному народу или его государственным институтам) как «группу против государства» (*group versus state*)⁸¹. Такое явление попытались также объяснить западноевропейские исследователи М. Дюверже и А. Финкелькраут, назвав «вирусом фрагментации»⁸².

75 Фрейдзон В. И. *Нация до национального государства*. С. 6.

76 Хаванова О. В. *Нация, отечество, патриотизм в венгерской политической культуре: движение 1790 г. М., 2000*. С. 164.

77 Оба данных термина восходят к труду немецкого историка и философа Ф. Майнеке (1892–1954) «Космополитизм и национальное государство. Исследования генезиса германского национального государства» (1908). См.: *Meinecke F. Weltbürgertum und Nationalstaat. Studien zur Genesis des deutschen Nationalstaates*. München; Berlin, 1911.

78 Соколовский С. В. *Онто-логики национального: культурная сложность национальных сообществ и проблемы ее категоризации // Культурная сложность современных наций*. М., 2016. С. 56.

79 Фрейдзон В. И. *Нация до национального государства*. С. 6.

80 Исламов Т. М. *От «нацио хунгарика» к венгерской нации*. С. 41–42.

81 Тишков В. А. *Этнополитический конфликт: системный и антропологический подходы (вместо заключения) // Этничность и религия в современных конфликтах*. М., 2012. С. 634.

82 Хершак Э. *Этничность как форма интеграции (теоретические проблемы и некоторые примеры стран Средней Европы) // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика*. М., 1997. С. 23.

В статье 1998 г. В. И. Фрейдзон пересмотрел свои некоторые старые гипотезы (см., например, выше его статью 1969 г.) и сделал следующее заключение (из-за его важности для данного разбора процитирую его подробно): «В Центральной Европе для завершения (в основном) процесса складывания наций, как и на его более ранних стадиях, сохраняли значение элементы национальной государственности, автономии, самоуправления (хотя бы на части этнической территории). Однако все формировавшиеся неполноправные нации Центральной Европы (в число которых после 1867 г. не включаются венгры) оставались в состоянии раздробленности – административной (в рамках Цислейтании, как чехи и словенцы, и в рамках Транслейтании, как словаки) или административно-политической (как хорваты, входившие в состав Австрии, Венгрии и Боснии), либо – это наиболее трудный для складывания наций вариант – находились в пределах двух и трех государств. Последнее обстоятельство столь важно, что служит основанием для выделения особого типа складывания наций (поляки, сербы, румыны). [...] Аналогичная польской, но более сложная ситуация сложилась у сербов. Этническая территория, которую они занимали в начале XX в., никогда ранее объединена не была. Здесь формирование нации полностью завершилось в рамках Югославии после 1918 г. В условиях политической раздробленности сохранялись и развивались общенациональная культура, национальное самосознание. Что касается социально-экономической структуры, то на отдельных частях этнической территории ее развитие в основном совершалось обособленно от других частей (хотя полностью связи между этими частями не прерывались). Однако само это развитие было элементом формирования нации. Такие части политически раздробленного народа можно назвать “частичными” (парциальными) нациями. Отличие последних от обычных наций заключалось в их стремлении к воссоединению, проявлявшемся в национальном движении. Формирование других наций Центральной Европы, находившихся в состоянии раздробленности под австро-венгерской властью, полностью завершилось также после распада монархии Габсбургов»⁸³. Во-первых, В. И. Фрейдзон отнес формирование всех наций Габсбургской монархии, кроме венгерской, уже к XX в., во-вторых, его терминологическая находка про «частичные» («парциальные») нации

⁸³ Фрейдзон В. И. О национальном возрождении и последующем периоде в истории Центральной Европы // Центральная Европа в новое и новейшее время. (Сборник к 70-летию Т. М. Исламова). М., 1998. С. 109–110.

выглядит продуктивной. Следует сказать, что годом ранее (в 1997 г.) историк-сербист Л. В. Кузьмичева в статье замечала, что «для развития процесса становления и национального самосознания» сербского народа «сербы Воеводины в политическом и культурном смысле сыграли ту роль, которую для других национально-освободительных движений XIX в. играла политическая эмиграция (Польша, Болгария, Италия и т. д.)»⁸⁴. Как В. И. Фрейдзон, так и Л. В. Кузьмичева попытались каждый по-своему объяснить интеграционные устремления внутри сербского народа на пограничье двух империй.

В 1999 г. в Институте вышел коллективный труд «Роль религии в формировании южнославянских наций», в котором главу «Католицизм и православие в формировании хорватской и сербской наций на территории Хорватии, Славонии и Далмации» написал С. А. Романенко. Историк писал: «Роль католицизма у хорватов и роль православия у сербов в процессе формирования этнического и национального самосознания не была одинаковой. У сербов в гораздо большей степени религия выполняла этнообразующую функцию, а церковь – национально-политическую, поскольку сербы после уничтожения своего национального государства в течение нескольких веков жили не только в иноэтничных, но и иноконфессиональных государствах – Австрийской и Османской империях. Для хорватов же Австрийская империя и средиземноморские государства, на территории которых они проживали в средние века, не были иноконфессиональными государствами»⁸⁵. Также он обращал внимание, что в определенные исторические периоды этнонимы «хорват» и «серб» звучали как конфессионимы, а конфессионимы «католик» и «православный» выполняли роль этнонимов⁸⁶. Следует заметить, что «самым важным событием в церковно-религиозной жизни Гражданской Хорватии и Военной границы, а также в этнополитическом развитии хорватской общности в XIX в.» С. А. Романенко считает создание Загребского архиепископства в 1852 г.⁸⁷ Историк писал, что «после утверждения загребского архиепископства хорваты получили свою целостную церковную организацию» и что «это событие

84 Кузьмичева Л. В. Национально-политические проблемы сербов Воеводины в Австро-Венгрии после 1867 г. // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М., 1997. С. 88.

85 Романенко С. А. Глава II. Католицизм и православие в формировании хорватской и сербской наций на территории Хорватии, Славонии и Далмации // Роль религии в формировании южнославянских наций. М., 1999. С. 108.

86 Там же. С. 109.

87 Там же. С. 69.

воспринималось как признание этнической и политической индивидуальности хорватов, как победа национального движения, как дополнительная легитимация хорватов в качестве этнической и политической общности, хотя католическая церковь не признавала и не признает деления на национальности»⁸⁸. При этом, по его мнению, «в конце XIX – начале XX в. хорватский и сербский народы на территории Австро-Венгрии представляли из себя однотипные этносоциальные организмы, находившиеся, при всех очевидных различиях, на приблизительно одинаковом уровне развития»⁸⁹.

В 1997 г. вышла коллективная монография «На путях к Югославии: за и против» под редакцией крупного историка-слависта И. В. Чуркиной (1931–2024), которая является и автором первых двух глав книги. И. В. Чуркина, говоря о 1840-х гг., отметила, что у сербских политиков тогда был самый высокий «уровень политического самосознания» среди «югославянских народов», чему способствовали «два обстоятельства: создание автономного княжества Сербии, ставшего центром притяжения для австрийских сербов, и наличие исторических государственных традиций, которые сохранялись сербской православной церковью в Воеводине на протяжении многих десятилетий»⁹⁰. При этом историк заметила, что «идеи иллизма в среде сербской интеллигенции особого успеха не имели»⁹¹. На второе место после сербов по «уровню политического самосознания» историк ставила хорватов. И. В. Чуркина писала, что «хорватское государство потеряло свою независимость в самом начале XII в., однако хорватское дворянство в значительной части сохранило свое этническое самосознание, свои привилегии, традиции борьбы за политические права», что, по ее мнению, «повлияло на сравнительную зрелость политических программ» хорватских политиков⁹².

В этой же книге перу В. И. Фрейдзона принадлежит глава 8 «Югославизм и “великие идеи” у хорватов и сербов монархии Габсбургов во второй половине XIX в.». В ней В. И. Фрейдзон объяснял широкое распространение «великих» идей у народов Юго-Восточной

88 Там же.

89 Там же. С. 82.

90 Чуркина И. В. Глава I. Национальное возрождение югославянских народов Габсбургской монархии // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX в. М., 1997. С. 35.

91 Там же.

92 Там же.

Европы тем, что «нигде на континенте не было такого обилия территорий с этнически смешанным населением»⁹³. Эту мозаичность расселения в случае с хорватами и сербами историк анализировал при помощи концепции «национального ядра»: «каждый народ имел более или менее гомогенное ядро и частично занимал обширную территорию совместно с другими народами. По мере формирования наций вставал вопрос, кому достанутся эти земли»⁹⁴. Отсюда он выводил суть «великих идей» как «требование присоединить все население такой области к своему государству»⁹⁵.

В качестве примера «великохорватской идеи» В. И. Фрейдзон рассматривал идеологию Хорватской партии права (правашей) образца 1860–1870-х гг. под руководством А. Старчевича и Э. Кватерника. При этом историк замечал, что «идеология правашей была фантастична в своей простоте»⁹⁶. Тогда как аргументацию их политических оппонентов – представителей Хорватской народной партии (народняков) – он определял как «достаточно сложную»⁹⁷. Эта партия относилась к либеральному лагерю и пыталась руководствоваться идеей общности южных славян (югославизмом).

В официальных документах народняки для обозначения южно-славянского населения королевства Хорватии и Славонии или, шире, «хорватских земель» использовали нейтральные термины типа «наш народ», «наш язык», «югославянский язык» и т. п. В. И. Фрейдзон увидел в этом не только желание хорватов к сближению с сербами, но и отражение реалий отсутствия на то время массового хорватского самосознания. По мнению историка, подобная терминология народняков во многом служила интеграции славян-католиков на землях королевства: «славонец-католик признавал свое единство с хорватом – жителем области вокруг Загреба, а потом перенимал и этноним “хорват”»⁹⁸. В. И. Фрейдзон замечал, что «постепенно “хорват” из локального превращалось в сознании массы населения в национальное»⁹⁹. Таким обра-

93 Фрейдзон В. И. Глава 8. Югославизм и «великие идеи» у хорватов и сербов монархии Габсбургов во второй половине XIX в. // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX в. М., 1997. С. 202.

94 Там же.

95 Там же.

96 Там же. С. 204.

97 Там же.

98 Там же.

99 Там же.

зом, ученый выявил в идеологии югославизма хорватских народняков очень важную сторону, которая на первый взгляд неочевидна, однако оказала существенное влияние на формирование именно хорватской нации во второй половине XIX в.

Кроме того, проанализировав внутривосточные программы хорватских народняков, В. И. Фрейдзон писал, что «хорватские югослависты (сторонники идей югославизма. – А. Д.) ссылались на историческое государственное право хорватов, считая последних единственной государственной или политической нацией Триединого королевства, т. е. рассматривая Триединое королевство как хорватское государство»¹⁰⁰. В этом королевстве они «признавали существование сербского племени и даже народа, но видели в нем только культурно-конфессиональную общность»¹⁰¹. Таким образом, по мнению историка, для хорватских народняков королевство Хорватия и Славония являлось «хорватским государством, признающим права сербов»¹⁰².

Хорватско-сербское сотрудничество на основах идеологии югославизма трактовалось В. И. Фрейдзоном в рамках марксистского подхода как «прогрессивное». Тем не менее ученый пришел к выводу, что «в целом хорватский югославизм оставался на почве “хорватской государственной идеи”, приходившей в противоречие с идеей сербской государственности»¹⁰³.

На книгу «На путях к Югославии: за и против» рецензию написал Т. М. Исламов. В ней он отметил достоинства данного труда: «В книге уместилась почти вся история балканских, австрийских и венгерских югославян за отрезок времени, предшествовавший их объединению в единое государство». И далее: «Все без исключения разделы книги написаны на современном уровне с учетом развития исторической мысли и методологии, а также историографии вопроса»¹⁰⁴. Однако историк написал и критические замечания, которые можно разделить на две группы: 1) замечания с позиции специалиста по истории Венгрии, 2) замечания человека с определенной политической позицией и особым взглядом на то, какой, по его мнению, должна быть историческая политика в нашей стране. На эту рецензию Т. М. Исламова ответили три автора «На путях к Югославии»: И. В. Чуркина,

100 Там же. С. 211.

101 Там же.

102 Там же. С. 212.

103 Там же. С. 206.

104 *Исламов Т. М.* Югославия: от объединения к разъединению // Вопросы истории. 2001. № 5. С. 149.

А. В. Карасев и А. Л. Шемякин¹⁰⁵. Далее замечания Т. М. Исламова даны в сопоставлении с ответами на них этих авторов книги.

Т. М. Исламов оставался в рамках марксистской парадигмы, согласно которой революции признаются двигателями прогресса, а потому он активно защищал венгерскую революцию 1848–1849 гг. от обозначения ее «контрреволюционной силой», а действия венгерских революционеров – от определения их «реакционными» в национальном вопросе¹⁰⁶. Автор дал негативные оценки австрийским властям: «венская камарилья» названа им «злейшим врагом свободы», а командовавший имперскими войсками в 1848 г. фельдмаршал князь А. Виндишгрец – «палачом Праги». По мнению историка, «национальное движение хорватов, возглавляемое преданным династии генералом Елачичем, сыграло едва ли не решающую роль в подавлении не только венгерской революции, но и австрийской». Причем корни такой контрреволюционности хорватов Т. М. Исламов видел еще в движении иллиризма: «Хорватский публицист и идеолог иллиризма Л. Гай начинал свою иллирийскую пропаганду с благословения австрийского канцлера князя Меттерниха лично, который, желая подорвать оппозицию венгерского дворянства, оплачивал издание газеты Гая». Также, по его мнению, и «сербы Военной Границы, как и жившие в комитатах южной Венгрии, имели особые причины ревностно служить династии»¹⁰⁷. Здесь историк впадал в другую крайность, представляя движение иллиризма, а также хорватское и сербское национальные движения периода революции 1848–1849 гг. лишь как послушные орудия Габсбургов против венгров, игнорируя хотя бы тот факт, что с марта до 31 августа 1848 г. император-король признавал венгерское революционное правительство легитимным, тогда как хорватские и сербские органы власти были для Габсбургов в этот период незаконными. Авторы книги отметили, что Т. М. Исламов дал те же оценки, что и «классики марксизма 150 лет тому назад», и обратили внимание, что за «свободу, равенство, братство» «выступали не только венгерские и немецкие революционеры, но и сербские, хорватские, румынские и другие политики»¹⁰⁸.

105 Карасев А. В., Чуркина И. В., Шемякин А. Л. Возвращаясь к напечатанному. О статье Т. М. Исламова «Югославия: от объединения к разъединению» // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 167–172.

106 Исламов Т. М. Югославия: от объединения к разъединению. С. 151.

107 Там же. С. 150, 151, 152.

108 Карасев А. В., Чуркина И. В., Шемякин А. Л. Возвращаясь к напечатанному. О статье Т. М. Исламова «Югославия: от объединения к разъединению». С. 168.

Т. М. Исламов обратил внимание на утверждение, что «вслед за сербами по уровню политического самосознания шли хорваты», и решил его опровергнуть, указав, что «у хорватов в отличие от сербов никогда не прерывалась преемственность государственности»¹⁰⁹. При этом он заметил, что неправильно говорить «об усилении зависимости Хорватии от Вены и Будапешта», «как будто речь идет о каком-нибудь суверенном государстве, а не о стране, входившей с 1102 г. в состав королевства Венгрии, части Австро-Венгерской монархии»¹¹⁰. Авторы книги в ответ обратили внимание на то, что тезис о «непрерывности хорватской государственности» «очень популярен в хорватской историографии, но это диктуется не новыми научными открытиями, а ее (Хорватии. – А. Д.) современным политическим положением». Кроме того, авторы указывали, что «Хорватия даже находилась в худшем положении, чем, например, чешские земли короны св. Вацлава, потому что Хорватия была в двойном подчинении – от властей Пешта и от правительства Вены»¹¹¹.

Т. М. Исламов затронул проблему написания названий городов Габсбургской монархии, которые имели порой одновременно несколько названий на разных языках. Он предложил «при первом упоминании названий городов Нови Сад, и в других подобных случаях, хотя бы в скобках приводить исторические названия (Уйвидек, Нойзац), дабы не путать читателя, пользующегося несовременной литературой или современной, но не славянской»¹¹². Кроме того, автор считал некорректным писать о существовании «сербской Воеводины» в южной Венгрии вне периода 1848–1860 гг., но и для этого периода ему ближе слово «воеводство» в названии автономии «Сербское Воеводство и Темешский Банат»¹¹³.

Примечательна следующая фраза Т. М. Исламова в ходе его полемики с текстом главы, написанной историком-сербистом А. Л. Шемякиным: «Если автор оценивает сербскую политику исходя из сербских интересов, почему же и нам не поступить так же и подходить к пониманию русской позиции исходя из русских национальных, а не сербских (или болгарских) национальных интересов, а уж потом включать в анализ факторы второго порядка и принять во внимание всю совокупность

109 *Исламов Т. М.* Югославия: от объединения к разъединению. С. 151.

110 Там же. С. 156.

111 *Карасев А. В., Чуркина И. В., Шемякин А. Л.* Возвращаясь к напечатанному. О статье Т. М. Исламова «Югославия: от объединения к разъединению». С. 168.

112 *Исламов Т. М.* Югославия: от объединения к разъединению. С. 153.

113 Там же. С. 152, 153.

противоречащих друг другу интересов ее, России, союзников, настоящих и потенциальных»¹¹⁴. Авторами книги был дан такой ответ: «На протяжении XIX века только Россия последовательно поддерживала Сербию. При этом имеется в виду основной вектор балканской политики России. Естественно, что были времена более тесного сотрудничества с Сербией, были периоды совпадения интересов Сербии и России, были периоды охлаждения отношений, но никогда внешняя политика России не делалась под диктовку сербской политики и сербских внешнеполитических задач, а иногда и противоречила им»¹¹⁵. Здесь уместно процитировать историка-сербиста К. В. Никифорова: «Только России часто отказывали сербы в праве быть реалистом. Отношение к “единоплеменной и единой” России в Сербии всегда было более ревнивым и требовательным, нежели к другим государствам. Именно России всегда предъявлялись самые завышенные ожидания и наибольшие претензии. Она должна была априори поддерживать все сербские требования, даже если это шло вразрез с ее интересами»¹¹⁶.

Авторы книги оценили как «весьма плодотворную мысль» гипотезу Т. М. Исламова, что «одной из причин распада Югославии в 90-е годы XX в.» стало «соединение в ней двух различных цивилизационных начал»¹¹⁷: «балканско-православного с сильным элементом османского государственного устройства и политической культуры, с одной стороны, и латинско-среднеевропейского, с другой»¹¹⁸.

В 2004 г. на книгу «На путях к Югославии: за и против» Т. М. Исламов написал еще одну рецензию: «История югославян империи Габсбургов в освещении русских историков конца XX столетия»¹¹⁹, которая представляла собой расширенный вариант первой рецензии, причем автор не пересмотрел свои замечания к книге, но дополнил их новыми аргументами, возможно, учтя коллективный ответ авторов. Нужно

114 Там же. С. 156–157.

115 Карасев А. В., Чуркина И. В., Шемякин А. Л. Возвращаясь к напечатанному. О статье Т. М. Исламова «Югославия: от объединения к разъединению». С. 170–171.

116 Никифоров К. В. «Начертание» Или Гарашинина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М., 2015. С. 160.

117 Карасев А. В., Чуркина И. В., Шемякин А. Л. Возвращаясь к напечатанному. О статье Т. М. Исламова «Югославия: от объединения к разъединению». С. 167.

118 Исламов Т. М. Югославия: от объединения к разъединению. С. 149.

119 Исламов Т. М. История югославян империи Габсбургов в освещении русских историков конца XX столетия // Венгры и их соседи по Центральной Европе в Средние века и Новое время (Памяти Владимира Павловича Шушарина). М., 2004. С. 289–313.

заметить, что как в первой рецензии, так и во второй наибольшую похвалу Т. М. Исламова вызвали главы, написанные В. И. Фрейдзоном.

Данная дискуссия между Т. М. Исламовым и авторами «На путях к Югославии», в первую очередь И. В. Чуркиной и А. Л. Шемякиным, оказала влияние на некоторых российских историков, особенно специалистов по истории Габсбургской монархии. Так, историк-сербист Л. К. Новосельцева даже написала, что данная дискуссия «привела к изменению принятой в России модели изучения национальных движений югославянских народов в Австро-Венгрии»¹²⁰. Однако, на мой взгляд, можно согласиться только с некоторыми замечаниями Т. М. Исламова, относящимися к проблемам изучения монархии Габсбургов. Историк правильно указал на то, что термин «Воеводина» нельзя применять вне хронологических рамок реального существования этой сербской автономии. Также бесспорен тезис Т. М. Исламова о том, что «хорватская государственность» не прерывалась в правовом отношении на протяжении Средневековья и Нового времени, но надо заметить, что она перестала существовать в конце 1918 г. вместе с Австро-Венгерской монархией. При этом следует сказать, что Т. М. Исламов писал о непрерывности «преемственности государственности» у хорватов¹²¹, однако Карловицкая митрополия Сербской православной церкви тоже являлась для сербов тем церковно-политическим институтом, который сохранял «преемственность» сербской государственности и в плане политической автономии сопоставим с органами самоуправления королевства Хорватии и Славонии, но в отличие от последних являлся экстерриториальным. Этот тезис находит подтверждение в работах историков-сербистов и югославистов. Так, И. И. Лещиловская писала, что «православная церковь в Австрийской монархии выступала как конфессионально-политическая организация сербов», а также что «существование самостоятельной церковной корпорации утверждало положение сербов как особого народа в Австрийской монархии»¹²². Историк-сербист Ю. В. Костяшов замечал, что «после ликвидации собственного государства сербская

120 Новосельцева Л. К. «Честь имею доложить»: Австрийская государственная полиция о политических процессах у сербов накануне подписания Соглашения 1867 г. // Центральноевропейские исследования. 2021. Вып. 4 (13). М.; СПб., 2021. С. 135.

121 Исламов Т. М. Югославия: от объединения к разъединению. С. 151.

122 Лещиловская И. И. Сербское Просвещение и национальная православная церковь // Церковь в истории славянских народов. М., 1997. (Балканские исследования. Вып. 17). С. 85.

церковь стала в каком-то смысле носителем идеи государственности и приобрела некоторые политические функции»¹²³.

Историки Института славяноведения РАН проделали огромную работу по исследованию проблемы формирования наций у хорватов и сербов Габсбургской монархии. Ценным является то, что ученые смогли выработать особый российский взгляд на данную проблему, который отличается от подходов хорватских и сербских историков. Были исследованы три важнейшие компоненты складывания хорватской и сербской наций в XIX в.: религиозная, языковая и территориальная. Историки обратили внимание на существенную роль религии при формировании этих наций, из-за чего не удались различные проекты создания единой югославянской нации на базе общего языка у хорватов и сербов. При этом было обращено внимание на то, что нейтральное название для общего языка помогло больше в распространении хорватского самосознания на всех славян-католиков в пределах Хорватии, Славонии и Далмации. Историки заметили копирование хорватами венгерского подхода по построению единой территориальной нации (по французскому типу), что привело к тому, что сербы стали бороться за признание их равным по статусу хорватам народом в границах королевства Хорватии и Славонии. Также можно заметить то, что историки-унгаристы смотрели на происходившие в Венгерском королевстве процессы как бы из «центра», чему способствовала опора на венгерские источники и историографию, тогда как историки-слависты больше концентрировались на особенностях «периферийных» регионов королевства, населенных славянами, в том числе хорватами и сербами, вследствие чего между ними порой возникали научные дискуссии по поводу «угла зрения» на историю этих народов. Труды отечественных ученых заложили прочный фундамент для разработки данной темы следующими поколениями российских исследователей.

Источники и литература

Исламов Т. М. История югославян империи Габсбургов в освещении русских историков конца XX столетия // Венгры и их соседи по Центральной Европе в Средние века и Новое время (Памяти Владимира Пав-

123 *Костяшов Ю. В.* Русско-сербские церковные связи в XVIII веке. (По материалам российского посольства в Вене) // Церковь в истории славянских народов / отв. ред. И. В. Чуркина. М., 1997. (Балканские исследования. Вып. 17). С. 156.

ловича Шушарина) / отв. ред. А. С. Стыкалин. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2004. С. 289–313.

Исламов Т. М. Некоторые вопросы истории Венгрии конца XVIII – первой половины XIX в. // Центральная и Юго-Восточная Европа в Новое время / отв. ред. Ю. А. Писарев. М.: Наука, 1974. С. 7–27.

Исламов Т. М. От «нацио хунгарика» к венгерской нации // У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Общественно-культурное развитие и генезис национального самосознания / отв. ред. А. С. Мыльников. М.: Наука, 1984. С. 40–60.

Исламов Т. М. Югославия: от объединения к разъединению // Вопросы истории. 2001. № 5. С. 147–158.

Исламов Т. М., Фрейдзон В. И. Переход от феодализма к капитализму в Западной, Центральной и Юго-Восточной Европе // Новая и новейшая история. 1986. № 1. С. 83–96.

Карасев А. В., Чуркина И. В., Шемякин А. Л. Возвращаясь к напечатанному. О статье Т. М. Исламова «Югославия: от объединения к разъединению» // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 167–172.

Костяшов Ю. В. Русско-сербские церковные связи в XVIII веке. (По материалам российского посольства в Вене) // Церковь в истории славянских народов / отв. ред. И. В. Чуркина. М.: Ин-т славяноведения РАН, 1997. (Балканские исследования. Вып. 17). С. 149–160.

Кузьмичева Л. В. Национально-политические проблемы сербов Воеводины в Австро-Венгрии после 1867 г. // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика / отв. ред. О. В. Хаванова. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997. С. 88–96.

Лециловская И. И. Введение // Славянские матицы: XIX век. Ч. 1. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1996. С. 4–15.

Лециловская И. И. Заключение // Славянские матицы: XIX век. Ч. 2. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1996. С. 186–196.

Лециловская И. И. Сербское Просвещение и национальная православная церковь // Церковь в истории славянских народов / отв. ред. И. В. Чуркина. М.: Ин-т славяноведения РАН, 1997. (Балканские исследования. Вып. 17). С. 84–95.

Миллер И. С. Развитие народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму как проблема комплексного сравнительно-исторического изучения // Советское славяноведение. 1972. № 4. С. 31–41.

Миллер И. С. Формирование наций: комплексное изучение и сопоставительный анализ // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты / отв. ред. И. С. Миллер, В. И. Фрейдзон. М.: Наука, 1981. С. 6–15.

Миллер И. С. Формирование наций. Место проблемы в совокупности процессов перехода от феодализма к капитализму в странах Центральной и Юго-Восточной Европы // Советское славяноведение. 1975. № 6. С. 93–98.

Мыльников А. С., Фрейдзон В. И. Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе в XVIII–XIX вв. // Вопросы истории. 1987. № 8. С. 60–78.

Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX – начале XX в. / отв. ред. Т. М. Исламов. М.: Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, 1991. 294 с.

Никитин С. А. Общие черты и специфические особенности формирования славянских наций в XIX в. (преимущественно на южнославянском материале) // История, культура и этнография славянских народов. VI международный съезд славистов (Прага, 1968). Доклады советской делегации. М.: Наука, 1968. С. 64–79.

Никифоров К. В. «Начертание» Или Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М.: Индрик, 2015. 256 с.

Новосельцева Л. К. «Честь имею доложить»: Австрийская государственная полиция о политических процессах у сербов накануне подписания Соглашения 1867 г. // Центральноевропейские исследования. 2021. Вып. 4 (13) / гл. ред. О. В. Хаванова. М.; СПб., 2021. С. 131–158.

Освободительные движения народов Австрийской империи: Возникновение и развитие. Конец XVIII в. – 1849 г. / отв. ред. В. И. Фрейдзон. М.: Наука, 1980. 610 с.

Освободительные движения народов Австрийской империи. Период утверждения капитализма / отв. ред. В. И. Фрейдзон. М.: Наука, 1981. 464 с.

Романенко С. А. Глава II. Католицизм и православие в формировании хорватской и сербской наций на территории Хорватии, Славонии и Далмации // Роль религии в формировании южнославянских наций / отв. ред. И. В. Чуркина. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 54–111.

Романенко С. А. От государства-региона к региону национальных государств. Австро-Венгрия и Средняя Европа // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика / отв. ред. О. В. Хаванова. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1997. С. 14–21.

Романенко С. А., Стыкалин А. С. Портрет историка на фоне эпохи. Владимир Израилевич Фрейдзон (1922–2004) // Австро-Венгрия: Центральная Европа и Балканы (XI–XX вв.) / отв. ред. С. А. Романенко, И. В. Крючков, А. С. Стыкалин. СПб.: Алетейя, 2011. (Российско-австрийский альманах: Исторические и культурные параллели. Вып. IV). С. 7–45.

Славянские матицы: XIX век / отв. ред. И. И. Лещиловская. Ч. 1–2. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1996. 198 с.

Соколовский С. В. Онто-логики национального: культурная сложность национальных сообществ и проблемы ее категоризации // Культурная сложность современных наций / отв. ред. В. А. Тишков, Е. И. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 35–56.

Тишков В. А. Этнополитический конфликт: системный и антропологический подходы (вместо заключения) // Этничность и религия в современных конфликтах / отв. ред. В. А. Тишков, В. А. Шнирельман. М.: Наука, 2012. С. 630–653.

У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Общественно-культурное развитие и генезис национального самосознания / отв. ред. А. С. Мыльников. М.: Наука, 1984. 232 с.

Фалькович С. М. Исламов Т. М. и комплексные исследования славяноведения // Средняя Европа: Проблемы международных и межнациональных отношений. XII–XX вв. Памяти Т. М. Исламова. СПб.: Алетейя, 2009. С. 444–453.

Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты / отв. ред. И. С. Миллер, В. И. Фрейдзон. М.: Наука, 1981. 360 с.

Фрейдзон В. И. Глава 8. Югославизм и «великие идеи» у хорватов и сербов монархии Габсбургов во второй половине XIX в. // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX в. / отв. ред. И. В. Чуркина. М.: Индрик, 1997. С. 201–229.

Фрейдзон В. И. Изучение процесса складывания наций в Центральной Европе в Институте славяноведения и балканистики АН СССР в 1970–1980-е гг. (Историографические заметки) // Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX – начале XX в. / отв. ред. Т. М. Исламов. М.: Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, 1991. С. 7–34.

Фрейдзон В. И. Нация до национального государства. Историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII – начала XX в. Дубна: Издательский центр «Феникс», 1999. 96 с.

Фрейдзон В. И. Некоторые аспекты перехода от феодальной народности к нации в Юго-Восточной и Центральной Европе // У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Общественно-культурное развитие и генезис национального самосознания / отв. ред. А. С. Мыльников. М.: Наука, 1984. С. 7–17.

Фрейдзон В. И. Некоторые черты формирования наций в Австрийской империи // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты / отв. ред. И. С. Миллер, В. И. Фрейдзон. М.: Наука, 1981. С. 28–50.

Фрейдзон В. И. Об особенностях формирования нации в хорватских землях // Советское славяноведение. 1969. № 4. С. 53–62.

Фрейдзон В. И. О национальном возрождении и последующем периоде в истории Центральной Европы // Центральная Европа в новое и новейшее время. (Сборник к 70-летию Т. М. Исламова) / отв. ред. А. С. Стыкалин. М.: Ин-т славяноведения РАН, 1998. С. 87–112.

Фрейдзон В. И. Социальная ситуация накануне и в начале «национального пробуждения» в Австрийской империи // У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Общественно-культурное развитие и генезис национального самосознания / отв. ред. А. С. Мыльников. М.: Наука, 1984. С. 35–40.

Хаванова О. В. Нация, отечество, патриотизм в венгерской политической культуре: движение 1790 г. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2000. 192 с.

Хаванова О. В. «Хунгарская» и «мадьярская» проекции венгерской нации в общественной жизни и системе образования в конце XVIII века // Славяноведение. 2003. № 4. С. 3–13.

Хершак Э. Этничность как форма интеграции (теоретические проблемы и некоторые примеры стран Средней Европы) // Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика / отв. ред. О. В. Хаванова. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1997. С. 22–33.

Чуркина И. В. Глава I. Национальное возрождение югославянских народов Габсбургской монархии // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX в. М.: Индрик, 1997. С. 8–36.

Яновский М. Нация, эмоции, пограничье в работах Юзефа Хлебовчика // Национализм и формирование наций. Теории – модели – концепции / отв. ред. А. И. Миллер. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1994. С. 112–121.

Meinecke F. Weltbürgertum und Nationalstaat. Studien zur Genesis des deutschen Nationalstaates. München, Berlin: Druck und Verlag von R. Oldenbourg, 1911. 516 S.

References

Churkina, I. V. “Glava I. Natsional'noe vozrozhdenie iugoslavijskikh narodov Gabsburgskoi monarkhii.” *Na putiakh k Jugoslavii: za i protiv. Oчерки istorii natsional'nykh ideologii iugoslavijskikh narodov. Konets XVIII – nachalo XX v.* Moscow: Indrik, 1997, pp. 8–36.

Fal'kovich, S. M. “Islamov T. M. i kompleksnye issledovaniia slavianovedeniia.” *Sredniaia Evropa: Problemy mezhdunarodnykh i mezhnatsional'nykh otnoshenii. XII–XX vv. Pamiati T.M. Islamova.* St Petersburg: Aleteiia, 2009, pp. 444–453.

Formirovanie natsii v Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evrope. Istoricheskii i istoriko-kul'turnyi aspekty. Moscow: Nauka, 1981, 360 p.

Freidzon, V. I. "Glava 8. Iugoslavizm i «velikie idei» u khorvatov i serbov monarkhii Gabsburgov vo vtoroi polovine XIX v." *Na putiakh k Iugoslavii: za i protiv. Ocherki istorii natsional'nykh ideologii iugoslavianskikh narodov. Konets XVIII – nachalo XX v.* Moscow: Indrik, 1997, pp. 201–229.

Freidzon, V. I. "Izuchenie protsessa skladyvaniia natsii v Tsentral'noi Evrope v Institute slavianovedeniia i balkanistiki AN SSSR v 1970–1980-e gg. (Istoriograficheskie zametki)." *Natsiia i natsional'nyi vopros v stranakh Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* Moscow: Institut slavianovedeniia i balkanistiki AN SSSR, 1991, pp. 7–34.

Freidzon, V. I. *Natsiia do natsional'nogo gosudarstva. Istoriko-sotsiologicheskii ocherk Tsentral'noi Evropy XVIII – nachala XX v.* Dubna: Izdatel'skii tsentr "Feniks", 1999, 96 p.

Freidzon, V. I. "Nekotorye aspekty perekhoda ot feodal'noi narodnosti k natsii v Iugo-Vostochnoi i Tsentral'noi Evrope." *U istokov formirovaniia natsii v Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evrope. Obshchestvenno-kul'turnoe razvitie i genezis natsional'nogo samosoznaniia.* Moscow: Nauka, 1984, pp. 7–17.

Freidzon, V. I. "Nekotorye cherty formirovaniia natsii v Avstriiskoi imperii." *Formirovanie natsii v Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evrope. Istoricheskii i istoriko-kul'turnyi aspekty.* Moscow: Nauka, 1981, pp. 28–50.

Freidzon, V. I. "Ob osobennostiakh formirovaniia natsii v khorvatskikh zemliakh." *Sovetskoe slavianovedenie*, No 4, 1969, pp. 53–62.

Freidzon, V. I. "O natsional'nom vozrozhdenii i posleduiushchem periode v istorii Tsentral'noi Evropy." *Tsentral'naia Evropa v novoe i noveishee vremia. (Sbornik k 70-letiiu T. M. Islamova).* Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 1998, pp. 87–112.

Freidzon, V. I. "Sotsial'naia situatsiia nakanune i v nachale "natsional'nogo probuzhdeniia" v Avstriiskoi imperii." *U istokov formirovaniia natsii v Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evrope. Obshchestvenno-kul'turnoe razvitie i genezis natsional'nogo samosoznaniia.* Moscow: Nauka, 1984, pp. 35–40.

Ianovskii, M. "Natsiia, emotsii, pogranič'ie v rabotakh Iuzefa Khlebovchika." *Natsionalizm i formirovanie natsii. Teorii – modeli – kontseptsii.* Moscow: Institut slavianovedeniia i balkanistiki RAN, 1994, pp. 112–121.

Islamov, T. M. "Istoriia iugoslavian imperii Gabsburgov v osveshchenii russkikh istorikov kontsa XX stoletiiia." *Vengry i ikh sosedi po Tsentral'noi Evrope v Srednie veka i Novee vremia (Pamiaty Vladimira Pavlovicha Shusharina).* Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2004 (*Tsentral'noevropeiskie issledovaniia*, Vol. 2.), pp. 289–313.

Islamov, T. M. "Nekotorye voprosy istorii Vengrii kontsa XVIII – pervoi poloviny XIX v." *Tsentral'naia i Iugo-Vostochnaia Evropa v Novee vremia.* Moscow: Nauka, 1974, pp. 7–27.

Islamov, T. M. "Ot "natsio khungarika" k vengerskoi natsii." *U istokov formirovaniia natsii v Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evrope. Obshchestvenno-kul'turnoe razvitie i genezis natsional'nogo samosoznaniia.* Moscow: Nauka, 1984, pp. 40–60.

Islamov, T. M. "Iugoslaviia: ot ob'edineniia k raz'edineniiu." *Voprosy istorii*, no 5, 2001, pp. 147–158.

Islamov, T. M., Freidzon, V. I. "Perekhod ot feodalizma k kapitalizmu v Zapadnoi, Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evrope." *Novaia i noveishaia istoriia*, no 1, 1986, pp. 83–96.

Karasev, A. V., Churkina, I. V., Shemiakin, A. L. "Vozvrashchaias' k napechatanomu. O stat'e T. M. Islamova «Iugoslaviia: ot ob'edineniia k raz'edineniiu»." *Voprosy istorii*, no 1, 2002, pp. 167–172.

Khavanova, O. V. *Natsiia, otechestvo, patriotism v vengerskoi politicheskoi kul'ture: dvizhenie 1790 g.* Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2000, 192 p.

Khavanova, O. V. ««Khungarskaia» i «mad'iarskaia» proektsii vengerskoi natsii v obshchestvennoi zhizni i sisteme obrazovaniia v kontse XVIII veka." *Slavianovedenie*, no 4, 2003, pp. 3–13.

Khershak, E. "Etnichnost' kak forma integratsii (teoreticheskie problemy i nekotorye primery stran Srednei Evropy." *Avstro-Vengriia: integratsionnye protsessy i natsional'naia spetsifika*. Moscow: Institut slavianovedeniia i balkanistiki RAN, 1997, pp. 22–33.

Kostiashov, Iu. V. "Russko-serbskie tserkovnye sviazi v XVIII veke. (Po materialam rossiiskogo posol'stva v Vene)." *Tserkov' v istorii slavianskikh narodov*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 1997 (*Balkanskie issledovaniia*, Vol. 17), pp. 149–160.

Kuz'micheva, L. V. "Natsional'no-politicheskie problemy serbov Voevodiny v Avstro-Vengrii posle 1867 g." *Avstro-Vengriia: integratsionnye protsessy i natsional'naia spetsifika*. Moscow: Institut slavianovedeniia i balkanistiki RAN, 1997, pp. 88–96.

Leshchilovskaia, I. I. "Vvedenie." *Slavianskie matitsi: XIX vek*. Part 1. Moscow: Institut slavianovedeniia i balkanistiki RAN, 1996, pp. 4–15.

Leshchilovskaia, I. I. "Zakliuchenie." *Slavianskie matitsi: XIX vek*. Part 2. Moscow: Institut slavianovedeniia i balkanistiki RAN, 1996, pp. 186–196.

Leshchilovskaia, I. I. "Serbskoe Prosveshchenie i natsional'naia pravoslavnaia tserkov'." *Tserkov' v istorii slavianskikh narodov*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 1997 (*Balkanskie issledovaniia*, Vol. 17), pp. 84–95.

Meinecke, F. *Weltbürgertum und Nationalstaat. Studien zur Genesis des deutschen Nationalstaates*. München, Berlin: Druck und Verlag von R. Oldenbourg, 1911, 516 p.

Miller, I. S. "Razvitie narodov Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy v epokhu perekhoda ot feodalizma k kapitalizmu kak problema kompleksnogo sravnitel'no-istoricheskogo izucheniia." *Sovetskoe slavianovedenie*, no 4, 1972, pp. 31–41.

Miller, I. S. "Formirovanie natsii; kompleksnoe izuchenie i sopostavitel'nyi analiz." *Formirovanie natsii v Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evrope. Istoricheskii i istoriko-kul'turnyi aspekty*. Moscow: Nauka, 1981, pp. 6–15.

Miller, I. S. "Formirovanie natsii. Mesto problemy v sovokupnosti protsessov perekhoda ot feodalizma k kapitalizmu v stranakh Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy." *Sovetskoe slavianovedenie*, no 6, 1975, pp. 93–98.

Mylnikov, A. S., Freidzon, V. I. "Formirovanie natsii v Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evrope v XVIII–XIX vv." *Voprosy istorii*, no 8, 1987, pp. 60–78.

Natsiia i natsional'nyi vopros v stranakh Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. Moscow: Institut slavianovedeniia i balkanistiki AN SSSR, 1991, 294 p.

Nikitin, S. A. "Obshchie cherty i spetsificheskie osobennosti formirovaniia slavianskikh natsii v XIX v. (preimushchestvenno na iuzhnoslavianskom materiale)." *Istoriia, kul'tura i etnografiia slavianskikh narodov. VI mezhdunarodnyi s'ezd slavistov (Praga, 1968). Doklady sovetskoi delegatsii*. Moscow: Nauka, 1968, pp. 64–79.

Nikiforov, K. V. "Nachertanie" *Ilii Garashanina i vneshniia politika Serbii v 1842–1853 gg.* Moscow: Indrik, 2015, 256 p.

Novoseltseva, L. K. „„Chest' imeiu dolozhit“: Avstriiskaia gosudarstvennaia polititsiia o politicheskikh protsessah u serbov nakanune podpisaniia Soglasheniia 1867 g.” *Tsentral'noevropeiskie issledovaniia*, Vol. 4 (13), 2021, pp. 131–158.

Osvoboditel'nye dvizheniia narodov Avstriiskoi imperii: Vozniknovenie i razvitie. Konets XVIII v. – 1849 g. Moscow: Nauka, 1980, 610 p.

Osvoboditel'nye dvizheniia narodov Avstriiskoi imperii. Period utverzhdeniia kapitalizma. Moscow: Nauka, 1981, 464 p.

Romanenko, S. A. “Glava II. Katolitsizm i pravoslavie v formirovanii khorvatskoi i serbskoi natsii na territorii Khorvatii, Slavonii i Dalmatsii.” *Rol' religii v formirovanii iuzhnoslavianskikh natsii.* Moscow: Editorial URSS, 1999, pp. 54–111.

Romanenko, S. A. “Ot gosudarstva-regiona k regionu natsional'nykh gosudarstv. Avstro-Vengriia i Sredniaia Evropa.” *Avstro-Vengriia: integratsionnye protsessy i natsional'naia spetsifika.* Moscow: Institut slavianovedeniia i balkanistiki RAN, 1997, pp. 14–21.

Romanenko, S. A., Stykalin, A. S. “Portret istorika na fone epokhi. Vladimir Izrailevich Freidzon (1922–2004).” *Avstro-Vengriia, Tsentral'naia Evropa i Balkany (XI–XX vv.)*. St Petersburg: Aleteiia, 2011 (*Rossiisko-avstriiskii al'manakh: Istoricheskie i kul'turnye paralleli*, Vol. IV), pp. 7–45.

Slavianskie matitsi: XIX vek. Part 1–2. Moscow: Institut slavianovedeniia i balkanistiki RAN, 1996, 198 p.

Sokolovskii, S. V. “Onto-logiki natsional'nogo: kul'turnaia slozhnost' natsional'nykh soobshchestv i problemy e'o kategorizatsii.” *Kul'turnaia slozhnost' sovremennykh natsii.* Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia, 2016, pp. 35–56.

Tishkov, V. A. “Etnopoliticheskii konflikt: sistemnyi i antropologicheskii podkhody (vmesto zakliucheniia).” *Etnichnost' i religiiia v sovremennykh konfliktakh.* Moscow: Nauka, 2012, pp. 630–653.

U istokov formirovaniia natsii v Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evrope. Obshchestvenno-kul'turnoe razvitie i genezis natsional'nogo samosoznaniia. Moscow: Nauka, 1984, 232 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.24

A. M. Dronov

**“The united Yugoslavian Nation has not been formed”:
Croats and Serbs of the Habsburg Monarchy in the Works of Scientists
of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences**

Aleksandr M. Dronov

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: a.dronov@inslav.ru

ORCID: 0000-0002-7348-5219

Citation

Dronov A. M. “The united Yugoslavian Nation has not been formed”: Croats and Serbs of the Habsburg Monarchy in the Works of Scientists of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences // *Slavic Almanac*. 2026. No 1–2. P. 423–456 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.24

Received: 08.12.2025.

Revised: 16.02.2026.

Accepted: 17.03.2026.

Abstract

This article examines the history of research conducted by scholars at the Institute of Slavic (and Balkan) Studies (USSR / Russian Academy of Sciences) concerning the 19th-century nation-formation processes among the Croats and Serbs of the Habsburg Monarchy. The focus is on the contributions of prominent scholars such as S. A. Nikitin, I. S. Miller, V. I. Freidzon, and T. M. Islamov. S. A. Nikitin emphasized that the emergence of a nation requires not only a unified “national market” but also a shared “national consciousness,” which he considered essential for a “national culture.” V. I. Freidzon expanded upon I. S. Miller’s theory regarding the significance of statehood traditions and a national “core,” highlighting how Croats and Serbs utilized the concept of “historic rights” to independence alongside arguments rooted in natural law. Both V. I. Freidzon and his follower S. A. Romanenko underscored the role of religion in the consolidation of the Croatian and Serbian nations. The article also addresses the intellectual debates between scholars: while V. I. Freidzon and I. V. Churkina focused on the “periphery” of the Kingdom of Hungary where these groups resided, T. M. Islamov analyzed these regional processes from the perspective of the “center.”

Keywords

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Croats, Serbs, S. A. Nikitin, I. S. Miller, V. I. Freidzon, I. I. Leshchilovskaya, T. M. Islamov, I. V. Churkina, S. A. Romanenko.

УДК 316.7+398.32

О. В. Белова

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.25

**Обновления икон на Смоленщине в 1949–1950 гг.:
по материалам Государственного архива
Смоленской области¹**

Белова Ольга Владиславовна

Доктор филологических наук, главный научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: olgabelova.inslav@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5221-9424

Цитирование

Белова О. В. Обновления икон на Смоленщине в 1949–1950 гг.: по материалам Государственного архива Смоленской области // Славянский альманах. 2026. № 1–2. С. 457–474. DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.25

Текст поступил в редакцию 29.05.2025.

Аннотация

В статье анализируются сведения о случаях обновления икон, зафиксированных в Смоленской области в 1949–1950 гг. и нашедших отражение в документах из Государственного архива Смоленской области (фонд Р-1620 «Уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете министров СССР по Смоленской области»). Эта локальная волна обновлений икон в частных домах и храмах (всего 72 случая) до сих пор не привлекала внимания исследователей. Архивные материалы наглядно показывают векторность распространения «чудес обновления», механизм развития слухов об обновившихся иконах, а также содержат оценку проявлений народной религиозности, данную представителями идеологических структур и служителями православной церкви. В документах делается акцент на разоблачении суеверий и подчеркивается, что «чудеса» с обновлением икон в храмах были инициированы священниками и приурочены к праздникам; обновления

¹ Автор выражает благодарность Л. Л. Степченкову, ведущему специалисту Государственного архива Смоленской области, за помощь и консультации при работе с архивными документами.

в домах частных лиц являлись результатом применения различных чистящих средств. В то же время в отчетах уполномоченного даются отрицательные характеристики людям, причастным к случаям обновления икон (сотрудничество с оккупантами во время войны, распространение антисоветских слухов, организация «паломничества» к местам обновления икон и др.). Сведения о волне обновлений икон на Смоленщине в 1949–1950 гг. уточняют географию этого явления на русско-белорусском пограничье и добавляют новые данные к уже известным фактам.

Ключевые слова

Обновление икон, народная религиозность, религиозные практики, антирелигиозная пропаганда, этнокультурное пограничье, Государственный архив Смоленской области.

Обновление икон в контексте народной религиозной культуры – это сверхъестественное событие, чудо, знамение, свидетельство проявления сакральных сил в земном мире. Его трактовка в устных нарративах (слухах и толках) позволяет судить о том, какое место в традиционной системе ценностей занимают представления, связанные с культовыми предметами²; идеологически направленные публикации первых советских десятилетий избрали этот феномен в качестве объекта антирелигиозной пропаганды³.

Обновление икон также привлекало внимание официальных структур: Русской Православной Церкви, с одной стороны, и Совета по делам русской православной церкви при Совете народных комиссаров (Совете министров) СССР⁴, с другой⁵. Так, например, Совет по делам РПЦ издает 2 января 1950 г. специальный секретный

2 См.: Белова О. В. «В остальных сельсоветах чудес за отчетный период не происходило» // Живая старина. 2018. № 3. С. 60–64.

3 См.: Белова О. В. Обновление икон в Рославльском уезде в 1923 г.: в документах государственных и партийных органов // Традиционная культура. 2026. Т. 27. № 1. С. 37–46; Бутов И. С. Ареал чудес: волны обновлений икон в XIX – первой половине XX века. Минск, 2018. С. 154–165; Бутов И. С. «Вот где “чудо” бы состряпать: обновить отцов лет на пять...» (антирелигиозные частушки и стихи об обновлениях икон 1920–1930-х гг.) // Живая старина. 2022. № 1. С. 47–50.

4 Образован постановлением СНК СССР от 14 сентября 1943 г.

5 Белова О. В. «В остальных сельсоветах...». С. 62.

документ за подписью председателя Совета Г. Г. Карпова⁶ – «Табель представления в Совет статистических сведений, информации и отчетности уполномоченными Советом». В раздел «Внеочередные донесения» включен пункт 3 «О фактах возбуждения суеверия среди населения (обновление икон, инсценировка чудес и т. п.)»⁷.

Яркой особенностью процесса обновления икон является его волнообразный характер⁸. В 1949–1950 гг. очередная локальная волна обновлений была зафиксирована в Смоленской области: в мае 1949 г. стали известны первые факты обновления икон на северо-западе региона. Эти события пришлось на период служения в Смоленской епархии владыки Сергия (Смирнова)⁹. Уполномоченным Советом по делам РПЦ по Смоленской области в это время состоял Н. Л. Митин¹⁰.

6 Георгий Григорьевич Карпов (1898–1967) – советский государственный деятель, генерал-майор НКГБ. В 1943–1960 гг. – председатель Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР.

7 Копылова О. Н. Отчеты уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви как источник по изучению Русской Церкви во 2-й половине XX столетия // Вестник церковной истории. 2021. № 3/4 (23/24). С. 79, 80.

8 «Волну обновлений» И. С. Бутов определяет так: «Ряд распространяющихся локальных вспышек обновлений икон на определенной (довольно обширной) территории, ограниченных конкретными временными рамками» (Бутов И. С. Ареал чудес... С. 8).

9 Епископ Смоленский и Дорогобужский Сергей (в миру Александр Викторович Смирнов, 1883–1957). В 1947 г. удостоен медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». Подробнее см.: Кауль М. В. Владыка Сергей (Смирнов): епископское служение и взаимоотношения с клиром послевоенной церкви // Вопросы истории. 2020. № 9. С. 228–240.

10 Как отмечает И. В. Бурдуков, «профессиональные качества кандидатов на эту позицию имели второстепенное значение, о чем свидетельствует фигура первого уполномоченного Совета в Смоленской области Н. Л. Митина. Последний сам неоднократно в своих отчетах признавал отсутствие необходимых компетенций и просил организовать соответствующие курсы подготовки. Его преемник Г. Н. Галинский находился в этой должности с 1953 по 1964 гг. Именно на его долю выпало исполнять свои обязанности в период нестабильного положения Совета. Галинский был проводником умеренного принципа конфессиональной политики, заложенного при создании этого органа, тем не менее и ему необходимо было корректировать свои практики с учетом внутривнутриполитической и идеологической составляющей» (Бурдуков И. В. Смоленская епархия Русской Православной Церкви в вероисповедной политике советского государства и жизни общества в 1943–1964 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Брянский гос. университет имени академика И. Г. Петровского, ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет». Брянск, 2024. С. 17).

Документы, касающиеся событий 1949–1950 гг., представлены в Государственном архиве Смоленской области (ГАСО), в фонде Р-1620 (Уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете министров СССР по Смоленской области).

Первая подборка публикуемых документов – отчеты уполномоченного Н. Л. Митина и переписка с епископом Сергием – касается событий 1949 г. Обращает на себя внимание разное качество этих документов. Первый отчет Н. Л. Митина, адресованный Г. Г. Карпову и содержащий основной фактический материал, составлен чрезвычайно небрежно: при сравнении с другими материалами архивного дела выявлена путаница и искажения в фамилиях (даже в одном и том же документе), названиях населенных пунктов и сельсоветов. Возможно, это погрешности при перепечатке рукописных заметок уполномоченного, которые также имеются в деле. Итоговый отчет за 1949 г. составлен более тщательно. Орфография и пунктуация источников сохранены, исправлены очевидные опечатки.

**Информационные документы и отчеты уполномоченного Совета
по делам Русской Православной церкви
при Совете Министров СССР по Смоленской области за 1949 г.
(27 августа – 13 ноября 1949 г., 34+1 л.)**

Сов. секретно.

Экз. № ...

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА
ПО ДЕЛАМ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ
ЦЕРКВИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР.

товарищу КАРПОВУ Г. Г.

В деревне Черкасы, Лоинского сельского Совета, Касплянского района¹¹ 3.V-1949 года у гр-ки Баженовой¹² «обновилась» икона. Баженова обратилась к секретарю колхозной парторганизации тов. Панкову Т. В.¹³ и председателю

¹¹ Касплянский район – административно-территориальная единица в составе Западной и Смоленской областей РСФСР, существовавшая в 1929–1932 и 1938–1961 гг. В 1961 г. район был упразднен, а его территория присоединена к Смоленскому району.

¹² В деле имеются черновые заметки, написанные рукой Н. Л. Митина (л. 6–8). Здесь фамилия фигурантки – Боженкова (л. 6).

¹³ В итоговом отчете фамилия фигуранта – Потемкин Т. Е. (л. 16).

колхоза дер. Черкасы тов. Смирнову¹⁴ – члену ВКП(б) с просьбой разрешить ей съездить за священником по поводу обновления иконы в с. Зарубинку. Т.т. Панков и Смирнов разрешили Баженовой обратиться к священнику Зарубинской церкви¹⁵. Вечером 3.V-49 г. священник Зарубинской церкви Никонович по поводу «обновления» иконы в доме Баженовой служил молебен, присутствовало около 200 человек.

4.V-с.г. Баженова по совету священника Никоновича принесла икону в Зарубинскую церковь, икона была установлена Никоновичем на престоле.

В день обновления иконы 3.V-49 г. в этой же деревне священник Никонович посетил квартиры граждан Глебова Е. И., Юлькощенной Е. А. и Глебова И. Н., крестил у них детей школьного возраста, кроме этого, священник Никонович крестил троих детей председателя колхоза Смирнова (коммуниста), участкового уполномоченного милиции Глинкина Н. А. (член ВКП(б))¹⁶.

20–21 июня «обновилась» икона в пос. Каспля у гр-ки Коптевой М. Е., рождения 1905 года; у Зотякина Лаврентия Петровича – 45 лет, у Заренкиной С. С., муж Заренкиной работал директором средней школы в пос. Каспля; в период временной оккупации немцами был расстрелян как коммунист. Сама Заренкина работала учительницей, была знакома с начальником района (старшиной) Баронским¹⁷, участвовала на вечерах, в настоящее время работает учительницей средней школы; имеются сведения, что она распространяет антисоветские слухи о войне.

В пос. Каспля 24 июня 1949 г. к гр-ке Коптевой М. явились председатель Касплянского сельсовета Няненков – член ВКП(б), секретарь РК ВЛКСМ Адвокатов, зав. отделом кинофикации Писканов и потребовали от Коптевой выдачи им «обновленной» иконы. Коптева выдала, они унесли икону с собой. На второй день председатель сельсовета Няненков и секретарь РК ВЛКСМ Адвокатов принесли к Коптевой икону обратно. Присутствующие при этом распустили слух, что икона на самом деле «обновилась», так как коммунисты подтверждают это¹⁸.

14 Строка с упоминанием фамилии коммуниста Смирнова отмечена синим карандашом на левом поле документа.

15 Церковь Михаила Архангела в с. Зарубинки.

16 Строка с упоминанием фамилии коммуниста Глинкина отмечена галкой синим карандашом на левом поле документа.

17 Строка с упоминанием фамилии Баронского отмечена галкой карандашом на левом поле документа. Указание на должность Баронского – старшина, т. е. староста – должно компрометировать учительницу Заренкину во время нахождения в оккупации.

18 Строка отчеркнута карандашом на правом поле документа.

7 июля 1949 года в Микулинской церкви¹⁹ Руднянского района «обновилась» икона. «Одновление» [так в документе. – О. Б.] произошло во время крестного хода на так называемый «святой колодец», т. е. в то время, когда весь народ из церкви вышел для участия в крестном ходе; по возвращении с крестного хода священник Шинкович²⁰ объявил, что в церкви произошло «обновление» иконы.

5.VII с. г. в дер. Аниски²¹, Никольского²² сельсовета, Понизовского района²³ у Васильева Павла Васильевича «обновилась» икона; при проверке на месте на иконе обнаружены следы, т. е. пена, в углу под стеклом, перекисы водорода, но он этого не признает.

В деревне Кобызы Андреевского сельсовета Понизовского района «обновилась» икона в доме Тимашова²⁴ Герасима Максимовича, 1924 года рождения (член ВКПб), работает бригадиром колхоза. В этот же день «обновилась» икона у гр-на Лисицина²⁵ – 1883 года рождения, житель этой же деревни. При проверке на месте Лисицин сознался, что он сам обновил икону путем чистки ее луком и заявил, что научил его сделать это Тимашов (коммунист), Тимашов отрицает это. Первичной парторганизацией за эту провокацию Тимашов исключен из членов ВКП(б).

Лысенкова Лидия Яковлевна, 1919 года рождения, из дер. Кляриново Брусовского сельсовета, Понизовского района созналась, что «обновление» иконы у себя в доме она произвела сама, почистив ее луком, для чего израсходовала четыре луковицы.

Ковалева²⁶ П. А., 1910 года рождения, житель дер. Аниски Понизовского района, почистила икону, а затем объявила, что она у нее посветлела. Ковалева вдова, муж погиб на фронте, сын²⁷ 1934 года рождения секретарь комсомольской парторганизации.

19 Церковь Троицы Живоначальной в с. Микулино.

20 В рукописных заметках Н. Л. Митина (л. 6) фамилия фигуранта Шимкович.

21 В рукописных заметках Н. Л. Митина (л. 6) название деревни передано верно: Аниски.

22 Здесь и далее должно быть: Николинского.

23 Понизовский район – административно-территориальная единица в составе Западной и Смоленской областей РСФСР, существовавшая в 1929–1930 и 1935–1961 гг. В 1961 г. район был упразднен, его территория разделена между Демидовским и Руднянским районами.

24 В рукописных заметках Н. Л. Митина (л. 7) фамилия фигуранта Тимошков.

25 В рукописных заметках Н. Л. Митина (л. 7) речь идет о гражданке Лисицной: «В тот же день объявила об “обновлении” иконы гр. Лисицына У. К. 1883 г. р. жительница этой же деревни».

26 В рукописных заметках Н. Л. Митина (л. 7) фамилия фигурантки Ковалькова.

27 В рукописных заметках Н. Л. Митина (л. 7): «сын Иван».

Кузьмина из дер. Нполки²⁸, Понизовского района, Никольского сельсовета, 7 июля объявила, что у нее «обновилась» икона и зывала жителей посмотреть эту икону. При проверке созналась, что эту икону она помыла²⁹.

«Обновление» икон в последнее время приняло массовый характер: в Понизовском районе имеет место 34 случая, в Касплянском 16 случаев, в Руднянском – 18 случаев, в Демидовском – 4 случая.

Населенные пункты Руднянского и Понизовского районов, где произошло «обновление» икон, входят в приход Никулинской³⁰ церкви, где священником Шинкович, Демидовского и Руднянского³¹ входят в приход Зарубинской церкви, где священником Никонович.

Никонович органами МГБ взят под стражу и вместе с ним несколько граждан – соучастников провокационных действий.

Смоленский Обком ВКП(б) принял следующие мероприятия: во всех населенных пунктах, где произошло «обновление» икон, прочитаны лекции с разъяснением шарлатанских действий со стороны отдельных лиц и на научно-естественные темы. Принимавшие участие в «обновлении» икон коммунисты исключены из партии.

Со стороны управляющего Смоленской епархией никаких мер не предпринято. На мой вопрос – «каково ваше мнение и что Вы намерены предпринять» – епископ умолчал и только после моей настоятельной просьбы, как представителя власти, епископ дал мне письменный неопределенный ответ, который прилагаю.

26 июля 1949 г. в Смоленск прибыл представитель патриархии – епископ Курский Лука, который в беседе со мной заявил, что им совместно с епископом Сергием будут приняты меры в части разоблачения провокационных действий по «обновлению» икон.

Уполномоченный Совета по делам
русской православной церкви
при Совете Министров СССР по
Смоленской области

(Н. Митин)

ГАСО. Ф. Р-1620. Оп. 2. Д. 9. Л. 2–4.

28 В рукописных заметках Н. Л. Митина (л. 8): Наполки.

29 В рукописных заметках Н. Л. Митина (л. 8) имеется добавление: «Ее муж в период оккупации работал у немцев старшиной волости».

30 Верно – Микулинской.

31 Ср. в рукописных заметках Н. Л. Митина: «Населенные пункты Касплянского, крайние Демидовского и Руднянского...» (л. 8).

Отметим характерную деталь первого отчета Н. Л. Митина. Он последовательно пытается скомпрометировать личности тех, у кого обновилась икона: эти люди во время оккупации сотрудничали с немцами, распространяют антисоветские слухи и т. п.

Далее в деле имеется ответ владыки Сергея, в котором владыка обтекаемо характеризует массовое самопоновление икон как «непонятное явление» и ругает за научную экспертизу. Документ датирован 25 июля 1949 г.

Копия.

Уполномоченному Совета по делам русской
православной церкви по Смоленской области.

тов. МИТИНУ.

На Ваше словесное предложение от 21-го июля, мне, как управляющему Смоленской епархией, дать свое заключение по поводу массового обновления икон в некоторых приходах Смоленской епархии, имею сообщить Вам следующее:

Всякая икона по учению православной церкви, как священное изображение, достойна почитания. Среди икон имеются иконы особо чтимые – чудотворные. Но не было случая в истории церкви, чтобы какая-либо из этих чудотворных икон обновлялась таким порядком, каким обновляются иконы в настоящее время в Смоленской епархии. Такого обновления не было, да и не нужно было.

Почиталась икона не за внешний свой вид и блеск, а за ту чудодейственную силу, которая изливалась от нее на молящихся. Эти иконы, как древние, сохраняли свой потускневший вид, не изменялись и не обновлялись и русский православный человек, сохраняя старину, не допускал обновления чудотворных икон.

На основании всего вышеизложенного я заявляю, что массовое обновление икон, которое происходит в настоящее время в епархии, не может быть признано сверхъестественным. Свое определение этого непонятного явления может быть вынесет научная экспертиза.

При сем считаю необходимым сообщить Вам, что мною уже послан соответствующий доклад в Московскую Патриархию, которая уяснит этот вопрос с церковной точки зрения.

Управляющий Смоленской епархией Сергей,
епископ Смоленский и Дорогобужский.

Верно: Митин³²

ГАСО. Ф. Р-1620. Он. 2. Д. 9. Л. 5³³.

32 Собственноручная подпись.

33 В начале августа в д. Зарубинки был направлен секретарь Смоленского епархиального управления протоиерей Николай Валуженич. 7 августа 1949 г.

В августе 1949 г. уполномоченный Н. Л. Митин представляет следующий отчет (по состоянию на 15 августа), в котором подводит итоги расследования, а также неприглядно характеризует деятельность священников, причастных к фактам обновления икон.

Представители от верующих села Зарубинки заявили мне, что они и все верующие крайне обеспокоены о том, что после ареста священника Никонovichа будет закрыта Зарубинская церковь. Мною было раз’яснено представителям от верующих, что им не следует беспокоиться: арест священника Никонovichа не связан с церковью, церковь закрыта не будет, при первой возможности к Вам в Зарубинку по всей вероятности епископ направит временно другого священника. [...] Что же касается Никонovichа, то Вам не следует особо беспокоиться. Соответствующие органы разберутся, если он окажется невиновен, то немедленно будет освобожден. [...]

Несколько слов о деятельности священника Никонovichа:

Никонovich окончил Витебскую духовную семинарию. С 1904 г. по 1918 год служил полковым священником. В 1931 году судим, отбывал наказание – 8 лет лагерей. В дореволюционный период состоял членом организации «Михаила архангела». В период оккупации 1941–1943 г.г. работал священником, во время богослужения превозглашал Гитлеру Заздравницу, предавал публично анафеме русских людей, замученных гитлеровскими палачами, а особенно коммунистов; оплакивал, как «мучеников» расстрелянных партизанами предателей родины, фашистских наймитов и прислужников. Имеются сведения, что во время «обновления» иконы в деревне Черкасы Зарубинского сельсовета, после молебствия в доме Марии Боженковой Никонovich выступил с проповедью о «чудодейственном явлении “обновления” иконы», объясняя верующим, что это предвещает великое божье знамение. Со мной такой случай повторяется второй раз в жизни. Первый случай «обновления иконы» произошел в 1917 году. Это предвещало смену царского правительства, а второй случай – это сейчас, следовательно надо ждать «великих

он представил епископу Сергию рапорт, в котором изложил основные положения своего обращения к жителям деревни. Валуженич охарактеризовал случаи обновления икон как «ложное понятие почитания св. икон», как «выдумку фанатически настроенных праздных людей, усердствующих не по разуму» и как «нездоровое явление в духовной жизни», отметив при этом, что «это новое ненормальное явление вызывает в церковной жизни подражание у досужих женщин и как бы соревнование между собою по части обновления своих собственных икон разными доступными им способами» (ГАСО. Ф. Р-1620. Оп. 1. Д. 14. Л. 33–33 об.).

событий». Никонович организовал перенос обновленной иконы в село Зарубинку, предав этому явлению чудодейственный характер, тем самым активизировал отсталую часть населения в области усиления религиозных чувств³⁴.

Отношение правящего епископа к «обновлению» икон весьма двойственно. С одной стороны он высказывает мнение, что он не придает этому случаю абсолютно никакого значения, но, с другой стороны, он не предпринял никаких мер противодействия о прекращении подобных явлений и только после моего настойчивого желания узнать, какое же мнение лично епископа и что Вы намерены предпринять в дальнейшем, не дав положительного ответа, он выехал в патриархию за консультацией. По возвращении из Москвы он написал обращение к отдельным священникам о том, что «обновление» икон не следует считать сверхъестественным чудом³⁵,

34 Паства встала на защиту священника, стремясь оградить его от чиновничьих наветов. В архиве сохранилась «Апелиционная жалоба», составленная жителем д. Зарубинки Никанором Федоровичем Дмитриевым, датированная 20 февраля 1950 г. и адресованная «Центральному Министру православных русских церквей». В рукописном документе (орфография и пунктуация источника сохранены) читаем: «Осьмилливаюсь заявить Центральному МИНИСТРУ православных русских церквей в том, что на священника Зарубинской церкви Никановича Владимира Антоновича, некоторыми личностями, ложно-клеветнически доказано что Никанович В. А. вел вредное пропогортирование, это неверно. Никанович В. А. прямой защитник родины и правительства. Впервых ввремя отечественной войны с Германией, служа в Зарубинской церкви собрал несколько тысяч денег для правительства. Вовторых собирал для инвалидов отечественной войны и их детей, хлеб, холст, шерсть и т. п. даже совместно с псаломщиком пожертвовали своих восемь пудов рассыпного хлеба; кроме этого до отечественной войны с Германией, работая столяром на гражданском аеродроме, за доброкачественную работу получил одобрительное свидетельство; и за все это, доброжелательное отношение к родине и правительству ложными клеветами некоторых личностей, семидесяти тремя годами старик Никанович В. А. посажен в тюремное заключение; где находится семь месяцев». Далее заявитель просит детально разобрать дело Никановича, «а над этими личностями принять ресспресивные меры, потому что, они своей ложной клеветой подарвывают авторитет правительства и утруджают начальство» (ГАСО. Ф. Р-1620. Оп. 1. Д. 15. Л. 6).

35 «Обращение к пастырям православной церкви Смоленской епархии» датировано 27 июля 1949 г. В нем епископ Сергей, в частности, отмечает: «За последние два месяца в западных приходах Смоленской Епархии были случаи изменения внешнего вида св. икон. Эти изменения приняли массовый характер. Считаю необходимым предупредить духовенство Епархии, что молва о какой-то воображаемой чудесности распространяется людьми с целью искусственного возбуждения народных масс нездоровым извращением религиозного чувства, принимающего кощунственный характер для истинного почитания св. икон [...]. В случае, если впредь будут обнаруживаться такие иконы, священнику надлежит

но, однако, Епископ не принял надлежащих мер к священнику Микуличской церкви Шимковичу, который в день храмового праздника, в присутствии 2000 человек молящихся организовал в храме «обновление» иконы, что послужило основным сигналом «обновления» икон в других районах (Понизовском, Демидовском).

[...] в отдельных районах – Касплянском, Руднянском, Дорогобужском и других церковники проявили исключительную активность по внедрению капиталистических пережитков в сознании трудящихся, особенно в районах Касплянском, Руднянском, Пречистенском и Демидовском приняло массовое движение «обновления» икон. Первое начало «обновления» икон было организовано в дер. Черкасы Касплянского района. 3-го мая 1949 г. гр. Боженкова (дочь бывшего немецкого старосты) заявила секретарю партийной организации тов. Потемкину Т. Е. и председателю сельсовета тов. Шелабину, что у нее в доме «обновилась» икона, по этому случаю необходимо пригласить священника.

Т.т. Потемкин и Шелабин осмотрели «обновленную» икону и вместо того, чтобы разоблачить шарлатанство, раз’яснить народу, что это обман, жульничество, они согласились с предложением Боженковой и оказали ей содействие в организации посыльных за священником в с. Зарубинку. Несмотря на расстояние 8–10 клм. от Черкас до Зарубинки, священник Никанович незамедлил прибыть в дом Боженковой. По прибытии отслужил торжественный молебен в доме Боженковой и предложил устроить крестный ход с «обновленной» иконой в соседние населенные пункты.

Председатель сельсовета тов. Шелабин не разрешил крестного хода, мотивируя тем, что для этого требуется разрешение исполкома райсовета.

Никанович окончив обряд церемоний по случаю «обновления» иконы, организовал групповое крещение детей школьного возраста, вначале дер. Черкасы, а затем в соседнем колхозе «Страна Советов». По сведениям всего было крещено более 50 чел.

Вечером 3.V.49 г. Никанович выехал в Зарубинку («домой»). 4-го мая с. г. гр. Боженкова совместно с группой колхозников в 20–30 чел. с пением церковных молитв «обновленную» икону отнесли в Зарубинскую церковь. Священник Никанович организовал торжественную встречу, в церкви было совершено богослужение, икона была поставлена в алтаре на престоле. После

принимать их и направлять через благочинного ко мне в Смоленск, чтобы эта икона не являлась предметом неправильного понимания истинного православного учения церкви о чудотворных иконах и не смущала сердца верующих. При всяком отдельном случае обновления икон рекомендую не допускать стечения народа и не совершать ни молебствий, ни крестных ходов» (ГАСО. Ф. Р-1620. Оп. 1. Д. 14. Л. 32).

торжественной церемонии Никанович выступил с проповедью перед верующими. В своей речи он заявил – «в жизни это со мной второй случай “обновления” иконы. Первый случай произошел в 1917 г., это было предсказание о смене царского правительства, и второй случай это теперь в дер. Черкасы, что также предвещает великие события, так будем просить господ бога, чтобы он ниспослал нам великую милость».

Через несколько дней Никанович организовал продажу «святой» воды верующим от чудотворной иконы, распуская слух, что эта вода исцеляет от всех болезней.

Вскоре после этого началось массовое «обновление» икон в других населенных пунктах Касплянского района. Последующее «обновление» икон такой торжественности не принимало, иконы в церковь не приносились, оставались в домах владельцев и на места священники не выезжали.

Успех на идеологическом фронте, а также и полученные доходы в связи с «обновлением» иконы в дер. Черкасы вскружило голову священнику Никановичу и то обстоятельство, что это событие прошло довольно гладко и беспрепятственно, священник Никанович организовал второе «обновление» иконы уже не в крестьянской лачуге, а в божьем храме.

В первых числах июля в день храмового праздника (8-я пятница после пасхи) Никанович, как благочинный, выезжает в с. Микулино Руднянского района к священнику Шимковичу, приглашается третий священник с. Любавичи Тихомиров, по случаю храмового праздника совершается торжественное богослужение в Микулической церкви. По окончании богослужения в церкви Никанович и Шимкович организуют крестный ход на реку, где отслужили молебен. Возвратясь в церковь, священник Шимкович объявляет присутствующим, что пока мы ходили на реку, в храме произошло «божественное чудо», «обновилась» икона божией матери. В честь обновления иконы был отслужен молебен. После молебствия Шимкович выступил с проповедью перед верующими, которых присутствовало около 2000 чел. В своей речи Шимкович разъяснил верующим, что «обновление» икон теперь должно произойти повсеместно, как предвестник величайших событий.

Авантюра «обновления» иконы, организованная священниками Никановичем и Шимковичем оживила деятельность церковников соседних районов. Через несколько дней началось массовое обновление икон в Понизовском и Демидовском районах.

По неточным данным, в районах Касплянском, Демидовском, Понизовском и Руднянском «обновилось» около 150 икон. Это обстоятельство вызвало массовое хождение колхозников в рабочее время по деревням (из деревни в деревню) и по домам колхозников, где происходило, так называемое «обновление» икон.

По предварительным данным дом Боженковой посетило свыше 500 человек.

Это провокационное мероприятие причинило большой материальный ущерб колхозам и колхозникам этих районов, дезорганизовало трудовую дисциплину в колхозах, оживило активность и деятельность церковников.

ГАСО. Ф. Р-1620. Оп. 2. Д. 9. Л. 15–17.

Локальная волна обновлений продолжилась в 1950 г. На этот раз эпицентр переместился в Стодолищенский район³⁶. Согласно докладу уполномоченного от 28 августа 1950 г., «чудеса» с обновлением икон в храме были инициированы священником и приурочены к праздникам.

**Информационные отчеты и доклады уполномоченного
Совета по делам Русской Православной церкви
при Совете Министров СССР по Смоленской области за 1950 г.
(4 февраля – 21 декабря 1950 г., 47+1 л.)**

По имеющимся сведениям священник Терешковской церкви³⁷, Стодолищенского района КОЗЛОВСКИЙ Александр в день Ивана Купала (7 июля 1950 г.) во время исполнения хирувумской организовал у себя в храме «обновление» иконы Николая Чудотворца. Поэтому случаю отслужил в церкви благодарственный молебен.

В день Тихвинской³⁸ им было дополнительно организовано частичное «обновление» двух икон (часть венчиков) Митрофана и Тихвинской. Причем Козловский это явление сочетал со сошествием золотого луча с неба через окно посредством которого частично обновились указанные иконы. После обновления в присутствии прихожан Козловский выступил со следующим обращением: «Вот если будем верить и искренне просить господа бога, то это обновление будет полным и повсеместным».

Жена Козловского помогает своему супругу «в святых делах», она распространяет среди населения слухи о том, что в их храме неизбежно еще «придет божья благодать потому, что мой муж и я искренне верим в чудеса господни».

³⁶ Стодолищенский район – административно-территориальная единица в составе Западной и Смоленской областей РСФСР, существовавшая в 1929–1961 гг. В 1961 г. район был упразднен, а его территория разделена между Починковским и Рославльским районами.

³⁷ Церковь Николая Чудотворца в д. Терешок.

³⁸ Праздник Тихвинской иконы Божией Матерью отмечается 9 июля.

На замечания священников Чугунова и Милославского (гостивших у Козловского 24 июля) «смотри батя наживешь ты с этим обновлением неприятности», Козловский ответил: «Совершившееся чудо это факт. Я не боюсь никаких репрессий. Об этом знают местные власти, в частности Начальник Стадолищенского МББ³⁹».

24 июля с/г. священники города Рославля Милославский и Чугунов со своими женами осмотрели «чудотворные иконы» Терешковской церкви. Священник Милославский после осмотра этих икон дает свое заключение что обновление икон это проделки самого Козловского с целью личной наживы и поднять упавший авторитет церкви.

В целях привлечения массового полонничества в Терешковскую церковь Козловский посылает своих приближенных жену и некую Романовну, Дееву и др. в населенные пункты с заданием распространять слухи о «чудесах» обновления икон в Терешковской церкви.

Сам Козловский 6–7 августа специально выезжал в г. Рославль к гр-ке Деевой Анастасии Петровне, поручив ей и некоторым другим усиленно распространять слухи среди верующего населения об обновлении икон в Терешковской церкви. Деева добросовестно выполняет указания Козловского, она разнесла вести по городу Рославлю и ближайших населенных пунктов Хорошовского, Кирилловского и Крапивенского с/советов, призывая верующих лично убедиться в обновлении икон поехать в Терешковскую церковь.

6 августа священник Никитский благочинный этого округа, он же и секретарь Смоленской епархии, посетил Терешковскую и Рославльские церкви и во время своего пребывания в городе Рославле в частном разговоре с священником Милославским (гор. Рославля) спросил его «известно ли верующим о том, что в Терешковской церкви обновились иконы». Милославский ответил, «об этом идут усиленные разговоры, уже знают много верующих». Никитский предупредил Милославского: «Вы много не шумите поэтому вопросу, епископ пока об этом не знает. Это дело успокоится само по себе».

В начале августа месяца обновление икон произошло в пос. Стодолище в доме гр-ки Романовны (деревенская клочка), в дер. Борщевка Терешковского с/совета в доме Новиковой Александры Павловны, в д. Кубышки Дербужского с/с обновление икон произошло в 6-ти домах (фамилии мне неизвестны).

24 августа по сообщению священника Милославского (фамилию которого прошу не оглашать) в Терешковской церкви обновились еще две иконы.

³⁹ Вероятно, в документе опечатка и должно быть: МГБ. В 1946–1953 гг. в структуре Министерства государственной безопасности (МГБ) существовал отдел «О» (по оперативной работе среди духовенства), имевший свои районные отделения.

Вследствие того, что обновление икон в Стодолищенском районе приняло массовое явление прошу принять срочные меры к устранению указанного явления.

28.8.50 года

№ 35/С

Уполномоченный Совета по делам

РПЦ при СМ Союза ССР

/Митин/

ГАСО. Ф. Р-1620. Оп. 2. Д. 10. Л. 34–34 об.

Излагая сценарий обновления икон, уполномоченный обращает внимание на механизм распространения слухов (с помощью добровольных помощников священника), на стадиальность процесса – обновление в храме влечет за собой волну обновлений в частных домах⁴⁰. Указывает Н. Л. Митин и на источник полученных сведений – священника-информатора, передававшего ему содержание частных бесед.

Волна обновлений икон на Смоленщине в указанные годы развивалась наряду с появлением и распространением «святых писем»⁴¹. Начиная с 1953 г. обе волны пошли на спад. В сборнике «Спутник атеиста» в разделе «Самообновление икон» сообщается: «За последние годы “самообновление” икон наблюдалось в Смоленской области, где за один только 1953 г. произошло более 10 случаев “самообновления”»⁴² – однако указанное число не идет в сравнение с массовыми случаями 1949–1950 гг.

И. С. Бутов упоминает лишь один случай обновления икон в 1949 г. в Смоленской области и относит начало волны обновлений икон в этом регионе к 1953–1956 гг. (после того как в 1949–1950 гг. волна прошла по территории БССР и с новой силой вспыхнула в 1952 г. в восточных (приграничных с Россией) районах Могилевской области)⁴³. Однако материал показывает, что смоленские случаи после 1953 г. не были столь многочисленными, как в 1949–1950 гг. (когда было зафиксировано 72 факта обновления), что позволяет утверждать: на территории Белоруссии и на Смоленщине процесс развивался симультанно.

40 Вектор этой волны направлен от д. Терешок на северо-запад и на юго-восток вдоль железной дороги Смоленск – Рославль, что подтверждает наблюдение И. С. Бутова о привязке как самого явления, так и слухов о нем к местам скопления и перемещения большого количества людей (см.: *Бутов И. С. Арал чудес... С. 152*).

41 См.: *Белова О. В. «Святые письма» 1935–1953 гг.*

42 *Спутник атеиста* / ред. Т. Панфилова, М. Скибицкий. М., 1961. С. 499.

43 *Бутов И. С. Арал чудес... С. 79, 125.*

Источники и литература

Государственный архив Смоленской области (ГАСО).

Белова О. В. «В остальных сельсоветах чудес за отчетный период не происходило» // *Живая старина*. 2018. № 3. С. 60–64.

Белова О. В. Обновление икон в Рославльском уезде в 1923 г. в документах государственных и партийных органов // *Традиционная культура*. 2026. Т. 27. № 1. С. 37–46. DOI: 10.26158/TK.2026.27.1.003

Белова О. В. «Святые письма» 1935–1953 гг. из Смоленской (Западной) области // *Живая старина*. 2025. № 3. С. 52–56.

Бурдуков И. В. Смоленская епархия Русской Православной Церкви в вероисповедной политике советского государства и жизни общества в 1943–1964 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет». Брянск, 2024. 25 с.

Бутов И. С. Арел чудес: волны обновлений икон в XIX – первой половине XX века. Минск: Колорград, 2018. 168 с., ил.

Бутов И. С. «Вот где “чудо” бы состряпать: обновить отцов лет на пять...» (антирелигиозные частушки и стихи об обновлениях икон 1920–1930-х гг.) // *Живая старина*. 2022. № 1. С. 47–50.

Кауль М. В. Владыка Сергей (Смирнов): епископское служение и взаимоотношения с клиром послевоенной церкви // *Вопросы истории*. 2020. № 9. С. 228–240.

Копылова О. Н. Отчеты уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви как источник по изучению Русской Церкви во 2-й половине XX столетия // *Вестник церковной истории*. 2021. № 3/4 (23/24). С. 64–92.

Спутник атеиста / ред. Т. Панфилова, М. Скибицкий. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. 628 с., ил.

References

Belova, O. V. “«V ostal'nykh sel'sovetakh chudes za otchetnyi period ne proiskhodilo.»” *Zhivaia starina*, 2018, No 3, pp. 60–64.

Belova, O. V. “Obnovlenie ikon v Roslavl'skom uezde v 1923 g.: v dokumentakh gosudarstvennykh i partiinykh organov.” *Traditsionnaia kul'tura*, 2026. Vol. 27, No 1, pp. 37–46. DOI: 10.26158/TK.2026.27.1.003

Belova, O. V. “«Sviatye pis'ma» 1935–1953 gg. iz Smolenskoï (Zapadnoi) oblasti.” *Zhivaia starina*, 2025, No 3, pp. 52–56.

Burdukov, I. V. *Smolenskaia eparkhiia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v veroispovednoi politike sovetskogo gosudarstva i zhizni obshchestva v 1943–1964 gg.* Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Briansk, 2024, 25 p.

Butov, I. S. *Areal chudes: volny obnovlenii ikon v 19 – pervoi polovine 20 veka.* Minsk: Kolorgrad, 2018, 168 p.

Butov, I. S. ««Vot gde “chudo” by sostriapat': obnovit' ottsov let na piat'...» (antireligioznye chastushki i stikhi ob obnovleniakh ikon 1920–1930-kh gg.)» *Zhivaia starina*, 2022, No 1, pp. 47–50.

Kail', M. V. «Vladyka Sergii (Smirnov): jepiskopskoje sluzhenije i vzaimootnosheniia s klirom poslevojennoi tserkvi.» *Voprosy istorii*, No. 9, 2020, p. 228–240.

Kopylova, O. N. «Otchetny upolnomochennykh Soveta po delam Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi kak istochnik po izucheniiu Russkoi Tserkvi vo 2-i polovine 20 stoletiiia.» *Vestnik tserkovnoi istorii*, 2021, No 3/4 (23/24), pp. 64–92.

Sputnik ateista, ed. by T. Panfilova, M. Skibitskii. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1961, 628 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.25

O. V. Belova

Renewal of Icons in the Smolensk Region in 1949–1950: Based on Materials from the State Archive of the Smolensk Region

Olga V. Belova

Doctor of Letters, principal research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: olgabelova.inslav@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5221-9424

Citation:

Belova O. V. Renewal of Icons in the Smolensk Region in 1949–1950: Based on Materials from the State Archive of the Smolensk Region // Slavic Almanac. 2026. No 1–2. P. 457–474 (in Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.25

Received: 29.05.2025.

Abstract

The article analyzes information about the cases of icons' renewal recorded in the Smolensk region in 1949–1950 and reflected in documents from the State Archive of the Smolensk region (fund R-1620 “Commissioner of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of Ministers of the USSR for the Smolensk region”).

This local wave of icon renewals in private homes and temples (72 cases in total) has not attracted the attention of researchers so far. The archival materials clearly show the vector of the spread of “miracles of renewal”, the mechanism of spreading rumors about renewed icons, and also contain an assessment of the manifestations of popular religiosity given by representatives of ideological structures and the Orthodox Church ministers. The documents emphasize the exposure of superstitions and the position that the “miracles” of renovation of icons in churches were engineered by priests and timed to coincide with the church holidays; the renewal in the homes of private individuals was the result of the use of various cleaning products. At the same time, the Commissioner’s reports give negative characteristics to people involved in cases of icon renovation (cooperation with the occupiers during the war, spreading anti-Soviet rumors, organizing “pilgrimages” to places of icon renovation, etc.). Information about the wave of icon renovation in the Smolensk region in 1949–1950 clarifies the geography of this phenomenon on the Russian-Belarusian ethnocultural borderland and add new data to the already known facts.

Keywords

Renewal of icons, folk religiosity, religious practices, anti-religious propaganda, ethnocultural borderland, the State Archive of the Smolensk region.

УДК 94(47).08

А. В. Ганин

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.26

Первая русскоязычная монография о генерале Р. Д. Радко-Дмитриеве

Потрашков С. В. Радко Димитриев – судьба русофила. – М.: Издательство «Кучково поле»: Ретроспектива, 2025. – 320 с. – ISBN: 978-5-6047858-6-7.

Ганин Андрей Владиславович
Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: andrey_ganin@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8602-1990

Цитирование

Ганин А. В. Первая русскоязычная монография о генерале Р. Д. Радко-Дмитриеве // Славянский альманах. 2026. № 1–2. С. 475–485. DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.26

Рецензия поступила в редакцию 12.12.2025.

Аннотация

Рецензия посвящена новой книге историка-болгариста, доктора исторических наук С. В. Потрашкова «Радко Димитриев – судьба русофила», увидевшей свет в Москве в издательствах «Кучково поле» и «Ретроспектива» в 2025 г. Книга представляет собой первую русскоязычную монографию об известном болгарско-русском генерале Р. Д. Радко-Дмитриеве (1859–1918) – человеке сложной и драматичной судьбы, патриоте России и Болгарии, участнике Русско-турецкой 1877–1878 гг., Сербо-болгарской 1885 г., Балканских и Первой мировой войн. На основании как российских, так и болгарских источников, прежде всего из фондов Российского государственного военно-исторического архива и Государственного военно-исторического архива Болгарии, автор реконструирует биографию героя книги на широком фоне событий истории двух стран. Автор опирается на служебные документы генерала, воспоминания современников, переписку и другие материалы. Особое внимание уделено малоизвестным страницам ранней биографии генерала Радко-Дмитриева, а также истории формирования его русофильских взглядов.

Ключевые слова

Р. Д. Радко-Дмитриев, новые книги, рецензия, Первая мировая война, Болгария, Российская империя, российско-болгарские отношения.

В Москве вышла в свет монография известного болгариста и военного историка, доктора исторических наук С. В. Потрашкова о выдающемся болгарско-русском военном деятеле, генерале от инфантерии Радко Дмитриеве (в российской исторической традиции – Радко Дмитриевиче Радко-Дмитриеве, мы позволим себе придерживаться именно такого варианта) (24.09.1859–18/19.10 (31.10/01.11).1918)¹. И если в Болгарии издано уже по крайней мере две биографии генерала², то в России это первое монографическое исследование о нем, хотя Радко-Дмитриева нельзя назвать фигурой, обделенной вниманием русскоязычных исследователей³.

Напомним читателям основные вехи биографии генерала. Радко-Дмитриев родился в селе Градец Сливенского округа. В период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. служил в русской армии, а после войны окончил Софийское военное училище в его первом ускоренном выпуске, получив чин прапорщика. Решив продолжить свое военное образование, Радко-Дмитриев в 1884 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба в Санкт-Петербурге (из числа зарубезных славян академия подготовила больше всего

1 Потрашков С. В. Радко Дмитриев – судьба русофила. М., 2025.

2 Дренски И. Генерал Радко Дмитриев. София, 1962; Чацевски В. Радко Дмитриев. Пълководецът. София, 2018. К сожалению, на обложке последней по ошибке помещена фотография генерала А. М. Драгомирова.

3 См., напр.: Гусев Н. С. Судьба Радко Дмитриева и память о нем в контексте российско-болгарских отношений конца XIX – начала XX в. // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 12 (6). С. 7–27; Гусев Н. С. «Болгарин – ты! Ты – гордость наша! Ты – славный русский генерал!»: генерал Радко Дмитриев в зеркале русской прессы во время Первой мировой войны // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 21–22 мая 2019 г. / отв. ред. Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова. М., 2019. С. 89–93; Гусев Н. С. Судьба Радко Дмитриева (1859–1918) как зеркало русско-болгарских отношений // Болгария – Россия. 140 лет дипломатических отношений: история, состояние, перспективы: Материалы юбилейной болгаро-русской конференции (05–06 июля 2019): Сборник статей. М., 2020. С. 303–313.

именно болгарских офицеров⁴; впрочем, русские выпускники отмечали, что для иностранцев допускались значительные послабления⁵). Участвовал и отличился в Сербо-болгарской войне 1885 г. Затем был одним из организаторов заговора и переворота августа 1886 г. в Болгарии, приведшего к свержению правившего страной князя Александра Баттенберга. В результате последовавшего контрпереворота Радко-Дмитриев, переодевшись крестьянином, бежал в Россию и вновь поступил на службу в русскую армию. Тогда же в Россию перебрались практически все известные болгарские офицеры-русофилы. В 1898 г. он опять вернулся в Болгарию и служил там, в том числе участвовал в Балканских войнах, занимая руководящие посты в болгарской армии, и даже получил прозвище «герой Лозенграда». В 1913–1914 гг. занимал должность болгарского посланника в России. С началом Первой мировой войны, когда Болгария заняла нейтральную позицию, а фактически ориентировалась на Центральные державы, принял российское подданство и вновь поступил на русскую военную службу, будучи принят на нее с чином генерал-лейтенанта. Участвовал в войне, командуя корпусом и армией. Произведен в генералы от инфантерии и награжден орденами Св. Георгия 4-й и 3-й ст. В годы войны имя Радко-Дмитриева в России героизировалось и популяризировалось (даже печатались брошюры о его реальных и мнимых подвигах)⁶, тем более что Болгария приняла участие в войне на стороне Центральных держав, а прославленный болгарский генерал поддержал Россию. В итоге фигура генерала оказалась переоценена, что не могло не привести к неудачам на фронте. Летом 1917 г. Радко-Дмитриев уехал в Эссентуки на лечение. Официально не примкнул ни к белым, ни к красным, а осенью 1918 г. был взят в заложники красными и зарублен вместе с генералом Н. В. Рузским и десятками других заложников на городском кладбище Пятигорска.

4 Подробнее см.: *Ганин А. В.* Западные и южные славяне-генштабисты в России от Первой мировой к Гражданской войне (1914–1922 гг.) // Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Очерки истории. М., 2015. С. 80–97.

5 Hoover Institution archives (HIA). F. P. Rerberg collection. Box 1. *Rerberg Ф. П.* Исторические тайны великих побед и поражений, предательства и революции. Десятый армейский корпус на полях сражений первого периода Великой войны. Александрия, 1925. С. 154; *Шапошников Б. М.* Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1982. С. 130–131.

6 *Гусев Н. С.* Судьба Радко Дмитриева... С. 13.

Автор книги заинтересовался личностью Радко-Дмитриева достаточно давно и посвятил ему серию статей (их перечень см. на с. 308–309). Дальнейшая работа увенчалась выпуском монографии. С. В. Потрашков показывает неудобство фигуры генерала для исторической памяти двух стран в различные периоды их истории. Для Болгарии Радко-Дмитриев был при жизни и остается неудобным сегодня в силу своего русофильства (в частности, из-за этого в 1935 г. болгарские власти, как отмечается в рецензируемой книге, посчитали нежелательным перезахоронение останков генерала на родине). В Народной республике Болгария сложности в изучении биографии генерала были связаны с обстоятельствами его трагической гибели в период красного террора. По этой же причине он не подходил для изучения и в СССР. Неудивительно, что первая монография о нем на русском языке увидела свет только в наши дни.

В книге использованы документы как российских, так и болгарских архивов – прежде всего Российского государственного военно-исторического архива и Государственного военно-исторического архива Болгарии, а также отдельные материалы частных архивов. Автор изучил служебные документы Радко-Дмитриева, его переписку, воспоминания о нем и многие другие источники. Сильной стороной монографии является привлечение большого объема источников и литературы на болгарском языке, которые редко попадают в поле зрения российских историков.

Автор прослеживает весь жизненный путь болгарско-российского генерала от рождения до гибели и, что немаловажно, вписывает биографию своего героя в контекст эпохи, рассказывая о тех драматических событиях, свидетелем и участником которых был Радко-Дмитриев. Существенное внимание уделено политическим взглядам героя книги. Радко-Дмитриев видел в России страну, которая способна обеспечить национальную независимость Болгарии. Близка ему была и идея славянской федерации под властью российского императора (с. 56), хотя это были лишь мечтания. Отметим и то, что генерал поддерживал контакты с российскими политическими деятелями, в частности с оппозиционным власти лидером октябристов А. И. Гучковым (с. 169, 180–181, 209), что не ускользнуло от внимания Департамента полиции, негласно наблюдавшего за Гучковым. Одна из встреч в марте 1913 г. состоялась даже перед приемом у императора Николая II. Гучков мог консультировать Радко-Дмитриева в связи с предстоящей аудиенцией.

Новый труд развенчивает некоторые мифы, сложившиеся вокруг фигуры Радко-Дмитриева, а также исправляет те неточности, которые

вошли в другие биографии генерала. Так, С. В. Потрашков отмечает, что существующие утверждения об участии героя книги в Апрельском восстании 1876 г. носят во многом легендарный характер (с. 13), уточняет автор и обстоятельства поступления будущего генерала в русскую армию в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (с. 14–16), а также ряд других вопросов.

Различные периоды жизни героя книги освещены в ней неравномерно. Это и неудивительно, поскольку часть источников, в том числе вследствие политических катаклизмов, оказалась недоступна автору. Кроме того, биография генерала связана с целым рядом событий болгарской и российской истории, без глубокого погружения в которые в полной мере раскрыть перипетии участия Радко-Дмитриева в них достаточно сложно. Между тем архивы хранят целые пласты материалов, разработка которых способна значительно расширить существующие представления о деятельности генерала, например в годы Первой мировой войны.

Было бы немаловажно сделать выводы о Радко-Дмитриеве как о военачальнике, дать оценку его профессиональным компетенциям и достигнутым результатам. К сожалению, в книге оценки его действий в Первую мировую войну сугубо восторженные, а вина за неудачи возлагается на вышестоящее командование или на плохое обеспечение армии (с. 241, 245, 247, 248, 261). Действительно, о Радко-Дмитриеве сохранилось множество восторженных отзывов (чаще всего людей, далеких от военных вопросов и управления войсками), однако встречались и иные. Некоторые сослуживцы периода Первой мировой войны считали генерала храбрым боевым начальником, полководцем суворовско-драгомировской школы, но плохим стратегом и тактиком, который «больше подходил к маршалам наполеоновской эпохи, чем к генералам современных войн»⁷. Радко-Дмитриева критиковали за неумение работать со штабом, самоубийственные лобовые и штыковые атаки, а также за недооценку артиллерии⁸. Эти наблюдения подтверждаются свидетельствами о том, что весной 1916 г. генерал, командуя VII Сибирским армейским корпусом и 12-й армией, бросал войска на авантюрные штурмы укрепленных позиций противника при дневном свете и без должного обеспечения⁹.

7 Bakhmetteff Archive of Russian and East European History & Culture. D. N. Tikhobrazov Collection. Box 3. *Тихобразов Д. Н.* Воспоминания. Глава 2. В штабе 3-й армии (1914–1915 г.). С. 27.

8 Там же. С. 107.

9 Latvijas Valsts arhīvs (Partija arhīvs). PA-Ф. 45. Оп. 3. Д. 26. Л. 48–50, 57.

Советский главком И. И. Вацетис (подчиненный Радко-Дмитриева в 1916 г.) вспоминал: «После сегодняшнего решения Радко-Дмитриев учинит 16 марта еще раз кровавую бойню в районе Баусского шоссе, перед моими глазами снова вставала картина страшного избиения баталиона 52-го Сиб[ирского] полка 8 марта. Я не находил никакого оправдания в гибели этого баталиона, и эта жертва была для меня непонятна. Кому она была нужна? То же самое, но только более сильное кровопролитие будет утром 16-го, и на этот раз на бойню поведут 5-й и 6-й Лат[ышские] б[атальо]ны, и эту чудовищную работу бесполезного истребления молодого поколения латышского народа должен буду выполнить я... Я не трус. Я сотый раз уже смотрел в глаза верной смерти, но от грядущих событий мне становилось страшно... У меня сложилось определенное желание сорвать атаку»¹⁰. Аналогичные свидетельства относятся и к службе Радко-Дмитриева на посту командующего 3-й армией осенью 1914 г.¹¹ Уже тогда, как образно выразился генерал Ф. П. Рерберг, Радко-Дмитриев на кровавом экзамене на звание полководца провалился по всем статьям¹². Понятно, что на полях сражений Первой мировой подобные представления военачальника вели к бессмысленной гибели тысяч вверенных ему солдат.

Еще одним «белым пятном» даже после выхода книги продолжает оставаться вопрос об участии Радко-Дмитриева в Гражданской войне в России, причем последний год жизни генерала в рецензируемом исследовании практически не освещен. Поскольку отношение генерала к происходившим событиям оставалось неопределенным, позднее приверженцы тех или иных взглядов пытались приписать Радко-Дмитриеву поддержку того или иного лагеря Гражданской войны (с. 290). Разумеется, не все свидетельства такого рода убедительны и достоверны. Со ссылкой на утверждения сына генерала, явно относящиеся к советскому периоду, в книге констатируется, что попытки сторонников белых привлечь Радко-Дмитриева на свою сторону генерал категорически отвергал (с. 284). Однако это не совсем так. По имеющимся свидетельствам, Радко-Дмитриев был связан с антибольшевистским подпольем на Юге России. Мичман Н. Н. Алексеев вспоминал: «С Я. А. Слащевым я впервые встретился в начале весны 1918 года в Эссентуках, на квартире у ныне покойного генерала

10 Там же. Л. 57–58.

11 НИА. Ф. Р. Rerberg collection. Вох 1. *Рерберг Ф. П.* Исторические тайны... С. 127.

12 Там же. С. 150.

Радко-Дмитриева. Я находился на Минеральных Водах в командировке с поручениями от штаба Добровольческой армии. На нас, группу офицеров, командированных во главе с полков[ником] Хованским из Ростова-на-Дону, была, между прочим, возложена задача создать местные формирования из офицерских кадров для борьбы в тылу большевиков, подошедших к Ростову со стороны Тихорецкой.

Ген[ерал] М. В. Алексеев, отправляя нас на Кавказ, дал прямое приказание связаться с некоторыми перечисленными им лицами, находившимися в то время в Минераловодской группе. Среди этих лиц был и ген[ерал] Радко-Дмитриев.

Но ген[ерал] Радко-Дмитриев отклонил от себя прямую работу на Добровольческую армию, хоть и не отказал в своих советах и указаниях и, помнится, не расходясь в этом с начальником “центра” ген[ералом] Л., начал с того, что рекомендовал на роль технических руководителей новых повстанческих групп полковников Слащева, Шульмана и Случевского»¹³. Причем упомянутый в цитате полковник Слащев – не кто иной, как будущий знаменитый белый генерал Я. А. Слащев-Крымский.

Это свидетельство рисует иную картину участия Радко-Дмитриева в Гражданской войне, однако история антибольшевистского подполья на Северном Кавказе еще ждет своего исследователя. Также известно, что будущие видные деятели Белого движения на Юге России полковники Слащев и А. Г. Шкуро встречались с Радко-Дмитриевым для возможного привлечения его к руководству вооруженными формированиями против немцев, однако генерал отказался. По некоторым данным, в резкой форме отказался он и от службы в Красной армии¹⁴.

Трагическая участь Радко-Дмитриева, быть может, объясняется тем, что он являлся популярным военачальником, потенциально способным собрать под свои знамена вооруженную силу, а кроме того, отказался поддержать Советскую власть. Схожим оказался в 1918 г. жизненный финал и других популярных генералов Первой мировой войны – П. К. Ренненкампа, Н. В. Рузского, А. Е. Эверта.

Что касается неизбежных недостатков издания, отметим встречающиеся в нем опечатки (например, в инициалах упоминаемых персоналий) и некоторые неточности. Одна из наиболее досадных – ошибка

¹³ Алексеев Н. Я. А. Слащев // Возрождение (Париж). 1929. № 1326. С. 3.

¹⁴ Красный террор в годы Гражданской войны в России. По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков. М., 2004. С. 64.

в переводе даты гибели героя книги со старого на новый стиль. Казнь в Пятигорске произошла в ночь с 18 на 19 октября старого стиля или с 31 октября на 1 ноября нового стиля, а не с 1 на 2 ноября, как пишет автор (с. 295).

Конечно, вышедшую книгу нельзя считать итогом изучения биографии генерала Радко-Дмитриева. Как отмечает сам автор, «в процессе работы над текстом обнаружилось наличие значительного числа лакун в биографии генерала. Это в первую очередь относится к детским и юношеским годам, семье, жизни вне службы. Обращают на себя внимание и многочисленные нестыковки в, казалось бы, хорошо известных эпизодах ранней биографии Р. Дмитриева. Таким образом, заключительное слово о деяниях нашего героя еще не сказано» (с. 9). Как уже отмечено, дальнейшего исследования ждут и некоторые другие периоды жизни Радко-Дмитриева. Кроме того, в архивах России, Болгарии и других стран сохраняется внушительный массив неиспользованных документов, которые могут существенно дополнить то, что уже введено в научный оборот. Тем не менее выход первой русскоязычной монографии о Радко-Дмитриеве – это важная веха на пути к более глубокому пониманию как самой этой исторической фигуры, так и российско-болгарских отношений его времени.

Источники и литература

Bakhmetteff Archive of Russian and East European History & Culture.
Hoover Institution archives (HIA).
Latvijas Valsts arhīvs (Partija arhīvs).

Алексеев Н. Я. А. Слещев // Возрождение (Париж). 1929. № 1326. С. 3.

Ганин А. В. Западные и южные славяне-генштабисты в России от Первой мировой к Гражданской войне (1914–1922 гг.) // Первая мировая война и судьбы народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Очерки истории / отв. ред. Е. П. Серапионова. М.: Институт славяноведения РАН, 2015. С. 80–97.

Гусев Н. С. «Болгарин – ты! Ты – гордость наша! Ты – славный русский генерал!»: генерал Радко Дмитриев в зеркале русской прессы во время Первой мировой войны // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 21–22 мая 2019 г. / отв. ред. Е. С. Узенё-

ва, О. В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН, 2019. С. 89–93. DOI: 10.31168/2619-0869.2019.1.21

Гусев Н. С. Судьба Радко Димитриево и память о нем в контексте российско-болгарских отношений конца XIX – начала XX в. // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 12 (6). С. 7–27. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-6-69-7-27

Гусев Н. С. Судьба Радко Димитриево (1859–1918) как зеркало русско-болгарских отношений // Болгария – Россия. 140 лет дипломатических отношений: история, состояние, перспективы: Материалы юбилейной болгаро-российской конференции (05–06 июля 2019): Сборник статей. М.: Издательский дом «ИМЦ», 2020. С. 303–313.

Дренски И. Генерал Радко Димитриево. София: Държавно военно издателство, 1962. 200 с.

Красный террор в годы Гражданской войны в России. По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / под ред. Ю. Г. Фельштинского, Г. И. Чернявского. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2004. 512 с.

Потрашков С. В. Радко Димитриево – судьба русофила. М.: Изд-во «Кучково поле»: Ретроспектива, 2025. 320 с.

Цачевски В. Радко Димитриево. Пълководецът. София: Studia Transmedia, 2018. 430 с.

Шапошников Б. М. Воспоминания. Военно-научные труды. М.: Воениздат, 1982. 560 с.

References

- Alekseev, N. “Ia. A. Slashhev.” *Vozrozhdenie (Paris)*, 1929, no 1326, p. 3.
- Drenski, I. *General Radko Dimitriev*. Sofia: Durzhavno voenno izdatelstvo, 1962, 200 p.
- Ganin, A. V. “Zapadnye i iuzhnye slaviane-genshtabisty v Rossii ot Pervoi mirovoi k Grazhdanskoi voine (1914–1922 gg.).” *Pervaia mirovaia voina i sud'by narodov Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy. Ocherki istorii*. Moscow, 2015, pp. 80–97.
- Gusev, N. S. “«Bolgarin – ty! Ty – gordost' nasha! Ty – slavnii russkii general!»: general Radko Dimitriev v zerkale russkoi pressy vo vremia Pervoi mirovoi voiny.” *Slavianskij mir: obshchnost' i mnogoobrazie. Tezisy konferencii molodykh uchenykh v ramkakh Dnej slavianskoj pis'mennosti i kul'tury. 21–22 maia 2019 g.*, ed. by E. S. Uzeniova, O. V. Khavanova. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2019, pp. 89–93. DOI: 10.31168/2619-0869.2019.1.21
- Gusev, N. S. “Sud'ba Radko Dimitrieva i pamiat' o niom v kontekste rossiisko-bolgarskikh otnoshenii kontsa XIX – nachala XX v.” *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2019, no 12 (6), pp. 7–27. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-6-69-7-27

Gusev, N. S. Sud'ba Radko Dimitrieva (1859–1918) kak zerkalo rusko-bolgarskikh otnoshenii. *Bolgariia — Rossiia. 140 let diplomaticeskikh otnoshenii: istoriia, sos-toianie, perspektivy: Materialy iubileinoi bolgaro-rossijskoi konferencii (05–06 iulia 2019): Sbornik statei*. Moscow: Izdatel'skii dom «IMC», 2020, pp. 303–313.

Krasnyi terror v gody Grazhdanskoi voiny v Rossii. Po materialam Osoboi sledstvennoi komissii po rassledovaniuu zlodeianii bol'shevikov. Moscow: TERRA-Knizhnyi klub, 2004, 512 p.

Potrashkov, S. V. *Radko Dimitriev – sud'ba rusofila*. Moscow: Izdatel'stvo «Kuchkovo pole»: Retrospektiva, 2025, 320 p.

Shaposhnikov, B. M. *Vospominaniia. Voенno-nauchnye trudy*. Moscow: Voenizdat, 1982, 560 p.

Tsachevski, V. *Radko Dimitriev. Pulkovodetsut*. Sofia: Studia Transmedia, 2018, 430 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.26

A. V. Ganin

The First Russian-Language Monograph on General R. D. Radko-Dmitriev

Andrey V. Ganin

Doctor of History, leading research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: andrey_ganin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8602-1990

Citation

Ganin A. V. The First Russian-Language Monograph on General R. D. Radko-Dmitriev // *Slavic Almanac*. 2026. No 1–2. P. 475–485 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.26

Received: 12.12.2025.

Abstract

This review examines a new book by S. V. Potrashkov, Doctor of Historical Sciences and specialist in Bulgarian history, titled *Radko Dimitriev: The Fate of a Russophile* (Moscow: Kuchkovo Pole and Retrospektiva, 2025). The work represents the first Russian-language monograph on the renowned Bulgarian-Russian General R. D. Radko-Dmitriev (1859–1918) — a man of complex and dramatic fate, a patriot of both Russia and Bulgaria, and a veteran of the Russo-Turkish War (1877–1878), the Serbo-Bulgarian War (1885), the Balkan Wars, and World War I. Drawing on Russian and Bulgarian sources, primarily from the Russian State

Military Historical Archive and the State Military Historical Archive of Bulgaria, the author reconstructs the subject's biography against the broad backdrop of the two nations' histories. The study utilizes the general's service records, contemporaries' memoirs, correspondence, and other primary materials. Particular attention is paid to little-known pages of Radko-Dmitriev's early life and the formation of his Russo-phile views.

Keywords

R. D. Radko-Dmitriev, new books, review, World War I, Bulgaria, Russian Empire, Russian-Bulgarian relations.

**Эпоха войн и революций
в новой работе российского историка**

Шубин А. В. Мировая революционная волна (1918–1923 гг.). Отлив. – М.: Академический проект, 2025. – 509 с. – ISBN: 978-5-8291-4355-8.

Стыкалин Александр Сергеевич

Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

Ведущий специалист

Российский государственный архив социально-политической истории

125009, ул. Большая Дмитровка, д. 15, Москва, Российская Федерация

E-mail: zhurslav@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0834-9090

Цитирование

Стыкалин А. С. Эпоха война и революций в новой работе российского историка // Славянский альманах. 2026. № 1–2. С. 486–498.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.27

Рецензия поступила в редакцию 14.12.2025.

Аннотация

Рецензируется новая монография А. В. Шубина, логически продолжающая его работу «Мировая революционная волна (1918–1923). Прилив». В центре внимания автора затухание революционного процесса, охватившего просторы как распавшейся Российской империи, так и ряд европейских стран, а также колониальных и полуколониальных земель Азии после окончания Первой мировой войны, итогом которой явилось крушение четырех империй (Российской, Германской, Австро-Венгерской и Османской). В работе уделено должное внимание происходившим внутри большевистской партии дискуссиям о путях углубления революции. Отдельная глава посвящена крестьянским движениям на просторах распавшейся Российской империи (включая махновщину на Левобережной Украине) и их программным требованиям, которые вступали в противоречие как с целями белого движения, так и с аграрной политикой

большевиков в годы «военного коммунизма». Автор не обходит стороной и решение национального вопроса на обширной территории, унаследованной от распавшейся Российской империи, включая ее западные земли. Он приходит к выводу, что реализованная модель образования СССР не только заморозила столкновение национальных проектов, но и перенаправила векторы национальных стремлений на общую модернизацию. Особое внимание рецензента уделено освещению в монографии затухания революционного процесса в Балканском регионе.

Ключевые слова

Последствия Первой мировой войны, распад империй, мировой революционный процесс, русская революция 1917 г., крестьянские движения новейшего времени, разрешение национальных противоречий, новейшая история Балкан.

Доктор исторических наук профессор А. В. Шубин известен как историк широкого кругозора, обращающийся в своих многочисленных трудах к анализу ключевых проблем отечественной политической истории новейшего времени, истории международных отношений, истории левых движений и идей. Его новая монография, предлагаемая вниманию коллег, входит в серию его работ, посвященных эпохальным изменениям в мире по итогам Первой мировой войны, являясь логическим продолжением опубликованной несколько лет назад его книги «Мировая революционная волна (1918–1923). Прилив»¹. В центре внимания рецензируемой работы А. В. Шубина находятся революционные процессы в Европе и России прежде всего в условиях их затухания в 1920–1923 гг., осмысленные в широкой исторической перспективе. Автор обращается к опыту революций в странах, достигших разного уровня общественного развития, оказавшихся в неодинаковом положении по окончании мировой войны и соответственно стоявших перед необходимостью решения своих специфических задач.

В монографии дается подробное изложение происходивших внутри большевистской партии, и прежде всего на ее съездах, дискуссий относительно возможностей углубления революции, о путях и методах строительства социализма, о масштабах централизации и милитаризации

¹ Шубин А. В. Мировая революционная волна (1918–1923 гг.). Прилив. М., 2020.

управления экономикой, о производственной демократии с реальным приобщением рабочих к управлению и о роли в этой связи профсоюзов (так называемая «дискуссия о профсоюзах»).

Отдельная глава посвящена крестьянским движениям на просторах распавшейся Российской империи и их программным требованиям, которые вступали в противоречие как с целями белого движения, так и с аграрной политикой большевиков в годы «военного коммунизма». Особое внимание уделено таким масштабным феноменам, как махновщина в Левобережной Украине, тамбовское повстанческое движение (антоновщина), крестьянское восстание в Западной Сибири, выступления среди казачества на Дону и Северном Кавказе, карельская трудовая коммуна. Все эти движения к весне 1921 г. приобрели такой размах, что делали вполне реальным падение большевистской власти в России и на Украине. А. В. Шубин акцентирует внимание на их гетерогенности: «Сибирские повстанцы имели широкий спектр идей от анархистов до монархистов. Ситуация была такова, что против большевиков объединились все от “порозовевших” экс-белых до принявших более умеренную советскую программу анархистов. И везде восставшие требовали ликвидации режима продрозверстки и запретов, установленных однопартийной диктатурой коммунистов, – причем вместе с самой этой диктатурой и самими коммунистами». При этом в крестьянских движениях явно доминировал левый тренд: «В общей массе повстанчества, которое влияло на ситуацию в стране, “белая” составляющая представляет из себя незначительную и явно второстепенную часть, а сторонники левых идей очевидно преобладают, хотя и между ними есть различия в спектре от анархизма до сторонников многопартийного государства с доминированием демократических социалистов. Но подавляющее большинство повстанцев действует единым фронтом против коммунистического режима, прекратив прежнюю вражду друг с другом эсеров, бывших большевиков, бывших белых и сторонников национальных проектов». Всё это позволило автору говорить о целостности повстанческого движения как фактора революции и гражданской войны в 1921 г.

Как показало самое мощное из антибольшевистских движений левого толка, Кронштадтское восстание, подробно описанное в книге, протестные настроения отнюдь не ограничились крестьянством, перекинувшись и на рабочий класс. «Что касается политических свобод, то кронштадтцы требовали закрепления и выполнения тех принципов Октября, от которых Ленин уже собирался отказаться не только

на время широкомасштабной гражданской войны, но и после нее: лево-социалистический идейно-политический плюрализм и регулярные свободные перевыборы Советов». Закат повстанчества автор связывает с поворотом экономического курса, заменой продрозверстки продналогом. Ведь несмотря на то, что Кронштадтское восстание было подавлено, сохранять далее «военный коммунизм» было крайне рискованно: это было чревато полной катастрофой режима и экономики. Автор задается вопросом: насколько реальны были перспективы свержения большевистской диктатуры на волне протестных настроений 1920–1921 гг. И ответ дает отрицательный, ведь «коммунистический режим отработал в ходе беспощадной гражданской войны механизм карательных мероприятий, направленных на подавление восстаний. Они включали массовые расстрелы, заложничество, концлагеря, конфискации, артиллерийские обстрелы и сожжения деревень. Но террор гибко сменялся послаблениями и “прощениями”, часто обманными. Такую махину можно было свалить только быстрыми ударами, вызывающими раскол армии и аппарата управления (как это случилось с самодержавием четыре года назад). Шансы на это были в феврале-марте 1921 г., но на длинной дистанции коммунисты побеждали. Повстанческое движение, не имевшее единого и даже скоординированного командования, расширяло район своих действий, но не могло сконцентрироваться для решающих ударов».

После его подавления большевистская власть должна была сосредоточиться на борьбе с массовым голодом, церковным влиянием и интеллигентским инакомыслием, представлявшими для этой власти немалую угрозу. Всем этим сюжетам, как и знаменитому процессу 1922 г. над эсерами (носителями идеологической альтернативы большевизму в революционном движении), в работе также уделено должное внимание именно в контексте поставленных автором перед собой задач (в том числе задачи определить критерии завершения революции в России). Как констатирует автор, подводя итоги своего анализа, «решение социальных задач, поставленных в начале Великой Российской революции большинством партий и движений, оказалось скромным», при этом затяжной и разрушительный характер противоборства разных сил (а с 1921 г. прежде всего внутри самой большевистской партии) поставил перспективу послереволюционной модернизации страны на крайне низкий старт. А кроме того, поскольку и в условиях НЭПа любая политическая оппозиционность и даже идеологическая неортодоксальность могла существовать в СССР только в подполье, в решении своих демократических

задач революция, как констатирует автор, потерпела тяжелое поражение, пусть и не полное, ведь «пока сохранялись люди, которые вкусили от плода политического плюрализма, (ино)партийные структуры могли восстановиться так же быстро, как были разрушены. Стоило только коммунистической партии потерять контроль над массами или расколоться – из советских учреждений и ссылок могли вернуться опытные партийные лидеры с готовыми программами и давно наработанными связями между собой». Прекрасно осознавая это, диктатура жила как на вулкане, «нервно реагируя на проявления инакомыслия арестами “спецов”, пока не выяснилось, что главной опасностью для коммунистов стали их собственные противоречия». Поскольку революция создала уникальные возможности для вертикальной социальной мобильности, овладевшая властью под ее знаменем большевистская диктатура могла опереться на массовую поддержку снизу. Но поскольку «система диктатуры не позволяла разделить ответственность за происходящее с другими общественными силами — большевистская партия отвечала за все. Счета к ней могли предъявить и “бывшие”, и “гегемоны революции”, разочарованные ее результатами, и придавленная силой крестьянская масса, и интеллигенция, недовольная авторитаризмом, произволом и некомпетентностью новой бюрократии».

Автор не обходит стороной и решение национального вопроса на обширной территории, унаследованной от распавшейся Российской империи, включая ее западные земли. Он приходит к выводу, что реализованная модель образования СССР была едва ли не оптимальной, поскольку она «не только заморозила столкновение национальных проектов, но и перенаправила векторы национальных стремлений на общую модернизацию, обеспечила вовлечение в нее широких масс нерусского населения, помогла сплочению советских граждан перед лицом внешних вызовов, включая Великую Отечественную войну».

Затрагивает автор и так называемое «политическое завещание» Ленина, сформулированное в его последних письмах и статьях. Как показывает А. В. Шубин, кооперация для Ленина и ленинцев была не другой моделью социализма, а лишь «тактическим выходом из тупика на пути к прежней цели. Поэтому кооперация, экономика самоуправляющихся коллективов, при коммунистическом режиме была обречена стать еще одним приводным ремнем к системе бюрократического господства, а затем – формой пролетаризации крестьянства, включения его в индустриально-бюрократическую пирамиду».

Другой вопрос – это то, что независимо от представлений самого Ильича «ленинский кооперативный план» открыл возможность использовать тему кооперации для отхода части коммунистов от ортодоксального марксизма-ленинизма во второй половине XX в.

Монография содержит немало методологических новаций. Они относятся к анализу причин ослабления революционной активности, сравнительно-историческому анализу российской и германской революций, выявлению соотношения социальных и национальных факторов в итогах потрясений 1918–1923 гг. Нам лично показался особенно интересным и заслуживающим дальнейших размышлений авторский взгляд на соотношение революционного и объективно контрреволюционного (при всей левизне своей окраски) начал в развитии Великой Российской революции и истории последовавших за ней межвоенных десятилетий. Стремление подавить тех, кто ведет борьбу за продолжение и дальнейшее углубление революции, всегда носит, по сути, контрреволюционный характер, даже если люди, избравшие такой курс, позиционируют свою преемственность революции и ее идеалам. И согласно такому взгляду на вещи, установление жесткой большевистской диктатуры носило контрреволюционный характер, и дело не менялось от того, что становление новой имперской государственности на пространстве канувшей в лету Российской империи происходило «под красным знаменем злейших врагов этой империи». Это в известном смысле контрреволюционный поворот, причем выдававшийся новой властью за закономерный результат революции, хорошо осознавался массой рядовых участников революционного процесса: «Укрепление управленческой вертикали после победы над белыми вызывало широкий протест. “За что боролись?” На место царских сановников пришли комиссары, и это – не временное следствие гражданской войны, а закрепляется как ее результат».

Уже кронштадтский мятеж 1921 г. стал первым знаком массового разочарования во власти, отступившей на практике от проповедуемых ею революционных идеалов. В дальнейшем революционная мысль не раз обращалась к осмыслению этого, по сути, контрреволюционного поворота. В числе других – Л. Д. Троцкий (сам больше многих других причастный к осуществлению поворота к жесткой диктатуре) в работе «Преданная революция», одна из глав которой называлась «Советский термидор»². Надо сказать, что проводимые им параллели с ходом Великой Французской революции не были

² *Троцкий Л. Д. Преданная революция: что такое и куда он идет?* М., 2024.

чем-то уникальным в духовной атмосфере 1930-х гг. Можно сказать больше: они очевидно витали в воздухе, обращение к термидорианским параллелям просто напрашивалось. Книга Троцкого, изданная в 1936 г., не могла, по понятным причинам, стать достоянием советского читателя. Однако тема Термидора вдруг оказалась (неожиданно для партийных аппаратчиков) в эпицентре духовной жизни СССР в год начала Второй мировой войны. В стране победившего социализма достаточно широко отмечалось в 1939 г. 150-летие Великой Французской революции, завершившейся термидорианским переворотом. И осенью того же года, главным образом на страницах сугубо литературного издания «Литературный критик», разворачивается привлекающая большое внимание советской гуманитарной интеллигенции дискуссия вокруг только что вышедшей в русском издании книги Георга Лукача «К истории реализма», где среди прочего осмыслялось отношение к Французской революции ее великих современников. Только что заключенный договор с нацистской Германией стал наиболее наглядным свидетельством постепенно произошедшего Термидора, если воспринимать это понятие как символ контрреволюционного перерождения революционной власти. Параллели не сразу были замечены бдительными цензорами, позволив дискуссии зайти слишком далеко, но в итоге всё завершилось вполне предсказуемо – принятием партийного постановления и закрытием журнала.

Проблема Термидора неотделима от более общей проблемы завершения революции или путей выхода из нее, также поднятой автором в своей монографии. И здесь история предоставляет исследователю огромный и разнообразный конкретный материал, подход к которому требует, однако, определенных теоретических оснований. С точки зрения автора, «революция – это процесс преодоления старых системообразующих структур общества и создания новых путем социально-политической конфронтации». Т. е. акцент делается на слове «процесс»: пока сам процесс не завершен, продолжается и революция. А завершается он, когда «так или иначе находят разрешение основные вопросы, которые стояли перед страной в ее начале». А это могли быть и аграрно-продовольственный, и рабочий, и национальный вопрос, и тесно связанный с ними вопрос о власти и государственном устройстве. При этом, по признанию автора, «процесс преодоления старой социальной системы может происходить и в рамках старой легитимности (системы признанных большинством общества государственно-политических и правовых институтов)». Реформы, причем достаточно системные, могут происходить и без революции.

Революция, по А. В. Шубину, – «лишь одна из стадий более длительного перехода от одной исторической фазы к другой (в начале XX в. – от традиционного аграрного общества к индустриальному городскому)». А значит, ее завершение не означает конца модернизации. Применительно к русской революции и стоявшим перед ней задачам представляет интерес анализ А. В. Шубиным соотношения в революционном процессе социально-освободительного и техникомодернизационного начал. Многие соавторы плана ГОЭЛРО не разделяли коммунистическую утопию, предпочитали режим политической свободы. Но они понимали, что концентрация всех хозяйственных ресурсов в руках государства и проведенные мобилизационные меры позволят быстрее и эффективнее восстановить разрушенное войной хозяйство, а затем и совершить экономический рывок.

Поскольку программа русского большевизма имела и свое международное измерение, связанное со стремлением разжечь мировую революцию, значительная часть работы посвящена революционному процессу 1920–1923 гг. за пределами пространства распавшейся Российской империи. В качестве главного инструмента координации международного коммунистического движения выступал, как известно, Коминтерн, деятельность которого на ряде основных направлений (германском, итальянском, что было связано с острой фракционной борьбой и громкими расколами в соответствующих компартиях) в книге подробно описана. При этом внешняя политика СССР не могла избавиться от своего рода дуализма, поскольку деятельность Коминтерна как «штаба мировой революции» создавала затруднения Наркоминделу, прилагавшему дипломатические усилия в целях не только расширения международного признания советского государства, но и установления экономических связей с внешним миром, без чего было невозможно элементарное восстановление разрушенной страны. В работе рассмотрена довольно подробно деятельность в этом плане Г. В. Чичерина на Генуэзской конференции, не всегда поддержанная политбюро большевистской партии. Что касается линии Москвы и Коминтерна в отношении разных компартий и поставленных центром перед ними задач, то они различались в зависимости от соотношения сил на левом фланге внутривнутриполитической жизни той или иной страны и других факторов. Автор показывает разногласия внутри большевистской и коминтерновской элиты относительно оптимальной стратегии с учетом меняющейся экономической конъюнктуры, возникновения новых политических феноменов (таких как итальянский фашизм) и т. д.

Работа опирается на неплохое знание историографии рассмотренных в ней революционных событий в Центральной и Юго-Восточной Европе. Это касается и обращения А. В. Шубина к истории Болгарии в связи с формированием отношения коммунистов к лево-популистским движениям. Вместе с тем при рассмотрении не столько самих революционных событий, сколько социальных процессов на Балканах, их предопределивших, стоило бы шире использовать новейшую литературу. Так, в основательной главе о болгарском крестьянском движении, правительстве БЗНС и социальном эксперименте А. Стамболийского иногда видим ссылки на работы, которые сегодня можно считать устаревшими. Между тем процесс модернизации болгарского общества после 1878 г. подробно и основательно изучен на вполне современном уровне в монографии Р. П. Гришиной «Лики модернизации в Болгарии» (2008) и ряде других ее работ, опубликованных в серии «Человек на Балканах в конце XIX – начале XX вв.» под руководством А. Л. Шемякина³. К этим работам можно было бы обращаться активнее. Вообще при описании судеб Болгарии и предпосылок ее турбулентного развития в начале 1920-х гг. стоило бы, наверное, сделать чуть больший акцент на упомянутые, впрочем, в работе трагические для страны события – катастрофическое поражение во Второй балканской войне (1913), нанесшее огромной силы удар по иллюзиям превращения Болгарии в крупную балканскую державу, закономерный вследствие этого поражения внешнеполитический выбор в пользу Центральных держав и поражение в Первой мировой войне. Автор справедливо, хотя и не вдаваясь в некоторые важные детали, упоминает в этой связи о мирном договоре в Нейи, не просто определившем статус страны в Версальской системе, но и поставившем Болгарию в положение региональной изоляции. Только всесторонний, скрупулезный анализ всех последствий (в том числе экономических и социально-психологических) этой национальной катастрофы 1910-х гг. позволяет в полной мере понять, почему деморализованное и дезориентированное болгарское общество в немалой своей части поддержало силу, вставшую на путь радикальных социальных реформ (в конкретном болгарском случае под лозунгами «крестьянской демократии»). На балканском материале не было бы лишним

³ Гришина Р. П. Лики модернизации в Болгарии в конце XIX – начале XX веков (бег трусой по пересеченной местности). М., 2008; Человек на Балканах: социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX – середина XX в.) / отв. ред. Р. П. Гришина. СПб., 2007.

более широкое обращение к сравнительно-историческому анализу, сопоставлению социального развития той же Болгарии с развитием соседних стран. Ведь в Болгарии (особенно по контрасту с соседней «боярской» Румынией, но отчасти и с Грецией с сильными экономическими позициями православной церкви) развитие капитализма после освобождения от турецкого влияния и изгнания турецких землевладельцев в 1878 г. не было отягощено феодальными пережитками. Поэтому и государственно-политическая элита в Болгарии была не боярско-аристократической, как в соседней Румынии, а созданной (как, впрочем, и в Сербии) прежде всего на крестьянской основе. Конкретно в Болгарии элита сформировалась уже после 1878 г., не будучи укорененной в более глубоких исторических традициях. Эту болгарскую специфику, надо сказать, неплохо чувствовала дореволюционная петербургская дипломатия, что отчетливо видно из аналитической записки, подготовленной в МИД Российской империи в 1913 г., в период Балканских войн. Неизвестный нам внешнеполитический эксперт возводил истоки болгаро-румынских противоречий к временам пребывания обоих народов под турецким владычеством. Если в Болгарии, завоеванной огнем и мечом, национальное сознание народа и его энергия постепенно крепились, то в Румынии, подвергшейся «разлагающему влиянию добровольного подчинения», эти народные доблести со временем исчезали. Различия в характере подчинения османам, а значит и в его результатах, проявились и в складе социальных отношений. В Болгарии привилегированный класс был уничтожен в середине века, и это способствовало единению власти и народа. В Румынии и в начале XX в. существовали резкие социальные различия, и этим она отличалась от балканских государств. Пропасть между властью и народом проявилась и во внешнеполитическом выборе: румынские политики после 1878 г. склонились в сторону Тройственного союза, что шло вразрез с глубоко укорененным в народе стремлением к освобождению Трансильвании из-под венгерского владычества⁴.

В связи с болгарскими претензиями на некоторые территории, оказавшиеся у соседей (прежде всего на Македонию, отчасти на Южную Добруджу), хочется подчеркнуть, что независимо от побед или поражений в войнах они имели свои основания уже в силу культурно-языковой близости проживавшего там населения болгарам (процесс формирования самостоятельной македонской нации

⁴ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3739. Л. 460–463.

находился еще в довольно ранней стадии, а что касается Южной Добруджи, там явно доминировали болгары).

Работа вполне логично завершается глубоким анализом событий осени 1923 г. в Германии в более широком контексте международных отношений. «Как показал опыт Турции, добившейся пересмотра Севрского договора, у Германии в 1923 г. был шанс на пересмотр Версальского мира. Ее лидеры не решились воспользоваться этим шансом, что усилило популярность реваншизма, крайнего национализма в последующей истории Веймарской республики», – замечает автор. И все-таки насколько реален был этот шанс, учитывая неимоверную усталость общества от войн и потрясений? (Автор сам признает, что революция в Германии к этому времени выдохлась.) Нам представляется справедливым мнение ведущего историка-германиста А. Ю. Ватлина, в своих работах показывающего, что в Германии 1923 г. в общем отсутствовали объективные предпосылки победоносной революции⁵. А к этому добавлялся еще и конфликт личных амбиций в среде коммунистов, лишивший партию возможности сконцентрировать силы на решающем участке борьбы. Кстати, А. В. Шубин, вероятно, прав, отмечая, что тот же острый конфликт внутри большевистской партии, вполне обозначившийся к осени 1923 г., уберет СССР от вмешательства в германские дела, а значит «от принесения колоссальных жертв на алтарь мировой революции».

Книга содержит сотни сносок, автор опирается не только на большое количество литературы, но и на малоизвестные или впервые публикуемые источники (в частности, из Российского государственного военного архива, при описании Кронштадтского восстания). Подробно и с большим знанием дела А. В. Шубин пишет о дипломатических перипетиях и теоретических дискуссиях, проводя интересные параллели, например, между последними текстами Ленина и бланкизмом, понимаемым не как путчизм, а как конструктивная стратегия. Можно заметить также, что книгу отличает не только точность, но и образность даже в заголовках типа: «Процесс эсеров и приговор большевикам»; «Окно в Европу»; «Вокруг Генуи: расколоть фронт или достроить храм». Некоторые страницы работы носят полемический характер, убедительно разоблачая, в частности, конспирологические построения ряда авторов.

⁵ См. из новейших работ: *Ватлин А. Ю.* Большевики и коммунисты. Советская Россия, Коминтерн и КПГ в борьбе за германскую революцию 1918–1923 гг. М., 2024.

Резюмируя вышесказанное, следует констатировать, что новая монография А. В. Шубина представляет собой существенный вклад в изучение межвоенного периода мировой истории на его начальной стадии.

Источники и литература

Архив внешней политики Российской империи.

Ватлин А. Ю. Большевики и коммунисты. Советская Россия, Коминтерн и КПП в борьбе за германскую революцию 1918–1923 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2024. 470 с.

Гришина Р. П. Лики модернизации в Болгарии в конце XIX – начале XX веков (бег трусдой по пересеченной местности). М.: Институт славяноведения РАН, 2008. 256 с.

Троцкий Л. Д. Преданная революция: что такое СССР и куда он идет? М.: АСТ, 2024. 352 с.

Человек на Балканах: социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX – середина XX в.) / отв. ред. Р. П. Гришина. СПб.: Алетейя, 2007. 376 с.

Шубин А. В. Мировая революционная волна (1918–1923 гг.). Отлив. М.: Академический проект, 2025. 509 с.

Шубин А. В. Мировая революционная волна (1918–1923 гг.). Прилив. М.: Академический проект, 2020. 773 с.

References

Grishina, R. P. (Ed.). *Chelovek na Balkanakh: sotsiokul'turnye izmereniia protsessa modernizatsii na Balkanakh (seredina XIX – seredina XX v.)*. St Petersburg: Aletheia, 2007, 376 p.

Grishina, R. P. *Liki modernizatsii v Bolgarii v kontse XIX – nachale XX vekov (beg tustsoi po peresechennoi mestnosti)*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2008, 256 p.

Shubin, A. V. *Mirovaia revoliutsionnaia volna (1918–1923 gg.) Otliv*. Moscow: Akademicheskii projekt, 2025, 509 p.

Shubin, A. V. *Mirovaia revoliutsionnaia volna (1918–1923 gg.) Priliv*. Moscow: Akademicheskii proekt, 2020, 773 p.

Trotsky L. D. *Predannaia revoliutsiia: chto takoe SSSR i kuda on idet?* Moscow: AST, 2024, 352 p.

Vatlin A. Ju. *Bol'sheviki i kommunisty. Sovetskaia Rossiia, Komintern i KPG v bor'be za germanskuiu revoliutsiiu 1918–1923 gg.* Moscow: Politicheskaia entsiklopediia, 2024, 470 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.27

A. S. Stykalin

The Era of Wars and Revolutions in the New Work of a Russian Historian

Alexander S. Stykalin

Candidate of History, leading research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

Leading specialist

Russian State Archive of Social-Political History

125009, Bol'shaya Dmitrovka 15, Moscow, Russian Federation

E-mail: zhurslav@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0834-9090

Citation

Stykalin A. S. The Era of Wars and Revolutions in the New Work of a Russian Historian // Slavic Almanac. 2026. No 1–2. P. 486–498 (in Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.27

Received: 14.12.2025.

Abstract

This article reviews a new monograph by A. V. Shubin, which represents a logical continuation of his previous work, *The World Revolutionary Wave (1918–1923): The Tide*. The author focuses on the waning of the revolutionary process that engulfed the former Russian Empire, several European countries, and the colonial and semi-colonial lands of Asia following World War I, which resulted in the collapse of four empires (the Russian, German, Austro-Hungarian, and Ottoman). The work examines the debates within the Bolshevik Party regarding ways to deepen the revolution. A separate chapter is devoted to peasant movements across the territories of the collapsed Russian Empire (including the *Makhnovshchina* in Left-Bank Ukraine) and their program demands, which conflicted with both the goals of the White movement and the Bolsheviks' agrarian policy during the years of "War Communism." The author also touches upon the resolution of the national question in the vast territories inherited from the Russian Empire, including its western borderlands. He concludes that the implemented model of the formation of the USSR not only frozen the clash of national projects but also redirected national aspirations toward overall modernization. The reviewer pays particular attention to the monograph's coverage of the fading revolutionary process in the Balkan region.

Keywords

Consequences of the First World War, collapse of empires, world revolutionary process, Russian Revolution of 1917, modern peasant movements, resolution of national contradictions, modern history of the Balkans.

О новом исследовании проблем перевода русского субстандарта на болгарский язык

Петров А. Езикови субстандарт при превода на художествени текстове (за двойката руски и български език): монография. – София: Университетско издателство «Св.св. Кирил и Методий», 2024. – 180 с. – ISBN: 978-619-208-434-9.

Сивенкова Наталья Владимировна
Старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Университетская наб., д. 11, Санкт-Петербург,
Российская Федерация
E-mail: n.sivenkova@spbu.ru
ORCID: 0000-0003-2412-2670

Рецензия поступила в редакцию 05.07.2025.

Аннотация

В монографии болгарского исследователя Александра Петрова рассматриваются вопросы перевода субстандартной лексики, фразеологии и иных словосочетаний и выразительных средств с русского на болгарский язык. Перевод таких элементов всегда является сложной задачей. Терминологический аппарат, применяемый в переводоведении для языковой пары «болгарский и русский языки», не всегда имеет строгие эквиваленты, а научных трудов, посвященных его описанию в компаративистическом ключе, крайне мало. Монография А. Петрова вносит существенный вклад в систематизацию и уточнение переводоведческой терминологии и терминологии описания субстандарта. Анализ языкового материала, извлеченного из произведений В. Пелевина и их переводов на болгарский, ярко иллюстрирует специфику такого перевода.

Ключевые слова

Переводоведение, компаративистика, болгарский язык, русский язык, русский субстандарт, литература постмодерна.

Монография Александра Петрова «Языковые субстандартные элементы, используемые при переводе художественных текстов (на примере русского и болгарского языков)» (здесь и далее перевод наш. – Н. С.) посвящена актуальным вопросам перевода на болгарский язык современных постмодернистских текстов.

Автор монографии отмечает, что при современных нормах перевода учитываются новые тенденции языка: либерализация и демократизация, предполагающие устранение табу и автоцензуры при передаче субстандартных выразительных средств. Актуальность исследования он видит в систематизации приемов перевода (болг. «преводачески практики») текстов, относящихся к постмодернизму. Материалом для анализа послужили произведения В. Пелевина из сборника «ДПП» (2003) и «Generation “П”» (1999), обращение к которым, по словам А. Петрова, было продиктовано их стилистикой. Также анализируются переводы этих текстов на болгарский язык, выполненные И. Тотомановым («Высокое качество его переводов гарантирует легитимность выводов» (с. 12))¹.

Структура монографии – введение, три главы, заключение и библиография – продумана и логична. Первая глава называется «Понятие “субстандарт” на уровне языковой нормы, лексикографическое кодифицирование и употребление в тексте» и отражает комплекс знаний о том, что можно назвать теорией субстандарта. Вторая глава посвящена переводу субстандартной лексики в современных условиях, а в третьей проводится непосредственный анализ языкового материала из текстов В. Пелевина.

В первой главе исследователь подробно, с учетом диахронии и синхронии, останавливается на использовании лингвистами термина «субстандарт», опираясь на традиционно принятые положения, восходящие к работам Л. Блумфилда, а также З. Кёстер-Тома и др. Ссылаясь на труды преимущественно российских исследователей, он отмечает, что понятие английского субстандарта по Л. Блумфилду и современная научная трактовка этого понятия, когда к субстандарту относят все, что выходит за границы нормы, в некоторой степени отличаются. Также он обращает внимание и на сопоставительные исследования, посвященные социолектам в разных языковых парах (английский, русский, болгарский языки и др.), дифференциации понятий

¹ Пелевин В. Generation “П” / прев. И. Тотоманов. София, 2002; Пелевин В. Диалектика на преходния период (от никъде за никъде) / прев. И. Тотоманов. София, 2005.

арго, жаргон, сленг, субстандарт и неоднозначности их трактовок. Предпринятая автором попытка систематизации терминологического аппарата является несомненным достоинством монографии, это новая страница в болгарской лексикологии и терминоведении. Включение некоторыми переводчиками всего, выходящего за рамки нормы, в одно обобщенное представление о «просторечии» (более ранний термин для *субстандарта* в болгарской лингвистике) является определенной проблемой для теории перевода. В монографии много цитат, отражающих мнение русских теоретиков и практиков перевода С. Петрова, Н. Глен, М. Беккер и др. относительно перевода диалектизмов, просторечия и других отклонений от языковой нормы в исходном тексте. Проблемы терминоведения в данном аспекте для автора монографии очень важны. Обращаясь к работам С. Влахова и С. Флорина, он воспроизводит классификацию «внелитературных» лексических и фразеологических единиц, которые делятся на «коллективные» (просторечие (простонародную речь), диалекты (областные), говоры, наречия; жаргон, арг, сленг; профессиональные говоры; и т. п.) и «индивидуальные» (индивидуальное (каламбурное) искажение слов; речевые ошибки; дефекты речи, шепелявость и др.). На с. 26–43 систематизируется круг понятий, входящих в семантическое поле «субстандарт», и терминов для его описания; автор оговаривает, что в дальнейшем исследовании он будет использовать как синонимы следующие термины: «субстандартная лексика, субстандартные выразительные средства, субстандартные элементы и формы» (с. 43).

Междисциплинарность исследования осознается А. Петровым достаточно отчетливо: «Проблема терминологии в отношении субстандарта является не только социолингвистической или переводческой, так как интерес к нему проявляют и теория литературы, и риторика, и стилистика» (с. 25). Для российских болгаристов несомненный интерес представляет пункт «1.2.1. Дискуссии в болгарской лингвистике», в котором комментируются мнения болгарских лексикологов относительно термина «субстандарт», терминологии для описания субстандарта, проблем перевода относящихся к нему языковых единиц. Автор ссылается на труды Б. Вылчева, С. Стойкова, М. Лилова, И. Ликомановой, Д. Ивановой, Д. Попова, Т. Бояджиева и др. Обзор этих работ заслуживает внимания, так как охватывает материал из различных сфер функционирования языка, в том числе язык СМИ, учитывает коммуникативный и прагматический аспекты использования субстандарта в литературе. Российскому читателю они мало известны. Языковые явления, которые выходят

за рамки нормы, болгарские филологи относят к *просторечию*, которое носитель литературного языка использует в определенных ситуациях с целью усиления иронии, шутки, развлечения, т. е. для создания стилистического контраста, привнося субстандарт и в устную речь, и в письменные тексты. Пункт 1.2.2. посвящен трудам исследователей русского *субстандarta* и *нонстандarta* (З. Кестер-Тома, В. Химик, А. Волкогнова, В. Хомяков, Т. Кудинова и др.). Затронуты как терминографические проблемы, так и лексикографические. Автор упоминает более 50 словарей по данной тематике, в том числе труды В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной.

Обзор литературы охватывает и научные исследования русского постмодернистического субстандarta, в основном цитируются работы Т. Кудиновой, И. П. Лапинской, Е. Хакимовой, в которых отмечается смена парадигмы и небывалый рост обценной лексики в постсоветскую эпоху. Автор говорит о появлении термина *общий жаргон* и приводит его определение по Е. Хакимовой: это «совокупность общеизвестных лексических и фразеологических жаргонных единиц, которые утратили признак корпоративности и регулярно используются в качестве разговорных и просторечных средств сниженной экспрессии» (с. 52). Обращается внимание и на то, что эти «единицы антиязыка, регламентируемые антинормой», проникают и в художественные тексты.

Вторая глава монографии посвящена проблемам перевода субстандarta. Ссылаясь на труды И. Ликомановой, исследователь обращает внимание на особую роль русской литературы в отношении болгарской и «взаимочитаемости и взаимопонимания литератур» (болг. «взаимна четивност на литературата и взаимна разбираемост») (с. 55). В. Пелевина автор монографии относит к продолжателям русской классической литературы.

Во втором разделе этой главы рассматриваются проблемы сохранения авторского стиля при переводе. Подводя глубокую теоретическую научную базу, А. Петров начинает свои рассуждения от эпохи Н. Буало, часто цитирует К. Чуковского, Я. Рецкера, В. Комиссарова и др. относительно общих вопросов и трудностей перевода и переходит к работам болгарских переводоведов А. Лиловой и Т. Боевой. В переводе, по его мнению, важна «гармония между индивидуальным стилем, культурой переводчика и индивидуальным стилем писателя, что является диалектическим единством “традиционного” и “нового” и обнаруживается на фоне литературно-языковых традиций, с которыми автор непосредственно связан» (с. 61). Автор монографии

согласен с теми исследователями, которые считают, что перевод – это «сопоставительная стилистика в действии», и отмечает, что стиль произведений В. Пелевина – это вызов для переводчика в силу использования писателем-постмодернистом субстандарта, наличия в его текстах индивидуальных каламбуров, в том числе с вульгарной семантикой, интертекстом и псевдоцитатами. (Подчеркнем, что для языковой пары «болгарский – русский» подобных исследований авторского стиля крайне мало.)

Во второй главе подробно изложены основные положения русской и болгарской переводческих школ (в известном смысле следующих в одном русле) в советскую и постсоветскую эпоху, цитировать которые в данной рецензии мы считаем излишним, в монографии они отражены хорошо. Этот раздел работы, на наш взгляд, наиболее ценен для русских болгаристов-переводоведов и особенно преподавателей болгарского языка и студентов, которые могут почерпнуть компактно изложенные тезисы для систематизации знаний о профессии переводчика. Затрагиваются также вопросы прагматики перевода. Автор рассматривает способы компенсации субстандарта при отсутствии просторечных эквивалентов, обращая внимание на то, что иногда адекватная передача социальных реалий затруднена.

Третья глава «Анализ эмпирического материала» начинается с обобщения переводческих приемов, используемых для передачи субстандарта. Напоминая читателю, что для перевода могут быть использованы полные или частичные эквиваленты, калька, стилистическая компенсация, контекстный перевод, модуляция, паратекст, автор монографии последовательно рассматривает перевод тех или иных элементов субстандарта, начиная разбор примерами перевода существительных. Много страниц посвящено стратегиям, которые переводчик выбрал для передачи в тексте русских жаргонных слов «крыша», «стрелка», «базар» и др. Исследователь показывает, что при наличии формального эквивалента с похожей стилистической окраской (например, болг. «чадър» (букв. «зонт») для рус. «крыша»), переводчик не всегда пользуется им, прибегая к компенсации или другим приемам. А. Петров приходит к выводу, что для передачи субстандартных существительных в анализируемых им переводах (с русского на болгарский) были использованы в случае отсутствия в болгарском языке эквивалента: пропуск, компенсация, неправильный или неуместный перевод (автор предлагает при этом свои варианты, мы считаем их вполне подходящими). В следующих разделах третьей главы рассмотрен перевод частиц, междометий и звукоподражаний. Трудность

перевода частиц, по мнению А. Петрова, состоит в том, что они сочетают в себе характеристики других частей речи (с. 92), из чего возникает впечатление об их непереводаемости. Частицы в текстах В. Пелевина частотны, вариаций для передачи их значений тоже много. Не все носители русского языка различают русские союзы и частицы (например, противительный союз «же» и частицу «же»), тем интереснее примеры перевода этих омонимов на болгарский язык. Тема передачи функции частиц и союзов при переводе на болгарский с русского языка проработана недостаточно глубоко, и исследователям предстоит еще многое сделать. А. Петров описывает приемы перевода частиц «вот», «смотри», «ну и», «ладно», «-то», «что же за» и др. из произведений В. Пелевина. Приемы различны, обращают на себя внимание контексты, в которых для компенсации усилительного значения лексем исходного текста в болгарском переводе могут быть использованы частицы с усилительным значением, хотя в русском тексте усилительных частиц не было. Хотя некоторые пункты параграфа спорны, в целом автор монографии вносит существенный вклад в теоретическое и практическое переводоведение (в плане перевода с русского на болгарский).

В произведениях В. Пелевина, по мнению А. Петрова, «усилено употребление междометий», поэтому они приводятся не все, а выборочно (критериев отбора не указано). Среди просто сниженной лексики встречается и obscene. Откровенный русский мат в переводе, как нам кажется, смягчен. Интересны приводимые терминологические комментарии, поясняющие, что, если мат использован не с целью обругать собеседника, а для связки слов, его относят к «вторичному мату» или «мату второго рода». Возможно, исследователей субстандарта эта дискуссия увлечет, мы оставим ее за скобками, отметив, что такая лексика в монографии есть. Автор работы приводит пример, когда obscene междометие в одном из контекстов выражает положительную эмоцию и, не имея формальных эквивалентов в болгарском, в то же время может быть воссоздано с использованием другой сниженной лексики благодаря приему компенсации. Несколько абзацев посвящены глаголам, образованным от междометий, и их эквивалентам.

Один из самых интересных подпунктов третьей главы посвящен переводу каламбуров и игры слов. Кратко описывая «функциональные механизмы» (с. 107) игры слов, автор монографии отмечает, что для переводчика основной проблемой становится воссоздание «скрытого комизма» (А. Петров использует этот термин, цитируя других исследователей) (с. 108). Так, разбирая пример игры слов

«triskaidekaphobia, отравиться треской» в исходном тексте, исследователь замечает, что переводчик выбрал по созвучию «да не се продрискаш, след като си ял стари консерви например» вместо использования лексемы «треска» (с. 108). Заимствование «якитория» в русском тексте вызывает у персонажа ассоциацию с шашлыками, отчего следует развитие игры слов «пустят на шашлыки», в болгарском же переводе появились «рибоядница», «направят на суши» соответственно. Достаточно подробно А. Петров показывает логичность такой замены, приводя примеры известных болгарских фразеологизмов. Игра слов в иноязычном вкраплении, наоборот, проблем не представляет: «United Kingdom > United Queendom > United Queerdom» в переводе на болгарский не изменено. Разобран ряд других каламбуров, выводы приводятся на с. 115. Рассматривая иноязычные вкрапления и перечислив девять основных функций таких элементов по С. И. Маниной, автор монографии проводит далее анализ примеров из означенных текстов (по его наблюдению, более 70 иноязычных вкраплений). Так, в качестве удачных переводческих решений приводится контекст: рус. «Когда я увидел тебя в этой рясе и перчатках, с этим крестом и всем остальным (хо-хей-хо!), я сразу понял, что ты very cool guy*, с воображением и стилем» [* Очень клевый продвинутый парень.]» – болг. «Стъпка, щом те видях с това расо, с ръкавиците, с тоя кръст и всичко останало (хей-хай-хой!), веднага разбрах, че си very cool guy*, човек с въображение и стил. [* Жесток пич.], где сниженная жаргонная лексема усиливает коннотации иноязычного вкрапления. Иноязычное вкрапление в оригинале и переводе одно и то же, но комментарий (после звездочки) в оригинале нейтрален, а в переводе (по нашему мнению. – Н. С.) вульгарен. В то же время мы не можем согласиться с предположением, что в следующем пассаже иноязычие использовано для документализации: «Возвращаясь в гостиницу после визита к врачу, он зашел в русский ресторанчик “Сакура” на Курфюрстендам (раньше он обедал в экзотическом армянском погребке “Donskoj Kazachok Rebroff” на Вестфалишер Штрассе, а тут захотелось простого московского сашими)» – болг. «На връщане от лекаря влезе в руското ресторантче “Сакура” на Курфюрстендам (навремето обядваше в екзотичната арменска таверна “Donskoj Kazachok Rebroff” на Вестфалишер Штрассе, но сега му се дояде най-обикновено московско сашими)». Очевидно, что название «Сакура» для «русского», а «Казачок» для «армянского» выбраны в качестве своеобразного оксюморона, здесь очевидно высмеивание маркетинговых стратегий россиян 1990-х гг., постсоветского

пространства, а иноязычие как бы «уравнивает» эти алогичные, внутренне противоречивые наименования между собой (на контрасте с написанными кириллицей названиями немецких улиц).

Шестой раздел третьей главы посвящен особенностям перевода фразеологии и открывается обзором существующих концепций по теме. Чтение этих страниц, безусловно, будет крайне полезно болгаристам, особенно начинающим. Исследователь приводит хрестоматийные издания словарей и ссылается на крайне ограниченный круг научных трудов по переводу фразеологии в языковой паре «русский – болгарский»: «За съжаление, фразеологизмите не се радват на същата популярност в транслатологични изследвания (виж напр. Недкова 2003; Денчева 2009)» (с. 126). Он отмечает, что фразеологизмы в анализируемых текстах переводятся как эквивалентами, так и с использованием частичной экспликации, калькирования, стилистической компенсации, контекстуального перевода, модуляции, нейтрализации и потери стилистической окраски ряда фразеологизмов. Теоретические постулаты подкреплены примерами (например, рус. «он решил открыть там свое темное дело» – болг. «беше решил да завърти там далаверите си», рус. «С другой стороны у бутылки была наклейка поменьше, со слоганом “Семь раз фильтруем базарчик™!” и неровным столбиком текста» – болг. «От другата страна на бутилката имаше по-малко листче със слогана “Седем пъти мери, пре ди да се отрежеш” и отдолу текст»). Приводя варианты контекстов, где фразеология появляется лишь в языке перевода для усиления стилистических черт оригинала, А. Петров рассматривает это как компенсаторный механизм. В отдельных случаях, когда ему не нравится предложенный переводчиком вариант, он предлагает свои решения.

В разделе 3.7. рассмотрены варианты перевода деминутивов. Автор счел необходимым включить их в монографию, обращая внимание на их стилистические функции. Ряд анализируемых деминутивов образован от сниженной, на грани с обценной, лексики, и их стилистическая роль обусловлена не только наличием уменьшительного суффикса, но и семантикой корня (см. рус. «шлюшки» – болг. «курвета»). В монографии отмечены уникальные варианты использования деминутива для перевода окказиональных словосочетаний в криминальном контексте, например: рус. «Здесь ты главный покемон, а на зоне будешь пидор гейный» – болг. «Тук ти си главният покемон, а в затвора ще си първо дупце». Исследователь отмечает, что «дупце» является диалектной формой разговорного ум.-ласк. от «дупе», а адекватный перевод успешно передает иронию грубого

жаргонного выражения (см. с. 144). Интересно, что стилистическая окраска контекста в целом сохранена, хотя выражение в оригинале подчеркнуто грубое, а в переводе использование деминутива придает реплике особый оттенок издевательской насмешки. Приведены примеры, когда деминутив используется для усиления экспрессии, хотя в исходном тексте деминутива нет.

В заключении монографии автор констатирует, что для передачи русского субстандарта удачно применены лексические, стилистические и синтаксические трансформации и стилистически-компенсаторные механизмы, но сам анализ переводимости русских субстандартных элементов должен стать темой дальнейших исследований. Напоминая читателю монографии о том, что именно подвергалось анализу, автор отмечает, что его внимание сосредоточено на **системе и способах** употребления в художественном тексте набора разнообразных выразительных средств, причисляемых к субстандарту, а это: жаргонизмы, жаргон, вульгаризмы, арго, просторечие, разговорные лексические единицы, субстандартные фразеологизмы, игра слов, каламбуры, скрытая интертекстуальность, псевдоцитаты, иноязычные элементы и др. Безусловным достоинством работы является именно попытка систематизировать материал, именуемый «субстандартом», к которому относят все, что условно не является нормой.

Учитывая изученность вариативности нормы перевода, автор монографии обращает внимание на изменения, произошедшие в конце прошлого века в Восточной Европе, говорит о демократизации и либерализации субстандарта и его передачи при переводе. А. Петров приходит к выводу, что его первоначальная гипотеза о принципиальной переводимости субстандарта с русского на болгарский подтверждена, а также подтверждена гипотеза о том, что стратегии переводчика будут различны даже для перевода повторяющихся элементов исходного текста с учетом контекста.

Библиография, в которой более 300 позиций на болгарском, русском, английском и немецком языках, будет полезна и интересна исследователям, интересующимся как теоретическими вопросами, так и практикой перевода.

Исследования по переводу субстандартных языковых элементов для русско-болгарского направления перевода нельзя назвать многочисленными, поэтому монография А. Петрова имеет большую научную ценность, которая состоит не только в описании языкового материала в сопоставительном аспекте, но и в глубоком анализе системных проблем изучения субстандарта.

Источники и литература

Пелевин В. Диалектика на преходния период (от никъде за никъде) / прев. Тотоманов, И. София: Калиопа, 2005. 302 с.

Пелевин В. Generation “П” / прев. Тотоманов, И. София: Калиопа, 2002. 280 с.

Петров А. Езикови субстандарт при превода на художествени текстове (за двойката руски и български език): монография. София: Университетско издателство «Св.св. Кирил и Методий», 2024. 180 с.

References

Pelevin, V. *Dialektika na prehodnia period (ot nikade za nikade)* / prev. Totomanov, I. Sofia: Kaliopa, 2005, 302 p.

Pelevin, V. *Generation “P”* / prev. Totomanov, I. Sofia: Kaliopa, 2002, 280 p.

Petrov, A. *Ezikovi substandarti pri prevoda na hudozhestveni tekstove (za dvoykata ruski i balgarski ezik): monografia*. Sofia: Universitetsko izdatelstvo “Sv. sv. Kiril i Metodiy”, 2024, 180 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.28

N. V. Sivenkova

On a New Study of the Challenges in Translating Russian Substandard Language into Bulgarian

Natalia V. Sivenkova

Senior Lecturer

St. Petersburg State University

199034, Universitetskaya Nab. 11, St. Petersburg, Russian Federation

E-mail: n.sivenkova@spbu.ru

ORCID 0000-0003-2412-2670

Citation

Sivenkova N. V. On a New Study of the Challenges in Translating Russian Substandard Language into Bulgarian // *Slavic Almanac*. 2026. No 1–2. P. 499–509 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.28

Received: 05.07.2025.

Abstract

The monograph by Bulgarian researcher Alexander Petrov explores the translation of substandard vocabulary, phraseology, idiomatic expressions, and expressive means from Russian into Bulgarian. Translating such elements consistently poses significant challenges. The terminological framework used in translation studies for the Bulgarian-Russian language pair often lacks strict equivalents, and comparative scholarly works on the subject remain extremely rare. A. Petrov's monograph makes a substantial contribution to the systematization and refinement of both translation terminology and the terminology used to describe substandard language. The analysis of linguistic material drawn from the works of Viktor Pelevin and their Bulgarian translations vividly illustrates the specific nature of such translation work.

Keywords

Translation studies, comparative linguistics, Bulgarian, Russian, Russian substandard, postmodern literature.

Инициация и литература

Инициация как проблема в литературе XX–XXI вв. / коллективная монография под научной редакцией Т. Е. Автухович. – Гродно: ГрГУ им. Янки Купалы, 2024. – 156 с. – ISBN: 978-985-582-664-5.

Адельгейм Ирина Евгеньевна
Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: adelgejm@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5208-0848

Цитирование

Адельгейм И. Е. Инициация и литература // Славянский альманах. 2026. № 1–2. С. 510–515. DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.29

Рецензия поступила в редакцию 28.01.2026.

Аннотация

Рецензируется коллективная монография, подготовленная Гродненским государственным университетом им. Янки Купалы под научной редакцией проф. Т. Е. Автухович. Книга посвящена феномену инициации, рассматриваемому (на материале прежде всего белорусской и русской литературы с привлечением фигур и произведений немецкой, американской и польской) как неразрывно связанная с представлениями о человеке и взаимодействии индивидуального и коллективного матрица, присутствующая (хоть и сложным образом трансформирующаяся в XX–XXI вв.) и в текстовом, и во внетекстовом пространстве. Последовательно характеризуются пять глав монографии, посвященные гендерным и функциональным трансформациям сюжета инициации в немецкой, американской, русской и белорусской литературах в контексте социальных процессов XX в.; анализу сюжета инициации как способа воплощения личной и коллективной травмы в поэзии первой волны русской эмиграции; исследованию в качестве инициатической практики механизмов вхождения писателя в белорусскую литературу XIX–XXI вв.; выявлению факторов, определяющих существование русскоязычной литературы Беларуси

первой четверти XXI в., и определению ее статуса; анализу современной русской и белорусской прозы в контексте социальных и макропсихологических процессов XX–XXI вв. с перспективы переосмысления инициатических структур и сценариев. Несмотря на высказанные замечания, отмечается, что книга вводит в научный оборот значимый фактический материал, касающийся литературного процесса в России и Беларуси, а также расширяет представления о возможных подходах к исследованию феномена инициации применительно к литературе.

Ключевые слова

Инициация, литературный процесс, трансформация, индивидуальное, коллективное.

Настоящая монография, подготовленная под научной редакцией проф. Т. Е. Автухович (являющейся также одним из авторов), – результат совместного труда белорусских литературоведов. Книга посвящена феномену инициации в литературе и неизбежно затрагивает различные узлы взаимодействия исторического, социального, биографического, психологического, эстетического. Жанр коллективной монографии в принципе нацелен на раскрытие многоаспектности темы – и представляется, что одной из задач данного исследования было (остается лишь сожалеть об отсутствии некоего концептуального предисловия / введения) как раз стремление оспорить некоторую одноплановость представлений об инициации как только лишь об отсылающей к архаическому обряду и определенным образом структурирующей повествование «пороговой» проблематике. Авторы пяти глав, базируясь на материале прежде всего белорусской и русской литературы (с привлечением также в одном случае немецкой и американской, в другом – польской), рассматривают феномен инициации как матрицу, присутствующую (хоть и многократно переосмысляемую в XX–XXI вв.) и в текстовом, и во внетекстовом пространстве (в этом смысле название книги несколько сужает перспективу). Объединенные этой проблематикой тексты имеют разные самостоятельные задачи.

Так, предметом сопоставительного анализа открывающей книгу главы «Девиантные формы инициации в литературе XX века» (А. С. Смирнов) оказываются несколько произведений немецкой, американской, русской и белорусской литератур XX в. (от «Волшебной

горы» Т. Манна до повести В. Быкова «Дожить до рассвета»), в которых проявилась характерная, по утверждению автора, для литературы этого времени тенденция к «деструкции ритуально-мифологической схемы классического образца» (с. 6). Избранный исследователем научный сюжет сам по себе чрезвычайно интересен, как и высказываемые наблюдения относительно конкретных текстов (о гендерных и функциональных трансформациях в контексте системы персонажей и их связи с социальными процессами первой половины XX в., перекomпоновке элементов этой схемы в период после Второй мировой войны). Однако следует заметить, что порой вызывает недоумение, во-первых, своего рода темпоральный хаос (при отсутствии в главе дат выхода произведений), умноженный на различия историко-социального контекста, ментальности и пр. – непосредственное соотнесение текстов, например, Куприна 1905 г. и Фолкнера 1938, Киплинга 1880–1890-х и Гайдара 1933, а во-вторых, масштабные выводы относительно происходящих в мировой литературе процессов, представленные как результат анализа *семи* произведений, в том числе рассказов (с. 11, 14).

Вторая глава — «Изгнание как инициация (на материале поэзии первой волны эмиграции)» (О. А. Нагель) – посвящена русской литературе (что, к сожалению, не отражено в названии) и представляет собой глубокий и хорошо структурированный анализ мифологического ядра, системы оппозиций, хронотопа, интертекстуальных связей в лирике Вяч. Иванова, К. Бальмонта, В. Ходасевича, П. Потемкина, В. Андреева, Г. Иванова, В. Набокова, Г. Адамовича, В. Горянского, Б. Поплавского, Саши Черного, В. Булич и др., воплотившей болезненный автобиографический опыт. Сюжет инициации оказывается для этих поэтов способом проговаривания травмы изгнанничества и как личной, и как коллективной.

В наиболее обширной и композиционно центральной третьей главе — «Легитимизация писателей в белорусском литературном процессе XIX – начала XXI века» (О. П. Безлепкина-Чернякевич) – с точки зрения парадигмы инициации рассматриваются механизмы вхождения пишущего в литературу, поскольку, как отмечает автор, белорусская культура долго сохраняла «практику приема в писатели как серьезного испытания, характерную для традиционных обществ» (с. 35). Помимо обширного фактического материала эта глава содержит важные наблюдения и размышления относительно формирования канона литературы, выбора языка в условиях специфики белорусского литературного процесса, процессов централизации

и децентрализации, потребностей и функций различных групп профессионального и читательского сообщества в различные периоды истории, отношений художника и власти, причинах и способах манипуляции теми или иными участниками литературного процесса, факторах писательского успеха и т. д.

Следующая глава – «Русскоязычная литература Беларуси 2000–2020-е: (анти)статус» (Е. М. Лепишева) – также касается в первую очередь специфики белорусского литературного процесса и хотя представляет собой цельный аналитический обзор избранного его сегмента (нельзя не отметить интересные выводы, касающиеся причин и следствий выбора русского / белорусского языка, а также феномена билингов и автоперевода, критериев проявления национального, стратификации и единства белорусской литературы, форм коллективной литературной жизни и т. д.), однако достаточно сложно уловить связь этой части книги с проблематикой монографии в целом.

Наиболее, как представляется, глубокая и концептуальная глава, завершающая монографию, – «Инициация в XXI веке: растворение в толпе или обретение идентичности?» (Т. Е. Автухович) – посвящена рефлексии о социальных, психологических и макропсихологических процессах XX–XXI вв., связанных с разрушением традиционного общества, инверсией архетипических оппозиций, изменением или отменой традиционных инициатических практик, кризисом самоощущения, и анализу в этой парадигме ряда текстов современной русской и белорусской прозы как (очередного) переходного периода. Автор приходит к выводу о том, что лотмановский «культурный взрыв», порождающий перестройку индивидуального и коллективного сознания, трансформирующий понятия нормы, меняющий способы взаимодействия между социальными и возрастными группами, «ставит под вопрос сущность и формы инициации» (с. 144) и, соответственно, требует перестройки художественного языка (в том числе отношений автор / герой / нарратор), некоторые проявления которой и фиксирует данная глава монографии.

Таким образом, с точки зрения проблематики, композицию книги можно назвать кольцевой, хотя темпорально (за исключением срединной статьи, автор которой совершает необходимый экскурс в XIX в.) она подчинена хронологии и ведет к живой современности – 2010-м и частично даже 2020-м гг. Естественным видится синтезирующий две перспективы данного исследования открытый «инициационный» конец книги: на вопрос, последует ли за «очередной метафорической смертью писателя (“смертью автора”)

авторской инициации» «восстановление традиции или [...] уничтожение литературы» (с. 144), призвано ответить будущее.

Несмотря на ряд возникающих вопросов, книга, как уже говорилось, не только вводит в научный оборот и структурирует фактический материал, касающийся литературного процесса в России и Беларуси, но и расширяет представления о возможных подходах к исследованию феномена инициации применительно к литературе, а также демонстрирует сохранение потребности в эксплуатации матрицы сюжета инициации, неразрывно связанного с представлениями о человеке и возможных системах координат его существования. Представляется, что в современном обществе, несмотря на совершающиеся изменения, размывание или инверсию, понятие инициации (особенно учитывая массовое распространение психологического знания, связанного, в частности, с процессами социализации и попыткой пересмотра границ индивидуального и коллективного) остается для человека и некой потенциальной «точкой сборки», и востребованным инструментом упорядочивания автобиографической памяти и концептуализации жизненного пути, а потому – как феномен экзистенциальной трансформации – не может исчезнуть и из литературы.

Источники и литература

Инициация как проблема в литературе XX–XXI вв.: коллективная монография под науч. ред. Т. Е. Автухович. Гродно: ГрГУ им. Янки Купалы, 2024. 156 с.

References

Initsiatsiia kak problema v literature XX–XXI vv., ed. by T. E. Avtukhovich. Grodno: GrGU im. Ianki Kupaly, 2024, 156 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.29

I. Ye. Adelgeim

Initiation and Literature

Irina Ye. Adelgeim

Doctor of Letters, leading research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: adelgejm@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5208-0848337

Citation

Adelgeim I. Ye. Initiation and Literature // Slavic Almanac. 2026. No 1–2. P. 510–515 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.29

Received: 28.01.2026.

Abstract

The article reviews a collective monograph prepared by the Yanka Kupala State University of Grodno under the scholarly editorship of Professor T. E. Avtukhovich. The book explores the phenomenon of initiation (primarily through the lens of Belarusian and Russian literature, with additional reference to German, American, and Polish works) as a matrix inextricably linked to concepts of the human being and the interplay between the individual and the collective. This matrix persists — albeit undergoing complex transformations in the 20th and 21st centuries — within both textual and extra-textual spaces. The review characterizes the monograph's five chapters, which examine: gender and functional transformations of the initiation plot in German, American, Russian, and Belarusian literatures amidst 20th-century social processes; the initiation plot as a vehicle for personal and collective trauma in the poetry of the “first wave” of Russian emigration; the mechanisms of a writer's entry into Belarusian literature from the 19th to the 21st centuries as an initiatory practice; the factors determining the status and existence of Russian-language literature in Belarus during the first quarter of the 21st century; and contemporary Russian and Belarusian prose through the re-evaluation of initiatory structures and scenarios. Notwithstanding certain critical observations, the reviewer concludes that the book introduces significant factual material into scholarly discourse and broadens the methodological approaches to studying initiation in literature.

Keywords

Initiation, literary process, transformation, individual, collective.

Мирослав Даниш о Евгении Перфецком

Daniš M. Eugen Perfeckij a jeho stredoveké dejiny Rusi. – Bratislava: Byzantologický seminár Alexandra Avenaria pri Katedre všeobecných dejín FiF UK; Hlbiny, 2024 (Byzantinoslovaca / Monographiae IV). – 320 s. – ISBN 978-80-89743-54-4.

Дронов Михаил Юрьевич

Кандидат исторических наук, научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: mikhaildronov@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-3284-4924

Цитирование

Дронов М. Ю. Мирослав Даниш о Евгении Перфецком // Славянский альманах. 2026. № 1–2. С. 516–520. DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.30

Рецензия поступила в редакцию 03.03.2026.

Аннотация

В тексте представляется новая публикация словацкого исследователя Мирослава Даниша, посвященная историку-слависту Евгению Юлиановичу Перфецкому (1888–1947) и его наследию. В книге публикуется последняя научная работа Перфецкого «История России в средневековье».

Ключевые слова:

Евгений Перфецкий, Мирослав Даниш, средневековая Русь, русская эмиграция.

Имя словацкого историка Мирослава Даниша хорошо известно российским коллегам. Профессор всеобщей истории Философского факультета Университета им. Я. А. Коменского в Братиславе М. Даниш давно специализируется на восточнославянской проблематике и, в частности, на всестороннем изучении русско-словацких связей. В 2014 г. за научные заслуги в этом направлении Президент РФ В. В. Путин лично вручил М. Данишу медаль Пушкина.

Очередная книжная новинка М. Даниша – том серии «Byzantinoposlovaca», посвященный известному ученому русского зарубежья, нашедшему новую родину в Чехословакии, – историку-слависту Евгению Юлиановичу Перфецкому (1888–1947).

Книга «Евгений Перфецкий и его средневековая история Руси», позиционируемая М. Данишем как монография из четырех глав, в действительности состоит из двух частей: авторского очерка о жизни и трудах Е. Ю. Перфецкого (первые три главы: с. 7–32) и впервые публикуемой последней работы этого ученого-эмигранта «История России в средневековье» [в словацком оригинале – «Dejiny Ruska v stredoveku»] (на порядок превосходящая предыдущие главы четвертая глава: с. 33–304). Вероятно, если бы данный том публиковался в соответствии с принципами отечественной научной традиции, на нем бы фигурировала прежде всего фамилия автора рукописи, а очерк публикатора предварял бы основную часть книги в качестве предисловия. Однако не смею осуждать авторское решение проф. Даниша: как известно, в результате сознательного фаворитизирования организаторами современной гуманитаристики именно монографий исследователи вынуждены приспособляться к выдвигаемым требованиям, называя все отдельные публикации монографиями. Книга вышла в рамках грантового проекта VEGA č. 1/0589/23, посвященного научной и педагогической деятельности Перфецкого, с финансовой помощью общественной организации «Collegium historicum. Общество друзей гуманитарных наук». Рецензентами публикации выступили известные словацкие исследователи Любица Гарбулѣва и Ян Шафин.

Большую ценность имеет первая, биографическая, глава (с. 7–16). Несмотря на знание работ о Перфецком предшественников, обзор которых находим в начале книги, М. Даниш отнюдь не переписывает кочующие из публикации в публикацию сведения. Основываясь на собственных находках в российских архивах, автор заметно уточняет все данные – например, о периоде учебы ученого. Так, сам Перфецкий обычно указывал, что получил высшее образование в Санкт-Петербурге и Вене, однако малоизвестным остается то, что он начал свои студии в Московском университете, причем на юридическом факультете. В 1911 г. Перфецкого исключили из университета за левые взгляды, после чего он и оказался в Холмогорах Архангельской губернии. Даниш приводит фрагменты из трогательных прошений ссыльного о смягчении своей участи. В этой же главе обширные цитаты из неопубликованных воспоминаний Перфецкого, а также фрагменты писем норвежского коллеги Олафа Броха (1867–1961) и учителя, акад. А. А. Шахматова (1864–1920). Интерес представляет

кроме прочего и опубликованный послужной список отца ученого – православного священника Юлиана Перфецкого, уроженца Галиции.

М. Даниш справедливо отмечает украинофильские симпатии у Перфецкого, уроженца Подляшья, которые, по-видимому, в разные периоды жизни то актуализировались, то затухали. В этой связи хочется напомнить оценку такого строгого критика всего, что связано с Украиной, как И. И. Поп (1938–2023). «Е. Перфецкий в целом симпатизировал украинской ориентации, – констатировал Поп, – но разумно избегал каких бы то ни было романтических или ультранационалистических крайностей»¹. Очевидно, именно поэтому в России Перфецкий традиционно воспринимается прежде всего как представитель русского зарубежья. Показательно, что во многих эмигрантологических публикациях даже не упоминается малорусское или украинское происхождение ученого. При этом, конечно же, сложно отрицать также право и украинцев на его наследие.

Любопытны публикуемые в книге сведения о научных контактах эмигранта Е. Ю. Перфецкого с советской академической элитой, а также о его дружбе с представителями словацкой интеллигенции.

Вторая глава (с. 17–21) представляет Е. Ю. Перфецкого как специалиста по летописанию. При этом его главными темами, как отмечено, были две научные области: история Подкарпатской Руси и сравнительное изучение средневекового летописания — восточно- и западнославянского и немецкого. В данном качестве Перфецкий выступил достойным продолжателем А. А. Шахматова. Профессиональные контакты связывали Перфецкого также со многими крупными чехословацкими, польскими, немецкими славистами, не говоря о коллегах из числа русских и украинских эмигрантов. М. Даниш приводит в главе главные источниковедческие публикации своего героя.

В третьей главе содержится реконструкция научного творчества Е. Ю. Перфецкого после окончания Второй мировой войны, когда ученый, воспитанный на традициях позитивизма, неожиданно начал обращаться к методологии, основанной на марксистско-ленинском фундаменте. Именно к этому относительно краткому периоду, прерванному неожиданной кончиной Перфецкого от воспаления легких, и относится «История России в средневековье». По мнению М. Даниша, этот труд «является первым фундаментальным трудом по истории средневековой России (в оригинале: *Ruska. – М. Д.*) как в чешской, так и в словацкой

¹ Поп І. Перфецький Євген Юліанович // Енциклопедія історії та культури карпатських русинів. Ужгород, 2010. С. 586.

среде, который появился после 1945 года, и во многом может соперничать и с важнейшими трудами по указанной проблематике, которые появились в русской среде, включая труды самого авторитарного русско-советского историка, Б. Д. Грекова, труды которого Е. Перфецкий знал и иногда цитировал» (с. 28). Далее Даниш подает вдумчивый анализ послевоенной методологии Перфецкого. Интересны языковые нюансы: главными рабочими языками ученого были русский, украинский и немецкий. Конечно, Перфецкий овладел и словацким (к тому же его супруга была словачкой), но его аутентичный словацкоязычный текст характеризуется наличием многочисленных архаизмов, русизмов, грамматических и синтаксических особенностей.

Самая обширная, четвертая, глава обзораемой монографии – труд самого Е. Ю. Перфецкого – разделена на шесть подглав («Киевская Русь» (с. 33–105), «Хозяйственные, общественные и политические условия Киевской Руси» (с. 105–145), «Удельно-вечевой период» (с. 145–221), «Галицко-Волынская Русь» (с. 221–265), «Образование Суздальско-Владимирской Руси» (с. 265–295), «Из русской историографии» (с. 295–304)), пять из которых, кроме последней, подразделены на параграфы.

Несомненно, что опубликованная рукопись Е. Ю. Перфецкого сама по себе заслуживает детального разбора специалистами по истории (и истории изучения) древней Руси. Возможно, современные пресыщенные медиевисты не поставят «Истории России в средневековье» столь высокую оценку, каковую дал ей ее публикатор. Однако, вне зависимости от степени востребованности данного труда Перфецкого медиевистами XXI столетия, неоспоримой заслугой проф. Даниша является введение в научный оборот этого источника (как и других ранее не публиковавшихся текстов), ценного для нас прежде всего в контексте изучения феномена русского зарубежья и русско-словацких научно-культурных связей. Подобная деятельность исследователя и популяризатора Мирослава Даниша тем ценнее, что она проходит на фоне роста русофобских настроений в Европе, в том числе и в словацкой академической среде.

Источники и литература

Поп І. Перфецький Євген Юліанович // Енциклопедія історії та культури карпатських русинів / укладачі П. Р. Магочій, І. Поп; загальна редакція П. Р. Магочій; переклад з англ. мови Н. Кушко. Ужгород: Видавництво В. Падяка, 2010. С. 586.

Daniš M. Eugen Perfeckij a jeho stredoveké dejiny Rusi. Bratislava: Byzantologický seminár Alexandra Avenaria pri Katedre všeobecných dejín FiF UK; Hlbiny, 2024 (Byzantinoslovaca / Monographiae IV). 320 s.

References

Daniš, M. *Eugen Perfeckij a jeho stredoveké dejiny Rusi.* Bratislava: Byzantologický seminár Alexandra Avenaria pri Katedre všeobecných dejín FiF UK; Hlbiny, 2024 (Byzantinoslovaca / Monographiae IV), 320 p.

Pop, I. “Perfetskiyi Yevhen Yulianovych.” *Entsiklopediia istoriï ta kultury karpatskykh rusyniv.* Ed. by P. R. Magocsi, I. Pop; ed. P. R. Magocsi; transl. by N. Kushko. Uzhhorod: Vydavnytstvo V. Padiaka, 2010, p. 586.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.30

M. Yu. Dronov

Miroslav Daniš on Evgeny Perfetsky

Mikhail Yu. Dronov

Candidate of History, research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: mikhaildronov@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-3284-4924

Citation

Dronov M. Yu. Miroslav Daniš on Evgeny Perfetsky // *Slavic Almanac.* 2026.

No 1–2. P. 516–520 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.30

Received: 03.03.2026.

Abstract

The text presents a new publication by the Slovak researcher Miroslav Danisch, dedicated to the Slavic historian Evgeny Yulianovich Perfetsky (1888–1947) and his legacy. The book includes Perfetsky’s last scientific work, “History of Russia in the Middle Ages.”

Keywords

Miroslav Daniš, Evgeny Perfetsky, Medieval Rus’, Russian emigration.

УДК 82.0

С. А. Кожина, Н. А. Лунькова

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.31

**Всероссийская научная конференция
с международным участием
«V Хоревские чтения. Автор – герой – нарратор
в современных литературах
Центральной и Юго-Восточной Европы»**

Кожина Светлана Анатольевна
Младший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: lana-0391@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6539-194

Лунькова Наталья Александровна
Младший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: lunkova_n@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9193-3890

Цитирование

Кожина С. А., Лунькова Н. А. Всероссийская научная конференция с международным участием «V Хоревские чтения. Автор – герой – нарратор в современных литературах Центральной и Юго-Восточной Европы» // Славянский альманах. 2026. № 1–2. С. 521–532.
DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.31

Текст поступил в редакцию 16.02.2026.

2–4 декабря 2025 г. в Институте славяноведения РАН прошла всероссийская научная конференция с международным участием «V Хоревские чтения. Автор – герой – нарратор в современных литературах Центральной и Юго-Восточной Европы». Целью конференции было рассмотреть актуальные для современного литературоведения вопросы построения высказывания в художественном тексте, способы реализации художественного вымысла, функции героя / нарратора в произведении и т. д. Представленные доклады продемонстрировали большую заинтересованность исследователей в проблеме, широту подходов к ее изучению и стали плодотворной почвой для дискуссий.

Доклады были сгруппированы по тематическим блокам. Так, в первый, очный, день конференции выступления касались прежде всего принципов построения высказывания. Заседание секции «Монолог – диалог – полилог» открыл *Л. А. Мальцев* (БФУ им. И. Канта) с докладом «Поэтика “силвичности” и авторское начало в “Дневнике, писавшемся ночью” Густава Герлинга-Грудзиньского». Исследователь кратко осветил биографию польского писателя, охарактеризовал его творчество, а также место в истории польской литературы. Центром доклада стал анализ ключевых принципов «Дневника...», среди которых были выделены влияние жанра хроники, публицистичность, кинематографичность, созерцательность, особая семантика движения («медленный пешеход»), полижанровость («спрессованность» текста) и т. д. Таким образом, Мальцев представил творчество польского автора как пример жанра «*silva*», восходящего к античности.

И. А. Либина (МГУ им. М. В. Ломоносова) в докладе «Нарратив в романе В. Мысливского “Трактат о лущении фасоли”» сосредоточила внимание на специфике построения высказывания в философском романе современного польского автора. Было показано, что за внешней оболочкой романа-монолога скрывается более сложная диалогическая структура. Как заметила Либина, диалог, основанный на чередовании, а порой на стирании границ между диегезисом и экзегезисом, невозможности различения «голосов» персонажей, нужен лишь как «предлог» для главного героя с целью актуализации самого процесса рассказывания. Мнения участников дискуссии после доклада разделились: одни отметили сложность восприятия нарративной структуры романа, другие говорили, напротив, о легкости прочтения, несмотря на сложные философские концепции.

А. С. Морозов (ИСл РАН) выступил с докладом «Нарратологический анализ романа Дубравки Угрешич “Форсирование романа-реки”». Анализируя структуру постмодернистского романа, исследователь описал ключевые модусы деконструкции недиегетического нарратора, отметив, что для отдельных частей текста характерна смена нарративных инстанций. Система точек зрения, по мысли Морозова, в произведении более однородная: превалируют перцептивный и идеологический планы. После доклада, однако, возник ряд вопросов, касающихся терминологической базы исследования, которую можно расширить.

Е. В. Сагалович (ИСл РАН) с докладом «От городской сплетни до греческой трагедии: феномен коллективного рассказчика в романе Виды Огненович “Дом мертвых запахов”» отошла от магистральной линии своих научных интересов – творчества Д. Киша, но сохранила

характерный подход к материалу. Так, она обратила внимание на композицию романа, близкую драме, где нарратор выступает в роли своеобразного хора, организующего голоса разных героев-рассказчиков. Наличие нескольких концовок, по убеждению Сагалович, дополнительно усложняет композицию романа.

В выступлении *Л. Ф. Широковой* (ИСЛ РАН) «Организация повествования в романах Павла Ранкова: смысловые и композиционные функции чередования рассказчиков» рассматривалось творчество известного словацкого писателя. Присутствие нескольких повествовательных субъектов обеспечивает разные точки зрения на ситуации. Так, по замечанию докладчицы, романы «Места, которых нет на карте» и «Легенда о языке» близки тематически и композиционно: это изображение человека в тяжелых условиях. Чередующиеся временные планы позволяют увидеть персонажей до и после столкновения с жуткими событиями. В романе «Матери» представлен сложный образ материнства в противостоянии внешним обстоятельствам.

Первую секцию завершил доклад *Н. А. Черниковой* (Университетская гимназия МГУ им. М. В. Ломоносова) «Повествовательная полифония в романе Цветы Делчевой “Целое тело”». Нелинейный нарратив романа позволяет реконструировать события, произошедшие с главной героиней, через фрагментарные и иногда противоречивые свидетельства окружавших ее людей. Черникова, ссылаясь на болгарских критиков, отметила, что своего рода «тело» центрального персонажа выстраивается благодаря высказываниям различных субъектов повествования. Участники дискуссии задали несколько уточняющих вопросов, касающихся, например, характеристики повествовательных модусов (лицо, тип наррации и т. д.), а также определения специфики художественных приемов (считать ли их модернистскими или все же постмодернистскими).

Секцию «Прагматика поэтики» открыл доклад *С. А. Кожинной* (ИСЛ РАН) «Рефлексия и авторефлексия как интенция художественных произведений Д. Годровой». Исследовательницей была рассмотрена трилогия «Город мучений», а также романы «Спиральные предложения», «Вызываю» и «Эта близость», в которых была проанализирована специфика процесса рассказывания. Так, Кожина выявила в творчестве Годровой три уровня рефлексии: на первом аллегорически переосмысляется процесс инициации героя, на втором – метатексты, рассматривающие данный процесс, а на третьем – рефлексии подвергаются собственные тексты (авторефлексия). Авторефлексия становится центральным повествовательным модусом поздних произведений писательницы.

Доклад *И. Е. Адельгейм* (ИСл РАН) «Система персонажей и повествователей vs аутопсихотерапевтические / мелиористские интенции автора (на материале романов Ольги Токарчук)» продолжил тему авторефлексии и психотерапевтических функций художественного произведения. Поэтика романов «Последние истории» и «Анна Ин в гробницах мира» направлена на проработку танатического страха, и Адельгейм проанализировала представленные в этих произведениях способы его преодоления (маскарад смерти, проживание «частичной смерти», мифодрама). Вторая часть доклада была посвящена мелиористским аспектам поэтики романов «Веди свой плуг по костям мертвецов» (как художественной провокации с целью побуждения читателя к рефлексии) и «Книги Якова» (как оспаривания канонического польского нарратива). По мысли Адельгейм, выполнение аутопсихотерапевтических задач осуществляется за счет способности литературного героя быть «маской» автора, позволяющей ему вербализовать, концептуализировать, структурировать, деконструировать и т. д. травмирующий опыт, а мелиористские – за счет способности литературного героя восприниматься как (анти)образец. Кроме того, решению второго типа задач способствует у Токарчук намеренное «умножение» перспектив, манипулирование чувствительностью польского читателя к выведению тех или иных героев на первый план, а также относительностью категории фикциональности при создании системы персонажей и нарраторов. Участники дискуссии говорили о роли автобиографичности в романе и способах выстраивания пластичного нарратива при столкновении двух перспектив повествования: диегетического и недиегетического нарратора. Это стало своего рода продолжением обсуждения первой половины дня о возможности апеллирования при анализе произведения такими определениями, как «сложное» и «простое».

О способах преодоления страха смерти персонажами шла речь и в докладе *А. В. Усачёвой* (ИСл РАН) «“На стыке времен моя жизнь текла не вперед, а вспять”: нарратор как хронотопический инструмент в романе Йоаны Пырвулеску “Кошачье золото”». Охарактеризовав сюжет произведения, где главная героиня оказывается заключена в собственном теле, но в семилетнем возрасте, исследовательница отметила, что основной темой романа становится отражение страха смерти, потери, утраты социальных ориентиров. По мнению Усачёвой, время в «Кошачьем золоте» является топосом: своего рода целью героини становится прожить жизнь «заново» для умершей дочери и тем самым одержать экзистенциальную победу над временем

и смертью. Во время оживленной дискуссии после доклада поднимался вопрос о функционировании архетипического образа «дитя» в романе: по мысли исследовательницы, в произведении он скорее разрушается и/или трансформируется. Обсуждение затронуло и терминологические вопросы, например, о том, можно ли считать героиню «персонификацией хронотопа» в романе, как в целом выстраивается с художественной точки зрения мотив «превращения в семилетнюю себя», что свидетельствовало о большом интересе участников к данным вопросам поэтики художественных произведений.

Во второй день в секции «Повествовательные стратегии в координатах внетекстовой реальности» первым прозвучал доклад *А. Ю. Песковой* (ИСл РАН) «Автор и его позиция в исторической драме (на примере драматургических произведений И. Стодолы и В. Климачека)», нацеленный на анализ словацкой драматургии на примере двух пьес («Король Святоплук» и «Моймир II, или Закат империи»), посвященных одному историческому сюжету – падению Великой Моравии. Эта тема на протяжении всего XX в. играла значительную роль в конструировании словацкого национального мифа и национальной идентичности. По мнению Песковой, обращение авторов к данному историческому периоду и резонансные постановки этих пьес на главной театральной сцене Словакии являются важными способами демонстрации отношения словацкого общества к острым вопросам истории и современности. Было показано, какие изменения затронули жанровые каноны словацкой драмы, какие приемы и средства использовались для выражения авторской активности: в пьесе Климачека, в отличие от пьесы Стодолы, в драматургическую ткань вплетена сложная система авторских ассоциаций и метафор, а свободные сценические формы усиливают условность.

Н. Н. Старикова (ИСл РАН, МГУ им. М. В. Ломоносова) провела сравнительно-типологическое исследование произведений русской и словенской прозы и выступила с докладом «Персонажи-трикстеры в американских сюжетах С. Довлатова и Д. Янчара», взяв в качестве материала для исследования повесть «Иностранка» и роман «Насмешливое вождение». Писатели, фокусируя внимание на особенностях образа жизни населения нью-йоркского мегаполиса, помещают действие в конкретные геополитические координаты, с насмешкой описывают американскую мечту – принцип быстрого обогащения, лежащий в основе представления американцев о мире равных возможностей. По наблюдениям Стариковой, героев-трикстеров у Довлатова (Рафа) и Янчара (Гамба) объединяют происхождение, поведение,

уровень образованности и культуры, жизненная философия, замыслы и схемы обогащения, а также тональность их авторских характеристик и художественные функции. В ходе дискуссии затрагивались вопросы авторского стиля, фигуры повествователя, с иронией наблюдающего за американской жизнью.

Доклад *Н. А. Луньковой* (ИСл РАН) «Система персонажей и концепция личности в прозе Р. Сенчина и Д. Энева (на материале сборников “Девяностые” и “Заклание петуха”)» также был посвящен компаративистике, но выявлял типологические сходства уже между русской и болгарской литературами в аспекте проблемы героя 1990-х гг. У обоих писателей обращение к семантике границы, моделирование гетерогенных пространств продиктовано особенностями внелитературного плана: философией раннего постсоциализма, травмой посткоммунистического общества 1990-х гг. Центральное место в «Заклании петуха» и «Девяностых» занимает поставленный в маргинальное положение маленький человек, практически не способный сохранить свою систему ценностей в меняющемся мире. В докладе было показано, что писатели делают акцент на трансгрессивном положении человека в 1990-е гг. В процессе дискуссии участники конференции также обратились к вопросам репрезентации маргинального героя и влияния переломных исторических событий на формирование личности на материале других литератур (польской, чешской).

Е. В. Шатько (ИСл РАН, ГИИ) в докладе «Философ, хроникер и сатирик – три типа нарратора в “осажденной” литературе Боснии» сосредоточилась на разных типах нарративных стратегий, репрезентирующих травматический опыт войны в произведениях так называемой осажденной литературы 1990-х гг. Материалом для анализа послужили «Дневник переселения» Дж. Карахасана, «Сараевское Мальборо» М. Ерговича и «Сараево для начинающих» О. Кебо, которые формируют, по мысли Шатько, трехмерную модель восприятия войны. Во время обсуждения в числе прочего поднимались вопросы причин различий (хронология появления, личное переживание, биографический опыт и др.) в типах авторского восприятия и переживания травмы, наличия / отсутствия метатекста, рецепции этих произведений.

А. В. Грасько (ИСл РАН) подготовила доклад «Оценка эпохи нормализации сквозь призму детского нарратива в романах Ирены Доусковой “Гордый Буджес” и “Онегин был русак”». В этих произведениях нашла отражение как индивидуальная, так и коллективная память об эпохе нормализации – государственной политике, (пере)осмыслению которой посвящен довольно большой корпус чешской художественной

литературы. Грасько подробно остановилась на биографии самой Доусковой, ставшей прототипом главной героини, от лица которой написаны оба романа. Докладчица рассмотрела их основные сюжетные элементы и показала специфику детского мировосприятия. Во время обсуждения участники секции обратили внимание на особенности нарративной структуры романов, фигуру недиегетического нарратора, роль мотива ностальгии в проанализированных текстах.

Т. Ю. Кравченко (ИСл РАН) выступила с докладом «Особенности авторской повествовательной стратегии при описании распада многонационального государства (на примере первой редакции романа Андрея Волоса “Хуррамабад”)». Роман имеет особую жанровую форму, которая определена самим автором как «роман-пунктир» (путь от мирного соседства к войне); события в нем освещаются с разных точек зрения. Изложив сюжет каждой из новелл, докладчица подчеркнула роль автобиографического начала, изменений повествовательного темпа, полифонической структуры романа. Кравченко отметила, что у Волоса реальная история Душанбе стала фундаментом для символического обобщения при создании топоса Хуррамабада.

В финальном докладе секции, с которым выступила В. В. Мочалова (ИСл РАН), «Автор – герой – нарратор в текстах Мариуша Щигеля» шла речь об особенностях наррации и повествовательных стратегиях в творчестве знаменитого польского журналиста и писателя. За репортажами и интервью Щигеля стоит огромная исследовательская работа, в том числе в архивах. По наблюдениям Мочаловой, Щигель умело камуфлирует свою роль, присутствие в тексте, оставаясь за кадром и давая возможность говорить персонажам, с которыми ведет интервью. Важную роль в его произведениях играют ирония, ремарки, деталь, без которой, по словам Щигеля, нет общего. Особое внимание и в выступлении, и в дискуссии было уделено таким произведениям Щигеля, как «Готтланд» и «Сделай себе рай».

Подсекцию «Гендер» открывал доклад Е. Н. Ковтун (ИСл РАН) «Героиня-нарратор в славянской “женской” фантастике: специфика восприятия необычайного», в рамках которого рассматривались художественные произведения, созданные в жанровых традициях научной фантастики, фэнтези и фантастической притчи женщинами-писательницами, принадлежащими к разным славянским литературам (Ю. Иванова, Л. Петрушевская, Ж. Вагнер, М. Дяченко, О. Громыко, Т. Замировская, А. Болава и др.). Эти фантастические тексты объединены фигурой женщины-повествовательницы и тем, что основная авторская задача – показать реакцию героини на «фантастический

фактор» глубоко изнутри, из недр ее психики. Среди особенностей повествовательной манеры Ковтун выделила приоритет ауторефлексии, эмоциональность и субъективность оценок. В сюжетно-композиционной структуре текстов обращают на себя внимание «камерность» системы персонажей, внимание к бытовым деталям, рационализация необычайного с его включением в «канву судьбы» героини.

Е. В. Байдалова (ИСл РАН) в докладе «Диегетический нарратор в современной украинской прозе: проблемные и эффективные стратегии создания (на примере романов “Записки украинского самашедшего” Л. Костенко и “Слуга из Добромыля” Г. Пагутяк)» изложила результаты сравнительного анализа кросс-гендерного конструирования диегетического нарратора в прозе украинских писательниц. В фокусе внимания докладчицы оказались моделирование сознания и голоса нарратора, способ воссоздания диегетического мира, механизмы читательской эмпатии и реализация авторской аксиологической позиции.

Завершил работу секции доклад *О. С. Румянцевой* (ИСл РАН) «“Распуская узоры авторских повествований, я сплетала из их словесной пряжи женские пастиши”: сборник рассказов М. Славицкой “Она”». В центре авторского внимания – второстепенные женские персонажи, которые созданы писателями-мужчинами: Ф. Кафкой, С. Беккетом, Г. Миллером, М. Кундерой, Т. Бернхардом, Т. Линдгреном, М. Уэльбеком – и историю которых Славицкая решает дописать. По убеждению Румянцевой, в этих рассказах читатель получает возможность взглянуть на знакомые сцены исходных произведений или на последующие события с еще одной точки зрения, сопоставляя две оптики – мужскую и женскую. Сама писательница сравнивает свои рассказы с апокрифами, которые воссоздают события, не отраженные в Священном Писании. Голос, собственную историю, следовательно, и субъектность в ее рассказах приобретают женщины, выполняющие стандартные социальные функции: жены, служанки и др.

Вопросы к докладчикам касались особенностей жанровой структуры, черт «женского» нарратива как такового, восприятия выбранных текстов читательской аудиторией, роли аллюзий на другие произведения при анализе нарратива, а также специфики работы с оригинальными / переводными источниками при исследовании повествовательных стратегий.

4 декабря в секции «Метаморфозы авторского “я”» прозвучало 6 докладов. *П. Е. Авдюк* и *Н. В. Поселягин* (НИУ ВШЭ) выступили с докладом «Самоосознанное повествование в метапрозе Андрея

Битова: фиктивный автор как аналитическая категория», предприняв попытку обосновать категорию «фиктивный автор», с помощью которой можно дополнить инструментарий классической нарратологии. На примере романного цикла Битова «Империя в четырех измерениях» было показано, что категория фиктивного автора в метапрозаическом нарративе решает идеологическую задачу реализации одновременного участия и наблюдения, восприятия и анализа в авторско-читательской творческой игре. В ходе дискуссии обсуждались понятие «условия текста», а также возможности и перспективы использования вводимой в научный оборот категории применительно не только к метапрозе.

Доклад *А. Н. Мешковой* (СУ им. св. Климента Охридского) «Эволюция автора-героя в романах Георгия Господинова “Естественный роман” и “Времеубежище”» касался трансформаций образа автора-героя (от автора-персонажа к автору-свидетелю), которые определяют в числе прочего специфику творческого метода писателя. Мешкова обратила внимание на разницу в структуре двух романов: Господинов отходит от фрагментарного эксперимента и создает более цельное произведение, в котором меняется функция личной истории, а вместо постмодернистской игры акцент сделан на внутренней рефлексии. Вопросы к докладчице касались поэтики постмодернизма в творчестве Господинова и фигуры Гаустина – одной из масок авторского «я».

Греческой литературе был посвящен доклад *А. А. Затолокиной* (МГУ им. М. В. Ломоносова) – «Автор и нарратор в прозе Зиранны Затели». На материале сборника рассказов «Прошлогодняя невеста», а также романа «И в сумерках они приходят вновь» были сопоставлены разные жанровые формы, что позволило Затолокиной выявить общие нарративные стратегии в прозе Затели. К ним относятся эксплицитность и автобиографичность нарратора. В романе, по наблюдениям докладчицы, есть тенденция к большей редуцированности повествующего «я», поскольку основным объектом изображения становится история целой семьи. Повествование от третьего лица позволяет делать ретроспективные экскурсы, что усложняет композиционную структуру романа, укрупняя хронологический масштаб. Во время дискуссии были затронуты такие аспекты, как цель текстологической игры автора, место магического реализма в современной греческой литературе, тип нарратора, роль мизанабима в поэтике Затели.

И. А. Герчикова (ИСЛ РАН) в докладе «Йозеф Шкворецкий – Дэнни Смиржицкий: история взаимоотношений» обратилась к творчеству крупного чешского писателя и фигуре его литературного двойника – самого известного alter ego чешской литературы второй половины XX в.

По убеждению Герчиковой, Дэнни, став свидетелем последних дней фашистской оккупации Чехословакии, отслужив в армии, столкнувшись с событиями 1968 г. и эмигрировав в Канаду, почти буквально повторил жизненный путь Шкворецкого. Дэнни – самопроекция автора, приписавшего двойнику собственные, часто неприемлемые для себя эмоции, мысли, черты характера, чтобы защитить себя от нежелательных внутренних переживаний. Благодаря фигуре Дэнни Шкворецкий мог детально описать все с точки зрения главного героя, без необходимости нести полную ответственность за происходящее.

В докладе *Е. Ю. Козьминой* (УрФУ) «Сюжет преображения героя и структура нарративных инстанций в романе Е. Сосновского “Фафарулей, или Апельсиновые пастилки”» был представлен анализ нарративных инстанций авторского плана, а также отдельных структурных элементов поэтики романа: сюжета (мотив кризиса), хронотопа (специфика множественности миров и временного перехода персонажа), интермедальности (специфика события когниции). Метатекстуальность (метафигциональность) произведения, присутствие в нем черт *Künstlerroman*-а позволяют говорить о выстраивании специфического нарратива «ностальгии», где нарратор надевает на себя «маску» всеведущего повествователя, но композиция при этом носит игровой характер, что говорит об усложненной нарративной инстанции, образе автора, создающем метауровень и исследующем философскую концепцию искусства, а также рефлексии взросления. Козьмина отметила, что такая сложная нарративная структура обусловлена специфичностью сюжета: в романе разворачивается становление героя писателем не кумулятивно, но кризисно, отрывочно, реверсивно. В дискуссии снова был поднят вопрос о роли автобиографичности и фигуры самого автора в произведении.

В докладе *Л. А. Винокуровой* (МГУ им. М. В. Ломоносова) «“Псевдоним мой? – Nomen omen!”: к вопросу о самоопределении лирического субъекта поэтических циклов И. Г. Крховского 1980–1990-х гг.» было проанализировано творчество одного из самых известных современных чешских поэтов с точки зрения реализации в нем авторского «я». Субъектная структура, как отметила докладчица, представлена тремя перетекающими друг в друга ипостасями: «реальным автором» (И. Гасек), «авторской маской» (Крховский) и «лирическим субъектом», что усложняет однозначную характеристику каждого в отдельности. В 1980-е гг. эти отношения осложнены иносказательным характером циклов, где выражается отношение автора (Гасека) к Чехословакии эпохи поздней «нормализации». В циклах же 1990-х гг. отношения автора, маски и лирического субъекта определяются экзистенциальной тематикой, а ближе

к рубежу веков лирический субъект осознает себя конструктом своей поэзии. В современной поэзии, как заметила исследовательница, усиливается исповедальность лирики, что позволяет говорить о сближении автора, маски и лирического субъекта. Вопросы к докладчице касались актуальности темы «маски» в чешской литературе 1990-х гг., а также присутствия непосредственно в тексте биографических элементов, которые бы позволили более конкретно судить об авторском «я».

Секцию «Оппозиция свой / чужой» открыл доклад *Д. А. Балаклеец* (БФУ им. И. Канта) «*Genuis loci* Данцига-Гданьска в романах Павла Хюлле “Вайзер Давидек” и Стефана Хвина “Ханеман”: диалог между своим и чужим». Докладчица отметила особую роль Данцига-Гданьска в качестве места пересечения различных культур и города-палимпсеста, где сосуществуют представители разных национальностей. Герои, оказавшиеся в результате исторических процессов на краю общества, преодолевают, однако, свою «инаковость», формируя новую идентичность, отражающую поликультурную сущность города. Балаклеец подчеркнула, что повествование смещается от центра к окраинам, имеет центробежный характер. По мнению исследовательницы, в романах предпринимается попытка преодолеть стереотипы о поляках и немцах: проследить общие аспекты их исторического прошлого и переосмыслить его наследие.

Заключительным в данной секции стал доклад *Л. Р. Кармолиевой* (НИУ ВШЭ) «Проблемы оппозиции «свой – чужой» в пьесе Ренаты Литвиновой “Северный ветер”», где был представлен анализ системы персонажей, которые делятся на «своих» (членов клана во главе с Вечной Алисой и ее родственниками) и «чужих» (пришедших извне), но граница между ними не непроницаемая. Разрушение этой оппозиции, как заметила докладчица, символизирует разложение семьи, дома и является предвестником наступающей смерти. В дискуссии после доклада прозвучал уточняющий терминологический вопрос о типе конфликта в произведении, так как выделенные докладчицей его черты скорее характерны для мотива или эпической ситуации. По мнению Кармолиевой, данную пьесу можно охарактеризовать как метамодернистскую; здесь, однако, обнаружилось расхождение позиции докладчицы и других участников конференции, которые усматривают в произведении черты классического постмодернизма. Это обсуждение определенно будет способствовать дальнейшему исследованию темы докладчицей.

В финальной дискуссии участники вернулись к центральной теме научного мероприятия – отношениям между ключевыми фигурами

процесса порождения текста: реальным автором, образом автора, повествователем, рассказчиком, отдельными персонажами. Было абсолютно очевидно, что данное поле достаточно проблемное, прослеживаются различия в терминологии, методах и подходах исследователей к текстам. Всего в конференции приняло участие 28 докладчиков из различных научных институций и городов: Москвы, Екатеринбурга, Калининграда, Софии. В выступлениях прозвучали результаты анализа текстов писателей – представителей всех современных славянских литератур, включая русскую, а также некоторых неславянских регионов Центральной Европы (в частности, Румынии и Греции). Выступления и дискуссии, таким образом, стали уникальной площадкой для обмена мнениями по наиболее сложным аспектам современного литературоведения.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.31

S. A. Kozhina, N. A. Lunkova

**All-Russian Scientific Conference with International Participation
“The V Khorev’s Readings. Author-Hero-Narrator in Contemporary
Literatures of Central and Southeastern Europe”**

Svetlana A. Kozhina

Junior Research Fellow

Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: lana-0391@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6539-1941

Natalia A. Lunkova

Junior Research Fellow

Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: lunkova_n@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9193-3890

Citation

Kozhina S. A., Lunkova N. A. All-Russian Scientific Conference with International Participation “The V Khorev’s Readings. Author-Hero-Narrator in Contemporary Literatures of Central and Southeastern Europe” // *Slavic Almanac*. 2026. No 1–2. P. 521–532 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.31

Received: 16.02.2026.

УДК 93/94

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.32

М. Ю. Дронов, С. М. Слоистов

**Международная научная конференция
«XVIII Чтения памяти
митрополита Литовского
и Виленского Иосифа (Семашко)»**

Дронов Михаил Юрьевич

Кандидат исторических наук, научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: mikhaildronov@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-3284-4924

Слоистов Сергей Михайлович

Младший научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: s.sloistov@inslav.ru

ORCID: 0000-0002-4591-4223

Цитирование

Дронов М. Ю., Слоистов С. М. Международная научная конференция «XVIII Чтения памяти митрополита Литовского и Виленского Иосифа (Семашко)» // Славянский альманах. 2026. № 1–2. С. 533–538.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.32

Текст поступил в редакцию 27.01.2026.

5–7 декабря 2026 г. в Минской духовной семинарии (МинДС), расположенной в агрогородке Жировичи Слонимского района Гродненской области, состоялись очередные, 18-е по счету, чтения памяти митрополита Литовского и Виленского Иосифа (Семашко; 1798–1868). Организаторами, помимо МинДС, традиционно выступили Синодальная историческая комиссия (СИК) Белорусской православной церкви (Белорусского экзархата РПЦ), Минская духовная академия (МинДА) и Центр евразийских исследований филиала Российского государственного социального университета (РГСУ) в г. Минске.

5 декабря участники конференции встретились на автовокзале г. Минска, откуда организаторы обеспечили для них бесплатный автотранспорт в Жировичи.

Собственно рабочий день конференции начался с литии, отслуженной в храме МинДС по митрополиту Иосифу (Семашко) и его сподвижникам в деле воссоединения грекокатоликов с Православной церковью.

Торжественное открытие конференции состоялось в актовом зале семинарии. Архиепископ Новогрудский и Слонимский Гурий (Апалько) огласил приветственное слово владыки Вениамина (Тупеко), митрополита Минского и Заславского, патриаршего экзарха всея Беларуси. Советник посольства РФ в РБ С. Ю. Афонин зачитал приветствие от Чрезвычайного и полномочного посла Б. В. Грызлова. Участников Чтений тепло поприветствовал ректор МинДС протоиерей Виктор Василевич, который поздравил с днем тезоименитства председателя СИК протоиерея Александра Романчука, как и обычно, взявшего на себя труд по организации Чтений. В своей речи отец ректор также напомнил собравшимся, что история представляемого им учебного заведения насчитывает 240 лет. Тем самым он подчеркнул, насколько к месту именно здесь будут доклады, непосредственно связанные с различными событиями из жизни православия на белорусских землях.

Перед началом пленарных докладов состоялась презентация белорусско-сербских изданий, осуществленных с участием белградского Института политических исследований (ИПИ), в том числе перевода на сербский язык монографии протоиерея А. Романчука о митрополите Иосифе (Семашко). В свою очередь отец Александр передал в жировичский музей ставшее библиографической редкостью трехтомное издание записок митрополита Иосифа (Семашко).

Затем представитель ИПИ Даяна Лазаревич вручила медали международного научного проекта, посвященного известному белорусско-му слависту И. А. Чароте (1952–2024). Совет проекта за вклад в изучение его наследия удостоил памятными наградами: ректора протоиерея В. Василевича, протоиерея А. Романчука и заместителей председателя СИК доцента МинДА А. Д. Гронского и профессора минского филиала РГСУ К. В. Шевченко.

После этого состоялось представление нового труда протодиакона Павла Бубнова «Милосердия бездну отверзи нам. Жировичская чудотворная икона и Жировичская Успенская обитель в 1470–2025 гг.» (Жировичи, 2025). Наряду с разными аспектами истории обители в нем детально изучен процесс захвата имущества монастыря униатами в 1605–1618 гг. Также отдельная глава книги посвящена деятельности в Жировичах базилиан. Описывая роль этого духовного центра в деле воссоединения грекокатоликов с Православной церковью,

автор касается и свидетельств митрополита Иосифа (Семашко), который отводил Жировичам особое место в своих планах. Другой знаковой личностью, которую не мог обойти исследователь, был епископ Тихон (Шарапов; 1886–1937). Возглавив в 1922 г. братию монастыря, в то время еще архимандрит Тихон проявил мужество в отстаивании прав верующих, дискриминируемых польскими властями.

Первый научный доклад, «Православные Балканы и униатские вызовы: исторический контекст», сделал *Зоран Милошевич* (ИПИ). *О. Р. Айрапетов* (МГУ им. М. В. Ломоносова) выступил с сообщением «1863 год: мятежники и крестьянство в малороссийских и белорусских губерниях». *Ф. А. Гайда* (МГУ им. М. В. Ломоносова) сделал доклад «Власть и общественность Российской империи о перспективах развития западных губерний в контексте этноконфессиональных отношений XX в.». В заключение пленарного заседания прозвучало выступление *В. И. Петрушко* (Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, г. Москва) «Униатская церковь и советская власть на Западной Украине: 1944–1946 гг. В преддверии ликвидации унии».

Во время перерыва участники конференции смогли ознакомиться с большой фотовыставкой, приуроченной к 90-летию со дня рождения первого патриаршего экзарха всея Беларуси, митрополита Минского и Слуцкого Филарета (Вахромеева; 1935–2021).

После обеда работа Чтений продолжилась в двух секциях: «Православие в истории белорусских земель» и «Православие в истории России и славянских народов».

Модераторами первой секции выступили протоиерей Павел Бубнов и протоиерей Александр Романчук. *О. Б. Неменский* (ИСл РАН) сделал доклад «Модели межконфессиональных отношений в ранней Речи Посполитой». *Протоиерей А. Романчук* выступил с темой «Митрополит Иосиф (Семашко) и виленские генерал-губернаторы: причины проблемы взаимоотношений». *А. А. Адылов* (Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград) посвятил свой доклад священнику Витебской епархии Митрофану Викторовичу Блажевичу (1869–1941). Председатель коллегии по религиозному образованию Калининградской митрополии *иерей Вадим Трусов* проанализировал конфессиональную специфику белорусов Северо-Западного края Российской империи по переписи населения 1897 г. *А. А. Киселев* (Белорусский государственный экономический университет, г. Минск) представил доклад «Митрополит Литовский и Виленский Иосиф Семашко и секретный циркуляр от 2 февраля 1855 г.».

Зав. кафедрой политологии того же вуза *О. Г. Казак* озглавил свое выступление: «“В целях сохранения социального равновесия этноконфессиональный дисбаланс необходимо преодолеть”»: конфликт между католиками и православными г. Лиды в 1990-е гг.». Независимый исследователь *А. Н. Свирид* (г. Брест) осветил культурный вектор восточной политики Ватикана на белорусских землях в 1921–1941 гг. В свою очередь *В. В. Сушко* (Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина) выступила с обзором «Церковь и государство в Республике Беларусь: актуальные формы взаимодействия».

Работу второй секции (модератор — А. Д. Гронский) открыл доклад сербской коллеги *Д. Лазаревич* «Присутствие митрополита Иосифа (Семашко) в научном пространстве южных славян». *А. Ю. Полунов* (МГУ им. М. В. Ломоносова) сделал презентацию «Политика России в Прибалтике и белорусских губерниях (1880-е – начало 90-х гг.): концептуальные основы и идеологические средства продвижения». *К. А. Кочегаров* (ИСл РАН) выступил с темой «Контакты Кутеинских мужского и женского монастырей с Россией во второй половине XVII – начале XVIII в.». *А. А. Комзолова* (Институт научной информации по общественным наукам РАН, г. Москва) представила доклад «Религиозный элемент литовского национального движения в оценках российских властей начала XX в.». *М. Ю. Дронов* (ИСл РАН) осветил тему «Архимандрит (будущий архиепископ) Никанор (Бровкович) на посту ректора Саратовской духовной семинарии (1858–1864)», отдельно остановившись на собственных предках, учившихся в духовных школах Саратовской епархии в годы служения в регионе о. Никанора. *С. М. Слоистов* (ИСл РАН) сделал доклад «Священномученик Иоанн Рижский и проблематика церковных нестроений в Польше и Литве». Последним в секции прозвучало выступление *К. В. Шевченко* (филиал РГСУ в г. Минске) «Этноконфессиональная политика Австро-Венгрии в Боснии во второй половине XIX в.».

После окончания научной программы для участников Чтений была проведена экскурсия по открытому 28 августа 2025 г. музею монастыря. Новый музей расположен в отреставрированном здании, построенном на переломе XVIII–XIX вв. и являвшемся местом проживания православных архиереев. В 2018 г. дом спасли от сноса, и теперь в нем располагается полноценная экспозиция – восемь тематических залов в надземной части, подвальное помещение (размещение основных экспонатов пока не завершено), отдельное выставочное пространство на придомовой территории.

При проектировании экспозиции в музее были применены классические подходы. 1) В залах «История архиерейского дома» (№ 1),

«История Православия на белорусских землях» (№ 2), «Явление Жировичской иконы Божией Матери и основание монастыря» (№ 3), «История Жировичского монастыря в XX веке» (№ 7) использован иллюстративно-тематический метод с упором на коллекционный материал (например, в зале № 1 – крепежные изделия, аптечная посуда; в зале № 2 – фибулы и нательные кресты X–XIII вв., богослужебные книги; в зале № 3 – оригинальные и факсимильные издания духовной литературы XVI–XIX вв., бронзовые кресты, иконы, складни XVII–XIX вв., фрагменты керамики XVI – начала XX в., в зале № 7 – памятные медали, значки, пригласительные билеты и т. п. из собрания личных вещей митрополита Филарета (Вахромеева)), который удачно дополняет распечатанные плакаты с текстами и изображениями. 2) В зале «Духовное возрождение XIX века» (№ 6), взяв за основу также иллюстративно-тематический метод, авторы применили расположение предметов согласно ансамблевой композиции, которая служит погружению посетителей в атмосферу быта эпохи митрополита Иосифа (Семашко) и его сподвижников. 3) Зал «Жировичский монастырь в XVII – начале XIX века» (№ 5) построен по схожим принципам, в нем иллюстративный материал в виде коллекций (например, в одной витрине систематизированные по времени и месту монеты соответствующего периода, в других – иконы, копии документов и пр.) отчасти дополнен определенной бытовой стилизацией (однако, в отличие от зала № 6, преимущественно в виде мебели, несколько предметов которой расставлены вдоль стен, как видно, без стремления к полноценной бытовой композиции). 4) Залы «Монашеская келья и часовня в честь святого праведного Филарета Милостивого» (№ 4) и «Трапезная архиерейского дома» (№ 8) спроектированы как ансамблевые экспозиции. Если восьмой зал – это типичная бытовая зарисовка со столом, самоваром, чайными приборами, буфетом, стилизованной печью с плитой и кухонной утварью, то в четвертом зале посетитель может увидеть по-своему уникальное сочетание реконструкции условной монашеской кельи с действующей часовней. 5) Находящийся на улице под навесом традиционный сельскохозяйственный инвентарь представлен скорее как иллюстрация к рассказу о том, что жизнь в монастыре – это не только молитва, но и порой тяжелый физический труд. В центре данной экспозиции – большой макет монастыря, наглядно демонстрирующий, что обитель – это единый комплекс храмов и хозяйственных построек.

Отметим неподдельный интерес к данному музею со стороны участвовавших в Чтениях профессиональных историков, которые выразили слова благодарности за организованную экскурсию прото-диакона Георгию Пшенко и другим сотрудникам-краеведам.

Вечером желающие могли посетить всенощное бдение. 7 декабря после литургии и прощального завтрака гости МинДС коллективно отбыли в Минск.

Чтения в очередной раз продемонстрировали продуктивность избранного организаторами подхода, при котором состав участников фактически образуется преимущественно из исследователей из обеих частей Союзного государства. С этой точки зрения особенную ценность представляли поднятые в докладах российских исследователей темы, напрямую связанные с историей православия на белорусских землях, в том числе основанные на уникальных материалах из отечественных архивов (например, выступления А. А. Адылова, К. А. Кочегарова, О. Б. Неменского и др.). Совместное обсуждение подобных вопросов имеет большой потенциал для изучения церковной истории Белоруссии.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.32

М. Ю. Дронов, С. М. Слоистов

International Scientific Conference “XVIII Readings in Memory of Metropolitan Joseph of Lithuania and Vilna (Semashko)”

Mikhail Yu. Dronov

Candidate of History, research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: mikhaildronov@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-3284-4924

Sergei M. Sloistov

Junior Research Fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: s.sloistov@inslav.ru

ORCID: 0000-0002-4591-4223

Citation

Dronov M. Yu., Sloistov S. M. International Scientific Conference “XVIII Readings in Memory of Metropolitan Joseph of Lithuania and Vilna (Semashko)” // *Slavic Almanac*. 2026. No 1–2. P. 533–538 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.32

Received: 27.01.2026.

XLII Всероссийское диалектологическое совещание «Лексический атлас русских народных говоров – 2026»

Шалаева Татьяна Владимировна
Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: koulkuk@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9836-0105

Цитирование

Шалаева Т. В. XLII Всероссийское диалектологическое совещание «Лексический атлас русских народных говоров – 2026» // Славянский альманах. 2026. № 1–2. С. 5369–542. DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.33

Текст поступил в редакцию 01.02.2026.

26–27 января 2026 г. в Санкт-Петербургском отделении РАН прошло ежегодное Всероссийское диалектологическое совещание «Лексический атлас русских народных говоров – 2026». Оно было посвящено разнообразным аспектам русской диалектологии, хотя основное внимание закономерно уделялось вопросам, связанным с подготовкой атласа (ЛАРНГ), над которым ведут работу сотрудники Института славяноведения РАН, Института лингвистических исследований РАН и ведущих российских вузов. В своем приветственном слове академик РАН *Н. Н. Казанский* указал, что ЛАРНГ является частью общеевропейской лингвогеографической практики, и дал высокую оценку этому проекту.

Нынешнее совещание было посвящено столетию со дня рождения основателя ЛАРНГ, доктора филологических наук *И. А. Попова* (1926–2000). Основное внимание на пленарном заседании было уделено этой памятной дате. С воспоминаниями о выдающемся ученом и прекрасном человеке выступили *С. А. Мызников* (Санкт-Петербург) «Деятельность *А. И. Попова* и *А. С. Герда* на начальных этапах работы над ЛАРНГ», *О. И. Жмурко* (Иваново) «*И. А. Попов* в Ивановском государственном университете», *Л. А. Климкова* (Арзамас) «О начале работы над проектом ЛАРНГ», *Н. С. Ганцовская* и *Г. Д. Неганова*

(Кострома) «Памяти И. А. Попова: по следам Программы ЛАРНГ (Краткий костромской областной словарь)», *Г. М. Курбаргалеева* (Уфа) «О значении личности в науке: памяти И. А. Попова», *Л. Я. Костючук* (Псков) «Об И. А. Попове».

Основные итоги работы над ЛАРНГ были изложены далее в докладах *Т. И. Вендиной* (Москва) «Диалектная дифференциация русского языка: лексический уровень» и *С. А. Мызникова* и *М. Д. Корольковой* (Санкт-Петербург) «О ходе работы над проектом ЛАРНГ».

Вопросы лексических явлений общерусского масштаба были затронуты в выступлениях *В. М. Мокиенко* (Санкт-Петербург) «Характеристика снега в зеркале русской компаративной фразеологии», *Е. В. Тишиной* (Москва) «Диалектная лексика лунного цикла в лингвомифологическом контексте», *Н. А. Пиуновой* (Екатеринбург) «Русская диалектная лексика, образованная на основе сочетания *без имени*», *Е. В. Колосько* (Санкт-Петербург) «К вопросу о закономерностях формирования лексического состава устойчивых диалектных словосочетаний с компонентом *чёрт*», *О. В. Глебовой* (Санкт-Петербург) «Карта ЛАРНГ СМ 497 “Употребляется ли и в каких значениях слово *лиман*?”».

Исследованию лексических особенностей конкретных диалектов были посвящены сообщения *Т. Е. Баженовой* (Самара) «Наименования метели, поземки, бурана в говорах Среднего Поволжья и Приуралья», *В. А. Марголиной* (Санкт-Петербург) «Лексика названий вечернего времени в севернорусских говорах (мотивационный анализ)», *Е. В. Кузнецовой* (Волгоград) «Соматическая лексика говоров Волгоградской области», *Н. Ю. Грибовской* (Тверь) «Соматизмы в характеристике человека (на материале говоров Тверской области)», *Ю. В. Каменской* и *А. И. Бурановой* (Саратов) «Вербализация темы здоровья и лечения в диалектном дискурсе», *Н. В. Большаковой* (Псков) «Восточное Псковско-Чудское Поозерье в экспедиции 2025 г.», *И. Б. Качинской* (Москва) «Этнолингвистический словарь Кенозерья: пробные словарные статьи. *Болото*», *Е. А. Ждановой* (Ижевск) «Диалектная лексика в говорах Киясовского района Удмуртии», *О. В. Васильевой* (Санкт-Петербург) «Номинации детей в псковских говорах», *Е. Б. Мироновой* (Астрахань) «Системная организация ландшафтной лексики в говорах Астраханской области», *А. В. Приобращенского* (Петрозаводск) «Диалектная лексика села Кереть Лоухского района Карелии в документах регионального архива», *Н. А. Красовской* (Тула) «Диалектно-просторечные компоненты в речи современных жителей д. Кураково Белевского района Тульской области», *А. Б. Коконовой* (Москва) «Общерусское слово *судьба* в архангельских говорах», *И. Ю. Шишловой* и *Д. С. Байдалы*

(Иваново) «Названия заколок для волос в говорах Ивановской области», *Д. Н. Гальцовой* (Воронеж) «Наименования нежилых помещений, входящих в состав крестьянской постройки для постоянного проживания (на материале воронежских говоров)».

Отражение традиционной народной культуры в диалектной лексике стало темой выступлений *Е. Б. Кузьминой* (Санкт-Петербург) «Наименования “заветных” праздников в русских народных говорах», *И. М. Филатовой* (Волгоград) «Лексико-тематическая макрогруппа “Традиционная культура” в чирской группе донских говоров (социолингвистический аспект)», *М. В. Пановой* (Воронеж) «Лексика свадебного обряда (на материале говоров сел Эртильского и Бобровского районов Воронежской области)», *К. В. Буянова* (Санкт-Петербург) «Лексика похоронного обряда в говорах Псковской области».

Этимологическим исследованиям посвятили свои сообщения *Т. В. Шалаева* (Москва) «Фонетическая вариантность лексики в этимологии и лингвогеографии» и *Н. В. Шевченко* (Санкт-Петербург) «Медведь и ком (из истории наименований медведя в русских народных говорах)». Проблемам ономастики – *В. Л. Васильев* (Великий Новгород) «О происхождении названия реки Волхов», *М. В. Флягина* (Ростов-на-Дону) «Образы пространства в гидронимии Дона», *Е. В. Цветкова* (Кострома) «Географические термины в костромской микропонимии (*грива, гривка*)», *С. А. Попов* (Воронеж) «От “Гнилуши” и “Гирлов” – до “Лозового” и “Родины Героя”: ребрендинг территории как форма государственного пиара (1920–1960-е гг.)».

Функционирование диалектизмов в фольклорных текстах было рассмотрено в докладах *Л. А. Климковой* (Арзамас) «Былички в фольклоре Нижегородского края: лексический аспект» и *Е. Г. Веселовой* (Кострома) «К вопросу о дополнительных источниках ЛАРНГ (на материале диалектной кологривской лексики текстов фольклорного характера Е. Честнякова)».

Лексикографического представления диалектной лексики касались в своих сообщениях *В. Б. Колосова* (Санкт-Петербург) «Проект электронного фитонимического словаря тамбовских говоров», *В. В. Шаповал* (Москва) «Ошибки прочтения и искусственный интеллект», *М. В. Боброва* (Санкт-Петербург) «О проприальной лексике в диалектных словарях».

Вопросы грамматики анализировали *В. А. Закревская* (Тюмень) «Употребление инфинитива глаголов совершенного вида в диалектной речи (на материале архангельских говоров)», *Д. А. Анненкова* (Москва) «Предлог *от* в архангельских говорах», *С. С. Токарева*

(Воронеж) «Собирательные имена существительные в воронежских говорах в структурном, семантическом и функциональном аспектах».

Сопоставление русских диалектов со славянскими и неславянскими языками стало темой докладов Ю. Ф. Черногор (Смоленск) «Особенности консонантизма севернорусских говоров и британского произносительного стандарта» и М. М. Кондратенко (Санкт-Петербург) «Из лексико-семантических взаимосвязей севернорусских говоров с другими славянскими говорами (на материале темпоральной лексики)».

Отдельные сообщения были посвящены диалектному словообразованию – Л. Н. Новикова (Тверь) «Деривационное поле лексики с производящей корневой морфемой *-вод-* в тверских говорах»; социолингвистическим вопросам – Е. Н. Ильина (Вологда) и Е. С. Лунькова (Смоленск) «Речь Севера и Юга Европейской части России в наивном восприятии»; диалектологическим источникам – В. И. Супрун (Волгоград) «Три источника и три составные части диалектологического исследования».

В общей сложности в совещании приняли участие диалектологи из 21 города России, представляющие 25 академических и образовательных учреждений. Тексты докладов будут опубликованы в ежегодном сборнике «Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования)» под редакцией С. А. Мызникова.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.33

T. V. Shalaeva

**XLII All-Russian Dialectological Meeting
“Lexical Atlas of the Russian Folk Dialects – 2026”**

Tatyana V. Shalaeva

Candidate of Letters, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: koulkuk@gmail.com

ORCID: 0000-0002-9836-0105

Citation

Shalaeva T. V. XLII All-Russian Dialectological Meeting “Lexical Atlas of the Russian Folk Dialects – 2026” // *Slavic Almanac*. 2026. № 1–2. P. 539–542 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.33

Received: 01.02.2026.

Научное издание

Славянский альманах

1-2 2026

Издательство «Индрик»

Правила представления рукописи
доступны по электронному адресу:
<https://slavicalmanac.ru/index.php/slavicalmanac/authors>

По вопросу приобретения книг издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
+7 977 905-58-01
market@indrik.ru
www.indrik.ru

This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
www.indrik.ru

Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.
35,0 п. л. Тираж 500 экз.

